

Анна Шнайдер

Недостойная

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Грааге сегодня было особенно снежно. Казалось бы, ничего удивительного, ведь всего через две недели — праздник перемены года, но в последнее время природа не была щедра с нами на снег. Хорошо, что сегодня она смилостивилась и решила присыпать столичные улицы свежей белой пудрой, отчего они стали похожи на вкусный пряничный торт.

В такую погоду мне было немного легче идти по Старой Грааге — району, где проживали самые богатые и значимые люди города. В снегопад всегда легче дышится. И это была пусть небольшая, но поддержка от окружающего мира. Словно он понимал, куда именно я иду, и желал подарить хотя бы частичку покоя.

Дом семь по Дворцовой набережной я нашла легко и быстро. В конце концов, мало кто из жителей города не знал, где живёт архимагистр Бертран Арманиус, и я уж точно не относилась к этим счастливым. За семь лет учёбы в Высшем магическом университете Грааги и почти трёх лет аспирантуры там же я хорошо изучила Дворцовую набережную. Здесь же, только чуть дальше, находился и сам университет, и Императорский госпиталь, где я теперь стажировалась, выбрав своей специальностью магическую медицину. Поэтому мимо дома архимагистра и по совместительству ректора нашего университета я ходила частенько. Дом этот был высок и мрачен — длинные узкие окна, тёмный камень, увитый шипастым плющом, и крыша, выложенная зелёной черепицей. По сравнению с остальными зданиями этот особняк казался настоящей белой вороной. Хотя скорее чёрной.

Речка Тудаага — меня всегда смешило это название — протекавшая вдоль Дворцовой набережной, сегодня наконец покрылась лёгкой корочкой льда, и некоторое время я стояла возле резных перил, вглядываясь в узоры на воде, в кружащиеся в воздухе снежинки, в громаду императорского дворца на той стороне реки, чуть правее от меня.

Идти к архимагистру очень не хотелось, и если бы не личная просьба архимага Брайона Валлиуса, я бы и не пошла. Но я была слишком обязана Валлиусу, и не имела никакого права на отказ, тем более, что связан он был исключительно с малодушием. О чём архимаг, конечно, даже не догадывался.

Я почувствовала, что у меня начали замерзать пятки, и повернулась лицом к злополучному дому Арманиуса. Выдохнула. Ну же, Эн... Ты же сильная девочка. Ты сможешь.

В глазах зашипало, и я упрямо сжала зубы. Забавно, что человека может одновременно переполнять столько противоречивых чувств. И злость, граничащая с ненавистью, и восхищение, и безумная надежда, и трепетная нежность, порой опалявшая мою душу сильнее любой ненависти.

Снег отчаянно хрустел, когда я упрямо шагала к дому архимагистра. Поднялась по лестнице к входной двери и позвонила в звонок.

Молчание. Десять секунд, двадцать... почти минута. Где он там?

Наконец передо мной появилась слабая дымка ответных чар.

— Вы кто? — раздался сухой голос ректора. В дымке блеснули его недовольные глаза.

— Меня зовут Эн Рин, архимагистр. Я медсестра Императорского госпиталя. — Ни к чему ему знать, что я не просто медсестра. — Меня прислал к вам архимаг Брайон Валлиус, главный врач...

— Я в курсе, кто такой Валлиус, девочка, — в голосе прорезалось раздражение. — Ладно, заходи. Поднимайся сразу на второй этаж. И тапочки не забудь надеть.

Я кивнула, но вряд ли он увидел — дымка развеялась, и дверь распахнулась.

В прихожей оказалось темно и тихо, и я чуть не упала, запнувшись о ковёр. Зашипела, едва не выронив рабочую сумку с медикаментами, протянула ладонь и создала на ней маленький шарик света, который сразу взмыл под потолок, тускло освещая пространство

вокруг меня.

Полукруглое помещение в тёмных тонах, ковёр с густым ворсом — кажется, бордовый, — шкафы по стенам, а впереди — широкая лестница на второй этаж, тоже покрытая ковром. Я подняла голову выше и чуть вздрогнула, увидев на самом верху лестницы инвалидную коляску с сидящим на ней хозяином дома.

— Забавно, — процедил до боли знакомый голос с не менее знакомой мне ехидцей, — и вот этот тусклый шарик истинного света — всё, на что способна протеежка Брайона? Старик совсем из ума выжил.

Я набрала воздуха в грудь. Спокойно, Эн, спокойно. Ничего нового... не нужно так нервничать.

— Я могу показать вам документы, подтверждающие мою квалификацию, архимагистр. Если они вас не устроят — вы вольны попросить архимага Валлиуса прислать вам другую медсестру.

— Непременно попрошу, — хмыкнул Арманиус. — Поднимайся давай. Одежду в шкаф повесь, потом тапочки надень, и поднимайся. Жду тебя в библиотеке. Это правда. Надеюсь, право и лево ты не путаешь.

Разумеется, я не стала отвечать. Оставила пальто в шкафу, нацепила тапочки, что стояли здесь же, неподалеку от входа, и идеально подходили мне по размеру, и поспешила наверх.

Библиотека тоже была полукруглой, как и прихожая. Только здесь оказалось светло. В узкие высокие окна лился мягкий свет, за стеклом кружились снежинки, и это зрелище наполнило бы меня умиротворением, если бы не презрительная усмешка хозяина дома.

— Ну, как там тебя? Показывай свои документы.

Я кивнула, подошла ближе, положила сумку на стол перед архимагистром и открыла её. Достала свидетельство о медицинской квалификации из переднего кармана и протянула его Арманиусу.

Пока он вглядывался в бумажку, не имевшую для меня ровным счётом никакого значения и выписанную главным врачом госпиталя не далее как вчера, я рассматривала библиотеку. Узкие шкафы из светлого дерева, по форме напоминающие окна, были заполнены книгами так, что буквально ломались. И столько знакомых сокровищ, читанных и перечитанных множество раз...

— Значит, Эн Рин, медсестра высшей магической медицинской категории. — Уважения в голосе, конечно, не прибавилось. — И какой у тебя стаж, девочка?

— Три года.

— Высшая магическая категория за три года? — Арманиус насмешливо поднял брови. — И как же ты умудрилась её... хм... заслужить?

Я чуть улыбнулась. О, он бы не поверил.

— Я очень старалась, архимагистр. Так я вас устраиваю или вы попросите архимага Валлиуса прислать другого человека?

Меня смерили полным скептицизмом взглядом с головы до ног.

— Ладно, давай попробуем. Валлиус никогда не был дураком, может, что и выйдет из его затеи... Меня сильно потрепало, девочка. Видишь?

— Вижу. Но я бы хотела посмотреть получше. Для этого мне необходимо, чтобы вы из коляски переместились на диван.

Диван в библиотеке был, и вполне подходящий. Но Арманиус от этой идеи в восторг не пришёл.

— Так необходимо меня укладывать в горизонтальное положение?

— Да. И вам нужно будет раздеться.

— Что?

— Раздеться. До нижнего белья.

— Девочка, — голос просто сочился ядом, — на мне кроме халата ничего нет.

— Значит, снимете халат и ляжете так, голым. — Я начала терять терпение. — Шевелитесь, архимагистр, у меня кроме вас ещё больные есть.

Чистейшая правда, между прочим.

— Ты с кем разговариваешь? — теперь в голосе вообще не было ничего, кроме яда, но и у меня терпение закончилось.

— С пациентом! — почти прорычала я. — Снимайте халат, ложитесь на диван лицом вниз. Молчать и дышать размеренно, ровно. Пока не разрешу, не двигаться.

Арманиус поджал губы. И так тонкие, они превратились совсем в ниточку, а карие глаза опасно прищурились.

— Ладно.

Больше он ничего не сказал, но я поняла: ректор ещё припомнит мне это унижение.

Архимагистр привстал с коляски, на дрожащих по-старчески ногах переместился к дивану, сел на него, скинул халат и лёг так, как я попросила.

Я подошла ближе, стараясь не обращать внимания на голые ягодицы мужчины, которого боготворила с восьми лет. О чём не знал никто, даже он сам.

Положила ладони на лопатки, провела ими вдоль спины, считывая повреждения магического контура. Да... потрепало его знатно. Контур сейчас напоминал переломанный позвоночник — все энергетические точки разбросаны, сила хаотична. Архимаг Валлиус просил помочь ректору восстановиться... просил именно меня, потому что именно я разрабатывала последние три года методику восстановления магических сил в условиях сломанного энергетического контура. Прежде считалось, что это невозможно.

— Расскажите мне, что случилось.

— Это так необходимо? — огрызнулся архимагистр. Защитница, даже если сложить вредность всех моих пациентов, окажется, что Арманиус им даст сто очков вперёд.

— Да, необходимо. Мне нужно знать, чтобы понимать, с чем придётся работать.

Кажется, я услышала скрип зубов.

— Из Геенны несколько дней назад попёрли совершенно жуткие твари. Сплошняком из огня. И ничего их не брало... Пятнадцать архимагов погибли! Мои ученики, лучшие из лучших.

Я вновь провела ладонью по спине ректора.

— Почему же не погибли вы?

— Потому что я архимагистр, — огрызнулся Арманиус. — Я в огне не горю. Эти твари объединились и попытались сжечь меня, как сожгли остальных.

— Что же вы сделали?

— Сам стал огнём. Огонь, сжигающий огонь... Не думал, что это возможно, но это была моя последняя надежда. Если бы я догадался чуть раньше...

— Вы не виноваты.

— Не тебе об этом судить, — прохрипел архимагистр. — Делай свою работу, девчонка.

— Вы очень вежливы, — улыбнулась я, отняла руку от его спины и запустила её в сумку. — Вам нужно давать уроки этикета. Урок первый предлагаю назвать так... — Я достала один из шприцов, сняла колпачок и, размахнувшись, воткнула иглу в энергетическую точку возле копчика. — ...Не стоит хамить людям, которые делают вам укол.

Арманиус взревел от боли, но двигаться он сейчас не мог — в растворе был состав для обездвиживания. Жаль, для немоты там ничего не имелось.

— Ты что делаешь, с-с-с...

— Тихо, тихо. — Я ввела препарат полностью и выдернула иглу. — Я ещё не закончила. На сегодня остались всего четыре укола, потерпите, архимагистр.

Два — над лопатками, и два — в шею. Каждый раз Арманиус хрипел всё тише, и это было объяснимо — я прекрасно знала, что боль, которую он испытывал, должна быть очень сильной, и сил на шипение становилось всё меньше и меньше с каждым уколом. Но увы — без боли раздробленный магический контур никак не исправить.

— Всё, — закончив, я встала и, не удержавшись, похлопала ректора по обнажённой ягодице. — Пока лежите, через полчаса сможете встать. Я приду завтра в то же время, продолжим.

— С-с-с...

— Не стоит благодарности.

Двигаться архимагистр Бертран Арманиус действительно смог только через полчаса. Проклятая медсестричка... И что она ему вколола? Боль была такая, словно он только что выбрался из пламени демона Геенны.

Арманиус надел халат, пересел в кресло и прислушался к себе. Нет, легче не стало, контур по-прежнему был раздроблен и собирать силу не получалось.

Настойчиво завибрировал браслет связи на запястье. Бертран покосился на сферический экран и поморщился — Брайон Валлиус, демоны раздери его медицинскую душу.

— Да.

— Ты жив, Берт?

— Ты издеваешься? — Арманиус не сказал — почти плюнул. — Ты кого ко мне прислал, Йон?!

Главный врач Императорского госпиталя поморщился.

— Умерь свой поганый характер, Берт. Эн тебе поможет.

— Неужели? Тогда объясни мне, какого демона у этой девчонки высшая магическая медицинская категория после трёх лет стажа?

— Знаешь, — архимаг Валлиус почему-то развеселился, — я всегда тебе говорил, и повторю ещё раз — ты прекрасный охранитель, Берт Арманиус, ты отличный боевой маг, но демонски плохой ректор.

И, прежде чем собеседник успел придумать очередной ехидный ответ, Валлиус прервал связь.

Когда я вышла из дома архимагистра Арманиуса, меня слегка потряхивало. Действительно, забавно устроен человек — может одновременно столько всего ощущать! Я и злилась, и негодовала, и... Впрочем, не надо об этом думать.

Отряхнув снежинки с плеча, я улыбнулась прояснившемуся небу. Ничего, Эн, ты всё выдержишь. Как и всегда.

Перехватив рабочую сумку поудобнее, я быстро пошла вдоль по набережной, стараясь побыстрее оставить позади дом архимагистра, в который мне всё равно предстоит вернуться завтра, как бы сильно я ни желала этого избежать. Впереди меня ждали другие больные, моя лаборатория, и, конечно...

... Браслет связи на запястье завибрировал. Да, архимаг Брайон Валлиус меня, несомненно, тоже ждал.

— Энни? Как ты?

Голубые глаза наставника смотрели тревожно.

— Вы волновались? — я широко улыбнулась. — Ну что вы. Арманиус сейчас безобиднее котёнка.

— Котёнка с очень острым языком.

Я улыбнулась шире.

— Скажи мне, Энни... Есть у Берта шанс выкарабкаться из этого демонского дер... из этих демонских проблем?

— Я постараюсь, Брайон. Сделаю всё возможное.

— Я сегодня говорил с его высочеством. Он сказал, если ты вытащишь Арманиуса, тебя представят к ордену Золотого орла... вновь.

Я закатила глаза.

— Лучше повысьте мне зарплату.

— Энни, — наставник засмеялся, — ты всегда была нахалкой. Сейчас в госпиталь?

— Да. Я зайду, как закончу работу.

Валлиус кивнул и отключился, а я прибавила шагу.

Орден Золотого орла... Забавно, что его высочество Арчибальд решил пожаловать мне эту награду во второй раз. Хотя однажды он ведь уже сделал исключение. Золотой орёл — орден, предназначенный исключительно для аристократов, к коим я не относилась, как было понятно из моего имени. У аристократии имя и фамилия могут начинаться только на А, Б или В (у королевской семьи — лишь на А), с приставкой «ус» в конце фамилии. Остальные буквы — для людей попроще. У самых простых, практически безродных, как у меня, имя и фамилия должны состоять не более чем из пяти букв, и не начинаться на А, Б или В.

«Вы слышали, что Эн Рин получила орден Золотого орла?!» — шумел университет тогда, три года назад.

«Да не может быть!»

«Она же безродная!»

«Она недостойна!»

Я лишь улыбалась. Недостойная... это слово эхом звучало у меня в ушах всё время обучения.

Но его высочеству Арчибальду было плевать на количество букв в моём свидетельстве о рождении. Он во многом был страшный формалист, но только не в вопросах чистоты крови и аристократизма. И именно ему — и архимагу Валлиусу — я была обязана тем, что мне разрешили иметь в Императорском госпитале собственную лабораторию.

Конечно, это не могло не породить слухов определённого толка, но я слишком редко видела его высочество, чтобы они поддерживались.

И вот — опять этот орден. Надо будет добиться аудиенции и попросить Арчибальда не

вешать мне на шею ненужную награду во второй раз. Три года назад это было делом принципа, да и я, по правде говоря, мечтала, что обо мне услышит архимагистр Арманиус. Услышит, придёт на награждение... И ужасно расстроилась, когда он не пришёл.

Теперь, спустя три года, я стала гораздо умнее, и уже не ждала от ректора ничего хорошего.

Я навсегда останусь для него недостойной.

Тепло поздоровавшись с охранниками, я поспешила по заснеженной дорожке к боковому входу. Так было удобнее добираться до маленького закутка на втором этаже, где находилась моя лаборатория.

Каждую секунду кивая коллегам, я взбежала по лестнице, коснулась ладонью замка — дверь сразу распахнулась, впуская меня в помещение, пахнущее дикой смесью разнообразных трав и книжной пыли.

Чихнув, я повесила пальто на вешалку, скрутила волосы в тугий узел на затылке, нацепила белый халат со сверкающей надписью «Эн Рин, старший стажёр», переобулась и поспешила на утренний обход своих пациентов. Они привыкли, что я наведываюсь к ним ещё до завтрака, а сейчас было уже около одиннадцати утра — непорядок.

Терапевтическое отделение, к которому я была прикреплена, всегда заполнено под завязку, но моих пациентов там сейчас всего шестеро. Все маги с повреждениями энергетического контура разной степени тяжести.

Поначалу, когда я занялась этой темой, однокурсники смеялись — мол, Эн, ты сошла с ума, не с твоими способностями! Ведь у меня самой энергетический контур настолько слаб, что я практически не могу творить магию. А тут вдруг — восстанавливать чужую.

И только архимаг Валлиус, выслушав захлёбывающуюся от волнения третьекурсницу — именно тогда в университете выбирают специальность — кивнул и сказал:

— Хорошо.

Я помню, как застыла, ощущая лишь, как колотится сердце.

— Хорошо?..

— Да, Эн. Очень хорошо.

Гораздо позже я поняла, что наставник ни на что особо не рассчитывал — просто он знал, что желание совершить одно открытие иногда приводит к другому. И оказался прав. На своём пути я совершила много важных для магической медицины открытий. И до сих пор работала над тем, что нравилось мне больше всего.

Каждый случай был уникален. И не существовало одного решения на всех. Приходилось экспериментировать, подбирать методики, препараты и схемы лечения. Кто-то восстанавливался за пару-тройку недель, на кого-то я тратила полгода — прогнозировать было тяжело. Но я билась до конца и побеждала.

Вылечу и архимагистра Арманиуса. Вылечила же я его высочество Арчибальда?

Обход и все процедуры я закончила только к обеду. Есть уже хотелось зверски, и я спустилась на первый этаж, в столовую для врачей.

— Эн! — увидев меня, приветливо помахала рукой сидящая за одним из столиков Ло Нор — старшая медсестра хирургического отделения и моя близкая подруга. Уровень дара у Ло чуть лучше моего, но в университет она даже не совалась — после окончания школы пошла в медицинское училище при госпитале.

Я кивнула, набрала на поднос еды — обед для работников госпиталя был бесплатным — и опустилась на стул напротив Ло.

— Как там наш великий и ужасный? — подруга заиграла густыми чёрными бровями.

Волосы Ло высветляла до белизны, а вот брови оставляла родными. Почему-то ей нравилось делать со своей внешностью именно так.

— Арманиус-то? — я откусила большой кусок хлеба и с энтузиазмом засунула ложку в суп. — Ношмаша, — произнесла с набитым ртом.

— А?

— Нормально, — ответила я ещё раз, проглотив хлеб. Правда, тут же зачавкала супом. — Жить будет. А что, все уже в курсе, куда и к кому меня отправил Валлиус?

— Разумеется, — хихикнула Ло. — Ты же знаешь, у его секретарши язык без костей.

— И голова без мозгов...

— Точно. Так что сегодня все делали ставки, вышвырнет он тебя сразу или потерпит несколько дней.

— О, — я развеселилась. — И как?

— Пока народ считает, что потерпит. Даже странно с учётом характера Арманиуса.

— Они просто учитывают протекцию главного врача, — я поморщилась. — Честно говоря, я тоже пока склоняюсь к мысли, что через пару дней он меня выгонит. Как раз массаж начнём...

Ло, знающая, что массаж — неотъемлемая часть терапии, вновь захихикала.

— Байрон, кстати, поставил на то, что ты продержишься до конца курса и вообще вылечишь Арманиуса.

Это было настолько удивительно, что я поперхнулась супом.

Байрон Асириус — мо заклятый враг ещё с университета. Аристократ до последней капельки крови, он в принципе терпеть не мог безродных выскочек, а я была самой выдающейся выскочкой из всех. Во время учёбы я столько всего натерпелась из-за него! Впрочем, три года назад, когда мы оба стали сотрудниками госпиталя — только Байрон пошёл в магическую хирургию — он несколько поутих. Недолголюбивал меня по-прежнему, но хоть козней не строил.

— Надо же. Может, он заболел?

— Да нет, здоров. Просто Байрон — один из немногих, кто знает тебе цену, Эн. Он тебя очень не любит, но не может не признавать твоих заслуг.

— Что ж, хорошо, если так. Он, конечно, первостатейная сволочь, но маг и хирург прекрасный. Думаю, со временем сможет занять место Валлиуса.

— Вообще, — Ло понизила голос, — среди персонала ходят слухи, что главный врач прочит в преемники тебя...

Я усмехнулась и отодвинула опустевшую тарелку. Байрон намекал пару раз, и я полагала, что он заговорит со мной об этой возможности в самое ближайшее время.

Но пока я могла сказать только:

— Это всего лишь слухи, Ло, не более.

— Ну дыма без огня...

— Бывает, ещё как бывает. Пойдём? Пора возвращаться.

Ло улыбнулась.

— Знаешь, — протянула она, вставая, — я, конечно, ни разу не архимаг Валлиус...

— Это точно.

— ...но была бы я им, выбрала бы тебя в преемницы.

Я промолчала. Мне не хотелось говорить, что это было бы высшей наградой для меня, безродной Эн Рин, которую он один когда-то посчитал достойной учиться в Высшем магическом университете Грааги.

Я родилась в маленькой деревушке на севере Альганны. Так называется наша страна, с севера окруженная смертоносной Геенной.

Когда и почему появилась Геенна, никто не знает. Маги-теоретики (впрочем, практики тоже) строят различные теории возникновения, но они всё равно не более чем теории. Огромная стена из огня, уходящая далеко в небо — и если бы всего лишь стена! Не приходи к Геенне ближе чем на километр — простое правило, но она, если ей захочется, и сама может прийти к тебе в дом.

Временами оттуда что-то выбиралось. Это «что-то» всегда было разным, и охранители, дабы не путаться, называли любых порождений Геенны демонами. Иногда это были чёрные птицы, способные обращать в пепел всё, к чему прикоснутся. В другой раз — белёсый туман, внутри которого было так холодно, что людям приходилось срочно доставать тёплую одежду. Огромные волки, чудовищные насекомые, мерцающие звёзды, огненные монстры, сильные, секущие песком ветра — история порождений Геенны насчитывала несколько томов. Всё это изучали охранители, к числу которых относился и Бертран Арманиус.

Мне тогда едва исполнилось восемь. Родители мои были простыми крестьянами, и кроме меня у них было ещё трое детей. Эду тогда стукнуло четырнадцать, Эв было двенадцать, а Эм — пять.

В тот день родители работали в поле, а Эд им помогал. Мы с Эв и Эм играли во дворе, когда услышали вдалеке страшный, жуткий, нечеловеческий рёв, а следом сигнал — громкий пронзительный свист, которым полагалось предупреждать соседей о том, что Геенна в очередной раз проснулась.

Эв моментально тоже засвистела в свисток — селяне от мала до велика носили такой на шее — а потом схватила нас с Эм и потащила в погреб. Мы хорошо знали, что нужно делать — за восемь лет, что я прожила с родителями, те хорошо вдолбили в наши головы, как нужно себя вести, если услышишь сигнал. И неважно, где ты будешь — в поле, в лесу или дома.

Мы просидели в погребе несколько часов, ощущая, как вибрирует земля вокруг нас. Сверху доносились странные, жуткие звуки, напоминающие крики смертельно раненых зверей. А потом всё стихло.

Тишина была такой долгой и полной, что Эв решила — пора выходить. На самом деле это было прямым нарушением родительского наказа, но мы ведь были детьми... Эм капризничала, не желая больше сидеть в холодном погребе, мы все хотели горячей еды, а над нами было тихо.

Поначалу, выбравшись наружу, мы даже не поняли, куда попали. Вокруг оказалось темно, хоть глаз выколи, только кружились маленькие огненные светлячки — знак, что охранители здесь и выполняют свой долг.

А потом я увидела...

В темноте, в нескольких метрах от нас, что-то мерцало. Это что-то напоминало огромную змею. Чешуйки на её теле мягко переливались, мигая, и это было бы красиво, если бы не было настолько жутко.

— Назад! — прошептала Эв, сжимая в объятиях Эм. — Энни, возвращаемся! Скорее!

Прошло много лет, а я до сих пор иногда просыпаюсь от тех слов сестры, сказанных свистящим шёпотом, полным дикого страха. Так уж получилось, что больше ничего сказать Эв просто не успела.

Змея сделала рывок к нам, подбираясь ближе, подняла над землёй большую голову, открыла огромный рот, в котором сверкнули три ряда ровных острых клыков — и

извергла огонь, превратив сестёр в горстку пепла за несколько секунд.

Мне повезло — я стояла чуть в стороне, и огнём меня почти не задело. Стало только очень жарко. И больно где-то в груди. Так больно бывает, когда хочешь заплакать, но что-то мешает, перекрывая дыхание.

— Ложись на землю! — крикнули вдруг позади меня, и что-то такое было в этом голосе, что я моментально послушалась — рухнула на пепелище. Всё, что осталось от нашего дома, как я позже выяснила — лишь пепел. Вот почему мы с сёстрами ничего не узнали, когда выбрались на поверхность.

Змея заревела. Я узнала этот рёв — мы слышали такие, пока сидели в погребке. Мимо промелькнула какая-то тень, а прямо надо мной появился сверкающий купол, похожий на мыльный пузырь. Змея вновь извергла огонь, купол засветился сильнее, волосы на моей голове встали дыбом — но защита выдержала. Правда, защищала она лишь от жара, но не от ужасного запаха, и не от пепла, забившего мне нос и попавшего в глаза.

Когда я проморгалась, то увидела, что змей прибавилось — теперь вокруг купола ползали целых три твари, пытаясь дотянуться то огнём, то зубами до человека в плаще охранителя, который двигался так стремительно, что я даже не могла его рассмотреть.

Одной змее он отрубил голову длинным огненным клинком, другую проткнул насквозь, а третья... Третья всё-таки сумела его ранить. Он чуть замедлился, и я увидела длинную царапину на плече. Охнула от ужаса — а он бросился вперёд, сам вспыхивая огнём, сжал змее шею голыми руками, вновь полыхнул огнём — и упал на землю, засыпанный пеплом. Всё, что осталось от чудовища.

Несколько секунд и он, и я лежали недвижно. Потом он шевельнулся, и откуда-то издалека раздалось:

— Берт!! Ты жив, мать твою?!

— Жив... — прохрипел охранитель. — И эти твари тоже живучие, с-с-суки... Покончили с ними?

— Да, слава Защитнику. Полдеревни пожгли! У тебя есть кто?

Мой спаситель наконец встал, оглядел поставленный защитный купол и меня под ним, кивнул. Потом опомнился:

— Да, есть. Ребёнок. Девочка.

— Тащи!

Он подошёл ближе. С гулким «бум» лопнул купол.

— Как тебя зовут? — спросил уставшим, хриплым голосом.

Я открыла рот, собираясь ответить, но вместо этого закашлялась — повсюду был пепел.

— Ладно. Потом.

И не успела я кашлянуть ещё раз, как взлетела в воздух, оказавшись на плече у охранителя. Вцепилась в него двумя руками, потом обняла за шею, ощущая, как режет глаза и вновь больно становится в груди.

Он пах дымом, пеплом и огнём. Как и я. Но кроме этого был ещё какой-то запах, который я помнила долгие годы... Теперь я знаю, что это был его собственный запах. Именно так пахло дома у архимагистра Арманиуса.

Через минуту он аккуратно посадил меня на поваленное дерево. Рядом теснились ещё дети — кто-то плакал, кто-то хныкал, но большей частью все молчали.

Сел передо мной на корточки, заглянул в глаза. У него самого они были тёмными, как очень крепкий чай.

Улыбнулся и мягко, ласково спросил:

— Как тебя зовут, зеленоглазка?

Я смутилась. Так меня называла мама. Говорила, что я единственная унаследовала бабушкины зелёные глаза...

— Эн Рин, господин охр... — Я хотела сказать «охранитель», но закашлялась.

Он нахмурился.

— Арвен, воды!

Женщина в плаще охранителя протянула ему небольшую фляжку, и через секунду я уже жадно приложилась к ней. Пила долго, жадно...

— Тихо, тихо, не переборщи. — Он отнял фляжку. — Сейчас мы составим списки, а потом отправим вас туда, где можно будет поесть и выспаться. В каком месте были твои родители, когда это случилось?

— В поле... — Прошептала я и заметила, что он отвёл глаза. — Они погибли... да?

— Мы пока не знаем. Может... — Он посмотрел на меня, вздохнул. — Скорее всего, да.

Я шмыгнула носом.

— Не плачь. Ради них ты должна быть сильной. Лучше выпей ещё воды.

Я послушно сделала глоток из фляжки.

— А вы... вы хотите... воды?

Он улыбнулся, наблюдая за мной.

— Спасибо, зеленоглазка, но вся эта вода — твоя. У меня есть своя. Посиди пока тут... Как, ты говоришь, тебя зовут?

— Эн Рин, — повторила я и, поколебавшись, выпалила: — А вас?

— Берт, — улыбка стала чуть шире.

— Не-е-е, — я помотала головой. — Вы... у вас должно быть длинное имя!

— Есть и длинное, — он кивнул. — А зачем тебе?

— Я запомню, — ответила я серьёзно.

— Хорошо. — Он легко погладил меня по голове, встал и наконец ответил: — Моё длинное имя — архимагистр Бертран Арманиус. Расти большой и счастливой, зеленоглазка.

— Постараюсь...

Он ушёл и больше не подходил ко мне — лишь кивнул и улыбнулся, когда меня уже забирали в приют для детей-сирот, чьи родители были убиты Геенной. И я улыбнулась ему в ответ.

Архимагистр Бертран Арманиус, спасший за эти годы множество детей, конечно, забыл маленькую зеленоглазую Эн Рин.

Зато она его — нет.

В приюте для детей-сирот я провела восемь лет. Несколько раз меня хотели отдать приёмным родителям, но я противилась, не желая уезжать.

Причина была проста. Я заболела магией. Директор приюта — магистр Элеонора Мардаар — была хорошим бытовым магом, отличным преподавателем и очень мудрой женщиной, которая всегда интересовалась мнением своих подопечных. И она, видя, что я не хочу покидать приют, не стала настаивать. Хотя дело было только в том, что я боялась уехать и потерять возможность изучать магию.

В приюте была прекрасная библиотека с богатейшим собранием книг. Моя тяга к знаниям, в том числе и магическим, всячески поощрялась, поэтому мне разрешали приходиться в библиотеку практически в любое время, кроме ночи, и изучать любую книгу. Магией со мной и ещё несколькими детьми занималась сама Элеонора. Других магов среди учителей не было.

Мне исполнилось четырнадцать, когда магистр Мардаар сказала:

— Эн, перестань мечтать о магии. У тебя очень слабый дар, на грани видимости. Твоё рвение, конечно, похвально, но с таким уровнем дара ни в одно учебное заведение тебя не возьмут.

Я только упрямо поджала губы. И продолжила изучать то, что считала своим призванием. Хотя теперь я понимаю, что первоначально моё желание приобщиться к магии было связано лишь с Бертраном Арманиусом. Я влюбилась в него по-детски глупо и с упрямством горной козы начала штудировать книги, изучать схемы заклинаний и рецепты зелий.

Я не помню, когда желание быть магом стало моим собственным желанием, трансформировалось в настоящую цель и потребность. Но я была благодарна Элеоноре Мардаар — впрочем, я благодарна ей и сейчас, — что она, даже не видя во мне толком нормального дара, продолжала обучать и помогать. Возможно, в глубине души она тоже верила, что у меня всё получится. Я бы спросила её об этом, но уже не смогу — магистр умерла перед моим выпуском из приюта, так и не узнав, что меня приняли в самое престижное учебное заведение Альганны.

В кабинет к Валлиусу я зашла ближе к вечеру, перед уходом. Наставник, в отличие от меня, всегда был «совой», и сейчас сидел за столом и изучал какие-то бумаги с очень бодрым видом. Я же после вечернего обхода больных и работы с реактивами чувствовала себя полумёртвой.

Но усталость слетела, как и не было её, как только я увидела посетителя архимага Валлиуса.

— Ваше высочество!

Принц Арчибальд улыбнулся и встал с кресла, протягивая мне руку.

— Эн, рад вас видеть.

Он имел право называть меня на «ты» — но никогда не называл. Он мог бы просто кивнуть, но предпочёл встать и пожать мою ладонь.

До встречи с его высочеством Арчибальдом, двоюродным братом императора, я думала, что принцы такими не бывают. Не бывают честными, благородными, смелыми и не считающими себя исключительными. И если с особами королевской крови можно дружить, то я могла бы сказать, что являюсь другом его высочества.

— Я тоже очень рада вас видеть, — ответила я, ощущая приятную теплоту в груди.

— Садитесь, Эн, — Арчибальд кивнул на стул напротив себя и Валлиуса. Я опустилась на предложенное место и вопросительно посмотрела на принца. Я слишком хорошо понимала — подобные ему люди не приходят просто так.

— У его высочества есть одна идея, — пояснил наставник, сверкая ярко-голубыми глазами за стёклами очков. — Он хотел обсудить её с тобой.

Я чуть напряглась. Опять орден Золотого орла?

Оказалось, нет.

— Я хочу предложить императору закон, по которому возможно будет получать титул не по рождению, а по заслугам перед империей. Сейчас он передается только от родителей детям, я же хочу предложить награждать им отличившихся перед отечеством.

Я кивнула.

— Я поняла идею, ваше высочество. Позвольте узнать, при чём тут я?

Арчибальд улыбнулся.

— Вы же всё поняли, Эн. Энни Ринниус... Как вам такой вариант?

— Честно говоря... — Я заколебалась, но всё же ответила: — Я не имею ничего против подобного закона, ваше высочество, я даже за. На мой взгляд, у нас слишком много привилегий для аристократии, которые они получают только по праву рождения, и это несправедливо — простые люди ничуть не хуже. Но я...

— Ладно тебе скромничать, — пробормотал Валлиус, и я усмехнулась.

— Я не скромничаю, Брайон. Мне не нужны титулы. Мне нужна только моя лаборатория и возможность заниматься тем, чем я занимаюсь. Вы дали мне это, ваше высочество... — Я почтительно склонила голову. — И я считаю, что титул — это лишнее.

— Он пригодится вашим детям, Эн, — мягко заметил Арчибальд. — Даже если вам не особенно нужен. Да и...

Его высочество запнулся, и я продолжила:

— Да, я помню, что не имею права выходить замуж за человека выше меня по происхождению. И если вы хотели сказать — да и выйти замуж будет проще — могу ответить: это не то, что меня интересует.

— Я понимаю, Эн. — Арчибальд поднялся и, скользнув по мне взглядом, повернулся к Валлиусу. — Я пойду, Брайон, мы с тобой обсудили всё, что хотели. Эн, подумайте всё же. Мы подготовим приказ для императора за пару месяцев, и я бы очень желал, чтобы вы были в числе первых награждённых. Думаю, вы понимаете, почему.

— До свидания, ваше высочество, — мы с наставником синхронно склонили головы.

Конечно, я понимала, почему. Арчибальд, когда-то потерявший магические способности, был благодарен мне за исцеление и...

— И ни демона ты не понимаешь! — вспыхнул Валлиус, как только его высочество вышел.

Я подняла брови.

— Что?..

— Эн, — архимаг вздохнул и покачал головой, — на свете существуют не только магия, пробирки, эксперименты и больные. И кроме Бе... тьфу. В общем, мужчин на свете тоже много. Может, ты наконец высунешься из своей норы и начнёшь обращать внимание на окружающих?

Вот теперь я действительно ничего не понимала.

— Но я...

— Арчибальду давно пора жениться! — продолжал главный врач на тех же повышенных тонах. — А он всё... как сыч!

Я задумчиво почесала лоб.

— Брайон, а при чём тут... — Я запнулась. — О... А... Э... Вы хотите сказать?..

— Я ничего не хочу говорить! — Валлиус тут же насупился. — Я вообще молчал.

— Ну да, — я развеселилась. — Вы неисправимый романтик, мой дорогой наставник. Двоюродный брат императора — и безродная девка. Отличный сюжет для женского романа.

— Ох, Энни... — Архимаг вновь вздохнул. — Что же мне с тобой делать, девочка...

— Повысить зарплату?

— Нахалка. Ладно, расскажи мне подробнее про Берта, как у него дела.

Я сразу отогнала от себя мысли о возможности стать принцессой и вернулась к работе.

На самом деле зарплата у меня была более чем приличная — наставник не скупился — но позволить себе собственную квартиру я пока не могла. По очень простой причине — я была обязана пять лет после окончания университета работать на его благо, и практически вся зарплата уходила на уплату долга за обучение. Его высочество Арчибальд три года назад предлагал всё оплатить, но я отказалась. Иметь свою лабораторию и возможность заниматься магической наукой, получить орден Золотого орла — это одно, но брать деньги за то, что на тот момент было рискованным экспериментом, неправильно.

В общем, жила я по-прежнему в общежитии университета, и собиралась жить так ещё два года, а потом купить небольшую квартиру. За три года аспирантуры и работы в госпитале я скопила вполне приличную сумму, достаточную для первого взноса.

День, когда я переступлю порог собственного жилья, точно будет знаменательным, но пока я двигалась через Университетский парк по направлению к общежитию, наслаждаясь чудесными пейзажами. Деревья в шапках снега, заледенелые скамейки, расчищенные дворниками дорожки, и неяркий свет фонарей. В этом свете снег переливался, словно миллионы драгоценных камней...

... И я вдруг вспомнила, как всё начиналось.

Тогда, в день вступительного экзамена, стояла страшная жара. Июнь выдался удивительно душным, дождей не было недели две, и на улицах было совершенно невыносимо дышать. Впрочем, возможно, это казалось просто от волнения.

А внутри университета царил прохлада, и от разницы температур у меня моментально похолодели руки и повлажнел лоб. Страшно... Как же страшно было дожидаться своей очереди, чтобы войти в огромную деревянную дверь, за которой сидела приёмная комиссия.

Мне было шестнадцать лет. Маленькая безродная девочка, почти ребёнок, в дешёвом зелёном платье — в цвет глаз — с двумя тёмными косичками и алыми от волнения щеками. Я бормотала про себя всё выученное и искренне верила в то, что меня обязательно примут.

Одиннадцать магов, и каждый из них смотрел на меня внимательно и цепко. А я, наоборот, не видела почти никого, кроме архимагистра Бертрана Арманиуса...

... Который сказал сразу, как я вошла:

— Вы не приняты. Можете идти.

Я застыла, как громом поражённая. Я ведь ещё даже не успела дойти до места, где полагалось стоять экзаменуемому, только вошла в зал.

— Простите?.. — почти прошептала я, прижимая руку к груди. Послышалось?..

— Вы не приняты, — повторил ректор университета громче. — Вы можете идти и не тратить наше время.

— Берт, — седой мужчина в очках, сидящий рядом с архимагистром, поморщился. — Можно было бы деликатнее.

— К демонам деликатность, — огрызнулся Арманиус. — За дверью ещё сто пятьдесят абитуриентов. Что вы застыли? Я же сказал — можете идти!

Наверное, страх придал мне сил.

— Но почему? — выдохнула я. — Я ведь ещё ничего не успела сказать или показать...

— Вы ничего не можете сказать или показать, — резко проговорил человек, который

когда-то спас меня. — Уровень вашего дара меньше ногтя на моём мизинце. Вы не можете у нас учиться.

«Я не могу у них учиться»...

Да. Но уйти я тоже не могла — ноги не слушались.

— Позвольте, — мягко проговорила одна из женщин-магов, — но почему вы, барышня, вообще решили поступать к нам? Вам разве не говорили, что вы очень слабы как маг?

— Я не слаба! — я упрямо сжала зубы и помотала головой. — Я могу доказать, что не слаба!

— Доказать? — с интересом протянул другой маг. — Каким образом?

— Для этого и существует экзамен! — Я вздёрнула подбородок, хотя больше всего на свете мне хотелось разреветься. — И вопросы! Спросите меня что-нибудь.

— А начертите-ка нам формулу огня, — сказал тот самый седой мужчина, который просил Арманиуса быть деликатнее.

— Какого огня? — уточнила я. — Вечного, временного, не обжигающего, слепящего, простейшего или...

— Коллеги! — от рёва ректора я почти подпрыгнула. — Мы тратим драгоценное время. Я охотно верю, что эта девочка сможет рассказать нам всю вызубренную теорию, но этот факт не делает её магом.

— Магами не рождаются, а становятся! — возразила я, удивляясь собственной смелости. — Вы сами так говорите, архимагистр.

— Чтобы стать магом, нужно иметь дар, — Арманиус окинул меня откровенно раздражённым взглядом. — А у вас его практически нет.

— Практически, но не абсолютно.

— Хватит! — ректор поднялся из-за стола. — Коллеги, кто ещё, кроме нашего сердобольного Брайона, собирается экзаменовывать эту особу?

Все молчали. И от этого молчания мне стало так жутко и плохо, что я всхлипнула.

И в этот самый момент я поймала на себе взгляд архимага Валлиуса — седого мужчины в очках, чьего имени я тогда ещё не знала. И взгляд этот был сочувствующим.

— Бертран, — сказал мой будущий наставник негромко, но настойчиво, — у каждого из нас, как ты помнишь, есть право поручительства за одного из абитуриентов. Я использую это право, ручаясь за эту девочку, и прошу дать ей возможность сдать экзамен.

Арманиус закатил глаза.

— Хорошо, делай, что хочешь. Тогда я пока пойду пообедаю. Для голосования прошу учесть, что я против принятия данной особы в университет. Я считаю, что она недостойна здесь учиться.

Недостойна...

Недостойна...

Недостойна...

Это слово эхом повторялось в моей голове, пока ректор, чеканя шаг, шёл к выходу. И дышать казалось невозможным, и больно было так, словно у меня вновь кто-то умер.

А потом я услышала тихий голос архимага Валлиуса:

— Ну что ж, Эн, продемонстрируйте нам формулу... пожалуй, вечного огня.

Я сглотнула, сморгнула выступившие слёзы, и начала отвечать.

Полтора часа... полтора часа они вдесятером задавали мне самые каверзные вопросы, на каждый из которых я дала ответ. На какие-то вопросы я отвечала лучше, на какие-то хуже, но не пропустила ни один. Экзаменаторы кивали, но мрачнели. Все, кроме архимага Валлиуса.

— Что ж, коллеги, — сказал он, когда я рассказала десять основных правил построения иллюзий, — я по-прежнему ручаюсь за Эн и прошу принять по ней положительное решение.

— Брайон... — хором протянули несколько магов, но мой будущий наставник только рукой махнул.

— С Бертом я сам разберусь.

Вот так я была зачислена в самое престижное учебное заведение Альганны.

Здание общежития находится на территории университета, в пяти минутах ходьбы от главного корпуса, где я когда-то училась. Последние три года я старалась обходить это место стороной, чтобы не встретиться с ректором. Хотя теперь Арманиус не сможет явиться на своё рабочее место, пока не выздоровеет. По правде говоря, он и ректором быть не может, но с Церемонией из уважения к нему будут тянуть до последнего...

Мои мысли прервал оклик:

— Эн!

Я обернулась. По дорожке, ведущей к общежитию, бежал мой однокурсник и хороший друг Рон Янг. Безумно талантливый маг, но почти такой же безродный, как и я.

— Ты как? Я демонски беспокоился, когда услышал, что Валлиус отправляет тебя к этому... — Рон явно проглотил ругательство. — Всё в порядке?

Я кивнула и засмеялась.

— Неужели слухи уже и по городу бродят? Не ожидала, что стану настолько популярной за последние сутки.

Поняв, что у меня хорошее настроение, Рон явно приободрился.

— Прости, Энни, но при чём тут ты? Арманиус — вот чья слава двигает эти слухи. С тех самых пор, как он вернулся с задания со сломанным энергетическим контуром, ему перемыли все кости. А тут ещё и твоё назначение! Сама понимаешь, что люди говорят.

— Безродная выскочка будет лечить одного из лучших магов Альганны — какой ужас! Как Валлиус посмел! Неужели нельзя было выбрать кого-то породитее и поталантливее?

— Именно так, — друг поморщился. — В институт эту грязь принёс Вальт, ну я ему и...

— Рон!

— Да ладно. Ничего серьёзнее выговора мне не светит, не волнуйся.

После окончания учёбы Рон пошёл в Научно-исследовательский институт артефакторики. Работа с различными магическими предметами всегда нравилась ему больше, чем судьба охранителя. Хотя сам Арманиус предлагал другу стать охранителем. Рон действительно был одним из лучших боевых магов, но, как он тогда сказал, наука всегда будет ему ближе грубой магической силы.

Ещё и благодаря Рону я умудрялась сдавать многочисленные экзамены по применению этой самой грубой магической силы. Преподаватели не запрещали пользоваться накопителями, и на время экзамена я из «практически не-мага» становилась «слабым магом». Просто так я накопители не носила — они давили мне на грудь, словно камни. Я могла терпеть только артефакты, изготовленные Роном, даже собственные не выносила, хотя и умела делать.

— Возьми, — друг, шагнув вперёд, повязал на моём запястье, рядом с браслетом связи, тонкую красную нить, которая тут же растаяла, словно впитавшись в кожу.

— Что это?

— Так, безделица. Арманиус сейчас не маг, но он, тем не менее, остаётся мужчиной. Если проявит агрессию — его слегка... шарахнет.

— Рон! И не стыдно тебе?

— Не-а, — друг улыбался, но глаза были тревожными. — Ты же знаешь мой принцип — чтобы не вляпаться, лучше перестраховаться. Кстати, там ещё следилка.

— А это зачем? — Я подняла брови.

— Энни... — Рон вздохнул. — Ты меня сегодня удивляешь. Ты вообще представляешь, какое количество магов хотят, чтобы Арманиус никогда не оправился от этого потрясения?

— Ах, вот ты о чём...

— Именно. Будь осторожнее, пожалуйста! А я пока подумаю, что ещё могу сделать.

— Рон!..

— Всё-всё, не спорь. Побежал я, сегодня дежурю, на часок только вырвался, чтобы с тобой пересечься.

Друг быстро сжал мою ладонь, приобнял и, кивнув, почти бегом бросился по дорожке обратно в город, оставив в моей душе след невнятного беспокойства.

«Ты вообще представляешь...»

На свою беду, я действительно представляла.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром следующего дня, вновь увидев эту медсестричку, Берт сразу подумал, что она безумно напоминает ему Брайона Валлиуса. Не внешностью, нет — манерой говорить с пациентом, чёткими и уверенными движениями, сосредоточенностью на деле. Так же, как Валлиус никогда не отвечал на его подколки во время работы, эта Эн Рин полностью игнорировала попытки Арманиуса её задеть.

А ещё Берту всё время казалось, что он где-то видел эту девчонку раньше. Но где? Не могла же она закончить его университет — слишком слабый дар. Да и не выпускали они медсестёр, только врачей.

Эн Рин нельзя было назвать красивой, но определённое очарование в ней имелось. Белая кожа, нежная и прозрачная на лице, а на руках — грубая и шершавая, явно попорченная магическими реактивами, — тёмные волосы, заплетённые в косу, и глаза настолько зелёные, что Берт не сомневался — наведённые, не настоящие.

А подбородок у неё был упрямый — тоже как у Брайона. Может, внебрачная дочь? А что, почему бы и нет... Хотя старик вроде бы никогда не изменял жене.

— Кто твои родители?

Девчонка, сосредоточенно что-то переливающая из трёх колб в одну, чуть вздрогнула и поморщилась.

— Архимагистр, я прошу вас не отвлекать меня лишними вопросами.

Берт даже онемел на секунду. Вот это наглость!

— Ты не забываешься?

— Я работаю. А вы мне мешаете. — Она наконец закончила переливать, взболтнула колбу, а потом протянула её Арманиусу. — Пейте.

Он нахмурился.

— И не подумаю, пока не объяснишь, что это.

Эн поджала губы. Хорошенькие, кстати, губы...

— Если я буду объяснять вам каждое своё действие, в госпиталь вернусь в лучшем случае к обеду. Либо пьёте без лишних вопросов, либо давайте закончим лечение. Архимаг Валлиус может прислать вам кого-нибудь поразговорчивее.

Почему-то вместо того, чтобы рассердиться, Берт развеселился.

— Ты точно в больнице работаешь, а не надзирателем в тюрьме?

Девчонка чуть усмехнулась и всё-таки всучила ему колбу.

— Кнута нет, как видите. Пейте. — Вздохнула и добавила: — Понимаете, единой схемы лечения больных с повреждениями, подобными вашим, не существует. Я каждый раз экспериментирую. Поэтому просто... доверьтесь.

— Довериться? — переспросил Арманиус язвительно. — Это совсем непросто.

Она промолчала, только перевела выразительный взгляд на колбу. И Берту ничего не оставалось, кроме как выпить содержимое.

Ему показалось, что он выпил огонь. Все внутренности будто загорелись, и было непонятно, за что лучше хвататься — болело всё и сразу.

— Без боли не бывает выздоровления, — пояснила Эн, укладывая хрипящего Берта обратно на диван. — Я это давно поняла. Не поняла только пока, как связано одно с другим.

Арманиус тоже не понимал. Он понимал другое — не может эта девчонка быть обычной медсестрой. Значит, Валлиус его обманул. Но зачем? И кто она в таком случае?

Врач?! С подобным уровнем дара?!

Невозможно.

Между тем Эн распахивала халат на его груди и щупала рёбра. Он бы спросил, что она такое делает, но говорить не мог. Мог только хрипеть.

— Сейчас я нажму несколько энергетических точек, станет ещё больнее.

Куда уж больнее?!

— И как вчера, двигаться вы примерно полчаса не сможете. Потом всё пройдет. Завтра я вновь приду. И пожалуйста, наденьте бельё — завтра я буду работать с точками на ваших бёдрах.

«Этого ещё не хватало!» — подумал Берт, выгибаясь от боли. Ничего же не делает, легко давит на кожу, а кажется, будто ломает ему позвоночник.

Но почему-то именно в этот момент Арманиус вдруг ощутил свой магический контур. На секунду, но ощутил. И ужаснулся.

Лучше ощущать пустоту, чем вот это... И Валлиус считает, что его можно вылечить?

Нет, это нереально!

Прохладные пальцы коснулись груди, запахивая халат. Берт жмурился от боли и почти ничего не видел, кроме невнятного силуэта девчонки над ним, но зато он мог думать. В конце концов, боль — вечная спутница охранителей в их работе, и если ты не умеешь думать, испытывая её, ты не жилец.

И Арманиус неожиданно вспомнил его высочество Арчибальда. Глава охранителей и правая рука императора три года назад потерял дар во время борьбы с одним из ужаснейших порождений Геенны. Берта тогда не было в столице, и по возвращении, когда оказалось, что Арчибальд выздоровел, он решил, что эти слухи были преувеличением.

Видимо, пора узнать, что на самом деле тогда случилось.

Сегодня Арманиус был более покладист, чем накануне, хотя ему всё равно далеко до идеального пациента. И я даже не надеялась, что наш с архимагом Валлиусом «маскарад» продлится долгое время. Нет, совсем скоро ректор догадается, что я не могу быть просто медсестрой.

Ну и ладно. В конце концов, в моей биографии нет ничего стыдного. Наоборот — мне есть чем гордиться.

И теперь, после того как Арманиус на секунду ощутил свой магический контур, я по-настоящему поверила в то, что всё получится. Не может не получиться.

Наконец-то я отдам ему долг. Арманиус спас меня тогда, восемнадцать лет назад, а сейчас я помогу ему вновь стать магом. Дар — это, конечно, не совсем то же, что жизнь, но магу без него любая жизнь не мила.

У принца Арчибальда всё было гораздо печальнее, как я до сих пор помнила. Впрочем, его высочество вообще был самым сложным моим пациентом... И самым лучшим.

В тот год я закончила университет и поступила в аспирантуру по специальности «магическая медицина». Моим руководителем, конечно, был Валлиус, он же одобрил тему научной работы. Необратимые разрушения энергетического контура у магов. Некоторые преподаватели закатывали глаза и говорили, что мы с ним сошли с ума, на что наставник отвечал:

— Никого не слушай, Энни. Просто работай над тем, что тебя интересует.

Так я и делала.

Брайон устроил меня на практику в Императорский госпиталь, прикрепил к терапевтическому отделению, и я получила доступ к больным моего профиля. Я зарисовывала их разрушенные контуры, вела дневник симптомов и развития «заболевания», понемножку экспериментировала с известными методиками лечения. Хотя они в основном сводились к психологической помощи — магов срочно и максимально деликатно учили быть не-магами. Разработки по восстановлению контуров, разумеется, велись и до меня — мне было, что изучить, — но все исследователи пришли к выводу, что любой достигаемый прогресс обратим.

В тот день госпиталь гудел. Меня никогда не интересовали сплетни, но не в этот раз. Услышав, что на больничную койку попал принц Арчибальд — с необратимыми разрушениями энергетического контура! — я поняла: вот он, мой шанс. Сейчас или никогда. Всё или ничего.

Его высочество, конечно, лежал в отдельной палате, в стороне от других больных, и мне, чтобы попасть туда, пришлось миновать огромное количество охраны. Но у меня был пропуск от Валлиуса. Наверное, даже если бы наставник не подписал мне его, я бы всё равно нашла способ пробраться в палату к Арчибальду. Но Брайон не возражал, только улыбнулся и сказал:

— Нахалка ты.

На самом деле нет. И мне было очень страшно, когда я целенаправленно шла к его высочеству, захватив с собой на всякий случай все свои записи. Но страх — не причина отступать.

Зубы стучали и дрожали ладони, когда я толкнула дверь в палату Арчибальда, перед этим показав охранникам пропуск главного врача госпиталя. На лбу выступил холодный пот, дыхание перехватило... Пожалуй, последний раз мне было настолько страшно в день вступительного экзамена.

У окна стоял невысокий коренастый мужчина с тёмными волосами и глазами цвета гречишного мёда. Я много раз видела портреты принца Арчибальда, но никогда не думала, что человек, на рисунке казавшийся совершенно обычным, в жизни произведёт на меня другое впечатление.

Я чувствовала его силу. Не магическую — силу духа. Волю в прямых, не сломленных плечах, смелость в открытом взгляде, мужество в линии губ. И даже то, что он оказался одет не в халат, как все прочие пациенты, а в брюки и рубашку, поразило меня до глубины души.

Я склонила голову.

— Добрый вечер, ваше высочество.

— Добрый вечер, — сказал Арчибальд спокойным и почти невозмутимым голосом. Я видела до него множество пациентов, потерявших магию, и многие из них бились в истерике... Но не он.

Я сделала шаг вперёд и, задохнувшись на секунду от волнения, начала говорить.

— Я прошу прощения... Меня... Я учусь в аспирантуре у архимага Валлиуса и пишу научную работу по повреждениям энергетического контура. — Взгляд принца на мгновение помрачнел, и я заговорила быстрее: — Я очень хочу попробовать восстановить ваш контур! Это считается невозможным, но я исследую эту тему уже более четырёх лет, и я уверена, что всё возможно! У меня есть определённые успехи в реабилитации других больных, но, конечно...

— Как вас зовут?

Я запнулась и замолчала. Несколько раз недоуменно моргнула, а потом переспросила:

— Зовут?

Арчибальд едва уловимо кивнул.

— Да. Вы не представились. Как вас зовут?

Мне стало неловко. Но я ведь и вправду думала, что принца не должна волновать такая мелочь, как моё имя.

А ещё было немного стыдно его называть. Хотя я никогда не стыдилась своего происхождения.

— Эн Рин, ваше высочество.

— Очень приятно, Эн Рин. Эн... — Арчибальд вежливо улыбнулся. — Я могу называть вас так?

— Да, конечно...

— Расскажите мне подробнее обо всём. Прежде чем соглашаться на ваше предложение, я должен понимать риски.

— Никаких рисков! — Я едва не подпрыгнула от радости. — Хуже вам точно не станет! — Поняла, что ляпнула, и добавила: — Простите, я...

— Ничего. — Арчибальда, кажется, нисколько не взволновала моя бестактность. — Я понял, что вы имеете в виду, Эн. Я уже потерял дар и хуже теперь не будет. Значит, жизнь я потерять не могу?

Я закусила губу.

— Ну... Все разработки я утверждаю у архимага Валлиуса, и до сих пор ни одного случая со смертельным исходом не было... Но и выздоровлений тоже пока не было...

— Я понял.

И я, осмелев, почти два часа рассказывала его высочеству о своей работе. Он оказался внимательным и благодарным слушателем — пристально рассматривал мои записи и рисунки, задавал вопросы, и взгляд его с каждой секундой становился всё живее, всё решительнее.

«В тот вечер вы подарили мне надежду, Эн» — так Арчибальд скажет три месяца спустя, когда поймёт, что вся его сила наконец при нём, и энергетический контур восстановлен.

— Я согласен.

Поначалу я решила, что ослышалась...

— Правда?

— Да. Я согласен. Я понимаю, что вы ничего не можете гарантировать, но... давайте попробуем. Теперь я — ваш пациент, Эн.

Я улыбнулась и, увидев его ответную улыбку, смущённо опустила глаза.

— Спасибо...

— Вам спасибо, — сказал Арчибальд тепло. — И... если вы действительно сможете мне помочь... Просите что хотите. Я дам вам всё.

Тогда я не обратила внимания на эти слова — не была уверена, что из этой моей затеи вообще что-то выйдёт. Но его высочество никогда не разбрасывался обещаниями... и на самом деле сделал для меня всё, что мог, и даже больше.

Я подарила ему надежду. А он мне — веру в то, что я не просто выскочка, я чего-то стою, и меня есть, за что уважать.

Про Эн Рин проще всего было спросить у его высочества, но Берт решил оставить Арчибальда напоследок. Отношения у них с некоторыми пор были напряжёнными, и ему

не хотелось тревожить принца лишний раз. Нет, врагами они не были, но и друзьями тоже.

Так уж получилось, что отец Берта, архимагистр Артуро Арманиус, был виноват в гибели невесты его высочества. Косвенно, но всё же был.

Её звали Брианна Агариус. Они с Арчибальдом вместе учились в университете на охранителей, и Арманиус-старший, как их глава, прочил обоим большое будущее. Берт уже тогда был ректором, и он хорошо помнил Брианну — милая девушка с небесно-голубыми глазами, белой кожей и чёрными волосами. Талантливый маг. Они с принцем были безумно влюблены друг в друга.

После окончания университета охранителей ждёт трёхгодичная практика — до её завершения они считаются лишь стажёрами, и только после получают на грудь значок с пером Золотого орла — птицы-покровительницы Альганны.

Брианна и Арчибальд стажировались лишь неделю. А потом с севера пришёл сигнал об очередном демоне Геенны, и разведчики, посланные на место происшествия, сразу присвоили ему высший уровень опасности.

Арчибальд умолял Арманиуса-старшего не брать туда Брианну, хотя именно она в тот день дежурила, и вместе с отрядом других охранителей должна была перенестись на север. Но принц очень боялся за свою невесту, и просил сделать для неё исключение.

— Нет, — отрезал Артуро. — То, что Брианна ваша невеста, не даёт ей право уходить с дежурства. В отряде все — чьи-нибудь невесты, жены, мужья или дети. Если я начну отпускать людей по причине, которую вы мне назвали, ваше высочество, от охранителей ничего не останется. Не нужно использовать свой статус и положение во имя подобной цели.

Арманиус-старший был прав, и принц отступил.

Берт в тот день тоже дежурил, и хорошо помнил огромных чёрных птиц, будто бы сотканных из дыма, одна из которых бросилась к нему, а другая — к Брианне. И отец, стоявший рядом с ними обоими, помог именно Берту — конечно, невольно, — хотя по правилам охранителей должен был помочь Брианне, как менее опытному стажёру. Но родственные связи сыграли свою роль — и Берт выжил. Хотя он выжил бы и без помощи Арманиуса-старшего. А вот Брианна погибла.

Отец после этого случая ушёл в отставку, и главой охранителей на время стал Аарон Актониус, его правая рука и хороший друг. А через двадцать лет, после смерти и отца, и Аарона, место главы охранителей занял принц Арчибальд.

Он никогда и ничего не говорил Берту, но общался с ним настолько холодно и отстранённо, что Арманиус не сомневался — его высочество до сих пор всё помнит. И он ничего не простил.

Так что Арчибальда оставим напоследок, а пока...

— Здравствуй, Йон.

— И тебе не хворать, Берт, — сварливо ответил архимаг Валлиус, проецируемый браслетом связи. — Что хотел?

— Хотел спросить про эту медсестричку... Эн Рин. Она не твоя внебрачная дочь?

Демоны, не с этого вопроса надо было начинать, не с этого...

Проекция Валлиуса вытаращила глаза.

— С чего ты это взял?

— Да похожа она на тебя. Манера говорить, двигаться...

— А-а-а, — главный врач Императорского госпиталя усмехнулся. — Ну, мало ли похожих людей на свете? Ерунда это всё. Что-то ещё? А то у меня скоро операция.

Операция у него... Отличный предлог, чтобы закончить неудобный разговор.

— Она ведь не медсестра. Да, Йон?

— С чего ты это взял? — второй раз за последние две минуты ответил Брайон Валлиус, насмешливо сверкая голубыми глазами за стёклами очков и довольно потирая короткую седую бородку.

— Для медсестры она слишком много знает.

— Ну-ну, — хмыкнул старый маг и отключился, не прощаясь.

Вот ведь... хитрая морда!

День в госпитале сразу не задался. Возвращаясь от Арманиуса, я слишком быстро летела по коридору, торопясь к своим больным, и умудрилась на полной скорости врезаться в Байрона Асириуса.

Бывший однокурсник смерил меня неприязненным взглядом, и я уже готовилась к его традиционному университетскому «смотри, куда несёшься, Эн Рин», когда Байрон вдруг сказал:

— Я как раз к тебе шёл.

Я даже чуть покачнулась. И переспросила, наверное, с очень глупым видом:

— Куда ты шёл?

— К тебе, — повторил Асириус. — Дело есть. Нужна твоя консультация.

Демоны меня раздери, Байрону нужна моя консультация. Снизошёл!

— А ничего, что мой кабинет и лаборатория — в той стороне, откуда ты появился?

— Ничего. Я там был, увидел, что тебя нет, и решил вернуться к себе. А ты... от Арманиуса?

Я кивнула.

— И как он?

— Пока никак, я только начала работу. Тебе срочно с консультацией или подождёшь до... скажем, обеда?

— Лучше сейчас.

Разумеется. И без разницы, что у меня обход и больные. Ладно, потерпим... слишком уж любопытно, что нужно от меня Байрону Асириусу.

Надо же — консультацию ему подавай. Помню, было время, когда он и разговаривать со мной считал ниже своего достоинства. «Нищая безродная девка с каплей дара — что она делает в лучшем учебном заведении страны? — возмущался Байрон в кругу друзей. — Вот увидите, она не переживёт и первую сессию!»

Я пережила. В прямом и переносном смысле.

— Говори, — буркнула я, заходя в свой кабинет-лабораторию. И пока я переобувалась, надевала халат и стягивала волосы в узел, Байрон чётко и ясно излагал, что ему от меня нужно.

Возможно, если бы Асириус заискивал, улыбался и пытался втереться ко мне в доверие, я бы послала его к демонам тут же. Но Байрон был собой — слегка презирающим меня аристократом — и это оказалось привычно, понятно... и честно.

Я всегда ценила честность.

— Я давно заметил, что физические повреждения охранителей ведут и к повреждениям

их магического контура. Повреждённый контур практически никогда не бывает повреждён сам по себе, без каких-либо физических травм.

— Не «практически никогда», а просто «никогда», Байрон.

— Тебе тут виднее. Но раньше мы сначала делали операции по восстановлению физических возможностей, а потом уже брались за контур. Хирургия первична, терапия вторична, ты же помнишь этот постулат? Меня интересует, что будет, если попробовать делать наоборот.

Я серьёзно задумалась. Ко мне больные попадали уже после хирургического отделения, где для них делали всё возможное, чтобы вновь научить говорить, ходить и вообще двигаться. Чем сильнее повреждён контур — тем хуже с физиологией. Но я занималась только безнадежными больными — точнее, теми, кто раньше считался безнадежным, — Байрон же говорил об обратимых повреждениях.

— Не знаю, — призналась я откровенно. — Ты хотел мою консультацию, но я действительно не знаю. Мои больные все после хирургов... и, честно говоря, я никогда не задумывалась над этим вопросом. Мне нет смысла реабилитировать неговорящих и неходящих. Они не выдержат процедур.

— Давай попробуем поэкспериментировать? Возможно, следует сначала восстанавливать контур, а потом уже делать операции?

Я озадаченно молчала, глядя на Байрона, который смотрел на меня спокойно и серьёзно.

— Ты хочешь ставить эти эксперименты со мной?

— А с кем ещё? — в голосе бывшего однокурсника прорезалась ирония.

— Логично. Но...

— Слушай, Эн, — Асириус поднял глаза к потолку, будто я смертельно ему надоела, — я не делаю тебе никаких непристойных предложений. Ты, как и я, врач и учёный. У нас совпадает область профессиональных интересов в этом случае. Почему бы не объединить усилия? Одну главу в наших научных работах напишем вместе, это не запрещено и даже поощряется. А личные отношения стоит оставить за пределами госпиталя. Хотя я бы сказал жёстче.

— Жёстче?

— Да. Всё это должно остаться в университете, который мы закончили.

Байрон замолчал — и я тоже молчала. Наверное, потому что была согласна.

По правде говоря, там я всё и оставила уже давно. Нет, особой любви я к Асириусу не испытывала, но я уважала его, как талантливого хирурга, у которого впереди — огромное будущее.

— Я согласна.

Он чуть улыбнулся, и мы начали обсуждать детали дальнейшей работы.

Однажды Рон спросил меня, ненавижу ли я Байрона. И я тогда честно ответила, что нет.

Хотя, прямо скажем, мне было, за что его ненавидеть.

Помимо презрения, которое не доставляло мне неприятностей, Асириус регулярно организовывал так называемые «подставы». И именно на почве одной из таких подстав я подружилась с Роном.

Это было, кажется, на третьей неделе учёбы в университете. Преподаватель по теории магии вызвал меня к доске, чтобы я начертила формулу исчезновения. И на пути туда с меня вдруг исчезла вся одежда.

Сказать, что я испугалась — это ничего не сказать. Я застыла на месте под хохот

однокурсников, не зная, что предпринять, когда сверху раздался издевательский голос Байрона:

— Толку-то уметь чертить формулы, если не можешь их применить? Давай, Эн Рин, верни себе одежду.

В чём-то Асириус был прав — я действительно не смогла бы применить нейтрализатор. Даже зная его формулу.

На глаза навернулись слёзы, и единственное, о чём я мечтала — не разреветься бы. Я понимала, что преподаватель сейчас всё исправит, но на мою беду он тоже был аристократом, и откровенно не спешил.

Зато Рон аристократом не был. И, встав со скамьи, махнул рукой, делая то, что не могла сделать я.

Занятие продолжилось, я дрожащими пальцами написала всё, что от меня требовалось... а после подошла к Рону и поинтересовалась:

— Зачем?.. — и задохнулась, наткнувшись на его угрюмый взгляд.

— Ненавижу аристократов, — процедил мой будущий лучший друг. — Считают, что им всё можно. Также мне избранные... Разве мы выбираем, кем родиться? И дар — он же от природы даётся. А вот остальное — наши достижения! Только почему-то аристократам привилегии, а таким, как ты или я, два шиша с маслом. И где справедливость?

Я промолчала. А Рон продолжал бухтеть:

— Развеед он, понимаешь, одежду на девочке. Настоящий подвиг, демоны его задери! Медаль на грудь и тапочки на ножки.

И тут я не выдержала — улыбнулась.

— Как-как?..

Рон усмехнулся и взъерошил светлые кудри.

— Медаль на грудь и тапочки на ножки? Так мой отец говорит. Он сапожник... м-м-м... ну да...

И тут мы с ним буквально повалились на пол университетского коридора, хохоча до слёз и икоты.

С тех пор и дружим. И единственное, за что я была благодарна Асириусу — это за Рона.

Каждому человеку необходим настоящий друг. Теперь я это знаю.

Интересно, зачем эта конспирация, и почему Валлиус не хочет сознаваться, кто такая Эн Рин? Какой в этом смысл?

Берт задумчиво почесал подбородок и поморщился. Надо бы побриться, щетина уже колется, но настроения совершенно не было.

Перед глазами до сих пор стояли пятнадцать погибших учеников. Бартоломью, Гвенда, Базил, Айзек, Верджил, Гилберт, Алия, Дарин, Акерли, Брендон, Зандер, Кейси, Аллан, Бастиан, Гай... Он помнил, из-за чего погиб каждый из них, и злился на себя.

За нерасторопность. Если бы он догадался раньше!

За самоуверенность. Ему, лучшему охранителю Альганны, казалось, что они справятся и так. Правильнее было отступить, заперев демона во временную ловушку, и хорошенько продумать план действий. Но он принял решение — двигаться, сражаться, не отступать. И поплатился...

За гордость и малодушие. Нужно было вызвать подкрепление и взять с собой хотя бы ещё одного архимагистра. Для подстраховки. Но Берту казалось унижительным просить о помощи. Особенно — его высочество принца Арчибальда.

Глупое ребячество. Сейчас, оглядываясь назад, Арманиус понимал — плевать на всё. Главное — это человеческие жизни, которые он потерял.

Даже собственной магии Берту было не жаль. Заслужил. Да и... если бы он после всего случившегося остался цел и невредим, ему было бы ещё хуже. А так...

Ужасная мысль, неправильная, лицемерная. Как будто то, что он тоже пострадал, может искупить его вину. Но если бы Арманиус знал, что именно может искупить — он бы сделал это, не задумываясь.

Ладно. Нужно отвлечься.

Выражение лица Эрты, официально считавшейся его секретарём, было непередаваемым. И Берт её понимал — секретаря он вызывал по браслету связи крайне редко. Практически все обязанности ректора исполнял его зам, архимаг Велмар Агрирус. Как совершенно правильно сказал Брайон Валлиус, Берт был демонски плохим ректором. Он и сам это знал. Но невозможно было успевать всё — и исполнять обязанности охранителя, и руководить университетом.

Что ж... руководить, скорее всего, осталось недолго.

— Да, архимагистр? — удивлённо протянула Эрта.

— Окажите мне услугу, айла*. (*Айла — вежливое обращение к женщине в Альганне.) Посмотрите, пожалуйста, в архиве копию диплома... м-м-м... Эн Рин.

— Мэн Рин?

— Эн Рин. — Это имя скоро натрёт ему мозоль на языке. — Я не уверен, что...

Арманиус хотел сказать «Я не уверен, что она у нас училась», но не успел.

Лицо Эрты вдруг посветлело.

— А-а-а! Диплом Энни. Да, конечно, архимагистр, сейчас всё будет.

— М-м-м... Вы её знаете?

— Конечно. Кто же не знает Эн Рин? — удивлённо протянула секретарь и сразу смущённо запнулась. — Извините, архимагистр.

— Ничего...

Берт прервал связь и вновь задумчиво почесал подбородок. Кто же не знает Эн Рин? Хороший вопрос.

Он совершенно точно слышал это имя впервые в жизни. Или нет?

Через десять минут на столе лежала магическая копия диплома Эн Рин, присланная Эртой по почтомагу. И Арманиус чувствовал себя... странно.

Каждый год одному из учеников присваивалось звание «лучший студент». По совокупности оценок за семь лет учёбы, заслуги перед университетом и так далее. И этим студентом неожиданно оказалась Эн Рин.

С уровнем дара всего в две магоктавы. Это шутка?

Он бы никогда в жизни не поверил в подобное, но диплом лежал перед ним, светясь фиолетовой корочкой лучшего студента.

Специальность: магическая медицина. Руководитель: архимаг Брайон Валлиус.

Кто бы сомневался.

И по всем предметам — даже по охранительной и боевой магии — высший балл. Как?! Как она это сделала?!

С подобным уровнем дара Эн Рин не должны были принять даже в магический колледж. Она могла бы стать травницей, медсестрой, гадалкой — в общем, кем угодно из околomagических профессий, но не врачом!

Место стажировки: Императорский госпиталь, терапевтическое отделение.

Тема научной работы: «Необратимые разрушения энергетического контура у магов».

Демоны! Как это возможно? У неё самой практически нет этого самого контура. Говоря честно и откровенно — она не маг! Она не может творить магию, у неё для этого недостаточно сил.

Но диплом по-прежнему светился фиолетовым, и Берт чувствовал себя так растерянно, как никогда в жизни.

Наверное, было бы логичнее вновь обратиться к Валлиусу за разъяснениями — тем более что именно он значился руководителем Эн Рин, — но Арманиус решил поступить иначе. Старый маг явно водит его за нос, и чем дольше он не будет знать точно, что Берт догадался, — тем лучше.

Боевую магию у Эн Рин вёл Гровер Грэдаар — по крайней мере именно его подпись стояла в её дипломе, — а с ним у Арманиуса всегда были хорошие отношения. И браслет связи вновь потеплел, вызывая на разговор теперь уже Гровера.

— Бе-е-ерт, — прогудела на всю библиотеку проекция могучего преподавателя боевой магии, — ты как, старина?

— Вот именно, что старина, — усмехнулся Арманиус. — Чувствую себя немощным дедом. В госпитале меня подлатали, но пока еле ползаю.

— Э-эх, демоны, — вздохнул Гровер. — Я надеюсь, что ты выкарабкаешься, и ректора нам не сменят.

Берт поморщился. Ректорство его никогда не прельщало, но потерять статус тоже не слишком-то хотелось. Какое-никакое, а поражение. А поражений в последнее время в его жизни было более чем достаточно.

— Я тоже надеюсь. Слушай, Гров... Ты знаешь такую студентку... Эн Рин?

Проекция Грэдаара явно удивилась.

— Канеш, знаю. Только она уж года три как аспирантка.

— Да, я в курсе. Скажи... высший балл по боевой магии у неё поставлен заслуженно? Или не очень?

— Чё? Ну ты даёшь, Берт. С каких это пор я незаслуженные оценки ставлю? — обиженно пробасил Гровер. — Канеш, заслуженно.

— Но... как?

— Чё как?

— Как она сдавала практическую часть экзамена с уровнем дара в две магоктавы?! — почти заорал Арманиус. Грэдаар демонстративно прочистил большим пальцем явно зазвеневшее от его вопля ухо, а после ответил:

— Как-как... Кверху... к-хм. Умница она, вот чё могу сказать, Берт. Большущая умница.

— Да не тяни ты!

— А я и не тяну, как есть говорю. По теории у неё, конечно, конкурентов и не было — формулы от зубов отлетали, ничего кроме десятки я поставить и не мог никогда. А практика... Ещё на первом курсе думал — капец девчонке, у неё ж ни одно заклинание не получится выплести. А она на экзамен пришла вся с ног до головы в амулетах и сказала — я, грит, правила смотрела, использование магических энергетических амулетов не запрещено.

— Так...

— Угу-угу. Для того чтобы ими пользоваться, уровень дара тоже нужен неслабый, а у неё кот не то, что наплакал — нализал. Однокурсники спорили, ставки даже делали — продержится или нет. На лбу во время экзамена пот выступил, покраснела вся от пяток до макушки, в глазах сосуды полопались, из носа кровь пошла. Но, Защитником клянусь, выдержала. Всё сдала, и лучше всех справилась. А я поблажек ей не делал — ни тогда, ни потом. Все годы на амулетах держалась. Это ж какую силу воли надо иметь, чтобы магическую энергию собирать и аккумулировать, с её-то уровнем дара!

Берт промолчал. Он просто не знал, что сказать.

Далеко не каждый маг уровня магистра был способен успешно управлять амулетами и с их помощью творить магию. Это только казалось простым — обвешаешься побрякушками, и они за тебя всё сделают. На самом деле чужая энергия, заключённая в амулетах, давила к земле не хуже могильного камня. И сдвинуть этот камень... с двумя магоктами...

Ну и девица.

— А чё ты спрашиваешь-то? А-а-а! Она ж вроде и должна тебя лечить, точно!

— Точно, — пробубнил Арманиус. — Ладно. Спасибо тебе, Гров, за консультацию.

— Да не за что. Выздоровливай, старина.

Проекция Грэдаара исчезла, а Берт ещё долго сидел в кресле, чесал подбородок, смотрел в никуда и думал.

Он пытался представить, каково это — учиться в лучшем магическом заведении страны, куда принимали только самых талантливых магов, с уровнем дара в две магокты, в окружении заносчивых аристократов. И не мог.

Но зачем Эн Рин это всё понадобилось? Почему именно магический университет, магическая медицина? Что это — тупое упрямство, какой-то принцип, спор?..

Нет, глупости...

Но зачем тогда?

Я засиделась на работе, продумывая дальнейшее лечение Арманиуса, и в общежитие попала уже ближе к ночи. И обнаружила на столе возле окна букет красивейших и очень дорогих белых лилий.

Лепестки засветились мягким светом, а щёки мои загорелись от смущения. Конечно, никакой записки... Но она тут и не была нужна. Белые лилии — цветы-символ правящей семьи наряду с Золотым орлом. И дарят их члены этой семьи только в том случае, если собираются... жениться. Чтобы сразу заявить о серьёзных намерениях.

Щёки уже полыхали, и я потёрла их ладонями. Защитница, Арчибальд, зачем? Даже если вы дадите мне титул, для большинства аристократов он не будет значить ничего. Я навсегда останусь Эн Рин. И император никогда в жизни не позволит вам на мне жениться, даже если вы продадите этот закон, даже если меня официально станут называть Энни Ринниус. К чему это... зачем...

Нет, я ошиблась. Записка всё же была.

«Я верю в свою мечту, Энни».

Я всхлипнула и тяжело опустилась на стул.

Мечта... Это он обо мне, что ли?

Но... как это может быть?..

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующий день Арманиус был непривычно тих и серьёзен. Почти ничего не говорил, зато наблюдал за моими действиями настолько пристально, что мне хотелось развернуться и бросить какую-нибудь колбу ему в лоб.

Я, конечно, сдерживалась. Он и так жизнью ушибленный, не хватает ещё и мне добавлять... колбами.

— Снимайте халат и ложитесь на диван.

Я хотела спросить, надел ли он бельё, но подумала, что в вопросе нет смысла. Всё равно сейчас увижу.

Надел, слава Защитнице...

Я смазала руки специальным массажным маслом, села рядом с Арманиусом и начала растирать его бёдра. Думала, хоть сейчас что-нибудь скажет — но нет, он по-прежнему молчал, лишь следил за мной.

И меня вдруг пронзило... Узнал, наверное, что никакая я не медсестра.

— Где ты родилась? — спросил вдруг хриплым голосом и дёрнулся от боли, когда я нажала на первую нужную точку.

— Опять вы за своё. — Допрос решил устроить, что ли? — На севере Альганны, в деревне, как вам должно быть понятно из моего имени.

— Родители живы?

— Нет.

— А братья или сёстры?

— Тоже.

Несколько секунд Арманиус молчал, и я уже успела обрадоваться, но оказалось, что рано.

— Где ты училась?

Хм, ну ладно. Как говорит Брайон: «Если пациент мешает доктору работать, он нарывается на неприятности».

И я приступила к массажу в сочетании с «игрой на энергетических точках». Так эту технику называл Валлиус — когда нажимаешь то на одну, то на другую, но не просто так, а будто выигрываешь какую-либо мелодию. В случае с Арманиусом это был «Марш Защитника».

Ректор захрипел, выгибаясь на диване дугой, и тут же забыл про своё любопытство. Конечно, временно, но и это неплохо. Здесь полезна даже временная тишина.

Через десять минут я закончила. Арманиус по-прежнему лежал на диване в одних трусах, обливаясь потом с головы до ног, и выглядел таким же несчастным, как любой другой мой пациент.

— Я вас обрадую, архимагистр. Я вижу прогресс. Да, он слабый, но он есть. Вы ведь пару раз чувствовали свой энергетический контур, верно?

Ректор кивнул, попытался поднять руку и вытереть пот со лба — он уже лился в глаза — но не смог. Я взяла из сумки салфетку, подошла ближе и сама обтерла ему лицо.

— Так вот. Чем раньше больной чувствует свой энергетический контур, тем быстрее будет продвигаться его выздоровление. Вы ощутили его уже вчера. К примеру, принц Арчибальд... — Ой, зря я это говорю... — Да. Его высочество смог почувствовать контур лишь спустя три недели процедур. Правда, я тогда знала и умела гораздо меньше, так

что эксперимент не чистый.

Я закинула в сумку баночку из-под масла, накинула на ректора халат, чтобы не замёрз, и продолжила:

— Как обычно, полчаса лежим, не встаём. До завтра, архимагистр.

Он вновь что-то прохрипел, но я уже шла к лестнице.

Вопросы, вопросы... вот ведь любопытный. Можно подумать, он до сих пор не нашёл на них ответы.

Через полчаса Берт не просто встал — он встал на собственные ноги. И даже прошёл пять шагов, пока не рухнул обратно в инвалидную коляску.

Невероятно. Им занимались лучшие хирурги Императорского госпиталя, потом был курс восстановительной терапии, но по-настоящему встать с коляски и сделать хотя бы несколько шагов не удавалось. Это Арманиуса тогда и подкосило, и на предложение Брайона перевестись в отделение для больных со сломанным контуром — по-другому «для безнадежных» — он ответил резкое «нет!»

Видимо, Эн Рин работает там... врачом. И она смогла поставить его на ноги быстрее других врачей госпиталя. Нет, это логично: если сломанный контур — тема её научной работы, и именно его она изучает. Лечить мага или обычного человека — большая разница, а уж сломанный маг — это вообще отдельная песня, как сказал бы Валлиус.

Конечно, возможность стоять на собственных ногах и ходить — не то же самое, что вновь стать магом. Но и это немало в его случае.

Браслет связи на запястье Арманиуса завибрировал. Берт покосился на экран — с ним хотел поговорить Велмар Агрирус, его заместитель.

— Приветствую, Берт! — проекция Велмара широко улыбалась. — Я смотрю, ты стал менее бледным с прошлого нашего разговора.

— Ем мясо и пью томатный сок, как мне написали в рекомендациях при выписке из госпиталя. — Арманиус скривился. — Демонова гадость этот сок...

— Терпи, — Велмар хохотнул. Его зам вообще был очень улыбчивым, и за это Агрируса студенты любили гораздо больше, чем Берта. Ректора, конечно, уважали, но не обожали. А вот Агрируса — да, обожали. Но его ярко-синие глаза и широкую искреннюю улыбку было невозможно не обожать даже Арманиусу.

— Терплю, куда деваться...

— Как успехи по восстановлению контура? — с интересом спросил Велмар. — В Совете все спорят, как скоро метка исчезнет с твоей руки, успеет контур восстановиться или нет.

— Вряд ли успеет. Ну и хорошо — сам знаешь, это ректорство мне уже давно обрыдло. Ты должен был стать ректором, и если бы за неделю до Церемонии я не отхватил архимагистра, так бы всё и получилось. Пришла пора восстановить справедливость.

— Сплюнь, — Велмар закатил глаза. — Не дай Защитник, сбудется.

— Тебе-то что? Ты и так за меня все обязанности выполняешь.

— Берт, честное слово, — Агрирус явно рассердился, — был бы рядом — стукнул. Стать ректором, конечно, хочется, особенно с учётом моего финансового положения в последнее время, но не в ущерб же тебе!

Арманиус кивнул, но спрашивать, как у Велмара дела, не стал.

Далеко не всем аристократам везло с детьми, и сын Агрируса родился практически без дара. И сам Велмар, и Алан — оба страдали от этого всю жизнь. Других детей у проректора не было, как они с женой ни старались, а единственный сын не мог творить магию.

Зато он часто играл в карты, а Велмар потом оплачивал его долги. Небольшие, но постоянные.

Берт вдруг вспомнил Эн Рин. А ведь уровень её дара ниже, чем у Алана, однако парень только кулинарное училище осилил закончить...

— Так что, помогает тебе лечение? Есть успехи?

— Есть. Послушай, Велмар... а ты ведь знаешь эту... Эн Рин?

— Естественно.

Ну конечно, все её знают, кроме него.

— Это она Арчибальдом занималась?

— Она. Талантливая девчонка, упорная очень. — Агрирус усмехнулся. — Вон, даже принц в любовниках.

Берт дёрнулся от неожиданности.

— Чего?..

— А ты и это не слышал? Арчибальд ведь ей орден Золотого орла дал. Вылечила она его, конечно, но это же не причина так награждать-то, да ещё и орденом только для аристократии. И видят их вместе регулярно. А уж в последнее время...

— Закон... — протянул Берт понимающе. — Точно, он же лоббирует этот свой закон о праве передачи титула не по наследству, а за заслуги...

— Ага, — рассмеялся Велмар. — Хочет Энни аристократкой сделать. Может, жениться собирается, демоны его разберут. Но девочка талантливая и с характером. Сам знаешь, Валлиус других в ученики никогда не брал.

— Да... — Арманиус поджал губы. — Не брал...

Значит, любовница Арчибальда.

Что ж, если это так, то принцу можно только позавидовать.

Много-много лет назад, когда меня, как говорит Валлиус, ещё не было даже в проекте, и Альганна только образовывалась, аристократия была придумана не зря и вполне заслуженно. Титулы полагались лишь магам, у магов были всевозможные привилегии, ведь они защищали простых людей от порождений Геены. Аристократия бесплатно училась в школах и университетах, женилась только на себе подобных — чтобы избежать «утечки магического дара» по распространённой теории о размывании магической крови немагической — и получала постоянные дотации от империи. Особенно охранители.

Но шли годы, и всё менялось. Связано это было в первую очередь с тем, что очень многие аристократы держали на стороне любовниц из простого люда, которые рожали от них детей. Две трети получались обычными мальчиками и девочками, но оставшиеся рождались магами. Пусть они были слабее магов потомственных, аристократических, но всё же дар у таких детей имелся.

Поначалу положение подобных магов-неаристократов было весьма плачевно — в учебные заведения их без титула не принимали, в результате они жили как обычные люди и даром не пользовались — не умели. Потом кто-то из императоров понял, что теряет знатный и многочисленный ресурс, и неаристократическим детям было дозволено учиться магии. За плату или в кредит, как и училась я — когда сначала получаешь образование, а потом отдаёшь долг за обучение.

Справедливо? По-моему, не слишком. Но этот закон никто не спешил устранять — он был выгоден всем. Государство получало неплохих магов во временное трудовое рабство, не-аристократы — право чего-то достичь в жизни и без титула, а аристократия... ну, их-то вообще всё это никак не касалось. Привилегии как были, так и остались.

И если обычный люд относился к аристократии несколько подобострастно — ну как же, волшебники, чудеса творят, и живут в два раза дольше! — то вот маги нетитулованные частенько не любили своих титулованных коллег по дару. Аристократия действительно вырождалась, и среди них уже было много не-магов, так же, как и среди простых людей — магов.

Справедливостью тут и не пахло, именно поэтому Рон ругался. Ему приходилось выбивать себе все привилегии потом и кровью — а аристократам они давались по праву рождения. Хотя дар у Рона неслабый, даже более чем сильный — восемьдесят пять магоктав. Со временем и архимагистра сможет получить, если мастерства наберётся...

Уровень дара по жизни не меняется, но на одном уровне далеко не уедешь, надо учиться. Первая ступень мастерства — маг, получают его при окончании университета. Вторая ступень — магистр, её дают после трёх лет аспирантуры, защиты диссертации и прохождения экзаменов. Невозможно получить магистра, будучи магом меньше, чем с тридцатью магоктами дара. У меня всего две магоктавы, поэтому диссертацию я защищу, но магистром мне не стать никогда.

Архимаг даётся минимум за пятьдесят октав, большую научную работу и после прохождения специальных испытаний. Архимагистр — за восемьдесят с плюсом, очередную научную работу и успешно пройденные тяжёлые испытания. И до этой ступени почти никто не доходит. Кто-то из-за уровня дара, кто-то не хочет проходить испытания. Они действительно тяжёлые.

Вот Байрону точно дадут магистра, а потом, может, и до архимагистра постепенно дорастёт. Восемьдесят одна магоктава, и упорства не занимать...

Примерно об этом я думала, пока мы с Асириусом проводили наш первый эксперимент. Конечно, над больным, который согласился на подобное безобразие. Подозреваю, что Байрон ему заплатил. По крайней мере я ни за что бы не согласилась, чтобы надо мной какие-то аспиранты эксперименты ставили. Одно дело — сломанный контур, и совсем другое — обратимые повреждения. Вдруг хуже сделаем?

Для начала я попробовала вколоть нашему подопытному несколько специальных реактивов, а Байрон записывал реакцию организма. Которой не было.

Он почему-то страшно расстроился, словно ожидал, что мы сразу начнём творить чудеса и исцелять страждущих. Вот что значит — хирург. Как говорит Валлиус: «У нас, хирургов, пока мозги думают, руки уже делать начинают. Только это не всегда хорошо».

— Не переживай ты так, — сказала я, выходя из хирургического отделения. Я направлялась к себе, а Байрон — на обед. — Сразу ничего не бывает. Поначалу я почти три месяца билась над различными вариантами лечения, пока мне удалось получить хоть какой-то результат. С Арчибальдом, считай, повезло...

— Да тебе вообще везёт, — огрызнулся Асириус. — И с руководителем повезло, и с темой работы. Я только потом понял, почему Валлиус тебе этот бред утвердил, с твоим-то уровнем дара. Никто из больных близко не подпустил бы тебя к себе. Кроме безнадежных.

Я усмехнулась. Неприятно мне не было — я много раз слышала подобные слова, сказанные как в лицо, так и за глаза. Привыкла.

Конечно, когда я выбирала, чем именно заниматься, учитывала и собственные способности, и неприязнь ко мне магов-аристократов. Но так должен поступать любой нормальный учёный. Это называется «ответственность».

Поэтому я оставила слова Байрона на его совести, спросив:

— Что мы с нашим подопытным делать-то будем? Он же переломанный весь, долго терпеть не станет. А другого искать для эксперимента как-то...

— Станет, — вновь огрызнулся Асириус. — Я об этом позабочусь.

Да уж, деньги способны решить если не всё, то многое.

А вечером, когда я вышла из здания госпиталя, меня ждал сюрприз.

Поначалу я заметила золотой магмобиль* (*магический аналог нашего автомобиля, безтопливное средство передвижения) и отстранённо подумала о том, что в госпиталь приехал кто-то из императорской семьи. Только её члены могли передвигаться на магмобилях золотого цвета.

А потом дверца с моей стороны открылась, и наружу вышел Арчибальд.

Что-то внутри меня нервно стукнулось о рёбра. Наверное, сердце.

— Добрый вечер, Эн, — сказал принц, мягко улыбнувшись. Сделал шаг вперёд, и снег захрустел под его ногами. Именно благодаря этому звуку я и очнулась...

— Добрый, ваше высочество, — ответила я тихо, чуть приседая и склоняя голову.

Защитница, что же так неловко? И безумно хочется развернуться и убежать.

— Вам понравились цветы? — поинтересовался Арчибальд, делая ещё один шаг вперёд. Глаза его лукаво блестели.

Можно подумать, я могу ответить «нет».

— Конечно, ваше высочество.

— Эн... — Принц подошёл уже совсем близко и осторожно, медленно взял меня за руку. — Вы позволите пригласить вас...

— Не нужно, — я аккуратно освободила руку и спрятала её за спиной. — Ваше высочество, прошу, не обижайтесь, но...

— Я вам не нравлюсь?

Я запнулась, внезапно до ужаса смутившись. Я не привыкла прямо говорить о таких вещах, и подобный вопрос, заданный откровенно в лоб, выбил меня из колеи.

Кажется, я начала краснеть...

Арчибальд удовлетворённо улыбнулся, глядя на мои заалевшие щёки. Как будто это признак того, что он мне нравится, в самом деле!

— Эн, пожалуйста, дайте мне шанс.

Аристократы... императорской крови... Понимает ведь, что я не могу здесь и сейчас никак взбрыкнуть — под окнами госпиталя, в который мне возвращаться на следующее утро.

Когда я представляла, как в эту секунду все больные и врачи прилипли к окнам, у меня холодел позвоночник.

Может, отпроситься у Валлиуса на завтра?..

— Ваше высочество... Я не могу. Пожалуйста, простите меня, — выдохнула я рвано и, не дожидаясь, пока принц придумает очередной ответ, чтобы меня задержать, быстро пошла прочь.

Было бы нечестно с моей стороны обещать что-то Арчибальду. Принцесса из меня никогда не получится.

И вроде бы — всё правильно сделала. Но кто бы мне объяснил, почему так больно колет глаза?

Утром следующего дня ужасно не хотелось идти к Арманиусу. Но, как всегда говорил мне Брайон, не врач выбирает, кого ему лечить, а пациент — у кого ему лечиться.

Правда, ректору никто этого права выбирать не предоставил. Да и выбора-то нет. В данный момент только я занимаюсь «безнадёжными» больными. И я бы очень хотела это

исправить, но пока я не пойму, по какому алгоритму следует работать с необратимыми повреждениями контура, помощников мне не видать. Я должна сама всё делать. Одна ошибка — и прогресс полетит демонам под пятую точку.

Сегодня во взгляде Арманиуса появилось что-то новое, похожее на любопытство. Наверное, нашёл про меня какую-нибудь информацию, и теперь думает, насколько она правдива.

В принципе, всё, что он мог на меня отыграть, правдиво. Ну, кроме слухов, конечно.

Интересно, а он вообще меня помнит? То, что спас когда-то, разумеется, нет. Но то, что был против моего принятия в университет... Неужели совсем не помнит? Ни капельки?

Мне стало смешно, когда я об этом подумала. Защитница... Эн, ты всё ещё на что-то надеешься?

Да не помнит он тебя. Не помнит, не уважает, не считает достойной чего бы то ни было. Хватит уже заморачиваться.

Мне всегда было любопытно, почему Валлиус взял меня тогда под своё крыло. Пару раз я спрашивала, но он отшутился. Назвал это «чуйкой на отличников». Глупости, конечно, одной чуйки мало, чтобы решиться покровительствовать девочке с двумя магоктавами дара.

— Завтра состоится Совет архимагистров. — Арманиус так неожиданно заговорил, что я чуть не уронила перчатки. — На нём будут обсуждать закон, который лоббирует принц Арчибальд. Про титулы не по наследству, а за заслуги перед империей.

Мне захотелось спросить, при чём здесь я, но я решила, что здоровье дороже. Здоровье Арманиуса, не моё.

— Повернитесь ко мне спиной, пожалуйста. Халат снимите, — сказала я ровно, наполняя шприц очередным реактивом для стимуляции нервных окончаний. Но всё-таки не удержалась: — И поменьше разговоров.

Он усмехнулся и протянул:

— Интересно, ты с Арчибальдом тоже так общаешься?

Ясно. Значит, до ректора всё-таки дошли именно слухи.

— Его высочество в первую очередь мой пациент. Я со всеми пациентами общаюсь одинаково.

— А во вторую?

— Что во вторую?

— Очередь.

Я вздохнула, чтобы унять раздражение.

— Архимандрит. Либо вы переворачиваетесь на живот и замолкаете, либо будете лечить себя сами.

Слава Защитнице, послушался. С кряхтением, как у дряхлого старика, стянул халат, закинул его на спинку дивана, и начал переворачиваться.

Однако замолкать не спешил...

— Ты можешь называть меня Бертран. Какой из меня сейчас архимагистр?

В голосе была горечь, и я поспешила утешить его, как привыкла делать с другими пациентами:

— Не говорите ерунду. Вы потеряли дар, но ваше мастерство осталось при вас. Дар я вам восстановлю, обещаю. Думаю, за месяц вы станете самим собой.

Арманиус застыл, так до конца и не перевернувшись. Мышцы на спине вздулись от напряжения.

— Месяц?

— Да. Максимум полтора. Вы будете ложиться или нет?

Ректор кинул на меня короткий взгляд, полный язвительной насмешки, но всё-таки опустил своё архимагистерское тело туда, куда было велено.

Так, первый укол — в левую лопатку...

— Что ты думаешь об этом законе?

Да что же это!

— Архимагистр! Вы хотите выздороветь или нет? Замолчите немедленно! Разговаривая, вы двигаетесь, понимаете? Если я не попаду в нужную точку, эффекта не будет, и мы с вами откатимся назад в прогрессе. Неужели это так сложно понять?!

Он не ответил. И не просто замолчал — замер всем телом, словно впечатлившись моей проникновенной речью.

Левая лопатка, правая лопатка, левый бок, правый бок, левое бедро, правое бедро, левая пятка, правая пятка...

Когда я начала делать укол в пятку, Арманиус дёрнулся, сказал «ой», как маленький, а потом вновь замолчал. Мне стало смешно.

— Терпите. Скоро закончим с уколами.

Сделав последний, я осторожно положила ладони на спину ректора и, закрыв глаза, чтобы лучше видеть, тщательно изучила рисунок энергетического контура. Узловые точки стали больше, некоторые запульсировали... Прекрасно. Точнее — лучше, чем я думала.

— Очень хорошо, архимагистр. Сейчас я немного разгоню вам кровь, потом кое-что выпьем, и закончим на сегодня.

— Разгонишь кровь? — Голос был хриплым. Значит, реактивы вошли в контакт со связками, и это замечательно.

— Да, надо сделать массаж. Лежите спокойно.

— А разговаривать могу?

— Зачем?

Кажется, он улыбнулся.

— Мне хочется поговорить с тобой.

У меня дрогнули ладони.

Издаётся он, что ли?

— А пока получается говорить только самому с собой. Ты не отвечаешь на вопросы.

Я вздохнула и, начав растирать левую ногу, сказала:

— Вы в курсе, что разговор предполагает взаимный интерес собеседников?

— Намекаешь, что тебе неинтересно со мной?

Если он думал меня смутить, то не получилось.

— Я не намекаю, а прямо говорю. Я пришла вас лечить, а не отвечать на вопросы. В конце концов, мы не на экзамене.

Зря я это сказала... Вдруг вспомнит?

Хотя... неважно.

— Ладно, — неожиданно согласился Арманиус. — Тогда я буду говорить, а ты слушай. У Арчибальда не получится продрать этот несчастный закон.

Я на секунду замерла, и он явно это почувствовал. Хмыкнул и продолжил:

— Сейчас мы по сути имеем временное рабство. Не-аристократы учатся и работают так же, как и аристократы, но при этом они обязаны платить налоги в государственную казну. За привилегии в отсутствии титула. Зачем лишаться постоянного притока денег? В этом нет никакого смысла.

Я не выдержала и буркнула:

— Это несправедливо.

Ректор кивнул.

— Конечно, несправедливо, но я не говорю сейчас про справедливость. Все всё понимают. И никто, поверь мне, никто из архимагистров на Совете не проголосует за закон Арчибальда.

Я молчала, вспоминая записку.

«Я верю в свою мечту, Энни».

Что ж... одной веры бывает мало. Я знаю это очень хорошо.

— Но архимагистры ведь не все аристократы. Они-то проголосуют?

— Вряд ли. Между не-аристократией и аристократией и так до сих пор напряжённые отношения, зачем им будить Геенну? Они своё отплатили, достигли того, чего хотели, для них открыты все дороги, и какое им дело до других, молодых магов?

Мне захотелось засопеть от обиды, как это обычно делает Рон.

— Значит, надежды нет.

— Ну почему же? — возразил Арманиус почти весело. — Надежда есть всегда. Но для этого необходима холодная голова и желание идти на компромисс. Арчибальду стоит прописать в законе более чёткие условия дарения и передачи титулов. «По прошению представителя аристократии или указу императора» — этого слишком мало.

Ректор замолчал, и я тоже молчала, раздумывая.

Потом всё-таки спросила:

— Архимандрит... а почему вы это всё мне говорите?

Руки мои скользили по напряжённой спине Арманиуса, и я знала, что ему больно. Но когда он ответил, боли в голосе я не услышала — лишь нечто, напоминающее самоиронию.

— Поговори с Арчибальдом, Эн. У меня с ним не слишком хорошие отношения, и к моему мнению он не прислушается. Возможно, он признает мою правоту, но будет уже поздно, а Совет завтра. Поговори. Ему нужно надавить на слабые места архимагистров не-аристократов, и на титулованных магов, которые хотели бы, например, жениться на не-аристократах. Таких в Совете достаточно.

Я закусила губу. С учётом вчерашних событий... не хотелось бы мне встречаться с его высочеством.

Но закон... Его надо, жизненно необходимо принять.

Поэтому я, вздохнув, сказала:

— Хорошо, архимагистр. Я поговорю.

Зачем ему вообще это понадобилось?

Изначально Берт не собирался поддерживать Арчибальда — слишком в законе всё было наивно и недоработано. Теперь он даже понимал, почему так. Горячая влюблённая голова не способствует продумыванию условий законов. Да и раньше принц не особенно лез в политику, не научился еще ни лаять, ни кусаться.

И пошлёт его Совет архимагистров далеко и надолго, если делать так, как привык Арчибальд — откровенно и в лоб. Но для охранителя это было нормально, а вот для советника уже не очень.

Арманиус тоже не был гениальным политиком, но всё же он был старше принца, в Совете сидел давно и понимал, как с ним нужно правильно взаимодействовать. Там стоило быть змейй, а его высочество... он скорее баран.

И одно дело — наградить никому не нужную девочку орденом Золотого орла, просто статусной медалькой, и совсем другое — пытаться поломать устои, которые складывались веками. Просто прийти и бросить на столы архимагистров этот закон не получится.

Честно говоря, Берту давно хотелось встряхнуть этот гадюшник. Половина его так называемых коллег по Совету была натуральными бездельниками. Нет, когда-то они пахали, зарабатывая статус и звание, теперь же в основном сидели на дотациях и ничего не делали, аргументируя это тем, что они уже «отмагичили своё».

Арманиус, натура деятельная, такого терпеть не мог. И взгляды свысока, и вечные контры между аристократами и нетитулованными архимагистрами изрядно трепали ему нервы во время заседаний в Совете. Взрослые вроде бы люди, а занимаются какой-то ерундой.

Однако, если бы не недавняя потеря способностей, Берт не полез бы в эту кутерьму. Во-первых, из-за отношений с Арчибальдом. Во-вторых, ему, как охранителю, было бы не до того. И в-третьих... при всём желании и всех доработках Арманиус не верил в то, что этот закон примут даже после трёх чтений и обсуждений.

Но... в то, что можно учиться в магическом университете, обладая двумя магоктавами дара, Берт тоже когда-то не верил.

И в то, что с таким уровнем дара можно пользоваться амулетами, чтобы творить магию.

И в то, что энергетический контур восстанавливается после необратимых повреждений.

Сегодня, глядя на эту Эн Рин, Арманиус вдруг захотел поверить в невозможное. Вот ведь — стоит оно перед ним. В коричневом платье, белом врачебном халате сверху, хирургических перчатках и со шприцем в руке. Невозможное, невероятное, но тем не менее...

Так что... Если будет шанс разворошить гнездо змей в Совете — Берт им воспользуется.

Хотя бы ради того, чтобы этой невозможной девчонке не пришлось всю жизнь платить налоги за свою необыкновенную невозможность.

Я весь рабочий день думала о том, что сказал Арманиус.

Он был абсолютно прав, я понимала это, как и то, что жизненно необходимо объяснить всё Арчибальду. Но... зачем это ректору?

Ему, как аристократу, должна быть решительно безразлична судьба магов не аристократического происхождения. Хотя архимагистр никогда не высказывался по этому поводу, в отличие от многих других титулованных магов. Вот Байрон регулярно проходил по чьему-нибудь происхождению, по крайней мере когда мы учились. Заткнулся только после того, как Рон победил его на магической дуэли.

Я усмехнулась, взбалтывая реактивы и вспоминая эту историю.

Неофициальные дуэли в университете были запрещены, но в случае, если студент считал себя по какой-то причине оскорблённым, он мог вызвать оппонента на дуэль официально, в присутствии свидетелей — студентов и как минимум одного преподавателя. Тогда дуэль устраивалась во внутреннем дворе, в полдень назначенного дня.

Байрон тогда сказал... Да, точно, на обеде. «Ты, Янг, я смотрю, очень любишь картофельное пюре? Женись на Рин, эта деревенщина наверняка сажает картошку лучше, чем творит магию».

Рон, к моему удивлению, тогда промолчал, только глазами сверкнул — зло, даже бешено. А на следующей паре вызвал Байрона на дуэль в присутствии всего курса.

Весь курс через пару дней и собрался на внутреннем дворе. И не только наш — другие студенты тоже захотели посмотреть на дуэль потомственного аристократа и сына сапожника.

Рон Асириуса тогда чуть по стенке не размазал. Я до сих пор счастливо улыбалась, вспоминая, как Байрон летел через весь двор, словно большая неуклюжая птица, а затем сползал по кирпичной кладке административного корпуса, прижимая к кровоточащему носу рукав.

Рон потом сказал, что мог бы и убить, но не хотел, чтобы его отчислили из университета.

С тех пор Асириус не трогал ни его, ни меня. Жаль, что этого не случилось раньше — после той дуэли до выпуска нам оставался всего год...

Я попросила вечерней аудиенции у Арчибальда сразу, как пришла в госпиталь. Мне позволили, прислали пропуск по почтомагу, и в назначенный час я явилась во дворец.

Я была здесь лишь однажды — в тот день, когда меня награждали орденом Золотого орла. Но тогда я, шокированная тем, что это происходит со мной, почти ничего не запомнила. Сейчас же всё было иначе, поэтому я во все глаза рассматривала то, что окружало его высочество с малых лет.

Ещё раз убеждаясь в том, что мне здесь нет и никогда не будет места. Даже если сильно захотеть...

Я когда-то захотела стать магом — и я им стала. Но стать принцессой... нет, никогда не захочу.

А вокруг всё было бело-золотым, торжественным и возвышенным. Белые ковры на полу, золотые светильники на белых стенах, слуги в белом, и только стража — в красном. Словно кровь на снегу.

Меня вели по широким лестницам двое стражников и человек в белой форме с золотыми пуговицами, который представился как личный камердинер его высочества Арчибальда. А я, шагая за ним, пыталась понять, зачем взрослому человеку может понадобиться слуга. Убираться в покоях — понятно, а ещё зачем? Одежду чистую приносить? Обувь чистить? Одевать? Какие у него обязанности?

Ладно, в любом случае это очень скучная работа. И меня непременно ждало бы нечто подобное, если бы не одержимость магией.

— Заходите, айла, — камердинер распахнул передо мной дверь. Тоже белую, с золотым узором — ветками деревьев, цветами, птицами. Красиво, как в музее. — Его высочество ждёт вас.

Мне непроизвольно захотелось расправить своё коричневое платье с белым воротничком, в котором я часто ходила на работу — оно неожиданно показалось слишком простым, слишком обычным, слишком... грязным. Коричневый резко контрастировал с белым и золотым вокруг меня.

Это был кабинет. Просторное помещение со шкафами из светлого — но не белого, слава Защитнице, — дерева, заполненными книгами, огромное окно практически во всю стену, из которого открывался такой величественный вид на заснеженный вечерний город, что

мне захотелось охнуть и, открыв рот, словно маленькой девочке, любоваться и любоваться.

— Здравствуйте, Эн, — раздался голос принца откуда-то справа. Я, на секунду ослепленная видом из окна, не сразу вспомнила, куда и зачем пришла.

Арчибальд стоял возле книжного шкафа, облакачиваясь на одну из полок и глядя на меня с лёгкой улыбкой на губах. Он был в форме охранителей — чёрном мундире с серебряными пуговицами и медалью с символикой Вечного огня на груди — знак, что перед тобой не просто охранитель, а самый главный из них.

— Добрый вечер, ваше высочество. Я... по делу.

Он улыбнулся чуть шире.

— Я понял, что не просто так. Давайте сядем. Будете чай?

— Нет, спасибо.

На самом деле чаю хотелось. И не только чаю — поужинать после тяжёлого рабочего дня тоже.

Но это всё — дома, точнее, в общежитии. Не следует задерживаться здесь дольше, чем это нужно для дела.

Слева от окна, в тени большого шкафа, стоял письменный стол, за который мы и сели. Арчибальд — в мягкое белое кресло, я — в кресло поменьше, и золотое, но тоже очень мягкое.

— И всё-таки, Эн... — принц коснулся браслета связи. — Дрэ, будь добр, чаю нам с моей гостьей.

Ну да, конечно, галантность прежде всего.

— О чём вы хотели поговорить?

Я глубоко вздохнула и начала:

— О вашем законе, ваше высочество. Это не совсем моё дело, но...

— Почему же? Он касается и вас в том числе. — Арчибальд резко посерьёзnel. — Продолжайте, Эн.

Говорить было сложно. И потому что я всё-таки немного смущалась ситуации, и потому что Арманиус сказал о своих непростых отношениях с принцем, и я боялась что-нибудь ляпнуть, и потому что я была слишком уж заинтересована в принятии закона — не ради себя, скорее, ради Рона, — и это мешало моему внутреннему спокойствию.

Но я уже много раз была в подобном положении, поэтому знала, что здесь главное.

Не сдаваться.

— Общество, в котором мы живём, ваше высочество, сложилось очень давно. И маловероятно, что архимагистры захотят что-то менять, особенно с учётом того, как хорошо нетитулованные маги пополняют государственную казну. Это просто невыгодно.

— Да, — Арчибальд усмехнулся. — Я говорил с Ареном... с императором. Он сказал, что нынешние устои давно изжили себя и когда-нибудь могут привести к гражданской войне, но менять их — большой риск и катастрофа для казны. Однако он не отказал.

С моей точки зрения, именно так должны звучать отказы императоров, но Арчибальду виднее.

— Я думаю, вам нужно схитрить, ваше высочество. Распишите подробнее условия передачи титула, надавите на слабые места архимагистров...

— Например? — принц явно заинтересовался.

В этот момент принесли чай. Я подождала, пока камердинер и две служанки расставят всё на столе — к чаю нам еще полагались вазочки с печеньем и конфетами, — и уйдут, и только потом продолжила.

Я говорила минут пятнадцать, перебирая все варианты давления на Совет архимагистров — некоторые подсказал мне Арманиус, другие возникли в голове чуть позже, когда я обдумывала встречу с Арчибальдом. Он слушал очень внимательно, забыв про чай.

Я тоже забыла. А когда почувствовала, что в горле пересохло, сделала глоток — и с трудом удержалась от стога.

Вкус был фантастический. Пожалуй, за возможность пить подобный чай многие девушки будут готовы войти в Геенну. Жаль, что принцу не нужны эти «многие». Ему за каким-то демоном именно я понадобилась.

— Вы абсолютно правы, Эн, — сказал Арчибальд, тоже пригубив свой чай, а потом потянулся за печеньем. — Я всё доработаю. Перенесу Совет на послезавтра, чтобы не пороть горячку, и хорошенько продумаю... Да, кстати. Вы не хотите пойти вместе со мной?

Я в этот момент наслаждалась чаем, но, услышав вопрос, чуть не подавилась.

С ним? На Совет архимагистров?

Не очень романтическое свидание.

Но прежде чем я ответила, Арчибальд продолжил:

— Советникам будет полезно поглядеть на вас, послушать про ваши заслуги. Понять, насколько наша система изжила себя.

А-а-а, то есть, мне нужно поработать живым наглядным пособием.

На самом деле, идея хорошая, хотя я бы предпочла другую кандидатуру. И, конечно, идти туда вместе с принцем... вот это уже очень плохая идея.

Не знаю даже, как так получилось, но я вдруг выпалила:

— Я приду туда с Арманиусом, ваше высочество.

Принц нервно звякнул чашкой, резко поставив её на блюде.

— С кем?..

— С Арманиусом. Он пока считается архимагистром... номинально, конечно, но всё же. Однако он не сможет попасть на Совет без посторонней помощи. Я приведу его.

Эн, ты точно свихнулась.

Нет, конечно, идти никуда с ректором я не собиралась, уверенная, что у него есть провожатый и так. Но мне ведь нужен был повод отказаться! Отличный повод. Потом скажу принцу, что Арманиус нашёл замену, а мне было неловко тревожить его высочество.

Почти гениально. Главное, чтобы ректор об этом гениальном не узнал.

— Что ж, — я резко встала из-за стола. Чай допит, всё сказано, пора и честь знать, — я пойду. Доброго вам вечера, ваше высочество.

— Эн... — Арчибальд вскочил следом за мной, да так, что приборы на столе зазвенели. — Вы опять от меня убегаете!

Судьба у меня такая — убегать...

— Простите, но я тороплюсь, — я пятилась к двери спиной, боясь, что если обернусь, побегу со всех ног, а это будет невежливо. — Мне... надо. Очень.

Арчибальд вдруг засмеялся, качая головой.

— Энни... Ладно. Бегите пока. Я вас не держу.

— Спасибо, — выдохнула я с облегчением и нырнула за дверь.

И только вновь шагая за камердинером к выходу, вспомнила это его «пока».

Бегите пока... Защитница, наверное, я неправильно себя веду. Но откуда же мне знать, как это — правильно?!

В университете нас не учили, как надо отказывать принцам.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Утром Арманиус встретил меня, стоя на лестнице. Ещё накануне он ездил в коляске, и хотя я видела, что прогресс в наличии, ходить ему было тяжело. А тут...

— Архимагистр! — я так обрадовалась, что забыла, с кем разговариваю. — Вы ходите! Как замечательно!

К моему удивлению, он улыбнулся. Чуть-чуть.

— Хожу. Но пока недолго.

— Главное, что ходите. — Я надела тапочки и поспешила наверх, гремя сумкой. — Далеко не всегда мои пациенты начинали ходить с первой же недели лечения. Некоторые до самого конца практически...

Я, заговорившись, запнулась об очередную ступеньку и полетела вперёд, грозя расквасить себе нос, столкнувшись с лестницей. Но вместо того, чтобы стоять и наблюдать за моим бесславным падением, ректор метнулся вперёд, схватил меня за руки, приподнял, поставил на ноги и...

...И вдруг со свистом отлетел в сторону, сильно ударившись спиной о перила, и сполз на лестницу с протяжным стоном.

— Защитница! — воскликнула я, чувствуя себя полной идиоткой. Подбежала к нему, наклонилась и заглянула в бледное лицо. — Архимагистр, вы живы?

Он еще раз простонал что-то невнятное, а потом ответил:

— Нет, я сдох. В муках.

Я выдохнула.

— Раз способны шутить, значит, живы. Давайте, я помогу вам встать.

Теперь уже я осторожно обхватила Арманиуса под мышками и поставила на ноги. Он слегка покачивался, на лбу выступила испарина.

Плохо. Как бы нам теперь не откатиться назад в прогрессе...

— Демоны... не дойду я до библиотеки.

— Так, держитесь за меня, — я подошла чуть ближе и прижала ректора к перилам, чтобы не упал. — Я вас донесу, не волнуйтесь.

— Да как ты меня донесёшь...

— Обыкновенно.

Придерживая Арманиуса одной рукой, второй я раскрыла сумку и быстро достала оттуда силовой амулет, изготовленный когда-то давно Роном. Я всегда носила его с собой как раз для подобных случаев.

Амулет был отличный. Но, мягко говоря, неприятный. Длинная и тонкая игла, которую надо было воткнуть себе под кожу на запястье, оставив наружу только кончик — бусинку из горного хрусталя, чистейшего проводника силы.

Под ошалевшим взглядом ректора я привычным жестом вонзила иглу под кожу, вздохнула, ощущая, как магия полилась прямым в кровь, и сделала шаг назад, отпуская ректора и одновременно поднимая его в воздух.

Так мы и дошли до библиотеки. Я на своих двоих, а Арманиус плыл по воздуху, словно тучка. Очень удивлённая тучка.

Посадив его на диван, я сразу вытащила иглу, засунула её обратно в сумку, а после достала оттуда платок и обтерла лицо. По нему, как обычно, пот струился уже потоком.

— Вы как себя чувствуете, архимагистр? — поинтересовалась я, закончив обтирания. Голос был хриплым, как всегда бывает после использования амулетов. — Сильно ушиблись? Давайте я спину посмотрю.

— Не надо. — Арманиус кашлянул. — Ты... как ты сама?

— Что значит «не надо»? — я возмутилась. — Мало ли, что у вас там. Я должна посмотреть. Снимайте халат и ложитесь животом вниз.

К моему полнейшему изумлению, ректор вдруг заявил:

— Не лягу, пока не скажешь, как себя чувствуешь.

— Да нормально я себя чувствую, — пробурчала я растерянно и зачем-то добавила: — Вам-то что?

Я почти сразу пожалела, что сказала это. Взгляд Арманиуса наполнился такой обидой...

А потом он молча снял халат, развернулся и лёг на диван, не издав больше ни звука.

Демоны. И вот, вроде не виновата я ни в чём. А всё равно ощущаю себя препаршиво.

Я села рядом, пощупала спину. Ушиб был, но совсем небольшой, за неделю пройдёт, и восстановлению контура не помешает, слава Защитнице.

— Это... это вас амулет моего друга так шарахнул. Он просто боялся за меня, поэтому сделал какой-то амулет... — Стало неловко. Амулет-то только от Арманиуса. Не стоит этого говорить. — Я сегодня же сниму.

Ректор молчал.

— И эту иглу тоже он сделал. Он талантливый артефактор. Игла была его экспериментальной работой на последнем курсе, и после выпуска он её мне подарил. Я с её помощью могу магичить, только даётся это тяжело, конечно. Но ничего страшного, откат быстро пройдёт, через полчаса я буду совсем в норме.

Арманиус по — прежнему молчал.

Я закусила губу.

— Вы... извините меня за грубость, архимагистр. Я просто... м-м-м... не подумала, что...

— Что же ты не подумала? — в голосе было столько ехидства, что мне немедленно захотелось встать и уйти. — Что я тоже человек? Что я могу испугаться? Что я, в конце концов, могу беспокоиться за тебя?

Демоны. Ну не отвечать же «да».

— Ладно, — ректор вздохнул, передёрнув плечами. — Неважно. Ты поговорила с Арчибальдом?

— Поговорила.

— Отлично. Я рад. Надеюсь, хотя бы тебя он послушает.

Больше Арманиус не сказал ни слова до самого конца процедур. Стоически вытерпел все уколы, массаж, и выпил очень горький реактив, даже не поморщившись.

А потом я ушла. Сопровождаемая мрачным молчанием, ехидной усмешкой и собственными спутанными мыслями.

«Что ты не подумала? Что я тоже человек? Что я могу испугаться? Что я могу беспокоиться за тебя?»

Мне хотелось вернуться и сказать ему: «Нет. Всё не так. Я просто настолько привыкла к вашему равнодушию, что мне странно замечать нечто иное».

Странно, да. И ещё почему-то очень светло, и одновременно горько и сладко... До ужаса и дрожи в коленках.

Демонова девчонка. И почему она так к нему относится? Он же не сталкивался с ней раньше. У их курса Арманиус не преподавал — да он вообще редко преподавал, отдавая предпочтение обязанностям охранителя, — это совершенно точно. И нигде с ней не...

Так, стоп. Берт нахмурился. Как это он раньше не подумал?..

Вступительные экзамены. Две магоктавы дара. Никогда и ни при каких условиях девочку с подобным уровнем не приняли бы в университет, если Арманиус сидел в экзаменационной комиссии. А он сидел. Увы, от этих обязанностей ректора невозможно отвертеться. Он мог на время отойти, но всё равно — его подпись на приказе о зачислении была обязательным условием.

Он был пьян? Или что?

Минутой спустя, немного подумав, Берт вызвал по браслету связи Эрту, своего секретаря, и попросил прислать по почтомагу приказ о зачислении в университет Эн Рин.

Подпись там была. Немного нервная, с припиской: «Под личную ответственность Валлиуса!»

Хм. Значит, на экзамене он всё же присутствовал. Что ж, раз так, лучше задействовать Мемориум.

Мемориумом называлось специальное зелье, при помощи которого дознаватели опрашивали свидетелей, в том числе и охранителей. Для здоровья оно было совершенно безопасно, зато помогало вспомнить то, что забылось, в мельчайших деталях, как будто произошедшее случилось совсем недавно.

У Берта имелось несколько флакончиков на всякий случай в специальной аптечке охранителя. Он сходил за ней, а после выпил глоток горького и не слишком приятного зелья, загадав при этом вспомнить вступительные экзамены Эн Рин.

И задохнулся, ощущая, как светлеет, свежеет в памяти...

Как он вообще мог её забыть?

Мелкая девчонка с двумя косичками и пронзительно-зелёными глазами. Но дело было не только в необыкновенном цвете этих глаз — настоящем, своём цвете, — но и в решимости, целеустремлённости и демоновом упрямстве, с которым она отстаивала право сдать экзамен вопреки словам ректора.

А он назвал её недостойной. Надеялся, что она попросту обидится и не станет пытаться сдвинуть гору плечом. И вышел из аудитории, не желая видеть, как её сейчас опозорят, оставят от наивной детской мечты только прах и пепел.

Берт не верил, что она может сдать экзамен даже в теории. Кроме того, он знал характеры своих коллег и понимал — никто, кроме Валлиуса, не даст ей шанса. Именно поэтому, когда Брайон вечером принёс ему приказ, Арманиус был поражён.

— Йон, ты свихнулся?

Главный врач Императорского госпиталя проигнорировал вопрос.

— Зря не остался на сам экзамен, Берт. Девочка очень талантливая. Она не просто вызубрила всё, что смогла найти. Она экспериментатор. Показала нам несколько собственноручно разработанных схем заклинаний, а когда Вейла попросила её придумать что-нибудь интересное из исходных данных, она придумала! Представляешь? Работать со схемами в шестнадцать лет — уму непостижимо!

— Две магоктавы, Йон, — чуть не взвыл Арманиус. — Было бы хотя бы двадцать! Ну пятнадцать! Но две!!

— Знаешь, — усмехнулся Валлиус, — если бы у этой девочки было хотя бы немного побольше дара, она бы горы свернула и научилась вспять реки поворачивать. Так что нам, может, повезло, что у неё всего лишь две магоктавы.

У Берта появилось ощущение, что он со стеной разговаривает.

— Йон... хорошо, допустим, я подпишу. Как она экзамены будет сдавать?

— Это уже её проблемы, не твои. Знаешь, я даю своим пациентам рекомендации, как они должны себя вести после выписки из госпиталя, но следить за тем, выполняют ли они их — уже не моя обязанность.

Врачебная железная логика.

— Ладно. Пойми ты, если мы примем эту... Эн Рин, появятся еще другие — Ри Нэн, Ни Рэн и прочие, — которые тоже захотят учиться в университете. Этим мы создадим определённый прецедент, понимаешь?

— Ерунда, — отмахнулся Валлиус. — Как повалят, так и отвалят. У нас ты есть в качестве цепного пса. Всех прогонишь. Но её не принимать, Берт — преступление. Послушай меня, старика, и поверь моему опыту. Эта девочка войдёт в историю. Я чувствую.

Несколько секунд Арманиус молча смотрел на своего университетского наставника, давно ставшего другом, и не мог придумать, что бы такое ещё сказать, дабы уговорить...

А потом плюнул и поставил подпись на приказе.

Всё равно ведь не выдержит, вылетит на первой же сессии. Не может быть иначе.

Не может быть. И всё тут.

Теперь, вспомнив и экзамены, и этот разговор, Арманиус испытал весьма противоречивые чувства.

С одной стороны, он был прав тогда. Вероятность того, что из Эн Рин выйдет толк, была куда меньше обратной, и ректор не видел смысла рисковать. Но прошло десять лет, и история рассудила иначе.

Хотя... какая уж там история. Девчонка эта сама творила свою историю. Сама придумала способ сдавать экзамены по предметам, где требовались магоктавы, сама выдержала травлю, которая наверняка была, и сама пошла в аспирантуру, взяв тему, считавшуюся безнадёжной.

Недостойная, значит... Что ж, по крайней мере теперь понятно, почему Эн его недолюбливает.

С её-то гордостью это совсем не удивительно...

После работы мы с Роном встретились в нашей любимой пивнушке. Вообще в Старой Грааге, как в элитном районе, было мало мест для того, чтобы посидеть с друзьями и при этом не разориться, но мы, прожив здесь десять лет, знали парочку. Трактир «Свинтус» подходил для этого идеально. Я была любительницей местных пончиков, Рон же обожал пирожки с курицей и грибами, а также мясной рулет, салат «Маг-обжорка» с солёными огурцами и, конечно, пиво. Светлое или тёмное, сваренное хозяйкой «Свинтуса» Элис Лаагш, оно прекрасно бодрило и почти не пьянило. Конечно, если не перебарщивать.

— Снимай, — потребовала я сразу, как мы сели за столик, и протянула Рону руку, на которой он несколькими днями ранее повязал нитку-амулет. — Твоё чудо мне сегодня чуть пациента не угробило.

— Арманиус к тебе полез? — светлые кудри Рона от возмущения даже чуть приподнялись.

— Нет, — я развеселилась. — Он с трудом ходит, какое там лезть. Я просто упала, он поддержал, помог подняться, и тут его шарахнуло. Что-то ты не доработал явно во всём этом.

Друг удивился, ощупал запястье и хмыкнул:

— Демоны, я ж забыл поставить константу. Торопился... Хотел на агрессию замкнуть, а в итоге замкнул просто на прикосновения по его инициативе. Пока ты к Арманиусу прикасалась, ничего, а как он... Сильно его шандорахнуло?

— Прилично.

— Прости, Энни.

— Ничего, восстановлению не помешает.

В этот момент подошёл подавальщик, мы сделали заказ, а потом Рон поинтересовался:

— И как успехи? Вернёшь академии ректора и миру архимагистра?

— Сомневаешься? — я притворно-обиженно надула губы.

— Ни капли, — друг шутливо поднял руки. — Единственный человек, в котором я могу сомневаться в этой ситуации — сам Арманиус.

— Почему?

— Знаешь, — Рон щёлкнул пальцем по подставке для салфеток, — посмотрелся я на этих архимагистров за последние годы так, что тошнит. Приходят ко мне частенько, амулеты какие-нибудь заказывают. Магазины им, видишь ли, не подходят, им надо, чтобы амулет был *личный*, а не, демоны их раздери, «общественный». Представляешь себе личный противозачаточный амулет?

Я хихикнула.

— Вот. А этим... архимагистрам... подавай что-нибудь особенное. Одному браслет, другому серьгу, третьему кольцо на мизинец левой ноги. А всё почему? Потому что большинство из них — бездельники. Своего достигли, статус получили, привилегиями пользуются, а делать ничего не хотят уже. Лень.

— Ну Арманиус-то не такой.

— Да демоны его разберут, — пожал плечами Рон. — На публике, может, и другой, а копнёшь глубже — а там лень, инфантилизм и нежелание бороться.

— За дар все борются, — возразила я. — Все, вне зависимости от статусов и титулов... На что угодно готовы, лишь бы вернуть магию.

Рон задумчиво кивнул, внимательно глядя на меня.

— А ты, Энни... Ты хотела бы быть сильным магом?

— Как Арманиус? — я засмеялась.

— Типа того.

— Нет.

— Почему? — друг явно удивился.

Я вновь засмеялась — настолько забавным он выглядел. Конечно, магу с восьмьюдесятью пятью магоктавами сложно понять, как довольствоваться двумя.

— В таком случае я была бы как все, — ответила, подмигнув Рону и придвигая к себе принесённое светлое пиво с шапкой из белой пены в полкружки.

Мы засиделись допоздна. Пятница, завтра не нужно на работу — если не считать Арманиуса, — и мы с Роном вдоволь наболтали. Я рассказала про совместный с Байроном проект, после чего получила кучу предостережений «держаться подальше от этого напыщенного аристократишки» и «не верить старому врагу».

Рон, в отличие от меня, совсем не умел прощать.

В общежитие я заявила ближе к часу ночи. Вообще отбой в одиннадцать, но на аспирантов это правило не распространялось. Как говорил наш комендант: «Большие детки, в люльке можно не качать».

Почему-то было тревожно, даже несмотря на хороший вечер. Я всё пыталась понять, в чём дело, перебирала в памяти фразы друга... И наконец поняла.

«Арманиусу повезло, что есть ты, — сказал Рон ближе к концу вечера. — Потеряй он дар лет пять назад...»

Да, безнадёжных магов нужно лечить сразу. Повременишь хотя бы месяц — и магия растворится совсем, контур не просто сломается — он умрёт, потухнет. Но причина моего беспокойства была не только в этом.

Я — учёный-одиночка. Даже Валлиус толком не в курсе моих разработок. Точнее, он в курсе, но по отдельности, а не вместе, и в случае, если со мной что-нибудь случится...

Конечно, с чего вдруг со мной что-нибудь случится? А с другой стороны... У Арманиуса тоже наверняка есть «старые враги», только они, в отличие от Байрона, настоящие.

Поэтому я села за стол, взяла новую тетрадь и принялась писать, выстраивая схему лечения ректора день за днём, процедура за процедурой. Оставляла кое-какие варианты — в чём-то я была не уверена до сих пор, — но в целом план лечения зафиксировала.

И, успокоенная, уснула, когда за окном уже светало.

Почему-то Берт совершенно забыл, что ему необходимо лечиться каждый день, и Эн должна прийти в субботу. Поэтому, когда раздался звонок в дверь, он чуть не подавился кофе — как раз завтракал, сидя на диване в библиотеке.

Арманиус всегда чувствовал себя гораздо уютнее среди книг, и библиотека была его любимой комнатой в доме. Здесь он и ел, и отдыхал, и работал, и даже спал иногда, когда допоздна засиживался за книгой. Большинство комнат в доме вообще были заперты за ненадобностью. Когда-то давно семья Арманиусов состояла из пяти человек — кроме родителей у Берта были еще брат и сестра, — но теперь никого не осталось.

Эн Рин, впорхнувшая в библиотеку, была, как всегда, деловой и собранной. Оглядела стол, на котором стояли остатки завтрака, повела носом, почувствовав запах кофе, и улыбнулась.

Улыбка преобразила её лицо, делая его почти детским.

— Это замечательно, архимагистр, что у вас такой хороший аппетит. Как говорит Валлиус...

— «Если больной хорошо кушает, значит, это не больной, а выздоравливающий», — хмыкнул Берт. — Да-да, я знаю эту присказку. Некоторые больные, точнее, выздоравливающие, имеют глупость за неё на Йона обижаться.

— Почему же глупость? — Эн положила сумку на край стола, там, где не было тарелок, чайников и чашек, открыла и достала оттуда хирургические перчатки. — Все больные довольно-таки обидчивы. Когда тебе плохо, обостряются все чувства, и люди становятся... непохожими на себя.

— А я? Я похож на себя? — поинтересовался Арманиус, почему-то радуясь, что девчонка наконец разговаривает с ним, как нормальный человек.

Эн постучала указательным пальцем по шприцу, выпуская воздух.

— Я слишком плохо вас знаю, чтобы судить. Так, — она повернулась к Берту, держа шприц на изготовке, — снимайте халат, ложитесь на живот, спиной ко мне. Сейчас будем делать укол.

— Куда?

— В попу.

— Это хорошо, — пробормотал Арманиус, выполняя знакомые и привычные за шесть дней лечения действия. — Туда не так больно.

— Это пока, — пообещала Эн, вонзая иглу. Пару мгновений Берт ничего не чувствовал, а потом лекарство начало растекаться... вместе с ощущением, что его поджаривают на раскалённой сковороде.

— У-у-у.

— Через минуту пройдёт, — девчонка сочувственно похлопала Арманиуса по второй ягоdice. — Ничего особенного, просто стимулятор иммунной системы.

— А-а-а... з-зачем? — прохрипел он, пытаясь укунуть диванную подушку, но ткань скользила и не давалась. — Его вроде нужно... когда кости сращивают...

— Не только. Но в любом случае, архимагистр, восстановление энергетического контура — это вам не кости, которые за ночь срастаются, а за двое суток новые вырастают. Ваш организм сейчас работает на полную мощность, поэтому вам нужны и стимуляторы, и тонизирующие средства. Организму надо помогать, — заключила Эн. — Всё, должно было пройти. Переворачивайтесь.

Берт медленно перевернулся — боль действительно уже затихала, — и ужаснулся, увидев в руках девчонки несколько длинных игл.

— Это ещё зачем?

— Бойтесь? — она лукаво усмехнулась.

— Нет.

— А чего тогда спрашиваете? Ясное дело — для вас. Ну-ка, ровненько лежите и не двигайтесь.

Через пять минут Арманиус стал похож на ёжика. Иголки торчали отовсюду — из рук, груди, живота, ног... Даже в переносицу Эн ему иголку воткнула.

Но, слава Защитнику, подобная процедура оказалась не болезненной. Только неудобной.

— Всё! — выдохнула девчонка, закончив втыкать иголку куда-то рядом с пяткой. — Теперь десять минут лежите и не двигайтесь, что бы я ни делала.

— Звучит угрожающе. А разговаривать?

— Только без фанатизма.

Эн достала какой-то флакончик из сумки, побрызгала Арманиуса его содержимым, а после села рядом и принялась растирать это содержимое по всему телу — словно узоры выводила.

Кожу слегка кололо — не больно, скорее, приятно, — и то ли дело было в прикосновениях прохладных пальцев, то ли в самом лекарстве, но Берт почувствовал, что начал возбуждаться.

«Этого ещё не хватало...»

— Сегодня совет, — сказал он просто для того, чтобы отвлечь самого себя. — Должен был быть вчера, но Арчибальд перенёс. Надеюсь, закон дорабатывает.

— Он собирался, — Эн кивнула. — А вы туда пойдёте?

— Я не могу не пойти. Единственная причина, по которой кто-то из архимагистров может не пойти на совет — это смерть, причём собственная. Я, как ты видишь, жив. Значит, обязан быть.

— Туда ведь нужно переноситься.

— Да, я попрошу кого-нибудь из коллег мне помочь. Кстати... — Арманиус глубоко вздохнул, сдерживая очередную волну дрожи, прошедшей по телу. — Тебе самой было бы полезно поприсутствовать. Пусть посмотрят. Можешь даже пару слов сказать. Одно дело — слушать Арчибальда, принца крови, и совсем другое — одну из тех, для кого этот закон разрабатывается.

Эн явно задумалась.

— А меня пустят? Я ведь не архимагистр.

— По протекции одного из советников — пустят. Пойдёшь?

Она молчала, только продолжала свой издевательский массаж. Потом опустила голову, чуть покраснела и отвела взгляд.

— Извини, — буркнул Арманиус.

— Не нужно извиняться. Это нормальная физиологическая реакция. Как раз именно она — показатель успешности процедуры.

— Я счастлив, — съязвил Берт. Ему чуть ли не впервые за последние много лет было неловко.

— Хорошо, — кивнула Эн и вдруг начала выдергивать иглы. — Я пойду. И вы можете никого не просить помочь вам перенестись. Я всё сделаю.

— Ты?

Арманиусу было сложно представить, как работать с пространственными координатами, имея всего лишь две магоктавы. Даже с учётом амулетов.

— Я, я, — она улыбнулась и встала с дивана, выдернув последнюю иглу. — Не волнуйтесь, у меня большой опыт, на скалу я нас не закину. Всё, архимагистр. К которому часу мне прийти?

— Совет в семь, так что...

— В шесть. Договорились.

И она, быстро захлопнув свою сумку, почти выбежала из библиотеки, всё ещё алея щеками.

Нет, Эн, ты просто невозможная дура!

Как будто в первый раз, честное слово. За три года сколько ты подобных мужских реакций наблюдала — не счесть, привыкла уже. Ничего в этом нет особенного, физиология есть физиология. И если у людей начинают работать руки и ноги, то должны начать работать и половые органы. Просто «безнадёжные», как правило, вообще не замечают, что у них там что-то не работает — после потери дара не до этого. А потом очень удивляются, смущаются, извиняются и... радуются.

Арманиус не обрадовался — скорее, разозлился. А мне захотелось провалиться сквозь пол или убежать. А можно вместе — сначала провалиться, потом убежать.

В реактиве, который я использовала в качестве массажного масла, присутствуют перечная роза и львиный конопляник — мощнейшие мужские афродизиаки. И то, что архимагистр на них отреагировал — прекрасно. Прогресс идёт полным ходом.

Если бы мне еще не было настолько неловко... Кажется, последний раз я так смущалась, когда лечила Арчибальда. Но он был по сути первым моим пациентом, с ним всё было внове, и мне тогдашней это было простительно. Да и принц отреагировал совсем не так, как Арманиус. Он удивился, а после, посмотрев на моё красное лицо, начал расспрашивать о составе реактива, потом еще о чём-то... Я отвлеклась и забыла о смущении.

Теперь же, наоборот, не могла забыть, как ни старалась.

Но я забуду. Сейчас приду в общежитие, приму душ, схожу на обед — и к шести часам приведу себя в порядок.

В конце концов, ничего особенного не случилось. Просто твоё отношение, Эн, делает это «случившееся» особенным.

Я только в общежитии вспомнила, что забыла отдать архимагистру тетрадь со схемой лечения. Ну ничего, вечером отдам, после совета.

Если я там выживу, конечно. Хотя вряд ли это будет сложнее учёбы в университете.

День пролетел быстро. Я только и успела, что помыться и пообедать, потом чуть почитала новую статью Валлиуса в «Медицинском глашатае», похихикала над любовным романом — и вот, настала пора вновь собираться к Арманиусу.

На улице была метель, и меня, пока я бежала к дому архимагистра через Дворцовую набережную, чуть не снесло колючим и каким-то злым снегом. Он раздражённо бил в лицо, щипал за щёки и даже залетал за шиворот, остужая шею. И яркий свет фонарей при такой погоде казался зловещим за пеленой снежной бури...

Арманиус уже ждал меня. Стоял в прихожей, опираясь на трость, одетый с иголки, и даже в архимагистерском чёрном плаще из драконьей кожи. Хотя, наверное, на совет полагается являться так и никак иначе.

— Оставь верхнюю одежду здесь, — кивнул мне на шкаф. — Потом заберёшь.

Я послушно повесила на вешалку зимнее пальто и, обернувшись, нервно расправила платье под взглядом ректора.

Что было в этом взгляде? Я не смогла понять.

— Всё нормально? — поинтересовалась с беспокойством. — Я... точно нормально одета?

Шерстяное зелёное платье вроде было вполне приличным. Не роскошное, обычное платье, но мы ведь и не на бал идём...

Впрочем, кто их, этих архимагистров, знает?

— Нормально, — Арманиус нервно дёрнул уголком рта. — Ты опять будешь пользоваться этой своей иглой?

— Конечно. — Я требовательно протянула руку. — Давайте координаты.

Ректор промолчал, только достал из кармана плаща бумажку с координатами и отдал её мне. Я быстро пробежалась взглядом по данным, одновременно с этим вытаскивая из маленькой сумочки через плечо футляр с иглой.

Привычно вонзила артефакт под кожу на запястье, перетерпев пару мгновений боли. Бусина из горного хрусталя засветилась, и я, встав рядом с Арманиусом, начала строить пространственный лифт.

Помню, как преподаватель пространственной магии говорил нам, студентам-пятикурсникам: «Вы можете мечтать о том, чтобы переноситься мгновенно, по велению мысли, но пока это остаётся лишь мечтой. Перенос самого себя из точки А в точку Б — это сложный математический расчёт».

Я всегда любила сложности, и этот предмет был у меня одним из самых обожаемых.

Шесть стен — в том числе вверху и внизу, чтобы закрыть лифт, — скрепить их вместе, дабы не развалились при переносе, на каждую нанести координаты точки Б... Проверить всё три раза — нет ли ошибок? Протестировать проходимость... Да, путь свободен.

— Возьмите меня за руку, архимагистр, — прохрипела я, сдерживая желание вытереть пот, льющийся по лбу и уже попадающий в глаза.

Арманиус молча выполнил то, что я попросила. Я выдохнула, успокаивая сердце, забившееся быстрее от прикосновения его тёплой и сухой ладони, и активировала лифт,

вписав в формулу константу перемещения.

Стены резко засветились белым, закрывая обзор. А когда через пять секунд свечение прекратилось, мы уже стояли посреди незнакомой мне комнаты, на красно-чёрном ковре с таким глубоким ворсом, что мои ноги моментально утонули в нём, как в снегу.

Лифт истаял, и я выдернула иглу из запястья. Оттуда сразу потекла кровь — так было всегда при работе со сложными заклинаниями — и я уже полезла в сумку за кровеостанавливающим, когда вдруг услышала:

— Дай-ка...

Арманиус взял меня за руку, прикоснулся пальцами к ране... и закрыл глаза, горько и беспомощно улыбнувшись.

— Демоны... Я же не маг теперь.

Это он... хотел меня вылечить?..

Я сглотнула, не в силах отнять ладонь.

— Всё вернётся, архимагистр. Обязательно.

Он открыл глаза и посмотрел прямо на меня. И улыбка из горькой стала какой-то другой... кажется, нежной?..

— Конечно, вернётся. Мной ведь занимаешься ты.

Защитница! Это был комплимент или мне показалось?!

Берт никогда не видел ничего подобного.

Во-первых, благодаря артефакту-игле уровень дара Эн на время стал равен примерно пятидесяти магоктавам. Удержать всё это двумя октавами... Архимагистр ужасно боялся, что девчонка не сможет, рухнет рядом с ним, или вообще умрёт от перенапряжения.

На лбу и висках вздулись синие вены, белки глаз покраснели, по лицу струился пот... Эн напоминала человека, который пытается удержать на плечах гору. И вот — вроде бы это невозможно... но она удержала. Выстроила демонов лифт и активировала его. Выглядела, правда, при этом так, как будто вот-вот скончается.

И пока они неслись в лифте к месту сбора советников, Арманиус пытался представить, каково ей было сдавать экзамены в университете. А ведь там ещё и травили наверняка... Нетитулованных всегда травят. А уж её сам Защитник велел — с двумя-то магоктавами...

Подобное упорство — нет, упрямство! Демоново упрямство! — вызывало восхищение, уважение и... оторопь.

Зачем это всё? Неужели оно того стоило? Могла бы выучиться на кого угодно — стать парикмахером, швейей или травницей, варить зелья для облегчения зубной боли. Благо там магия практически не требуется. Эн же добровольно выбрала самый сложный, практически невозможный путь, и продолжала прямо им идти.

Но... демоны его раздери! Арманиус был рад, что она выбрала этот путь. И даже не потому что иначе он остался бы без дара навсегда. Просто каждый человек — в том числе маг, — хочет верить в чудо.

Берт давно не верил в чудеса. До встречи с Эн — не верил.

Но как не верить, когда она — живое чудо?

Рассуждать о том, комплимент это был или нет, оказалось некогда — к нам уже спешили. Мужчина в чёрной форме с золотыми пуговицами, не маг. Какой-то служащий, наверное.

— Архимагистр Арманиус, — уважительный поклон ректору, — а с вами?..

— Моя помощница Эн Рин, — отчеканил архимагистр так, что не осталось сомнений — услышь он хоть слово против моего пребывания здесь, беде не миновать. — Мы пройдем в зал вместе.

Интересно, а если будут возражения, что станет делать Арманиус?

Но возражений не последовало. Служащий кивнул и пригласил нас за собой.

Как я поняла, изначально мы попали в зал, куда переносились архимагистры перед советом. Очень большое помещение круглой формы, залитое светом от сотен магических лампочек — какое расточительство! — парящих под потолком, и ковёр с глубоким ворсом, и несколько служащих с любезными улыбками.

Зал, куда нас привели, напоминал театральный — кресла в несколько рядов и сцена для выступающих. Только кресла были роскошнее, чем те, которые я видела даже в Императорском театре, а сцена поменьше.

Мест здесь было примерно для двухсот человек. Надо же, как у нас, оказывается, много архимагистров...

— Вот сюда, пожалуйста, — служащий подвёл нас к первому ряду. Мне стало немного неловко — по соседству с Арманиусом сидел Абрахам Адэриус — насколько я знала, именно он считался главой Совета архимагистров.

Неприятный человек. Глаза чёрные, глубокие, проникающие под кожу, седые волосы до лопаток, и нос как у хищной птицы. Выражение лица слегка брезгливое, скучающее, и очень равнодушное.

Когда-то Абрахам был одним из лучших охранителей и даже трижды получал орден Золотого орла, но эти времена безвозвратно прошли. Теперь он, пожалуй, мог считаться старейшим магом среди охранителей. Интересно, сколько ему? Лет сто пятьдесят, наверное...

— Бертран, — губы Адэриуса искривились в улыбке, больше напоминающей презрительную усмешку, — а я всё гадал, придёшь ты или нет.

— Я не мог не прийти, Абрахам, — ответил Арманиус, опускаясь в кресло рядом с коллегой. Взглянул на меня. — Садись, Эн.

Я послушно устроилась в соседнем. Адэриус смерил меня примерно таким взглядом, каким смотрят на грязных бездомных псов, и продолжил:

— По правде говоря, я собираюсь в ближайшее время собрать совет по лишению тебя звания архимагистра...

Я даже открыла рот, чтобы протестовать, но неожиданно почувствовала, как ректор сжал мою руку в своей.

— Повремени с советом пару месяцев, Абрахам.

— Надеешься выкарабкаться? — Адэриус красноречиво покосился на наши сцепленные руки. — Что ж, я поставлю этот вопрос на голосование. Но не думаю, что задержка имеет смысл. Даже если тебе восстановят контур, как обещает Валлиус, ты должен будешь вновь пройти аттестацию на архимагистра. Но пусть коллеги проголосуют, вдруг моё решение не найдёт поддержки?

— Маловероятно, — усмехнулся ректор, не отпуская мою руку.

— Ну вот, ты и сам всё понимаешь. А теперь объясни мне, как главе совета, зачем ты притащил сюда эту бездарную?

У меня перед глазами от злости даже чуть потемнело. Стало легче, когда я вспомнила вдруг, что в подобных случаях говорит наставник.

«Зубастый хищник, но зубы-то гнилые. А гнилые зубы проще выбить».

Валлиус был прав, но и Арманиус, вновь сжавший мою ладонь, тоже.

Не мне эти зубы выбивать.

— Устав Совета, раздел второй, пункт четвёртый, — сказал ректор, как мне показалось, чуть насмешливо. — Каждый советник имеет право привести с собой одного приглашённого, независимо от его происхождения и рода деятельности.

— Я прекрасно помню Устав, — процедил Адэриус, — я спросил, зачем.

— А как, по-твоему, я должен был сюда добираться? С переломанным-то контуром, — усмехнулся Арчибальд. — Меня перенесла Эн. Так что это не я её привёл, а она меня.

У старого архимагистра вытянулось лицо.

— Перенесла? Демоны тебя раздери, Берт, это глупая шутка.

— А я и не шучу, Абрахам.

Но сказать что-то ещё никто не успел — на «сцене» появился один из архимагистров. Примерно такой же старый, как Адэриус, и с тростью. Стукнул ею несколько раз об пол, и разговоры начали затихать.

— Я прошу тишины, господа и дамы. Сегодня мы будем обсуждать предложение по усовершенствованию нашей системы законов, предложенное его высочеством Арчибальдом. Закон «О порядке наследования и получения титулов». Ваше высочество, прошу.

Сердце забилось сильнее, когда из помещения за «сценой» вышел Арчибальд. Обвёл взглядом зал, на секунду задержавшись на мне, чуть улыбнулся, и начал говорить.

— Добрый вечер, уважаемые архимагистры...

Его высочество говорил примерно полчаса, и за эти полчаса я успела в полной мере ощутить, что такое «звенящая тишина».

Господа маги молчали, словно на похоронах. Внимательно слушали, хмурились, морщили носы, кривили губы, но молчали. Хотя я не особенно вертела головой, стремясь изучить чужие реакции — больше слушала Арчибальда.

Он доработал закон, и доработал хорошо. Предлагал передавать титул супругам — соответственно, браки между аристократией и не-аристократией становились возможны, — по заслугам перед империей: за спасение кого-либо из членов императорской семьи, зарегистрированные научно-магические открытия и за выслугу лет. Всё это касалось только магов, и при таком законе далеко не каждый мог получить титул. Нет супруга, спасения или открытия — изволь отработать на родную империю двадцать лет, тогда получишь титул и право не платить налоги.

Тоже не совсем справедливо. Но и дерево нельзя срубить одним движением топора. Со временем, возможно...

Думаю, что при таком подходе архимагистры не стали бы сильно артачиться, понимая, насколько необходимо пересматривать застоявшиеся устои. Но Арчибальд решил пойти чуть дальше...

— Кроме того, я предлагаю ввести для аристократии ту же систему налогообложения, что сейчас применяется к не-аристократии.

Вот тут зал зароптал.

— Налог на зарегистрированных магически одарённых детей — раз. По достижении совершеннолетия — налог на обучение в высшем учебном заведении или училище при отсутствии у аристократа дара. Среднее образование остаётся бесплатным, как и магическая медицина.

Архимагистры шумели. Конечно, никому не хотелось платить налоги на собственных детей. За дар, если он в наличии, или за обучение немагической профессии — при его отсутствии.

— Прошу прощения, ваше высочество, — Адэриус встал с места и чуть поклонился принцу, — но позвольте узнать — какое отношение подобные поправки имеют к вашему закону о титулах? Это уже совершенно другие законы.

— Самое прямое. В случае принятия моего закона казна остро ощутит нехватку средств. Это способ её заполнить.

«Дурак», — услышала я сдавленный шёпот сидящего рядом Арманиуса. Да, пожалуй, чересчур прямолинейно...

— Получается, нехватку средств планируется восполнять за счёт аристократии? — в голосе Адэриуса чувствовалось неодобрение, а в зале уже буквально ревели. Мне захотелось посильнее вжаться в кресло — среди этих «сильных мира сего» я ощущала себя не очень уютно.

— Ваше высочество!

Как у Арманиуса получилось перекричать этот гул — ума ни приложу. Но он перекричал. Вскочил на ноги — и архимагистерский ропот начал затихать.

— Позвольте мне сказать пару слов по поводу вашего проекта.

Арчибальд нахмурился и зачем-то бросил взгляд на меня. Поджал губы, но всё-таки произнёс с неохотой:

— Извольте.

Ректор кивнул и повернулся лицом к коллегам. Те уже почти совсем затихли — только по залу периодически проносился недовольный шёпот.

— Его высочество во многом прав, мы с вами все это понимаем. И те, кто, как я, вышел из аристократии, и те, кто добился звания архимагистра, не обладая титулом. Конфликт в обществе назревает давно, и чем дольше мы будем откладывать принятие закона, тем хуже потом придётся нашим детям.

— У тебя нет детей, Бертран.

Услышав этот комментарий Адэриуса, мне захотелось его стукнуть. И кажется, ректору тоже. Он на секунду прикрыл глаза, а потом ответил с лёгкой усмешкой:

— Я надеюсь когда-нибудь исправить этот существенный недостаток, Абрахам. И так, все мы понимаем необходимость принятия закона о титулах. Но я считаю, что в том виде, в котором закон представил его высочество, принимать ничего нельзя.

Арчибальд хмыкнул и сложил руки на груди, явно недовольный, а Арманиус продолжал:

— Это будет катастрофой для всего и всех. В первую очередь для казны. Изменения налогообложения для аристократии я отказываюсь сейчас обсуждать — это отдельная тема, требующая отдельного внимания. Что касается самого закона... Дорогие коллеги, я полагаю, все согласятся с тем, что гораздо эффективнее делать всё постепенно. И первый шаг — возможность заключить официальный брак. Многие маги получат свои титулы в течение следующего же месяца. И дабы компенсировать казне потерю средств, я бы предложил ввести пошлину на регистрацию подобного брака.

Архимагистры в зале хлопали глазами ничуть не хуже меня.

Пошлина на регистрацию брака, ну надо же...

— Это несравнимые средства, — заметил Арчибальд. — Пошлина восполнит только одну десятую часть.

— Это верно, ваше высочество. Но и потери не такие уж и большие с учётом маленького шага. Сделаем его — и тогда посмотрим и подумаем, что дальше.

Арчибальд хмурился, по — прежнему держа руки сложенными на груди. Я его понимала. Рассчитывая получить сразу всё, он не хотел довольствоваться малым.

Но Арманиус был прав.

И мои мысли подтвердил голос, донёсшийся откуда-то сверху:

— Вы правы, Бертран. Арчибальд, я поддерживаю инициативу архимагистра Арманиуса. Доработай закон. Обсудим на следующем чтении, скажем... в первый понедельник нового года.

Я никогда не слышала голос императора, но то, что это говорил именно он, поняла сразу. Оглянулась и подняла голову — наверху, над креслами архимагистров, находилась ложа его величества. То ли я её сразу не заметила, то ли она была скрыта магией...

Император Арен сидел там один. Ну, если не считать двоих охранников-архимагов.

— Да, ваше величество, — сказал Арчибальд, склонив голову. И обратился уже к архимагистрам: — Господа и дамы, на сегодня я закончил. До следующей встречи. — Обвёл глазами зал, вновь задержавшись на мне, и ушёл со «сцены».

Я выдохнула. Но, как оказалось, рано...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как только император и его высочество ушли, на «сцену» поднялся Адэриус.

Я почувствовала, что ректор в соседнем кресле напрягся, и тоже напряглась. Собирается обсуждать его архимагистерство?

— Дорогие коллеги, — теперь бывший охранитель говорил громче, но магией не пользовался — акустика в зале всё равно была отличная, — предлагаю вынести на голосование следующее. Все мы знаем, что Бертран Арманиус недавно потерял дар. Будет он восстановлен или нет — этот вопрос нас не касается, но в любом случае после потери дара необходимо пройти переаттестацию. Прошу вас проголосовать — будем ли мы обсуждать эту тему на следующем совете?

Я огляделась — над головами архимагистров загорались огоньки. Зелёный — за, красный — против. И зелёных было очевидно больше.

От возмущения я чуть не задохнулась и, приняв решение, подалась вперёд, привстав с кресла... Но тут же повалилась в него обратно — Арманиус нашёл мою руку и сжал её, не давая встать.

— Что вы?.. — прошипела я, вновь предпринимая попытку вскочить. — Я же могу вам помочь!

Архимагистр качнул головой, ничего не говоря.

— Пусть хотя бы месяц подождут! — горячо зашептала я. — Что вы, зачем?..

А Адэриус уже вещал на сцене:

— Отлично, большинством голосов принято решение об обсуждении ситуации на следующем совете. Благодарю за внимание, если ни у кого нет больше вопросов, можно расходиться.

У меня были вопросы, но рука Арманиуса по — прежнему красноречиво сжимала мою ладонь. Я скрипела зубами от злости, но пойти вопреки воле ректора не хотела.

Я не могу судить об этой ситуации беспристрастно, он знает больше, чем я. И ему лучше знать, повредит моё вмешательство или нет.

Так что я промолчала. Промолчала, а потом довела архимагистра до зала перемещений, вонзила в руку иглу и вернула нас в его дом.

Чтобы тут же дать волю чувствам...

Всю обратную дорогу Эн пытала, поджимала губы и сопела, как ёжик, и Берту было немного смешно. И до ужаса приятно, что она за него беспокоится.

Как только пространственный лифт истаял, Эн повернулась лицом к архимагистру и сказала громким раздражённым голосом:

— Зачем вы брали меня с собой, если не дали высказаться? Ладно, Арчибальду моя помощь не понадобилась, но вам-то! Как вы могли так легко отказаться от звания?!

У Берта появилось странное желание схватить Эн в охапку, обнять и утащить к себе в спальню.

Жаль, что за подобные действия он точно как минимум получит по физиономии.

— Я не отказывался. И ты не смогла бы мне помочь. Подумай, Эн. Какая разница, когда будет это решение, сейчас или через два месяца? Переаттестацию всё равно придётся проходить.

— Но вас же лишат статуса!

— А зачем он мне нужен?

Она оторопела.

— Как это?

— Вот так, — Берт усмехнулся. — Что даёт архимагистерство? Почёт и уважение? Они у меня и так есть. Посobie от империи? Ничего, пару-тройку месяцев я проживу без этих денег. Возможность участвовать в совете? Я и так могу туда попасть, напросившись в сопровождающие, и даже высказать своё мнение — никто не будет возражать. Только что проголосовать не смогу, но один голос для Арчибальда не так уж и важен.

— Но...

— Архимагистр — это просто статус, — сказал Арманиус, глядя в зелёные глаза Эн. — Это принцип — если у тебя достаточно магоктав, ты должен попробовать стать архимагистром. Я стал один раз, стану и еще раз, пройду переаттестацию. Это не принципиально. Гораздо важнее — восстановление контура.

Эн закусила губу, явно размышляя.

— Но почему вы не дали сказать мне даже одно слово в вашу защиту? Вы...

Он почти услышал: «Вы считаете, что я недостойна выступить на Совете архимагистров?»

— В этом просто не было смысла, — проговорил Арманиус как можно мягче. — Кроме того, насколько мне известно, Валлиус старается держать в секрете твои разработки. Слухи ходят, но если бы мы показали тебя совету настолько демонстративно, это уже было бы больше, чем слухи. И это опасно. В первую очередь для тебя. А теперь... вытащи, в конце концов, свою дурацкую иглу. Ты же с трудом на ногах стоишь.

Эн вздрогнула, покосилась на запястье, и со вздохом вытащила артефакт. Достала из сумочки заживляющий бальзам, помазала им ранку, из которой довольно-таки интенсивно текла кровь.

Девчонка была очень бледной и выглядела нездоровой.

— Оставайся у меня.

— Что? — она резко вскинула голову, округляя глаза. Берт поморщился.

— Только не надо условностей — это неприлично, я не хочу вас стеснять, мне неудобно. Жеманным аристократкам оставь подобную ерунду. Уже поздно, завтра тебе возвращаться ко мне. У меня полно гостевых комнат, которые никем не заняты и зачарованы на принятие гостей в любой момент. Оставайся.

Она молчала. И Арманиус решил чуть её подразнить:

— Или ты боишься меня?

Эн словно очнулась. Помотала головой, сбрасывая оцепенение, и ответила:

— Нет, не боюсь. Но у меня нет с собой медицинской сумки. Завтра кое-что оттуда понадобится для вас во время процедуры.

— С утра сбегает, благо, недалеко.

Она переступила с ноги на ногу.

— Вообще я хотела поужинать...

— Кто тебе мешает поужинать у меня? — Берт поднял брови. — Мне каждый день доставляют еду из ресторана «Омаро». По требованию через пространственный лифт. Закажем что-нибудь и тебе.

— Из «Омаро»? — девчонка вновь оцетинилась. — Да там же цены!

Арманиус не выдержал — рыкнул:

— Эн, не испытывай моё терпение! Ты у своих гостей тоже деньги берёшь за печенки, которые они едят из твоей вазочки? Прекращай! Если остаёшься, то пойдём наверх, я твою комнату покажу, сумочку там кинешь, а я пока попрошу сегодняшнее меню. А если нет — дуй отсюда поскорее и не трать моё время на пустые препирательства!

Она молчала секунды три, и Арманиусу показалось — из закушенной губы сейчас кровь пойдёт.

Потом вздохнула и, отведя на мгновение взгляд, негромко сказала:

— Ладно, останусь. — И, словно защищаясь, добавила едко, язвительно: — Хоть узнаю, чем в «Омаро» аристократов кормят.

Берт усмехнулся и кивнул на лестницу.

— Отлично. Пошли комнату смотреть.

Наверное, я свихнулась.

Нет, если бы то же самое предложили мне Рон или Валлиус — ничего особенного, я бы даже не подумала отказываться. Но ректор...

И тут в памяти всплыли его недавние слова.

«Что ты не подумала? Что я тоже человек? Что я могу испугаться? Что я могу беспокоиться за тебя?»

Он действительно просто поступил так, как любой хороший человек на его месте. Я сама бы так сделала. И почему именно его поступки я расцениваю как нечто особенное?

Хотя глупый вопрос. Моё отношение делает особенным все его поступки.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, затем пошли по ярко освещенному коридору. Там же, в начале, находилась библиотека, где я уже столько раз бывала. А чуть дальше располагались двери в комнаты.

— Здесь все гостевые, — буркнул Арманиус. — Я живу в левой половине дома. Если что-то понадобится, вызывай по браслету. Номер дам.

— Вы прям как в казарме...

Он едва заметно улыбнулся.

— Нет, Эн. Поверь мне — совсем не похоже. Да, пожалуй... Вот эта комната тебе подойдёт. Смотри.

Ректор коснулся двери, и она распахнулась. Я резко выдохнула.

Подойдёт?..

Кому такая комната может не подойти?

На полу — синий ковёр, тёплый и мягкий настолько, что сразу захотелось снять тапочки и почувствовать его голыми ногами. Слева большая двуспальная кровать, застеленная белым покрывалом. Ткань чуть переливалась, словно покрытая инеем. Рядом — тумбочка с лампой из разноцветного стекла и шкаф для одежды из светлого дерева, с зеркалом на одной из дверей и открытой секцией, заполненной книгами. А напротив кровати — трюмо, и тоже из светлого дерева.

Стены были голубыми, а шторы на большом и широком окне — персиковыми. Красота!

— Спасибо, архимагистр. Мне здесь очень нравится.

Он кивнул, задумчиво осматриваясь.

— Я здесь уже лет пять не был. Действительно красиво. Эту комнату обставляла моя младшая сестра Агата, селила в неё своих гостей.

Я нахмурилась. Агата Арманиус... Я ведь что-то слышала о ней.

— Не напрягай память, Эн. Агата не успела стать значимой для магической науки. Она была просто молодой девушкой, невестой наследного принца, а ныне императора Арена. Даже университет не успела закончить.

И тут я вспомнила.

— Точно. Покушение на наследника. Я тогда была на первом курсе. А потом мы проходили это по истории...

— Всё верно. Хотели убить Арена, а убили Агату. Ладно, располагайся, а я пока меню закажу.

Ректор развернулся и зашагал к двери. Но остановился на пороге, кинул мимолётный взгляд на картину, что висела над трюмо, и негромко сказал:

— Это, кстати, она нарисовала.

На картине был императорский замок издалека, со стороны Дворцовой набережной. Наледь реки, искрящийся снег, и небо — светло-голубое, с пёрышками облаков.

Я плохо помню тот день, когда погибла Агата Арманиус. Я что-то сдавала... какую-то семестровую работу... И слухи о том, что случилось, дошли до меня только вечером.

Мне было жаль и ректора, и его сестру, но совсем некогда оказалось об этом думать — я изо всех сил старалась сделать так, чтобы меня не отчислили.

А вот несколько лет спустя, на семинаре по истории Альганны, время подумать у меня уже появилось. Случившееся было крайне странным, тем более, что заговорщиков так и не поймали. Но ведь у них не получилось убить наследника. Почему же они остановились, не достигнув цели? Агата Арманиус была всего лишь юной девушкой, студенткой университета, и по идее попытки должны были продолжаться.

Но их больше не было.

Я, положив сумку на кровать, подошла к окну и выглянула на улицу. Всё замело снегом; он продолжал падать с неба, кружась в свете фонарей, и кроме него ничего не было видно. Ни противоположной стороны набережной, ни даже реки. Темнота, снег, фонари как пятна света во мраке — и всё.

Я вновь задёрнула шторы.

Надо сходить в библиотеку, отдать Арманиусу план его лечения. И, конечно, поесть.

Я не сомневалась, что ректор, пока я предавалась собственным мыслям, находится в библиотеке. И точно — он сидел на диване, за шесть дней лечения уже изрядно набившем мне оскмину, и листал толстую папку в кожаном переплёте. Видимо, меню.

Поднял голову и кивнул мне на кресло, стоявшее рядом с диваном.

— Садись. На столике второе меню лежит, смотри, выбирай.

Но прежде чем сесть, я протянула Арманиусу захваченную из комнаты тетрадку.

— Вот. Пусть будет у вас.

— Что это? — уточнил ректор, но тетрадку тем не менее взял.

— План лечения, — я опустила в кресло и продолжила: — Мало ли, что может случиться. Если что, вы сами завершите своё лечение.

Несколько секунд Арманиус молчал.

— Хоть мне и не нравятся подобные мысли, — сказал в конце концов, — но думаешь ты в верном направлении. Тетрадь защищена магически?

— Да, я поставила пароль. Самый простой — ваше имя. И еще возвратное заклинание, направленное на ваш дом. Если украдут, тетрадь сюда быстренько вернётся. Только нужно активировать, назвав пароль в первый раз.

Арманиус прошептал «Бертран», дотрагиваясь до обложки, зажмурился от слепящего света активации, а затем вновь поднял глаза на меня.

— Ты сама-то какую-нибудь защиту носишь?

Я усмехнулась.

— Архимагистр, постоянно я могу носить только элементарные амулеты, самые простые. Остальное слишком давит на грудь. У меня есть один амулет, но он, конечно, очень слабый, сами понимаете.

— Ясно, — ректор вновь уставился в меню. — Охранник тебе нужен. Странно, что Арчибальд до сих пор не приставил никого из своих.

Я напряглась. Видимо, Арманиус по-прежнему считает меня любовницей принца.

И что делать? Разубеждать или нет?

Нет, не буду. В конце концов, что я могу сказать в своё оправдание так, что бы ректор поверил?

Да и почему я вообще должна оправдываться?!

Поэтому я, глубоко вздохнув, молча открыла меню. Глаза сразу заслезилась. Защитница, это что же? Цены такие?!

Ужас. Я сейчас в обморок упаду.

Сразу вспомнился Валлиус с его любимым: «Лучшее средство от обморока — нашатырь. Ничего эффективнее этой вонищей гадости ни один маг ещё не придумал».

Где там мой нашатырь...

— Выбрала?

— Давайте-ка вы сами, архимагистр, — ответила я твёрдо и положила меню обратно на журнальный столик. — Иначе я просто не смогу это есть.

— А Арчибальд не водил тебя в «Омаро»? — и хмурый взгляд поверх меню.

Страшно захотелось ответить какую-нибудь гадость типа: «Нет, только в столовую императорского госпиталя». Но я сдержалась, просто буркнув:

— Не водил.

— Ладно, тогда выберу сам. Ты рыбу ешь?

Я иронично улыбнулась.

— Архимагистр, я выросла в сиротском приюте. Я ем всё.

Он кивнул и начал связываться с рестораном по браслету связи.

Аппетит у Арманиуса оказался более чем отличный. Причём он явно счёл, что у меня такой же. Два салата, которые хотелось не есть, а зарисовывать — такие они были красивые — два горячих блюда, два десерта, бутылка вина и здоровенный чайник с чаем.

— А зачем вино? Вам же нельзя алкоголь.

Ректор хмуро посмотрел на меня поверх доставленной бутылки.

— Если очень хочется, то можно.

— Нет, нельзя, — отрезала я, встала с кресла и отнесла бутылку прочь со стола,

примостив на подоконнике. — И вообще нельзя, а уж в присутствии вашего лечащего врача тем более.

Арманиус вздохнул так горько, что я невольно улыбнулась, опускаясь обратно в кресло.

— А что мне можно?

— Чай можно, — я кивнула на чайник. — Тем более, что вы его заказали на целый отряд охранителей.

— Ладно, — ректор сдался. — Вот восстановится контур, отыграюсь...

Я решила не уточнять, на мне или на бутылках. Взяла салат, попробовала...

К моему удивлению, на вид оказалось вкуснее, чем собственно на вкус. Да, очень неплохо, но ничего особенного, более того — наш госпитальный бесплатный овощной салат точно вкуснее.

Опять вспомнился Валлиус, и я пробурчала:

— Не в ценах счастье...

— Не нравится? — Арманиус, начав жевать, чуть оживился. — Это у них там новинка, что-то от шеф-повара. Решил попробовать. Надо было взять обычного «Мага-обжорку».

Я чуть не поперхнулась.

— А в «Омаро» есть «Маг-обжорка»?

— Естественно, это же самый популярный салат в Альганне. В Грааге он есть во всех ресторанах. По крайней мере так мне говорил один коллега-охранитель с севера. Вычитал в путеводителе. Ты говорила, что родилась на севере?

Я кивнула. А ректор явно решил продолжать расспросы:

— И семья погибла из-за демонов Геенны?

Вот это уже опасная тема. Хотя вряд ли он вспомнит. За прошедшие с момента нашей первой встречи восемнадцать лет Арманиус спас слишком много детей.

— А как они выглядели?

— Демоны-то? — Надо срочно менять тему. — Я плохо помню, архимагистр, простите. Меня больше интересует вопрос, что такое Геенна вообще. Вот вы, как охранитель, можете мне на него ответить?

— Начнёшь изучать и искать способ её уничтожить? — ректор улынулся, но совсем не насмешливо, и прозвучало это не обидно.

— Обязательно. Как покончу с темой восстановления энергетических контуров.

Арманиус хмыкнул.

— В таком случае Геенне несдобровать.

Это опять комплимент, или мне кажется?

— Ты же наверняка помнишь самую распространённую версию. Геенна — портал в другой мир, точнее, в другие миры. А огонь, её наполняющий — это пламя Защитника, которым он окружил этот портал, чтобы защитить наш мир от демонов.

Да, я помнила эту легенду, составляющую часть веры. Именно на ней — если не учитывать кровную магию — и держалась власть императора Арена.

Королевская семья, носившая фамилию Альго, считалась потомками Защитника. Конечно, никаких доказательств этому не было, по крайней мере прямых. И периодически кто-нибудь из аристократии начинал мечтать сместить династию, но

наткнулся на одно непреодолимое препятствие — магию крови.

Это, кстати, была университетская тайная мечта Рона — создать артефакт, который смог бы переломить древнюю магию. Но кроме меня он эту мечту никому не рассказывал, опасаясь, что просто за подобные мысли его могут навечно закрыть в тюрьме.

Я же никогда не осуждала друга. Он был учёным, таким же, как я — а любой учёный всегда мечтает совершить переворот в науке. И древняя кровная магия, загадку которой до сих пор так никто и не разгадал наряду с загадкой Геенны — неплохой вызов.

— Не знаю насчёт божественного пламени, — продолжал ректор, — но насчёт портала я практически уверен. Демоны слишком отличаются друг от друга, чтобы быть существами из одного мира. И нам колоссально повезло, что Геенна не увеличивает свою активность и не расширяется, границы её неизменны. Считается, что это влияние пламени, но...

— Точно утверждать никто не может, — я кивнула. — Интересно, что будет, если войти в Геенну... никто же не пробовал?

К моему удивлению, Арманиус засмеялся.

— Эн, неужели ты думаешь, что за сотни лет существования Геенны еще ни один маг не попробовал туда войти? Конечно, были такие люди. Трое, если быть точным.

— Да-а-а-а? — я аж подпрыгнула в кресле. — И что с ними случилось?

— Я не могу сказать, — ректор развёл руками. — На всех охранителях стоит печать молчания по приказу императора. Засекречено.

Вот же...

Надо будет спросить у Рона, существует ли артефакт, который может взломать эту дурацкую печать.

Вот же демоны! Теперь всю ночь буду об этом думать...

До десерта я не дожидая. Точнее, не доела. Привыкнув к полуголодному госпитальному режиму, я с трудом съела салат и горячее. Да и время было уже позднее, поэтому я, извинившись, допила чай — он оказался ничуть не хуже чая его высочества, — и пошла в свою гостевую комнату, по пути размышляя о том, как это удивительно, что я, Эн Рин, целый час ужинала с архимагистром Бертраном Арманиусом, и мы нормально разговаривали друг с другом. Даже хорошо разговаривали.

А ближе к концу вечера ректор спросил:

— Как ты додумалась до этого способа сдавать экзамены? При помощи амулетов?

Я ответила не сразу. Некоторое время сидела и думала, что же сказать, чтобы он понял... По-настоящему понял. Так, как всегда понимали Валлиус и Рон.

— Я придумала это еще до начала учёбы в университете. Мне ведь говорили, что у меня нет шансов учиться там, архимагистр. И я искала этот шанс повсюду. Я осознавала, что мне нужно будет временно увеличивать силу, и необходимо научиться управлять амулетами, которые это делают. Я тренировалась. Сначала на совсем слабых амулетах, потом на более сильных. Это было непросто, поначалу я постоянно теряла сознание, или кровь начинала из носа хлестать, а уж эти проблемы с дыханием... Я несколько лет тренировалась, архимагистр.

Арманиус слушал очень внимательно, даже забыл про десерт.

— Постепенно начало получаться. И время, что я могла носить на себе амулет силы, всё увеличивалось. Но, естественно, не до бесконечности. Сейчас я могу носить свою иглу не дольше часа — потом отключаюсь. Когда училась, не выдерживала дольше двадцати минут. Но этого хватало, чтобы сдать даже самый сложный экзамен.

Я замолчала и уже собиралась вставать и идти к себе, когда ректор спросил:

— Но зачем?

Почему-то стало смешно, и я улыбнулась.

— Архимагистр, а зачем вы пошли в охранители?

— Я не мог иначе. Но это... другое.

— Почему же? Я тоже не могла иначе. Магическая медицина в частности и магия в целом — моя жизнь.

Мне показалось, он всё-таки понял. Понял, что можно выбрать войну — ради мира в собственной душе.

И даже пошутил:

— Валлиус был прав, когда говорил мне, как нам повезло, что у тебя всего лишь две магоктавы. А то бы ты нашла способ уничтожить Геенну, и я остался бы без работы.

Защитница, как же это оказалось приятно услышать...

— Да, Валлиус говорил мне примерно то же самое... Только при этом называл упрямой ослицей.

— Это в его стиле. Меня он когда-то называл... хм... Бэбэ. Бесшабашный баран.

Как же я смеялась!

Но теперь, возвращаясь в гостевую комнату, я вспоминала, что так и не сказала ректору всю правду о том, как называл меня Брайон. Постеснялась.

«Упрямая ослица с добрым огненным сердцем».

Так он сказал, когда я, рыдая от счастья, ворвалась к нему в кабинет, что бы поведать, как в первый раз вспыхнул сломанный контур Арчибальда. Это ведь значило, что у меня получается, действительно получается, и он не зря в меня верил.

Это вообще важно — когда в тебя верят. Мне кажется, если бы я не встретила на вступительном экзамене Валлиуса, ничего из того, о чём я мечтала, так бы и не сбылось. Но мне всегда болезненно не хотелось его разочаровывать.

Его — и Арманиуса. Хотя он тогдашний о моём существовании даже и не подозревал. Не знал, как много экзаменов по боевой и охранительной магии я сдавала, думая о нём.

И никогда не узнает.

С одной стороны, улыбка никак не хотела сползать с лица Берта, а с другой...

Быть прекрасным магом с девяноста пятью магоктами дара довольно просто. А с двумя? Как Эн вообще не умерла?

Но она сама загнала себя в ловушку. С её талантами и при отсутствии дара охрана нужна обязательно. Если кто-нибудь решит, что незачем потерявшим дар магам его возвращать, и нападет, воткнуть иглу в руку Эн просто не успеет. В такой ситуации счёт идёт на секунды.

Впрочем, Берт не исключал, что Арчибальд умнее, чем он о нём думает. Но проверить всё-таки стоило.

И Арманиус, больше не колеблясь, набрал на браслете связи номер его высочества.

Проекция Арчибальда вид имела крайне недовольный, даже злой.

— Добрый вечер, ваше высочество, — поздоровался Берт как можно вежливее, подавив желание самодовольно улыбнуться. Глупое, иррациональное желание... Потому что ему на самом деле совершенно нечем было гордиться.

— Добрый. По какому вопросу? — спросил Арчибальд настолько ледяным голосом, что Арманиусу стало понятно — в мыслях ему сейчас явно желают гореть в пламени Геенны.

— Я хочу узнать. Насчёт Эн. У неё есть охрана?

Взгляд принца стал по — настоящему свирепым.

— С какого демона я должен перед тобой отчитываться?

— Ваше высочество... — А вот теперь захотелось ударить по столу кулаком. — Простите меня за дерзость... Мне не нужен отчёт. Я просто хочу узнать, достаточно ли охраняется человек, от которого зависит мой дар.

Арчибальд скрипнул зубами.

— Именно поэтому Эн до сих пор так и не покинула твой дом, Берт?

Вот оно. Значит, всё-таки за девочкой как минимум следят.

Облегчение было настолько сильным, что Арманиус даже не заметил, как протянул с давно kloкотавшей в груди ехидцей:

— Ревнуете?

Арчибальд молчал, только ноздри его раздувались, как у быка.

— Не волнуйтесь, я не сделаю ничего... ничего против её желания, — продолжал говорить Арманиус, сам толком не понимая, зачем провоцирует принца.

— Иди ты к демонам, Берт! — процедил его высочество голосом, в котором не было ничего, кроме бешенства. — Тронешь её — я тебя по стене размажу.

Арманиус улыбнулся, почему-то чувствуя себя преотлично.

— Под словом «тронешь» ты понимаешь...

Но Арчибальд не дослушал — с треском прервал связь.

А Берт, по-прежнему улыбаясь, встал с дивана и подошёл к окну. Метель почти закончилась, на улице давно стемнело, и только фонари горели ярко, освещая белый снег. Где-то там, в этой темноте, находились соглядатаи его высочества... Демонски ревнивого его высочества.

— Кому что, — пробормотал Арманиус, задергивая шторы и отходя от окна. — Он ревнует, а ты завидуешь. И ещё неизвестно, что хуже.

На самом деле Берт прекрасно понимал — завидовать всё-таки хуже.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром Арманиус с трудом встал. И ведь накануне казалось, что он почти совсем не устал — подумаешь, сходил на совет, — а выяснилось, что очень даже. Попили крови старые стервятники, попили...

Умывшись, одевшись и заказав в «Омаро» завтрак, Берт направился в библиотеку. Эн там не было; зато на журнальном столике лежала короткая записка.

«Доброе утро, архимагистр! Я ушла за сумкой».

— Позавтракала бы сначала, — пробурчал Арманиус, вглядываясь в почерк Эн. Чем-то он напомнил ему почерк Валлиуса — такой же кривовато-угловатый, каким всегда бывает почерк у людей, которые больше думают, о чём пишут, а не о том, как.

Кофе, присланный рестораном, был прекрасен, как и всегда, но Берт толком не ощущал ни вкуса, ни аромата. Ему было досадно, что Эн убежала, не поев. Неугомонная девчонка, совершенно не жалеющая себя...

Она вернулась, когда Арманиус уже почти всё доел. Оставалось только немного кофе и одна большая слойка с ягодной начинкой.

— Доброе утро, — Эн широко улыбнулась. Щёки её были красными с мороза, глаза блестели, и Берт вдруг подумал: а только ли за сумкой она бегала?.. — Как вы себя сегодня чувствуете, архимагистр?

— Прекрати ты меня так называть, — пробурчал Арманиус, и улыбка с лица Эн сразу пропала. — Издевательство какое-то... Будешь завтракать?

— После процедуры, возможно, — сказала она, подходя к столу, и поставила на него свою неизменную сумку. Открыла и принялась надевать перчатки. — Вы тем не менее по — прежнему архимагистр. Так же, как ректор. Метка ведь на месте?

— Да, — Берт покосился на запястье левой руки, где рядом с браслетом связи чернела метка. — К сожалению.

— Вам настолько не нравится быть ректором? — спросила Эн и достала большой шприц, заполненный тёмно-фиолетовой жидкостью. Сняла колпачок и стала медленно выпускать воздух.

— Из меня ректор примерно как из тебя был бы боевой маг, — Арманиус поморщился. — Сама знаешь, Церемония не спрашивает, кого выбрать, ей подавай сильнейшего, а я на тот момент и был сильнейшим. Если бы не стал архимагистром за неделю до этого, титул ректора получил бы Велмар Агрирус.

Эн задумчиво кивнула.

— Это вероятнее всего, архимагистр. Но всё же никто не может гарантировать...

— В данном случае никаких сомнений, — махнул рукой Берт. — Ладно. Что там у тебя опять? Каким местом поворачиваться?

Девчонка закусила губу. Она впервые выглядела неуверенной, и это пугало.

— Снимите рубашку. И ложитесь на диван лицом ко мне.

— Не нравится мне это... — вздохнул Арманиус, но подчинился, как обычно. Лёг и посмотрел на мрачную Эн. — Я хоть жив останусь? — пошутил и удивился, когда она совершенно серьёзно ответила:

— Демона два я дам вам умереть, — и, размахнувшись, всадила шприц куда-то в районе сердца.

Нет... не в районе. Она, Геенна её пожри, иглу прямиком в сердце воткнула!!!

— Ты-ы-ы... — прохрипел Берт, задыхаясь от боли в груди и невозможности сделать вдох.

Всё вокруг расплывалось, и только лицо Эн — белое, с испариной на лбу, плотно сжатыми губами и отчаянной зеленью глаз, — было видно чётко, словно оно относилось к какому-то другому миру. Миру, в котором Арманиус не умирал сейчас от иглы в сердце.

— Давайте, Бертран, — тихо проговорила Эн и, выдернув шприц, положила ладонь на место укола. Удивительно, но кровь оттуда не лилась. — Это риск, но он окупится, Защитницей клянусь...

Риск?

Окупится?

Демоны, о чём она? Он же умирает!

— Давайте, давайте... Вот, вот, вот!!! Вот!!!

Берт глубоко вздохнул, ощущая, как отпускает боль, и сердце вновь начинает биться, разгоняя кровь по телу. А потом он ощутил и кое-что другое...

Контур. Тот самый, переломанный. Он по-прежнему был сломан, но теперь ощущался тонкой ниточкой, тончайшей нитью, обвившей тело. И он был! Был! И не просто вспыхнул на секунду — он продолжал гореть. Ровным белым пламенем, как и положено энергетическому магическому контуру.

— Защитник...

— Да-а-а! — завизжала Эн, вскакивая с дивана и начиная прыгать по библиотеке, как маленькая девочка. — Есть, есть, есть! О, Защитница, как я рада! Как же я рада! Да-а-а-а-а!!!

Берт никогда не слышал столько счастья и восторга в чьём-то голосе.

А ещё... раньше он никогда не плакал. Но теперь его лицо почему-то было влажным, и перед глазами всё расплывалось, и хотелось тоже завизжать, как Эн, но сил не хватало.

Он мог только лежать и улыбаться, глядя на то, как девчонка, спасшая ему гораздо больше, чем жизнь, прыгает по библиотеке.

Накануне я полночи не могла уснуть, всё думала, как сделать так, чтобы Арманиуса всё-таки не лишили звания архимагистра. И в итоге решила рискнуть.

Процедура, которой я его подвергла, называлась «катализация» и должна была проходить только через две недели. В плане я так и зафиксировала. Но, взвесив все за и против, поняла, что лучше попробовать провести её сейчас. На случай, если ректор не справится, у меня был антидот, лежал в сумке наготове. При этом мы бы здорово откатились в прогрессе. И слава Защитнице, что контур всё-таки вспыхнул!

Смерть мага всегда провоцирует вспышку магии — этот факт стал известен мне еще в самом начале изучения магической медицины. Именно поэтому при несущественных повреждениях работает эффект самолечения или, как пишут в учебниках, регенерации. Поцарапался, магия активировалась — и через полчаса на месте царапины розовая чёрточка.

А когда маг умирает, его пытается вылечить собственный организм. Магия вспыхивает и, если организм не справляется, она перегорает, ломая контур.

Да, у Арманиуса контур уже был сломан. Но в этом и суть. Клиническая смерть заставила его контур активироваться, а силовой раствор, который я ввела прямым в сердце — засветиться. Ректор вылечил сам себя, сердце вновь забило, дыхание восстановилось, но главное — контур не исчезал!

Защитница, как же я радовалась!

— Теперь вас не смогут лишить звания архимагистра! — воскликнула я, закончив кружить по библиотеке бешеной юлой. — Через неделю вы покажетесь Совету, к тому

времени контур еще чуть восстановится, и вы даже сможете магичить!

Арманиус улыбался, но грудь вздымалась тяжело, с трудом. Да, катализация далась ему нелегко...

— Эн... — прохрипел он, кашлянул и поморщился явно от боли. — Они лишат меня звания в любом случае, даже если через неделю я вновь буду обладать безукоризненным энергетическим контуром. Это вопрос принципа. Да и переаттестацию...

— Переаттестацию можно пройти и без лишения звания! — сказала я зло. — Как у врачей! Нас не лишают квалификации, мы лишь подтверждаем её каждые три года!

Он вновь улыбнулся, чем рассердил меня ещё больше.

— Неужели вы не хотите побороться?! Просто сдадитесь, и всё?! Позвольте им унижить вас? Я не понимаю! — Голос начал дрожать от упрямства и обиды. — Почему вы плывёте по течению и не сопротивляетесь?! Для них это вопрос принципа — а для вас?!

Арманиус молчал, внимательно глядя на меня. Улыбаться он перестал — просто молчал, и темные глаза его задумчиво блестели.

— Почему это так важно для тебя, Эн? Это ведь не имеет отношения к твоей работе.

Я оцетибилась. И наверное, именно от растерянности и страха выдать себя выпалила:

— Я просто не понимаю, как можно быть такой тряпкой!

Сама испугалась сказанного. Замолчала, закусив губу, наблюдая за тем, как Арманиус мрачнеет всё сильнее и сильнее.

А потом он сказал совершенно ледяным и безликим голосом:

— Если процедуры на сегодня окончены, ты можешь идти.

Слёзы подступили к глазам, и я чуть не всхлипнула. Защитница! Что же я... Зачем?..

— Я...

— Иди, — уронил он тяжело, словно камень.

Я подскочила к своей сумке и, захлопывая её, язвительно процедила, не зная, на кого больше злюсь — на Арманиуса или на себя:

— Спасибо за разрешение, архимагистр!

Он не ответил, и через несколько секунд я выскочила из библиотеки.

Как это может быть? Всего пару минут назад я была очень счастлива, и вот — теперь я невероятно зла и растеряна.

В сущности, Арманиус прав — его архимагистерство не моё дело. Но... Защитница! Разве можно быть равнодушной к судьбе того, кого любишь?!

Когда его последний раз называли тряпкой? Пожалуй, что никогда.

Берт всегда боролся, да и не бывает иначе у охранителей. Либо ты, либо тебя. А тут вдруг «тряпка»...

Он же объяснил еще вчера, что это неважно, не принципиально, лучше сосредоточиться на другом. В конце концов, какая разница, лишат его звания или нет? Он всё равно пройдет переаттестацию и получит всё обратно. А старые стервятники потешатся и потешат своё самолюбие.

Какая разница? Видимо, для девочки с двумя магоктавами дара, всю жизнь доказывающей себе и другим, что она достойна — разница есть. Арманиусу лишение или не лишение звания ничего не даст — он никогда не был тщеславен — а вот Эн будет обидно. За него.

Берт поморщился и покачал головой.

«Ладно, девочка... Ты выиграла. Не отдам я своё звание».

И только он так подумал, как завибрировал браслет связи на запястье. Сердце слабо трепыхнулось, кольнуло — может, Эн?..

Глупости. Конечно, это не могла быть Эн.

— Здравствуй, Велмар.

Проректор радостно улыбался, разглядывая Арманиуса.

— О-о-о, Берт, я смотрю, ты... хотя... нет, бледноват.

Будешь тут бледным, когда тебя чуть не убили. Конечно, это такое лечение, но он ведь от него чуть концы не отдал.

— Это освещение, Велмар.

— Ну да, ну да, — Агрирус хмыкнул. — А синяки под глазами — это, наверное, тени от ресниц?

— Именно.

— Слушай, Берт, — проректор посерьёзней, — я понимаю, тебе не до этого, но Совет университета бузит уже третьи сутки. Хотят, чтобы ты явился и показал метку. Им интересно, в каком она состоянии.

— Не сомневаюсь. Что ж, в таком случае собери их завтра, лучше вечером, утром у меня процедуры. Я всё покажу, заодно и решим насчёт Церемонии.

— Хорошо, — Велмар поколебался, но всё же осторожно спросил: — Тебя надо перенести?

Арманиус вспомнил Эн и грустно улыбнулся — нет, просить её о помощи он больше не станет. Во-первых, нечего ей делать в университетском совете, а во-вторых — не после сегодняшней ссоры.

Если она начнёт упрекать его в том, что он и должности ректора хочет лишиться... Нет уж. Сам разберётся.

— Да, транспортируй меня завтра туда.

Агрирус кивнул, явно испытывая неловкость от того, что ему приходится быть связующим между Бертом и магами Совета.

— Договорились.

Весь день я была сама не своя из-за этой ссоры с Арманиусом. Толком ничего не могла делать, всё валилось из рук. В итоге после обеда связалась с Роном и пригласила его в «Свинтус».

— Это наш ректор тебя допёк? — был его первый вопрос, когда мы ближе к вечеру вошли в пивнушку и сделали заказ.

Рассказывать о случившемся было как-то неловко, поэтому я просто вздохнула.

— Ага.

— Ничего, Энни, — друг сочувственно погладил меня по плечу, — ещё несколько месяцев — и ты сможешь забыть о его существовании.

— Недель. Несколько недель.

Рон удивлённо поднял брови.

— Ты серьёзно? Силён Арманиус, силён... И сколько времени ему еще понадобится, как

думаешь?

— Недели две, максимум три.

— Однако! — Рон развеселился. — Вот это будет пинок под зад всем аристократам из университетского Совета, которые рассчитывают на смещение Арманиуса.

— Мечтают увидеть в кресле ректора Велмара Агрируса? — я понимающе улыбнулась. Разговоры о том, что из Арманиуса ректор примерно как из меня охранитель, я слышала с самого первого курса, и доля истины в них была.

Большая доля.

Впрочем, винить в этом Арманиуса, на мой взгляд, было глупо.

Слабое место закона Арчибальда — и в целом не-аристократии — в полнейшем отсутствии у нетитулованных магов родовой кровной магии. Магии необъяснимой и древней, как сама жизнь, на которой держится и императорская власть, и многое другое.

Маги-аристократы, рождённые в браке, получают от своего отца какую-либо особенную способность. Это романтично называют «благословением Отца-Защитника» или проще — кровной магией.

Члены императорской семьи, носящие фамилию Альго, могут входить в огонь независимо от их уровня дара — из обычных магов это способны делать только архимагистры — и ощущают эмоции других людей. Причём лишь от эмпатии семьи Альго нельзя защититься никаким амулетом.

В роду Брайона Валлиуса умеют усыплять взглядом — именно поэтому все Валлиусы на всякий случай носят очки, блокирующие действие родовой магии.

Асириусы, в том числе наш с Роном однокурсник Байрон, способны внушать простейшие ненавязчивые мысли. Подобные мысли не приводят к катастрофам, но могут сыграть очень важную и смешную роль, например, в травле девочки со слабым уровнем дара. В университете Байрон пользовался этой способностью на первом курсе до тех пор, пока преподаватели не просекли и лично Велмар Агрирус не запретил ему это под угрозой отчисления.

А у Арманиусов, Агрирусов и Альтеусов — дар, который позволяет им чувствовать дом. Нет, не так — Дом. Они всегда могут сказать, сколько человек находится внутри, кто эти люди, ощутить, есть ли в стенах трещины и где находятся потайные ходы. И именно по этой причине когда-то давно была создана Церемония, переносица на руку ректора университета метку Принадлежности. От неё нельзя ни отказаться, ни избавиться; Церемония сама решает, кого «пометить». Хотя маги, входящие в Совет университета, давно уже поняли, что выбирается всегда самый сильный представитель любого из трёх родов.

Вот так Арманиус и стал ректором. Практически насильно. Что это даёт, кроме должности и оклада? Пожалуй, ничего. Только лучшее, чем без метки, ощущение стен университета. Само здание очень древнее и вмещает в себя много магии. Рон говорил мне как-то, что эту магию даже можно использовать, но для этого нужно быть носителем метки — иначе никак.

Естественно, у таких, как мы с Роном, родовой магии не имеется. И неизвестно, то ли это такой специфический признак не-аристократии, то ли ещё что.

И сильнее всего аристократия боялась, что родовая магия прекратит своё существование вместе с принятием закона Арчибальда. Странно, что пока никто не высказался... Но, возможно, всё ещё впереди.

— Не то чтобы прям все... — протянул Рон в ответ на мой вопрос. — Но многие. По крайней мере по рассказам Велмара так.

Друг общался с Агрирусом в разы больше, чем я — проректор был его научным руководителем, как у меня Валлиус.

Агрирус — прекрасный артефактор, и будь у него чуть выше дар, давно стал бы архимагистром. Но увы — у него семьдесят девять магоктав, а к испытаниям на звание архимагистра традиционно допускались только маги более чем с восьмьюдесятью.

Мне на его месте было бы обидно. Всего-то одна октава — а какая возможность потеряна!

— А сам-то он как к этому относится?

Рон пожал плечами.

— Весьма безразлично. Он и так по сути ректорствует за Арманиуса, который только бумажки подписывает. В общем, в его жизни ничего особо не изменится.

— Оклад выше будет.

— Это да, — друг улыбнулся. — Но не настолько, чтобы ради этого разбивать лбом стену. А Арманиуса просто многие не любят.

Что ж... я понимала этих «многих».

Ректора сложно любить. У него не сахарный характер и, кроме того, он слишком идеалист для того, чтобы перед кем-либо пресмыкаться или кого-то слушать.

— А сейчас вообще... Пятнадцать погибших молодых архимагов на его совести. Это крупнейшая потеря в истории Альганны среди охранителей, и говорят, что она случилась из-за его недальновидности. Ещё и император по этому поводу молчит, так что слухи ходят и ходят... Знаешь, сколько всего я уже узнал за эту неделю? Хоть роман пиши. «Альганна. Скандалы, интриги, расследования».

Наконец принесли заказ, и я, нервно пригубив пиво, сказала:

— Несправедливо обвинять в этом мага, который сам чуть не погиб и спас до этого кучу жизней.

Рон усмехнулся, тоже делая глоток из своей кружки.

— Эх, ты в чём-то такая же идеалистка, как ректор. Знаешь, что в его случае ужаснее всего?

— Что?

— Две вещи. Вещь первая — это его абсолютная непрошибаемость в некоторых вопросах. Многие аристократы говорят, что договориться с Арманиусом нереально. И вторая... он ведь дружит с Аренем.

— С императором?!

Удивительно, но я впервые об этом слышала.

— Да. И то, что император лоббирует все годы своего правления, приписывают влиянию Арманиуса.

— Но Арэн ведь не мальчик, что бы слепо следовать советам.

— Плевать, — Рон махнул рукой и взъерошил светлые волосы. — Главное — поговорить, помыть кости, повозмущаться. В общем, никто не будет рад возвращению дара Арманиуса.

— Неправда. Валлиус будет.

— Ах, ну да, — друг засмеялся. — Как я мог забыть про Брайона!

Я улыбнулась, но смешно мне не было.

В конце концов, я тоже буду рада. Но Рону этого лучше не знать. В своей нелюбви к аристократам он был постоянен и терпеть не мог их всех.

Без исключения.

На этот раз мы с Роном допоздна не засиживались — всё же обоим завтра на работу, причём у друга намечалась еще и встреча с Агрирусом по поводу диссертации.

Рон давно занимался разработкой пространственного лифта — артефакта, который будет переносить целого мага из точки А в точку Б. Почему целого? Потому что до сих пор у экспериментаторов получалось добираться лишь по частям, и их потом сшивали хирурги в госпитале.

По подобному принципу работал и почтомаг, и малые пространственные лифты, которые использовались, например, для доставки еды из кафе и ресторанов. Но перенос человека пока был невозможен. Маги работали вручную.

Насколько я знала, пару месяцев назад у Рона с проректором получилось перенести через экспериментальную модель целую кошку. Как он радовался — ужас! Теперь они работали над переносом собак и, судя по мрачному виду и синякам под глазами у друга, пока ничего не получалось.

В отличие от других учёных, занимающейся этой разработкой — а таких было немало — Рон не бросал животных, которых использовал в экспериментах. Всех вылечивал и раздавал. Ну, почти всех... Пять котов и три мыши — малая часть того «рабочего материала», как их называл проректор, прошедших за эти годы через руки Рона и Агрируса. Именно столько животных теперь жили у него дома на радость маме и маленькой сестре.

В общем, друг побежал готовиться к завтрашней встрече — то бишь, хорошенько высыпаться, — а я поспешила в общежитие.

Но до общежития я не дошла, остановленная красивым и до безобразия чистым белым магмоби́лем с гербом Альганны на капоте — золотым орлом на фоне пламени Геенны. Значит, принадлежит императорской семье. Обычно Альго передвигались на золотых магмоби́лях, но и белые тоже использовали. Белый цвет считался менее торжественным, непарадным.

Магмоби́ль остановился рядом со мной, и из салона вылез огромный черноволосый мужик, преграждая мне путь.

— Добрый вечер, айла, — поздоровался он каким-то трубным голосом, — садитесь в салон. Вас ждут.

Я решила задать глупый вопрос.

— Кто?

Мужик-гора чуть подумал, а потом ответил:

— Его высочество Арчибалд. Приказано доставить вас к нему.

Я даже умилилась. Может, меня сейчас еще и подарочной ленточкой перевяжут?

— А можно передать принцу, что я занята?

— Садитесь, — повторил этот человек. — Сами всё передадите.

Я переступила с ноги на ногу, огляделась.

Аллея, ведущая к общежитию, была пуста. Вокруг стояли лишь деревья в снежных шапках и скамейки, покрытые инеем.

Да, силы явно неравны... Тем более, что эта гора — маг.

— А если не сяду?

Мужик улыбнулся. Как мне показалось — издевательски.

— Приказано доставить.

Точно ленточкой перевяжут...

— Ладно.

Я села в салон.

Защитница, какая здесь роскошь... И какая же я дура! На моём месте мечтали бы оказаться сотни, а то и тысячи девушек, а я...

А что я? Я не любила сказки и не верила в них. Потому что в сказках персонажам чаще всего всё достаётся даром и просто так — проще говоря, падает с неба.

Я знаю — с неба могут падать только дождь, снег или град. И больше ничего.

За всё остальное необходимо бороться...

Кроме меня в магмобиле находились еще шофер — хотя о его присутствии я могла лишь догадываться, переднее сиденье от заднего отделяла плотная шторка, — и тот самый мужик-гора, который явно работал у принца охранником. Мне кажется, я даже видела его пару раз, когда лечила Арчибальда. Звали эту гору Греггом.

Ехали мы недолго, минут пять, и всё это время я молчала, вглядываясь в мелькающие за окном дома и деревья, укрытые снегом, как белым покрывалом. Мне бы немного этого вечернего покоя... а я вместо того, чтобы празднично валяться на кровати и читать любовный роман, еду неизвестно куда. Хорошо хоть, известно, к кому.

А может, и нехорошо...

Магмобиль наконец остановился — и я вытаращила глаза, как ребёнок, уставившись на то, что оказалось за окном.

— Прощу, айла. Выходите.

Я сглотнула слюну, ставшую неожиданно вязкой, и шепнула:

— Вы шутите?..

— Ни в коем случае. — Ответ был ироничным, но вот голос — абсолютно бесстрастным. — Выходите.

Арчибальд... видимо, он решил пойти ва-банк. Он знал, что я не смогу отказаться. Только не от этого!

Меня привезли в «Иллюзион»! «Иллюзион» — единственный в Альганне парк иллюзий, созданный много сотен лет назад и тщательно охраняемый. Билет туда стоит... слишком дорого, невероятно дорого. Но говорят, что это окупается, потому что в «Иллюзионе» нет места плохим мыслям, и это прекрасный способ повесить себе настроение.

В «Иллюзион» приезжали со всех концов света, платили за билет — и выходили оттуда со счастливыми улыбками на лицах. Закатывали глаза и говорили: «Защитник, это божественно!»

Как же жалко, что со мной сейчас нет Рона! Он бы с удовольствием посетил «Иллюзион». Для него, как и для меня, билет туда был слишком дорог. Но и ему, как и мне, тоже было интересно, как там всё устроено.

Я вылезла из салона и, выпрямившись, уставилась на разноцветную вывеску, мигающую тысячами огней. Краткая надпись «Иллюзион» и резные деревянные ворота — вот и весь фасад. Ни охранников, ни зазывал, ни очередей. Впрочем, насчёт последних было понятно — билеты покупались в другом месте.

— Возьмите.

Мне в руку сунули что — то холодное и твёрдое. Я поднесла предмет к глазам и расплылась в улыбке, увидев билет в «Иллюзион» — золотую монетку с моим именем.

«Эн Рин, посетитель № 13465».

Наверное, это за год...

— Идите. — Охранник тронул меня за плечо. — Билет просто в карман положите и идите. Ворота сами откроются.

Я кивнула и почему-то задала наиглупейший вопрос:

— А вы?

Мужчина хмыкнул.

— Мне никто билетов не покупал, айла. Приятного вам вечера.

Что ж... Теперь я уже не сомневалась, что он будет приятным.

Внутри оказался лес. Кто бы мог подумать — настоящий заснеженный лес посреди Грааги!

Конечно, это была иллюзия, но какая качественная! Снег под ногами хрустел, переливаясь, словно драгоценные камни, слетая с деревьев от лёгкого ветерка, и вокруг стояла такая прозрачная, невесомая тишина... Если не считать звука от моих шагов.

Небо расстиралось над головой тёмным покрывалом с россыпью звёзд. Глаза у меня невольно заслезились — здесь, в столице, никогда не бывает видно столько звёзд... А вот на севере, где я родилась — да.

Морозный воздух вошёл в лёгкие, выжигая болезненные воспоминания, и я, теперь уже смеясь, искала знакомые с детства созвездия.

Коса Защитницы... Справа от неё — Костёр Надежды... Ниже — Меч Защитника... И моё любимое, раскинувшееся почти у самого горизонта созвездие Книга Знаний.

По лесной тропинке я шла очень долго, мне показалось — вечность. Ночная темнота постепенно растворялась, уступая место предрасветным сумеркам, становилось всё теплее и теплее, и снег таял... Таял, обнажая сначала набухшие почки и голую землю, затем — маленькие листочки и журчащие весенние ручейки, и уже после — густую листву, сочную траву и яркие цветы.

Когда наступило лето, солнце стояло в зените, но жарко не было — было хорошо. Моё зимнее пальто исчезло, зато появился зелёный сарафан и сандалии, а ещё — плетёная корзинка, куда я собирала спелую лесную землянику.

А потом лес кончился. Я думала, там, за очередными деревьями, вновь будет полянка с ягодами — но мои ноги вдруг утонули в песке, а солнце заглянуло в глаза с такой яркостью, что я на секунду зажмурилась. А когда открыла глаза...

— Защитница... — прошептала я, и от радостного возбуждения корзинка упала на песок. — Это что же?.. Это... МОРЕ?!

Да, это было море! Яркого-голубого, с лазурно-зелёным отливом, с пенными барашками на гребне маленьких волн и небольшими крабами, разбегающимися в разные стороны от меня, обезумевшей от счастья Эн Рин, когда я с визгом, подняв подол сарафана, побежала к воде.

Море! Я мечтала о нём с детства. На севере нет морей, только реки и озёра. Единственное море в Альганне — Коралловое, и оно находится далеко на юге. Я всегда так хотела его увидеть! И вот — сбылось!

Я быстро сбросила сандалии, сарафан и бельё и нырнула в чарующую глубину, хохоча от счастья и восторга. Закрутилась вокруг своей оси в воде, открыла глаза...

Рыбки. Серебряные, золотые, красные и сине-жёлтые. Стайками кружили вокруг меня, словно пытаясь повторить мои движения. А там, впереди... Если проплыть ещё немного, туда, где глубже... Там были кораллы!

Защитница, как же жаль, что в воде нельзя смеяться!

Я ныряла туда-сюда, набирая полные лёгкие воздуха, чтобы продержаться как можно дольше, и смотрела на подводных обитателей. Рыбы были самые разные — и большие, неповоротливые, и маленькие, юркие. Они плавали-летали вокруг меня, словно подводные бабочки. Всех цветов радуги! И кораллы — белые, розовые, красные... И даже синие, и зелёные, и фиолетовые! Невероятная красота!

Захватив со дна маленький сувенир в виде кусочка зелёного коралла, я наконец вылезла на сушу — уставшая, но счастливая, — и оделась. День клонился к закату, солнце уже почти зашло за горизонт...

— Энни! — послышалось позади. Голос был очень знакомым, но кому он принадлежал, я сразу не поняла.

Обернулась.

Они бежали ко мне — такие, какими я их видела в последний раз. Отец и мама — в брюках и рубашках для работы в поле, Эд тоже; Эв в голубом сарафане, с толстой косой до пояса; и Эм — в красном платье, с каштановыми волосами-пружинками...

Я задохнулась от радости. Я плакала и смеялась, обнимая их всех — вместе и по очереди. Я расцеловывала их, слушая родные голоса, по которым давно запретила себе скучать...

— Мы гордимся тобой, Энни, — шепнула мама мне на ухо.

— Ты молодец, — отец хлопнул меня по плечу.

— Всех сделала! — Эд подмигнул и широко усмехнулся улыбкой, косящей на одну сторону рта.

— Мы тебя любим, — Эв сжала мои ладони.

— Очень-очень! — запрыгала Эм, и я, наклонившись, взяла её на руки.

Она пахла медовыми пряниками... Защитница, а ведь и правда — она всегда ими пахла. Мне казалось, что я забыла...

Я прижала её к себе крепко-крепко, зарываясь носом в мягкие волосы, и ощущая себя настолько счастливой...

Будто бы я вновь обрела дом, которого у меня уже давно не было.

Я стояла в окружении родных, когда всё вокруг начало заливать белым светом. И Эм в моих руках растаяла, и голоса стихли, и всё вернулось на свои места.

Я оказалась перед воротами с внутренней стороны и, толкнув их, вышла на улицу.

Магмобиль и Грег ждали меня. Мужчина курил толстую сигару, но, увидев, что я вышла, бросил её в снег и улыбнулся.

— Как вам «Иллюзион», айла?

Я прислушалась к себе.

Радость затихала, но всё еще бурлила внутри меня. И ни малейшей грусти... Нет, ни капли.

Значит, «Иллюзион» исполняет три сокровенных желания.

Я хотела погулять в нашем северном лесу, любуясь на звёзды — как в детстве, — побывать на море и увидеть родных. Все эти мечты были приправлены горечью невозможности, особенно последняя. Но сейчас горечи не было. Наверное, это часть магии «Иллюзиона».

— Замечательно, — выдохнула я.

— Очень рад, — маг распахнул дверцу. — Садитесь, мы довезём вас до общежития.

Я села в салон, и только когда охранник расположился рядом, вдруг вспомнила...

— А... где его высочество?

— Да, кстати, — Грег достал из нагрудного кармана конверт. — Вот, это вам. Как раз от его высочества.

Секундой спустя, когда магмобиль тронулся с места, я уже читала записку от Арчибальда.

«Прошу прощения, что похитил вас на сегодняшний вечер, и надеюсь, что искупил свою вину».

И только тут я со всей отчётливостью поняла, насколько гениально хитрым был поступок его высочества...

Теперь, после «Иллюзиона», я не смогу так легко ему отказать.

Вот же... демоны!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Какое количество эмоций я испытывала, заходя утром в понедельник в дом Арманиуса — не передать словами. И решила, что лучшим выходом из этой ситуации будет, если я полностью закроюсь.

Так и поступила. Разговаривала спокойно, отстраненно, почему — то ожидая, что он попытается вывести меня из себя. Но ректор был на редкость молчалив и задумчив. Он беспрекословно выполнял все мои просьбы, не задавая никаких вопросов, и взгляд его практически не останавливался на мне, блуждая явно за пределами библиотеки.

Если это была стратегия, то она удалась, потому что ближе к концу процедуры, вынимая из его тела иглы, я всё-таки не выдержала.

— Архимагистр...

Арманиус вопросительно посмотрел на меня. В очередной раз захлестнуло одновременно стыдом и злостью...

— А это правда, что вы дружите с императором?

Из вопросительного взгляд стал удивлённым.

— Защитник, где ты это услышала?

И тут я испытала облегчение. Видимо, подсознательно я ждала, что Арманиус будет ругать меня за подобный вопрос.

— Да так... Слухи.

Он понимающе хмыкнул и, к моему безграничному удивлению, начал отвечать:

— Эн, с членами императорской семьи, при всём моём к ним уважении, весьма сложно дружить. Дружба эта заканчивается, как только начинаются государственные дела. Арен учился вместе с Агатой, моей сестрой, потом сделал ей предложение, и стал частенько бывать у нас дома. Мы общались тогда достаточно много, потом, после её смерти, конечно, почти перестали. И лишь когда Арен взошёл на престол, возобновили общение. Ему была нужна поддержка в Совете архимагистров, и я пришёл на помощь.

Я кивнула. Что ж, мне была понятна логика Арена — он выбрал себе в союзники, возможно, единственного архимагистра, на мнение которого не смог бы повлиять никто, даже сам Защитник. И вышел такой вечный раздражитель для аристократии. Наверняка через Арманиуса много раз пытались воздействовать на Арена.

— В общепринятом смысле слова это не дружба, Эн. Но император хорошо ко мне относится, прислушивается к моим советам, и попасть к нему на аудиенцию мне ничего не стоит.

Я вспомнила Арчибальда и подумала, что у меня с ним приблизительно такая же ситуация.

Хм... была. А что будет теперь, после «Иллюзиона»?..

— Кстати... Можешь не волноваться. Я не отдам звание архимагистра. Обещаю тебе.

От неожиданности я чуть не растеряла все вытащенные из Арманиуса иглы.

— Что?..

— Я сделаю так, что звание останется у меня, — продолжил ректор. — Не переживай, Эн.

И вот — опять. Одновременно смущение и радость.

— Да я не переживаю, — буркнула я очевидную ложь. — Просто... не поняла, зачем сдаваться, если можно выиграть?

Арманиус вновь посмотрел на меня, и от этого внимательного задумчивого взгляда захотелось спрятаться под стол. Он словно насквозь меня видел.

Но я, конечно, сдержалась и, встав с дивана, начала собирать сумку в обратную дорогу.

— Иногда, Эн, что бы выиграть, необходимо сдаться, — сказал архимагистр глухо и как — то безжизненно. — Только понимание это приходит со временем и опытом... Чаще всего с горьким.

Я не стала уточнять, что он имеет в виду — осознавала, что Арманиус говорит о погибших архимагах. Вместо этого я сказала:

— Не корите себя. Ошибки совершают даже архимагистры.

Он промолчал, и я решила больше не сыпать соль на рану. Попрощалась и поспешила в госпиталь.

Там меня ждал Байрон.

Сегодня всё прошло гораздо лучше, чем в прошлый раз. Если на той неделе мы совершенно не добились реакции организма, то теперь мне удалось заставить вспыхнуть переломанный энергетический контур.

— Что ты использовала? — глаза Асириуса блестели почти жадно, когда он рассматривал мои реактивы.

— Концентрированную «Жидкую магию». Помнишь, что это?

Байрон кивнул, но не очень уверенно, и я пояснила:

— Одно из средств для восстановления резерва. Практически не применяется по назначению в неразбавленном виде, так как вызывает огромное количество побочных эффектов.

Напарник с сомнением покосился на находящегося без сознания пациента. Хотя... скорее подопытного.

— Выживет?

— От «Жидкой магии» еще никто не умирал, — «утешила» я Байрона. — Обычно моих больных потом просто тошнит несколько часов. Всё же резерв-то у них от неё не восстанавливается. И три секунды вспышки контура — это слишком мало... Давай-ка завтра повторим? Я ещё кое-что принесу, попробуем скомбинировать.

— Конечно! — с энтузиазмом согласился Асириус.

В этот момент «подопытный» застонал. Я подошла к койке и вгляделась в бледное лицо.

— Вы слышите меня, айл?

— Да-а-а, — вновь застонал мужчина. — Что же так тошнит...

— Это хорошо, что тошнит. Значит, эффект есть. Так, — я повернулась к Байрону, — поскольку пациент вашего отделения, говорю тебе — добавь в назначения противорвотные. И общеукрепляющие. И через... да, через четыре часа пусть принесут ему геркулесовую кашу на воде.

— Я терпеть не могу геркулес...

О как. Значит, не так уж и сильно его тошнит, раз предпочтения свои решил высказать.

— Больше ничего не давать до завтрашнего дня. Только геркулес. Из жидкостей — чай слабый, шиповник, простую воду.

Асириус кивнул, никак не комментируя то, что я тут раскомандовалась. Видимо, до сих пор был под впечатлением от того, что у нас получилось заставить контур вспыхнуть.

Рано радуется... Первый шаг, конечно, важен, но он — еще не весь путь.

Агрирус прибыл к назначенному часу. Оглядел Берта с ног до головы внимательным взглядом пронзительно-синих глаз и удовлетворённо кивнул.

— Выглядишь отлично.

Ещё бы. Принятие горячей ванны с успокаивающей пенной настойкой — отличное лекарство для потрепанной нервной системы.

— И... — Велмар прищурился, рассматривая Арманиуса магическим зрением. — Ого. Берт, я вижу контур! Правда, он какой — то странный.

— Он по-прежнему сломан, так что магичить я не могу при всём желании. Но он хотя бы есть. Правда, — ректор усмехнулся, — как я понял, если прекратить процедуры, он вновь погаснет. Эффект обратим.

— Любой эффект обратим, если прекратить, как ты говоришь, процедуры, — возразил Агрирус. — Просто продолжай идти к цели. Так... ну-ка, встань ближе ко мне.

Берт кивнул, наблюдая, как друг начинает вычерчивать пространственный лифт.

— А как там ваши разработки кабины для переноса человека?

— Знаешь, а неплохо. По крайней мере мы добились хоть какой-то стабилизации. Мышей переносить уже можно, кошек — с переменным успехом, но в любом случае все они остаются живы.

— И целы?

— Не всегда, — признался Агрирус. — Но всё это исправляется. Рон, мой ученик, талантливый мальчик. Помнишь его?

— Помню.

Рона Янга, в отличие от Эн Рин, Берт действительно помнил. Сын сапожника с даром в восемьдесят пять октав — огромная редкость. Когда — то давно он сам рекомендовал ему, тогда еще студенту, пойти в охранители, но мальчишка выбрал артефакторику.

Была ещё одна причина, по которой Берт помнил Янга — его задиристость. Все семь лет учёбы в университете он постоянно конфликтовал с другими студентами. Конечно, с аристократами. И несколько раз стоял «на ковре» у ректора. Хотя Арманиус предполагал, что «на ковре» у Велмара тот стоял как минимум в десять раз больше.

Высокий юноша с кудрявыми светлыми волосами чуть ниже ушей и серыми глазами, в которых светилось поистине демоническое упрямство.

Что-то у них было общее с...

— Кстати, он ведь дружит с твоей Эн Рин.

Ага. Теперь понятно, кто сделал ту иглу, при помощи которой девчонка магичит.

— Думаю, когда-нибудь дело закончится свадьбой, — усмехнулся Агрирус, заканчивая лифт. — Уж больно он о ней заботится, печётся даже. Явно влюблён, но боится что-либо предпринимать. Вдруг от ворот поворот получит?

— У неё принц есть. На кой демон ей сын сапожника?

— Не скажи, Берт, — возразил Велмар. — Его высочество — недостижимый идеал. Я, конечно, с Эн почти не общался, но исходя из того, что видел и знаю от Рона, она крепко стоит ногами на земле и совсем уж о звёздах не мечтает. Арчибальд в качестве любовника хорош, это бесспорно, но выходить за него замуж? Она далеко не дура. А вот Рон — отличная партия. Старый друг, надёжный, как скала, талантливый, словно Защитник, и искренне в неё влюблённый. Полагаю, их брак — дело времени.

— Посмотрим, — пробурчал Арманиус, почему-то ощущая дикое раздражение на

Велмара.

— Ага. Держись за меня. Активирую.

И, дождавшись, пока Берт зацепится за его локоть, проректор вписал в формулу константу перемещения.

В Совет входили тридцать магов, в том числе Велмар и Берт. Примерно половина была представителями трёх родов, способных чувствовать здание университета, остальные же — различные преподаватели и благотворители. Советников раз в три года утверждал лично ректор, еще и поэтому некоторые из них так активно хотели сместить Арманиуса с должности — принцип «по блату» с ним не работал совершенно. Только полезность для университета и способность высказать собственное мнение, а не поддакивать чужому.

Конечно, не всех это не устраивало. По крайней мере, те семь преподавателей, состоящих в Совете, к идее о смещении Арманиуса относились довольно-таки равнодушно. Но если кресло ректора всё же займёт Велмар, они будут рады.

В преподавательской среде Берт всегда ощущал себя лишним, чуждым. У охранителей он был своим, а здесь... Вот Агрирус — да, тот прирождённый преподаватель. А Арманиус — солдат. Солдат не может руководить университетом. И хотя коллеги испытывали к Берту симпатию — он всегда отстаивал их интересы, — гораздо больше они уважали Велмара. Он был свой.

Четверо благотворителей — архимаги, бывшие студенты. Их не особенно устраивал тот факт, что деньги, выделяемые на поддержку и благоустройство университета, распределяют не они, а весь Совет. Но вряд ли с «приходом к власти» Велмара в этом вопросе что — то изменится.

Однако с ним будет гораздо проще договориться.

А вот представители трёх родов... Точнее, двух — Арманиус в Совете был один, остальные — Агрирусы или Альтеусы. Вот их Берт в кресле ректора бесил больше всего. И тем, что когда — то он выхватил эту должность из-под носа Велмара — и неважно, что Арманиус этого не желал, — и тем, что предпочитал обязанности охранителя руководству университетом, и тем, что не хотел поддерживать предложение Совета по раздельному обучению аристократов и нетутилованных студентов. В других магических высших учебных заведениях Альганны не так давно ввели подобную практику именно из-за увеличивающегося числа конфликтов среди учащихся, но Берт был резко против, считая, что подобное лишь усугубит проблему.

У ректора было право вето на любое предложение советников, и Арманиус периодически им пользовался.

Сейчас глаза у присутствующих возбуждённо блестели — коллеги явно рассматривали Берта магическим зрением и удивлённо поднимали брови, замечая тонкую ниточку переломанного контура.

— Не соврал Валлиус, — громко возвестил общую мысль Арто Альтеус. — Обещал, что ты восстановишься.

— Пока не восстановился, — тоненько и цинично высказалась Аманда Винтерус, одна из благотворителей и та еще подколотная змейка. — Ты же не можешь магичить, да, Берт?

Хоть бы поздоровались, что ли.

— Добрый вечер, дорогие коллеги, — Арманиус чуть наклонил голову, обводя взглядом небольшое помещение, заставленное стульями. Они с Велмаром стояли на возвышении, за кафедрой — так полагалось устраиваться ректору и его заму. — Я бы не хотел обсуждать с вами вопросы моего здоровья, всё же это моё личное дело. Я думаю, вы согласитесь с этим фактом. Но вопросы, касающиеся метки и возможности провести Церемонию, я считаю своевременными и справедливыми. — Берт закатал рукав рубашки на левой руке, обнажая браслет связи, а рядом с ним — метку Принадлежности университету.

Книгу, меч и перо по — прежнему было видно. Конечно, не так чётко, как раньше, но и

совсем бледной метка тоже не была.

Все приподнялись с мест, рассматривая запястье Арманиуса и поджимая губы.

— Как видите, я по — прежнему являюсь Хозяином этого места.

— Метка бледнее, чем раньше. — Конечно, Аманда не могла промолчать. — И будет бледнеть дальше.

— Не факт, — вмешался Велмар. — Берт проходит курс терапии и...

— Он уже не сильнейший из нас, — вновь заговорил Арто Альтеус. — Но пока метка не исчезнет, о Церемонии не может идти речи. Я предлагаю собраться вновь через неделю.

— Поддерживаю.

— Поддерживаю.

— Я за.

Арманиус кивнул, присоединяясь к решению.

— И всё же, — Аманда прищурилась, следя за тем, как исчезает метка под рукавом рубашки. — Ты не мог бы продемонстрировать нам свою связь с университетом, как раньше?

— Аманда! — возмутился Велмар. — Но контур же...

— Метка держится, — она отмахнулась от проректора. — Значит, связь есть. Тем более, речь идёт о родовой магии. А то, зависит она от энергетического контура или нет, до сих пор не известно. Берт?

Вот задушить бы эту стерву... Но в чём — то она права.

— Хорошо. Я попробую сделать то, что ты просишь, Аманда.

Арманиус вздохнул и повёл плечами, пытаясь настроиться.

Защитник... раньше и настраиваться не нужно было. Он всегда ощущал университет, где бы ни был. А сейчас... пустота.

Но метка ведь не исчезла, когда сломался контур. Значит, либо на её исчезновение уходит больше времени, либо — они не связаны напрямую.

Берт закрыл глаза, пытаясь ощутить здание. Несколько секунд ничего не происходило, а затем...

Отклик был слабый, как акустика в очень плохом помещении. Но становился всё сильнее, сильнее и сильнее... И в итоге Арманиусу пришлось даже уши зажать — показалось, что он сейчас оглохнет. Или что здание университета — огромное и каменное — рухнет ему на голову.

В стенах что-то гудело, словно в желудке у голодного человека.

— Невероятно... — пробормотал Велмар где-то рядом. — Откликнулось!

Берт открыл глаза, ощущая себя просто отвратительно. В них будто песок насыпали, а грудь словно могильной плитой придавило.

Если Эн Рин так же плохо, когда она пользуется амулетами... То удивительно, как она до сих пор жива.

— Откликнулось, — прохрипел Арманиус, с силой удерживая сознание в этом мире. — Но лучше нам вернуться, Велмар. Что — то я перенапрягся.

Агрирус нервно кивнул и стал строить пространственный лифт с удвоенной скоростью.

Я ни капли не сомневалась, что после вчерашнего «Иллюзиона» сегодня ко мне

заявится Арчибальд.

Почти угадала. Когда я вышла из госпиталя, ко мне вновь подрулил знакомый магмобиль со знакомым Грегом.

— Садитесь, айла Рин, — он распахнул дверцу, даже не выходя из салона. Видимо, не сомневался в моём согласии на транспортировку. Впрочем, я бы на его месте тоже не сомневалась.

Молча села на сиденье, расправила пальто, стянула шапку и поинтересовалась:

— А вы каждый день работаете?

Охранник явно удивился вопросу. Нет, а что такого? Интересно же. Вчера он, сегодня он, а завтра? Я ведь не разбираюсь в этом. Знаю только госпитальную систему — либо сутки через трое, либо пять рабочих и два выходных, как у меня.

— По двенадцать часов два через два.

— Ага... То есть, завтра вас не будет.

Грег широко улыбнулся и кивнул.

— Да, айла Рин. Завтра вместо меня будет другой маг.

Я немного подумала и всё-таки спросила:

— И давно вы за мной следите?

Охранник, как сказал бы Валлиус, прикинулся клизмой.

— В смысле?

— В прямом. Вы же не только сегодня меня охраняете, но и вообще, наверное. И как давно?

Грег, по — прежнему улыбаясь, отвёл глаза и буркнул:

— Не имею права докладывать.

— Ладно, — я пожалала плечами. — Спрошу у его высочества. А куда хоть едем, вы сказать можете?

— Это могу. В «Омаро».

Да-а-а... Явно Арманиус накаркал.

«Омаро» блестел. Не только чистотой, но и золотым интерьером — светло-золотые обои, темно-золотые рамы у картин и зеркал, белоснежные скатерти на столиках, деревянный пол, по которому хотелось пробежаться босиком. Роскошь, как она есть, и вычурность, и апломб.

Я невольно расправила плечи, понимая, как нелепо выгляжу со стороны в этом ресторане — девушка в обычном сером шерстяном платье и волосами, заплетёнными в косу. Другие посетители были совершенно иными, особенно женщины — они блистали не только нарядами, но и причёсками. И половина гостей курила модные нынче мятные сигареты, воткнутые в длинные изящные мундштуки. Я невольно улыбнулась, вспомнив, что когда эта мода только появилась, Валлиус назвал подобную конструкцию... хм... «какашкой на палочке». Что ж, я могла его понять, ведь именно в наш госпиталь обращались столичные злостные курильщики, что бы им почистили лёгкие и кровь.

Официант провёл меня через общий зал к лестнице на второй этаж, где находились отдельные балкончики-ложи. Большинство из них были открытыми, отделёнными друг от друга лишь перегородками, но меня вели не туда.

В конце концов мы достигли деревянной двери с гербом Альганны, выточенным каким — то искусным мастером, и официант, толкнув её, жестом пригласил меня войти внутрь.

Несомненно, это была личная ложа императорской семьи. Очень уютный балкон, увитый цветущими растениями, с потрясающим видом на вечернюю Старую Граагу, сияющую огнями и фонариками в честь праздника перемены года, явно магически утеплённый. Место здесь хватило бы и на большой стол, но стоял лишь маленький столик на двоих, украшенный цветами и свечками. Свечки тоже были золотыми, а вот скатерть — бордовой.

Но больше всего меня смутили, конечно, цветы — те самые белые лилии, как бы напоминающие мне о серьёзных намерениях Арчибальда, — и его высочество собственной персоной, уже сидящий за столом. И не в форме охранителя, а в обычной белой рубашке и тёмных брюках. Только широкий золотой пояс с пряжкой в виде герба Альганны выдавал в нём члена семьи Альго.

— Добрый вечер, Эн, — сказал принц, мягко улыбаясь, но в этой улыбке мне почудилось торжество победителя. Как ни странно, это помогло прийти в себя — смущение отхлынуло, и я, кивнув, опустилась в кресло напротив Арчибальда.

— Здравствуйте, ваше высочество.

Официант с абсолютно невозмутимым лицом положил передо мной меню.

— Принесите нам пока вино. «Лунный свет» урожая прошлого года.

— Я не буду пить, — возразила я, открывая толстую папку в кожаном переплёте. — Мне ведь завтра на работу.

Официант вопросительно посмотрел на Арчибальда.

— Несите, — кивнул его высочество и, когда мы остались одни, пояснил: — Эн, «Лунный свет» совершенно не пьянит, сколько ни выпей. После него даже за руль магмобиля можно. Так что не бойтесь.

Я кивнула, принимая объяснение — да и не до того мне было теперь...

— А почему в меню нет цен?

— А зачем они вам? — Арчибальд чуть наклонил голову, разглядывая меня словно с укоризной. — Это был бы лишний повод для переживаний. Не думайте об этом. Просто выберите то, что хочется попробовать.

Хитрый... Конечно, были бы цены, я бы постаралась не брать слишком дорогое. А так я даже и не знаю, что здесь слишком дорогое, а что — просто дорогое.

А ведь Арманиус был прав — в меню действительно оказался салат «Маг-обжорка». Жаль, что я его не люблю, наверняка ведь один из «бюджетных».

Минут через пять пришёл официант, принёс вино, разлил его по бокалам, а затем принял заказ. Причём мне показалось, что Арчибальд подстроился под мои предпочтения. Я заказала только горячее и чай, и принц тоже обошёлся без салатов и десертов.

А когда официант вновь ушёл, его высочество спросил с откровенным любопытством:

— Как вам «Иллюзион»?

— Понравился. Спасибо большое, это было... ценно.

— Я рад, что угодил, — он улыбнулся и поднял бокал. — Давайте-ка выпьем за то, что бы наши мечты не были иллюзорны.

Я кивнула, протянула руку — раздался тонкий «дзинь» от коснувшихся друг друга бокалов, — и сделала маленький глоток.

Невероятный вкус. Он сам пьянил не хуже алкоголя. Терпко-пряный, с фруктовыми нотками и будто бы наполненный солнечным светом, как наш северный мёд...

— Защитница, как вкусно... — Я легко рассмеялась и заговорила с Арчибальдом так,

словно на его месте сидел Рон: — Я пила вино один раз, после выпускного на седьмом курсе. Все пили, и всем потом так плохо было! Мы же самое дешёвое взяли, знаете, такое... Называется «Невинность».

— Это не вино. Имитация.

— Да, — я вновь засмеялась. — Валлиус так потом кричал на нас! Мы же все с отравлением в госпиталь угодили, все десять человек. Со специальностью «магическая медицина» было пятеро, больше остальных нас чихвостил. Какие вы, сказал, медики, если не можете отличить настоящее вино от клюквы?

— Это он погорячился, — протянул Арчибальд почему-то на редкость довольным голосом. — Не каждый аристократ сумеет отличить хорошее вино от имитированного. Это не так уж и просто. Вам ещё, по всей видимости, подделка попалась — от качественного имитированного вина в больницы не попадают. Но покричать на вас Брайон был обязан, конечно. Воспитательный момент.

Я сделала ещё глоток — как же хорошо — то! — и спросила:

— А «Иллюзион» не вызывает привыкания? В основах иллюзорной магии лежит утверждение, что иллюзии, как заблуждения, могут быть опасны. Не бывает такого, что маги ходят туда постоянно?

Принц открыл рот, намереваясь ответить, но тут принесли заказ, и он на время замолчал, дожидаясь, пока всё расставят на столе и, вежливо пожелав приятного аппетита, уйдут.

Я взялась за горячее с не меньшим, чем за вино, энтузиазмом. Вкуснотища...

— Эн, «Иллюзион» очень давно создали маги-учёные из рода Бравиус. Изначально они разрабатывали комнату для умалишенных... — Я, услышав подобное, подавилась кусочком гриба из соуса, и Арчибальд понимающе улыбнулся. — Вы верно расслышали — они разрабатывали помещение для умалишённых, хотели, чтобы иллюзорная магия давала терапевтический эффект. И первоначально так и было. Но разработки ширились, Бравиусы задействовали кровную магию, и в итоге получили место, в котором сбываются мечты. И привыкания оно не вызывает — это свойство осталось у «Иллюзиона» с тех пор, когда в нём лечили сумасшедших. Постоянно, кстати, ходить туда невозможно — императорским указом установлен лимит на посещения. Не чаще раза в год, — заключил Арчибальд, допивая вино из бокала, и налил себе вторую порцию. Я тоже протянула свой — хотелось добавки, — и поинтересовалась:

— А как же умалишённые? У них есть такой вот «Иллюзион»? В нашем госпитале я не припомню ничего подобного...

— В итоге иллюзии были признаны малоэффективными. Так что — нет. — Взгляд его высочества стал задумчивым. — Как там Арманиус? Есть прогресс?

— Да, — я кивнула. — Он отлично справляется. Ещё пара недель — и вернётся к вам в строй.

— Очень хорошо. Он не обижал тебя?

В тот момент я даже не заметила, что принц впервые обратился ко мне на «ты». Совершенно не обратила внимания, так была увлечена всем сразу — вином, едой и разговором.

— Нет, ваше высочество. Он ведёт себя почти как идеальный пациент, — я засмеялась. — Почти как вы.

Арчибальд усмехнулся и явно расслабился.

— Знаешь, я бы очень хотел попробовать здесь один десерт... — протянул он лукавым голосом. — Но один его есть я постесняюсь. Давай на двоих закажем?

— Давай! — согласилась я живо и, помотав головой, добавила: — Те!

Вот теперь на лице принца действительно было торжество победителя. Только меня это почему-то не раздражало.

И вообще весь вечер прошёл очень радостно и мило. Мы разговаривали и про «Иллюзион», и про мою работу в госпитале, и про его работу охранителем. С Арчибальдом оказалось легко и весело.

Но не было ли это такой же иллюзией, как то, что я видела накануне в «Иллюзионе»?

— Ты как?

Это был первый вопрос, который задал Велмар, когда они с Арманиусом перенеслись обратно в дом ректора и дошли до библиотеки.

— Чувствую себя немощным стариком, — Берт криво улыбнулся, буквально падая на диван. — Только избавился от тросточки, и вот — завтра явно опять придётся с ней ковылять. Посмотри, что с контуром?

Агрирус прищурился.

— Без изменений. Вроде. Но я не уверен, что испытание Аманды пошло на пользу твоему лечению. Думаю, надо сообщить обо всём Эн, Берт. И чем быстрее, тем лучше.

— Паникёр.

— Я не паникёр. — Теперь Велмар уже не щурился, а хмурился. — Я беспокоюсь, как бы всё, чего достигла Эн за неделю, не пошло прахом из-за случившегося. У тебя есть номер её браслета связи?

— Разумеется.

— Тогда давай, набирай. Или я сам это сделаю, — Агрирус пригрозил Берту пальцем, словно мальчишке. — И слушать не буду никаких возражений!

Сообщать Эн не хотелось смертельно, но Арманиус понимал, насколько это глупо. Она — его лечащий врач, она обязана знать, и чем быстрее, тем лучше. Вот только чувства Берта не имели никакого отношения к здравому смыслу.

Эн долго не отвечала. А когда всё же ответила, Арманиус её даже не сразу узнал.

— Да, архимагистр? — произнесла проекция девчонки радостным и тёплым голосом, блестя глазами и алея щеками.

— Эн, — Берт окинул её встревоженным взглядом, — ты не заболела?

— Заболела? — в голосе появилось удивление. — Не-ет, я прекрасно себя чувствую. А... что с вами? Почему вы такой бледный?!

Краска схлынула с её щёк моментально, будто и не было. И голос стал другим, обычным. Только вот глаза блестеть не перестали.

— Кое-что случилось. Я сегодня был в университете, показывал Совету свою метку. И заодно меня попросили продемонстрировать связь со зданием, кровную магию. И...

— Защитница! — судя по звуку, Эн хлопнула ладонью по столу. — Неужели нельзя было подождать хотя бы неделю?! Что бы это изменило?! Индюки напыщенные!

Где-то за спиной Берта кашлянул Велмар. Эн, конечно, не могла его ни видеть, ни слышать — связь была двусторонней, только между ней и Арманиусом, — но этот звук как будто переключил её в рациональное русло.

— Вы лежите?

— Да.

— Вот и лежите. Я сейчас к вам перенесусь. Не вздумайте вставать!

Проекция исчезла.

— Перенестись хочет? — поинтересовался Велмар с любопытством и засмеялся, когда Берт кивнул. — Как же они с Роном похожи... — Сел на диван рядом с Бертом и покачал головой. — Тот тоже такой... шальной, безрассудный, но безумно талантливый.

Арманиусу впервые в жизни захотелось побольнее стукнуть друга.

— Тебе лучше уйти, Велмар. А то сейчас зайвится Эн, и тебе тоже от неё достанется за то, что не уследил.

Агрирус покачал головой.

— Нет, я пока останусь. Во-первых, хочу с ней поздороваться, во-вторых, мне необходимо убедиться, что ты в порядке. И в-третьих... Берт, мне говорил это и Рон, и я сам догадываюсь — после переноса у Эн с трудом хватает сил на то, что бы ходить, говорить и дышать. Она не будет тратить энергию на ругань, когда тебе плохо. А вот завтра...

Внизу, на первом этаже, послышался характерный хлопок прибывающего пространственного лифта. А затем — топот ног по лестнице.

— А вот и она...

Дверь распахнулась, и в библиотеку вбежала Эн. Мазнула взглядом по проректору, кивнула ему, кажется, ничуть не удивившись, подошла вплотную к дивану и прищурилась, рассматривая Арманиуса.

— Контур без изменений... Это хорошо. Архимаг, подвиньтесь. А лучше встаньте.

Велмар молча послушался и, встав, отошёл в сторону. Эн положила на журнальный столик перед диваном свою сумку, села на место проректора и, достав ремешок с пряжкой, кивнула на руку Берта.

— Закатывайте рукав. Кровь буду брать.

— Зачем? — не удержался от вопроса Арманиус.

— Пить её будем вместе с проректором, — ответила раздражённо, но потом, вздохнув, пояснила: — Механизм действия родовой магии толком не изучен. Мне надо убедиться, что ваши анализы в порядке. Усталость — это одно, отдохнёте и пройдёт, общеукрепляющее сейчас еще вколю, но если у вас, не дай Защитник, упал гемоглобин...

— И чем это грозит? — спросил Велмар с откровенным интересом. Эн затянула ремешок на руке Арманиуса, достала из сумки шприц и продолжила:

— Тем, что организм вместо того, что бы восстанавливать контур, будет восстанавливать что-нибудь другое. Не двигайтесь, архимагистр. Та-а-ак, молодец. — Она приложила к месту укола ватку, смоченную заживляющим бальзамом, и отстранилась. Вытащила из сумки какую-то металлическую пластинку, капнула на неё кровью Арманиуса и взгляделась в надписи, проявившиеся на ней. Пару мгновений молчала, и проректор не выдержал:

— Ну как там?

Эн ответила не сразу, дочитывая анализы Берта.

— Нормально, — в её вздохе слышалось облегчение. — Нет существенных отличий от утреннего анализа. Через пару часов приду и вновь проверю. А пока поворачивайтесь спиной ко мне, сделаю вам укол общеукрепляющего.

Арманиус с готовностью повернулся, чувствуя не меньшее облегчение.

— Ну... Я, наверное, пойду? — неуверенно поинтересовался Велмар, и Берт краем глаза увидел, как Эн махнула рукой.

— Да, да, идите, архимаг.

Понимая, что спрашивает друг всё-таки у него, Арманиус тоже сказал:

— Конечно, иди.

Гулко хлопнула дверь библиотеки, и они с Эн вновь остались вдвоём.

Я уже была в общежитии, когда меня вызвал ректор. Арчибальд довёз и, галантно поцеловав руку, позволил мне покинуть магмобиль.

Настроение было на редкость приподнятым, хотелось смеяться и танцевать. Давно со мной такого не случалось...

Но после того как я поговорила с Арманиусом, всё изменилось. И потом, когда я взяла у него кровь и убедилась, что анализы в норме, где-то на краю сознания появилась мысль, которую я сначала даже не могла толком сформулировать.

Помог ректор. Как только Агрирус ушёл, он спросил меня:

— У тебя всё в порядке, Эн? Ты... — Он запнулся. — Немного странная.

Точно. Я странная. И я сама это чувствовала.

— Всё в порядке. А в чём выражается эта странность? Поворачивайтесь лицом ко мне, я закончила.

Арманиус перевернулся и продолжил:

— Ты как будто была пьяной, Эн.

И тут меня словно по голове чем-то стукнуло.

Пьяной... Но Арчибальд сказал, что от этого вина не пьянеют. Значит...

— Архимагистр... а вы разбираетесь в винах?

Он удивлённо поднял брови.

— Ну, я не эксперт, но в принципе могу что-то подсказать.

— Вы знаете такое вино... «Лунный свет»?

Брови поползли выше.

— Знаю.

— Расскажите мне про него.

— Это одно из самых дорогих вин Альганны, Эн. — Удивление исчезло, сменившись пониманием. — Оно не пьянит так, как обычное. Лишь слегка расслабляет и даёт ощущение радости, эйфории, праздника. При этом не туманит мозг, не вызывает привыкания, не заставляет совершать безумства. Просто чуть уменьшает внутренние запреты.

Что ж, всё ясно. Ох, ваше высочество...

И вот вроде бы понимаю его. Но противно.

— Ты не знала, да?

Догадливый. И наверное, можно было ответить... Но я молчала.

— Конечно, не знала, как ты могла знать... Эн, я не оправдываю Арчибальда, но...

— Вот и не оправдывайте! — сказала я, пожалуй, слишком резко. — Что сделано, то сделано.

— Послушай меня, — голос Арманиуса стал раздражённым, — не преувеличивай значение «Лунного света». Это не веселун-трава, от которой море по колено и огонь не

страшен. Ты просто стала чуть легче относиться к происходящим событиям, но никогда в жизни под влиянием этого вина ты не сделала бы ничего противоречащего своей природе.

— Я понимаю. — Я вскочила с дивана и бросила в сумку анализатор*. (*Пластинка, при помощи которой Эн смотрела анализ крови у Арманиуса.) Демоны тебя побери, Эн, аккуратнее! — И не хочу больше это обсуждать. Лучше покажите мне метку.

Когда я вновь повернулась лицом к ректору, он уже закатывал рукав. И я, подойдя ближе, осторожно взяла его кисть, вглядываясь в чёрный рисунок на запястье.

Точнее, в тёмно-серый...

— С тех пор, как вы потеряли дар, она меняла свой цвет?

— Нет. Чуть побледнела только, вот до этого самого состояния, и с тех пор практически неизменна.

— Надо следить за ней, — я закусила губу. — Думаю, скоро она станет ярче. Но то, что у вас получилось воспользоваться родовой магией со сломанным контуром — это какое-то чудо. Ладно, — я отпустила руку ректора и вновь отвернулась к сумке, — я побегу. Вернусь через три часа, снова возьму у вас кровь.

— Через три часа будет глубокая ночь, — недовольство в голосе Арманиуса можно было не только слышать, но и осязать, и даже обонять. — Не выдумывай и оставайся.

В принципе, разумно. И...

Я мстительно прищурилась.

За мной ведь наверняка следят. Интересно, знают ли мои охранники, что я перенеслась к ректору прямо из своей комнаты в общежитии? Наверное, нет. Или в комнате тоже следилка?

Вот и проверим.

— Хорошо, архимагистр, я останусь.

Арманиус вздохнул с таким облегчением, что я не удержалась от улыбки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Проснулся Берт от настойчивого вызова по браслету связи и, ответив, даже не удивился, увидев перед собой проекцию его высочества.

— Эн у тебя?

Арманиус потёр глаза и, потянувшись, сказал:

— Доброе утро, ваше высочество. Да, у меня.

Арчибальду явно было жаль, что по браслету связи не видно окружающей обстановки и присутствующих рядом людей. Он определённо подозревал, что «у меня» значит «в моей постели».

От подобной мысли хотелось одновременно и смеяться, и морщиться.

— Впредь, если она будет оставаться на ночь, отчитывайся, — проговорил принц холодно. — Охрана с ног сбилась.

«Только ли охрана?»

— Хорошо, ваше высочество.

Арчибальд поколебался, но всё-таки спросил:

— С чем это связано?

— С посещением университета. Мне стало нехорошо, я вызвал Эн, и так как ей нужно было следить за моим состоянием и ночью, она осталась.

Берт чуть улыбнулся, вспомнив, как она прибежала в три часа ночи, сонная и в халате, взяла кровь, кивнула и убежала. Всё это заняло меньше двух минут. Он даже проснуться толком не успел.

Арчибальд, выслушав этот «отчёт», расслабился.

— Хорошо. Надеюсь, ты восстановишься, Берт.

— Я тоже надеюсь, — ответил ректор, и его высочество прервал связь.

Посмотрев на часы, Арманиус перевернулся на другой бок. Ещё десять минут вполне можно полежать.

Перевернулся — и усмехнулся собственным мыслям. Странно, как это не пришло ему в голову вчера, когда Эн спросила про «Лунный свет». Зачем давать девушке, с которой у тебя и так всё хорошо складывается, подобное вино, не предупреждая её об этом? Никакого смысла. А вот если она отказывается и отказывает... Тогда — да.

Берт покачал головой, понимая, что в этом его высочество прогадал. С Эн нужно быть абсолютно честным, только тогда возможны какие-то отношения. Пока Арчибальд врёт — она будет отказывать.

Вот только помогать принцу, объясняя это, Арманиус, естественно, не собирался.

С утра архимагистр тоже чувствовал себя прекрасно, и мне пришла в голову мысль: а что если попробовать родовую магию в наших с Байроном экспериментах? «Подопытный»-то — аристократ. Правда, я не помнила, чем именно он владеет, но это и неважно. Поэкспериментируем.

Пока бежала на работу, продумывала, что буду делать, а заодно диву давалась, какое спокойное утро было у нас с Арманиусом. Завтрак, во время которого он рассказал мне о вчерашних событиях, потом процедуры, и они тоже прошли мирно и даже дружелюбно. Ректор явно был чем-то доволен, словно получил какую-то хорошую новость.

Хотя он её действительно получил, но только в самом конце, когда я уже уходила.

— Думаю, через неделю, когда вам опять надо будет идти в университетский совет, вы сможете магичить. Контур восстановится наполовину.

— А резерв у меня будет прежний? — в глазах Арманиуса я увидела предвкушение. Понимаю — соскучился по магии.

— Конечно. Магоктавы восстанавливаются в том же количестве, если начинать реабилитацию сразу после повреждения. Если повременить, то не восстанавливаются вообще.

— Либо всё, либо ничего? — усмехнулся ректор, и я кивнула.

Так что причины радоваться у архимагистра были. Как и у меня. И не только из-за успехов в его лечении.

Мы с Байроном встретились сразу после обеда и, пока шагали в хирургию, я рассказала Асириусу о своей задумке. Заодно поведала, почему мне это вообще пришло в голову.

— У ректора, как мне показалось, контур стал даже чуть чётче, в некоторых местах он сросся. Думаю, имеет смысл попробовать.

Однокурсник с энтузиазмом кивнул.

— Да, и ещё один момент, — я поморщилась: тема была не особенно приятной. — Если сегодня не будет прогресса, восстанавливайте нашего больного и отправляйте в моё отделение в срочном порядке. Иначе всё, процесс станет необратимым.

Лицо у Байрона резко покислело.

— Плохо.

— Кто же спорит, — я пожала плечами. — Для нас с тобой так себе, экспериментировать хорошо бы на одном и том же объекте. Но это всё равно невозможно. Придётся менять подопытных.

Этот самый «подопытный» чувствовал себя после вчерашнего до сих пор не ахти и, услышав, что ему надо воспользоваться родовой магией, помрачнел ещё сильнее.

— И как я это должен делать?

Если бы я знала, как. Но у меня кровной магии отродясь не водилось, и я вопросительно посмотрела на Байрона.

— Попробуйте сделать всё как обычно. — Он, слава Защитнице, понял, что мне нужна помощь. — Не думайте о сломанном контуре. Работайте так, как всегда работали.

Подопытный вздохнул и попросил стакан с водой. Оказалось, в этом и состоит его родовая магия — взглядом он умел замораживать воду.

Мужчина пыхтел и морщился полчаса. На лбу выступила испарина, губы побелели, и я с тревогой следила за его состоянием через подключённую аппаратуру.

— Вы слишком напрягаетесь, — твердил Байрон. — Не напрягайтесь.

Через полчаса больной, громко выдохнув, признался, покачав головой:

— Нет, не получается. — И с жалостью посмотрел на стакан, вода в котором неожиданно заморозилась. — О-о-о...

— Я же говорил — не напрягайтесь! — Глаза у Асириуса блестели так, словно мы уже контур восстановили. — А вы тут почти в туалет сходить пытались, а не родовой магией воспользоваться.

Пока подопытный не огрызнулся, я поспешила вмешаться:

— Вы молодец, что справились. Сейчас я сниму ваши показатели, посмотрим, как успехи.

Успехов не было, Байрон рано радовался. Но и регресса — тоже. Контур не сиял и вообще не подавал признаков жизни, однако и состояние пациента не ухудшалось.

Мрачно выслушав отчёт, Асириус поинтересовался:

— Отправлять на срочное хирургическое восстановление?

— Ждём до завтрашнего утра. Если изменений не будет — отправим. А пока ждём.

Байрон кивнул, и мы с ним разошлись по отделениям. Подопытный же отправился на полдник — заедать стресс.

Когда я вышла из здания госпиталя после работы, прямо возле входа меня ждал знакомый магмобиль. Только возле него стоял не Грег, а другой маг.

— Добрый вечер, айла Рин, — сказал он вежливо, распахивая дверцу. — Меня зовут Ирл. Садитесь.

Мгновение я колебалась. Если бы не «Иллюзион», я бы просто отказалась садиться, но... нет, надо объяснить всё Арчибальду с глазу на глаз. Пусть прекращает этот цирк и переключится на девушку с более длинным именем и фамилией, заканчивающейся на «ус».

На этот раз меня привезли не в «Омаро», а в «Арбалет» — маленький, но очень дорогой театр, в котором шли лучшие в Альганне музыкальные спектакли и балеты.

Пару минут я скрипела зубами — побывать в «Арбалете» хотелось, и ещё как. Но хватит обманывать и обманываться.

Арчибальд в сопровождении двоих охранников — на принца, естественно, бросали косые взгляды все присутствующие, — ждал меня в холле театра. Кивнул Ирлу — тот сразу отступил от меня, возвращаясь обратно к магмобилю, — и улыбнулся, делая шаг навстречу.

— Добрый вечер, Энни.

Голос был тёплым и ласковым. На мгновение мне даже стало немного больно — за то, что никак не получалось сделать эту сказку былью.

— Добрый, ваше высочество. Простите... — Я запнулась. — Простите, но я не смогу остаться на спектакль.

Арчибальд перестал улыбаться.

— Что-то случилось?

Защитница, ну не при охранниках же...

— Нет, всё в порядке.

— Тогда почему ты не хочешь остаться?

Во взгляде принца было непонимание. Я, вздохнув, посмотрела сначала на одного охранника, потом на другого. У них были совершенно равнодушные лица, но я не тешила себя надеждой, что они не слушают наш разговор или что им не интересно. Живые люди, не камни.

Арчибальд кивнул, наконец осознав, что я не желаю говорить при посторонних.

— Здесь у нашей семьи отдельная ложа, защищенная магически. Никто не видит, что происходит внутри, и не слышит. Можем поговорить там.

Я согласилась. Ложа так ложа, главное, чтобы и в ней за нашими спинами не стояла охрана.

Арчибальд оставил обоих своих молодцев снаружи, и мы зашли внутрь.

Два глубоких кресла, маленький столик с цветами — опять эти лилии! — бокалами с вином и конфетами. Очень уютно, но главное — сцена как на ладони. Никогда в жизни я не сидела в театре на таких потрясающих местах.

Но садиться я не стала. Сразу повернулась к его высочеству лицом и сказала:

— Я не хочу оставаться, потому что вы обманули меня вчера.

Он усмехнулся.

— Арманиус просветил?

— Что? — я удивилась. — При чём тут ректор? Я сама догадалась, спросила его только про вино. Он рассказал о свойствах. Я сделала выводы.

— Ты сделала неправильные выводы, Эн.

— Что? — я удивилась ещё больше. — Здесь всё очевидно, ваше высочество. Вы меня обманули и...

— Я не обманывал. — Принц сделал шаг вперёд и взял меня за руку. — Представь себя на моём месте. Ты так напряжена и зажата... Я просто хотел, что бы ты немного расслабилась. Разве я сделал что-то недозволенное? Я не трогал тебя. И я пил «Лунный свет» вместе с тобой.

— Вы могли бы предупредить... — Я попыталась отнять руку, но вместо этого Арчибальд притянул меня ближе к себе.

— Ты не стала бы пить. И весь вечер сидела бы как на иголках в этом проклятом «Омаро». Тебе ведь было хорошо вчера? — Вторая ладонь легла на талию. — Хорошо и весело. Почему же ты злишься?

— Потому что вы меня обманули! — я вскинула голову, и это было ошибкой — так лицо принца стало ещё ближе. — Вы...

— Я больше не буду тебя обманывать, — шепнул Арчибальд, наклоняясь ниже. — Клянусь. Никогда.

Я не понимала, что происходит и как себя вести. Тысячу раз я находилась наедине с мужчинами, тысячу раз они даже голыми были, но никогда мне не было так... странно... Щёки горели, словно в пламени Геенны, страх и ожидание чего-то неизведанного накатывали поочерёдно, смущая меня, и хотелось убежать...

Но Арчибальд держал крепко.

— Энни... — выдохнул он, в последний раз заглянув мне в глаза с требовательной надеждой, а через секунду уже целовал. Ласково и нежно, но не менее требовательно, и, прерываясь, шептал: — Моя Энни, моя...

Я не могла его оттолкнуть, да и не хотела.

Конечно, не каждая девушка мечтает о принце, но о любви — каждая. И я целовала Арчибальда в ответ, неумело двигая губами, как будто от этого зависела моя жизнь.

— Прости меня, я не удержался. Но ты ведь уже всё поняла по лилиям? — спросил его высочество, отпуская мою талию и обхватывая ладонями лицо. Он смотрел прямо в глаза — тревожно, но радостно.

— Да, ваше...

— Арчибальд. Хватит, Энни... Я человек, а не титул.

— Я знаю. — Мысли путались и никак не хотели складываться в слова. — Я просто боюсь, что...

— Не бойся. — Он погладил меня по щеке и улыбнулся. — Давай посмотрим спектакль, и всё. Это ведь совсем маленький шаг.

Да... совсем маленький шаг в большую пропасть.

Но ладно. Может, в этом и есть моя судьба? Упасть в бездну.

— Хорошо, — вздохнула я, и улыбка принца стала шире. — А... за вино-то вы...

— Ты.

Я еще раз вздохнула.

— Ты. Не будешь извиняться?

— Буду. Но не за вино, а за то, что не сказал тебе о его свойствах. Я обещаю, такого больше не повторится. Останешься?

Я кивнула, всё-таки делая свой первый маленький шаг навстречу глубокой пропасти.

Спектакль оказался музыкальным и был настолько интересным, что я не отлипала от сцены все два часа, пока он шёл.

После Арчибальд довёз меня до общежития и, поцеловав на прощание руку, как в прошлый раз, поинтересовался, пойду ли я с ним завтра в Императорскую оранжерею.

Ещё один козырь. Все знали, что во дворце существует оранжерея с редкими видами растений, но побывать там могли только аристократы, получившие разрешение у императора лично. Просто потому что это был не сад, а нечто вроде лаборатории, где маги-биологи изучали свойства растений и ставили эксперименты с новыми видами.

Разве я могла отказаться...

А в комнате меня вновь ждали белые лилии. И записка.

«До завтра, моя Энни».

Судя по тому, что лилии успели раскрыться — значит, простояли в вазе не менее двух часов, — Арчибальд написал это еще до получения моего согласия на прогулку.

Я вздохнула и подошла к большому настенному зеркалу, что висело возле входной двери. Поверхность отразила самую обыкновенную девушку не слишком высокого роста, с тёмно-каштановой косой, милым, но ничем не примечательным лицом — разве что зелёные глаза...

Вокруг Арчибальда наверняка вьётся множество красавиц-аристократок. Почему я?

И почему он ждал три года, чтобы начать ухаживать? Он всегда относился ко мне хорошо, но активно действовать стал лишь теперь. Что повлияло?

И сколько бы я ни думала на эту тему — не могла понять.

Если только... Если только я — приложение к его закону. Как пример для остальных аристократов, как демонстрация того, что даже член семьи Альго не боится связать свою жизнь с нетитулованной девушкой. Я вообще хороша как пример — безродная, но добившаяся успеха, с крошечным даром, но тем не менее закончившая магический университет. Про таких героинь обычно в народе баллады и сочиняют. Ну кто не любит простушек, ставших принцессами? Пожалуй, только сами принцессы.

Да, возможно, в этом есть смысл, и к светлым чувствам Арчибальда — я не сомневалась, что они тем не менее есть, — примешивается политический расчёт. Плохо ли это? Я не знала. Наверное, в их семье иначе попросту не бывает. И при всех светлых чувствах принца ему не позволили бы за мной ухаживать, если бы я была невыгодна империи.

Что ж, одно хорошо — значит, император поддерживает закон Арчибальда, и рано или поздно они добьются его принятия.

Защитница... Но если я выйду замуж за принца, меня станут называть «ваше высочество».

Какой кошмар!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Всё утро Арманиус чувствовал себя как-то странно, и ему было безумно интересно, что скажет по этому поводу Эн. Берту казалось, что он ощущает ток крови в теле, и пальцы покалывало, будто бы перед применением магии.

Выслушав его, девчонка кивнула и пояснила:

— Контур начал срастаться. Не спешите радоваться, он только начал, и магичить вы пока не сможете. Но в пятницу... да, я думаю, уже в пятницу вы будете способны применить магию, архимагистр.

— Даже не верится... — пробормотал Берт, и Эн улыбнулась.

— Всем не верится. Его... хм. Один из моих пациентов, когда у него получилось зажечь первый огонёк, сказал, что впервые в жизни ему хочется плакать и визжать, как маленькой девочке.

«Ему»? Наверное, речь о его высочестве. Арманиус невольно хмыкнул, представив визжащего Арчибальда. Принц обычно был очень спокоен, и довести его даже до повышения голоса могли немногие. И Берт был в их числе.

Сегодня Эн вновь ставила иголки, но не только — давала что-то пить, делала уколы, сосредоточенно щупала спину вдоль позвоночника. И всё записывала в толстый блокнот, хмуря брови и кусая губы.

— Когда ты будешь защищать свою научную работу? — поинтересовался Берт, наблюдая, как девчонка аккуратно вводит длинную иглу ему в ключицу.

— Через полгода, летом, предзащита. На ней будет решаться моя дальнейшая судьба, — Эн иронично улыбнулась. — Я спорный аспирант, сами понимаете. Обычно после защиты присваивается звание магистра, но у меня недостаточно октав для этого. Так что я даже не знаю, как всё это будет выглядеть.

Арманиус задумался. Да, подобных случаев он не припоминал. Тридцать магоктав — вот резерв, необходимый для получения звания магистра. Научную работу-то Эн напишет, но звание...

— Вообще, — медленно сказал Берт, — нигде не написано, сколько именно магоктав должно быть, это не задокументировано. Главное — сдать экзамены. Тридцать октав — это резерв, который нужен для прохождения экзаменов. Но ты ведь используешь амулеты? Они не запрещены.

— Я знаю, — Эн кивнула, — мы с Брайоном обсуждали это много раз. Но мне не хочется быть вечным раздражителем. Единственное, чего я хочу — заниматься наукой и работать в госпитале. Пока я аспирантка, это возможно, но потом... Либо я должна стать магистром, это необходимо, чтобы быть врачом, либо — только младший медицинский персонал. Значит, надо стать.

— Станешь, — сказал Берт, пожалуй, слишком резко. — Я за тебя поручусь, как и Валлиус.

На лице Эн появилась горькая усмешка, и Арманиус понял, о чём она вспомнила.

— Ты достойна быть магистром, — продолжил он и удивился горячности собственного голоса. — На самом деле ты достойна как минимум звания архимага, и резерв тут ни при чём. Я был не прав тогда, на вступительном экзамене.

Она замерла. Подняла на него изумлённые глаза и, отпустив введённую иглу, медленно выпрямилась.

— Вы... вспомнили?

— Можно и так сказать. Ты... Эн, я не знал тебя. Бывали случаи, когда мы брали в университет очень упорных молодых людей с пятнадцатью-двадцатью октавами, но толку из них чаще всего не выходило. Кто-то не выдерживал учёбы, но были и парочка

трагических случаев. А у тебя даже не пятнадцать октав.

— Ну да... — пробормотала она, отводя глаза. — Не пятнадцать.

— Эн...

Берт сам не осознал, зачем вдруг подался вперёд — и для чего он это сделал? — и зашипел от резкой боли, прошедшей по всему телу.

— С ума сошли!!! — закричала тут же Эн, укладывая его назад на диван и начиная ощупывать. — Вы же знаете, что двигаться нельзя!!!

— Прос...

— Молчите!!

Тонкие проворные пальцы бегали то тут, то там, что-то поправляя, нажимая и вытаскивая — и боль потихоньку уходила. А Эн всё бормотала:

— Глупый... ну как так можно... вся процедура насмарку... не дай Защитница, повредили себе что-нибудь... Вот зачем вы встать решили, а?! Что за дурь такая?!

— Я...

— Нет! Молчите! Не вздумайте говорить ни слова! Иначе я вас... я вас задушу!!!

Она всё бормотала и бормотала, а Берту хотелось смеяться. И от собственной глупости, и от того, что Эн за него беспокоится.

Как же так получилось, что за десять лет учёбы он ни разу не заметил её? Почему был настолько слеп, куда смотрел?..

Глупый. Она правильно сказала. Хотя можно и резче.

Идиот.

Когда я выходила из дома Арманиуса, меня слегка трясло.

Из-за всего сразу.

Вздумал тоже — пытаться подняться во время процедуры! И с чего вдруг?! Защитница, как же хорошо, что он ничего себе не повредил! Я успела всё поправить, хотя больше, чем поправлять иглы, мне хотелось стукнуть архимагистра чем-нибудь по голове за лишнюю дурь.

И эти слова... «Я был не прав»... Раньше, наверное, я была бы безумно счастлива их услышать. Но теперь мне было немного больно. Больно, что он признал это только сейчас, когда я прошла уже такой длинный путь. Больно, что он вообще вспомнил о том моём унижении. И как умудрился? Применил что-нибудь, скорее всего. А нашу первую встречу тоже вспомнил? Не сказал ведь ничего...

Впрочем, даже если вспомнил, вряд ли понял, как много для меня значит то воспоминание.

Но в госпитале всё закрутилось настолько, что я быстренько выкинула из головы Арманиуса.

Началось всё с того, что ко мне в лабораторию ворвался всклоченный Байрон с криком:

— Эн, у него стабильно светится контур!!!! Стабильно, демоны нас раздери!!!!

Я в это время как раз надевала халат — и умудрилась от изумления запутаться в рукавах.

— Да ты что...

— Защитником клянусь! — Байрон едва не плясал. — Пойдём скорее, тебе нужно это посмотреть! Надо решить, что делать дальше! — и Асириус, не дожидаясь, пока я распутаюсь, потащил меня прочь из лаборатории. Но я не возражала — мне самой было очень интересно увидеть, как там наш подопытный. Халат в результате я надела уже на лестнице.

Пациент лежал в койке, вытянувшись по струнке, и лицо его выражало крайнюю степень недовольства окружающей действительностью. Рядом стоял столик с традиционным завтраком для хирургического отделения — геркулесовой кашей на воде — и сидела медсестра, ласково-журчащим голосом приговаривающая:

— Ну же, айл, покушайте, вам необходимо набираться сил, чтобы быстрее выздороветь и...

... И дальше неизвестно, потому что Байрон воскликнул:

— Вот! — и, подскочив к подопытному, скинул одеяло, чтобы я могла рассмотреть сияющий контур без помех.

Да... Действительно — он светился.

— Покушаешь тут... — пробубнил мужчина, глядя на нас с Байроном с укоризной. — Никакого покоя...

Я бы могла ответить ему одним из любимых выражений Валлиуса — от него даже у самых скандальных пациентов немели глотки: «Покоиться будете в гробу, а здесь — лечиться» — но что позволено главному врачу, не позволено стажёру.

— Что ж, поздравляю вас, айл, — я, улыбнувшись, подошла ближе к койке. — Контур светится, значит, мы с коллегой достигли результата. Сегодня и завтра вас ещё подержат в хирургии, а потом вы перейдёте в моё отделение на окончательное восстановление.

— Эн? — Байрон дотронулся до моей ладони и поманил за собой прочь из палаты. — Давай-ка поговорим...

Я представляла, о чём он хочет со мной поговорить, и напряглась заранее.

Не ошиблась.

— Ты хочешь отказаться от достигнутого успеха? — зашипел Асириус сразу как мы вышли из палаты. — Мы сделали только один шаг! Надо продолжать процедуры!

Мне второй раз за утро захотелось треснуть собеседника по голове, но теперь им был уже Байрон.

— Я ведь объясняла. Если помедлить ещё — контур уже не восстановится.

— Но ведь он засветился!

Я вздохнула. Защитница, дай мне терпения.

— Он может погаснуть. В любой момент. И тогда всё. Байрон, срочно восстанавливайте нашего подопытного и отправляйте ко мне. Дальше я буду работать с ним в обычном формате. Выбери для экспериментов кого-то другого, и начнём с родовой магии.

Асириус глядел на меня бешеным быком, раздувая ноздри, и я не выдержала — всё-таки повысила голос:

— Да включи ты уже голову наконец! Да, один шаг мы сделали, но куда идти дальше, я понятия не имею, а пока буду думать, может случиться что угодно. Если больной не может зажечь искру — прогресс обратим, понимаешь? Обратим! Сейчас его контур светится, а завтра погаснет. Этого нельзя допустить!

— Ладно, — процедил Байрон. — Тебе виднее.

И, развернувшись, пошёл по направлению к операционным, зло чеканя шаг.

Ближе к обеду, явно улучшив время между операциями, с Бертом по браслету связался Валлиус.

— Как себя чувствует наш больной? — главный врач императорского госпиталя блеснул лукавыми голубыми глазами за стёклами неизменных очков. — Давно что-то не жалуется на присланную медсестру...

— Ты надо мной поиздеваться хочешь, да? — Арманиус фыркнул. — А-я-яй, как вам, ваше докторство, не стыдно, смеяться над больными людьми...

— Ты не больной, ты выздоравливающий. И это, кстати, видно. Эн только что забегала, отчиталась мне быстренько, вот я и решил на тебя посмотреть. Отлично выглядишь, Берт, скоро вновь будешь бороться с порождениями Геенны Арчибальду на радость.

Вот же вредный старикашка.

— Слушай, Йон... А как так получилось, что за все годы учёбы Эн я ничего про неё не слышал?

Валлиус взглянул на Берта поверх очков, и во взгляде этом было всё ехидство мира.

— Ты у меня спрашиваешь?

— У кого еще мне спрашивать?

— Хм... у себя не пробовал?

— Пробовал.

— И как?

— Кроме слов «я идиот» ничего на ум не приходит.

— Ну вот, — Брайон торжествующе улыбнулся, — очень хороший ответ, мне нравится. Подтверждаю.

— А если серьёзно?

— Берт... — Валлиус покачал головой. — Что ты хочешь от меня услышать? Я, демоны тебя разбери, понятия не имею. Я совмещаю преподавательство с врачебной деятельностью, руковожу госпиталем, мне некогда об этом задумываться. Я десять лет занимался с Эн, я верил в неё, но где при этом был ты, я не помню. Спроси у себя.

— Но почему ты мне даже ни разу не похвастался? Это же отличный способ утереть мне нос, с учётом того, что я был против её поступления...

— А оно мне надо? — Брайон возмутился. — Кроме того, когда я вообще последний раз кому-либо хвастался своими достижениями или достижениями своих учеников, ты помнишь? Надо мне это больно! — Повторил Валлиус еще раз не менее возмущённо. — И как я в принципе мог что-то тебе говорить об Эн, если она тебя...

Главный врач императорского госпиталя вдруг словно поперхнулся воздухом, надулся, побагровел и, рявкнув:

— Ладно, мне некогда. Выздоровливай! — прервал связь.

Арманиус удивлённо покосился на браслет.

«Как я в принципе мог что-то тебе говорить об Эн, если она тебя...»

Если она тебя... что?!

Что, демоны его раздери?!!

К вечеру вновь начался снегопад.

Снежинки сыпались с неба, словно белые мухи, налипая на ресницы и волосы, и

хотелось как в детстве — открыть рот и ловить их губами и языком.

Почему-то было грустно. Хотя впереди — праздник перемены года, я всегда его любила. Наряженная игрушками ёлка, подарки, три дня каникул. В ночь с субботы на воскресенье народ будет гулять и радоваться, а у меня на душе отчего-то тревожно.

Медленно к белому зданию госпиталя подрулил знакомый мне магмобиль, и только тут я наконец вспомнила, что обещала его высочеству прогулку по оранжерее. Эта мысль меня немного приободрила. Каким плохим бы ни было настроение, увидеть уникальные растения однозначно хотелось.

Императорский дворец возвышался над набережной — он, окружённый танцующим в небе снегом, казался вышедшим из сказки. Сказки... Я плохо помнила их. Кажется, с тех пор, как я попала в приют, я не прочитала ни одной. Но среди них наверняка есть история о бедной девушке, которую полюбил прекрасный принц и сделал её своей женой. Только вот эта сказка наверняка умалчивает об их дальнейшей семейной жизни...

Будет ли мне позволено заниматься наукой? Работать в госпитале? Встречаться с Роном хотя бы пару раз в месяц? Защитница, и ведь он ещё ничего не знает... А слухам не верит.

Магмобиль остановился, и мне помогли выйти наружу. Я уже намеревалась ступить на парадную лестницу, когда слуга, встретивший меня возле дворца, сказал:

— Вам не сюда, айла Рин. Пойдёмте, я провожу вас в оранжерею. — И потянул меня куда-то вправо.

Мы шли по заснеженному парку, освещённому белым светом от ярких — и кстати, немагических! — фонарей, и я всё больше убеждалась в том, что угодила в сказку, настолько вокруг было возвышенно и красиво. Снег серебрился, резные скамейки тоже блестели от инея, и деревья были в снежных одеждах. Изредка попадались и ёлки — каждая из них была наряжена в белые и золотые игрушки — традиционные цвета правящей династии.

В один прекрасный момент, завернув за угол очередной заснеженной аллеи, я увидела перед собой огромный сияющий магический купол без окон и дверей. Открыла от удивления рот — чтобы поддерживать постоянно нечто подобное, нужен целый отряд из магов! Сколько же их обслуживает оранжерею?..

— Прошу, — произнёс слуга и, прикоснувшись ладонью к куполу, шагнул вперёд, в образовавшийся проём, увлекая меня за собой.

Я моргнула и замотала головой — от резкого перехода из холода в тепло перед глазами туман поплыл. А когда проморгалась...

Попасть за одну секунду из зимы в лето... Да не просто в лето — какое тут было лето! Деревья под самый верх купола, огромные, со стволами, которые и не обхватить, с зелёными большими листьями и сладко пахнущими плодами... Цветы, цветы, цветы повсюду, и птицы, поющие на разные голоса... Настоящее буйство красок, запахов, звуков!

— Снимите пальто, айла, иначе станет слишком жарко. Я провожу вас к принцу.

Я молча послушалась и отдала слуге всю зимнюю верхнюю одежду, в том числе шарф и шапку. Он потом потребовал еще и сапоги, взамен дав мне мягкие сандалии.

Широкая дорожка, вымощенная мелкими фигурными камнями бежевого цвета, вела вглубь оранжереи. По ней мы и пошли, как только я разделась и слуга оставил всю мою одежду в большом шкафу белого цвета, где в ряд висели чужие пальто и куртки — наверное, сотрудников оранжереи.

Не прошло и двух минут, как я вышла на небольшую поляну, в центре которой стояла беседка из светлого, почти белого дерева. Внутри на сиденьях лежали подушки и пледы, был накрыт стол, а еще здесь находился Арчибалд.

— Добрый вечер, Энни.

Вечер?..

Ах, да, за пределами оранжереи сейчас вечер. Интересно, а тут как? Круглые сутки день не может быть, растениям ведь тоже надо отдыхать.

— Здравствуйте, ваше... — Я запнулась, вспомнив, что вчера называла принца на «ты». Покосилась на слугу, который меня привёл — но его рядом уже не оказалось. И когда успел уйти? Я даже не заметила.

— Энни?..

— Здравствуй, Арчибальд, — произнесла я с большим трудом и улыбнулась в ответ на его радостную улыбку.

— Заходи. Выпьем чаю, поедим, а потом прогуляемся. У одного из сотрудников как раз смена закончится, он обещал выделить нам час на экскурсию.

Экскурсия — это замечательно, но сразу стало как-то неловко, когда я поняла, что удлинила кому-то рабочий день. С другой стороны, им наверняка не привыкать к подобному, и я далеко не первая девушка, которую приводят сюда с целью поухаживать.

К чаю на этот раз были вкуснейшие пирожки с разными начинками — солёными и сладкими — а ещё варенье, мармелад и потрясающие шоколадные конфеты с ореховой начинкой. За одну такую конфетку можно и в Геенну войти...

— Моим любимым развлечением в детстве был взлом кухни с целью оттуда что-нибудь стащить и слопать, — поделился Арчибальд, глядя, как я закатываю глаза, попробовав конфеты. — Сладости нам выдавались по счёту. То, что ты видишь сейчас — прерогатива взрослых, у детей всё строже. Самоконтроля-то меньше.

— У некоторых взрослых и потом никакого самоконтроля, — пробурчала я и потянулась за второй конфетой. — У меня, например...

Принц засмеялся и, чуть наклонившись, вдруг перехватил мою ладонь.

— Энни, — сказал он очень тепло, сжимая мои пальцы, — я знаю, что пока не имею на это право, но... Я прошу тебя принять моё кольцо.

От смущения я не знала, куда себя деть.

— Кольцо?..

— Да. Пока это будет лишь подарок, официальное предложение я сделаю позже, когда мы начнём внедрять в общество закон о порядке получения титулов. Сейчас же я просто хотел бы, чтобы ты носила моё кольцо. Примешь?

Меня бросило сначала в жар, а затем в холод, когда Арчибальд достал из нагрудного кармана своей белой рубашки небольшую коробочку, открыл её и протянул мне.

Внутри оказалось тонкое изящное кольцо с маленьким изумрудом. Неброско и без традиционных для семьи Альго лилий — именно эту символику обычно использовали для брачных и помолвочных колец членов правящей династии.

— Я... — голос охрип и сорвался. Я кашлянула и попыталась еще раз: — Я... Арчибальд...

Мысли путались.

Что я могла сказать? Защитница, как же сложно...

— Я... я не знаю...

— Это ни к чему не обязывает тебя, Энни, — принц нежно погладил мои пальцы. — Просто подарок.

Кольцо?.. Просто подарок?! Не-е-ет, это еще один шаг в бездну!

— Оно не магическое?

— Магическое. Но заклинание там слабенькое. Ментальное.

— Чтобы мысли мои не читали? — я улыбнулась, и Арчибальд кивнул.

— Да, что-то вроде этого. Ничего особенного, но так полагается, Энни.

Очень хотелось убежать и не принимать никаких решений. Но я никогда не делала так — не буду и дальше.

— Я не уверена, что соглашусь на твоё предложение... когда-нибудь. Но я не хочу обижать тебя сейчас, — сказала я медленно. — Ты мой друг и навсегда останешься им. Если я могу принять этот подарок, то только как символ нашей дружбы.

Глупо. Кольцо — символ дружбы. Рон будет смеяться.

Арчибальд тоже улыбнулся.

— Хорошо. Пусть будет символ дружбы. Но... — он встал из-за стола и потянул меня за собой. — Символами дружбы обычно обмениваются. Что ты можешь подарить мне взамен, Энни?

Пока я несколько секунд пыталась сообразить, о чём он говорит, Арчибальд быстро надел кольцо на безымянный палец моей левой руки и, сжав её, продолжил:

— Я прошу только одного. Поцелуешь меня?

Я подняла голову и посмотрела на принца с изумлением. Мне послышалось?

— Поцелуешь? — повторил он.

Видимо, не послышалось.

— Символ дружбы — поцелуй? — сказала я с весёлой укоризной. — Весьма необычно.

— Как и кольцо, — возразил Арчибальд абсолютно справедливо. — Ну? Я жду.

Я фыркнула.

— Ты нахал.

— Всего нет. Нахал — это как-то так.

И, не успев я опомниться, как этот самый настоящий нахал наклонился и прижался своими губами к моим. А чтобы я не отстранилась, обхватил ладонями лицо.

Поцелуй продолжался всего секунд десять, но мне хватило, чтобы смутиться и покраснеть, ощущая странный жар в груди. И когда Арчибальд отпустил меня, я отпрыгнула в сторону под его ироничный смешок.

— Вот теперь ты можешь называть меня нахалом, Энни. Да, я нахал, но зато справедливый.

— Справедливый нахал, — кивнула я, пытаюсь справиться со смущением изо всех сил. — Так и запишем.

И эта его довольная счастливая улыбка... она тоже смущала.

Но я прекрасно понимала, чем она вызвана, и старалась улыбаться в ответ.

Может, я и не люблю Арчибальда... но он мне очень-очень нравится. И кто знает... Как говорит Валлиус: «Любовь — не выстрел и не удар, любовь — это растение, которое нужно растить».

Кто знает... Вдруг вырастет...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ночью я долго не могла уснуть, всё ворочалась и вспоминала произошедшие события. И наш первый успешный шаг с Байроном, и последующие разногласия, и подарок Арчибальда, и даже лёгкая, весёлая экскурсия по оранжерее — всё бередило душу.

Во время прогулки на пару мгновений мне даже захотелось работать там, среди растений, настолько интересно об их особенностях рассказывал наш с принцем провожатый. Особенно меня впечатлил огромный и безумно красивый цветок из Корго* (*южные соседи Альганны) — оказалось, если уснуть на его лепестках (а очень хотелось, они были мягкими и уютными) — он тебя слопаёт. Серьёзно — цветок-хищник! На лепестках — мелкие «ротки», сначала они начинают выделять усыпляющий газ, а потом и вовсе — кислоту, постепенно растворяющие «пищу». Жуть жуткая!

Наверное, эта жуть была написана у меня на лице, потому что Арчибальд и сотрудник оранжереи очень смеялись. И обещали показать мне ещё больше интересного в следующий раз.

Следующий раз... Теперь я уже не сомневалась, что он будет. Впрочем, как и в том, что принц добьётся своего. Со временем, но обязательно добьётся...

«Ваше высочество»... Я — высочество? Защитница, какая невероятная глупость...

... Примерно с этими мыслями я и уснула. А утром, собираясь к Арманиусу, напрочь забыла снять кольцо. Решение об этом я приняла ещё накануне. Да, Арчибальд просил «по возможности не снимать», но светить им у архимагистра, а потом на работе, я не собиралась.

И тем не менее — снять забыла.

Заметила только когда понадобилось надеть перчатки. Помянула всех демонов Геенны и под внимательным взглядом Арманиуса стянула тонкий ободок с пальца. Положила его в один из кармашков сумки, ощущая, как горят щёки...

— Почему ты так смутилась, Эн? — спросил ректор, как мне показалось, насмешливо. — В кольцах нет ничего неприличного, даже наоборот. Я... — Он запнулся. — Я рад за вас с Арчибальдом.

Я не могла пока разделить этой радости, но ответила то, что полагалось:

— Спасибо.

Я сделала Арманиусу два укола прежде чем решилась спросить:

— Вы считаете, ему дадут... м-м-м... возможность... м-м-м... жениться?

«На мне» произнести не смогла, да и не требовалось — архимагистр понял.

— Да, Эн. Поверь, он уже получил разрешение Арена. Иначе не смог бы начать ухаживать.

Я кашлянула.

— А у семьи Альго так принято, что ли? Перед ухаживанием просить разрешение у императора?

Арманиус улыбнулся, наблюдая, как я, смазывая кремом его кожу, ставлю на неё датчики.

— Если речь просто об ухаживаниях, то нет, конечно. Но в случае, когда... ухаживающий собирается жениться — да, обязательно. Император должен быть в курсе. И я уверен — так оно и есть.

Мгновение я колебалась, прилепляя очередной датчик.

— Как вы считаете, архимагистр... Что было первично — вопрос Арчибальда про меня

или его закон?

Ректор кивнул — удивительно, но он понял, хотя выразилась я весьма сумбурно.

— Ты думаешь, Арчибальд пришёл к Арену с вопросом, и тот поручил ему разработать закон о наследовании титулов, этим как бы убивая двух зайцев. Закон обществу нужен давно, но дабы его принятие прошло спокойнее, необходимо, чтобы кто-то из Альго женился на не-аристократке.

Я закусила губу. Защитница, как же мне не хочется быть декорацией к этому закону...

Последний датчик с негромким «чпок» присосался к коже, и я повернулась к сумке. Теперь самое неприятное...

А Арманиус, не зная, какой кошмар его ждёт, продолжал говорить:

— Или сначала Арчибальд придумал закон, а потом уже вспомнил о тебе? Эн, я могу быть не прав, но, во-первых, я считаю, что это не имеет особого значения, а во-вторых — всё могло происходить одновременно.

Я достала из сумки пульт управления и поинтересовалась:

— Это как?

— Арчибальд давно положил на тебя глаз, закон давно требовал разработки, и принц мог сообразить об этом одновременно. Эн... если тебе нравится Арчибальд и ты видишь с ним свою дальнейшую судьбу, то должна понимать и помнить, что Альго все такие. Это в их крови. Любовь любовью, а служба службой, и они используют тех, кого любят, по максимуму, не считая это чем-то зазорным. Они правители. Они так воспитаны. Арчибальд всю жизнь будет носить тебя на руках, но при этом не забывая и демонстрировать твоё происхождение. Как и то, каких успехов ты добилась, невзирая на него и уровень дара.

Да, он прав. Но пока я была не готова об этом думать. Особенно учитывая то, какую процедуру нам сегодня предстояло пережить.

Я вздохнула и, сжав пульт в руке, повернулась к архимагистру.

Он был такой смешной с этими датчиками по всей груди. Лёгкая небритость на щеках, карие глаза, полные какого-то непонятого для меня чувства, слабая усмешка на губах...

Смотрю на него — и сердце сжимается. И в голове туман, и в пальцах дрожь... Неужели это когда-нибудь пройдёт?

— Сейчас будет... немного больно, архимагистр.

— Я уже догадался. — Усмешка стала шире. — Давай, Эн, не жалея меня.

— Ну... кто-то же должен вас жалеть, — сказала я тихо и нажала нужную кнопку.

Арманиус выгнулся на диване дугой, глаза закатились, с губ сорвался чуть слышный стон. Это была самая болезненная, самая ужасная из всех моих процедур. И увы — теперь её нужно было терпеть целых семь дней.

Десять минут я пропускала через тело ректора чистейшую силу пополам с электрическим током — «демонский коктейль», как назвал этот метод Валлиус, когда я впервые предложила его использовать. Многие пациенты начинали безудержно кричать от боли, другие теряли сознание, третьи непроизвольно ходили под себя... Арманиус терпел, сжимая зубы и руки в кулаки так, что побелели скулы и костяшки пальцев.

Через десять минут я вновь нажала кнопку, прекращая процедуру. Тело ректора осталось напряжённым, глаза — зажмуренными, и только с губ сорвался тихий вздох.

Я подошла ближе, сняла все датчики, закинула их в сумку, а потом погладила архимагистра по голове. По сути, на сегодня я закончила, можно уходить... Даже не так — надо уходить, меня ждут другие пациенты. А я вместо этого села рядом и осторожно обняла Арманиуса за горячие, будто бы обожжённые плечи.

— Ты садистка, Эн, — прохрипел он едва слышно. — Знаешь?

— Знаю, — всхлипнула я, ощущая влагу на глазах. — Простите.

— Не прощу.

Я погладила ректора по груди, впервые делая это не как врач. Нет, совсем не так...

И замерла, когда он застонал.

— Вам больно? — я хотела отдернуть руки, но Арманиус вдруг распахнул глаза и перехватил мои ладони своими.

— Нет. Не больно. — И вернул их себе на грудь. А после погладил мои пальцы, словно приободряя. — Приятно.

Я скользнула ладонями ниже, чувствуя почти невыносимое желание наклониться ближе, прижаться теснее... Но нельзя, нельзя!

— Мне... пора.

— Конечно. Иди. — Он отпустил меня сразу, и я тут же вскочила на ноги и потянулась к сумке. А ректор продолжил: — Хорошо, что ты вернёшься завтра.

Рука дрогнула, но сумку я удержала.

Нет, это мне точно послышалось.

Да-да. Послышалось...

Когда боль после процедуры окончательно схлынула и Берт наконец смог нормально соображать, он вдруг вспомнил, что на носу праздник перемены года.

Давным-давно он любил его. В то время были живы и отец, и мать, и брат с сестрой. А потом...

Первой ушла Агата.

Потом погиб брат — он тоже был охранителем.

И уже после этого угасли мать с отцом. А Берт погрузился в работу настолько, словно мечтал, что и его тоже когда-нибудь заберёт один из демонов Геенны.

И были, были такие грешные мысли после потери дара. Но пришла маленькая зеленоглазая девочка и развеяла эти мысли.

И пожалуй, ей единственной по-настоящему хотелось купить подарок на праздник перемены года. Не кольцо, конечно, и не мощный артефакт по типу её чудесной иглы, но тоже что-нибудь... что-нибудь... хм.

Валлиус по браслету связи не отвечал демонски долго.

— Да? — рявкнул, зло сверкнув красными глазами за стёклами очков. — Чего, Берт? Говори быстрее, я с дежурства, спать хочу и жрать.

— Как думаешь, Йон... — Давно он себя так глупо не чувствовал. — Что можно подарить Эн на праздник перемены года?

Несколько секунд главный врач Императорского госпиталя удивлённо моргал глазами. Они по-прежнему были красными, но злость из них исчезала, сменяясь обычным ехидством.

— Ты как кто спрашиваешь-то, Берти?

Арманиус терпеть не мог, когда его так называли.

— Йон...

— Молчи, я не договорил. Как кто интересуешься? Как пациент, как ректор... или?.. А-а-а?

— Йон!

— Я уже так давно Йон, что не помню точной даты, — хмыкнул Валлиус. — В общем, если как пациент, то подари ей своё выздоровление и денежку в конверте. Если как ректор, то иди к демонам со своим подарком. А если как... хм... мужчина... Ну-у-у... Хм...

— Я придушу тебя когда-нибудь...

— Защитника ради, — отмахнулся Валлиус. — Только я сначала просплюсь, а потом души, пока руки не заболят. Но я тогда ничего не скажу.

— Йон!

— Эх, весело с вами! — главный врач Императорского госпиталя действительно веселился. — Ладно уж. Если ты так хочешь переплюнуть принца...

Арманиус сжал зубы. Молчать и слушать.

— Если ты так хочешь оставить Арчибальда с носом, то вот тебе идея...

И Валлиус, забыв про смешливый тон, начал рассказывать то, что знал об Эн.

А знал он, естественно, очень много.

В этот день мы с Байроном, можно сказать, помирились. Если подобное слово вообще допустимо в нашей ситуации... Короче говоря, мы выбрали новую пациентку-подопытную, согласовали с ней детали лечения-опытов и приступили к ним. То бишь, попросили её применить кровную магию, а потом поместили под «колпак» — магический аппарат, считывающий все физические показатели круглые сутки. Байрон стащил его из реанимационной под дикие вопли заведующего отделением и личную ответственность Валлиуса.

— Что будем делать завтра? — спросил меня с энтузиазмом Асириус, когда мы выходили из палаты, оставив пациентку загорать под «колпаком».

— Посмотрим по результату. Всё-таки нашего предыдущего подопытного...

— Эн...

— Ладно. Нашего предыдущего пациента мы перед этим ещё кое-чем мучили. Так что поглядим. Либо радикальный способ применим, либо щадящий.

— Я за радикальный.

Я посмотрела на него с иронией.

— Ты хирург, тебе положено.

И тут Байрон засмеялся.

Серьёзно!

Байрон впервые засмеялся моей шутке. Не надо мной, потому что я попала в какую-то из его ловушек, как в университете, а просто так, по — дружески.

Наверное, удивление отразилось у меня во взгляде, потому что он захлебнулся смехом и, кашлянув, сказал:

— Ну... правда ведь смешно.

— Да смейся на здоровье, — я постаралась ободряюще улыбнуться. — Мне не жалко.

Байрон кивнул, вновь принимая независимый аристократический вид, и мы разошлись по своим отделениям.

Ближе к вечеру со мной связался Рон и предложил сходить в «Свинтуса». Я обрадовалась — сама хотела предложить, но после свиданий с Арчибальдом почему-то стеснялась. Рассказывать про них не было желания, а не рассказывать — вроде как обманывать.

Но рассказывать я всё равно не буду. Потом придётся, но это будет... потом. Да и что, собственно, рассказывать? Ну, ухаживает принц, подумаешь...

Успокаивая себя подобным образом, я внимательно посмотрела на собственную левую руку, где не было никакого кольца — сняв у Арманиуса, обратно я его так и не надела, — и, кивнув, отправилась на встречу.

Арчибальд предупреждал меня накануне, что в четверг и пятницу будет занят, как он сказал, государственными делами, так что магмобилям меня не подстерегало. Я абсолютно свободно добежала до «Свинтуса», отмахиваясь от летящих с неба снежных хлопьев и шагающих навстречу торговцев различными праздничными побрякушками, и вбежала в трактир.

Рон, освободившийся чуть раньше, уже сидел за нашим любимым столиком в углу зала и за колонной, сосредоточенно изучая меню. И чего он там не видел?

— Привет работникам магической медицины, — пробурчал друг, не поднимая глаз, когда я села напротив него, повесив сумку на спинку стула. — Представляешь, цены подняли перед праздником, вот же...

— Видимо, чтобы куш сорвать. Знаешь, — я усмехнулась, — у нас даже больных стало больше, будто все стараются хорошенько вылечиться перед новым годом.

— Да, кстати, — друг, развеселившись, поднял голову и хитро посмотрел на меня. — К нам в отдел экспериментальной артефакторики на днях Байрон заходил. Не ко мне, конечно, демона с два он у меня что-то будет заказывать, а я у него этот заказ принимать — к коллегам. Чего хотел, не знаю. Наверное, тоже какой-нибудь подарок необычный, амулет от перхоти там. Хотя ему амулет для пробуждения совести пригодился бы больше...

Я засмеялась.

— Да ладно тебе, Рон.

— Ох, Энни... — Друг укоризненно покачал головой, глядя на меня с тревогой. — Боюсь я ужасно за тебя. И Арманиус этот, и Байрон, да еще его высочество...

Краска бросилась в лицо.

— Вы... сочество? А при чём тут он?

— У меня знакомый в «Омаро» работает, — пояснил Рон, и я покраснела ещё больше. — Если слухам я не верю, то ему не верить не могу.

Стало стыдно, что он узнал об этом подобным образом, а не от меня.

— Прости, я...

— Да не надо извиняться, — друг поморщился. — Это твоё личное дело, в конце концов. Я разве отчитываюсь перед тобой, с кем встречаюсь?

Я на секунду задумалась. Демоны, никогда не думала... А ведь и правда...

— Ну вот, и ты не обязана мне рассказывать о каждом своём шаге, тем более — о настолько личном. Я просто переживаю и... — Рон запнулся, вздохнул. — ... И не знаю, чего боюсь больше — того, что Байрон использует тебя в собственных целях, или что тебя обидит Арманиус, или... или что ты выйдешь замуж за Арчибальда и напрочь забудешь про меня.

Я улыбнулась и покачала головой.

— Ни за что, Рон. Я никогда про тебя не забуду. Клянусь.

— Надеюсь, — друг протянул руку и коснулся моей ладони. — Но всё-таки будь осторожна. Со всеми этими тремя... голубчиками.

Я обещала.

Перед сном я достала кольцо Арчибальда из сумки и долго любовалась на то, как в свете настольной лампы внутри изумруда рассыпаются огоньки.

Совсем забыла спросить, какая в нём магия... Ментальная — да, но какая именно? Конечно, она не причинит мне вреда, но всё-таки интересно, что туда заложили. Жаль, не сообразила Рону показать, он определил бы это совершенно точно.

Красивое...

Может, перестать прятать? В конце концов, кому какое дело, кто его подарил. Да и лилий там нет, кольцо и кольцо...

И я, приняв решение, быстро надела тонкий ободок на безымянный палец левой руки.

Утром на парк возле общежития опустился плотный густой туман. И парк стал похож на поле, только с изредка торчащими то тут, то там верхушками деревьев.

Я быстренько умылась, позавтракала в столовой и, захватив из комнаты сумку, побежала к Арманиусу.

Небо было серым — ни одного солнечного лучика — вот и туман до сих пор не рассеялся, хотя время подползло к девяти часам утра. Я шла вперёд по дорожке, как обычно... Шла, шла и шла...

А потом я вдруг осознала, что это совершенно не та дорожка. Нет, я по — прежнему была в парке, но дорожка вела не к выходу из него, а наоборот, вглубь. И зачем я сюда пошла? Я ведь хорошо знаю наш парк...

На земле прямо передо мной что-то блеснуло. Ярко-белым, словно пространственный лифт. Блеснуло — и пропало.

Что-то не так, неправильно. Что я здесь делаю? Почему я пошла сюда? Что происходит?!

Сердце колотилось, как шальное.

За секунду до произошедшего я нашла ответы на свои вопросы. И даже успела выставить руку, словно пытаюсь защититься...

А потом всё закончилось.

Всё... в том числе и я...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ночь с четверга на пятницу Берт очень плохо спал. А утром, поднявшись с постели и подойдя к окну, понял, почему.

За те несколько десятилетий, что Арманиус был охранителем, он научился чувствовать приближение неприятностей. Иногда ощущение грядущих проблем было настолько сильным, что Берту казалось — если он протянет руку, то схватит эти проблемы за наглые хвосты.

И сейчас интуиция вопила — что-то не так. Хотелось куда-то бежать, что-то делать, но что и куда — он не понимал. Смотрел на туман, укутывающий речку перед домом, и чувствовал, как сердце сжимается от безотчетной тревоги.

«Может, ерунда? Дурной сон, который ты не помнишь, и больше ничего».

Берт покачал головой, отворачиваясь от окна. К чему гадать? Даже если что-то где-то происходит именно сейчас — Геенна проснулась или ещё что-то — он бессилен помочь. И в целом бессилен.

Стрелки на часах медленно и равнодушно двигались, пока Арманиус умывался, одевался и завтракал в библиотеке. Скоро должна прийти Эн... вот-вот... а ощущение тревоги не отпускало и даже увеличивалось.

Завтрак был закончен, а Эн всё не приходила. Стрелки всё так же двигались, отсчитывая минуты — пять, десять, пятнадцать, полчаса...

«Только не с ней. Защитник, пусть что угодно... только не с ней».

Через сорок минут завибрировал браслет связи, и, отвечая на вызов, Арманиус с силой сжимал зубы — интуиция выла раненым зверем.

— Берт, — Валлиус был бледен, как смерть, и даже глаза за стёклами очков, казалось, выцвели, — сегодня утром в парке общежития на Эн было совершено покушение.

Мир на мгновение замер... а потом разбился на тысячи осколков.

Кровь в ушах шумела, сердце билось гулко, разрывая грудную клетку, и от жуткого ощущения собственного бессилия хотелось кричать и крушить всё вокруг.

— Она?..

— Жива, — уронил Брайон тяжело, — но без сознания. Сейчас в реанимационном, разбираемся, что с ней. Арчибальду уже доложили. Он пока на севере с двумя отрядами охранителей — вчера рядом с Рудагой Геенна выплеснула очередных демонов. Решил тебе сообщить, чтобы ты её на процедуры не ждал.

Берт кивнул.

— Я сейчас приеду.

Мгновение Арманиус думал, что главный врач Императорского госпиталя будет возражать — но Валлиус не сказал ничего кроме:

— Жду.

И прервал связь.

«Маленькая зеленоглазая аспирантка, разрабатывающая методику восстановления энергетических контуров... Кому могло понадобиться покушаться на твою жизнь?»

Сама по себе ты никому не нужна, если только в связке с кем-то ещё. С Арчибальдом?

Кто-то не хочет, чтобы он женился на простолюдинке?

Нет. Официального предложения пока не было, к чему торопиться? Вдруг принц

передумает.

Может, разработки Эн кому-то не выгодны? И опять же — нет. Любой маг способен потерять силу, и значение работы этой девочки трудно переоценить. Она делает полезное дело. Так что тут если только кто-то не хочет, чтобы она вылечила конкретного человека.

Меня?»

Берт поморщился и с силой сжал зубы. Насколько же было неприятно думать, будто Эн пытались убить именно из-за него. Не факт, конечно, но вероятность высока. Надо будет узнать, кого еще она лечила, что разрабатывала, с кем общалась в последнее время.

Но если целью на самом деле была не она, а он... Да лучше бы убили его самого! Без восстановленного контура он совершенно бесполезен для общества, а вот Эн...

Арманиус замер.

Без восстановленного контура.

Как он мог забыть?

Процедуры необходимо проводить каждый день, иначе толку не будет. Сколько раз Эн говорила, что прогресс обратим! А теперь она в реанимации. И что делать?

Берт достал из ящика стола в библиотеке тетрадку с планом лечения и, открыв её, оторопело уставился на первый же лист.

«Архимагистр!

Если вы читаете эти строки, значит, со мной что-то случилось. Не нервничайте, здесь всё подробно описано, вы сможете закончить лечение самостоятельно.

Первое, что вам нужно сделать — это определить этап реабилитации. Кризисный момент или, как я его называю, точка невозврата — первая магическая искра. Как только вы получите искру, прогресс будет уже не остановить. Но с процедурами вы восстановитесь за неделю-две, если не станете ничего делать, процесс затянется на годы.

Если искры не было, немного сложнее, но не невозможно...»

Невозможно... Невозможная девчонка, для которой нет ничего невозможного.

Хоть бы выбралась из этого кошмара...

«... Вспомните, какую именно процедуру мы с вами проводили последней. На следующей странице я даю краткую выжимку плана, чтобы вы могли определиться, на чём мы закончили. Найдите необходимый раздел и продолжайте. Делать это лучше в госпитале, разумеется. Попросите архимага Валлиуса выделить вам медсестру, а лучше врача из терапии, покажите этому человеку план лечения и двигайтесь дальше.

Удачи!»

— Удачи... — эхом повторил Берт, положил тетрадку в сумку и, перекинув ремешок через плечо, принялся заказывать по браслету связи магмобиль.

Пусть только останется жива. Пусть живёт! А с удачей мы потом разберёмся.

Колючий снег ударил в лицо, когда Арманиус вышел из магмобиля и поспешил к парадному входу в Императорский госпиталь.

В воздухе пахло больницей. Берт хорошо помнил этот запах и ненавидел его. Он вообще не представлял, как Валлиус и Эн могут работать в этом запахе каждый день. Он душил, он давил на грудь могильной плитой, он сыпал песок в глаза и заставлял сжимать кулаки от бешенства и бессилия.

Пусть только останется жива. Пусть...

Длинная стойка — бюро пропусков, справочная, регистрация больных на плановую госпитализацию. Слава защитнику, одна из девушек, выдающих пропуска, была свободна.

— Доброе утро. Мне необходимо пройти к Эн Рин.

— Имя?

— Бертран Арманиус.

Она коснулась рукой небольшого белого бумажного прямоугольника, и на нём появилось названное имя.

— Направо, вверх по лестнице пешком или на лифте. Четвёртый этаж, отделение реанимации. Палата 416, - слегка металлическим голосом отчеканила сотрудница. — Когда будете уходить, опустите пропуск в урну для использованных пропусков. Она находится возле выхода.

— А если забуду? — Берт не удержался от вопроса. Давненько он не был в госпитале как посетитель, это явно какое-то нововведение.

— Просто не сможете выйти.

С ума сойти, чего Валлиус — или кто-то из его подопечных — придумал. Раньше эти дурацкие пропуска все вечно уносили с собой.

Лестница на четвёртый этаж показалась Берту какой-то бесконечной. И когда наконец перед ним появились широкие двери и надпись «РЕАНИМАЦИЯ», Арманиус от неожиданности едва успел остановиться.

Толкнул двери, вошёл в широкий белоснежный коридор, поморщился от почти невыносимого запаха лекарств... и сразу увидел Валлиуса. Он стоял возле одной из палат и разговаривал с черноволосям высоким мужчиной в зелёной форме врача реанимационного отделения.

Берт подошёл ближе, прислушиваясь к разговору.

— Состояние прежнее, и пока я не понимаю, что с ней, — басил врач в зелёном. — Обменные процессы в норме, сердце мы запустили, мозг тоже работает, но в сознание она приходит категорически не хочет.

— Если в течение часа не придёт, вводите внутривенно катализатор сознания, — уверенно ответил Валлиус. — Под моим контролем.

Врач кивнул и вошёл в палату. Берт покосился на окно, возле которого стоял Брайон — там, на больничной койке, под ярким светящимся куполом, обмотанная проводами и с иглой в вене, лежала Эн.

Выглядела она совершенно безмятежно — будто бы спала.

— Здравствуй, Берт, — голос у Валлиуса был хриплым и уставшим. — Ну и денёк сегодня...

— Что произошло в парке общежития? Как именно Эн хотели убить?

— Понятия не имею, — главный врач развёл руками. — Дознаватели разбираются. Мне только доложили, что было покушение и что оно не удалось. Сказали «портальная ловушка». Ты в курсе, что это за демонова х... ерунда?

Арманиус похолодел.

— Да, Йон. Именно так десять лет назад хотели убить Арена, а убили Агату.

Валлиус поморщился и хлопнул себя по лбу.

— Точно, а я еще думал, где же слышал этот бред... Но почему не сработало?

Берт покачал головой.

— Не знаю... — Он посмотрел на неподвижную Эн. — И мне это не нравится...

— Не понял?

— Тогда Агата защитила Арена. А что сейчас? Что защитило Эн? Возможно, цель была не в том, чтобы убить, а в чём-то другом...

— Так, — Валлиус неожиданно схватил Берта за руку и, развернув к себе, взгляделся в лицо, — я что-то совсем забыл, дружище... Процедуры-то твои прерывать нельзя, ты в курсе?

— Конечно, — Арманиус усмехнулся.

— Задержка два часа... плохо. План лечения у тебя есть? Эн отчитывалась мне письменно только по стационарным больным, а с тобой я что-то упустил это... Совсем мозги проржавели, на покой пора...

— Всё нормально, план есть. — Берт похлопал по своей сумке. — Эн просила, чтобы ты...

— Пошли, — Валлиус тут же потащил его по направлению к лестнице. — Чем скорее ты начнёшь процедуры, тем лучше. И так уже есть риск отката...

— Может, это и было целью? — пробормотал Арманиус, и главный врач кивнул.

— Вполне возможно, Берт. Даже с планом лечения... Эн меняет их практически каждый день. Она же экспериментатор. И если что-то пойдёт не так, то ты уже не восстановишься.

— Но она ведь жива.

— Знаешь, — Валлиус вздохнул, — за столько лет работы врачом я уже убедился — предчувствия меня никогда не обманывают. И сейчас... сейчас они очень нехорошие.

— Но она ведь жива, — повторил Берт, словно это была его надежда на спасение.

— Жива, — Брайон кивнул. — И пока это единственное, что меня радует.

Выделенный Валлиусом врач-терапевт долго читала инструкции Эн с вытаращенными глазами, потом спросила у Арманиуса «вы уверены?» и, дождавшись кивка, пошла за всем необходимым в её лабораторию.

Минут через пять, терпя боль, Берт подумал, что с Эн почему-то это всё было как-то легче и проще. Как будто она сама снимала часть боли — одним своим присутствием.

И в прошлый раз после датчиков грудь совсем не саднило...

Но отлежаться толком не получилось. Как только процедура была закончена, в палату вошёл высокий молодой человек в серой* (*для любопытствующих — каждое отделение в Императорском госпитале имеет свой цвет формы. Хирурги ходят в сером, терапевты — в белом, и так далее) хирургической форме с чёрными волосами и такими же чёрными глазами. Пару секунд Берт вспомнил, где мог его видеть, потом сообразил — это был один из его бывших студентов-аристократов.

— Здравствуйте, архимагистр, — парень кашлянул и покосился на голую грудь Арманиуса, где до сих пор виднелись следы от датчиков. — Меня зовут Байрон Асириус. Главный врач просил зайти к вам, сказать, что сейчас будут приводить в сознание Эн...

— Иду, — Берт тут же встал. Чуть покачнулся, схватился за спинку больничной койки, постоял так пять секунд, пытаясь отдышаться, а потом быстро натянул рубашку, перекинул сумку с тетрадью Эн через плечо и пошёл следом за Асириусом.

В её палате было демонски много медицинского персонала: Валлиус, еще двое реаниматоров в зелёной форме и две медсестры. Все они обступили койку, на которой

лежала Эн, и о чём-то тихо совещались.

Сопровождавший Берта Асириус неуверенно потоптался у порога, кашлянул и, дождавшись мимолётного взгляда на себя главного врача, тихо спросил:

— Я могу остаться?

— Тут и так многовато народу, — немного грубо ответил Валлиус и махнул рукой. — Иди. Ты ничего не можешь сделать.

— Но ведь архимагистр тоже не может. — От такой наглости Берт поднял брови. — Однако же...

— Это не твоё дело, — в голосе главврача появилась сталь. — Иди.

Мальчишка развернулся и вышел из палаты, и в каждом его шаге Арманиусу слышалось злое раздражение. Интересно, с чего вдруг и кто он Эн?

— Берт, отойди подальше от двери, встань возле окна. Рита, ты следи за показателями «колпака», Мелли, ты будешь вводить катализатор, — командовал Валлиус, и все молча слушались. — Мы с Аргом и Районом пока наблюдаем. Давай, начинай.

Одна из медсестер держала в руке небольшую ампулу с мутно-зелёной жидкостью. Видимо, это был тот самый катализатор. Сломав стеклянный кончик, девушка набрала полный шприц жидкости и начала вводить её в вену через катетер.

Берт чувствовал себя ребёнком, случайно попавшим в операционную. Просто смотрел, как медленно, по чуть-чуть, вводят катализатор, как напряжённо все врачи вглядываются в Эн — а Валлиус периодически обращал внимание ещё и на экран «колпака» — как размеренно и спокойно вздымается грудь будто бы уснувшей девушки...

А потом послышался первый глубокий вздох, и ресницы Эн задрожали.

— Есть, — зашептала медсестра, следившая за показаниями, — приходит в сознание!

— Давление?

— В норме!

— Мозговые импульсы?

— Тоже!

Валлиус спрашивал что-то ещё, но Берт уже не слушал — не в силах больше стоять и бездействовать, он сделал несколько шагов вперёд, к койке — и не сдержал радостной улыбки, когда Эн открыла глаза.

Она смотрела прямо на него пару секунд, а потом тоже улыбнулась.

— Энни, — Валлиус наклонился и осторожно погладил девушку по руке. — Ты как себя чувствуешь, милая?

Эн моргнула — раз, другой, третий, — отвела взгляд от Арманиуса и посмотрела теперь уже на Брайона. Улыбнулась ему тоже.

А потом вдруг спросила:

— Энни? Кто это?

Валлиус так резко побелел, что Берт подумал — у него сердечный приступ.

Хотя он сам наверняка выглядел не лучше... как и все остальные в этой палате. Медсестры застыли с открытыми ртами, а врачи вообще слились цветом кожи с собственной формой.

— Это... — произнёс Брайон медленно. — Это... Энни — это ты.

— Ага... — протянула девушка задумчиво. — А... — она запнулась, и взгляд её наполнился неуверенностью. — А вы кто?

— Я Брайон Валлиус, — ответил главный врач, белея ещё сильнее. — Твой наставник, Энни.

— Ага... — Она вновь посмотрела на Берта и улыбнулась. — А ты кто?

Эн впервые назвала его на «ты». Но лучше бы она этого не делала. Защитник, лучше бы она называла его на «вы», но при этом помнила, кто он.

— Я Берт, — сказал Арманиус хриплым и будто бы не своим голосом. — Твой... друг.

— Ага... — Эн зевнула и закрыла глаза. — Спать... хочется...

Через секунду её дыхание стало ровным и спокойным — она действительно уснула.

И только тогда главный врач Императорского госпиталя, запустив обе руки в седые волосы, разразился такой отборной бранью, какой раньше от него никто и никогда не слышал.

В траурном молчании они дошли до кабинета Валлиуса, уселись за стол — главный врач в кресло, Берт на стул, — и только тогда Арманиус решился нарушить тишину.

— Это обратимо?

— Я не знаю, — Брайон устало потёр ладонью лоб. — Надо выяснять. Специалистов из неврологии я позвал, будут смотреть, изучать.

— А бывали такие случаи вообще?

— Какие именно? — огрызнулся Валлиус, и карандаш в его второй ладони нервно треснул. — Демоны... Прости, Берт, я совсем расклеился. Случаев покушения, после которых пациент терял бы память, я на своём веку не припомню. Просто потери памяти бывают. В основном это результат сбоя каких-либо заклинаний, особенно если речь идёт об... да, об артефактах...

Арманиус кивнул.

— Портальная ловушка, Йон — это артефакты. Должны были убить Эн, а вместо этого она лишь потеряла память.

— Лишь?

— Не придирайся к словам. Тут не только неврологи нужны, артефакторы тоже...

Валлиус встрепенулся.

— Да, как же это я не подумал... Надо было сообщить Рону Янгу... сразу, как это случилось. Заодно пусть посмотрит, что с Эн.

— И Велмара надо позвать. Лучшего артефактора я не знаю. Только если его наставник, архимагистр Атрей Альдеус.

— Он давно никого не принимает, — махнул рукой Брайон. — А Велмара наверняка дознаватели уже запрягли к расследованию по приказу его высочества. И как охрана прошляпила...

— Йон, ты же знаешь, — Берт грустно улыбнулся, — абсолютной защиты не существует. А уж с этими артефактами речь идёт о каких-то долях секунды.

— Да я понимаю, но должен же я побухтеть...

Арманиус поколебался, но всё-таки спросил:

— Что теперь будет с Эн? Сейчас госпиталь, а потом? Или её тут станут держать до тех пор, пока память не вернётся?

— До тех пор, пока мы не поймём, сможем ли вернуть ей память, — уточнил Валлиус. — А потом... — Он вздохнул. — Понимаешь, Берг, она аспирантка твоего университета. И пока она ею является, имеет право жить в общежитии. Однако...

Брайон не стал продолжать, но Арманиус понял и так. Потеряла память — потеряла право быть аспиранткой и жить в общежитии. Да и... какое ей общежитие в этом случае? И речи не может быть.

— Рано еще об этом думать, — сказал Берг, глядя, как Валлиус набирает чей-то номер на браслете связи. — Надеюсь, всё вернётся.

— Я тоже.

Секунда молчания — и перед главным врачом появилась проекция взъерошенного светловолосого мага.

— Здравствуй, Рон.

— Добрый день, архимаг. — В голосе Янга слышалось удивление. — Что...

— Нужна твоя помощь с Эн, — перебил мальчишку Валлиус. — Ты можешь приехать в госпиталь?

Рон изменился в лице.

— Да, разумеется. А что с ней?

— Увидишь. И если у тебя есть доступ к Велмару, он вроде твой куратор, было бы неплохо захватить и его.

— Я постараюсь, — кивнул Янг, и Брайон прервал связь.

— Думаешь, он сможет?.. — протянул Берг, и главный врач усмехнулся.

— Ради Эн — пожалуй, сможет.

— Что? — Арманиус закатил глаза. — Неужели тоже в неё влюблён?

— Почему это «тоже»? — Валлиус впервые за сегодняшний день широко улыбнулся. — А кто ещё?

— Ну как же. Арчибальд.

— А-а-а... а я-то подумал...

Берг промолчал, но взгляд не отвёл. Стыдиться тут было нечего, да и... какая разница?

Эн всё равно сделала свой выбор.

Янг прибыл в госпиталь примерно через полчаса. Ввалился в кабинет к Валлиусу, посмотрел на них с Бертом бешеными глазами и сказал:

— Я связался с Велмаром, он сейчас как раз на месте покушения, вырвется не раньше, чем через час. Портальная ловушка должна была распылить Эн, но почему-то схлопнулась, не сработала. Он пока не понял, почему. Эн... как она?

Вместо ответа Валлиус встал с кресла и махнул рукой.

— Пойдём, Рон. Берг, ты тоже.

Янг мазнул по Арманиусу взглядом, похожим на взгляд сумасшедшего, и спросил:

— Она цела? Когда порталные ловушки дают сбой, они чаще всего уносят в никуда руки или ноги.

— Физически цела.

Мальчишка озадаченно нахмурился.

— Что это значит?

— Расскажу на месте, — ответил Валлиус. — Посмотришь на неё заодно.

Они вышли в коридор. Берт пристроился чуть позади, прислушиваясь к тому, что говорил Янг на пути к палате Эн, и периодически кивая в ответ на приветствия медицинского персонала. Хотя здоровались все больше с Валлиусом.

А еще он вдруг осознал, что уже практически не чувствует этого удушающего больничного запаха, который так раздражал поначалу. Всё отошло на второй, а то и третий план, когда выяснилось, что Эн потеряла память.

— Артефактов было четыре, проректор нашёл их на месте покушения, — рассказывал Янг. — У самой Эн должен быть активатор порталной ловушки, иначе она не сработала бы. Это как ключ от двери, понимаете? Четыре части ловушки — как клетка, но чтобы она возникла в определённом месте и сработала на определённого человека, у него должен быть активатор.

— Тоже артефакт, я правильно понимаю?

— Да.

— И как он выглядит?

— Как угодно, — Рон пожал плечами. — Любой предмет, украшение... да хоть бархатная ленточка в волосах. Главное — формула активации, которая вписывается в этот артефакт. Возможно, тот, кто хотел убить Эн, ошибся с ней, поэтому она выжила...

У Берта всё это время стучало в затылке. Как же эта ситуация демонски напоминала ему то, что случилось десять лет назад с Агатой...

Да, точно. Десять лет назад. Как же он забыл? В тот год, когда Эн училась на первом курсе — именно тогда жизнь в его семье пошла под откос.

Тогда тоже была порталная ловушка, установленная в парке возле университета, и она не сработала, потому что Арена защитила Агата. Она была артефактором, и очень талантливым. Она просто успела выплести нейтрализатор — в буквальном смысле выплести, из волос наследника, — но только для Арена, не для себя.

Но что защитило Эн? Всего лишь ошибка тех, кто хотел её убить?

Берт покачал головой и поморщился. В такие ошибки он не верил. Скорее, не учли всех факторов, и у Эн в её чудо-сумке, которую она несла с собой, был какой-то... хм... подпортивший формулу «нейтрализатор».

Хотя...

— Айл Янг, — Арманиус шагнул вперёд, обращая на себя внимание мальчишки, — я, к сожалению, не специалист по артефакторике, поэтому прошу вас кое-что прояснить для меня. Активатор может быть у... жертвы просто-напросто с собой, или он обязательно надевается на неё?

— С собой. Где угодно, хоть под пяткой в туфле.

— А нейтрализатор?

— Тоже, — Рон нахмурился, — но к чему этот вопрос, архимагистр? У Эн не было нейтрализатора.

— Откуда ты знаешь? — удивился Валлиус.

— Я встречался с ней накануне, — проворчал мальчишка. — Я всегда на всякий случай сканирую её, мало ли что. Эн не очень хорошо умеет чувствовать посторонние амулеты и артефакты. В общем, вчера всё было чисто.

— Так то вчера, — резонно заметил главный врач. — А убить её пытались сегодня. Может, захватила что-нибудь с утра?

Янг промолчал, а Берт закусил губу, задумываясь. Защитник, что она могла захватить... неужели...

— А ментальная магия?

— Что — ментальная магия? — спросил Рон, а Валлиус просто поднял брови.

— Ментальная родовая магия императорской семьи, — повторил Арманиус, не в силах толком сформулировать вопрос — мысли путались, как клубок ниток.

Молчание.

А потом Янг начал бледнеть. Сначала побелела шея, затем щёки, лоб, губы, и словно даже белки глаз посветлели.

— Рон?.. — пробормотал Валлиус с беспокойством, когда мальчишка позеленел.

— Механизм воздействия на артефакты родовой магии, особенно если она принадлежит Альго, не изучен, — сказал Янг каким-то деревянным голосом. И, сглотнув, добавил: — Что с Эн?

— Мы как раз пришли. — Главный врач распахнул дверь в палату Эн и кивнул. — Заходи, смотри. Она минуты через три проснётся.

Рон продолжал таращиться на Валлиуса глазами, полными ужаса, и Брайон сжалился.

— Она потеряла память.

— Демоны...

Янг запустил обе ладони в светлые кудрявые волосы и, взъерошив их, ринулся в палату.

Пока мальчишка осматривал Эн, Берт продолжал размышлять.

Родовая магия Альго... Что он вообще о ней знает?

Конечно, все секреты династии знали только члены семьи, но кое-что было известно и другим аристократам.

Все Альго рождались магами, и все умели заходить в огонь. Среди остальных магов это было доступно лишь архимагистрам. Все в разной степени были эмпадами, то есть, умели ощущать эмоции. О чтении мыслей здесь речи не шло — насколько Берт знал от Арена, Альго могли чувствовать лишь общую направленность эмоций. Испытывает человек симпатию или антипатию, любит или ненавидит. Среди простого люда ходили слухи, что Альго умеют отличать правду от лжи, однако это было не так.

«Я могу ощутить лишь волнение говорящего, — объяснял Берту когда-то Арен. — Но понять, почему именно он волнуется — это мне недоступно. Лучше всего ощущаются сильные чувства вроде страсти или ярости, любви или ненависти, а слабые подобны дуновению ветра — схватить их, чтобы понять, что они из себя представляют, невозможно».

А вот ментальная магия была прерогативой лишь императора или императрицы и появлялась с возложением на его или её голову Венца власти.

«Ничего особенного, — сказал тогда Арен, потирая виски и морщась, — просто теперь я умею внушать мысли. — И, увидев изумлённые глаза Берта, добавил: — Не волнуйся, не всякие мысли».

Оказалось, что после возложения Венца император может внушать своим собеседникам лично или через артефакты мысли, которые не противоречат желаниям этих людей. Если человек категорически не хочет кого-либо убивать, внушить это не получится. Так же, как не получится внушить что-либо рассказать, если желание это рассказывать полностью отсутствует.

«Поэтому я дознавателям, как правило, абсолютно бесполезен», — разводил руками Арен, смеясь.

После коронации именно он ввёл это правило — людям, входящим в круг близких и друзей правящей династии, обязательно дарились артефакты, содержащие ментальную магию, не позволяющую носителям причинить какой-либо физический вред членам семьи Альго. Как раз такое кольцо подарил Арчибалд Эн, а Берт, получивший свой «знак отличия» одним из первых, носил крошечную и почти невидимую серьгу в ухе.

Ничего странного или опасного в этой традиции не было, но как родовая магия, заложенная в кольцо, могла повлиять на порталную ловушку, Арманиус не знал. Впрочем, вряд ли это знает даже Велмар...

— Активаторов я не вижу, — произнёс Янг, и Берт очнулся, — а нейтрализатором — точнее, его подобием — наверняка послужило это кольцо. Откуда оно вообще у Эн?! Накануне же не было...

— Видимо, она его сняла. Точнее, так и не надела, — пояснил Арманиус. — Сняла его она ещё у меня дома... чтобы перчатки надеть. — Краем глаза Берт заметил, как Валлиус скептически усмехнулся. — Потом просто забыла, а перед сном или утром вспомнила.

— И хорошо, что вспомнила, — проворчал главный врач. — Полагаю, оно спасло ей жизнь.

Рон молчал, глядя на Эн с таким несчастным выражением на бледном лице, словно уже с ней прощался.

— Да... спасло... Но... — Мальчишка отвернулся и посмотрел на Валлиуса. — Я... конечно, я не уверен, пусть Велмар тоже... Но...

— Ну?! — хором прорычали Брайон и Арманиус.

— Я думаю, действие этого кольца необратимо, — произнёс Рон с болью в голосе. — И Эн потеряла память... навсегда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Берт ввалился к себе домой поздно вечером, уставший настолько, словно несколько суток воевал с демонами Геенны.

Сказанное Янгом поразило Арманиуса настолько, что на несколько мгновений он онемел. А вот Брайон явно ожидал нечто подобное, врач всё-таки, и лишь устало кивнул, поглядев на Эн с ласковой болью и горечью.

Потом она проснулась. И опять сразу обратила внимание на Берта, улыбнувшись ему. Всех остальных словно не замечала, пока Рон не сделал шаг вперёд, подходя ближе к койке, и не спросил шёпотом:

— Как ты себя чувствуешь, Энни?

Тогда она перевела взгляд на Янга, облизнула губы и ответила:

— Хорошо. Только есть хочу. А ты кто?

— Я Рон. Твой друг. Мы с тобой вместе учились в университете.

Эн нахмурилась, явно пытаясь вспомнить, и от этого жеста Берту стало больно физически.

— В каком университете?

Янг оглянулся и неуверенно посмотрел на Валлиуса.

— В магическом, — ответил Брайон и сел на табуретку рядом с койкой Эн. — Не волнуйся, милая, ты потом всё вспомнишь. А то, что хочешь кушать — это хорошо. Значит, выздоравливаешь.

Она радостно и немного по-детски улыбнулась, неожиданно став похожей на маленькую девочку. И Берту показалось, что он видел у неё такую улыбку... но не сейчас, а когда-то... давно.

Ерунда, быть не может...

— Сейчас тебе принесут что-нибудь поесть. Что ты хочешь, Энни? — продолжал говорить Валлиус. — Будешь кашку?

— Буду, — Эн кивнула. — И пить тоже хочется.

— И пить принесут. Компотик клюквенный тебе, как выздоравливающей. Ничего не болит?

— Не-ет, — она помотала головой. — Голова только чуть-чуть. И спать хочется.

— Это скоро пройдёт. Вот как поешь, так и станет легче.

— Хорошо! — Эн снова посмотрела на Арманиуса. — А ты, Берт? Ты не хочешь кушать?

Рон изумлённо вытаращил глаза, и Валлиус, кажется, тоже слегка удивился.

— Хочу, — ответил ректор, кашлянув. — Честно говоря, даже очень.

— Я так и думала, — сказала Эн с детской важностью. — Тебя тоже надо покормить!

Янг всё тарачился, а Брайон, отойдя от первого впечатления, уже улыбался.

— И ему мы кашку принесём, Энни. Видишь ли, Берт — как ты, выздоравливающий.

— Хорошо! — она вновь улыбнулась и вдруг чуть покраснела. — А ты... со мной пообедаешь?

Арманиус даже не сразу понял, что это к нему обращаются. Но вместо него ответил Валлиус:

— Конечно, пообедаем. Мы сейчас выйдем ненадолго, а потом Берт к тебе вернётся вместе с едой. Ты пока отдыхай, ладно?

— Ладно, — покладисто согласилась Эн, широко зевнув.

Они вышли из палаты, и главный врач, посмотрев на часы на своём браслете связи, повернулся к Арманиусу.

— Сейчас не обеденное время для больных, но каша с завтрака наверняка осталась и компот уже сварили, попроси принести. Кухня там, — он махнул рукой куда-то в конец коридора, — оттуда пахнет, найдёшь. У меня через полчаса операция, вернусь, я думаю, как раз к приезду Велмара. Рон, тебе я за это время советую пообедать. Столовая на первом этаже.

— Так сейчас же не обеденное время? — удивился Янг, и Валлиус пояснил уже на полпути к выходу из реанимации:

— Это у больных. Для медицинского персонала еду готовят с восьми утра и до восьми вечера.

Чуть позже Рон ушёл в столовую, а сердобольная санитарка, всё время приговаривающая «бедная наша Энни, бедняжечка» принесла Берту поднос, на котором стояли две тарелки с кашей, блюдо с двумя бутербродами с колбасой и кувшин с компотом. Арманиус поблагодарил её и, войдя в палату к Эн, замер, увидев, что она стоит возле окна в одной белой ночной рубашке и с любопытством ребёнка наблюдает за снегопадом на улице.

Обернулась — и расцвела улыбкой. И не только улыбкой, но и трогательным румянцем на щеках.

— Я принёс обед, — сказал Берт, ощущая себя полным идиотом рядом с этой незнакомой Эн. — Садись.

Рядом с окном стоял маленький столик, и Берт, придвинув к нему два стула, усадил на один Эн, а на второй опустился сам. Поставил перед ней тарелку с кашей, дал ложку и налил компот в стакан.

— Спасибо! — поблагодарила она восторженно и принялась за еду с искренним аппетитом.

А вот Арманиус есть практически не мог. От всей этой ненормальной ситуации подташнивало, и хотелось выть от бессилия и страха за то, что сказанное Янгом может быть правдой.

— А с тобой мы тоже учились вместе? — спросила Эн, доев кашу, и принялась за бутерброд.

Вот... и что сказать?

— Не совсем. Я был одним из твоих преподавателей.

Она испуганно вытаращила глаза, и Берт исправился:

— Был. Ты уже закончила университет, и сейчас я — твой друг. А еще ты меня лечишь.

— Лечу... — пробормотала Эн задумчиво. — Я врач?

— Да. Ты очень хороший врач и маг.

— Здорово! — почему-то мысль о том, что она врач и маг, её очень обрадовала. — А ты кто?

Говорить о своём ректорстве точно не стоило, и Арманиус пояснил:

— Я охранитель.

Эн нахмурилась.

— Охранитель? А что ты делаешь?

И пока она доедала бутерброд и ела компот, а каша в тарелке Берта безбожно остывала, он рассказывал Эн о том, кто такие охранители, о Геенне и об Альганне в целом.

Она не помнила совсем ничего и задавала такие вопросы, что он иногда замирал от ужаса, понимая: сознание Эн превратилось в чистый лист, на котором нужно что-то писать, иначе она не сможет жить в этом мире.

И он говорил, говорил, говорил... Пока она не утомилась настолько, что стала засыпать, сидя за столом, и Берту пришлось на руках относить её обратно в постель, замирая от двух противоречивых желаний — прижаться щекой к мягким волосам и завить от осознания того, что в его руках находится не прежняя Эн, а лишь её физическая оболочка.

Велмар приехал еще через час, когда Эн крепко спала, Валлиус вернулся с операции, а Рон пообедал и нервно бегал по коридору, периодически останавливаясь возле палаты и глядя на свою подругу полными отчаяния глазами.

Берту и самому хотелось побегать, но сил не было, и вообще он ощущал себя очень странно — с одной стороны, уставшим и разбитым, а с другой — что-то бурлило в груди, будто он выпил слишком много шампанского.

Но с приходом Велмара всё забылось.

Проректор, выглядевший весьма необычно без широкой обаятельной улыбки, шагнул в палату, быстро осмотрел спящую Эн и, выйдя, сказал, устало потерев глаза:

— Да, Рон верно определил — кольцо послужило нейтрализатором, точнее, его подобием — спасло жизнь, но стёрло память.

— Почему так? Почему именно память? — спросил Валлиус, хмурясь.

— Потому что память — это и есть жизнь, — пояснил Агрирус. — Ну и, вероятно, из-за ментальной магии, воздействующей как раз на сознание, заклинание и замкнуло. И оно забрало жизнь не физическую, а... остальную.

— Это обратимо? — Единственный вопрос, который интересовал сейчас Берта.

Велмар оглянулся на палату, где по — прежнему спала Эн и, вздохнув, покачал головой.

— Нет. Ментальная магия оставила небольшой след, как бы часть формулы... Там знак бесконечности, Берт. Необратимость.

Кровь у Арманиуса будто бы загорелась, когда он это услышал. Руки сжались в кулаки, во рту появилась горечь, а ладони почему-то жгло...

— Берт?.. — Агрирус шагнул вперёд и помахал рукой у него перед глазами. — Ты резко побледнел.

— Побледнеешь тут, — пробормотал ректор, разжимая кулаки. Сразу стало легче. — Ты уверен, что это именно бесконечность?

— Уверен, — произнёс Велмар с жалостью, вновь оглянувшись на палату. — Но попытаться, конечно, всё равно нужно.

— Мы обязательно попытаемся, — сказал Валлиус, решительно поджимая губы. — Энергетический контур раньше тоже считался невозможным, но благодаря Эн... — Он запнулся и сглотнул. — Так что мы попытаемся. Спасибо тебе, Велмар, что приехал.

— Не за что.

— Расскажешь нам, что выяснили дознаватели? — спросил Берт, прекрасно осознавая, что на самом деле он скорее пытается отвлечься, чем ему действительно интересны подробности расследования. Гораздо важнее было состояние здоровья Эн. И новости о

нѐм были слишком неутешительными, чтобы волноваться о чѐм-то ещё.

Но если уж по справедливости, то возможно, сведения о покушении помогут найти решение и вернуть девочке память...

— Да ничего особенного. Четыре части артефакта-портальной ловушки, которые сгорели сразу после активации — следы от них я нашѐл на земле. Сделано всё грамотно, но портал схлопнулся, как мы теперь понимаем, из-за кольца с родовой магией Альго. Активатор я нашѐл в сумке Эн. Это ключ.

— Ключ? Какой ключ? — поинтересовался Валлиус.

— Не знаю. Какой-то ключ. Формула активации портальной ловушки — на нѐм. И он вполне мог провалиться в её сумке с месяц или даже дольше, обнаружить такую вещь невозможно. До момента, когда активатор попадает в центр ловушки, он спит, и если ты не знаешь точно, что вот этот предмет и есть активатор, ничего не увидишь. С нейтрализатором другое дело — он активен всегда, но мы-то имеем дело не с ним, а с его подобием. Кольцо Альго «просыхает» только на пальце носителя. Видимо, по этой причине Рон накануне ничего не увидел — Эн его попросту не надела или сняла.

— Хитро придумано, — покачал головой Брайон. — И почему всех аристократов до сих пор не поубивали этими ловушками?

— Потому что она срабатывает только если человек — носитель активатора — попадѐт в определённую точку на местности. Как капкан на зверя. Лучи — «стенки» ловушки — должны сходиться именно в этой точке.

Велмар замолчал, и все остальные несколько секунд тоже молчали.

А потом Рон пробормотал:

— И как она умудрилась...

— Не знаю, — ответил Агрирус. — На этом то, что знаю я, заканчивается. Меня просили помочь только по артефактам. Сейчас свяжусь с дознавателем, который ведѐт расследование, доложусь насчѐт кольца-нейтрализатора. Обещал. Да, кстати... Завтра всех собираются допрашивать, кто знал Эн или общался с ней.

Валлиус поморщился.

— Ясно, я понял. У нас таких тут полбольницы, если не больше...

— А у нас — пол-университета, — хмыкнул проректор. — Дознавателям придѐтся нелегко, особенно учитывая личную заинтересованность принца Арчибальда. Он связывался со мной уже трижды. Да, кстати, хотел спросить... — Велмар с тревогой посмотрел на Арманиуса. — Ты-то как, Берг? Тебе ведь нельзя прерывать процедуры.

— Пока боремся, — ответил ректор. — А там посмотрим.

— Без Эн придѐтся туго, — вздохнул Валлиус и тоже посмотрел за стекло палаты. — Эх, знать бы, кто её так... Придушил бы своими руками.

Чуть позже, когда Велмар и Янг отправились обратно на свои рабочие места, Брайон позвал Берта к себе в кабинет со словами:

— Надо поговорить. А потом поедешь домой. А то, боюсь, придѐтся тебя селить на соседнюю с Эн койку.

Заметив удивлѐнный взгляд Арманиуса, главный врач пояснил:

— В том смысле, что реанимировать тебя надо будет, а не то, что ты подумал.

Уже в кабинете, попросив у секретарши два чая и вазочку с печеньем, Валлиус продолжил:

— Понимаешь, существует такое правило... Любой потерявший память должен иметь опекуна. Опекуном кроме родственника может стать любой человек, который имеет над

больным какую-то... скажем так — власть. Я практически уверен, что этим озаботится Арчибальд, как только вернётся в столицу — он Альго, имеет право. Но также таким правом обладаем и мы с тобой. Я — как куратор Эн и её начальник, ты — как ректор университета, в котором она числится аспиранткой. Что думаешь?

Арманиус, нахмурившись, лихорадочно рассуждал.

Удивительно, что Валлиус вообще вспомнил об этом, но если бы не вспомнил, Берт бы и не догадался о подобном правиле. Логично, ведь потерявший память приравнивается к ребёнку, а у ребёнка должны быть либо родители, либо опекун.

И речь сейчас шла не о формальной бумажке, а о том, куда отправится Эн после выписки в случае, если память так и не вернётся. Думать об этом не хотелось, но подумать было необходимо.

— Ты считаешь, ей будет плохо у тебя дома, Йон? Она же, наверное, была в гостях...

— Была, — кивнул главврач, — и неплохо ладит со всей моей семьёй. Но... обедать она сегодня позвала не меня, а тебя.

— Да, и я не очень понял, почему.

Валлиус посмотрел на него почти с жалостью.

— Ты иногда тупишь ну просто как ржавый ножик, Берт. Ладно, забудь. Я думаю...

— Нет, погоди, — Арманиус заинтересованно подался вперёд. — Что ты имеешь в виду? Я хочу понять.

Брайон закатил глаза.

— У Эн пропала только память. Память, но не чувства. Чувства невозможно уничтожить извне, только изнутри. И она продолжает хорошо относиться к нам не потому что превратилась в ребёнка, а потому что это идёт изнутри неё.

Берт несколько мгновений молчал.

— Ты хочешь сказать, что... — произнёс он медленно. — Что...

— Ну? — в глазах Валлиуса впервые за этот день появилось вселенское ехидство.

Мысль была настолько невероятной, что Берт даже не мог её озвучить.

— Я нравлюсь Эн?

— Не-а, — ответил Брайон весело. — Она тебя, гада, ненавидит. И сегодня очень чётко это показала, предложив накормить кашей.

Арманиус, наверное, улыбнулся бы, но сил хватило только на то, чтобы дёрнуть губами.

— Короче говоря, оформляй опекунство ты. Ко мне в гости, если что, ты её и такпустишь. Я не хочу, чтобы Арчибальд посадил Эн в золотую клетку.

— Ты думаешь, он способен?

— Нет, ничего аморального он не сделает, конечно. Просто поселит в каком-нибудь доме за городом, приставит сиделок и врачей. И кстати... — Валлиус усмехнулся. — Ни за что в жизни он не пустит к ней тебя.

Это оказалось решающим аргументом.

— У меня нет с собой документов на ректорство. Я сейчас тогда домой, за ними, а потом к вашему юристу.

— Давай, — кивнул Брайон и, склонившись над какими-то документами, пробурчал: — А то, понимаешь, недостойная...

Арманиус встал — голова вновь закружилась — и, направившись к выходу из кабинета, сказал, сам не понимая, зачем он говорит это именно Валлиусу и именно сейчас:

— Я тогда ошибся.

— Ничего-ничего, — донеслось в спину ласково-ехидное. — Тогда — это дело прошлое. Главное, чтобы ты не ошибся сейчас, Берт.

Оказалось, легко сказать, но трудно сделать. Арманиус, привыкший к тому, что находить дома всё необходимое помогает родовая магия, потратил с пару часов, роясь в библиотеке в поисках официального договора с подписью императора. Злился, ругался, бухтел, проклиная сам себя — развёл бардак в доме! — но в итоге всё-таки нашёл. И ещё через пару часов, шатаясь от усталости, вышел из кабинета госпитального юриста, держа в руках бумажку, где было указано, что именно он является опекуном Эн Рин до момента восстановления её памяти. Валлиус подмахнул эту бумажку, даже не читая, и саму Эн уговаривать не пришлось — она только сказала: «Ты, Берт? Конечно!» — и сразу поставила в углу невнятную закорючку.

Писать и читать она теперь тоже не умела. Но помнила, как пользоваться столовыми приборами, есть и ходить в туалет — то есть, не была совсем уж беспомощной. Как так может быть, Арманиус не понимал, но он ведь и не врач. Хотел задать этот вопрос Валлиусу, но осознал, что больше не в силах ни с кем разговаривать, сидеть и в целом находиться в вертикальном положении. Заказал магмобиль, вернулся домой, поднялся на второй этаж, в спальню, рухнул на постель, не раздеваясь, не поужинав и не снимая покрывала, и забылся тяжёлым вязким сном.

Во сне был туман, в котором Берт бродил и бродил, не понимая, куда нужно идти и что делать. Он клубился вокруг, белёсый и неприятный, лизал ладони холодом, и почему-то казалось, что его непременно нужно рассеять. Почему, зачем?..

«Там, в этом тумане, Эн, — осенило вдруг Арманиуса. — Если смогу рассеять, спасу её».

Во сне он совершенно забыл о том, что не способен творить магию. Вытянул руку и отправил в окружающее пространство луч света...

... И взвыл от резкой, словно удар ножом, боли в ладони. Прижал её к груди, окончательно приходя в себя и ощущая, как колотится сердце, разгоняя горячую, будто пламя, кровь по ледяному телу.

Никакого тумана вокруг не было, он по-прежнему лежал в собственной постели. Но что-то всё-таки было не так...

Секундой спустя Берт понял, что именно. Он уже успел привыкнуть к тому, что ощущает сломанный контур, но никогда раньше он не ощущал, как по нему проходит магия. И то, что он принял изначально за ток крови, на самом деле было маленьким ручейком живой магии.

В голове вдруг зазвучал тихий голос Эн, зачитывающий ему строчки из её инструкции, оставленной в тетради.

«Кризисный момент или, как я его называю, точка невозврата — первая магическая искра. Как только вы получите искру, прогресс будет уже не остановить».

Арманиус расслабил руку, которую прижимал к груди и, вытянув её перед собой, слабым усилием воли попытался зажечь огонёк. Пальцы вновь закололо, боль поднялась по руке до плеча... а потом над ладонью появилась крошечная точка пламени. Такая маленькая, что он мог бы и не разглядеть её, если бы в спальне было светло, но вокруг стояла полнейшая темнота.

А потом она начала расти, и по размеру превратилась в пламя свечи. Но росла и боль, и Берт сжал ладонь, гася искру и откидываясь на подушки.

Сердце колотилось, как бешеное, на лбу выступил пот, но никогда в жизни он не был настолько рад.

— Защитник... Энни, мне так жаль, что ты не можешь разделить это со мной...

Он вспомнил, как она прыгала по библиотеке, заставив светиться его магический контур, и улыбнулся, одновременно с этим обещая и Эн, и себе, что вернёт ей память во что бы то ни стало.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проснувшись утром, Арманиус ощутил такой страшный голод, что чуть было не начал грызть собственную подушку. Вскочил с постели, чувствуя колоссальный подъём сил одновременно с желанием поесть — магия по-прежнему циркулировала по контуру тончайшим и практически невидимым ручейком — и поморщился, вспомнив, что именно сегодня ночью праздник перемены года. А у него ни ёлки, ни подарков, да и какой уж тут праздник, когда Эн в больнице?

Берт заказал завтрак в «Омаро», как обычно, поел в библиотеке, и уже собирался отправляться в госпиталь на процедуры, когда в дверь позвонили.

На мгновение захотелось поверить, что это может быть Эн, и Арманиус усмехнулся собственным глупым мыслям.

Конечно, это оказалась никакая не Эн, а дознаватели. Точнее, один дознаватель. Берт, зная, что обычно они ходят парами, немного удивился, но, рассмотрев посетителя, ступившего на ковёр прихожей, понимающе кивнул — этот имеет право ходить один куда угодно. Хотя логичнее было бы вызвать в комитет его самого, но видимо, хотелось увидеть «место преступления» — то есть, место работы Эн у Арманиуса.

К нему пожаловал сам Гектор Дайд — глава столичных дознавателей. Берт хорошо знал его в лицо — все знали — но никогда не общался лично.

Высокий худощавый мужчина с холодными, словно ледяными голубыми глазами, один из которых был искусственным, длинным и крючковатым птичьим носом, узким лицом и короткими светлыми волосами — красивым Гектора Дайда назвать было сложно. Блестящий маг, пробившийся из низов, он был настоящим фанатом своего дела и всех подчинённых держал в ежовых рукавицах. От одного из знакомых дознавателей Берт слышал, что сослуживцы говорят про Дайда: «Сам не будет и другим не даст», а когда их спрашивают, что именно он не будет, отвечают: «Отдыхать, конечно!»

— Доброе утро, айл Дайд, — поздоровался Арманиус, наблюдая, как Гектор снимает чёрное пальто и остаётся в тёмно-зелёной форме дознавателей. В ней он был похож на длинную зелёную змею. — Вешайте одежду и проходите. Будете чай или кофе?

— Нет, — сказал, как отрезал, проигнорировав «доброе утро». Берт слышал, что Гектор вообще избегает лишних слов.

Арманиус подождал, пока посетитель поднимется по лестнице, а потом проводил его в библиотеку. Усадил в кресло, сам опустился на диван и, остро ощущая нехватку чашки с недопитым кофе, проговорил:

— Слушаю вас, айл Дайд.

— Меня просил заняться этим делом лично его высочество Арчибальд, — произнёс Гектор голосом, похожим на скрип несмазанной тележки. Болеет, что ли? — Речь идёт о деле Эн Рин, разумеется.

— Я понял.

Дайд прищурился, изучая Арманиуса явно магическим зрением.

— Такое впечатление, что по вашему сломанному контуру магия всё-таки двигается, — сказал он медленно и нахмурил светлые, почти невидимые брови. — Или мне кажется?

— Не кажется. Она начала двигаться сегодня ночью, — пояснил Берт и замер от удивления, когда Гектор резко заявил:

— Плохо.

— В каком смысле?

— Это одна из моих рабочих версий. Покушение на Эн Рин могло быть совершено из-за вас, архимагистр.

— Я понимаю.

— Вряд ли. Теперь, увидев, что цель не достигнута, преступники могут попытаться убрать вас. И вместо одной беспамятной мы получим еще и ваш труп.

Прямолинейно.

— Могли бы сразу начать с меня и не трогать Эн.

— Девочку убрать проще, — Дайд пожал плечами. — Вы всё время сидите в доме с неплохой магической защитой и вылезаете в люди только с сопровождением, да и то редко. А Эн Рин постоянно бегала туда-сюда. Даже с учётом охраны его высочества — она гораздо уязвимее. Убрать её как специалиста значило убрать вас как мага. Сейчас она в безопасности, преступникам должно быть безразлично, потеряла ли она память или жизнь, лишь бы не могла вас лечить. А вот вы... Что значит эта струящаяся капелька магии внутри вашего контура?

Арманиус объяснил всё, что мог, насчёт «точки невозврата» и, закончив, услышал:

— Я пришлю вам иллюзиониста.

— Зачем?

— Никто не должен знать, что вы прошли эту самую «точку невозврата». Никто, кроме меня и специалиста, который придёт делать вам иллюзорный амулет.

— А ему вы доверяете?

Дознаватель дёрнул губой.

— Не ваше дело.

М-да, этот мрачный типчик демонски напоминал Берту его самого...

— А Валлиус?

— Никто, — отрезал Дайд. — Вне подозрений у меня вы один. Вам невыгодно терять своего лечащего врача.

— И что, — Арманиус развеселился, — его высочество Арчибальд тоже подозреваемый?

Взглядом Гектора Дайда можно было превращать огонь в лёд.

— Естественно, архимагистр. Мало того, что это именно его кольцо превратило девочку в растение, так еще и у вас с ним, мягко говоря, натянутые отношения. И об этом знают все.

— Да, вы правы, — Берт поморщился, — но всё-таки Арчибальд в качестве преступника — это...

Глава дознавателей чуть заметно усмехнулся.

— Поверьте, архимагистр, я за свою карьеру уже научился понимать, что преступником может стать каждый. Вопрос лишь в необходимости преступления. Я пока не вижу особого смысла для его высочества убирать вас. Но это пока. А теперь ответьте мне на несколько вопросов по поводу Эн Рин...

Через пятнадцать минут после того как Дайд ушёл, вынув из Берта всю информацию, какую только мог вынуть — только что душу на месте оставил, — пожаловал маг-иллюзионист. Посмотрел на Арманиуса, фыркнул и выдал ему тонкую цепочку, которую полагалось надевать на ногу. Перед этим только поводил руками вдоль тела Берта, а после прошелся гибкими пальцами по длине цепочки, явно формируя какую-то определённую иллюзию. Впрочем, почему — какую-то? Арманиус прекрасно понимал, что иллюзионист впечатывает в цепочку рисунок его контура, только магия в нём двигаться не должна.

— Почему именно на ногу? — поинтересовался Берт, застегивая амулет.

— Регламент, — пояснил мужчина. Он был такой же немногословный, как и Дайд. — И не снимайте.

— Мой проректор — прекрасный артефактор. Он не поймёт, что...

— Нет. На вас достаточно других амулетов, они здорово фонят, и уловить в этом фоне наш невозможно. Он очень слабый. Надо знать точно, что он там есть.

— А если всё-таки...

Иллюзионист закатил глаза.

— Скажете тогда, что носите слабенький иллюзорный амулет. Допустим, омолаживающий, против морщин. Такие амулетики можно на любом уличном рынке купить.

— Я раньше не носил.

— Ну а тут вдруг стали носить. Можете сказать, что Эн Рин подарила на праздник перемены года. Не могла она?

Арманиус улыбнулся.

— Она — могла. В шутку.

— Ну вот. А вы надели. Тоже в шутку. Почему бы и нет? Подтвердить она это всё равно не сможет.

Да уж.

Когда Берт наконец залетел в госпиталь и поднялся на второй этаж, в кабинет Валлиуса, чтобы узнать о состоянии Эн до процедуры, его встретил злой как демон Брайон.

— Ты свихнулся? — прошипел он и постучал себя по голове. — Опоздал на два с половиной часа! Преспал или утренний понос?!

— Дайд приходил, — пояснил Арманиус, и главный врач удивлённо замер с вытаращенными глазами. — Да, он сам будет заниматься делом Эн по просьбе Арчибальда.

— Ясно, — Валлиус кивнул, разом успокаиваясь. — Что ж, это к лучшему. Насколько я знаю, Гектор редко не раскрывает дела.

— С Агатой так и не раскрыл.

— Я тоже не всех больных вылечиваю. Но ты запомнил, Берт — Дайд стал главой комитета года через полтора после гибели твоей сестры, и вряд ли ему сильно хотелось в этом рыться... Ладно, хватит болтать, дуй в терапию срочно. А то все усилия Эн насмарку будут.

Очень хотелось сказать, что уже не будут, что «точка невозврата» пройдена, но предупреждение Дайда связывало язык. И Берт промолчал. Конечно, он ни на мгновение не верил в то, что Валлиус может быть замешан в этом деле, но всё равно считал, что дознаватель прав, и чем меньше людей знает истину — тем лучше.

А ещё Арманиус всё время думал о проблеме, которую он так и не смог озвучить Дайду. Хотя это было глупо, и стоило сказать Гектору правду ради Эн. Да, Берт не считал, что Арчибальд может быть преступником, поэтому промолчал в момент «допроса», а теперь засомневался.

В конце концов, пусть Дайд сам решает, важно это или нет.

Отдохнув десять минут после процедуры, Берт вышел из палаты и как мог быстро пошёл в реанимационное отделение, к Эн. По пути он изумлённо оглядывался — по всем коридорам и лестницам ходили люди в зелёной форме дознавателей, напоминая выросшие среди белых больничных стен кактусы.

Хотя Арманиус, конечно, понимал, почему их так много — необходимо было опросить всех сотрудников больницы, и если бы это делали человека четыре, они и за неделю бы не справились. А так Дайд к вечеру получит необходимые материалы, и наверняка тех, кто его особенно заинтересует, он будет вызывать на разговор уже к себе.

По крайней мере Берт не сомневался, что увидит Гектора еще не единожды.

Эн спала, а рядом с ней на постели сидел Янг. Гладил девушку по руке и что-то шептал.

Арманиус приостановился и осторожно, почти бесшумно, вошёл в палату.

— ...прости меня, Энни, — успел он уловить окончание фразы, сказанной отчаянным шёпотом, прежде чем Янг обернулся и скривился от такой явной неприязни, что Берт даже удивился.

Ему-то он что сделал?

— Здравствуйте, архимагистр. — Мальчишка тут же справился с собственным выражением лица, превратив его в безразличное. — Она только недавно уснула, придёт в себя не раньше, чем через два часа. — И, отчётливо скрипнув зубами, добавил: — Спрашивала про вас всё время.

Берт кивнул.

— Спасибо, Рон.

На секунду в лице Янга вновь мелькнула неприязнь.

— Зачем вы оформили опекунство?

Ректор хотел было спросить, откуда он знает, а потом вспомнил, что по больничному регламенту возле палат всегда вешались листочки с номерами браслетов связи родственников или опекунов. Видимо, уже повесили, и мальчишка увидел.

— Это моё дело, — ответил Арманиус как мог ровно. — Вам не о чем волноваться.

Светлые глаза Янга, казалось, потемнели.

— Если вы обидите Эн...

И Берт не выдержал:

— Вы влюблены в неё?

Мальчишка опешил, но быстро пришёл в себя.

— Это моё дело, — процедил он полупрезрительно-полунасмешливо. — А вы, архимагистр?

Арманиус усмехнулся.

— Я — нет.

И ведь даже не соврал.

— Тогда зачем она вам?

— Не верите в мои добрые намерения?

— Добрые намерения? У вас? — теперь в голосе не было ничего, кроме презрения. — Идите к демонам, архимагистр, вы знаете Эн меньше двух недель, а я — десять лет. Вы вообще не замечали её, в упор не видели, пока она не начала вас лечить. Что это — благодарность? Или вы просто заметили её наконец и разглядели? Хотите её, да?

Какой же глупый и ревнивый щенок. Впрочем, Арманиус в его возрасте, наверное, был не лучше.

— Валлиусу вы тоже не доверяете?

— При чём тут Валлиус?

— Свидетельство об опеке на время лечения обязательно подписывается главным врачом госпиталя, — пояснил Берт, не удержавшись от насмешливого тона. — Или Брайона вы тоже подозреваете в неприличных желаниях?

Янг молчал, зло сверкая упрямыми светло-голубыми глазами. Ответить ему было нечего.

— Не выдумывайте, Рон. Но, чтобы вам было легче, я могу пообещать, что не обижу вашу... подругу.

— Я не верю вашим обещаниям, — огрызнулся мальчишка, и Берт пожал плечами.

— Ваше право.

Наверное, этот напряжённый диалог продолжался бы ещё долго — возможно, до пробуждения Эн, — но в палату заглянула одна из медсестёр и, найдя глазами Арманиуса, сказала:

— Архимагистр, вас вызывает к себе главный врач. Попросил прийти как можно скорее.

Берт кивнул и, не глядя больше на Янга, вышел в коридор и почти побежал к лестнице.

В кабинете Валлиуса оказался не только собственно Брайон, но и еще несколько человек: принц Арчибальд, выглядевший так, словно не спал уже неделю; какой-то незнакомый рыжеволосый врач в светло-лиловой форме — кажется, такую носили неврологи; и Дайд, напоминающий зелёное и совершенно невредимое дерево, случайно оставленное лесорубами среди поваленных.

— Доброе... — начал Берт, но запнулся, наткнувшись на мрачные взгляды присутствующих. — М-да. Вызывал, Йон?

— Да, — кивнул главный врач, — решил собрать всех, чтобы Равену не пришлось повторять свой отчёт дважды или трижды. Остальные уже в курсе, Берт, для тебя — перед тобой архимаг Равен Пирс, главный специалист по неврологии в Альганне. Равен постоянно работает в Приме* (*Прима — крупный город на юге Альганны), прибыл вчера вечером к нам по моей просьбе. Всю ночь и утро обследовал Эн и готов высказаться. Равен, перед тобой архимагистр Бертран Арманиус, ректор Высшего магического университета Грааги и опекун Энни.

Оба представляемых мужчины склонили головы.

— Берт, — продолжил Валлиус, — садись, вон стул свободный. Вряд ли отчёт Равена будет кратким.

Невролог кивнул и, дождавшись, пока Арманиус сядет, заговорил.

— Для начала хочу уточнить: произошедшее — уникальный случай. Все случаи потери памяти посредством магических ошибок уникальны, но этот особенно, так как мы столкнулись с родовой магией императорской семьи.

Человеческая память — не книга, но если сравнивать именно с книгой, сейчас мы имеем дело с практически чистыми листами. Почему «практически» — потому что кое-какая память у айлы Рин осталась. Она помнит, как говорить, ходить, держать столовые приборы, и так далее. По идее, при подобных магических ошибках человек должен превращаться в растение, но у айлы Рин остались базовые навыки для жизни, уничтожены лишь её воспоминания. К примеру, я узнал у Брайона, что раньше, до потери памяти, айла Рин терпеть не могла куриную печень. И когда сегодня утром по моей просьбе из столовой подняли тарелку с печенью, пациентка скривилась от одного только запаха и наотрез отказалась это есть. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что личность её не утеряна по крайней мере в вопросах чувств и предпочтений. И, как я уже говорил, она помнит то, что делала каждый день и что было доведено до автоматизма. По сути, никто из нас с вами не задумывается о подобных действиях — все мы помним, как ходить, говорить и так далее. Более сложные навыки утеряны.

Равен на пару секунд замолчал, переводя дух, пока остальные, кажется, не дышали вообще.

— Обычно подобные признаки сохранения личности при отсутствии воспоминаний — хороший признак. Но в нашем случае это не имеет большого значения. В настоящий момент существует десять уникальных методик для возвращения памяти и, соответственно, десять упражнений для того, чтобы определить, какая из них более эффективна. Айле Рин не подходит ни одна. У меня сложилось впечатление, что её разум попросту отталкивает всё, что пытается до него дотронуться. Полагаю, это следствие соприкосновения с родовой магией Альго, — извиняющимся тоном произнёс Пирс, словно был виноват в подобном факте. — На сознании пациентки будто бы висит замок или стоит нескрываемая печать. Я здесь бессилён, впрочем, как и остальные мои коллеги.

Тяжёлая гнетущая тишина повисла в кабинете — словно топор над головой осуждённого.

Первым заговорил Арчибальд.

— То есть, Эн так и останется ребёнком? — от отчаяния в его голосе Берту стало не по себе.

Равен покачал головой.

— Нет, ваше высочество. Она постепенно будет взрослеть. Сейчас она ребёнок, потому что в её голове нет никаких воспоминаний — то есть, нет жизненного опыта, — но бытовые навыки сохранены, и по мере наработки новых воспоминаний айла Рин станет обычной девушкой своего возраста. Но я категорически не рекомендую ей заниматься магией. Конечно, это только теория, но я уверен в своём выводе — если она станет напрягать магический контур, особенно под воздействием артефактов, — это активирует в ней замершую родовую магию Альго и убьёт сознание целиком.

Невролог вновь замолчал.

Валлиус сидел за столом, опустив голову на ладони, и Берт вдруг осознал, что никогда в жизни не видел его в настолько убитом состоянии.

Впрочем, Арчибальд выглядел не лучше, хоть и не опускал головы. Но ему и по статусу не положено этого делать.

Один Дайд не изменился в лице. Именно он и спросил, проскрипев на весь кабинет:

— Что значит — убьёт сознание целиком?

— Это значит, что пациентка из человека превратится в растение. Перестанет воспринимать информацию, будет лежать в постели и пускать слюни. Так что никакой магии.

— Что вы рекомендуете сейчас для неё, архимаг? — спросил Арманиус, усилием воли подавив в себе резкое желание вскочить и начать швырять что-нибудь в стену.

— Я рекомендую ей жить дальше, — ответил Равен. — Я уже говорил с ней, объяснил, что она никогда ничего не вспомнит. Не сказать, чтобы она расстроилась — просто не понимает толком, что это значит. Сейчас, я полагаю, стоит отпустить девочку из госпиталя домой, пусть встретит новый год не в больничных стенах.

— У неё нет дома, — произнёс Арчибальд. — Она живёт в общежитии.

— В общежитие точно не стоит. Ей нужно быть рядом с тем, кому она доверяет. Судя по тому, что она мне говорила, этим человеком являетесь вы, архимагистр Арманиус. Большую симпатию она испытывает и к вам, Брайон, а также к своему другу Рону Янгу. Вспомнить она, конечно, ничего не может, но чувства остались при ней.

— Откуда у Эн чувства к тебе, Берт? — спросил его высочество холодно, поворачиваясь лицом к Арманиусу. — Ты можешь это объяснить?

И только ректор открыл рот, чтобы ответить кратким «нет», как наконец очнулся

Валлиус.

— Так, господа хорошие, — сказал он, поднимая голову — на лбу были красные отпечатки от пальцев, — я думаю, Равена стоит отпустить, мы его достаточно мучили. Гектор, ты не против? Или у тебя остались вопросы?

— Нет. Мне всё ясно, — невозмутимо ответил Дайд. — И я тоже пойду, пожалуй.

— Отлично, — кивнул Брайон. — А его высочество и Берт задержатся.

— Тогда и я задержусь, — дознаватель, уже начавший вставать, вновь сел. И, чуть помолчав, добавил: — Кто-то же должен останавливать его высочество, если он решит придушить архимагистра.

Валлиус и Арчибальд усмехнулись, а Арманиус удивлённо поднял брови.

Надо же... Кажется, у этого мрачного типа есть чувство юмора.

Когда Равен Пирс ушёл, напоследок что-то негромко сказав главврачу, его высочество вернулся к прерванному разговору.

— Я всё-таки хотел бы знать, с чего вдруг у Эн спустя две недели после знакомства появились какие-то чувства к Берту, которые позволили ей доверять ему, — Арчибальд по-прежнему говорил ледяным тоном, явно сдерживая эмоции силой. — Последнее время мы виделись с ней регулярно, и я не замечал в Эн особой любви к Арманиусу.

Йон вопросительно посмотрел на Берта, поднимая брови — сам, мол, выпутывайся. Дайд же с интересом изучал то ректора, то принца — хотя в его случае интересом было скорее лёгкое, даже ленивое любопытство.

Что ж, по крайней мере теперь Берту не придётся объяснять ему то, что он хотел объяснить утром, во время и после допроса — про соперничество между собой и Арчибальдом. Дознаватель далеко не дурак, сам всё понял.

— Дело не в сроках, выше высочество, — сказал Арманиус спокойно. Ссориться или не дай Защитник драться с принцем он не желал. — Я не могу ответить за Эн, я — не она. Но могу предположить, что речь идёт о... детской влюблённости.

Йон кашлянул и вытаращил глаза, Дайд удовлетворённо улыбнулся, откидываясь на спинку стула, а Арчибальд сильно помрачнел.

Берт не имел ни малейшего понятия, прав ли он в своём предположении, но что ещё это могло быть? Не великая же любовь начиная с того дня, когда он назвал Эн недостойной. Ей ведь было шестнадцать. Детская влюблённость, конечно. Только вот откуда она взялась, если на вступительном экзамене он повёл себя настолько... недостойно?

Додумать эту мысль Берт не успел.

— Теперь понятно, — Арчибальд хмурился, что-то вспоминая. — Единственный раз, когда я видел вас с Эн вместе — на Совете архимагистров — мне почудилось, что она... Но в зале было слишком много помех, и я так и не понял, правда ли это.

— Вы поэтому форсировали ухаживания? — спросил Арманиус, чуть развеселившись. Если его высочество ощутил чувство Эн в таком большом зале с огромным количеством людей, значит, оно действительно сильное.

Хотя... ему могло и померещиться от ревности. От ревности чего только не померещится.

— Нет, не поэтому, — возразил Арчибальд, но почти сразу исправился: — Точнее, не только поэтому. Я собирался делать это и так, давно собирался. Но Эн никогда в жизни не согласилась бы на внебрачные отношения, и я не хотел оскорблять её подобными предложениями. Поэтому дожидался решения Арена насчёт закона.

Берт кивнул. Что ж, так он и думал — идея о законе и чувство к Эн развивались в Арчибальде одновременно.

— Зачем тебе опекунов, Берт? — говорил между тем принц. — На мой взгляд...

— Ваше высочество! — громко сказал Валлиус, и когда Арчибальд оглянулся, продолжил: — Разрешите ответить на этот вопрос мне. Оставьте, пожалуйста, на потом чувства и все прочие сопли, подумайте о здоровье Эн. Вы, в отличие от Берта, не сможете быть с ней рядом практически всё время. Он — сможет. Сейчас она испытывает огромную настороженность по отношению к чужим людям, и ей будет плохо в большом незнакомом доме с сиделками, которых она не знает, насколько бы хорошими они ни были. Нам нужно вернуть Эн если не память, то хотя бы социализацию, понимаете?

— Социализация — это общество. Сидя дома в обществе одного Берта, её не вернёшь.

— Мы не только дома будем сидеть, — возразил Арманиус. — Но Йон прав — Эн лучше находиться постоянно рядом с кем-то, кому она доверяет. Вы ведь не можете уйти в отпуск на месяц прямо сейчас?

Арчибальд на мгновение нахмурился, потом покачал головой.

— Нет, сейчас точно нет. Я еле вырвался с севера. И у меня есть предчувствие, что Геенна скоро вновь проснётся.

Берт, как и остальные охранители, знал, что у его высочества бывают такие вот «предчувствия» относительно Геенны, причём они всегда сбываются. Полезное свойство для главы их подразделения.

— Тогда обещай мне, что не обидишь её, — сказал Арчибальд горячо, как никогда напоминая влюблённого мужчину. Даже Дайд слегка развеселился, а уж Валлиус так вообще явно с трудом сдерживал смех.

— Я-то обещаю, — проворчал ректор, — но вы, ваше высочество, зачем обижаете в свою очередь меня? В конце концов, я не какой-нибудь мерзавец. Я обещаю, что не буду давить на Эн. И если она... — Берт запнулся. — Если она выберет вас — как опекуна или возлюбленного, не важно, — я не буду препятствовать.

Арчибальд успокоенно кивнул, и как только это случилось, Брайон вдруг резко хлопнул по столу ладонью, заставив всех присутствующих вздрогнуть от неожиданности.

— Ну вот и договорились! — заявил он громко и радостно. — А теперь прошу расходиться по своим делам. У меня через сорок минут операция.

— У тебя вообще бывают дни без операций? — хмыкнул принц, поднимаясь.

— Бывают, — ответил главврач беспечно, — они называются «выходные».

Арчибальд вышел первым, затем кабинет покинул Дайд. Возле входной двери Берт обернулся, вопросительно посмотрел на Йона, и правильно, как оказалось, сделал — Валлиус кивнул и махнул рукой на стул, с которого Армариус поднялся пару секунд назад.

— Между прочим, — сказал Берт, вновь садясь, — насколько я помню, у тебя пятидневная рабочая неделя. А сегодня суббота и вообще праздник.

Брайон поморщился.

— Какой праздник, когда Эн в таком состоянии? Настроения совершенно нет. Хотя жена и дочь обещали что-то приготовить эдакое, чтобы мне его поднять, но я не уверен в успехе. В общем, Берт, чего я тебя задержал-то... Забирай-ка ты мою девочку домой и устрой ей хороший вечер, договорились? Чувствует она себя нормально, процедуры ей не нужны и бесполезны, по крайней мере так утверждает официальная медицина.

— А неофициальная? — Берт уцепился за это слово, как утопающий за соломинку.

— Вот именно. Равен перед уходом так мне и сказал — попробуйте, мол, неофициальную. Я боюсь, как бы хуже не было... но подумаю. Тут надо быть осторожнее, а то превратим Эн в фикус. Сейчас она хоть ничего и не помнит, но по-прежнему человек. Вырастет, научится читать и писать, адаптируется... — Валлиус вздохнул и покачал головой. — Демоны, это ужасно, конечно... Ладно. Если всё понял, иди.

— Иду. — Берт быстро поднялся и, дойдя до выхода второй раз за последние пять минут, спросил, не оборачиваясь: — Йон... Я угадал насчёт детской влюблённости?

Тишина, шуршание бумажек, хмыканье... И голос Валлиуса, в котором, вопреки ожиданиям Берта, не было ехидства:

— Я не знаю. Эн никогда и ничего не рассказывала мне по этому поводу.

Возле палаты Арманиус обнаружил только Арчибальда в сопровождении двоих охранников. Янг, видимо, уже ушёл, и Дайд тоже удалился по своим делам.

А Эн по-прежнему спала — на боку, подложив ладонь под щёку, и выглядела счастливой и безмятежной. Даже слегка улыбалась.

— Она сейчас проснётся, — сказал его высочество, заходя в палату, и Берт шагнул следом. — Я хочу с ней поговорить.

Арманиус подумал и поинтересовался:

— Мне выйти?

— Нет. Я боюсь, что она испугается.

— Вряд ли. Эн не боялась вас... в прошлой жизни.

— Она просто не успела меня узнать, — Арчибальд грустно усмехнулся.

Берт наклонил голову, признавая его правоту. Эн действительно знала только одну из сторон принца — ту, которая касалась мирной жизни и ухаживаний за девушками. Она не знала ни того, каким жестким командиром он порой был, как остервенело мог драться с демонами Геенны, рискуя жизнью и словно не ощущая за этот риск ни малейшего страха.

«У Арчибальда горячая кровь, но холодное сердце», — говорил император Арен про своего двоюродного брата, но теперь, глядя на то, как принц смотрит на просыпающуюся Эн, Берт понимал — нет, не холодное.

Девушка перевернулась на спину, вздохнула, зевнула, открыла глаза — и расслабленно улыбнулась, первым заметив Арманиуса.

— Привет, Берт.

— Доброе утро, Энни, — сказал ректор и чуть подтолкнул Арчибальда в спину, заставляя его сделать шаг вперёд. — Я привёл ещё одного твоего друга.

— Да-а-а? — она заинтересованно села на постели, изучая принца. — О... ого! А... вы кто?

«Вы». Удивительно, но Берта она называла на «ты» сразу, хотя «в прошлой жизни» не делала этого совсем.

Интересно, почему так, и у кого бы это спросить...

— Меня зовут Арчибальд, — в голосе принца Арманиус чуть ли не впервые в жизни услышал неуверенность. — Здравствуй, Энни.

— Здравствуй... — она запнулась. — Те. Здравствуй... те? Как правильно?

— На «ты», конечно.

— Ладно, — пробормотала она задумчиво. — А почему ты так странно одет?

На широкие плечи Арчибальда был накинут зелёный халат — прямо поверх чёрной формы охранителей, — и из-под него ярко блестели серебряные пуговицы.

— Я только что вернулся с севера. Где Геенна. Ты помнишь, что такое Геенна?

— Теперь да, Берт вчера объяснил. Значит, ты охранитель?

— Верно.

Эн задавала вопросы, словно ребёнок — как выглядели демоны, которых выпустила Геенна на этот раз, как их уничтожали, сколько магов в этом участвовало, никто ли не погиб. Вопросы лились из неё сплошным потоком, Арчибальд еле успевал отвечать, а ей всё было мало — сведения и знания она впитывала, как губка.

Как и раньше.

И Берт, наблюдая за разговором принца и Эн, вдруг осознал, что это по-прежнему она, его маленькая зеленоглазая аспирантка, смышлёная и любопытная. До этого момента Эн казалась ему немного чужой, и только теперь, глядя на знакомую тягу к знаниям, светящуюся в её глазах, он увидел в этой девочке свою Эн.

Ту самую, которая безумно радовалась, когда его контур засветился, и — Защитник, это было всего лишь позавчера! — сказала: «Ну... кто-то же должен вас жалеть».

Пусть жалеет.

Пусть вспомнит.

Пусть выходит замуж за Арчибальда.

Только пусть вспомнит!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Арчибальд ушёл через два часа, довольный состоявшимся разговором, а Берт, пока Эн обедала, быстро оформил выписку из госпиталя. Сам он только бутерброд перехватил, не снижая скорости бега по лестницам, и как только всё было готово, заказал по браслету связи магмобиль.

Эн как раз допивала компот, с аппетитом заедая его шоколадным эклером — неужели такие водятся на госпитальных кухнях?! — и Арманиус спросил у неё, стараясь не замечать, какие душераздирающие песни поёт его собственный желудок:

— Поедем домой?

Эн совсем по-детски облизала пальцы — да, этикет, видимо, тоже забылся, — и радостно ответила:

— Конечно! — потом, задумавшись на секунду, поинтересовалась: — А где я живу?

— Сейчас — у меня, — ответил Берт. — А раньше ты жила в общежитии, но сейчас тебе туда нельзя.

— Понимаю, — она грустно вздохнула, но тут же вновь просияла. — Значит, я теперь буду с тобой?!

От такого бесхитростного построения фразы запел не только желудок, но и остальные внутренние органы.

— Да. Пока всё не вспомнишь или не захочешь уйти, будешь жить у меня.

Демоны, ну почему эта её детская восторженная улыбка так напоминает какую-то... что-то... из прошлого...

Воспоминание билось о стенки черепа, царапалось изнутри, но никак не могло пробиться наружу, и Берт сдался.

Потом, он потом подумает. Как поест.

Не зря же Валлиус говорит, что сытому доктору и пациент радуется. И пациент — память — будет лучше работать после обеда.

Хотя... уже скорее ужина.

По дороге домой Берт рассказывал Эн про то, что всегда интересовало её больше всего — про магию. Основные законы, которые изучались еще в самом начале базового образования, вроде «эффективность заклинания зависит не от количества затраченной энергии, а от сложности построенной формулы» — приводили её в восторг. Она слушала, открыв рот, но, слава Защитнику, не спрашивала, умеет ли магичить сама. То ли не обратила внимания на слова Валлиуса о том, что она маг, то ли понимала — раз уж всё забыто, то и это тоже невозможно.

Дворцовая набережная, украшенная светящимися гирляндами, напоминала пряничный домик из-за поставленных в ряд симпатичных палаток. Вкуснейший северный чай, тёплые крендели с глазурью, горячее вино со специями, разнообразные расписные пряники — всё это манило и притягивало взгляд, и Эн с детским восторгом прилипла к окну магмобиля, улыбаясь до самых ушей. Что такое «праздник перемены года», она поняла очень быстро — словно и не забывала толком.

— Хочешь, выйдем, прогуляемся вдоль палаток? — предложил Берт, про себя надеясь, что его высочество не забыл про охрану. Впрочем, глупо сомневаться — конечно, не забыл.

— Да, очень!

Ещё одно мгновение Берт колебался — а вдруг целью было всё-таки именно убить Эн, и сейчас он подвергает её дополнительному риску? Но интуиция молчала, более того, Арманиус осознавал — по сути не особенно важно, убит ты или просто потерял память —

угрозы так или иначе больше не представляешь.

Но на всякий случай он огляделся, как только вышел на улицу — и сразу увидел еще один магмобиль, остановившийся рядом. Чёрный, с гербом Альганны на капоте, он явно принадлежал службе охраны императорской семьи.

И точно — секундой спустя из магмобиля вылез здоровенный мужчина, которого Берт когда-то видел среди охранников Арчибальда. Кивнул и, когда они с Эн пошли вдоль набережной, глаза на палатки, пристроился за ними на расстоянии примерно в десять шагов.

Эн с интересом рассматривала праздничные товары, что-то спрашивала у продавцов и, забыв про стеснение, мерила белую шапку из искусственного меха, похожую на снежный ком, залепивший лоб, волосы и уши. Смеялась и рассматривала себя в зеркало, оглядываясь на Берта с искренней улыбкой, которой невозможно было не отвечать.

Берт купил Эн пряник — мягкий, пахнущий мёдом и тёплый, — и, вновь послушав аккомпанемент собственного желудка, взял и себе. И горячего вина в стаканчиках из толстого картона, и две дурацкие новогодние шапки красного цвета, вышитые звёздами и снежинками — причём было не понять, где звезда, а где снежинка. Но Эн смеялась, глядя на него в этой шапке, и в глазах её были настоящие звёзды. А на ресницах — снежинки.

И так не хотелось верить в то, что она ничего и никогда не вспомнит... Осознание возможности этого давило к земле и не давало искренне радоваться. Тому, что она счастлива, и счастлива почему-то с ним. Но счастье это не было настоящим.

Ему словно подарили красивый блестящий фантик, в котором оказалась очень горькая конфета...

Они вернулись домой, когда на улице зажглись фонари, и людей, гуляющих среди праздничных торговых палаток, стало больше. Берт подумал, что пора закругляться — не нужно усложнять жизнь себе и работу охраннику, — и повёл Эн к своему крыльцу.

У двери, прикладывая ладонь к панели-ключу* (*магическая панель для открытия двери — вместо замков. Что-то вроде сканирования отпечатков пальцев), он вдруг ощутил в себе проснувшуюся родовую магию и замер от неожиданности.

С самого раннего детства Берт ощущал дома, словно живых существ. А уж собственный — особенно. Он был теплее остальных, и он будто бы отвечал на его призыв...

Да он и отвечал. Арманиус почувствовал, как запылали жаром стены, как нагрелся воздух, как на всех этажах, во всех комнатах, зажёгся свет... взметнулись шторы на распахнувшихся окнах... и там, на втором этаже, в его спальне, тихонько заурчал-заворчал маленький подарок для зеленоглазки Эн.

Зеленоглазка... Почему это слово вызывает такое смятение? Словно давно забывшееся воспоминание, которое очень хочет, чтобы о нём вспомнили и больше не забывали.

— Берт? — тихонько спросила стоящая рядом Эн, и он, очнувшись, открыл дверь, впуская девушку внутрь.

— Ой, как светло и тепло! — восхитилась она и стянула с головы шапку со снежинками, растрепав волосы. — Как хорошо, а то я замёрзла!

Берт осторожно развернул Эн за плечи лицом к себе и пригладил выбившиеся пряди ладонью. Она смущённо вспыхнула, а потом радостно улыбнулась.

— Я понимаю, ты пряниками наелась, но... — сказал Берт, медленно убирая руку от её волос.

— Не пряниками! — засмеялась Эн. — Пряником. Он был один и давно. Будем ужинать, да?

— Будем. Снимай пальто, и я провожу тебя в твою комнату. Пока освоишься, я как раз закажу нам ужин.

Она кивнула и принялась расстёгивать пуговицы.

Комната Агаты, которую Эн теперь совсем не помнила, вновь её восхитила. И Берт, оставив девушку принимать душ и переодеваться в домашнее платье — слава Защитнику, он сообразил, что Эн нужна кое-какая одежда, еще в госпитале, и заказал несколько вещей нужного размера с доставкой по почтомагу, — сам направился в библиотеку, заказывать на этот раз еду.

Специалист из «Омаро» обещал, что всё будет готово максимум через сорок минут, и Арманиус в ожидании и Эн, и ужина расположился на диване, закрыв глаза и наслаждаясь чудесным чувством — собственной родовой магией.

Совсем рядом вода обнимала обнажённое тело Эн, лилась по её плечам и груди, и он ощущал это так, будто тоже был водой. Стекал по животу и бёдрам, падал вниз, к стопам, и исчезал, исчезал, исчезал... исчезал...

Наверное, он задремал под эту водяную монотонность, бесконечно долго ласкающую желанное тело, иначе как объяснить то, что он вдруг оказался не на диване в собственной библиотеке, а посреди выжженного, превращённого в пепел пространства. Втянул носом воздух — пахло гарью и смертью, — да и демоны были где-то рядом, он чувствовал.

Арманиус запустил в воздух нескольких огненных светлячков — чтобы люди, если они вообще здесь остались, знали, что помощь пришла.

Да, люди...

Он сосредоточился и понял — рядом, в нескольких сотнях метров, есть живые. Дети, трое. Они спрятались в погребке, и Берт ощутил их родовой магией, ведь погреб был частью разрушенного, но дома.

В той стороне что-то переливалось бело-жёлтым светом, и Арманиус побежал как можно быстрее, на ходу понимая — не успеваешь, дети выходят из погреба...

То, что случилось, он увидел на полпути. Одна из змей-демонов открыла огромную пасть и с клёкотом, похожим на птичий, извергла огонь, в пару мгновений превратив в прах двух девочек.

Но третья... третья осталась жива, и Берт, поняв, что сейчас и её тоже испепелят, крикнул:

— Ложись на землю!

Если бы она не услышала или не сообразила — погибла бы. Но она услышала. И рухнула вниз.

Под оглушительный рёв демона Арманиус быстро сплёл охранный купол и поместил его над девочкой, надеясь, что она не испугается и не попытается убежать — защищать движущуюся цель, сражаясь с демонами, которых стало уже трое, гораздо сложнее и рискованнее как для самой цели, так и для охранителя.

Но она не испугалась.

И он боролся за её — и за свою — жизнь. Стремительно перемещаясь, отрубил голову одной змее, другую проткнул огненным клинком, но третья — та, что убила девочек, — оказалась самой умной и сумела его ранить. Ранения, полученные от демонов, заживают не быстро, а в клыках этой твари явно был яд — кровь ощутимо холодела, и Берту пришлось замедлиться, запуская в теле необходимые для вывода яда процессы. Змея заревела-заклекотала, словно обрадованная успехом, но Арманиус больше не медлил — бросился на неё, сжал шею и вспыхнул огнём, сжигая демона дотла...

Кровь стучала в висках, и всё сильнее чувствовался запах пепла, который всегда ассоциировался у Берта с запахом смерти.

— Берт!! Ты жив, мать твою?!

Защитник, это же голос Альфа. Альф... он погиб спустя два года, когда они боролись с демонами, которые были ветром. Ветром, превращающим людей в лёд.

Эта мысль напомнила Арманиусу, что всё это — сон. Он вздрогнул, ощутив разом и запах пепла, и потоки воды, стекающие по телу Эн...

Эн... Эн.

Сон разделился. Берт оставил своё тело встающим с земли, а сам подлетел ближе, к защитному куполу, под которым лежала грязная, покрытая серой пылью девочка.

Он никогда в жизни не узнал бы её, если бы не глаза.

— ... Как, ты говоришь, тебя зовут?

— ... Эн Рин. А вас?..

Обрывки полузабытых разговоров вспыхивали в его голове один за одним, один за одним — чтобы больше никогда не забываться.

— ... Не плачь. Ради них ты должна быть сильной.

— ... Я запомню.

— ... Расти большой и счастливой, зеленоглазка...

— ... Постараюсь...

И улыбка. Не такая радостная, как сегодня, но всё же — её.

— Берт?

Он медленно открыл слезящиеся глаза.

— Ты спишь?

Тело было словно ватным и в горле першило, как будто он на самом деле наглотался пепла.

— Нет. — Арманиус сел на диване, моргнул несколько раз — пелена перед глазами пропала — и посмотрел на Эн.

Она стояла в двух шагах от него и смущённо мяла ладонями плюшевый зелёный халат. Улыбалась застенчиво, словно была не уверена в своём праве здесь находиться, тем более в халате.

Арманиус вспомнил свой сон и на мгновение отвёл глаза. Значит, вот откуда взялось то, что он назвал «детской влюблённостью». Насколько он был прав — одному Защитнику теперь известно, но в одном Берт не сомневался — кто именно её спас, Эн, в отличие от него, помнила все эти годы.

— Садись, — сказал он и замер, когда она тихо спросила:

— Куда?

Логично — кроме дивана, на котором сидел он сам, здесь были два кресла. Да и на самом диване оставалось ещё много места.

Соблазн сказать «сюда» и похлопать ладонью рядом с собой был велик, но Берт сдержался. Неважно, вспомнит Эн когда-нибудь об этом или нет — не стоило использовать её положение для удовлетворения собственных желаний, пусть даже и невинных.

— Куда хочешь. Где тебе больше нравится, туда и садись.

Несколько мгновений она мялась, а потом, к его искреннему удивлению, опустилась на диван рядом с ним.

Но сказать что-то по этому поводу Берт не успел — в углу библиотеки вспыхнул малый пространственный лифт.

— Ой! — Эн подпрыгнула. — Что это?

Выгружая ужин, Арманиус рассказывал о пространственных лифтах всё, что знал. Эн слушала с большим интересом, задавала вопросы, как обычно, и впитывала сказанное, словно губка. Магия сейчас интересовала её не меньше, чем раньше.

А когда ректор поставил перед Эн тарелку с салатом, спросила:

— Расскажешь... про меня?

Несмотря на то, что Берт ждал этого вопроса, он всё равно оказался неожиданным.

— Что именно тебе рассказать, Энни?

— Кто я? — выпалила она, но тут же исправилась: — Кем были мои родители?

— Ты родилась на севере Альганны, рядом с Геенной, в крестьянской семье. Когда была маленькой, осталась сиротой — Геенна пробудилась и все твои родственники погибли. Ты жила в приюте, а в шестнадцать лет поступила в Высший магический университет Грааги. Семь лет училась там, выбрала своей специализацией магическую медицину и сейчас стажировешься в Императорском госпитале.

Эн смотрела на Берта, открыв рот и забыв про салат.

— Ешь, Энни.

Она ткнула вилкой в тарелку, но мысли явно витали в другом месте.

— Я... хорошо училась?

Арманиус улыбнулся, принимаясь за свой салат. Невзирая на лёгкую тошноту от ситуации, не есть он не мог.

— Очень. Ты была лучшей на курсе.

— А... стажировюсь я... что я делаю? В чём состоит моя работа?

— Ты изучаешь возможность восстановления сломанных энергетических контуров.

Она нахмурилась.

— Контуров?..

И Берт принялся долго и обстоятельно рассказывать Эн про её стажировку, поминутно напоминая про ужин — она была так увлечена обсуждаемыми вопросами, что еда её почти не интересовала.

— Значит... я тебя лечила?

— Да.

— Вылечила? — спросила Эн с беспокойством, и Арманиус засмеялся. А потом протянул руку с зажатым кулаком, разжал его — и распустил на ладони маленький огненный цветок.

— О-о-ох! — выдохнула Эн восхищённо и радостно улыбнулась. — Здорово! А ещё можешь?

— Пока нет. Но совсем скоро смогу.

— А... — она запнулась. — А я? Смогу так?

Отвечать было больно.

— Нет, Энни.

Она вздохнула.

— Понятно...

— Не думай об этом пока. У нас впереди еще горячее и пирожные. Шоколадные. Как думаешь, ты любишь шоколадные пирожные?

Эн задумалась на секунду, а потом вновь расплылась в широкой улыбке.

— Мне кажется — очень!

— Вот я тоже так решил.

— А на праздник перемены года полагается ставить ёлку, — сказала Эн, когда всё, даже пирожные, было съедено подчистую. — Почему у тебя её нет?

Как объяснить, когда он и сам толком не понимает, почему?

— Я думал, что буду встречать новый год в одиночестве.

— Тем более надо было поставить! — возмутилась Эн. — А... почему в одиночестве?

— У меня нет родственников, как и у тебя.

— Но... у тебя же есть я, — протянула она растерянно. — Как же... Ты собирался встречать новый год без меня?!

Кажется, про подобные ситуации Валлиус говорит: «Было бы смешно, если бы не было так х... хрустно».

Вот и Берту стало хрустно. Что тут ответишь?

— Я не собирался, Энни. — И, чтобы отвлечь её, сказал, поднимаясь с дивана и подавая девушке руку: — Пойдём, покажу тебе кое-что.

— Что? — спросила Эн с любопытством, сжав его ладонь, и тоже встала.

— Сейчас увидишь.

До полуночи — времени наступления нового года — было еще достаточно времени, но Берт не хотел больше ждать. Во-первых, он давно заметил, что Эн, несмотря на всё любопытство и оживление, клюёт носом и периодически зевает. Во-вторых, он и сам уже хотел спать. Ну и в-третьих — просто было интересно посмотреть на её реакцию.

Берт подвёл Эн к своей спальне, открыл дверь и впустил девушку внутрь, зажигая свет родовой магией. Жаль, нельзя спросить, стоит ли ей пользоваться... но Арманиус решил рискнуть. Тем более что она сама рвалась изнутри, как и раньше, не вызывая ни малейшего напряжения.

— Ой!..

Берт улыбнулся, глядя не на кровать, по которой сейчас прыгал маленький плюшевый зверь, а на Эн.

На её лице одна за другой мелькали эмоции. Удивление, недоумение, восхищение, умиление, радость — полный спектр. Ни один художник в мире не смог бы нарисовать их все в одной картине.

— Что это?..

— Не что, а кто. Это тигрилла — «вечный котёнок». Подойди поближе, он не кусается.

Эн сделала нерешительный шаг вперёд и охнула, когда тигрилла поменял цвет шерсти, из полосатого став рыжим.

— О-о-о!

— Иди, иди. Познакомься.

Спасибо Валлиусу — сам Берт никогда в жизни не догадался бы, что его практичной зеленоглазке могут нравиться совершенно бесполезные тигриллы. Единственное, что умели эти маленькие магические зверьки — менять цвет шёрстки в соответствии со своим настроением или впечатлениями. От них не было никакого толку, кроме декоративного, но стоили тигриллы очень дорого — в природе они водились на очень небольшой территории на юге Альганны, а в лабораториях их выращивать не получалось — такие тигриллы совершенно не желали менять цвет шерсти и всю жизнь проводили в образе полосатого котёнка.

Эн, почти не дыша, подошла к постели Берта, на которой замер, помахивая длинным хвостом, тигрилла, и протянула руку. Котёнок замурчал, резко поменял цвет шерсти с рыжего на белый, и ткнулся в её ладонь пушистым лбом.

— Ка-а-акой! Ка-а-ако-о-ой! — восхищённо почти пищала Эн под мурчание тигриллы. — Это... твой, Берт?

— Нет, это твой, Энни.

Она на самом деле запищала и взяла котёнка на руки. Кажется, ему Эн тоже нравилась — мурчал он уже оглушительно, да ещё и забрался к ней на плечи и стал ходить по ним, почти как до этого по кровати Берта.

Тигриллу доставили утром, во время «допроса» Дайда, и дознаватель посмотрел на клетку с котёнком долгим внимательным взглядом. Потом — не менее долгим и внимательным — на Берта.

В итоге спросил: «Любите тигрилл?»

«Обожаю», — ответил Арманиус серьёзно и почти правдиво. Этих котят он считал очень милыми. Бесполезными, конечно... Но не только же одно полезное имеет право существовать на свете?

— А как его зовут? — спросила Эн почти шёпотом, глядя шёрстку, вновь ставшую рыжей.

— Не знаю. Ты же хозяйка, придумай ему имя.

Она опустила глаза.

— Как же я придумаю, я ведь ничего не помню, Берт...

Да, об этом он не подумал.

— Ну... что-то ведь ты уже помнишь. Подумай, не обязательно прямо сейчас...

Эн вдруг оживилась.

— Точно, помню! Эклер! Хорошее имя, правда?

Котёнок замер, а потом стал нежно-розового оттенка — будто бы покраснел от смущения.

— Ого. Кажется, ему нравится, Энни.

Она просияла.

— Эклер! — Погладила тигриллу по спинке и под громкое мурчание повторила: — Лер! Лер, Лер, Лер!

— Отлично, — одобрил Берт. — Мне тоже нравится. А теперь давайте я провожу вас с Лером к тебе в комнату. Думаю, что нам всем пора ложиться спать.

— А... — Эн закусила губу и нахмурилась. — У меня нет для тебя подарка... И я не уверена, что смогу...

— Ты сделаешь мне отличный подарок, если завтра сможешь нарядить ёлку.

Она вновь просияла.

— Да! Конечно, помогу!

Защитник, когда же он в последний раз ставил ёлки?..

Кажется, четыре года назад. Мама тогда была уже тяжело больна, но очень просила не отменять праздник. Они встретили новый год вдвоём, но через три дня Берт остался один.

С тех пор он не слишком любил праздник перемены года с его украшенными ёлками, тёплыми медовыми пряниками и мигающими огоньками в окнах домов. Во всём этом он ощущал привкус пепла.

Даже теперь Берт его чувствовал. Ведь если бы Эн не потеряла память, он по-прежнему был бы в одиночестве. И на самом деле всё происходящее — иллюзия.

Красивая... но иллюзия.

Перед сном Арманиус зачем-то решил заглянуть в тетрадь с планом лечения, которую он теперь всё время таскал с собой, и в самом конце неожиданно обнаружил запись под заголовком «Стимуляция процесса восстановления».

В оглавлении её вроде не было...

«Всегда есть возможность достигнуть цели быстрее, чем обычным путём. Брайон говорит, что быстро не всегда хорошо, и это правда.»

В том случае, если вы, архимагистр, уже зажгли свою первую искру и стали ощущать родовую магию, у вас есть возможность форсировать выздоровление. Нужно ли это вам — думайте сами. Пройдя эту процедуру, вы восстановитесь за трое суток, но не обойдётся без побочных эффектов. В результате я уверена. Максимум, что может случиться — это ничего, то есть, вы останетесь на прежнем уровне и переживёте пару суток тошноты.

Я уже давно открыла этот способ стимуляции, но использовала его всего пару раз. На мой взгляд, это слишком жестокий метод для того, чтобы сократить сроки лечения на две-три недели. Но вдруг вам это нужно?

Вот что необходимо сделать...»

Берт читал описание процедуры, чувствуя сильное смятение. Неприятно... но, пожалуй, необходимо, если он хочет помочь Эн вернуть память. Пока он остаётся не-магом, сделать это проблематично.

Вот только не стоит делать ничего подобного, не посоветовавшись с Дайдом. Иначе получится то, о чём говорил дознаватель не далее как сегодня утром.

Его труп.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Утром демонски не хотелось уезжать из дома — настолько хорошо оказалось завтракать вместе с Эн, любясь, как Эклер гуляет по её плечам, периодически меняя цвет. Его фаворитами явно были рыжий и розовый — два цвета радости, как понял Берт.

Но необходимо было ехать на процедуры, и поначалу Арманиус собирался брать Эн с собой — ей было бы полезно побольше находиться рядом с людьми, да и госпиталь всё же был главным местом в её жизни, — но она решительно воспротивилась.

— Мне неловко, — пояснила Эн и чуть покраснела, — я поняла, что почти все сотрудники госпиталя знали меня. И... я вижу по их лицам... Им странно и, кажется, страшно. Поэтому я пока не хочу туда идти. Я лучше читать поучусь.

— Что? — Берт удивился, и Эн расплылась в улыбке.

— Читать. Мне одна из медсестёр вчера подарила магическую азбуку, по которой она учила читать свою племянницу. Сказала, что мы дружили... Её зовут Ло Нор. Ты не знаком с ней, Берт?

Арманиус покачал головой.

— Она хорошая, мне понравилась. Знаешь... — Эн закусила губу. — Так странно. Некоторых людей вижу — и они мне просто нравятся, вот прямо сразу, как ты. Другие безразличны. Третьи не нравятся, но таких мало. Как будто я не совсем всё забыла, а что-то помню про всех.

— Ты помнишь свои чувства. Они не стёрты, в отличие от воспоминаний.

— Ага... — Она на секунду задумалась, а затем протянула: — Одно только чувство я не очень понимаю. Приходил ко мне в палату парень... хирург... Байрон зовут. И он мне то ли нравится, то ли нет...

Берт поднял брови.

— Это как?

— Не знаю. С одной стороны, я не чувствую к нему неприязни, но и симпатии — тоже. Я ему не доверяю. Как будто он в любой момент может сделать гадость. Я рассказала об этом Дайду, он спрашивал, что и к кому я ощущаю... Он так обрадовался! Интересно, почему?

Арманиус нахмурился.

Почему Гектор Дайд мог обрадоваться? Счёл это какой-то зацепкой, наверное. Но какой?

— Понятия не имею, главный дознаватель человек загадочный. Значит, ты всё-таки хочешь остаться... — Берт запнулся. — ... Дома?

— Да, — Эн кивнула. — А потом, когда ты вернёшься, нарядим ёлку.

Несмотря на потерю памяти, в Эн осталось очень много от прежней себя, и чем больше проходило времени, тем сильнее это чувствовалось. Характер её не был уничтожен, но Берт не знал, хорошо это или плохо. Пока она не осознавала, что именно потеряла вместе с памятью, но как только поймёт...

И вернуть это — по крайней мере в том же объёме, что и раньше, — никак нельзя. Он не сомневался, что Эн сможет смириться и жить дальше, но...

Жить дальше и жить счастливо — всё-таки очень разные вещи.

Зайдя в госпиталь, Берт сразу понял — что-то случилось. В больничных коридорах стоял переполох, все носились туда-сюда, обсуждали какую-то новость, размахивая руками и тараща глаза. Но Арманиусу было некогда прислушиваться — он спешил в терапевтическое отделение, на процедуры.

Сегодня их проводила другая врач — видимо, у предыдущей был выходной, — и она же сказала:

— Слышали новость? Одного из наших хирургов арестовали за покушение на Эн.

Сразу стало понятно, почему весь госпиталь так оживлён.

— Кого?

— Да Байрона Асириуса, — охотно пояснила врач. — Сегодня прям с утра, как он на работу пришёл, так его и сцапали дознаватели эти. Заведующий хирургией аж ядом плевался — Байрон-то дежурный сегодня был, пришлось другого врача срочно из дома в праздники вытаскивать и операции заново распределять.

— И как вы считаете, он виноват?

— Ну, — женщина неуверенно почесала подбородок, — в принципе, все знают, что Байрон Эн не любил. Но открыто они не враждовали, более того — даже вместе над чем-то работали. Не думаю, что он стал бы этим заниматься. Но раз арестовали — значит, есть на него что-то.

Да, всё верно — Дайд не стал бы просто так тащить невинного человека в тюрьму.

Хотя...

Не слишком ли быстро вынесен вердикт? Слово показательное представление, отвлекающий манёвр.

Интересно в таком случае, от кого — или чего — должен отвлекать арест Байрона?

Пару минут отдохнув от последствий процедур, Берт поспешил в кабинет к Валлиусу. Он не сомневался, что главный врач уже на месте, невзирая на первый рабочий день нового года, который у него наверняка считался нерабочим.

И точно. Байрон, нахохлившийся, как сердитая сова, сидел за столом, а перед ним на стуле зелёной и совершенно прямой палкой высился Дайд.

— А, это ты, Берт, — пробурчал Валлиус и до нервного треска сжал пальцами карандаш, который держал в руке. — Очень вовремя, Гектор как раз собирался тебя звать.

— Я тоже арестован? — усмехнулся Арманиус, опускаясь на свободный стул.

Дайд дёрнул узкой губой, и выглядело это так, будто змея собирается высунуть раздвоенный язык.

— Нет, архимагистр. Вы вне подозрений, я же говорил. Именно поэтому я и хотел послать за вами.

— А я вот под подозрением, — съязвил Валлиус, поправляя очки. — Представляешь? Я вступил в сговор с Байроном и захотел присвоить себе разработки Эн!

Берт непроизвольно рассмеялся. Нет, не из-за нелепости версии — просто он никогда в жизни не видел Йона настолько оскорблённым в его лучших чувствах.

— Это просто невероятно! — продолжал бушевать главврач. — Я десять лет носился с девочкой, как кошка с котёнком, занимался с ней, тащил её, и только она начала расцветать — я решил её прихлопнуть! Да в жизни я не слышал подобной бредятины!

— О, — Дайд расплылся в улыбке, от которой Берту стало не по себе, — не поверите, какую бредятину приходится выслушивать мне по роду службы. Эта история не лишена смысла.

Валлиус возмущённо надулся, а дознаватель, не обращая внимания, продолжал говорить:

— Всё предельно просто. Вы, как и Асириус, аристократ, и не хотите, чтобы в конечном счёте разработка безродной простушки Эн Рин досталась этой самой простушке. Я сам

из простых, знаю, о чём говорю, и подобному объяснению поверят как минимум семьдесят процентов окружающих. А то и больше. Не поверят только ваши знакомые, Байрон. Вон архимагистр не поверит точно. Да, архимагистр?

— Естественно.

— Спасибо, — то ли поблагодарил, то ли съязвил главврач. Цветом лица он уже напоминал то ли помидор, то ли свёклу.

— Идём дальше. Чтобы Эн пришла в определённое место в парке общежития, Байроном было совершено на неё небольшое ментальное воздействие. Им — или вами, неважно, — в её сумку подкинут ключ от первой операционной, активатор ловушки. Асириусом же на месте преступления установлены артефакты. Несколько свидетелей из числа студентов подтвердили, что накануне вечером видели Байрона в парке. И вот, в назначенный час...

— Да хватит уже! — почти заорал Валлиус. — Что ты хочешь этим сказать, Гектор? Мне пора паковать вещи?

Дайд улыбнулся.

— Нет. Я хочу сказать этим, что если бы преступление было спланировано именно так, с вашим участием, в него поверил бы даже я. А сейчас... все улики отчаянно указывают на Байрона. Ключ от первой операционной, который он вроде как потерял довольно давно, но почему-то забыл доложить об этом факте заведующему, ментальное воздействие, которое было оказано на Эн...

— А оно было оказано? — с интересом спросил Берт.

— Предположительно. Но узнать это точно невозможно. Следы бы остались, но снос памяти, извините за каламбур, съёл и всякие следы возможного воздействия. Я делаю такой вывод, потому что девушка пошла в ту часть парка с утра пораньше, хотя должна была идти к вам, архимагистр. Что она там забыла? Это похоже на воздействие. Но, увы, этот факт недоказуем. А вот то, что Асириус не доложил про ключ — факт любопытный.

— Он мог и доложить, — проворчал Валлиус. — Макс Мортимер, заведующий хирургией — человек, заинтересованный исключительно собственно в хирургии. Ему ключи и прочие бытовые предметы — до глубокой лампочки, засунутой в...

— Я понял это, — Дайд криво усмехнулся. — Через пару минут допроса он сказал, что должен идти, потому что у него там перитонит. А когда я показал ключ, пожал плечами и заявил, что их давно пора ликвидировать. А заодно к демонам уволить всех госпитальных техников, из-за которых врачи, которым и так есть чем заняться, вынуждены таскать с собой связки с ключами.

— Узнаю Макса, — кивнул Валлиус, чуть развеселившись. — Но он прав. У нас постоянно клинит магические замки, поэтому на всякий случай мы используем и обычные ключи. Мортимера это бесит. И я не исключаю, что Байрон действительно ему доложил о потерянном ключе, просто Макс забыл заказать копию.

— Даже если так. Факт в том, что ключ оказался в сумке Эн Рин, — продолжал Дайд. — И факт в том, что она пошла не по той дороге, по которой надо было идти. А еще факт в том, что они над чем-то вместе работали.

— Они только начали, — возразил Йон. — И убивать Эн Байрону не было никаких причин. Это...

— Это слишком просто, — заключил Дайд. — Но именно в такой версии пытаются убедить следствие. И если бы вы руководили Байроном, я бы поверил. Но парень отрицает ваше участие.

— Удивительно, — съязвил Валлиус. — Не иначе, выгораживает по причине глубокого уважения.

— Возможно, — кивнул Гектор на полном серьёзе, заставив главврача закатить глаза. — Но всё-таки я придерживаюсь другой версии. Кто-то решил задурить нам голову, но...

что-то пошло не так. И сейчас я пытаюсь понять... — Дайд запнулся и замолчал, и Берт, сгорая от любопытства, решил ему подсказать:

— Пытаетесь понять, кому это могло понадобиться?

— Нет. Кому это нужно, мы поймём сами, как только узнаем, что именно им было нужно. Убить Эн? Лишить её памяти?

— Это практически одно и то же... — пробормотал Берт и очень удивился, когда Дайд с истинно змеиной ласковостью почти прошипел:

— Не-ет, арх-химагистр. Между тем и другим сущ-ществует огромная разница. Огромная. Практич-чески бесконечная...

Больше всего Эн понравилось сидеть на подоконнике в библиотеке. Подоконник был большой, широкий и тёплый — внизу проходила батарея, нагревая поверхность, а вот от окна, наоборот, чуть веяло холодом, охлаждая кожу.

На улице шёл снег, и какое-то время Эн сидела не шевелясь, глядя на пушистые снежинки. Лер устроился возле её ног — сначала играл с помпонами на тапочках, а после уснул. Во время сна он, к удивлению Эн, стал почти прозрачным, и на фоне подоконника виднелись только контуры котёнка с пимпочкой розового носа по центру.

Азбука лежала на коленях, но открывать её пока не хотелось.

Эн вспоминала. То, что могла вспомнить, конечно. Периодически, когда она думала о том, что в голове почти ничего не осталось, её захлёстывало паникой и страхом. Особенно если рядом находились незнакомые люди, или знакомые смотрели на неё с сожалением и жалостью. Это было больно и неприятно.

Опловот уверенности оказалось мало.

Брайон Валлиус, к которому Эн ощущала сильную благодарность и за которого хотелось спрятаться, как за стенку. Словно он защищал её в прошлой жизни. Словно был тем, на кого она могла опереться.

Анализируя собственные ощущения, Эн понимала: Валлиус — единственный, к кому она не испытывает никаких противоречивых чувств. Она однозначно уважает и даже боготворит его.

Со всеми остальными было иначе.

Рон Янг. Маг-артефактор с кудрявыми светлыми волосами, голубыми глазами и обаятельной улыбкой. Эн смеялась над его шутками и чувствовала к нему сильную симпатию, она ему доверяла, но при этом ей не хотелось обнять его, в отличие от Валлиуса и Берта.

Да... Берт. С ним всё было еще сложнее.

Его обнять хотелось больше, чем всех остальных, но при этом Эн стеснялась это делать. И симпатия к нему была безграничной, и доверие зашкаливало, и сочувствие — он ведь тоже, как объяснил Брайон, «выздоровливающий», — и при этом она его немного опасалась. Нет, это чувство не было похоже на недоверие к Байрону Асириусу — просто лёгкая настороженность. И откуда она взялась, Эн, конечно, не понимала.

Как не понимала она и того, почему ей иногда бывает больно смотреть на Берта. При этом и обнять хотелось, и... поцеловать. Очень много эмоций, и зачастую они были противоречивы.

Только сегодня, глядя на то, как он спускается по лестнице и, не оглядываясь, садится в магмобиль, Эн поняла, что за чувство она испытывает к Берту. Почему именно в тот момент, она не имела понятия — осознание просто родилось внутри неё, как будто первый луч света коснулся ещё тёмной после ночи земли.

Одним словом, это была любовь.

Но взаимная ли она, Эн не знала и боялась спрашивать. Да и... внутри неё вместе с пониманием силы этого чувства крепла уверенность — нет, не взаимная. И лучше забыть о ней.

— Как тут забудешь? — пробормотала Эн, сжимая ладонями азбуку. — Когда это чуть ли не единственное, что я помню.

В отличие от Берта, который вёл себя скорее как брат и друг, Арчибальд был больше похож на поклонника. Только вот восторга этот факт у Эн почему-то не вызывал, даже наоборот — она относилась ко всем проявлениям мужского интереса Арчибальда с настороженностью. Будто бы её что-то смущало. Сам же Арчибальд Эн нравился, только лучше бы он был просто другом...

— Ладно, хватит рассуждать. Пора заняться делом, — сказала она самой себе и открыла азбуку. — Где я там остановилась...

Учить буквы по магической азбуке, которая озвучивала каждую страницу, оказалось интересно и довольно быстро, словно Эн на самом деле их помнила, просто чуточку подзабыла. И через два часа она уже всю читала слоги и короткие слова, ощущая сильную эйфорию от своих успехов.

— Наверное, мне нравилось преодолевать трудности, — заключила Эн, поглаживая Эклера. Котёнок перевернулся кверху пузом и радостно засеребрился. — То есть, нравится преодолевать. Это хорошо... Трудностей теперь будет много. И вряд ли я понимаю, насколько...

Она вздохнула, но тут же улыбнулась — к крыльцу подъехал магмобиль, из которого вылез Берт. И из-под мышки у него торчала... ёлка.

Сердце радостно забилось. Как же здорово, что он вернулся!

После долгого разговора с Дайдом голова у Арманиуса распухла, словно набитая ватой. Но его идея была понятна, и Берт согласился сотрудничать. Впрочем, как и Валлиус.

— Я одного не могу понять, — пробурчал Йон, когда Гектор изложил им свои мысли. — Почему ты это всё мне рассказываешь? Вроде как я тоже под подозрением.

— Теперь уже нет, — пожал плечами дознаватель. — Если бы вы были руководителем заговора, спланировали бы всё совсем иначе, и не стали бы собственными руками уничтожать двоих талантливых учёных и врачей. Это абсурд. Хотя бы одного вы должны были оставить.

— Хотя бы одного... Да уж, было бы неплохо. Но лучше обоих.

— Конечно, всегда существует вероятность, что я ошибся, — протянул Дайд глубокомысленно, заставив главврача поморщиться, — но вряд ли. И самая главная улика, точнее, умозаключение, которое говорит в вашу пользу, Брайон...

Дознаватель таинственно замолчал. Несколько секунд Валлиус и Берт смотрели на него, а потом хором рявкнули:

— Ну?!

— Научная работа Эн Рин пока слишком хаотична, чтобы считаться действительно научной работой. Сводить это всё вместе — тот ещё, говоря вашим словечком, геморрой. Будь вы организатором, подождали бы немного, пока она всё сведёт, а потом уже убрали и пользовались её лаврами. Сейчас же вам вместо того, чтобы расслабиться, надо целую толпу терапевтов собирать, дабы продолжили разработку Эн.

— Угу, — буркнул Валлиус хмуро. — Кафедру собираюсь открывать. И руководителем буду не я, а заведующий терапией. И лавры, соответственно, почти все ему достанутся.

— Я уже в курсе, — кивнул Дайд. — Короче говоря, слишком хлопотно было убирать девочку именно сейчас. Поэтому вы теперь тоже вне подозрений.

— Я польщён.

— А теперь слушайте, что вы должны сделать...

Про ёлку Берт вспомнил, когда уже подъезжал к дому. Выбежал на секунду к праздничным палаткам, нашёл небольшую, купил и её, и целый пакет ароматных пряников, а после поспешил к Эн.

Она встретила его широкой улыбкой и вопросом:

— Как всё прошло?

— Неплохо, — кивнул Арманиус, про себя думая — это если не считать того, что он теперь будет в смертельной опасности. Хотя Дайд обещал, что всё держит под контролем, а дознаватель был персонажем, которому хотелось верить. — Сейчас найдём игрушки и будем ёлку наряжать. Думаю, в библиотеке.

— Это твоя любимая комната? — спросила Эн с интересом и погладила нежно-розового Эклера, которого держала в руках.

— Верно, — кивнул Берт и, подумав, уточнил: — Откуда ты знаешь?

Эн пожала плечами.

— Это очевидно. Столовая же есть на первом этаже, а едим мы в библиотеке.

Да, несмотря на потерю памяти, Эн по-прежнему умела делать выводы.

Арманиус не ел в столовой с тех пор, как умерла мама. Эта комната была для него полна призраков. Он прекрасно помнил, кто и на каком стуле сидел, слышал весёлый смех Агаты, строгий голос отца и громкий, бесшабашный — брата. Находясь там, он всегда ощущал привкус пепла во рту.

От Вестона — так звали его брата — и Агаты только пепел и остался...

— Берт?..

— Да, — он моргнул, приходя в себя. Хватит, бессмысленно рассуждать — никого из них не удастся вернуть. — Пряник хочешь?

— Хочу!

Из всех дней, которые помнила Эн — правда, их было совсем немного, — этот оказался самым лучшим.

Сначала они с Бертом нарядили ёлку, смеясь, что делают это наверняка последними в Альганне.

— И это моя первая ёлка! — сказала Эн весело. — Так что у нас с тобой целых два рекорда сегодня!

Потом она показывала, чему научилась по азбуке, пока его не было, и Берт решил немного продолжить обучение — стал учить её писать и радовался, словно ребёнок, когда оказалось, что она схватывает всё на лету.

Эн нравилось учиться. Пожалуй, больше всего остального. Она так увлеклась азбукой и прописями, что не сразу поняла, насколько проголодалась.

— А в школу мне можно? — спросила, с интересом наблюдая за тем, как Берт распаковывает присланный рестораном обед. — Писать-читать я и сама научусь, но мне же, наверное, нужно и начальное образование?

— Обязательно, — Берт кивнул. — Но сейчас середина учебного года, поэтому пока занимайся сама, а летом, если... если память не вернётся, запишем тебя в экстернат.

Эн закусила губу. Если память не вернётся...

— Ты веришь, что она может вернуться? Айл Пирс, невролог, который смотрел меня, сказал, что официальная медицина бессильна...

— Официальная — да. Но есть ведь и неофициальная. Брайон взял это на себя, сказал, что через пару дней найдёт нам с тобой какого-нибудь шамана.

— Шамана?

— Да, так называют этих... лекарей без дипломов. Может, если официальная медицина бессильна, удастся сдвинуть дело с мёртвой точки с их помощью. По крайней мере стоит попытаться.

— Знаешь... — Эн задумчиво почесала нос, а потом решительно вскинула голову. — Я уверена, что проживу и без своих воспоминаний. Конечно, это обидно, но всё самое важное мне и так расскажут. Выучусь, найду работу... Всё будет хорошо, Берт!

Он смотрел на неё как-то странно — то ли с гордостью, то ли с жалостью.

— Я знаю, что ты всё преодолеешь, Энни. Но это не значит, что мы не должны бороться за твою память. Пока есть надежда — будем бороться.

Голос Берта был твёрдым и решительным, и Эн подумала, что на данном этапе её память, наверное, для него значит намного больше, чем для неё.

Интересно, почему?

Арманиус весь день провёл с Эн, обучая её чему-то новому и поражаясь, насколько она талантливая ученица. Он ведь никогда не преподавал у неё и не знал, что она способна так впитывать в себя новое, так внимательно слушать, так стараться. Предполагал, конечно — иначе Эн не достигла бы таких успехов — но одно дело предполагать, а другое — видеть своими глазами.

А поздно вечером, когда они наконец встали с дивана в библиотеке после долгих занятий, она вдруг спросила:

— А я могу... тоже сделать тебе подарок на новый год?

Берт удивился — откуда может взяться подарок у человека, который весь день торчал дома?! — но кивнул. Интересно было очень.

А Эн, получив согласие, покраснела и, рвано выдохнув, сделала быстрый шаг навстречу Арманиусу и молниеносно поцеловала его в щёку.

— Вот! — пискнула она, отпрыгнув сразу на полметра в сторону, как будто он мог её покусать, и продолжила дрожащим голосом: — С новым годом!

— Ага... да, — пробормотал Берт, ощущая себя полным идиотом. Эн еще раз что-то пискнула, а потом шмыгнула за дверь и помчалась по коридору к своей спальне, топя как слон даже несмотря на мягкие тапочки.

Чуть позже, секунд через двадцать, Арманиус улыбнулся, чувствуя в груди нежность и мягкое тепло, и одновременно ненавидя себя за это ощущение.

Эн не поцеловала бы его, если бы не потеряла память.

И осознание этого убивало все тёплые чувства... на корню.

Связаться по браслету с императором — та еще задача даже при наличии номера. Вот и Берт потратил около часа на то, чтобы иметь возможность поговорить с Ареном.

— Здравствуй, — произнёс его величество, глядя на Арманиуса внимательными чёрными глазами. Когда-то давно они у него были светло-карими, но после коронации почернели. — Ты помнишь, что завтра Совет архимагистров?

Этой новостью император несколько выбил его из колеи. Честно говоря, Берт уже совершенно забыл про то, что на свете бывают какие-то Советы архимагистров.

— Теперь вспомнил, спасибо. Но я не по этому поводу. Возможно, ты слышал, что на девушку, которая меня лечила, совершено покушение?

Арен едва заметно склонил голову.

— Слышал. Арчибальд упоминал. Но что ты хочешь от меня, Берт?

Да, император всегда сразу улавливал суть вещей... даже когда не был императором.

— Посмотри её, пожалуйста. Арчибальд дал Эн кольцо с вашей магией, из-за него она потеряла память. Официальная медицина бессильна, но я подумал...

— Ты думаешь, что я смогу помочь, — Арен понимающе кивнул. — Хорошо, я посмотрю её. Сразу после совета.

— Спасибо. — Берт чувствовал себя так, будто у него гора с плеч свалилась. — Спасибо тебе!

Император усмехнулся, и глаза его повеселели.

— Видимо, я имею дело с любовным треугольником. Арчи вчера просил меня о том же самом, Берт.

Досада от этой новости перекрылась облегчением — всё-таки принц не бросил Эн, продолжал бороться. Она не заслуживала, чтобы её бросали.

— Я...

— Ну, это ваши с ним дела, — отрезал Арен, оглядываясь — видимо, к нему кто-то вошёл. — Спокойной ночи и до завтра.

Связь прервалась, и Арманиус прошептал уже в полной тишине:

— Спасибо... ваше величество.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На следующий день Эн опять осталась дома изучать буквы и читать, а Берт отправился в госпиталь.

Судя по всему, Валлиус со всей ответственностью подошёл к инструкциям Дайда и хорошенько оповестил персонал больницы об успехах в лечении Арманиуса. По крайней мере Берт, до сих пор не снявший иллюзорный амулет — этот «сюрприз» дознаватель приберегал на потом, — то и дело ловил на себе любопытные взгляды врачей и медсестёр. Они тщетно пытались разглядеть тот самый прогресс, о котором должен был болтать Йон.

Услышав накануне о том, что необходимо заняться «ловлей на живца», Валлиус поначалу решительно воспротивился.

— Да ты что, Гектор! — возмутился он, поправляя очки. — Мы его столько лечили, а теперь чего? Убьют ведь!

— Вы же сами говорили, что мой труп вам не нужен, — сказал Арманиус осторожно. Нет, он был не против поработать «живцом», но хотел понимать, чем вызвана эта резкая смена планов и не лишится ли он в итоге жизни.

— Никаких трупов и не будет, — отрезал Дайд. — Если вкратце, то мы сейчас работаем над четырьмя основными версиями. И по трём из них получается, что ваше выздоровление невыгодно. Но убирать вас явно и открыто никто не будет.

Полюбовавшись на недоуменные лица непонимающих собеседников, дознаватель пояснил:

— Иначе именно этот путь был бы выбран изначально. Путь с Эн — обходной.

— По обходному не смогли, пойдут прямым, — пробурчал Валлиус. — Кто им мешает?

— Я, — ответил Дайд честно и почти скромно. — Я не идиот. И преступник — или преступники — тоже не идиоты. Поэтому, чтобы не попасться, прямой путь надо хорошенько спланировать. За один день это не делается. А мы пока наблюдаем за этим развороченным гадюшником.

— Вы про Совет архимагистров? — поинтересовался Арманиус, вспомнив, что и сам он так называет своих коллег.

— В том числе.

В каком «том», Дайд не уточнил, а Берт не стал настаивать. В конце концов, расследование — дело Гектора, а его дело — здоровье и память Эн. О чём он и хотел спросить Брайона, но оказалось, что в госпитале тот сегодня отсутствует.

— Должен же и я когда-нибудь отдыхать, — сказал Валлиус, когда Берт связался с ним по браслету. — Думаю, за три дня без меня ничего не случится. Про нетрадиционную медицину я помню, сегодня-завтра дам тебе ответ и контакты... э-э-э... специалиста. Не особо я верю, но вдруг...

— А я вечером покажу Эн Арену. Он обещал посмотреть.

Йон посветлел лицом.

— Это отличная идея! Император, конечно, не врач, но он должен знать, что делать с собственной магией, которая так прилипла к сознанию нашей Эн.

Да, наверное, должен.

Но у Берта почему-то было плохое предчувствие.

Эклер вновь спал в её ногах, чуть посапывая, а Эн писала в прописях. Руки очевидно помнили этот процесс, и через полтора часа занятий она уже могла писать довольно бодро. И пальцы совсем не болели. Наверное, раньше она часто писала...

Эн нахмурилась, напрягаясь — очень хотелось вспомнить. Чем больше проходило времени, тем сильнее ей хотелось вспомнить, но память не поддавалась, словно запертая на ключ.

От этого иногда было обидно, словно другие люди имели право на что-то недоступное, но принадлежащее ей.

Эн вздохнула и посмотрела в окно. Настроение тут же поменялось на противоположное — там по лестнице к дому бежал Берт, и полы его зимнего чёрного пальто развевались у него за спиной. Он явно очень торопился и выглядел чем-то озабоченным, взволнованным.

— Что-то случилось? — спросила Эн с тревогой, когда Берт вошёл в библиотеку.

— Всё в порядке, — Арманиус покачал головой и ободряюще улыбнулся. — Посиди ещё немного, я пока приму душ, вымок во время процедуры. А потом продолжим обучение.

Он кинул на стол какую-то тетрадку и ушёл.

Некоторое время Эн задумчиво смотрела на оставленное. Тетрадь почему-то притягивала взгляд, и через пару минут девушка поняла, отчего.

На обложке было написано «Бертран Арманиус. План лечения». Её почерком. Он был более аккуратным, лёгким, летящим, но тем не менее — это был её почерк.

И Эн, больше не сомневаясь, вскочила с подоконника и подошла к тетрадке.

«Архимагистр!

Если вы читаете эти строки, значит, со мной что-то случилось. Не нервничайте, здесь всё подробно описано, вы сможете закончить лечение самостоятельно...»

Когда Берт вернулся в библиотеку, он обнаружил Эн сидящей на диване и читающей тетрадь с планом лечения. Девушка хмурилась и кусала губы, и его сердце тревожно забилося.

— Энни?

Она подняла голову.

— Значит, я вот этим занималась, да? — спросила задумчиво. Глаза её влажно блестели. — Интересно. Только я почти ничего не понимаю. Ты объяснял мне про энергетические контуры, и я понимаю, к чему всё это... Но что именно значит — нет.

Берт чувствовал себя так, словно его придавило могильной плитой.

— Ты поймёшь. Со временем обязательно поймёшь.

— Ты имеешь в виду — ко мне вернётся память?

— Не обязательно. Ты осталась собой, Эн. Целеустремлённой и талантливой девушкой, которая сможет добиться всего, чего захочет. Если ты захочешь понять — поймёшь.

— Я хочу. Уже хочу.

Он в этом и не сомневался.

— Хорошо. Но пока об этом рано говорить, нужно заняться основами. А после обеда я вновь отлучусь.

— Да? — Эн расстроилась. — Куда?

Берту очень хотелось закатить глаза.

— В одно место, где собирается целая куча талантливых бездельников.

Звонок в дверь раздался через час после обеда, когда они с Эн пересели за учебник по

начальной географии и она с интересом принялась изучать карту мира. И несмотря на то, что Берт прекрасно помнил, кто должен прийти, он всё равно вздрогнул от неожиданности.

Гектор Дайд, когда Арманиус спустился со второго этажа, был невозмутим и вновь напоминал стройное и несгибаемое дерево.

— Готовы? — поинтересовался, не поздоровавшись, и поправил белые перчатки.

Берт кивнул, и тут со второго этажа раздался голос Эн:

— Здравствуйте, айл Дайд!

Дознаватель кивнул и, к удивлению ректора, чуть улыбнулся, посмотрев вверх.

— Добрый день, Эн. — В его ледяном голосе Берт уловил толику симпатии. Или почудилось? — Как вы себя чувствуете?

— Неплохо, спасибо. А... — Она на секунду запнулась, но всё-таки решительно продолжила: — А мне нельзя с вами?

Арманиус усмехнулся — в этом была вся Эн. Он уже сказал ей, что нельзя. Но вдруг Дайд разрешит? Он ведь главный в этом деле.

— Нет, — ответил Гектор строго. — Не волнуйтесь, я верну вам архимагистра в целостности и сохранности.

— Я надеюсь, — вздохнула Эн, — он только начал учить меня географии. И мне не хотелось бы потерять своего учителя прежде чем я выжму из него всю информацию.

Это настолько напоминало прежнюю Эн, что Берт не выдержал и засмеялся. Дайд тоже улыбнулся, причём настолько широко и искренне, что вдруг стал похож на человека, а не на дерево или змею.

— Тогда тем более — я обязан вернуть вам вашего... учителя.

Арманиус решил сделать вид, что не заметил заминки перед словом «учителя». Если Гектору действительно удастся раскрыть это дело, он простит ему всё на свете.

Видимо, точно так же всё прощали Дайд и остальные — раз он до сих пор был жив, невзирая на свой не слишком приятный характер.

Магом главный дознаватель оказался отличным — построил пространственный лифт быстро и легко, ни разу не сбившись, и движения его были чёткими и уверенными, как и у Эн.

— Где вы учились? — спросил Берт с интересом, пока они с Дайдом шли к залу, где проходил Совет архимагистров. Здесь, среди коллег Арманиуса, одетых в чёрные плащи из драконьей кожи, Гектор особенно выделялся. Хотя где бы он ни выделялся со своим высоким ростом, худощавостью и необычной внешностью?

— Не в Грааге. В Риаме.

— Там неплохой магический университет, — кивнул Арманиус. — Хоть ректор из меня, мягко говоря, дерьмовый, оценить уровень образования я вполне способен. К нам переводились несколько студентов, у всех была отличная подготовка.

Дайд кинул на него короткий ироничный взгляд.

— Считаете себя таким ужасным ректором?

— Мне есть с чем сравнивать. Практически все обязанности, пока я пропадаю на севере вместе с охранителями, выполняет Велмар. И у него это получается гораздо лучше.

— Я говорю не о сравнении вас и кого-то ещё, архимагистр. Я говорю о фактах. За годы вашего ректорства уровень образования в Граагском университете не упал, а вырос. Блестящий преподавательский состав, талантливые студенты, а главное — ваша вотчина

одна из тех немногих, где магов не-аристократов обучают наравне с аристократами. И это практически целиком ваша заслуга.

С этим было трудно спорить, да и зачем? Берт прекрасно помнил, как несколько лет назад по Альганне прокатилась волна студенческих протестов о праве отдельного обучения, и руководство большинства университетов пошло на уступки, считая, что так будет лучше для всех. Арманиус считал иначе.

— Что вы тогда сказали в университетском совете, накладывая вето на предложение коллег о раздельном обучении?

— «Только через мой труп», — процитировал Берт и поморщился, понимая, куда клонит Дайд.

— Вы, архимагистр, отнюдь не дерьмовый ректор, — произнёс дознаватель тихо и вкрадчиво, садясь в кресло, — вы — ректор неудобный. — И добавил, понизив голос до такой степени, что даже Арманиус с трудом расслышал: — Так же, как Арен — неудобный император. Слишком непослушный, чересчур амбициозный и молодой.

Берт с трудом удержался от желания продолжить разговор — всё-таки место было не совсем подходящее для подобных диалогов. Тем более, что рядом с ним уже усаживался Абрахам Адэриус — глава Совета.

— Добрый день, Бертран... — Он запнулся, наткнувшись взглядом на Гектора. Видеть дознавателя Адэриус явно не был рад. — Здравствуй, айл Дайд. Какими судьбами?

— Работа, — пожал плечами спутник Арманиуса. — Ничего интересного.

Судя по выражению глаз Абрахама, ему было очень интересно.

— Ловите здесь какого-нибудь... заговорщика?

Гектор усмехнулся уголками губ.

— Как вы проникательны, архимагистр.

Укус змеи достиг цели — Адэриус слегка нахмурился, но ответить ничего не успел — ведущий совета попросил тишины, а следом пригласил для выступления принца Арчибальда.

Минут через сорок Берт вынужден был признать, что его высочество очень хорошо подготовился к обсуждению закона о порядке наследования титулов. Непонятно было только, когда он это смог сделать. Хотя, судя по внешнему виду Арчибальда, он давно забыл о том, что такое сон.

Закон предлагалось принять в несколько этапов, и начать с разрешения заключать браки. Ещё через два года — ввести систему награждений за заслуги перед империей, и еще через пять лет — принять главную часть закона, по которой награжденный титул тоже будет передаваться по наследству.

— Эдак через пару десятков лет аристократии как класса не останется вообще, — шепнул кто-то из архимагистров, сидящих позади Арманиуса, и по ряду прошёл недовольный шепоток. Да, господа маги были не в восторге от изменений. Мягко говоря.

— Спасибо, Арчибальд, — раздался из верхней ложи голос императора, как только принц закончил и сделал глоток воды из поданного стакана. — Благодарю тебя за хорошую работу. Кто-нибудь из архимагистров желает высказаться?

— Я желаю, ваше величество. — Абрахам Адэриус встал с кресла и, повернувшись к Арену лицом, склонил голову. — Если позволите.

— Разумеется. Я вас слушаю.

Глава Совета шагнул на сцену для выступлений и встал рядом с Арчибальдом. Его высочество чуть скосил глаза — в отдалении, возле стены, стоял стул, но просить его он не стал. Вместо этого только сильнее выпрямил спину.

— В целом я понимаю необходимость принятия подобного закона. Но есть несколько вопросов. Мы знаем, что среди не-аристократов нет родовых магов. Таким образом, разрешая заключать браки между аристократией и простыми людьми, мы рискуем остаться без родовой магии. Не исчезнет ли она, ваше величество? Ведь это достоверно неизвестно.

— Справедливо, — спокойно сказал император. — Что-то ещё, Абрахам? Говорите сразу. После мы обсудим каждый пункт.

— Это в целом главная претензия, — пробормотал Адэриус, нахмурившись. — Я считаю, не стоит принимать закон даже на начальном этапе, пока мы не выясним ситуацию с родовой магией. Останется ли она или исчезнет? Это важно в том числе и для вас, ваше величество, ведь ваша власть тоже держится на родовой магии.

Берт поморщился — грубоватый наезд. Впрочем, Абрахам, как все охранители, не страдал деликатностью.

— В остальном — мелочи, — Адэриус достал из нагрудного кармана какой-то листок и начал зачитывать. — Прощения по титулам будут удовлетворяться лично вами, ваше величество? На первоначальном этапе это оправдано, но в дальнейшем вы... замучаетесь. На мой взгляд, эти функции лучше передать кому-то из первых наследников.

Сидящий рядом с Бертом Дайд напрягся.

— ... Например, принцу Аарону или принцессе Анне. Дальше... почему между принятием второй и третьей части закона — срок в пять лет? Думаю, что это слишком мало для общества. Как будет решаться вопрос с фамилиями? Не услышал предложения в законе его высочества. Будут ли простые фамилии меняться, надо ли добавлять к ним «ус»?

— Не слишком хочу быть Дайдусом или Дайдиусом, — прошептал Гектор, и Берт с трудом удержался от смешка.

— ... И если не надо добавлять — то как мы будем отличать новую аристократию от аристократии старой? Будут ли старой аристократии какие-то привилегии по сравнению с новой? Ведь это же всё равно не одно и то же — унаследованный титул или титул приобретённый...

Судя по заходившим по лицу Арчибальда желвакам, он подумал о том же самом, о чём и Берт.

Смысл принимать закон, а потом давать привилегии «старой аристократии»? Ведь вся его суть в том, чтобы эта разница постепенно перестала существовать!

И ведь Адэриус всё прекрасно понимал, но ему, как и остальным архимагистрам-аристократам, очень хотелось повставлять палки в колёса этой телеге.

— Я услышал вас, Абрахам. Кто-то ещё желает высказаться?

В зале по-прежнему шептались, но никто не изъявлял желание выступить, в том числе и Берт. Он предполагал, что Арчибальд с Ареном справятся сами.

— Прекрасно. Тогда теперь выскажусь я.

В голосе его величества появилась сталь, и Арманиус невольно обернулся — как и все остальные архимагистры. Остальные еще и сразу замолчали — поняли, что не стоит шуметь, когда император разговаривает в подобном тоне.

— Я понимаю ваше неприятие этого закона. Но недовольство в обществе достигло катастрофических масштабов. Страдают все сферы, усиливается конфронтация, ещё немного — и мы получим гражданскую войну. Поэтому сейчас важно сделать хотя бы один шаг навстречу этим изменениям, чтобы они сработали как ушат холодной воды в разгар драки. Ваше беспокойство по поводу родовой магии мне тоже понятно, я его разделяю, и всем вам прекрасно известно, что при дворце существует комиссия по вопросам родовой магии, которая в том числе изучает её природу. Я не в силах форсировать магические открытия, да и не факт, что результат работы комиссии нам

понравится. Вот что я могу сказать... Это тот случай, когда из двух зол выбирают меньшее. И если нужно пожертвовать родовой магией, но избежать гражданской войны — я ей пожертвую. И вы тоже.

Берт почувствовал, что от удивления у него онемели мышцы лица.

Нет, он знал, что Арен за закон, он говорил о необходимости его принятия ещё во времена учёбы в университете... Но такой категоричности Арманиус не ожидал.

В зале протестующе зашумели, и император повысил голос, заставив всех моментально замолчать:

— Тишина! Арчибальд, внесёшь поправку в свой проект по моей просьбе. Первый этап — разрешение на заключение браков — будет длиться пять лет. Далее всё как ты предлагаешь. Во время первого этапа мы посмотрим, как поведёт себя родовая магия у рождённых детей, и примем решение о дальнейших действиях. За пять лет катастрофы не случится точно, но мы сделаем большой шаг навстречу миру и взаимопониманию. Я всё сказал.

Арен замолчал, и несколько секунд после этого архимагистры тоже молчали. И не только молчали — они замерли, как кролики перед удавом. Очнулись только когда Арчибальд, кашлянув, поинтересовался:

— Так я дорабатываю закон для третьего чтения? И когда оно состоится?..

— Через две недели, — ответил император, и в зале снова заговорили, зашептались.

А Дайд, ехидно искривив губы, наклонился к уху Арманиуса и прошептал:

— Я же говорил. Арен — очень неудобный император.

Эн изучала учебник по истории для младшей школы, когда снизу послышался какой-то шум и мужские голоса. Она отложила книгу и, схватив в охапку спящего Эклера — наверное, от растерянности и беспокойства за Берта, — поспешила навстречу прибывшим, но застыла, как только выбежала из библиотеки и достигла лестницы, ведущей на второй этаж.

Дайд, Берт, Арчибальд... а это кто?..

Незнакомый мужчина, одетый в белый мундир с золотыми пуговицами и золотыми же узорами на манжетах, словно почувствовав её взгляд, поднял голову и улыбнулся, встретившись с Эн взглядом. Он был очень статный, высокий и черноволосый, с чуть смуглой кожей и глазами настолько чёрными, что это казалось неестественным. И секундой спустя Эн поняла, почему — радужка его глаз была шире, чем обычно бывает у людей. И это немного пугало.

Но еще больше пугали не глаза, а тот факт, что Эн десять минут назад видела его портрет в учебнике по истории.

— Здравствуйтесь, ваше величество, — произнесла она негромко, и остальные прибывшие тоже подняли головы. Дайд смотрел невозмутимо, а Берт и Арчибальд — тревожно.

— Добрый вечер, — сказал император и начал подниматься по лестнице навстречу Эн. — Ты уже изучаешь учебники?

Девушка кивнула.

— Это похвально. Ты правильно делаешь, что не ждёшь милости от судьбы и учишься всему заново. Но я всё-таки хочу посмотреть, что с твоей памятью. Возможно, я смогу тебе помочь. Пойдём в библиотеку, там нам будет удобнее. Ты же не против, Берт?

— Нет, — послышалось снизу слегка неуверенное. — А...

— Вы оставайтесь здесь или за дверью. Это нужно делать наедине. Идём, Эн. — И император быстрым, уверенным шагом направился к библиотеке — так, словно прекрасно знал, где она находится. Неужели бывал раньше в гостях у Берта?

Негромкий скрип петель — и закатное солнце ударило в глаза и осветило бардак, оставленный Эн на журнальном столе — книги, бумаги, прописи, большая чашка с давно допитым чаем и вазочка, полная вкусных шоколадных конфет.

— Процесс обучения идёт полным ходом, как я посмотрю, — губы его величества тронула слабая улыбка. — Садись на диван. И отпусти своего тигриллу. Так будет лучше.

Эклер уже давно рвался из рук, и как только Эн опустилась на сиденье и выпустила котёнка, резво побежал к подоконнику. Вспрыгнул туда и начал вылизываться, почему-то почернев.

«Император ему не понравился. Интересно, почему?» — удивилась Эн. Её саму Арен настораживал, но не более. А ещё... его отчего-то было жаль.

Он несколько раз обошёл вокруг дивана, глядя на Эн, и она ощущала его взгляд, словно ладонь на затылке. Потом остановился, протянул руку и, дотронувшись до подбородка девушки, заставил её поднять голову.

Глаза Арена словно сверлили Эн.

— Не дёргайся. — Он сжал ладонями её виски и стал наклоняться ниже. — И не бойся.

— Я не боюсь, — прошептала она, неожиданно замечая, что на лбу императора выступила испарина, а зубы он сжал так, что скулы побелели. — Вы... с вами всё в порядке?

Он чуть улыбнулся и, вздохнув, отпустил Эн, сразу делая шаг назад.

— Да, со мной всё в порядке. Но помочь тебе я не смог.

— Ничего страшного, я...

— Послушай меня, девочка, — перебил её император резким, будто бы стальным голосом. Вздохнул и продолжил: — Я не смог тебе помочь. И скорее всего, никто не сможет вернуть тебе память. Не думай о том, что было. Живи настоящим. И борись.

— Я постараюсь, ваше величество.

Император кивнул и, развернувшись, быстро вышел из библиотеки. Эн расслышала только, как он негромко сказал «Мне жаль», а потом всё стихло.

Тогда она почувствовала дикое, разрывающее изнутри отчаяние — и, уронив голову на руки, беззвучно заплакала.

По лицу Арена Берг сразу понял, что ничего не получилось, и сердце неприятно сжалось.

Несмотря на плохое предчувствие, он действительно сильно надеялся на помощь императора, и ничего не мог с этим поделать. Теперь разочарование было слишком горьким.

— Я провожу вас, ваше величество, — Дайд пошёл вниз, в прихожую, следом за Ареном, а Арчибальд уже открывал дверь и заглядывал в библиотеку. Берг услышал его тихий вздох, обернулся, сделал шаг вперёд — и заметил плачущую Эн.

Мгновение он колебался, не стоит ли, как Арчибальд, зайти в библиотеку и попытаться утешить девушку, но в итоге отступил. Раз уж принц опередил Берга, пусть пользуется преимуществом. В конце концов, он ведь хотел видеть Эн, поэтому и напросился в сопровождающие к Арену. А тут не только увидеть можно, а еще и заработать себе парочку призовых очков за утешение.

Берг улыбнулся и покачал головой. Ревность, демонова ревность...

Он прикрыл дверь и медленно спустился вниз, чувствуя себя оглушённым и стараясь не думать о том, что сейчас происходит наверху. Лучше вспоминать, какими вытянутыми стали лица архимагистров — особенно Абрахама! — когда Гектор снял с Арманиуса иллюзорный амулет и все увидели прогресс в лечении.

— Тебе всё равно нужно будет пройти повторное испытание на звание архимагистра, — пробурчал Адэриус, хмуря брови. — Как только контур восстановится.

— Не возражаю. Но не вижу смысла в лишении меня звания на данный момент. Если не пройду испытание — лишите. А сейчас я предлагаю не пороть горячку.

Абрахам хотел возразить, да и в зале ощущалось недовольство — но, как ни странно, окончательную точку в вопросе поставил Арчибальд, заявивший:

— Я первый подниму вас на смех и поставлю вопрос о вашей компетенции, Абрахам, если вы сейчас лишите Арманиуса звания, а в дальнейшем он его подтвердит.

Побледневшее, а затем покрасневшее лицо Адэриуса доставило Берту истинное удовольствие.

— Хорошо, — рявкнул глава Совета, но тут же исправился: — Согласен, что не стоит пороть горячку. Решим после восстановления контура и испытаний. Все солидарны?

Архимагистры кисло покивали, и на этом совет закончился. Арчибальд тут же попросился в сопровождающие к Арену, и Арманиус понял, что принц заступился за него не просто так. Сразу стало легче.

Всё-таки мир не перевернулся. По крайней мере по отношению к его высочеству.

Теперь это самое высочество сидело наверху вместе с Эн, и Берту было не по себе. Ем-то куда деваться? Глупый вопрос — дом достаточно большой и поужинать можно где угодно. Вот хоть в столовой.

Арманиус поморщился — в столовую не хотелось совершенно, — и тут посреди прихожей вновь засветилась клетка пространственного лифта, из которого минутой спустя шагнул Дайд.

— Вы забыли что-нибудь? — поинтересовался Берт, глядя на длинную деревянную коробку, которую Гектор держал в руке.

— Скажите, архимагистр, — дознаватель усмехнулся, и его единственный настоящий глаз задорно блеснул, — вы курите?

— Э-э-э...

— Коллега ездил в отпуск на юг, привёз мне великолепные местные сигары. Будете? После Совета архимагистров — самое оно, чтобы расслабиться.

Арманиус мотнул головой, сам не зная толком, что хочет ответить, и в итоге протянул:

— Не знал, что вы курите, айл Дайд.

— Я вам больше скажу. Я еще и пью.

Да... это уж совсем удивительно.

Было неловко, когда, подняв голову, Эн обнаружила возле себя Арчибальда. Право слово, лучше бы пришёл Берт... Но она уже поняла, что Арманиус — друг, а вот Арчибальд... не совсем.

— Не расстраивайся, Энни, — сказал он негромко, садясь рядом на диван. — Как говорил мой дядя, если Защитник закрывает дверь, он открывает окно.

— Окно в новую память? — Эн постаралась улыбнуться. Да и плакать больше не хотелось. По крайней мере не в присутствии Арчибальда.

— В том числе. Ты наработаешь себе новые воспоминания. А на то, что невозможно вернуть старые, посмотри с другой стороны. Плохого там тоже было достаточно.

Эн кивнула. Она думала об этом некоторое время назад. Безродная девочка из крестьянской семьи, восемь лет прожившая в приюте, а потом поступившая в магический университет и закончившая его... Вряд ли в её жизни всё было радужным.

— Больше всего мне жаль воспоминаний о родителях.

— Я понимаю. Но ты не виновата в том, что забыла их. Я своих тоже практически не помню — мама умерла, когда мне было три года, а отец был слишком занят государственными делами и почти совсем не уделял мне внимания.

— Государственными делами?..

— Да, — Арчибальд чуть поколебался, но всё же сказал: — Я двоюродный брат Арена Императора.

Эн кашлянула.

— О...

— Мой отец был родным братом его отца. И главой Судебного комитета. Главным судьёй Альганны.

— О... — повторила Эн, ощущая себя булыжником рядом с бриллиантовым кольцом. — А как... Как так получилось, что ты стал общаться со мной?

Арчибальд улыбнулся.

— Сейчас расскажу.

Эн слушала с большим интересом и ловила себя на мысли, что завидует той, прежней Эн. Она была умной и совсем ничего не боялась... И столько всего добилась! А ей бы хоть школу закончить, и надо подумать, что делать потом. Второй раз поступить в магический университет она ведь не сможет — магией нельзя заниматься категорически.

— Вот так, — закончил рассказ Арчибальд и тут же поинтересовался: — Пойдёшь завтра со мной на свидание?

Эн неуверенно поёрзала по дивану. Прислушалась к себе — нет, этот вопрос не вызывал неприязни, даже наоборот...

— А... ты же принц.

— Принц, — его высочество кивнул. — Прощу заметить, человек прямоходящий, а не какая-нибудь обезьяна.

Эн рассмеялась.

— Это я вижу. Но я ведь... не принцесса. Да ещё и без памяти...

— Память появится новая, — отрезал Арчибальд. — Ничего страшного, мы справимся, я уверен. Что касается принцесс... Не всегда ими рождаются. Бывает, что становятся.

Её бросило в жар.

— Ох...

— Не думай об этом. Я всего лишь хочу показать тебе Граагу, пока Геенна вновь не пробудилась и меня не отозвали на север. Буду вести себя прилично, — пошутил Арчибальд, улыбаясь, и чуть дотронулся до её руки.

Его прикосновение отозвалось внутри Эн чем-то очень хорошим — и она поспешила сказать:

— Хорошо, я пойду. Я согласна.

Не хотелось обижать Арчибальда отказом. В конце концов, титул нельзя рассматривать как недостаток или преграду для общения.

Интересно, прежняя Эн рассуждала так же, или как-то иначе?

Минут через пятнадцать после начала совместного раскуривания сигар Арманиус вдруг

осознал, что они с Дайдом перешли на «ты».

— Что там внутри за трава и почему от неё так хорошо? — поинтересовался он, с подозрением приносясь к сладковатому дыму.

— Демоны её знает, — пожал плечами Гектор, выпуская изо рта три дымных кольца одинакового размера. — Но расслабляет неплохо. А тебе надо.

— Тебе тоже.

— А я и не спорю.

Они разместились на кухне — находится там Берт мог, в отличие от столовой. Кухня была вотчиной мамы и Агаты, он туда заходил редко, как и брат с отцом.

Мама любила готовить, и Агата с удовольствием перенимала её науку.

Да... Агата...

— А ты ведь так и не раскрыл дело моей сестры.

Берт думал, Гектор спросит, что за дело — всё-таки десять лет прошло — но Дайд ответил сразу же:

— Его вёл не я. Я стал главой Дознавательского комитета через полтора года после того, как убили твою сестру. Дело к тому времени уже было закрыто.

— Можно было и открыть, — пробормотал Берт и поймал на себе какой-то странный взгляд Гектора. — Что?

— Дело твоей сестры можно открыть только по приказу императора. На нём гриф «секретно».

— Понятно, — Арманиус поморщился, — государственная тайна. Но подробности покушения на Арена безумно напоминают попытку убийства Эн. Эта порталная ловушка... Слово дело тех же рук, тебе не кажется?

— Нет, мне не кажется, — отрезал Дайд и мрачно замолчал. Берт усмехнулся.

— Не любишь, когда лезут в твои расследования, да?

— Не выношу. Но дело не в этом. Гриф «секретно» ставится не просто так, понимаешь? И если я сейчас что-нибудь сболтну — а печать молчания Арена на меня не ставил — будет плохо. Так что давай лучше не будем о твоей сестре.

— Ладно. Тогда расскажи мне свои версии относительно попытки убийства Эн. Если мы, конечно, принимаем на веру именно попытку убийства... Как считаешь, кто это сделал?

Дайд с наслаждением затянулся и, выпустив длинную и густую струю дыма, ответил:

— Любовница Арчибальда.

От неожиданности Берт чуть не проглотил сигару.

— Что?..

— А чем тебе не нравится эта версия? — Гектор откровенно улыбался. — Очень, между прочим, правдоподобная. Я её первой проверил, ещё в первый день. Видишь ли, в твоей... подопечной нет совершенно ничего интересного или представляющего опасность, кроме а) того, что она встречалась с принцем; и б) её разработок. Родственников у неё нет, врагов на работе — тоже...

— А Байрон?

— Байрон... Мальчишка. Но подставили его грамотно. Пусть пока посидит за решёткой, целее будет. Ты же его практически не знал, да, Берт?

— Да. Видел во время учёбы и потом, в госпитале, но не общался. А что?

— А то, что у них с Эн много общего. Он так же, как она, болен магической медициной. Он учёный. И они с ней стояли на пороге интересного открытия. Ключевое слово здесь — на пороге, понимаешь? Это значит, что дверь перед ними еще была закрыта. Но открыть её в одиночку Байрону никогда в жизни бы не удалось. И убивать Эн именно сейчас — глупо. Ему это невыгодно. И тот, кто его подставил, хорошо это понимал, поэтому подтасовал факты и улики по возможности грамотно. Эн пошла не туда, куда надо было идти — а родовая магия Байрона позволяет ему минимально воздействовать на людей. И на месте покушения накануне его видели. И активатор — ключ от первой операционной. Неплохо, правда же? Но слишком навязчиво.

— Ты это уже говорил. Так что там с любовницей?

— Ах, да... Самая простая версия — устранение соперницы. Что ты улыбаешься, я обязан проверять все версии, даже если считаю их маловероятными. Думаешь, я мог верить в виновность Валлиуса? Я этого старого врачебного фаната давно знаю. Но проверить я обязан. И любовниц Арчибальда я проверил еще в самом начале.

— И как результат?

— Да никак.

— Что, неужели нет любовниц?

— Ну почему нет, есть. Он же не памятник из мрамора. Просто этим женщинам от наличия или отсутствия Эн Рин не холодно и не горячо — они не смогут выйти замуж за Арчибальда.

— Эн тоже не может.

— Пока не может, — сказал Дайд, подчеркнув голосом слово «пока». — Но она приличная девушка, понимаешь?

На этот раз подчёркнуто было слово «приличная».

— Понимаю... те, значит, неприличные.

— Именно. И они имеют такое же отношение к дворцовым интригам, как я к грядкам с помидорами.

Гектор вновь затянулся, пока Арманиус заходилась кашлем от смеха.

— А дальше?

— Дальше? — Дайд чуть повернул голову к выходу из кухни и прислушался. — А дальше, кажется, к нам сейчас придут его подозреваемое высочество и твоя подопечная.

— Подозреваемое? Всё ещё?

— Естественно. Хотя, стоит признать, — Гектор усмехнулся, — конкретно это высочество у меня слабо подозреваемое.

Берт уцепился за выражение «конкретно это высочество» и подумал, что потом непременно уточнит у Дайда, что он имел в виду.

А пока он погасил сигару и помахал рукой перед собой, пытаясь развеять плотную завесу сладковатого дыма.

Когда Эн с Арчибальдом шагнули на кухню, они обнаружили там широко улыбающихся Арманиуса и Дайда, которых почти не было видно за дымом от раскуренных ими сигар.

— Защитник, — принц поморщился и кашлянул, — Гектор, ты решил пристрастить к этой дряни ещё и Берта?

— А что это? — спросила Эн и громко чихнула. — В носу щекочет...

— Надо окно открыть, — Арманиус кивнул — и одна из створок самого большого окна распахнулась, впуская в кухню морозный воздух. — Только ненадолго, а то простудишься ещё.

— Это, — пояснил Дайд, закрывая коробочку с сигарами, — для взрослых мальчиков. А вы, Эн, девочка.

— Маленькая? — уточнила она и рассмеялась, когда Гектор утвердительно наклонил голову.

— Пошли, взрослый мальчик, — хмыкнул Арчибальд, скрещивая руки на груди. — Нам обоим пора и честь знать.

— Если хотите, можете остаться на ужин, — предложил Арманиус, прекрасно понимая — вряд ли Арчибальд согласится.

И точно.

— Нет, спасибо. Я умираю как хочу спать.

— А мне нужно вернуться в комитет, — развёл руками Дайд. — С этим Советом архимагистров я почти ничего сегодня не сделал.

— У тебя вообще-то выходной, — иронично заметил принц, но Гектор не успел ничего ответить, потому что Эн спросила, заставив замереть всех присутствующих:

— Скажите, айл Дайд, а вы женаты?

Берт от удивления чуть не свалился с табуретки, а у Арчибальда просто вытянулось лицо.

— Нет, — ответил дознаватель, расплываясь в довольной улыбке, — а что? Есть предложения?

Эн чуть смутилась.

— Да я просто...

— Я понял, — Дайд уже откровенно смеялся — и Берт поймал себя на мысли, что в такие моменты Гектор перестаёт напоминать ему змею. — Но вы поаккуратнее с вопросами, Эн. Это может быть опасно для моей жизни. — И дознаватель, чуть округлив глаза, покосился сначала на Арчибальда, а потом на Берта.

— Да ну вас, — Эн хихикнула. — Вы...

— Я — не соперник, — шутливо покачал головой Дайд. — Конечно, где мне соревноваться с такими романтическими героями? Я всего лишь сыщик. Эн, вы разбили мне сердце.

Берт закашлялся, скрывая смех, но подавился им, когда Эн искренне и немного по-детски сказала:

— Зачем же разбивать? Вы мне очень нравитесь, айл Дайд. Вы замечательный!

Шутить почему-то сразу расхотелось.

Наверное, потому что прежняя Эн никогда не сказала бы так. Она была слишком серьёзной и взрослой для подобных признаний.

— Спасибо, Эн, — произнёс Гектор тихо и поднялся с табуретки, вновь становясь похожим на очень длинное дерево, внезапно выросшее посреди кухни. — Вы тоже замечательная. И я надеюсь, что раскрою ваше дело. Теперь это уже, — он усмехнулся, — дело принципа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Во вторник Берт проснулся от настойчивого звонка по браслету связи.

— Да? — простонал он, принимая вызов. Голова демонски болела, и у него было подозрение, что это от сигар Дайда.

— Что с тобой, Берт? — проекция Валлиуса удивлённо подняла брови. — Ты как будто с похмелья.

— Почти. Гектор вчера притащил какие-то сигары...

— А, — Йон оживился, — понятно. Вообще Дайд любитель дурманного курева, ему постоянно все надаривают, чтобы задобрить. Он как накурится, на человека становится похож.

— Он и без этого похож...

— Ну с точки зрения анатомии — да, — хохотнул главврач. — В общем, ты вставай, прими душ и выпей литр воды.

— Зачем?

— Чтобы пописать, — рявкнул Йон, но тут же исправился: — То есть, интоксикацию снять. Если не поможет, в госпитале попроси тебе капельницу сделать. Физраствор, витаминчики. Можешь даже терапевту сказать, что тебе нужен «опохмелун». Тебя поймут.

— Хорошо. Когда будем стимулировать процесс восстановления?

Берт рассказывал Валлиусу и Дайду о своей находке еще в тот день, когда Гектор попросил его сыграть роль «живца», и дознаватель одобрил план по стимуляции, заявив: «Чем скорее вы перестанете быть овощем, тем лучше».

— Ну уж точно не сегодня, — хмыкнул Йон. — А то от тебя один дым и останется. Я по другому поводу к тебе, Берт. Нашёл я для Эн... специалиста.

— Шамана?

— Шаманку. Сегодня после обеда она вас ждёт, я договорился. По поводу пространственного лифта — возьмите с собой одного из охранников Арчибальда, пусть прокатит туда-сюда, заодно и под присмотром будете.

— Деньги?..

— Она скажет. Они никогда не говорят, пока не посмотрят на... клиента.

— Хорошо, я понял. Как зовут-то её?

— Ив Иша. Или Иша Ив... Демоны, забыл правильный порядок. Разберёшься, в общем.

— Куда я денусь...

После окончания разговора с Йоном Арманиус какое-то время лежал и думал — благо, Валлиус разбудил его слишком рано и можно было немного поваляться.

Интересно, что там еще за версии остались у Дайда? Судя по тому, как он сказал «Арен — очень неудобный император» и «конкретно это высочество у меня слабо подозреваемое» — ему приходила в голову мысль о заговоре против правящей династии. И Берт охотно бы в это поверил — в конце концов, подобные вещи были и будут всегда, — но он решительно не мог понять, при чём тут Эн.

Кто-то так не хотел, чтобы она вышла замуж за Арчибальда? Ладно, допустим, так и есть, но зачем же сразу убивать? Скомпрометировать девушку так, чтобы император не позволил своему двоюродному брату на ней жениться, гораздо проще, чем устраивать порталную ловушку. И если тебя поймут, можно отделаться штрафом и лёгким

испугом, тогда как в случае убийства придётся сидеть в тюрьме.

Нет, Арчибальд здесь вообще ни при чём. Судя по тому, как Гектор прилип к нему, Арманиусу, дознаватель считает, что при чём как раз Берт. И Эн убрали, чтобы он не вылезался. Промедление в его ситуации было смерти подобно, и только благодаря оставленной тетрадке он выкарабкался.

И кому он мешает?

Арчибальду — завоевать Эн. Но нет, принц убил бы Арманиуса, а не свою возлюбленную.

Совету архимагистров — тем, что предположительно оказывает влияние на Арена. Но в таком случае какая разница, есть у него магия или нет? Никто не помешает им общаться, если Берт перестанет быть магом. Проще было бы убить его самого... а лучше сразу Арена.

Арманиус поморщился. Да, и в который раз в своих рассуждениях — а рассуждал так он не единожды, — он дошёл до устранения императора. И это ему демонски не нравилось.

Надо вернуться назад. В конце концов, покушение было совершено на Эн, а не на Арена.

Вернуться назад...

В голове что-то щелкнуло.

И секундой спустя Берт отбросил в сторону одеяло и вскочил с кровати.

Сердце колотилось, как шальное.

Он только что понял: вернуть память Эн — возможно. Да, возможно! Да, это запрещено, и это, скорее всего, уничтожит его самого — если не физически, то по крайней мере как мага, — но возможно.

Берт улыбнулся, чувствуя себя слегка безумным и уже понимая — это тот самый путь, по которому ему когда-нибудь придётся пойти.

Во время завтрака Арманиус выглядел почему-то очень бодрым и радостным, и Эн с интересом наблюдала за ним, но спросить, в чём дело, так и не решилась.

— Сначала за тобой зайдёт Арчибальд, — сказал Берт, с энтузиазмом поедая омлет с помидорами. — А потом уже я отправлюсь в госпиталь. Надеюсь, что к обеду он тебя вернёт, потому что сразу после нас кое-где ждут.

— Нас?

— Да, нас с тобой. Попробуем вернуть тебе память.

— Вчера же император пробовал...

— Пробовал. А сегодня попробует уже не император.

Эн задумчиво наколола на вилку кусочек помидора и сказала:

— Мне кажется, если уж у его величества не получилось, то вообще ни у кого не получится.

Берт вдруг посерьёзней и, отодвинув в сторону опустевшую тарелку, спокойно, но твёрдо сказал:

— Эн, необратимые разрушения магического контура изучали до тебя многие маги. И многие были очень хорошими, одними из лучших. И архимаги, и архимагистры. Но только ты открыла «точку невозврата» — до тебя любой прогресс считался обратимым. Ты — простая аспирантка с уровнем дара в две магоктавы.

Эн почувствовала, что краснеет.

— Я понимаю, о чём ты говоришь, Берт. Но...

— Но мы попробуем, потому что Арэн — не панацея, — Арманиус улыбнулся и кивнул на блюдо с булочками. — Ешь скорее, пока не остыли.

— А ты?

— Меня здорово тошнит во время процедуры в госпитале. Боюсь, в себе не удержу. Вот вернусь и съем. Если, конечно, ты мне что-нибудь оставишь.

— Оставлю! — возмутилась Эн и смущённо опустила глаза, когда Берт рассмеялся.

Примерно через час Эн, кутаясь в симпатичную и совершенно новую белую шубку, вышла из дома в сопровождении Арманиуса. Возле крыльца их ждали два магмобиля. Эн — чёрный с символикой правящей династии, чистый и величественный, а Берта — слегка заляпанное такси без всяких символик.

— Жду её назад максимум через три часа, — сказал Арманиус, передавая Эн очень высокому и крупному мужчине в форме охранника. — И, если не возражаете, вы нам понадобится. Надо кое-куда перенестись.

— Если его высочество не будет против, — пробасил охранник. — Тогда без проблем.

— Не будет. Передайте ему, пожалуйста, что мы сегодня попробуем нетрадиционную медицину. Брайон Валлиус договорился с шаманкой по имени Ив Иша.

— Хорошо, я передам.

— Приятно тебе провести время, Эн, — Арманиус улыбнулся и побежал к своему магмобилю. Эн проводила его взглядом — чёрное пальто, тёмные короткие волосы с запутавшимися в них снежинками, прямая уверенная спина, — и, чуть слышно вздохнув, села в салон.

— Здравствуй, Энни, — широко улыбнулся оказавшийся там Арчибальд. — Рад тебя видеть.

— И я тебя.

Душой она не покривила — Эн действительно очень нравился его высочество. Не так, как Берт, но всё-таки сильно.

— Слышал, что сказал Арманиус. Надеюсь, от этой шаманки будет результат.

Магмобиль медленно тронулся, и Эн, поняв, что охранник их не побеспокоит — видимо, сел спереди, — спросила:

— А ты не веришь?

— Шаманство — вещь довольно противоречивая, — пояснил Арчибальд. — Я видел людей, которым помогло, но и разочарованных достаточно.

— С официальной медициной то же самое, — возразила Эн. — Я, когда лежала в госпитале, слышала, как Валлиус сказал, что бессмертных не существует.

— Это точно, — принц рассмеялся. — Но если говорить именно о цифрах, Энни, то шарлатанов-шаманов гораздо больше, чем врачей. Однако Брайон знает, кого советует, и я уверен, что он нашёл лучшего...

— Шарлатана?

— Нет, — Арчибальд понимающе усмехнулся, — лучшего специалиста.

Эн закусила губу и отвела глаза.

Честно говоря, с тех пор, как она прочитала несколько страниц в тетради с планом лечения Берта, её разрывало от противоречивых мыслей и рассуждений.

С одной стороны, очень хотелось вернуть себе память и вновь заниматься тем, чем она занималась.

А с другой...

«Архимагистр... Если вы читаете эти строки...»

Вы.

Нет, Эн ничего не сказала Берту о своём открытии — струсила.

И теперь она отчаянно трусила вспоминать о прошлом. Тогда, в той жизни, она называла Арманиуса «архимагистр» и «вы», а значит, не таким уж он хорошим другом ей был. Точнее, он им даже совсем не был, иначе она называла бы его по имени.

И в данный момент Эн не представляла, что ей дороже — собственная память или друг Берт.

Хотя бы друг.

Минут через двадцать кружения по центру Грааги, которое Арчибальд сопровождал интересным рассказом про архитектуру города — Эн ловила каждое его слово, так любопытно ей было, — магмобиль подъехал к странному месту. Вывеска с надписью «Иллюзион» мигала разноцветными огоньками, и это наверняка потрясаяще выглядело бы вечером. Да и сейчас было неплохо, если бы не странность — под вывеской располагались резные деревянные ворота, за которыми абсолютно ничего не находилось, кроме белёсого тумана.

— Что это?

Принц улыбнулся, но как-то неуверенно.

— Аттракцион. Называется «Иллюзион». Держи. — Арчибальд вложил в руку Эн маленькую монетку. — Это билет. Иди туда, а я подожду тебя здесь. Побываешь там, а потом ещё попутешествуем по городу, и в кафе какое-нибудь зайдём.

— Знаешь, — Эн с сомнением посмотрела на монетку, — у меня странное чувство... Что-то ты темнишь, мне кажется.

— С чего это ты взяла? — принц сделал невинные глаза.

— Ну... если бы это действительно был аттракцион, ты пошёл бы со мной. А так... очередная попытка вернуть мне память, да?

Арчибальд вздохнул.

— Я не знаю, Энни. Может, и сработает... Ты была здесь недавно, вдруг это имеет значение? Подобную терапию практикуют, и она приносит плоды, но твой случай уникальный. Давай попробуем? Ничего страшного не случится, я обещаю.

— Я понимаю. Просто не расстраивайся, если не получится.

— Постараюсь.

За воротами, которые распахнулись, как только Эн подошла ближе, оказался тот же туман. Она неуверенно огляделась — он был со всех сторон, — и, нервно вздохнув, пошла дальше.

Странно, но туман, казалось, тоже нервничает. Он лизал руки и лицо Эн, прикасался ко лбу, словно пытался что-то понять.

Она тоже пыталась понять. В чём состоит аттракцион?

Наконец туман отступил, чуть рассеялся... и оттуда навстречу Эн шагнул Арманиус.

— Берт?..

— Заблудилась? Давай руку, Энни, — сказал он, улыбнувшись, и сам взял её ладонь.

Она ничего не понимала. Откуда здесь взялся Берт? Он ведь должен быть в госпитале.

— Что ты...

— Мы пройдем этот путь вместе, — продолжил он, глядя на Эн тепло и ласково, — не бойся.

От его взгляда все тревожные мысли в голове растворились, словно впитались в туман. И стало так хорошо и спокойно... С тех пор, как Эн поняла, что потеряла память, ей еще не было настолько хорошо.

А через секунду рассеялся и туман. Теперь вокруг них был лес, над головой — яркое, но нежное солнце, а под ногами — тропинка.

— Я не боюсь, — прошептала Эн, глядя Берту в глаза и ощущая, как колотится сердце. — Пока ты со мной, я не боюсь.

— Я всегда буду с тобой, — сказал он негромко, поднял руку и погладил её по щеке. — Всегда. Обещаю.

Эн широко улыбнулась и прижалась щекой к его ладони.

Когда Арманиус вернулся домой после процедур, Эн еще не было, и он старался не думать об этом. Арчибальд говорил накануне им с Аренем и Дайдом, что если у императора не получится помочь с возвращением памяти, он хочет попробовать свозить её в «Иллюзион», и просил особого разрешения сделать это. Ведь Эн уже была в этом году в «Иллюзионе», а ходить туда можно только раз в год. Арен своё разрешение дал, правда, сказал, что если у него не получится, то у «Иллюзиона» тем более, но попробовать можно.

Берт совершенно не верил в успех этого предприятия. «Иллюзион», конечно, место уникальное, но память Эн заперта слишком надёжно, и открыть сокровенные желания девушки не сможет. Да, это одна из сильнейших родовых магий, однако «Иллюзион» всего лишь создаёт иллюзию исполнения желаний, а не исполняет их в реальности. И даже если Эн хочет вернуть себе память — вернуть её по-настоящему артефакт-аттракцион не сможет. Возможно, у Эн появится ощущение, что она всё помнит, но это пройдет, как только она выйдет оттуда.

В любом случае, часть магии «Иллюзиона» — это отсутствие душевных мук от невозможности исполнения желаний, именно поэтому Берт не стал противиться идее Арчибальда. Риска всё равно никакого. Да и вдруг случится чудо?

Арманиус усмехнулся. В чудеса он не слишком верил. Особенно в подобные иллюзорные чудеса.

Другое дело — шаманка. Вот тут он не знал, чего ожидать, потому что практически не сталкивался с такими людьми сам. Разговоров вокруг и около было много, и Берт слышал о нескольких чудесных исцелениях — правда, не в случае со сломанным энергетическим контуром, — но правдивы ли эти разговоры или там, как это обычно бывает, вымысла больше, чем истины?

Хотелось верить в то, что шаманка сможет помочь Эн, ведь это была по сути их последняя надежда, не считая идеи Берта. Но его идея настолько рискованна, насколько вообще может быть рискованна чья-то идея, и не факт, что её возможно осуществить. Даже получить разрешение у Арена на подобное — практически невероятно. Теоретически, впрочем, тоже. Император никогда в жизни не позволит Берту сделать это, и прежде, чем идти к нему, нужно понять, чем Арен можно подкупить. Он человек практичный и будет оценивать не эмоции Арманиуса, а реальные предложения. Словом «пожалуйста» его точно не впечатлить.

В дверь позвонили, и Берт вздрогнул, отвлекаясь от напряжённых мыслей. Посмотрел на часы — да, пора бы принцу вернуть Эн, прошло как раз около трёх часов.

Арманиус вышел из библиотеки и пошёл вниз, навстречу Эн, рядом с которой стоял и охранник. Арчибальда с ними не было.

Увидев Берта, девушка радостно улыбнулась. Она выглядела довольной, и сердце кольнуло волнением.

— Ты?..

— Я всё ещё ничего не помню, если тебя это интересует, — сказала Эн спокойно. — Арчибальд признал своё поражение и бесполезность «Иллюзиона». Но... было неплохо. — Это уже она произнесла, чуть покраснев. — А потом мы ездили по городу, зашли в Центральный музей и в кафе при нём. Так что я совсем не хочу есть.

— Зато я хочу, — вздохнул Берт, ощущая, как в очередной раз разбились его надежды. Пусть они были призрачны, но всё же. — Зверски. А вы?.. — Он вопросительно посмотрел на охранника. — Кстати, как вас зовут?

— Грег, — пробасил мужчина, столь же сильно напоминающий гору, как Дайд — дерево. — Ну, если я вам еще понадобится, как вы говорили, то было бы неплохо пообедать.

— Тогда сейчас устроим.

Через час, когда все были сыты — даже Эн всё-таки съела второе, не выдержав аппетитного запаха заказанной в «Омаро» еды, — охранник построил в прихожей пространственный лифт по координатам, присланным Валлиусом по браслету связи, и они втроём перенеслись в Тиару — небольшой городок на севере Альганны.

Узкая улочка, вымощенная светло-серым камнем, плотно стоящие — словно маленькие крепости — дома, и горы снега на черепичных крышах, увитых вечнозеленым плющом. Ничего особенного, обычный маленький городок, и здесь в воздухе тоже пахло пряниками и ещё чем-то праздничным, сладким.

Прямо перед ними находилась калитка, но Берт вначале по привычке огляделся, ища Геенну. Она была позади — огромный огненный столб, уходящий далеко в небо, от которого несло жаром и смертью.

— Ох... Это Геенна? — спросила Эн негромко, и Арманиус кивнул. Давненько он её не видел... и не мог сказать, что сильно соскучился. — А как она выглядит, когда пробуждается? Так же?

— Нет. Сейчас она оранжево-жёлтая, видишь? Значит, спит. А прежде, чем выпустить из себя очередную дрянь, она становится гораздо краснее. Часа за два обычно... Патрульные следят, и если такое случается — докладывают в Центр, и мы уже за это время должны привести себя в полную боевую готовность.

— Наверное, это очень страшно... — прошептала Эн и явно удивилась, когда Берт сказал:

— Страшно. Но это не самое страшное, что бывает в жизни. Страшнее всего — беспомощность. Когда рядом погибают твои товарищи, или ты видишь, что не успеваешь помочь людям, и они умирают у тебя на глазах. — Арманиус отвернулся от Геенны и посмотрел на дом шаманки. — Ладно, сейчас это всё не к месту. Где тут звонок?

— Нету, — усмехнулся охранник и кивнул на большое чугунное кольцо, впаянное в дверь. — Видимо, «звонить» предполагается этим. У шаманов вообще много странностей, насколько я знаю.

Берт взялся за кольцо и стукнул им в дверь. Гул внутри стоящего перед ними домика раздался такой, что сразу стало понятно — кольцо не обычное, а магическое.

А потом дверь открылась.

Прямо посреди небольшого заснеженного двора находился колодец, откуда набирала воду в два больших ведра безумно странная женщина.

Она выглядела действительно безумной — высокая и до безобразия худая, почти как Гектор Дайд, одетая в тёмно-коричневое платье из плотной ткани, напоминающей материал для мешков из-под картошки. На шее висело длинное ожерелье из каких-то бусин, камней и птичьих перьев, в ушах качались огромные серьги, достающие до плеч, в комплект к ожерелью — тоже из камней и перьев. Абсолютно седые волосы были заплетены в косу до пояса, по всей длине которой змеилась ярко-красная лента.

Кожа женщины была смуглой, будто бы прокуренной, губы — тонкими, а нос крючковатым и длинным, словно у хищной птицы.

Но больше всего Эн поразили глаза шаманки. Ярко-синие, как небо в летний день, и очень добрые — казалось, что они принадлежат другому человеку, потому что эти глаза не могли иметь ничего общего с образом тощей ведьмы из детских сказок.

— Добро пожаловать, — сказала женщина, оглядев Эн, Берта и охранника с головы до ног. — Идите в дом, я сейчас подойду.

— Вам помочь, может? — спросил Арманиус, кивнув на ведра с водой.

— Ну помогите.

Грег с Бертом подхватили ведра и последовали за шаманкой, которая повела их внутрь. Эн пристроилась в хвосте, с любопытством оглядываясь. Летом в этом дворе наверняка росло множество разнообразных цветов и трав, но сейчас кроме снега и расчищенных вымощенных камушками дорожек между сугробами ничего не было видно.

— Куда отнести воду? — услышала Эн голос Берта, как только они вошли в дом.

— Вперёд, в гостиную. Только разуйтесь сначала. Держите тапочки.

Эн улыбнулась, наблюдая, как Арманиус и охранник засовывают ноги в мягкие розовые тапочки с помпонами. Ей шаманка дала точно такие же.

— Гостевой набор, — пояснила женщина, увидев, как кривятся посетители. — Другого цвета не держу.

У неё самой тапочки были обычные, коричневые, но тоже с бусинами и перьями.

Минутой спустя, оказавшись в гостиной, Эн замерла, с интересом рассматривая шкафы с книгами, банками, коробочками, птичьими чучелами, деревянными шкатулками и даже какими-то черепами. Ещё здесь были пушистый тёмно-зелёный узорчатый ковёр под ногами, большой камин, в котором громко потрескивал огонь, два старых бежевых дивана в голубой цветочек и журнальный столик. Столик был совершенно чистым — ни оставленных чашек, ни бумаг, ни скатерти.

— Садитесь, — шаманка кивнула на один из диванов, сама опускаясь на второй. — Ведра поставьте на пол. И рассказывайте, что привело вас ко мне.

Эн села на диван, вопросительно посмотрела на Берта — кому рассказывать? — он поймал её взгляд и, ободряюще улыбнувшись, начал:

— Уважаемая Ив Иша... — Ведро глухо стукнулось об пол. — Надеюсь, я правильно запомнил ваше имя?

— Да, всё верно. Вы сами можете не представляться. Имена не имеют никакого значения.

Арманиус на секунду запнулся, явно удивлённый этой мыслью, но быстро справился с эмоциями и продолжил:

— Проблема у нашей спутницы. Она потеряла память. Официальная медицина не смогла помочь. И...

— Понятно, — перебила его шаманка, махнув рукой. — Остальное можно не уточнять. Посидите минутку.

Женщина встала с дивана и подошла к одному из шкафов. Там, на полке, стояла большая глиняная чаша. Её-то Ив Иша и взяла. Отнесла к столику, поставила, наклонилась, подхватила ведро и налила полную чашу воды.

Обычные действия на этом закончились, потому что через секунду шаманка туда плюнула, хлопнула по поверхности воды ладонью, вызвав тучу брызг, что-то проговорила-пропела и поманила пальцем Эн:

— Ну-ка, милая, посмотришь в воду. А потом скажи, что ты видишь.

Эн послушно приподнялась и заглянула в чашу.

— Ой...

Слева от неё взволнованно зашевелился Берт.

— Ну? Что видишь?

— Вода чёрная. Абсолютно. Я даже дна чаши не вижу...

— Так-так... — Шаманка наклонила голову, рассматривая Эн. — Интересно. Ну-ка дай ладошку.

Эн протянула ладонь и поморщилась, когда Ив Иша уколола ей палец невесть откуда взявшейся в руке иглой. Выдавила каплю крови в воду и сказала:

— Теперь посмотри и скажи, что видишь.

— Ничего, — пробормотала Эн, вновь заглянув в чашу. — Вода чёрная-чёрная, как будто вы туда чёрную краску добавили.

Шаманка кивнула и опять отлучилась к шкафу. Но на этот раз она достала изнутри одной из шкапулок маленькое зеркало. Подошла к Эн, поводила её проколотым пальцем по поверхности и попросила:

— Посмотришь.

Эн послушалась и парой секунд спустя удивлённо пробормотала:

— Ничего... Там чернота. Даже отражения моего нет.

— Так-так...

И вновь — к шкафу. С верхней полки шаманка достала нечто, накрытое фиолетовой тканью, и понесла предмет к столику. Аккуратно поставила, сняла ткань — под ней оказался стеклянный шар, внутри которого клубился туман. Он на самом деле клубился — закручивался в спирали, волновался, двигался...

— Что ты видишь внутри шара?

— Туман...

Ив Иша покачала головой, накрыла шар и опустилась на диван.

— Скажу вам сразу, — еще раз качнув головой, вздохнула женщина. — Скорее всего, не получится ничего. Пустота у неё вместо памяти, а из пустоты ничего не вытянешь. Было бы хоть что-то, хоть ниточка, я бы ухватилась и вытянула. А тут...

— Совсем безнадежно? — негромко спросил Берт, и наверное, что-то в его голосе заставило шаманку объяснить:

— С пустотой сложно работать, в неё проваливаешься. Надо форму принять, и из этой формы что-то вытащить, а как сформировать пустоту? Но я попробую ещё кое-что. Только время нужно будет.

— Сколько угодно, — сказал Берт с такой страстью, что у Эн даже мурашки по телу пошли, — сколько угодно времени. И денег.

Ив Иша улыбнулась. Зубы у неё, в отличие от загорелой кожи, были белые, и улыбка — доброй.

— Это я понимаю. Но деньги я беру за результат, а пока его нет, то и денег не нужно, не впрок они будут. А вот кое-что другое будет впрок... — Шаманка достала из кармана платья ножницы и протянула их Эн. — Отрежь-ка мне, милая, прядь своих волос.

— Маленькую или побольше?

— Да сколько не жалко.

Из дома шаманки Берт вернулся в состоянии полной разбитости.

Ив Иша, конечно, сказала, что попробует, но он видел по её глазам, что она сама не особенно верит в результат.

— Приходите в четверг, — сказала женщина, когда сплела из волос Эн пополам с какой-то травой куколку, засунув внутрь перемазанный кровью осколок зеркала. Того самого, в которое Эн смотрелась. Шаманка разбила его прямо о столик и взяла один кусочек. — В четверг скажу точно, смогу ли что-нибудь сделать.

Охранник перенёс их обратно в дом Берта и сразу ушёл, пробормотав, что отчитается принцу. Сам Арманиус быстро связался с Валлиусом, огорчил и его, и уже хотел заказывать ужин в «Омаро», как браслет вновь завибрировал.

— Есть успехи? — заинтересованно спросила проекция Гектора Дайда. — Что там с шаманкой?

Берт был так эмоционально вымотан, что даже не стал спрашивать, зачем это Гектору и какое отношение имеет к расследованию.

— Пока ничего хорошего. Пустота, говорит, не вытянуть... Но она ещё до четверга что-то будет делать, тогда поточнее скажет.

— Ясно, — Гектор поморщился и, к удивлению Арманиуса, выругался. — Демоны, так я и думал. Ладно... Я обсуждал сегодня с Брайоном твоё восстановление, точнее, его стимуляцию. На завтра договорились. Я сам тоже приду.

— Зачем? — тут Берт уже не смог скрыть удивления. — Это же простая медицинская процедура.

— Не такая уж и простая. И вообще, — Дайд скептически усмехнулся, — неужели мне не может быть любопытно?

Арманиус промолчал, про себя подумав, что Гектор с этим раскуриванием непонятных трав и внезапным любопытством будет поживее многих его знакомых.

— Хорошо. Тогда до завтра.

— До завтра, Берт.

Перед сном Эн долго вспоминала о том, что случилось в «Иллюзионе».

Нет, там не было ничего особенного — они с ненастоящим Бертом просто гуляли по лесу, разговаривали о какой-то ерунде, устроили пикник — Эн до сих пор помнила вкус сладких ягод на губах, — а в конце... обнимались.

Конечно, она ничего не рассказала Арчибальду о том, что было внутри «аттракциона», только сообщила, что по-прежнему ничего не помнит. И хоть он обещал, что не будет расстраиваться — всё равно расстроился.

Забавно. Принц объяснил, что «Иллюзион» исполняет три заветных желания — получается, Эн хотела, чтобы рядом с ней был Берт? И из этого желания вытекали остальные — гулять по лесу скорее значило «идти вместе по жизни», а объятия... взаимность.

Удивительно, что поцелуя не случилось.

Подумав так, Эн покраснела и от смущения накрылась одеялом с головой. Нет, нет и еще раз нет! Никаких иллюзорных поцелуев.

Поцелуи должны быть только настоящими!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утром в среду, узнав, что предстоит Берту в госпитале, Эн решительно заявила, что пойдёт туда вместе с ним.

— Энни... — Услышав это, он закатил глаза. — Там будут еще врач-терапевт, Валлиус заглянет наверняка, Дайд тоже собирался, и ты хочешь. Ну это же не театр, а я — не актёр! Тебе-то зачем тащиться в госпиталь?

Эн надулась, как хомяк.

— Не зачем, а почему. Я волнуюсь. И в конце концов! — Она вскинула голову и с вызовом посмотрела на Берта. — Это моя процедура! В смысле, я её придумала! Имею право присутствовать!

Арманиус фыркнул.

— А я твой опекун и имею право запретить тебе там появляться.

— Но ты ведь этого не сделаешь! — Эн шмыгнула носом, как ребёнок, и жалобно протянула: — Ну пожа-а-алуйста! Пожалуйста, Берт!

Он вздохнул... и сдался.

— Ладно. Только не переживай слишком уж сильно, это всего лишь медицинская процедура. И если она будет успешной, я смогу магичить в полном объёме уже через пару дней.

— Но будет больно, да?

Арманиус усмехнулся. Что ж, исходя из того, о чём он прочитал в тетрадке Эн — больно ему будет просто демонски.

— Вероятнее всего. Но без боли не бывает выздоровления, это необходимый компонент. Зато, — Берт подмигнул, — через недельку я покажу тебе, как умею гореть в огне, но не сгорать в нём.

— Ого!

«Если меня, конечно, к тому времени не кокнут, — подумал Арманиус, вспомнив о том, что играет роль живца. — Хотя Дайд ведёт себя так, будто абсолютно уверен в том, где и когда будет совершено покушение. Хм... может, и правда уверен? От Гектора всего можно ожидать».

Чего стоили только его намёки на то, что случившееся с Эн как-то связано с неприязнью аристократии к Арену.

Берт до сих пор, хоть убей, не понимал, как именно.

Когда Арманиус и Эн прибыли в госпиталь, они обнаружили возле палаты бодрого Дайда. Он стоял возле двери, раскачиваясь с пятки на мысок, и пил из стаканчика вкусно пахнувший кофе с молоком.

— Доброе утро, — сказал Гектор и громко отхлебнул кофе. — Хорошо, что ты привёл Эн, мне хотя бы будет не скучно сидеть в коридоре. Тут Валлиус мимо пробежал, увидел меня и рывкнул, что в палату войдут только врачи и собственно больной, а посторонние останутся ждать за дверью.

— А я врач! — возразила Эн, упрямо поджав губы.

— Думаю, Брайон будет с этим не согласен, — Дайд улыбнулся и швырнул стаканчик из-под допитого кофе в урну. — У тебя посетительский пропуск и нет белого халата — формы терапевтов. Как и у меня, впрочем.

— Несправедливо.

— Жизнь вообще несправедлива. О, а вот и опять Валлиус бежит.

В конце коридора действительно показался Йон. Следом за ним шла уже знакомая Берту врач-терапевт, а рядом с ней почему-то вышагивал высокий мужчина в зелёной форме реаниматолога. И Арманиус непременно бы улыбнулся, если бы ему не было настолько не по себе. Видимо, Валлиус решил перестраховаться — вдруг пациент вздумает помереть во время процедуры?

— Приветствую, — подойдя ближе, кивнул присутствующим главврач. — Так, Берт, быстренько дуй в палату, раздевайся до трусов за ширмой, ложись на койку. Зоя, как он ляжет, начинай подготовку. Алекс, ты наблюдающий. Вступишь в игру, если понадобится. Гектор и Эн, вы остаётесь здесь.

— А можно... — начала Эн и запнулась — Валлиус махнул на неё рукой.

— Нет. — Она так явно расстроилась, что Брайон не выдержал и продолжил: — Не положено просто. Я понимаю, ты переживаешь, но тебе лучше подождать в коридоре. От твоего присутствия внутри палаты легче никому не станет, поверь.

«Это точно», — подумал Берт с облегчением. Не хватает ещё, чтобы Эн всё это видела.

— Составишь мне компанию, — сказал Дайд, аккуратно утягивая девушку к скамейке возле стены. — А то мне скучно будет.

— Ладно... — согласно вздохнула Эн, опускаясь на сиденье рядом с Гектором. — А сколько времени продлится процедура?

— Полчаса, не больше, — ответил Йон и легонько подтолкнул Берта в спину. — Иди давай. Быстрее войдёшь, быстрее выйдешь.

Напоследок Арманиус ободряюще улыбнулся Эн — она уже выглядела слегка бледной — кивнул Дайду, — тот, наоборот, был совершенно невозмутим, — и вошёл в палату.

Дверь за его спиной с гулким стуком закрылась.

— Ириски будешь? — спросил Гектор, как только и Берт, и все врачи, в том числе Валлиус, зашли в палату.

— Что? — Эн удивлённо посмотрела на дознавателя.

— Ириски, — повторил он с абсолютно невинным видом, — конфеты такие. Я люблю. Будешь?

Стало до ужаса смешно.

— Буду.

Дайд протянул Эн ладонь, на которой лежали три конфеты в ярких бумажках.

— Держи. Кстати, ничего, что я на «ты»?

— Нет. — Стало еще смешнее. — Конечно, всё хорошо. А...

— Ты тоже можешь называть меня просто Гектором.

Эн кивнула. Дознаватель ей очень нравился с самого начала, несмотря на свою показную суровость и странный внешний вид. А Эклер, когда видел Дайда, забавно зеленел, вызывая у мужчины улыбку и короткий сухой смешок. И Эн это ценила. Ей казалось, что многие на месте Гектора обиделись бы на подобное поведение тигриллы.

Кстати о поведении Лера...

— А вы... то есть, ты не знаешь, почему котёнок мог почернеть?

— Почернеть? — Дайд слегка нахмурился. — Ну... я не очень хорошо знаком с психологией поведения тигрилл, но могу предположить, что они чернеют, когда расстраиваются.

Эн задумалась. Интересно, из-за чего Эклер мог расстроиться в тот день, когда её приходил лечить император? Арэн не сделал ничего плохого — ни ей, ни котёнку.

— А твой питомец чернел?

— Да, — она кивнула и решила пояснить: — При императоре. Я не очень поняла только, почему. Просто взял и почернел, без всякой причины.

— А-а-а... — протянул Гектор, разворачивая конфету. Забросил её в рот и продолжил: — Некоторые тигриллы ощущают эмоциональное состояние людей. Как эмпаты. Не все, немногие, но тебе, видимо, достался именно такой котёнок. Возможно, у Арена просто было плохое настроение. Мы как раз с Совета архимагистров тогда вернулись, и я его понимаю. Ничего приятного там не было.

— Так просто... — пробормотала Эн и разочарованно вздохнула. — А я решила, что это какая-то тайна. Романтичная.

Гектор хрипло, скрипуче засмеялся.

— Романтичная, значит... Возможно, но вряд ли тайна. Видишь ли, Арэн был помолвлен с сестрой Берта около десяти лет назад. Она, к сожалению... умерла. И ему наверняка не радостно возвращаться в дом Арманиуса. Слишком много воспоминаний.

— А отчего она умерла?

Дайд на секунду задумался.

— Нехорошая история, Эн. Ты уверена, что хочешь услышать подробности?

— Конечно. Это лучше, чем спрашивать у Берта.

— Да, ты права. Ладно, слушай...

Начался этот медицинский кошмар с того, что Арманиуса привязали к койке. Описание процедуры он читал, так что не особенно удивился — во время неё ему нельзя было дёргаться.

— Держись, Берт, — пробормотал Валлиус, кивая терапевту. — Приступай, Зоя.

Сначала к его телу в семи местах были прикреплены датчики для измерения всевозможных жизненных показателей. И ещё для кое-чего.

Затем врач взяла поднос, на котором лежали длинные иглы, смоченные специальным раствором, в состав которого входил очень жгучий змеиный яд, и начала вводить их Берту под кожу. От первой иглы он чуть не взвыл. Но разговаривать и уж тем более выть ему тоже было нельзя, поэтому Арманиус с силой сцепил зубы.

Одну за другой врач вводила иглы, увеличивая интенсивность боли. Берт даже думать ни о чём не мог. И желание выдернуть всё это из себя и убежать становилось всё сильнее и сильнее — хорошо, что его привязали...

Затем Валлиус — не доверил это дело терапевту, — скальпелем аккуратно разрезал вены на руках и ногах Берта, подложив впитывающие подушечки. Арманиус сразу ощутил, как оттуда потекла горячая кровь, и задержал дыхание, понимая — сейчас, вот-вот...

— Зоя, врубай аппарат. Не резко только, дозу постепенно увеличивай.

Секундой спустя Берт захрипел, почувствовав, как сквозь тело, все мышцы, вены и артерии, проходит электрический ток. Он уже ощущал когда-то нечто подобное во время процедур с Эн, но сейчас было ещё хуже, ещё больнее, и из разрезов на руках и ногах быстро и интенсивно вытекала кровь.

Берт помнил, о чём писала Эн в своей тетрадке — кровь должна вытечь из него почти вся, но не совсем — необходимо было вовремя остановиться, достигнув определённых показателей на аппарате — как жизненных, так и по уровню тока.

И перед тем, как Берт услышал громкий голос Валлиуса «Сворачиваемся!», он вдруг

подумал: если бы Йон действительно хотел его убить, лучшей возможности, чем эта процедура, просто не придумать.

А потом Арманиус провалился в пустоту.

— Почему ты думаешь, что убить хотели именно Арена? — спросила Эн, выслушав рассказ Дайда. — Может, это вовсе и не так. Раз больше покушений не было.

Гектор, забросив ногу на ногу, размеренно покачивал мыском туда-сюда.

— Да кому нужна молоденькая студентка? То ли дело — главный претендент на трон. Тем более, что Арен тогда соперничал со своими братьями и сестрой.

— Соперничал? — переспросила Эн и нахмурилась. — Я не помню... Я, наверное, еще не дочитала это по истории.

— Венец власти у Альго переходит не по прямой линии, то есть, не от отца к сыну, — пояснил Дайд. — Так, к примеру, у наших соседей — в Альтаке. А у нас Венец во время Церемонии коронации ложится на голову тому из наследников, кто сильнее. Арен, его брат и сестра Аарон и Анна, а также их троюродный брат Алвар, считаются сильнейшими. И десять лет назад считались. Все спорили, кому именно достанется Венец, мнения расходились, но большинство всё же думали, что он выберет Арена — и не ошиблись. А ведь Арен — младший. И очень многие Альго, особенно Аарон и Алвар, были недовольны после Церемонии.

— Но повлиять же на неё никак нельзя, да? — уточнила Эн с интересом. — То есть, повлиять на выбор Венца.

— Да, повлиять нельзя, в этом состоит часть родовой магии Альго. Но всегда можно убить лишнего наследника.

Эн задумалась, закусив губу.

— Ясно. Но всё-таки странно, что больше не было попыток... А сейчас, значит, сильнейшими по-прежнему считаются те же Алвар, Аарон и Анна?

— Пока да. Но у Арена двое детей. Они, правда, ещё слишком маленькие для оценки степени их силы, однако... Старшая, Агата, я думаю, будет вполне конкурентоспособна. Лет через пять-семь. Сейчас ей шесть.

— Агата?..

Дайд молча кивнул, и Эн подумала — наверное, Эклер почернел всё же не из-за того, что у императора было обычное плохое настроение.

И ей вновь, как тогда, стало его очень-очень жаль.

Первым, что ощутил Берт, когда пришёл в себя и открыл глаза, была жуткая, невыносимая тошнота.

Потом пришло головокружение.

Следом — озноб.

И уже после он понял, что его энергетический контур больше не сломан. И сила по нему двигалась сплошным потоком, вот только пользоваться ею он не мог. Да что там магия — он бы сейчас руками и ногами не пошевелил...

— Ну? Как себя чувствует наш выздоравливающий? — раздался рядом бодрый голос Валлиуса. Бодрый до тошноты. Впрочем, Берта тошнило даже от белизны потолка.

Неимоверным усилием воли Арманиус раскрыл сухие губы и прошептал-прохрипел:

— Как... беременная... женщина...

— О-о-о, — засмеялся Йон. — Любопытный опыт, правда же?

Говорить Берт больше не мог, поэтому промолчал. Но главврачу, кажется, и не требовался ответ.

— Мы тебе капельницу поставили, чтобы полегче немного было. К сожалению, ты помнишь, сильно помогать нельзя — ты должен ощутить весь спектр чувств, иначе не получится. Но я уже вижу, что получилось, контур в порядке. Как физическое состояние придёт в норму — так снова будешь великим магом. Крутым, как горка. — Валлиус вновь засмеялся. — В общем, лежи пока, а минут через пятнадцать запустим к тебе Эн с Дайдом. Они там в коридоре, кстати, очень мило беседуют. Не ревнуешь?

Арманиус всё-таки скосил глаза и скептически посмотрел на веселящегося Йона.

— Понял-понял, не надо меня взглядом прожигать. Пойду, доложу Арчибальду, он просил держать его в курсе. Да, если будет тошнить, просто свешивайся с кровати и делай все дела, тут тазик стоит. Все условия создали, в общем. Потом еще утку дадим.

Утку...

Защитник. Какой кошмар.

Как и говорил Валлиус, процедура заняла не более получаса, но в палату их с Гектором запустили не сразу, а еще минут через двадцать.

Лежавший на койке Берт был белее простынки, которой он был накрыт, и вообще выглядел как умирающий.

— Ого... — пробормотал Дайд, садясь на один из двух стульев. Эн опустилась на второй, с тревогой глядя на Арманиуса и думая про себя, что он наверняка пока не может не то, что вставать, но толком и говорить. — Ты точно выживешь?

— Куда я денусь, — прохрипел Берт. — Часа через три смогу домой уползти, как обещал Йон.

— Как я понимаю, с «уползти» он не шутил, — хмыкнул Гектор и прищурился. — Но контур восстановлен. Это хорошо.

— Да? — Эн оживилась. — Получилось?

— Получилось, — Арманиус кашлянул, сдерживая тошноту, — только я пока не могу порадоваться по этому поводу. Может, позже.

Дайд иронично улыбнулся и поднялся со стула.

— Ладно, я пойду, дел ещё много. Вечером загляну, ты не против?

Берт поднял брови.

— А я могу быть против?

— Можешь, — пожал плечами Гектор. — Только я всё равно загляну.

Чуть позже, когда Дайд уже ушёл, а Берт забылся тяжёлым сном, Эн решила сходить в столовую и немного перекусить.

Многие встречающиеся ей на пути врачи и медсестры улыбались и здоровались, но заговорить не пытались, понимая, что она практически никого не помнит. От этого было немного неловко, но Эн старалась не смущаться — в конце концов, это ведь не её вина.

А в самой столовой Эн ждал сюрприз в виде подсевшего к ней Рона Янга.

— Ты как здесь оказался? — она округлила глаза, набирая полную ложку густого сырного супа. — Ты же не врач...

— Я даже не медсестра, — усмехнулся Рон, откусывая от пирожка, который держал в руке. — Ничего особенного, просто с Валлиусом говорил, и он упомянул, что ты здесь. Я с тобой хотел увидеться, но я ведь не могу напрашиваться к Арманиусу в гости...

— Почему? — удивилась Эн. — Я не думаю, что Берт откажет.

— Берт, — Рон поморщился, — с ума сойти, как ты его называешь, а ведь раньше терпеть не могла.

— Что?..

Эн поперхнулась супом, откашлялась, вытерла рот салфеткой и посмотрела на Рона.

— Я? Терпеть не могла? Да?

— Ну... — Друг замаялся, словно ему было неловко. — Не то, чтобы прям терпеть не могла, но не особо любила. Ты говорила, что он был против твоего поступления в университет.

— О...

Что-то неприятно кольнуло Эн в сердце.

Значит, Берт был против... Нет, она по-прежнему ничего не помнила, как ни старалась нащупать хоть ниточку, хоть тень воспоминания. Ничего, вакуум.

Но осознавать, что Берт не хотел, чтобы она училась в университете, было очень неприятно.

— А почему меня всё-таки приняли?

— Валлиус заступился и взял тебя под крыло. А Арманиус вот против был, да и вообще...

— Что — вообще?

Рон отвёл глаза и пробормотал:

— Никогда тебя не ценил. Ни разу не похвалил за время учёбы. Да он даже не знал о твоём существовании. А сейчас прям обхаживает, как будто... Ладно. Он тебя не обижает?

Эн, полностью растерявшаяся от этого потока информации, молча покачала головой.

Есть совершенно расхотелось.

— Валлиус сказал, контур восстановлен. Это правда?

— Да, — ответила Эн негромко и опустила голову, уставившись в тарелку. Нет, она не будет плакать. — Ещё пара дней, и Берт... архимагистр вновь сможет магичить так, как раньше.

— Здорово! — сказал Рон действительно радостно, и секундой позже Эн поняла, почему — он пояснил: — Это ведь твоя заслуга, понимаешь? Благодаря тебе всё!

— Да, — она тускло улыбнулась, взбалтывая ложкой суп, — жаль только, что я этих заслуг совсем не помню.

— Ничего, я помню. Я тебе всё расскажу!

«Не надо», — подумала Эн, теперь уже абсолютно уверенная — она не хочет, чтобы ей что-нибудь рассказывали.

Через три часа, как Валлиус и обещал, Берту стало немного легче. Он даже смог встать с койки и доползти до туалета, хотя медсестра настойчиво предлагала ему утку. Но Арманиус категорически отказался.

— Здоров, значит, — хмыкнул заглянувший в палату Йон. — Больные не возражают против утки. Впрочем, — он на секунду задумался, а потом расплылся в улыбке, — настоящие больные вообще не возражают.

— Потому что пребывают без сознания? — съязвил Берт.

— Именно. Или у них нет сил возражать. А раз ты возражаешь, значит, выздоравливаешь. Что не может не радовать.

Сам Арманиус по-прежнему не мог радоваться — слишком сильно тошнило. Один раз его всё-таки вырвало, и как раз после этого стало намного легче, словно еда в желудке мешала жить.

Но всё-таки намного больше собственного состояния Берта беспокоила Эн. После посещения столовой она немного замкнулась в себе, явно о чём-то думая, и он непременно расспросил бы её о теме размышлений, но сил не было.

Валлиус вновь заглянул в палату, когда Берт прогнал санитарку, принесшую ему обед — от запаха капустного супа резко подурнело, — и поинтересовался, оглядев Арманиуса с ног до головы:

— Выписываем? Или еще побудешь тут до завтра?

— Выписывай, — Берт кивнул и поморщился — голова сразу закружилась. — Лежать я и дома могу, всё равно вы здесь ничего не делаете.

— Да, ты прав. Нечего койку занимать, — охотно согласился Йон. — Тогда я скажу, чтобы подготовили выписку. Минут через десять принесут. Эн, проследи, чтобы наш болезный выполнял все рекомендации оттуда.

— Не волнуйтесь, Брайон, — сказала Эн серьёзно. — Если что, я его к кровати привяжу.

— Думаю, это не понадобится, — засмеялся главврач, — он и так не убежит. А если попытается, всё равно упадёт.

— Спасибо, — поблагодарил их обоих Берт мученическим тоном, вызвав у Эн слабую улыбку.

Дома Арманиус вновь уснул, а когда проснулся, обнаружил, что тошнота сильно уменьшилась. И контур, и магия ощущались уже гораздо лучше, и это наконец вызвало у него хоть какие-то радостные эмоции.

Вторые радостные эмоции пополам с удивлением вызвали у Берта Эн и Дайд, расположившиеся на диване в библиотеке и уминающие огромный круглый мясной пирог прямо из коробки за увлечённой беседой. Руками, без тарелок и приборов.

Эн смеялась, а Гектор, хитро поблескивая единственным настоящим глазом, рассказывал что-то, кажется, из студенческих баек:

— И вот этот преподаватель иллюзорной магии решил привнести новый подход к обучению и заявил студентам, что экзамен автоматически будет засчитан тому, кто сумеет его напугать за семестр при помощи сделанной иллюзии. Был он очень невозмутимым человеком, но не ожидал, что его затея окажется настолько популярной. В результате беднягу пытались напугать чем-либо каждый день.

— И как? — спросила Эн, улыбаясь. — Получилось?

— У меня — да, — сказал Гектор с явной гордостью в голосе. — А у остальных — нет.

— И что же ты сделал?

— Ничего особенного, — пожал плечами Дайд. — Архимаг Тант как раз недавно развёлся с женой, и я создал её иллюзию, которая стояла в парке университета и, потрясая кулаками, кричала: «Где там мой бывший муж? Приведите мне его сюда, я его придушу! Слышишь, Томас?! Я беременна!»

— Жестоко, — укоризненно покачала головой Эн, тем не менее смеясь.

— Зато действительно. Правда, архимаг после того, как развеял мою иллюзию, заявил, что ставит мне пятёрку автоматом, но лучше, чтобы я не показывался ему на глаза до конца обучения. «И во время моих лекций я бы на вашем месте залезал под парту». Так вот сказал.

— И что, ты действительно?..

— Конечно. И под парту залезал, и прятался каждый раз, когда замечал его в коридоре. Однажды замешкался и остался без штанов. В иллюзорном смысле, конечно, — уточнил Дайд. — Тант создал иллюзию того, что с меня штаны спали. Выговор, правда, ему потом настоящий вlepили, а вовсе не иллюзорный...

— Извините, что прерываю вашу увлекательную беседу, — кашлянул Арманиус от двери. Гектор сразу замолчал, а Эн с криком «Берт!» вскочила с дивана. — Но я предполагаю, что у вас найдётся и для меня кусочек пирога?

— Естественно, — кивнул Дайд. — Угощайся. Тебе, я смотрю, получше?

— Намного, — ответил Арманиус, садясь на диван рядом с Эн и усаживая её тоже, — и тошнота уменьшилась. Зато теперь есть хочу зверски.

— Я поэтому и принёс такой большой пирог, — сказал Гектор довольным тоном, — вообще он рассчитан на большую компанию, человек на шесть. Но ты, я думаю, и один прекрасно справишься. Да и мы с Эн помогли уже.

— М-м-м, — промычал Берт, с удовольствием откусывая сразу огромный кусок и, прожевав, вздохнул с облегчением. — Блаженство. Ещё бы попить что-нибудь.

— Я сейчас принесу! — Эн опять вскочила и понеслась к двери так быстро, что Арманиус даже не успел отреагировать. — Там морс на кухне был!

Она умчалась, громко топая ногами, а Берт, вновь примеряясь к пирогу, поинтересовался у Дайда:

— Мне кажется, или ты торчишь рядом со мной, потому что не хочешь пропустить тот момент, когда меня попытаются убить?

— Как ты догадался, — хмыкнул Гектор.

— Ну, это очевидно.

— На самом деле я знаю, когда именно это случится, — сказал Дайд, и Арманиус поперхнулся пирогом. — Не волнуйся, не сейчас. У меня есть кое-какая информация. Но всегда существует вероятность ошибки или смены планов убийц. Так что... я лучше побуду рядом. Не хочется потом оправдываться перед твоей Эн.

— Она не моя, — возразил Берт и чуть не швырнул в ехидно улыбнувшегося Гектора куском пирога. — Да серьёзно, что ты улыбаешься. За ней принц ухаживает.

— Принц... — Дайд закатил глаза. — С каких это пор мы в сказке живём? Блажь это всё.

— Арчибальд просил разрешение у Арена, и тот его дал.

— Как дал, так и обратно возьмёт. Раньше Эн была талантливой студенткой, перспективным учёным, а сейчас она беспамятная девочка. Император благоразумен и вряд ли позволит Арчибальду подобный брак. Если им нужно показать пример аристократии, которая наверняка не помчится радостно заключать браки, лучше выбрать кого-нибудь другого, а не потерявшую память крестьянку. Сколько лет пройдёт прежде чем Эн восстановится хотя бы до половины своих прежних успехов? А брак необходимо заключить в течение года, как я понимаю.

— Слушай, не порть мне настроение.

— Дурак ты. Тебе радоваться надо, что конкурент сам отвалится.

— Не могу я радоваться. Понимаешь?

Пару секунд Дайд молчал, а потом протянул, улыбаясь и качая головой, как старая мудрая бабушка:

— У-у-у, как всё запущено...

— Я в тебя сейчас на самом деле пирогом кину, договоришься.

— Какое кощунство, однако, Берт. Не порть продукты.

— Сволочь, — пробормотал Арманиус, а Гектор, вновь посерьёзнев, сказал:

— Завтра к этой шаманке я вместе с вами хочу наведаться. К трём жди, я приду и сразу отправимся.

— Тебе-то это зачем?

Дайд красноречиво округлил глаза.

— Ах, ну да. Меня же могут убить, как это я забыл.

— Именно.

Поздно вечером, когда Дайд ушёл, Берт с беспокойством спросил у Эн:

— С тобой всё в порядке? Ты сегодня очень грустная. Что-то случилось?

Эн к тому времени уже успела полностью проанализировать сказанное Роном и окончательно решила — она ничего не будет говорить Арманиусу. Для чего? Чтобы подтвердить, что это правда? Но Эн и так понимала — Рон не врал. Чтобы пожалел? Ей не нужна его жалость. Тогда для чего? Узнать подробности? Защитник, что там узнавать, когда и так всё понятно. Эн знала: её уровень дара — всего-то две магоктавы, а это какие-то несчастные крохи. Ясное дело, ректор престижного Граагского университета не желал видеть её в числе студентов.

Она бы на его месте тоже не желала позориться.

— Всё отлично, Берт. Я просто переволновалась за тебя.

Вот так. Лучшая ложь — это правда, просто частичная.

Арманиус внимательно рассматривал Эн, словно не верил. Сам он уже выглядел гораздо лучше — перестал быть белее снега, даже румянец появился. И секунд десять мог ходить, не держась за стенки.

— Ты уверен, что осилишь завтра посещение шаманки?

— Уверен, — ответил Берт твёрдо. Эн сомневалась, но понимала — даже если Арманиусу будет плохо, он никогда в жизни в этом не признается и не откажется от шанса вернуть ей память.

— А если она не сможет помочь?

— Тогда мы придумаем что-нибудь ещё, — сказал он спокойно.

Что-нибудь ещё...

Не проще было бы признать наконец поражение? Официальная медицина, император, «Иллюзион», теперь вот медицина неофициальная... Если и она окажется бессильна, не лучше ли будет просто жить дальше, не рассчитывая на возвращение памяти?

— Не волнуйся, Эн, — улыбнулся Берт, и у неё вдруг возникло ощущение — он уже придумал это самое «что-нибудь ещё». — Восстановление энергетического контура тоже когда-то считалось невозможным, однако ты доказала, что это не так. И память тебе мы обязательно вернём, что бы ни говорили... всевозможные специалисты.

Эн отвела глаза, подумав — если бы не сегодняшние слова Рона, в этот момент она непременно сказала бы что-нибудь в стиле «Это всё не имеет значения, лишь бы ты был рядом». И Арманиусу наверняка было бы неловко.

Теперь же она промолчала.

Будет он рядом или нет — неважно.

Она в любом случае справится со всеми трудностями. Справлялась в той жизни, с памятью, справится и без неё.

«Память — это не так важно, как характер, — сказал Эн Валлиус, когда она лежала в госпитале. — А он остался при тебе».

Вот именно. Характер остался при ней. А память... Память она новую наработает!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Проснувшись утром на следующий день, Берт наконец ощутил себя человеком. В смысле — магом. И о последствиях вчерашней процедуры напоминали только лёгкое головокружение от резких движений, периодическая небольшая тошнота и сонливость. В остальном — ну просто замечательно!

Хотелось уже начать магичить, но в тетради Эн стояло предупреждение, что лучше воздержаться от магии хотя бы двое суток. Одни уже есть... Осталось продержаться вторые.

Берт потянулся в постели и зажмурился, родовой магией чувствуя, как сладко спит Эн у себя в комнате. Ощущать её, не видя, было одновременно и приятно, и немного больно.

Что там вчера болтал Гектор про Арчибальда? Арманиус поморщился, качая головой. В этой жизни Эн, возможно, и выберет его, Берта, но в той она уже сделала другой выбор, приняв кольцо принца. И пользоваться сейчас отсутствием её памяти... нечестно. Если Арчибальд сам отойдёт в сторону — другое дело. Но пока он этого делать явно не собирается, что бы там ни болтал Дайд.

Кстати, о Гекторе.

Хорошенько наевшись вчера, он, как следствие, хорошенько подобрел, и вновь стал раскладывать по полочкам то, что интересовало Берта больше всего по отношению к главному дознавателю — расследование дела покушения на Эн.

— Преступления бывают прямые, а бывают косвенные, — лениво начал Гектор и, наткнувшись на два удивлённо-любопытных взгляда, пояснил: — Прямое — это когда цель одна, и она ясна и понятна. Ну допустим, когда наследник убивает своего родственника ради того, чтобы получить наследство. Никаких скрытых мотивов, никаких подводных камней — дознавателям только надо доказать, что это сделал именно он. А косвенным я называю преступление, совершённое ради другого преступления. Например, сначала убить второго наследника, а потом уже — родственника, составившего завещание. Тут, правда, связь слишком уж очевидна, так бывает далеко не всегда.

— Ты думаешь, с Эн...

— Да, — кивнул Гектор. — Скорее всего, мы имеем дело с косвенным преступлением, совершённым ради иной цели. Убрать Эн — одна из ступенек на лестнице, ведущей...

— К трону Альго? — предположил Берт, и Дайд удивлённо поднял брови. — Что? Не угадал?

— Это одна из версий, — ответил дознаватель мягко и вкрадчиво, точь-в-точь змея перед броском. — Одна из.

— Ладно, верю. Но у меня не хватает фантазии, чтобы представить, как Эн может быть с этим связана.

— Ну почему сразу Эн? Может, ты.

Арманиус задумался, а Эн уже спрашивала:

— А Берт-то как может быть связан с Альго, если он не наследник? Или ты сейчас опять начнёшь рассуждать о том, что связь бывает прямая, а бывает косвенная?

Гектор засмеялся и кивнул.

— Да, примерно так и есть.

Больше он ничего не сказал, кроме дурацкой шутки «Много будете знать — быстрее умрёте», отчего Эн даже немного испугалась, и Гектору пришлось перед ней извиняться и уверять, что это просто его чувство юмора дало сбой.

Сам же Берт ничего больше не спрашивал, понимая, что Дайд всё равно не расскажет. И

так-то много уже наболтал.

Что ж, если рассуждать логически — а с логикой у Арманиуса всегда был полный порядок, — чтобы кому-то завладеть тронем, нужно... Хм, много всего нужно. Пойдём с конца — убрать Арена. Но этого мало. Венец на Церемонии выбирает сильнейшего, и рассчитывать на то, что он ляжет именно на твою голову — верх идиотизма. И это если речь идёт об Альго, а если Венец хочет заполучить человек, который не имеет отношения к правящей династии?

Берт усмехнулся и потёр лоб, понимая, что не завидует Дайду. В этих хитросплетениях разобраться — мозги себе переломаешь.

В любом случае — чтобы Венец лёг на определённую голову — и сейчас даже неважно, на голову Альго или претендента с другой фамилией, — нужно либо поубивать всех наследников к демонам, либо... как-то воздействовать на Венец.

Первый вариант пахивал утопией, если только речь не шла о трёх главных наследниках, а вот второй... Родовая магия — сложная штука, но неужели кто-то знает или предполагает, что ей можно управлять?

Ага, прекрасная идея. Только при чём здесь Берт? Он ведь... ведь...

Хм.

У него есть университет. По сути — это артефакт, равный по мощности десяти «Иллюзиям». Арманиус прекрасно знал и ощущал, сколько в здании чистой силы. Только ему, как ректору, было подвластно подпитываться от университета и в каком-то смысле управлять этой силой.

Может, в этом разгадка? В силе университета, которой может управлять только ректор. И кто-то не желает, чтобы Арманиус оставался им и дальше.

Вот же демоны...

Берт поморщился, ощущая, как к горлу подступает тошнота. Ему страшно не хотелось, чтобы в этом дерьме оказался замешан Велмар. Пусть лучше его планируют убрать после Арманиуса, чем... такое.

Но ладно ректорство и родовая магия, которой Агрирус всегда бредил. Берт в жизни не поверит, что Велмар хочет занять трон Альго. Его всегда интересовала только наука, преподавание, артефакторика. А вот императорство — нет.

Значит, заговорщиков несколько. Возможно даже, их много.

Демоны...

Только бы среди них не было Велмара!

После завтрака Берт занимался с Эн историей и географией, а заодно и чтением. Она читала уже гораздо лучше, и писала тоже, и у Арманиуса появилась надежда, что в случае необходимости она сможет пройти полный школьный курс не за десять лет, как предполагается, а года за три. А то и быстрее.

Конечно, он рассчитывал вернуть Эн память, но кто знает... Вдруг Дайд ошибётся и Берта убьют? Он талантливый дознаватель, но не сам Защитник.

Гектор, как и обещал, перенёсся в дом Арманиуса сразу после обеда и, взяв координаты шаманки, не мешкая начал строить пространственный лифт.

— Готова? — спросил Берт негромко и взял Эн за руку. Она кивнула, улыбнувшись чуточку нервно. — Не волнуйся.

— Знаете, как говорил мой отец, лучший аптекарь Риамы? — подал голос Гектор, не отвлекаясь от построения лифта. — «Всё будет так, как должно быть, даже если будет иначе».

— Вот именно, — подтвердил Берт, подумав: нет уж, никаких «будет иначе».

Всё будет так, как он хочет, и никак иначе — вот так лучше.

Сегодня Ив Иша была еще больше похожа на хищную птицу или ведьму из сказок, чем в прошлый раз — платье на ней было чёрное, и в сочетании с красной лентой в седых волосах это смотрелось жутковато. Даже Дайд впечатлился и с интересом спросил:

— Уважаемая, от вас дети на улице не разбегаются?

Шаманка весело улыбнулась.

— Нет. Все местные давно ко мне привыкли, с младенчества видели. А больше я никуда не выезжаю.

Чуть позже, когда они втроем расселись на диване в гостиной, Ив Иша вынула из деревянной шкатулки сплетённую два дня назад куколку и протянула её Эн.

— Держи, милая. Расплетай всё, как доберёшься до зеркала внутри — смотришь. И скажи, что ты в нём видишь.

Эн взволнованно начала расплетать собственные волосы пополам с какой-то травой. Удивительно, но сейчас всё выглядело так, будто двое суток отмокало в каком-то рассоле — куколка была вся мокрая и пахла чем-то кислым.

Дойдя до осколка, Эн чуть не уронила его, так тряслись руки. Заглянула внутрь... и разочарованно вздохнула.

— Чёрное... всё чёрное. Ничего нет.

Ив Иша печально покачала головой.

— Что ж, в таком случае я не смогу помочь тебе, милая. Но, — это шаманка говорила уже глядя на Берта, — если хотите, я посмотрю, кто может помочь.

— Посмотрите? — переспросил Арманиус удивлённо. — Как?

Наверное, он, как и Эн, представил, что Ив Иша сейчас начнёт заглядывать в очередное зеркало.

— По картам.

Пока присутствующие заинтересованно и озадаченно молчали, шаманка подошла к шкафу, взяла с одной из полок толстую колоду карт и вернулась к столику. Села на диван, хорошенько перемешала колоду, вздохнула и сказала:

— Итак, давайте узнаем, как можно вернуть тебе память, милая.

Сняла солидную стопку карт сверху колоды и положила на стол первую карту...

Когда первая карта легла на стол, Берт подался вперёд, пытаясь рассмотреть, что на ней нарисовано.

Что ж, он, конечно, не гадалка, но даже он прекрасно понимал, что в карте с гробом наверняка нет ничего хорошего.

Ив Иша раскладывала дальше, и её загорелые худые руки порхали над столом. Лицо не выражало ничего, кроме сосредоточенности, и было невозможно угадать, что говорят ей карты.

В конце концов, выложив девять карт, шаманка подняла голову. Обвела очень странным, каким-то пустым взглядом присутствующих, и остановилась на Берте.

— Мне нужно поговорить с тобой.

Она как-то резко перешла на «ты», но Арманиус не стал возражать — ему было безразлично.

— Хорошо, — он кивнул. — Конечно.

— Ты не понял. Они, — длинный палец ткнул в Эн и Дайда, — пусть выйдут. Им слышать нельзя.

Эн рядом удивлённо вытаращила глаза, а Гектор, усмехнувшись, протянул:

— Я главный дознаватель Альганны, мне всё можно слышать.

— Тогда не буду говорить, — Ив Иша мотнула головой. — Нельзя.

На несколько секунд в гостиной повисло молчание, а потом Дайд встал, аккуратно взяв под руку Эн.

— Ладно, мы снаружи подождём. — И быстро ушёл. Даже дверь за собой прикрыл.

Как только шаги Гектора и Эн стихли, шаманка отмерла. Подошла к шкафу, налила себе воды из графина в стакан, сделала большой глоток и вернулась за столик.

— Значит, так. Слушай. Карты говорят, что вернуть память девочке возможно, но для этого нужно многим пожертвовать. Скажем так — похоронить что-то важное. Это необходимо, как залог. Иначе никак.

— Я понял.

Сердце у Берта билось, как шальное. Вернуть память возможно!

— Но это не жизнь, — Ив Иша пристально смотрела на него, сверкая ярко-голубыми глазами. — Почти как жизнь, но не она. Дальше... Ещё карты говорят, что тебе необходимо найти знающего человека и поговорить с ним.

— С вами, что ли?

— Нет. Этот человек очень стар и не хочет никого видеть, но ты должен добиться, чтобы он тебя принял. Он — ключ к твоему успеху. Благодаря ему ты что-то поймёшь, что позволит тебе добраться... вот до этого. — Ив Иша взяла пальцами одну из карт и приподняла её над столом, протягивая в сторону Берта. — Узнаёшь?

Арманиус молчал, разглядывая рисунок на карте.

Там был изображён огонь. Ничего, кроме огня. Чистейший живой огонь.

— Да.

Шаманка удовлетворённо кивнула.

— Пройдёшь огонь — получишь то, что хочешь, вернёшь ей память.

— Сам умру?

— Я ведь только что сказала — похоронить что-то важное, но не жизнь. Это что-то другое. Жив останешься, просто потеряешь нечто необходимое. И старца ищи, он даст тебе информацию. Справишься, не отступишь, не побоишься — вернётся к девочке память. — Ив Иша положила обратно на стол карту с огнём, аккуратно собрала ладонью расклад, вернула его в колоду и подытожила: — Всё, больше мне нечего сказать. Можешь идти.

— А деньги?

Шаманка улыбнулась.

— Не стану я брать ни гроша от человека, у которого хватит смелости войти в Геенну.

Берт встал из-за стола и спросил:

— Думаете, хватит? Не струшу в последний момент?

— Карты говорят, что нет.

— А карты всегда говорят только правду? — поинтересовался Берт, чувствуя себя

любопытной Эн. — Или?..

— Всегда, — отрезала шаманка. — Лгут вообще, — она усмехнулась, — только люди.

Эн и Дайд ждали недолго — через пару минут Берт покинул дом Ив Иши. Он казался задумчивым и мрачным, но решительным.

— Как успехи? — поинтересовался Гектор. — Сказала она что-нибудь стоящее?

— Да, — кивнул Арманиус и улыбнулся Эн. — Не волнуйся, всё в порядке.

— Я волнуюсь, — девушка вздохнула, глядя на Берта с тревогой, — потому что она попросила нас выйти. Зачем? Она говорила что-то страшное?

— Нет. Просто так будет лучше.

Эн закусила губу. Она не знала, что ещё можно спросить, чтобы Берт рассказал про шаманку, и почувствовала себя человеком в западне.

— Значит, память можно вернуть? — вместо Эн уточнил Дайд.

— Можно. Это сложно, но не нереально. Всё будет хорошо.

Судя по лицу дознавателя, он в этом сомневался, но промолчал.

Весь оставшийся день, занимаясь с Бертом программой для младших классов, Эн толком не могла сосредоточиться, переживая за произошедшее в доме шаманки. Она волновалась не из-за себя — из-за Берта. Очень не хотелось, чтобы он чем-то жертвовал, а если судить по его лицу, жертвы там наверняка понадобятся.

И после ужина она не выдержала.

— Что всё-таки сказала шаманка? — спросила Эн, как только Арманиус доел десерт и отодвинул в сторону чашку с допитым чаем. — Ты... я надеюсь, тебе не нужно будет делать что-то слишком опасное?

— Нет, — ответил Берт спокойно, но глаза отвёл. — Не думай об этом. Я разберусь.

Защитник, ну что же делать? Она не могла объяснить, почему так волнуется — боялась раскрыться и показать свои истинные чувства, — но оставить это всё на самотёк тоже нельзя...

— Пожалуйста, — сказала она тихо, но надеясь, что убедительно, подалась вперёд и дотронулась до руки Берта, — не делай ничего, что потребует каких-то жертв. Не нужно, я справлюсь и без памяти.

Он улыбнулся и невесомо погладил её ладонь.

И ответил так, что Эн сразу поняла — бесполезно. Что бы она ни говорила, что бы ни делала — бесполезно.

Будет так, как он решил.

После ужина Арманиус набрал по браслету связи Велмара и, внутренне морщась от собственных подозрений, спросил, как только проректор взял трубку:

— У тебя есть координаты архимагистра Альдеуса?

Велмар, судя по лицу, очень удивился.

— Что?.. Да, конечно. Но зачем?

— Я хочу показать ему Эн. Вдруг он сможет помочь, подскажет, как снять блок на памяти.

— То есть, мне ты уже не доверяешь? — Агрирус весело улыбнулся. — И остальным артефакторам, работающим у Дайда, тоже? Они ведь её смотрели. И её, и артефакты,

которые в деле фигурируют. Дайд там человек двенадцать привлёк, если мне не изменяет память.

Берт понимающе кивнул — что ж, это логично, мало ли, кто какое заключение даст? Хотя лучшего артефактора, чем Велмар, Арманиус всё равно не знал.

Хотя... возможно, Атрей Альдеус лучше. Но Берт был с ним практически не знаком. Альдеус учил Велмара, но так как проректор был чуть старше, получилось, что архимагистр ушёл из университета на третий год обучения Берта. Звёзд по артефакторике Арманиус не хватал, и старый маг почти не обращал внимания на молодого студента.

Забавно, но Атрей Альдеус был единственным архимагистром, который добился у тогдашнего императора разрешения не являться на Совет. Впрочем, он вообще никуда не являлся. Насколько Берт был в курсе, Альдеус жил где-то на отшибе, один, словно отшельник, и практически ни с кем не общался.

Сам Берт помнил его как маленького и тощего старикашку с дурным характером. Очень маленького, очень тощего и с очень дурным характером...

— Доверяю, Велмар. Но сегодня нам и неофициальная медицина подтвердила, что ничего не получится, и я, наверное, цепляюсь за ложную надежду. Но я всё-таки хочу попробовать что-то ещё, пусть даже совсем бредовое... для успокоения собственной совести.

Проекция Агрируса подняла брови.

— Совести? Берт, ты о чём?

— В смысле? Считаешь, что у меня её нет?

— Да при чём здесь это. Я имею в виду — какое отношение твоя совесть имеет к случившемуся с Эн Рин? Ты совершенно, ни капли не виноват!

— Умом я это понимаю, но...

Брови Велмара поднялись выше.

— Только не говори мне, что ты... Защитник! Собираешься конкурировать с принцем? Смотри, а то еще Арчибальд решит устранить соперника, — сказал Агрирус, смеясь. — Кстати, как твоё выздоровление?

— Идёт полным ходом. К следующему Совету архимагистров точно буду в форме. Так ты дашь координаты?

— Кто о чём, а вшивый... — Велмар закатил глаза. — Ладно, дам. Сейчас найду в записной книжке и пришлю тебе по почтомагу. Только ты не говори ему, что это я дал координаты.

— Почему? Мстить, что ли, будет?

— Зачем мстить, если можно сразу оторвать голову? Атрей прямолинеен, упрям и резок, как удар хлыста.

— Вот заодно и познакомлюсь.

Агрирус усмехнулся и покачал головой.

— Познакомишься, да. Если он тебя сразу не упокоит.

Теперь, разобравшись с координатами, нужно было связаться с Дайдом.

Гектор долго не отвечал, а когда ответил, выглядел сонным и взъерошенным, и ни разу не напоминал ни дерево, ни змею — только смертельно уставшего человека.

— Ну что такое, Берт? — простила его проекция, хлопая почти бесцветными глазами. — Что-то случилось? Только я решил отдохнуть...

Было одновременно и неловко, и смешно.

— Нет. Меня, как видишь, пока не убили.

— Безмерно рад. Тогда в чём дело?

— Я хотел попросить тебя на время дать мне на руки артефакты — или то, что от них осталось — по делу Эн.

С Гектора моментально слетел весь сон.

— Свихнулся? — спросил он удивлённо. — Или я у тебя свои сигары оставил?

— Нет, — засмеялся Берт, — на оба вопроса. Я хочу показать артефакты Атрею Альдеусу, пусть тоже посмотрит и вынесет вердикт. Ну и на Эн заодно пусть посмотрит.

Дайд прищурился и спросил то, что Берт, пожалуй, меньше всего ожидал услышать:

— Это как-то связано с шаманкой?

Демоны, и как он догадался? Вот что значит — дознаватель.

— Ну допустим.

Гектор кивнул.

— Ладно, завтра с утра занесу тебе вещественные доказательства по делу Эн. Под личную ответственность. Если что, потом голову оторву.

— Спасибо, — искренне поблагодарил его Берт. — Я в долгу не останусь.

— Да брось, — отмахнулся Дайд и добавил: — Она заслуживает того, чтобы к ней вернулась память. Такую жизнь нужно помнить. Она, конечно, не пропадёт, даже если не вспомнит, но всё-таки...

— Да, всё-таки... Знаешь, о чём я ещё подумал... Получается, если Эн, разрабатывающую такую важную тему о восстановлении контуров, попытались убить, то...

Берт запнулся, и Гектор поторопил его, хмыкнув:

— Ну-ну?

— Это значит, что их цель кажется им гораздо важнее восстановления магии после выгорания.

— Молодец. Пойдёшь ко мне работать?

— Ни за что.

— Жаль.

— Так я прав?

— Откуда ж я знаю? — хитро улыбнулся Гектор. — Дело ведь пока не раскрыто.

Вот жук.

Но он прав — дело пока не раскрыто.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Неугомонный Дайд примчался еще до завтрака, и Берт, не успевший продрать глаза, смотрел на то, как посреди его прихожей из пространственного лифта возникает нечто зелёное, длинное и до возмущения бодрое.

— Держи, — сказал Гектор, протягивая Арманиусу запечатанный пакет с номером. — Головой отвечаешь. Не вернёшь или вернёшь не всё — оторву её в прямом смысле слова.

— Спасибо. Я у тебя в долгу.

Дайду, кажется, эта мысль понравилась.

— Удачи тебе с Альдеусом. Я не знаком с ним лично, но слышал про него много... хм... хорошего. Не представляю, как ты будешь с ним договариваться.

— У меня есть козырь, и я надеюсь, что он сработает, — ответил Берт, про себя надеясь, что действительно сработает. Ведь если нет, то непонятно будет, как действовать дальше. Не драться же с архимагистром на магической дуэли, после чего связывать и заставлять выслушать?

Кстати...

Берт прислушался к себе. Чувствовал он себя отлично, сила струилась по контуру, как кровь по венам и артериям, не встречая ни малейшей преграды, и по идее, уже можно было магичить.

Дайд, словно заметив его задумчивость, поинтересовался:

— Лифт-то сам будешь строить? Можешь уже?

Арманиус вздохнул... и вспыхнул огнём, заставив Гектора вздрогнуть от неожиданности.

— Демоны, ты бы предупредил...

— Зачем? Так интереснее, — ответил Берт весело — эйфория от использования силы архимагистра накатила знатная. — Думаю, что да, я смогу построить лифт.

— Ты смотри, может, не надо? Пространственные лифты — вещь непростая, а ты только восстановился.

— Да я понимаю, — Арманиус поморщился, — но дело не в этом. Думаю, чем меньше будет у Альдеуса гостей, тем проще ему будет нас...

— Выставить?

— Нет, выслушать. Я и Эн — достаточно. И потом, — Берт иронично улыбнулся, — Ив Иша не предсказала мне гибель в пространственном лифте.

— Ты ей так веришь? — протянул Гектор с сомнением. — Нет, я ничего не хочу сказать, но она всё-таки человек, а не Защитник, она может ошибаться. Взял бы лучше с собой охранника Арчибальда от греха...

На самом деле это предложение было более чем разумным, но наряду с этим Берт чувствовал — не следует брать никого к Альдеусу, кроме Эн. Иначе ничего не получится, не станет старик их слушать.

— Справлюсь.

— Ну как хочешь.

Сразу после быстрого и какого-то нервного завтрака Берт попросил Эн подождать в коридоре, а сам зачем-то убежал в свою комнату. Вернулся он практически тут же, вместе с небольшим пакетом в руках.

— Подержи, пока я буду строить лифт.

Эн обеспокоенно помялась с ноги на ногу.

— Но Берт, ты уверен, что тебе можно? Я знаю, это непростая магия.

— Очень непростая. Но я всё-таки справлюсь, не волнуйся.

Несколько секунд Эн молчала, наблюдая, как Арманиус соединяет линии и выводит формулы, а после спросила:

— А я умела так? Наверное, нет, у меня же очень маленький уровень дара?

Берт чуть улыбнулся.

— Умела-умела, и ещё как.

А затем он рассказал ей, как именно она строила пространственные лифты, и Эн обомлела. Сразу безумно захотелось всё вспомнить... и вновь проделать то, что она сейчас могла назвать не иначе, как трюком.

Эн вообще давно поняла — магия её привлекает, и было безмерно жаль, что ею совсем нельзя заниматься. Даже при помощи артефактов, как раньше — слишком рискованно.

Берт между тем закончил с лифтом и протянул ей руку.

— Держись за меня.

Эн взяла его ладонь и встала чуть ближе, второй рукой прижимая к себе драгоценный пакет. Арманиус кивнул, выписав прямо перед собой какую-то заковыристую букву, и следом за этим стены лифта засветились. Прихожая пропала из виду, зато через пару мгновений перед Эн появилась небольшая полянка на вершине горы. Впереди них была пропасть, а позади — лес.

— Что за... — пробормотал Берт. — Я ошибся, что ли?

Он вытащил из нагрудного кармана пальто листочек и взгляделся в него.

— Да нет, всё правильно. И где тут обитает Альдеус?

Эн хотела пошутить, что вряд ли им нужно прыгать в пропасть, но не успела — Берт стремительно развернулся лицом к лесу и, взмахнув рукой, обратил в снежинки стену из сплошного огня.

— Выслушайте нас, архимагистр! — крикнул он в никуда, пока Эн в лёгком шоке отряхивалась от снега, который залепил её всю — от носков сапог до лба. Но тут грех жаловаться — мягкие снежинки были куда лучше обжигающего огня. — У нас к вам важное дело!

Вместо ответа со стороны леса, завывая, в их сторону полетело нечто, напоминающее песчаную бурю в пустыне. Но Эн даже испугаться не успела — Берт послал этот песок в обратный путь.

— Силён, демонёнок! — скрипуче сказал кто-то из глубины леса. — А если так?

На этот раз Эн вскрикнула — из леса с дикой скоростью на них летели палки, ветки, коряги и куча сухих листьев, грозя отхлестать, пронзить и завалить собой.

А Арманиус только улыбнулся — и, поведя плечами, отправил это всё в пропасть по кривой траектории над их головами.

— Архимагистр! — вновь крикнул он, пока Эн наблюдала за пролетающими над ней палками. — Ну хватит уже. Мы всё равно не сдадимся, не тратьте своё время зря, лучше выслушайте, это недолго. Кроме того... Я знаю, что вы когда-то давно пытались купить у моего отца Зазеркалье. Я отдам его вам, если вы ответите на парочку моих вопросов.

Ветки резко закончились, и от тишины, повисшей над поляной, у Эн даже чуть уши заложило.

Тишина была напряжённой, задумчивой, и Берт не нарушал её, видимо, полагая, что он сказал всё необходимое.

— Ладно, — проскрипел кто-то, и со стороны леса послышалось шуршание. Только теперь оно было вполне мирным. — Раз уж Зазеркалье... Давай свои вопросы.

И на поляну шагнул старик.

Он был очень-очень старый. Маленький, на голову ниже неё, худой, сморщенный, с длинной седой бородой, заткнутой за пояс, такими же длинными белыми волосами и с посохом, в который была превращена обыкновенная толстая ветка дерева.

Одет он был в тёмно-коричневое нечто, напоминающее кусок ткани с дырками для рук и головы, и перетянутое поясом на талии хоть для какой-то стабильности.

Этот старик выглядел гораздо более странным, чем Ив Иша. И глаза у него не были добрыми, как у шаманки. Светлые, прозрачные и прищуренные, они казались скорее уставшими и раздражёнными неожиданным визитом.

— В дом не пригласите? — усмехнулся Берт, и получил в ответ резко-скрипучее:

— Не наглей. Хватит с вас моей полянки для пространственного лифта. В дом их ещё приглашать, ты подумай! Вопросы свои давай. Хотя, нет, сначала покажи Зазеркалье. А то, может, ты меня обманываешь.

— Какой сумасшедший станет вас обманывать, — Арманиус поднял брови и забрал из рук Эн отданный еще до перемещения пакет. — Смотрите.

Эн вытянула шею, готовясь увидеть нечто интересное, но Берт достал из пакета всего лишь крошечный осколок зеркала.

Захотелось разочарованно вздохнуть, но старик её разочарования явно не разделял — он обрадовался так, что даже стал чуть выше ростом, выпрямив сгорбленную спину.

— Вот же демоны, и правда Зазеркалье. И что, ты мне его отдашь за ответы на вопросы? Что же там за вопросы такие, если ты за них предлагаешь самый дорогой артефакт в мире?!

Эн удивлённо рассматривала осколок зеркала. Совсем маленький, меньше её ладони... И что в нём особенного?

— Вопросы простые. Посмотрите-ка на мою спутницу, архимагистр.

Старик перевёл взгляд на Эн. Нахмурился, оглядывая её, а потом фыркнул.

— Это кто же так с артефактами-то нахимичил, что у девочки воспоминания начисто снесло?

— Мы не знаем, кто, — продолжил Берт. — Но решающую роль сыграло кольцо с магией императорской семьи. Родовая магия...

— Ясно, — архимагистр кивнул. — Я вижу. Альго... ох уж эти потомки Защитника, вечно с ними какие-то проблемы. В последний раз ко мне приходил этот... как его... да, Арен. Нынешний ваш император. Тоже вопросы всякие задавал дурацкие. Он тогда как раз выяснил, что его порталная ловушка не берёт.

Эн почувствовала, что Берт рядом с ней застыл, словно его заморозили.

— Не берёт? — выдохнул изумлённо.

— Ну да. Это ж огонь, ловушка-то, а Альго в огне не горят. И в воде не тонут, хе-хе...

— Архимагистры тоже не горят...

— Не совсем. Ты, мальчик, не путай. У Альго другой огонь, родовой, огонь Защитника, как часть Геенны. Архимагистра порталной ловушкой убить можно. Сложнее, чем обычного мага, но можно. Альго же — только в том случае, если ловушку построит

кровный родственник.

Берт хмурился и кусал губы, и Эн ощущала — ему не слишком нравится то, что говорит старый архимагистр.

— Получается, Альго — сами по себе нейтрализаторы?

— Да, практически ходячие артефакты.

— Но Арен тогда не знал? Когда его попытались убить порталной ловушкой. Он не знал?

— Нет. У Альго много особенностей, все и не упомнить. Даже если слышал, не запомнил.

— А артефакторы? Обычные артефакторы? — в голосе Берта звучало волнение. — Они об этом знают?

— Смотря какие, — пожал плечами старик. — Хорошие артефакторы, которые родовой магией интересуются, знают. Но таких, я думаю, процента два-три, не больше.

— Ясно, — Арманиус вздохнул. Лицо его как будто почернело. — Архимагистр, посмотрите то, что мы с собой принесли. Это материалы по делу, артефакты. Может, вы скажете нам что-нибудь новое...

— Это вряд ли. Но давай, посмотрю.

Первым из пакета, который Арманиус протянул старику, был вытащен ключ. Небольшой металлический ключ от какой-то двери.

— Активатор порталной ловушки, — сразу определил архимагистр. — С погасшей, то есть, использованной формулой. Ничего особенного. Кто именно сюда формулу впалял, сказать невозможно при всём желании, простейшие артефакты память о своём мастере не хранят.

Следом из пакета показалось кольцо.

— О, — старик чуть оживился, — а вот и магия Альго, будь она неладна. Всего-то небольшое ментальное воздействие, чтобы носитель этого кольца не мог причинить физический вред членам династии, а какая разрушительная сила в итоге! Кто бы мог подумать, что родовая магия Альго войдёт в резонанс с порталной ловушкой...

После этого архимагистр достал из пакета тонкую серебряную цепочку, на которую Арманиус воззрился с недоумением.

— О-о-о, — протянул старый маг, — очень талантливый артефактор делал, очень. Тонкое плетение, остатки формул аккуратные... Портальная ловушка почти всё снесла, но кое-что осталось. Всякие защитные заклинания. Простейшие, но хорошие. Отличный амулет для тех, у кого нет резерва, чтобы носить что-то более мощное. И кстати, — архимагистр прищурился, рассматривая цепочку, — возможно, дело не только в кольце Альго, но и в этом амулете тоже. Сейчас сказать сложно, здесь только обрывки формул... Но что-то ментальное могло быть, есть такие признаки. Тогда кольцо могло войти в резонанс не только с ловушкой, но и с этой цепочкой, и вызвать потерю памяти. Что врачи-то говорят? — Старик поднял голову и посмотрел на Эн. — Помогут?

— Нет, — ответила Эн тихо. — Необратимо.

— А вы? — вмешался Берт. — Вы не можете?

— Я тут бессилен, — архимагистр положил цепочку в пакет и отдал его Арманиусу. — Я не врач, а артефактор. Не существует такого артефакта, который создал бы что-то из ничего. Всегда нужен какой-то материал, с которым работают. А у неё в голове, — он кивнул на Эн, — пустота.

— Ясно, — кивнул Берт и, прикрыв глаза на секунду, через мгновение протянул архимагистру обещанный осколок зеркала. — Держите. Спасибо вам за ответы.

— Да не за что, — обрадовался старик, осторожно принимая зеркало. И, подумав,

добавил: — Ты заходи, если еще что-то захочешь спросить. Тебе теперь можно.

Мысли мчались по кругу на бешеной скорости, перегоняя друг друга, и Берту, пока он строил пространственный лифт назад в свой дом, казалось, что голова скоро взорвется изнутри.

И на этот раз дело было не в том, что Альдеус не смог помочь Эн. Нет, совсем не в этом. По правде говоря, Берт и не ожидал, что архимагистр сможет. Шаманка сказала, что он — ключ, и теперь Арманиус понял, от чего.

Точнее, к чему. К разговору с Аренем.

Демоны его побери! Альго не берёт порталная ловушка. Но ведь по официальной версии считалось, что покушение было на Арена, а оказавшаяся рядом Агата его защитила, сплетя нейтрализатор. А что теперь оказывается? Ей не нужно было его защищать, потому что он всё равно бы не погиб. Тогда в чём дело?

От того, какие мысли крутились в голове по поводу Арена и Агаты, Берту становилось тошно.

И да — он должен поговорить с императором. Не только ради Эн, но и ради себя самого и своей семьи.

— Берт?.. — почти прошептала Эн, как только они оказались в прихожей дома Арманиуса. — Ты в порядке?

О нет, он не был в порядке. Но говорить об этом не стоило.

— Да. Не волнуйся.

Она явно не поверила. И спросила, наверное, чтобы отвлечь:

— А что это за Зазеркалье такое? Выглядит как обычное зеркало...

— Древний артефакт. Таких осколков всего штук пятнадцать осталось. Считается, что это зеркало, закалённое огнём Геенны, но как именно оно сделано, никто точно не знает. Зазеркалье позволяет посмотреть сквозь любое другое зеркало, какое захочешь, минуя любые защиты. Как замочная скважина, в общем.

— Ничего себе... Полезно, наверное...

— Не слишком. Видела его размер? Ну и что можно рассматривать через такой осколок? Масштаб же, так сказать, реальный. А двигать «картинку» нельзя. И звука нет. Так что Зазеркалье в плане полезности — полнейшая ерунда, и в основном эти осколки интересуют артефакторов, как образец их искусства. В нашем роду Зазеркалье хранится давно, и я помнил, что Альдеус как-то хотел купить его у отца, но тот не продал.

Эн чуть помолчала, а потом осторожно спросила:

— Но зачем ты отдал его сейчас? Просто так, по сути, за пятиминутный разговор... Зачем?

— А зачем мне нужен этот артефакт? Он бесполезен, я ведь сказал.

— Но твоему отцу он ведь был нужен...

Берт улыбнулся. Да, отец за такое размазал бы его по стенке, а потом отскрёб и снова размазал. Отдать родовую ценность. Да что там ценность — бесценную вещь. Да, бесполезную, но она переходила от Арманиуса к Арманиусу много лет.

Но как Берт ни старался, он не мог ощутить ни малейшей толики сожаления по поводу своего поступка. Оно того стоило. Если добытые у Альдеуса сведения помогут ему в разговоре с Аренем — точно стоило.

— Моего отца уже несколько лет как нет в живых, Энни. И поверь, если бы он знал, что взамен на Зазеркалье я получил информацию о гибели Агаты, он бы понял меня.

Пока Эн молчала, Берт продолжал рассуждать.

Теперь, не откладывая, нужно идти к Арену. Если он, конечно, примет. А потом... если он даст своё разрешение и снимет печать... Да, потом нужно сразу делать то, что задумал.

— Энни... Ты побудь немного дома, хорошо? А мне необходимо отлучиться.

— Куда? — она встрепенулась, словно птица, почувствовав угрозу в виде кошки, подбирающейся к её птенцам.

— Хочу поговорить с императором. Не переживай, я вернусь через пару часов целый и невредимый, и пообедаем.

Эн смотрела на него несколько мгновений, хмуря лоб и брови, и это было так мило, что Берт улыбнулся. Увидев эту улыбку, она перестала хмуриться, но сказала всё-таки очень серьёзно:

— Обещай, что с тобой ничего не случится.

— Обещаю, — ответил он одновременно легко и тяжело, ощущая внутри себя щекотку радости — от того, что Эн беспокоится, — и вины — от того, что он врёт.

Случится. Конечно, случится. Но всё-таки это будет чуть позже.

По дороге во дворец Берт связался с императором и договорился о встрече. Ему повезло — Арен был в столице и оказался не занят никакими совещаниями или официальными визитами представителей других стран. Немного удивился, услышав просьбу Арманиуса о встрече — «и лучше сегодня» — но согласился.

Берт ожидал, что сразу после прибытия его проведут в кабинет для посетителей, но ошибся — слуга привёл Арманиуса в детскую.

Арен, расслабленный и улыбающийся, лежал на полу, точнее, на мягком ковре светло-персикового цвета, и играл в игрушечные магмобили вместе со своим трёхлетним сыном Александром. Рядом, забравшись с ногами на диван из белой кожи, с серьёзным лицом сидела шестилетняя Агата и изучала какую-то большую и яркую книжку.

Как только Берт, слуга и охранник вошли в детскую, присутствующие в ней подняли головы. Арен моментально перестал улыбаться и лежать на полу, Александр — играть в магмобили, а Агата — поджимать ноги. Она выпрямилась и разгладила юбку, глядя на вошедших серьёзно и снисходительно.

«Альго. Типичные Альго, все трое», — подумал Берт, а вслух сказал:

— Добрый день, ваше величество. Здравствуйте, ваши высочества Агата и Александр.

Дети склонили головы, а Арен поднялся с пола.

— Я скоро вернусь, — произнёс он, обращаясь к ним, а потом вновь повернулся к Берту. — Пойдём в кабинет. Не хотел терять ни минуты, поэтому попросил, чтобы тебя привели сюда. Но разговаривать будем там.

Арманиус кивнул, пристраиваясь следом за императором.

Кабинет для приёма посетителей находился чуть дальше по коридору. Берт знал, что этот кабинет считается парадным — там Арен только выслушивал гостей, а работал он совершенно в другом помещении.

Здесь царил идеальная чистота. Шкафы из тёмного дерева, заполненные книгами, которые, кажется, никто и никогда не доставал — такой на полках был идеальный порядок. Большой и широкий стол, на котором ничего не стояло, кроме набора для письма — бумага, карандаш и ручка с длинным декоративным пером, — кожаное кресло по ту сторону стола для императора и два дивана, будто бы согнутых дугой — для посетителей.

За столом располагалось окно, и оттуда лился мягкий дневной свет, немного

приглушённый явно магически затемнёнными стёклами — чтобы не так сильно бил по глазам гостей.

— Рассказывай, что привело тебя ко мне.

Арен сел в кресло и, сложив руки на столе перед собой, внимательно посмотрел на Берта чёрными и немного жуткими глазами.

Помнится, некоторое время после коронации Арманиус не мог в них смотреть — так странно ему было, что у человека, которого ты знаешь много лет, могут вдруг измениться глаза. Почерневшая радужка, чуть увеличившаяся в объёме — это было необычно.

— Я сегодня разговаривал с Атреем Альдеусом, — начал Берт и прищурился, изучая реакцию Арена — но тот молчал и казался совершенно спокойным. — Он сказал, что Альго не берёт порталная ловушка. Это так?

— Да, всё верно, — ответил Арен будто бы невозмутимо, но Арманиус заметил, что ладонь на правой руке сжалась в кулак.

— После гибели Агаты мне сказали — ты выжил благодаря тому, что она тебя защитила. Сплела нейтрализатор, успела. Но...

— Да, это ложь. И я надеялся, что ты никогда не узнаешь о ней. Я попросил отца засекретить дело, и он дал разрешение, — произнёс император не менее спокойным голосом. — Возможно, ты бы пережил, но я не хотел ранить твою матушку. Айсиль всегда была добра ко мне.

Удивительно, но Берт ничего не чувствовал. Сердце как будто застыло, заморозилось, и всё, что он сейчас мог ощущать — это сердцебиение.

— Что на самом деле тогда случилось?

— Мы поссорились. Мы ссорились много и начали давно, сразу после того, как я попросил руки твоей сестры. Ты не помнишь, Берт, ты тогда был на севере. Агата не хотела выходить за меня замуж, но Айсиль и Артуро уговорили её. Она меня не любила.

Только на последней фразе — «Она меня не любила» — голос императора чуть дрогнул. Но совсем немного.

— А ты?

— Я любил. И надеялся, что со временем всё изменится, она передумает, растает. Помнишь, как я ухаживал за ней?

Берт кивнул — да, он помнил. Арен постоянно находился у них дома, носил Агате цветы и заваливал её подарками. Сестра... была ли она равнодушной? Вот это Берт не помнил. Кажется, она была холодна, но он принимал эту холодность за обычную женскую хитрость.

— Агате нравился Аарон.

— Но он ведь...

— Да, он уже был тогда женат. Но разве это имеет значение, Берт? Ей нравился мой брат, и она частенько навязывала ему своё общество. Навязывала — потому что Аарон, в отличие от меня, любит свою жену. — Арен чуть усмехнулся. — И он был не в восторге, да. А я — тем более. По этому поводу мы чаще всего и ссорились. И накануне тоже. А утром, во время обычной прогулки в парке, наткнулись на порталную ловушку. Активатор был у меня, его подарила мне сама Агата, и я всегда носил его с собой — амулет-цепочка, чтобы не видеть сны. — Заметив удивлённый взгляд Арманиуса, император пояснил: — Я не высыпаюсь, когда мне что-то снится, поэтому Агата и подарила мне такой амулет. Это была её собственная разработка. Видимо, она вплела туда и формулу порталной ловушки, когда делала.

— Арен...

— Я не закончил. Ловушка сработала, но не так, как рассчитывала Агата. Она должна была уничтожить меня, но я сам — нейтрализатор, точнее, я как стена, наткнувшись на которую, магия перекинулась на ближайшего ко мне человека — на Агату.

Берт вздохнул и на секунду прикрыл глаза.

А Арен продолжал говорить:

— Клянусь, я пытался её спасти. Но у меня было каких-то пять секунд. Пять демонских секунд, во время которых она сгорела заживо.

Теперь сердце разморозилось — и начало обливаться кровью.

А император всё продолжал:

— Велмар и другие артефакторы сказали, что это была её дипломная работа — порталы и порталные ловушки. И артефакты, которые использовались для построения именно этой ловушки, сделала Агата. Если бы ловушка сработала как надо, всё сгорело бы целиком и полностью, и никто не смог бы определить мастера, но её замкнуло, и...

— Арен, — вновь перебил императора Берт, — скажи мне... Серьёзно скажи. Ты веришь, что она могла? Ты веришь в это?

— Я не верил раньше, — ответил Арен, глядя прямо в глаза Арманиусу. — Но потом, после всех доказательств... Кто ещё, Берт? Покушений на меня больше не было. И Агата в то время меня уже, наверное, ненавидела. Говорила, что я навязываю ей своё чувство.

— Арен... Возможно, у вас были разногласия, но убивать?..

— Я тоже не верил раньше, — повторил Арен устало и как-то безнадежно. — И знаешь... лучше не верь. Так легче. Я поэтому и засекретил дело, что знать правду слишком больно.

Берт молчал и думал, хотя думать было неудобно.

Могла ли Агата совершить попытку убить Арена? Нет, ни за что. И дело было не в вере Берта в невиновность сестры, нет. Кое в чём другом.

— Арен... Агата была ученицей Велмара. Свою дипломную работу она писала у него.

— Да, я помню. Что ты хочешь сказать?

— Велмар наверняка знал про твою родовую особенность. Знал же?

— Знал, — кивнул император. — Но Агате не говорил. По крайней мере так он уверяет.

— Моя сестра интересовалась кровной магией, она её изучала. Вашу — в том числе. Арен... она не могла не знать, что тебя не возьмёт порталная ловушка. Послушай, ты же сам помнишь — Агата была очень хорошим, очень талантливым артефактором. Даже если она не знала точно — она должна была предположить, изучить вопрос, поставить эксперимент, в конце концов! Тем более, что в момент покушения находилась рядом и фактически подвергала себя риску. Агата никогда не была беспечна в вопросах артефакторики. А случившееся, получается, произошло из-за её беспечности.

— Я думал об этом, но... — Арен устало вздохнул и покачал головой. — Все мысли утыкаются в тупики. Нет ни одного доказательства невиновности Агаты, кроме вот этого «она не могла». А доказательств вины у комитета набралось достаточно.

— А Дайд? Что говорит Гектор?

Император улыбнулся впервые за разговор.

— А ты умеешь подбирать аргументы, Берт. Что ж, когда я познакомил Гектора с содержанием дела, он сказал, что это очень, ну просто очень грамотная подстава.

Сердце сжалось — а потом разжалось.

Значит, хотя бы Дайд не верит в виновность его сестры.

А это немало!

— Не спеши радоваться, доказательств у Гектора нет. И за давностью лет вряд ли они появятся. Так что забудь это всё, выброси из головы и живи дальше.

«Как я», — говорил взгляд Арена.

Но Берт хорошо понимал — забыть он не сможет. Впрочем, как и император. По крайней мере по-настоящему забыть.

Так, как всё забыла Эн.

— Ещё кое-что, Арен. Сними с меня печать — запрет на вход в Геенну.

Наверное, впервые в жизни Арманиус наблюдал за тем, как у его величества до такой степени округляются глаза.

— Ты сошёл с ума?..

Из императорского дворца Берт вышел на онемевших от напряжения ногах. Разговор с Ареном отнял много сил, особенно вторая его часть. Конечно, загадка гибели сестры тоже волновала Берта, но всё же за десять прошедших лет он успел смириться с её смертью, а с потерей памяти Эн — нет.

Поначалу император про Геенну даже слушать ничего не хотел и чуть не выставил Берта прочь из кабинета. Но затем задумался. А значит, первый шаг к успеху был сделан.

Второй и окончательный шаг помог сделать Дайд, одобдивший идею Арманиуса, как глава Дознавательского комитета. И вот после этого Арен, поколебавшись еще немного, всё-таки снял с Берта печать-запрет на вход в Геенну и позволил ему покинуть дворец.

Теперь нужно было возвращаться к Эн, но Арманиус пока не мог — его потряхивало от пережитого напряжения. Оказывается, он волновался, чрезмерно волновался, опасаясь, что Арен убьёт своим отказом и эту надежду. Но всё получилось.

До обеда ещё было время, и Берт немного погулял по парку возле дворца, а потом прошёлся и вдоль набережной. Вдыхал морозный воздух и улыбался чудесному ощущению искрящейся изнутри силы и полностью восстановленного контура. Это пьянило ещё больше, чем обычно — оттого, что Берт знал: в последний раз.

Он прощался.

Но не было ни жалости, ни сожалений, ни желания остановиться на полпути.

Он должен вернуть память Эн. Должен. Любой ценой.

Потому что она этого достойна.

Вернувшийся домой Берт выглядел довольным, а еще — целым и невредимым, и Эн немного успокоилась. Но затем вновь встревожилась, когда Арманиус заявил, что сегодня они не будут учиться, а будут только отдыхать и развлекаться.

— Но почему?..

— Потому что у всех сейчас каникулы, и у тебя они тоже должны быть.

Каникулы, значит...

Эн была уверена: дело вовсе не в каникулах. Берт что-то задумал, поэтому и хочет немного отвлечься, расслабиться. И эта мысль ей совсем не нравилась.

— Пойдём на Дворцовую площадь, посмотрим, как её украсили в честь Дня Альганны.

— День Альганны?..

— Он завтра. Ничего особенного, просто чествование власти императора и величия империи, — улыбнулся Берт. — Всегда в предпоследний день зимних каникул проходит. С утра на Дворцовой площади — торжественная церемония подтверждения власти, а потом — народные гуляния. Пирогов напекут целое море! Если на день перемены года лакомятся пряниками, то в День Альганны — пирогами. Может, уже начали продавать... Хочу пирог с грибами. Будешь?

Эн занервничала еще больше — слишком уж оживлённым, будто нарочито, казался Берт.

— Буду... А что значит — церемония подтверждения власти?

— Ерунда. Выходит Арен, выносят Венец под магическим колпаком, снимают его, и Венец должен перелететь императору на голову. Так подтверждается его сила и власть. Абсолютно бессмысленное занятие — после коронации Венец не может сменить носителя, — но народ радуется. Так что собирайся, пойдём, прогуляемся.

Эн кивнула, не зная, что ей делать — просить не выходить из дома и пытаться разговорить Берта здесь? Или пойти на площадь, а там уж посмотрим?..

Так толком ничего и не решив, она всё-таки отправилась в свою комнату — одеваться, втайне надеясь, что ошибается, и это странное настроение Берта ей только кажется.

С площади уже сняли новогодние украшения, повесив другие, приуроченные ко Дню Альганны, более строгие и официальные — флаги с гербами и символикой правящей династии, ленточки белого и золотого цветов, — а в торговых палатках появились сувениры для гостей столицы — маленькие брошки, серьги и кольца с лилиями, цветком-покровителем правящего рода.

Одну такую брошку Берт купил для Эн и прикрепил к её пальто. Она радовалась и улыбалась, но не так активно и непосредственно, как в прошлый раз, перед днём перемены года. Повзрослела. А может быть, чувствовала его настроение — Берта слегка потряхивало от мыслей о том, что предстоит ему ближе к ночи, и он старался заглушить свои ощущения активными действиями. Рассказывал Эн про День Альганны, и про Венец, и про свадьбу Арена восемь лет назад. Именно на Дворцовой площади стоял Центральный храм Защитника, в котором молодой император — Арен тогда только что короновался, — сочетался браком с очень юной Викторией Азалиус, представительницей одной из древнейших аристократических фамилий в Альганне, тем самым спася её отца от разорения.

— Романтично, — пробормотала Эн негромко, и лицо её при этом совсем не было романтичным — мысли явно витали где-то очень далеко от свадьбы Арена. И поглядывала на Берта она периодически настороженно, с опаской, словно ждала, будто он что-то выкинет прямо сейчас.

После Арманиус всё-таки нашёл то, о чём мечтал — маленькую пекарню, где уже начали печь традиционные для Дня Альганны пироги, и их сладкий запах разносился по помещению, щекоча ноздри и вызывая непроизвольное слюноотечение. Берт купил несколько — с грибами, капустой и вишней, — а ещё большой чайник с чаем, и они с Эн долго сидели за столиком возле витрины, глядя на снегопад и людей, спящих по площади. Они бегали туда-сюда, кто-то даже падал, и на это всё с высоты собственного положения смотрел старый дворник с полулысой метлой. Он подметал площадь без всякой магии уже несколько десятков лет, и был практически такой же местной достопримечательностью, как храм Защитника и статуя Алаистера Альго — первого императора Альганны.

А потом, чуть отойдя от съеденного, они вновь отправились гулять — и почти сразу наткнулись на небольшой оркестр, играющий заводную мелодию. Перед оркестром располагался деревянный настил, по которому кружились парочки самого разного возраста, от детей до пожилых людей.

— Пойдём? — спросил Берт и взял Эн под руку, намереваясь запрыгнуть на настил.

— Но...

— Ничего-ничего, — сказал он, смеясь, — я тоже не умею танцевать. И, поверь мне, остальные танцующие не опытнее нас.

Поначалу она смущалась, но это продолжалось недолго — со всех сторон подбадривали громким смехом и аплодисментами, и через пару минут Эн уже хохотала и кружилась в танце, широко и искренне улыбаясь Берту.

Защитник, как же жаль, что скоро всё кончится...

И жаль, что у Геенны нет эффекта «Иллюзиона», забирающего боль от невозможности исполнения желаний.

Домой они с Эн вернулись поздно вечером — и настроение сразу изменилось. Исчезла расслабленность, сменившись напряжённостью, и Эн вновь стала настороженной, подобравшейся, как сторожевая собака.

Но видимо, прошедший день придал ей смелости, потому что сразу после вечернего чаепития — без пирогов, они уже не влезали, — она спросила:

— Что ты задумал, Берт? Я по лицу вижу — ты что-то задумал. Пожалуйста, не нужно...

— Не беспокойся, — перебил он её. — И не думай ни о чём. Пойдём, я провожу тебя, пора уже спать.

Эн знакомым упрямым жестом вскинула голову и закусила губу.

— Расскажи мне, что ты задумал, — проговорила она твёрдо и встала с дивана, опираясь на его руку, — а я уже решу, стоит мне беспокоиться или нет.

Берт улыбнулся. Упрямая девочка.

Защитник, как же жаль...

— Не расскажу, — ответил он почти весело, выходя из библиотеки. Эн шла чуть впереди, и Арманиусу казалось, что она вся напряжена вплоть до затылка. — Я тоже умею упрячиться, не только ты.

Он пытался перевести всё в шутку, но Эн этого не хотела.

— Пожалуйста, не нужно геройствовать, — сказала она, когда они подошли к двери её спальни. — Пожалуйста, не нужно. Если с тобой что-нибудь случится, я всю жизнь буду мучаться, Берт. Пожалуйста...

«Ты об этом просто не вспомнишь. И не узнаешь никогда».

— Не волнуйся. Не случится.

Её взгляд метался по его лицу, словно пытаясь найти там признаки лжи. Но Берт еще ни разу в жизни не лгал так вдохновенно, сам до глубины души веря в то, что говорит.

— Обещай.

— Что?..

— Обещай мне, что с тобой ничего не случится.

Защитник... опять... и сейчас это уже сложнее. Но... какая разница? Она ведь не вспомнит, что он солгал.

— Обещаю.

У Эн изнутри как будто вытащили стальную пластину — она, поверив его обещанию, резко выдохнула и разом расслабилась. Даже улыбнулась, глядя ему в глаза, и Берт, невольно посмотрев на её губы, понял, что не сможет сдержаться. Не сейчас, не теперь, когда он знает, что скоро, совсем скоро, всё кончится.

Он сделал шаг вперёд — скорее, пока не передумал, понимая, что этим убивает сам

себя, — и наклонился к лицу Эн, и коснулся своими губами её губ.

Он хотел сделать это быстро, но не получилось. Удовольствие оказалось слишком сильным, и Берт положил ладони на талию девушки, прижимая её к себе как можно теснее, ближе, и почти умирая от ощущения её ладоней на своих плечах, и неумелого отклика, с которым Эн отвечала на его поцелуй. Из быстрого и краткого он превратился в долгий и глубокий — такой, от которого теряют дыхание... и запоминают на всю жизнь.

— Берт... Не уходи, — шептала Эн, и он думал: интересно, она понимает, о чём именно просит? — Не уходи, прошу... Останься...

— Я не могу, — он попытался отстраниться, но Эн вцепилась в его рубашку, вновь притягивая к себе.

— Останься... Что ты хочешь?.. Я всё сделаю... Всё, что хочешь... Только останься...

Тело отозвалось на эти слова сладостной истомой, предвкушением чего-то удивительного и настоящего. И разум шептал, вторя Эн: «Подумаешь, память... Появится новая... Зато она будет с тобой... В этой жизни она выберет тебя».

— Берт...

Он в последний раз поцеловал её, открывая дверь спальни, выдохнул быстрое «Доброй ночи» — и завёл Эн внутрь, сам оставшись снаружи и закрывая комнату при помощи родовой магии.

До утра Эн не выберется, да и не нужно. Всё равно это утро никогда не настанет.

Через полчаса Берт построил пространственный лифт и перенёсся на север, в максимально возможную по близости к Геенне точку. Слишком близко к ней переноситься было нельзя — Геенна мешала нормальной работе пространственных лифтов, можно было расплыться в процессе.

Здесь, примерно в километре от неё, только начинал чувствоваться жар. Как ни странно, но этот огонь обжигал лишь в непосредственной близости, и жители близлежащих деревень вовсе не страдали от невыносимой жары, даже наоборот — зимы у них были гораздо морознее, чем на юге, где Геенны не было.

Последний километр Берт шёл пешком, и когда ему стало жарко — скинул почти всю одежду, оставшись в одних штанах и ботинках, и зажёл в себе архимагистерское пламя. С ним было не так жарко, да и зайти в Геенну можно только так — сгорая в огне самому.

Пламя приближалось, но страха Берт не ощущал — скорее, желание, чтобы всё поскорее кончилось. И прибавлял шаг.

Никогда в жизни он не был к Геенне настолько близко, но выяснилось, что в этом нет ничего особенного — просто жарко до невыносимости и глаза слепит.

Когда пламя оказалось на расстоянии вытянутой руки, Берт застыл на пару секунд, размеренно дыша и пытаясь не думать ни о чём, кроме поставленной задачи.

«Выбирая дорогу, не отступай, — вспомнил он вдруг слова своего отца. — И иди, пока можешь, не предавая цели».

В последний раз вдохнув окружающий воздух, раскалённый, пахнущий пеплом и смертью, Арманиус вошёл в Геенну.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В Грааге сегодня было особенно снежно. Казалось бы, ничего удивительного, ведь всего через две недели — праздник перемены года, но в последнее время природа не была щедра с нами на снег. Хорошо, что сегодня она смилостивилась и решила присыпать столичные улицы свежей белой пудрой, отчего они стали похожи на вкусный пряничный торт.

Да и в воздухе, по правде говоря, уже пахло пряниками, особенно когда я проходила мимо кофеен и пекарен с украшенными витринами. Повсюду царил атмосфера приближающегося праздника, но мне сейчас было не до него.

Накануне настроение резко скатилось до нуля, когда вызвавший меня к себе Брайон Валлиус, главный врач Императорского госпиталя, заявил:

— Эн, я прошу тебя заняться восстановлением энергетического контура архимагистра Арманиуса. Ты же в курсе, он...

— Да, — я кивнула, ощущая, как сердце упало куда-то в пятки, — я в курсе.

Вся больница была в курсе, и не только больница — вся столица. В курсе того, что архимагистр Бертран Арманиус чуть не погиб на севере, защищая нас от демонов Геенны. И спас пятнадцать архимагов — весь свой отряд охранителей, — которые были с ним в тот день.

— Он не желает больше лежать в стационаре, невзирая на тяжелое состояние. Ты знаешь, характер у него не сахар... А сейчас и подавно. Хирурги его там залатали, как могли, но ходить он пока не может, и видит плохо, и ожоги прошли не до конца. А уж что с контуром... Никогда в жизни я такого не видел, Энни. Не уверен, что... Но ты посмотри.

— Как? Если он не желает лежать в стационаре?

— Сходи к нему домой. Просто так он тебя не пустит, сделаем тебе удостоверение медсестры и дадим высшую магическую медицинскую категорию.

— Брайон, вы авантюрист. Не пустит? Я же врач.

— Ты стажёр, кроме того, с очень слабым даром. Берт сейчас и так на грани жизни и смерти, не нужно его шокировать еще и тем, что в моей больнице работают такие врачи. Хотя... почему я говорю о тебе во множественном числе...

Я рассмеялась — но смешно мне на самом деле не было.

По сути, я имела право отказать — раз архимагистр не находится в стационаре терапевтического отделения, я не обязана его лечить. Но... во-первых, я единственный врач, занимающийся в данный момент методикой восстановления энергетического контура, а во-вторых — я обязана Арманиусу жизнью. Значит, нужно помочь.

Поэтому я согласилась. И теперь стояла напротив его дома, чёрного и мрачного, и дышала, сцепив зубы и стараясь успокоиться.

Ну же, Эн... Ты сильная девочка. Ты сможешь. Оставь позади все чувства и предрассудки, иди к нему, как к обычному больному.

Захотелось рассмеяться. К обычному больному... Всё, что относилось к Бертрану Арманиусу, не было для меня обычным с тех пор, как мне исполнилось восемь лет.

Нет, не думай об этом. Просто иди и делай то, что должна делать. Всё равно у тебя нет другого выхода.

И я, упрямо сцепив зубы и чеканя шаг, пошла к дому архимагистра. Позвонила в звонок и застыла у входной двери. В полнейшей тишине был слышен тихий шорох, с которым летели с неба снежинки...

А потом, всё в той же тишине, входная дверь распахнулась. Я торопливо шагнула внутрь

и зашипела, запнувшись о ковёр и с трудом удержавшись на ногах. Поставила на пол сумку с медикаментами, вытянула ладонь и создала на ней тусклый шарик света, который сразу взмыл под потолок, освещая прихожую.

Я тут же заметила на самом верху лестницы, ведущей на второй этаж, инвалидную коляску с сидящим на ней хозяином дома, и вздрогнула, ощутив, как сжалось от сочувствия сердце.

Выглядел он очень плохо. Кожа на лице и руках была обожжённой — остальное было скрыто под халатом, но я предполагала, что ожоги есть и там. В тёмных волосах блестела седина, а глаза, обычно карие и ясные, теперь были тусклыми, с бельмами.

Кто же зажигает ему свет? Он ведь не может сам... Наверное, пользуется каким-нибудь амулетом...

— Брайон Валлиус говорил вчера, что ко мне придёт медсестра. — Голос Арманиуса звучал совсем незнакомо. Какой-то хриплый шёпот вместо приятного мужского баритона. — Это ты?

Сразу на «ты»... Впрочем, от архимагистра ничего другого и нельзя было ожидать.

— Да. Я могу показать вам документы, подтверждающие мою квалификацию. Если вдруг они вас не устроят...

— Устроят, — сказал он и закашлялся. Потом продолжил, ещё сильнее хрипя: — Раздевайся, надевай тапочки и поднимайся. Буду ждать в библиотеке. Это справа.

Через пару минут, оставив одежду в шкафу рядом с входной дверью и нацепив тапочки, я поднялась в библиотеку. Она тоже была полукруглой, как и прихожая, но здесь было светло, и даже очень.

А еще приятно пахло книжными переплётами и совсем немного — кофе.

Арманиус сидел в коляске рядом с диваном, и теперь я могла рассмотреть его повреждения во всех подробностях.

Выглядел он не просто плохо — жутко он выглядел. Нас водили в морг, начиная с третьего курса, вот трупы там и то краше были...

Шрамы на лице и теле от ожогов... Они должны пройти, вот только если он не будет ничем их мазать, этот процесс затянется на годы. Седина... что ж, её можно покрасить или убрать иллюзорным амулетом. Глаза... мутные, явно почти незрячие... с ними-то что? Надо будет проверить.

— Сейчас я покажу вам свои документы, — сказала я, поставив сумку на журнальный столик возле дивана.

— Не нужно, — прохрипел Арманиус. — Я доверяю Брайону. Делай, что должна.

Доверяет... Дело скорее в том, что он просто не сможет прочитать написанное в этих документах. Наверняка ведь видит только пятна света и общие очертания предметов.

— Мне нужно, чтобы вы из коляски переместились на диван. Вы... — Я неуверенно оглядела его с ног до головы. Сейчас Арманиус казался усохшим, как старое мёртвое дерево. — Справитесь?

— Если ты поможешь — да.

Я подошла ближе, обхватила архимагистра руками и помогла пересесть на диван. От малейшего движения и напряжения он хрипел и начинал задыхаться. И я поймала себя на мысли, что вижу такое впервые... Да, впервые. Я наблюдала за многими магами с переломанным контуром, но такое — впервые.

— Теперь надо раздеться.

Он безропотно позволил снять с себя халат, оставшись в одном нижнем белье, и я чуть не застонала, обнаружив на всём его теле красные и очень неприятные шрамы от

ожогов. Спасибо, что сухие...

— Защитница... Что с вами случилось?

Я думала, архимагистр пошлёт меня к демонам с подобными вопросами, но он вздохнул, словно набирая воздуха в грудь, и ответил:

— Мне очень больно говорить, Эн. Если в двух словах — я горел. Демоны Геенны в этот раз были из огня и никак не хотели исчезать. Огнём их только и победил, но сам чуть не... — Арманиус запнулся и вновь закашлялся. — Не могу, прости...

Голос был совсем тусклым и хриплым, и я поспешила сказать:

— Не страшно, потом расскажете. Это не простое любопытство, мне нужно знать, что случилось. Для работы с вами. А сейчас давайте-ка перевернёмся на живот... Да, вот так, молодец. Лежите, не двигайтесь, а я пока посмотрю...

Я положила ладони Арманиусу на спину, провела ими сверху вниз, затем еще раз, и ещё, считывая повреждения контура... И не понимая, как это может быть?..

Испугавшись того, что вижу, я отпрянула от архимагистра и затрясла рукой.

Нет. Не может быть. Нет!

Он молчал, не двигался и ничего не спрашивал, хотя наверняка ощутил, как я отскочила от него. А я... я просто не могла сказать Арманиусу это. Потому что сама не верила в то, что вижу.

Защитница, это какой-то бред, противоречащий самому первому постулату о правилах повреждения контуров. Так не бывает!

Я вновь положила ладони на спину, изучая магический контур. То же самое. Демоны!!

— Поворачивайтесь обратно, — сказала я тихо, помогая ректору перевернуться. И, увидев его лицо, положила ладони ему на глаза, ожидая, что дёрнется, но он не дёрнулся. Покорно ждал, пока я закончу осмотр.

Хотя бы зрение можно восстановить...

— Я сейчас дам вам кое-что, выпьете. Это общеукрепляющий реактив, ничего особенного. Как у вас с питанием?

Арманиус сглотнул и прохрипел:

— В смысле?

— Вы едите три раза в день? Надо хотя бы три раза, а лучше пять-шесть.

— Ем. Трижды. Не беспокойся.

Услышать от архимагистра «Не беспокойся» было необычно, и я удивлённо моргнула.

Ладно, каких только изменений не происходит с заболевшими людьми, особенно с магами, особенно — со сломанным контуром...

Я достала из сумки пузырёк с реактивом, вынула пробку и протянула Арманиусу.

— Пейте. И сразу, как я уйду, ложитесь спать на пару-тройку часов. Завтра вы должны существенно лучше себя чувствовать. И с голосом тоже будет лучше. Не идеально, но лучше.

— Завтра... — прохрипел ректор. — Ты придёшь завтра?

Мне показалось, что в его голосе звучала надежда.

Ерунда, Эн, что ты себе вообразила?

— Конечно, приду. Я же должна вас вылечить.

Арманиус чуть улыбнулся бледными, сухими губами.

— Хорошо. Спасибо, Эн.

Я кивнула, помогла ему вновь надеть халат и перебраться в кресло, а после ушла — в полном смятении от того, что увидела.

Наверное, именно из-за этого смятения я вспомнила, что не называла Арманиусу своего имени, только когда уже покинула его дом.

Интересно... откуда тогда он знает, как меня зовут?

Может, Валлиус сказал?..

Минут через десять браслет связи на запястье настойчиво завибрировал. Что ж, этого стоило ожидать — наставник, конечно, не мог дожидаться, пока я явлюсь на работу и всё ему расскажу, он хотел узнать новости как можно скорее.

— Энни? Как ты?

— Я в порядке, — ответила я, постаравшись улыбнуться, но толком не получилось. — А вот ректор...

— Попробуешь помочь ему?

— Я постараюсь.

Защитница, разве я могла ответить иначе? Да, этот человек считал меня недостойной учёбы в университете, но он же когда-то спас мне жизнь.

— Я сегодня говорил с его высочеством. Он сказал, если ты вытащишь Арманиуса, тебя представят к ордену Золотого орла... вновь.

Я поморщилась.

— Обсудим это, если вытащу. Пока, признаюсь честно, я не представляю, что можно сделать.

— Зайди ко мне после окончания рабочего дня, вместе подумаем.

— Хорошо.

Валлиус отключился, и я пошла быстрее. Нужно как можно скорее оказаться на работе, а Арманиуса выкинуть из головы хотя бы до вечера.

Но как его выкинешь?..

Я немного ошиблась — ректор забылся, пока я делала обход, а потом проводила процедуры со всеми больными по очереди, вела их дневники наблюдений за симптомами и корректировала планы лечения. Обычные ежедневные дела, но они требовали сосредоточенности на процессе, и я совсем не думала об Арманиусе.

Он вспомнился вновь, когда я наконец отлучилась на обед, уже сходя с ума от голода. Опять стало страшно — а вдруг я не смогу ему помочь?..

— Эн! — услышала я чей-то оклик, набирая на поднос еды. Обернулась — за одним из столиков сидела Лю Нор, старшая медсестра хирургического отделения. Я улыбнулась и, положив на поднос аппетитную булочку с вишней, опустила взгляд на Лю.

— Как там наш великий и ужасный? — поинтересовалась подруга, и аппетит сразу почти пропал. Ну почему, почему она не спросила о ком-нибудь другом?..

— Ты про Арманиуса? — Я тем не менее запустила ложку в суп и взглядела в его глубины. Эн, надо поесть, а то ты до вечера не доживёшь. — Ну... Средне. А что, все уже в курсе, куда и к кому меня отправил Валлиус?

— Разумеется. Ты же знаешь, у его секретарши язык без костей. Так что сегодня все делали ставки, вышвырнет он тебя сразу или потерпит несколько дней.

М-да, о «покладистом» характере ректора Граагского университета давно ходили легенды. Да и не только легенды. Я так вообще испытала его на себе.

— М-м-м... — пробормотала я, всё ещё страдая над супом. — И как?

Ло, хихикая и улыбаясь, рассказывала про споры и ставки, и я поймала себя на мысли, что в другой раз меня бы это, наверное, тоже рассмешило. Но не сейчас. Не после того, как я сходила к Арманиусу и поняла, что, возможно, не смогу ему помочь.

Теперь уж не до смеха.

— Байрон, кстати, поставил на то, что ты продержишься до конца курса и вообще вылечишь Арманиуса.

Я, только запустившая наконец ложку с супом в рот, поперхнулась и закашлялась.

— Заболел, что ли?

— Да нет, здоров. Просто Байрон — один из немногих, кто знает тебе цену, Эн. Он тебя очень не любит, но не может не признавать твоих заслуг.

Заслуги заслугами, но я не Защитник. А Арманиусу, скорее всего, может помочь только он.

— И вообще... среди персонала ходят слухи, что главный врач прочит в преемники тебя.

Я чуть развеселилась и вновь принялась за суп.

— Валлиусу еще рано на покой, Ло, так что не будем делить кожу неубитого дракона. Расскажи лучше, как там дела в хирургии. Что сегодня Мортимер учудил?

Услышав фамилию своего заведующего, Ло оживилась и наконец забыла и про спор на ректора, и про возможного преемника главврача.

И я смогла доесть свой обед. Переживания переживаниями, а диетой горю не поможешь, как говорит Валлиус.

Остаток дня пролетел быстро — я ещё раз обошла больных, приготовила несколько реактивов, сделала пару записей в плане своей научной работы, и перед уходом, как и обещала, зашла к Валлиусу.

Я к тому времени почти падала от усталости, а вот наставник, наоборот, выглядел весьма бодро. Он, в отличие от меня, сонной мухой был с утра, а к вечеру просыпался.

Но главный врач в кабинете оказался не один.

— Ваше высочество!

Принц Арчибальд, улыбаясь, встал с кресла и протянул мне руку.

— Эн, рад вас видеть.

— Я тоже очень рада вас видеть, — ответила я, улыбаясь в ответ. Я несколько не лукавила — его высочество был одним из тех немногих людей, которых я рада видеть всегда, в любое время.

— Садитесь, Эн.

Я опустила на стул и вопросительно посмотрела на принца. Он ведь не мог прийти просто так, в гости?..

— У его высочества есть одна идея, — пояснил наставник. — Он хотел обсудить её с тобой.

Я кивнула, и теперь уже заговорил Арчибальд.

Закон, по которому станет возможным получать титул не по праву рождения, а по заслугам перед империей... Что ж, это однозначно казалось мне прекрасной идеей. Только вот...

— А при чём тут я?

— Вы же всё поняли, Эн. Энни Ринниус... Как вам такой вариант?

— Честно говоря...

Я кратко объяснила свою позицию, которая состояла в полном безразличии к титулам. Мне самой титул был не нужен — мне была нужна только возможность заниматься магией и наукой, а она у меня имелась.

— Титул пригодится вашим детям, Эн, — тихо сказал Арчибальд. — Даже если вам не слишком необходим. Да и...

— Я помню, что не имею права выходить замуж за человека выше меня по происхождению. Но это не то, что меня интересует.

— Я понимаю, Эн. — Принц поднялся и обратился к Валлиусу: — Я пойду, Брайон, мы с тобой обсудили всё, что хотели. Эн, подумайте всё же. Мы подготовим приказ для императора за пару месяцев, и я бы очень желал, чтобы вы были в числе первых награждённых. Думаю, вы понимаете, почему.

— До свидания, ваше высочество, — попрощались мы с Валлиусом хором.

Разумеется, я понимала, почему. Я когда-то вылечила Арчибальда, и теперь он...

— И ни демона ты не понимаешь!

— Что?..

— Эн... — Валлиус выглядел раздражённым, и я никак не могла осознать, по какой причине. — На свете существуют не только магия, пробырки, эксперименты и больные. И кроме Бе... тьфу. В общем, мужчин на свете тоже много. Может, ты наконец высунешься из своей норы и начнёшь обращать внимание на окружающих?

Э-э-э... А я не обращаю?..

— Но...

— Арчибальду давно пора жениться. А он всё... как сыч!

Я нахмурилась.

— А при чём тут... А... О... Э... Вы хотите сказать?..

— Я ничего не хочу говорить! — Валлиус тут же сдулся, как проколотый воздушный шарик. — Я вообще молчал.

— Ну да, — я улыбнулась. — Молчали. Вы неисправимый романтик, мой дорогой наставник. Признавайтесь, вы тайком читаете женские любовные романы?

— Энни... — Архимаг закатил глаза, и я решила округляться с этой темой.

— Ладно, давайте лучше обсудим то, ради чего я заглянула. Арманиус. Не против?

Брайон тут же подобрался, как хищник перед прыжком.

— Рассказывай.

— Вы и сами знаете, что у ректора один из самых больших магических резервов в Альганне — девяносто пять магоктав. Был один из самых больших. Теперь же, посмотрев его, я вижу там переломанный контур на... — Я прерывисто вздохнула. — ... семь

магоктав.

— Значит, мои глаза меня не обманули... — пробормотал Валлиус. — Я уж думал, меня маразм хватил...

— Я тоже так подумала поначалу. Нет, резерв Арманиуса действительно уменьшился.

— Какого демона творится... — Наставник потёр ладонью лоб. — Это же считается невозможным... Резерв мага неизменен с момента пробуждения магии до самой смерти. Постулат, который еще в школе учат.

— И тем не менее — семь октав вместо девяноста пяти.

— Так. И что с этим делать?

Защитница...

Если бы я знала!

Мы с наставником разговаривали около часа, и за это время успели набросать небольшой план лечения. Конечно, он был экспериментальный и совсем не гарантировал результат, но хоть что-то...

По дороге домой я думала о том, лишат ли теперь Арманиуса ректорства или нет? Забыла спросить, что у него с меткой, исчезла ли она? Завтра надо будет проверить. В любом случае с Церемонией наверняка пока подождут — хотя бы просто из уважения — а там ещё неизвестно, как получится. Вдруг я всё-таки сумею ему помочь?

— Эн!

Я обернулась. По дорожке, ведущей к общежитию, где я жила последние десять лет, бежал мой однокурсник, хороший друг и безумно талантливый маг и артефактор Рон Янг.

— Ты как? Я демонски беспокоился, когда услышал, что Валлиус отправляет тебя к этому... Всё в порядке?

Вообще Рон относился с подозрением ко всем аристократам, но Арманиуса особенно не любил — я ведь рассказывала, что тот был против моего поступления в университет. Не совсем рассказывала, конечно... Скорее, упоминала.

— Конечно, в порядке, не волнуйся. Арманиус едва живой, что он мог мне сделать? А что, обо мне говорят уже и за пределами госпиталя?..

— Да при чём тут ты! — воскликнул Рон. — Арманиус — вот чья слава двигает эти слухи. Один из лучших охранителей в стране, спас пятнадцать архимагов, сам чуть не погиб, контур переломан... Да о нём только и говорят с тех пор, как он вернулся с задания.

— Да уж, — я чуть усмехнулась, — и такого великого и ужасного будет лечить безродная выскочка. И как Валлиус посмел?

— Это почти точная цитата, — друг поморщился. — Ко мне на работу эту грязь принёс Вальт, ну я ему и...

— Рон!

— Да ладно. Ничего серьёзнее выговора мне не светит, не волнуйся. Возьми, — друг повязал на моём запястье, рядом с браслетом связи, тонкую красную нить, и она тут же исчезла, словно впитавшись в кожу.

— Что это?

— Так, безделица. Арманиус сейчас не маг, но он, тем не менее, остаётся мужчиной. Если проявит агрессию — его слегка... шархнет.

— Сними! — Тут же потребовала я, протягивая руку. — Этого ни в коем случае нельзя допустить!

— Почему? — Рон, кажется, удивился, а я возмутилась:

— Да потому что он полуживой. Если его не то, что шарахнуть, пальцем неудачно ткнуть — он весь рассыпется! Снимай! Не полезет он ко мне всё равно!

— Эн...

— Снимай, говорю.

Рону явно не понравилось моё сопротивление, но всё же он послушался.

— Там вообще ещё следилка, её бы хоть оставить...

— А это зачем?

— Энни... Ты вообще представляешь, какое количество магов хотят, чтобы Арманиус никогда не оправился от этого потрясения?

— А при чём тут... А-а-а, ну да... Ладно, на следилку я согласна. Но больше ничего!

Рон кивнул, пробормотал, что сделает другой амулет, приобнял и почти бегом бросился по дорожке обратно в город, оставив меня в смятенном состоянии.

«Ты вообще представляешь...»

Я представляла. И как же мне не хотелось, чтобы мечты этих неизвестных мне сомнительных магов сбылись!

После ухода Эн Берт забылся тяжёлым, но крепким сном, в котором он вновь и вновь горел в пламени Геенны, держась изо всех сил и повторяя про себя одно и то же.

«Иди, пока можешь, не предавая цели. Не предавая цели... Не предавая...»

Он не мог предать Эн.

И шёл вперёд. Шёл, пока посреди пламени, окружающего его сплошной стеной, вдруг не появилось огромное зеркало. Сначала оно было серебристым, но чем ближе подходил Берт, тем больше чернело.

Что ж, многочисленные исследователи Геенны были правы, она — портал. Но не только в пространстве, то есть, между мирами, но и во времени. Это подтвердили три архимагистра, когда-то давно вошедшие в Геенну. Первый был учёным и сделал это в качестве эксперимента, а вот второй и третий входили целенаправленно — чтобы вернуться в прошлое и исправить какие-то свои поступки. Последний такой визит вывел из себя тогдашнего императора, приходящегося Арену, кажется, прадедом, и он стал ставить на всех архимагистров печати-запреты на вход в Геенну. А еще — печати молчания, чтобы не разбалтывали её тайну всем подряд.

«Время — сложная субстанция, — вспомнил Берт слова одного из своих наставников. — И не нужно пытаться с ним играть».

Он был совершенно согласен... раньше. До этого момента.

И, глядя в зеркало-портал, мысленно вернулся в тот день, когда по его вине погибли пятнадцать архимагов, блестящие охранители.

«Ты потеряешь одного архимагистра, — говорил он Арену, добиваясь снятия печати, — но приобретёшь пятнадцать архимагов, из которых шестеро в будущем станут архимагистрами. И одну очень талантливую учёную, которая, возможно, когда-нибудь откроет для магической медицины еще что-то важное».

Практичный подход к практичному императору.

Зеркало времени дрогнуло, покрываясь узорами, похожими на иней... а потом Берт увидел себя. Себя в тот самый момент, о котором думал.

И одновременно с этим Геенна начала высасывать из него силу...

На следующий день Арманиус выглядел чуть лучше. Совсем немного, но лучше. И хриплость в голосе уменьшилась.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась я, роюсь в сумке. После вчерашнего разговора с Валлиусом я была намного увереннее — какой-никакой, но план реабилитации мы составили на неделю вперёд. Не получится сдвинуть с места резерв — будем думать дальше.

Контур-то я ему восстановлю в любом случае, но... где девяносто пять октав, а где семь? Это же огромная разница.

— Нормально.

Я хмуро посмотрела на Арманиуса, но он не впечатлился моим суровым взглядом. Скорее всего, он вообще его не видел. С подобными повреждениями глаз он не способен рассматривать тонкости выражений лиц — чудо, если он цвет одежды разобрать сможет.

— А подробнее? Архимагистр, я не из вежливости интересуюсь. Я — ваш врач.

Демоны, я же медсестра...

Но он промолчал, как будто бы не был удивлён этому заявлению. Валлиус рассказал, так же, как и имя? Тогда зачем было подделывать документы?

— Мне нужны симптомы. Голова болит?

— Нет, — ректор этой самой головой покачал. — Горло болит. Глаза. Кожа. Но всё это болит не так остро, как раньше. Кожа ещё, кстати, чешется.

— Это хорошо, значит, заживает. Снимайте-ка халат и ложитесь на диван. Я вам помогу.

Арманиус безропотно послушался, удивив меня своей покладистостью. Это точно нашвоенравный ректор, который не хотел лежать в стационаре дольше одного дня?

Архимагистр растянулся на диване, а я взяла из сумки баночку с мазью от ожогов, добавила туда из шприца подготовленный реактив для стимуляции процесса заживления, и принялась споро намазывать его кожу тонким слоем этой смеси, шипящей и должной холодить кожу.

— Почему вы ушли из госпиталя? Лечить вас там было бы проще.

— А меня можно вылечить? — он слабо усмехнулся. — Мне уже сообщили, что стало с резервом, Эн, и я не идиот, знаю, что его нельзя изменить.

— Однако ваш же изменился, — возразила я, заканчивая с одной ногой и начиная обрабатывать вторую. — Раньше он был одним, теперь стал другим. То, что изменилось один раз, изменится и второй.

По крайней мере, так мы подумали вчера с Валлиусом. Логично же!

— Иногда — нет.

Я с подозрением покосилась на изрезанное шрамами, но невозмутимое лицо Арманиуса. Защитница, он не похож на человека, шокированного известием... Да, оно пришло к нему не сегодня и не от меня, но всё же — он должен переживать, беспокоиться, надеяться. Хотя бы немного!

А он ведёт себя так, будто заранее уверен, что обречён.

— Послушайте, откуда в вас эти похоронные настроения? — спросила я, начиная мазать ректору грудь. Ожоги здесь были самыми сильными, а некоторые до сих пор мокли. — Вы же охранитель, а они никогда не сдаются. И архимагистр. И ректор. И...

— Я понял тебя, Эн, понял, — перебил он меня, улыбаясь, и эта улыбка так разлилась с тем, что я видела раньше на его лице, что я на мгновение опешила. — Конечно, я надеюсь, но стараюсь не обнадёживаться. Так будет лучше.

Ах вот оно что. Тогда понятнее.

— Пожалуй, это правильно, — призналась я и, вздохнув для храбрости, зачем-то сказала: — Я сейчас ваше лицо буду обрабатывать. — Как будто это не было очевидным, я же закончила с грудью. И добавила строгим голосом: — Постарайтесь не разговаривать, а то мне неудобно будет.

— Постараюсь, — ответил архимагистр и почему-то улыбнулся шире, словно эта просьба ему что-то напомнила.

Я быстро намазала ему лицо и, встав с дивана, поглядела на дело рук своих. Мазь впитывалась практически сразу, поэтому я попросила:

— Переворачивайтесь.

Через пять минут я закончила обрабатывать ожоги и приступила к глазам. Капли, пара уколов в оба глаза — стандартные процедуры, и пока мне казалось, что этого достаточно, ничего непоправимого я у Арманиуса не заметила. Да и перед выпиской его осматривал наш лучший терапевт, специализирующийся на повреждениях глаз, написал свои рекомендации, которым я теперь и следовала.

И только после этого я приступила к работе над восстановлением контура. Дала архимагистру выпить несколько реактивов, сделала шесть уколов в узловые энергетические точки, из-за чего ректору должно было стать очень больно — и, когда он не произнёс ни звука и даже не пожаловался, сказала, словно извиняясь:

— Простите, но боль — это неотъемлемая часть терапии. Без боли не бывает выздоровления, я давно это поняла. Потерпите полчаса, скоро всё пройдёт.

— Да, хорошо, — выдохнул он хрипло и добавил то, отчего я на миг потеряла дар речи: — Спасибо, Эн.

— Не за что, — пробормотала я, когда отошла от удивления. — Это моя работа.

А в госпитале меня вновь ждало удивление. И оно приняло облик Байрона Асириуса, моего бывшего однокурсника, в которого я случайно врезалась, мчась по коридору к своей лаборатории. Ожидала, что он процедит что-нибудь язвительное, но Байрон сказал иное:

— Я как раз к тебе шёл.

Я моргнула.

— Куда ты шёл?

— К тебе. Дело есть. Нужна твоя консультация.

Что за чудеса творятся последние два дня? То резервы, считавшиеся неизменными, меняют свою наполненность, то Байрону нужна моя консультация...

Но мне было не жалко, и я пригласила Асириуса в лабораторию.

Там он и выложил мне свою идею.

Один из постулатов магической медицины гласит — хирургия первична, терапия вторична. То есть, например, при повреждениях магического контура сначала надо залатать физические повреждения, а потом уже пытаться заниматься контуром, — а Байрону было интересно, что будет, если сделать наоборот.

Я не знала, и у меня не было ни единой мысли о том, что может быть в таком случае. Кроме одной.

Вдруг это каким-то образом поможет Арманиусу?

В конце концов, то, что хирургия первична — это тоже постулат. Не такой незыблемый, как неизменность магического резерва, но всё же...

— Давай попробуем поэкспериментировать? Возможно, следует сначала восстанавливать контур, а потом уже делать операции?

Конечно, я сомневалась в том, что это будет действенно. Всё же физические повреждения не слишком совместимы с нагрузкой на организм, которая сопровождает восстановление контура. Но... всё может быть. Надо попробовать.

И я согласилась.

Защитник, как же хорошо стало после того, как прошёл откат от первой процедуры по восстановлению контура.

Мазь от ожогов холодила кожу, и туман перед глазами чуть рассеялся — Арманиус теперь мог видеть очертания библиотеки. Всего лишь очертания, но это лучше, чем просто пятна света в абсолютной черноте.

А потом завибрировал браслет связи. Интересно, кто на этот раз? С тех пор, как Берт вернулся с севера — точнее, его оттуда вытащили, едва живого, — с ним постоянно пытались связаться. Но говорить Арманиус смог уже только в госпитале, когда над ним основательно поработали хирурги и лично Валлиус.

Берт никому не отвечал. Конечно, кроме императора. Даже когда браслет вибрировал от вызывов кого-то из спасённых архимагов, Арманиус не откликался. Нет, не потому что не хотел разговаривать — просто разговаривать было слишком больно.

Зато теперь можно.

И следующий час Берт потратил, отчитываясь перед всеми, как он себя чувствует. Улыбаясь, глядел на лица ребят, погибших там, в «прошлой» жизни, и безмерно радовался, что всё получилось.

Он был виноват в их гибели, но смог исправить это. Пусть ценой своей силы, но в конце концов, охранителей много. И из его отряда несколько магов лет через десять точно будут не хуже Арманиуса.

А уж Эн... Теперь, когда сила не сможет к нему вернуться, никто не станет на неё нападать.

Берт был уверен, что повреждения резерва необратимы — Геенна забирала магию за возможность вернуться в прошлое. Забирала навсегда и растворяла в своём огне.

Честно говоря, Арманиусу казалось, что это очень маленькая цена за пятнадцать... нет, шестнадцать спасённых жизней.

Браслет вновь завибрировал, и теперь его беспокоил уже не коллега и не ученик, а император.

— Берт? Ты как?

— Лучше, Арен, — ответил Арманиус хрипло, но чётко. — Помнишь, я говорил, что мне нужно увидеться с тобой как можно скорее? Это важно.

— Да, у меня сейчас как раз есть время. Я перенесусь к тебе, если ты не против.

— Хорошо. И захвати с собой, пожалуйста, Гектора Дайда.

Арен поднял брови.

— Гектора? Ладно. Мне уже стало интересно, что там у тебя за новости такие, из-за которых тебе необходим главный дознаватель.

— Дальше будет еще интереснее, можешь мне поверить.

В общежитие я вернулась ближе к ночи — расписывала план лечения Арманиуса во всех подробностях, а ещё думала над предложением Байрона, набросала кое-что и по нему. А когда вошла в свою комнату, обнаружила на столе возле окна букет красивейших и очень дорогих белых лилий.

«Я верю в свою мечту, Энни».

Я тяжело опустилась на стул, всхлипывая и ощущая, как горят щёки.

К чему это... Зачем, Арчибальд?..

Мечта?

Это ведь не может быть обо мне, правда?..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утром следующего дня я обнаружила Арманиуса не в коляске, а на диване. Онпил чай и с таким аппетитом жевал какой-то пирожок, что я не выдержала и улыбнулась.

— Я смотрю, вам лучше.

— Намного, — он кивнул, глядя на меня, тем не менее, всё ещё мутноватыми глазами. — И вижу лучше, и ожоги не так чешутся, и я даже смог пересесть с коляски на диван. До этого я с трудом перебирался.

— И аппетит хороший, — закончила я, продолжая улыбаться. — Все признаки выздоровления. Замечательно. Доедайте, снимайте халат и ложитесь, как вчера. Сначала обработаю вам ожоги, потом займёмся глазами, и уже после этого приступим к контуру.

Пока я доставала всё необходимое из сумки, Арманиус быстренько доел, допил и послушно лёг, скинув халат. Я зачерпнула ладонью мазь и, подойдя ближе, начала намазывать ректору грудь.

Сегодня на мне было зелёное платье с небольшим круглым вырезом, и когда я наклонилась над архимагистром, оттуда выскользнула цепочка, которую подарил мне Рон ещё в университете. Арманиус прищурился, изучая её, а потом спросил:

— Что это такое блестит у тебя на шее? Амулет какой-то?

— Да, — свободной рукой я вновь заправила цепочку за ворот. — Защитный, ничего особенного.

Странно, но я явно ощутила, как сердце ректора под моей рукой забилось чуть чаще.

— А кто его делал? Заказывала или...

— Друг делал. Университетский. — Я чуть не прикусила язык: Арманиус же не должен знать, что я училась в университете, я ведь медсестра... Но он вновь ничего не сказал по этому поводу, только кивнул едва заметно, и задумался.

В таком полнейшем молчании я намазала его тело мазью, затем закапала в глаза и сделала уколы, а после попросила лечь на спину, выпрямиться и приступила к массажу.

Архимагистр стойчески терпел все мои действия, хотя ему точно было очень неприятно, и не издавал ни звука. Иногда только чуть вздрагивал или тяжело сглатывал. Вообще-то я привыкла к подобным процедурам, но причинять боль Арманиусу оказалось неудобно. И это неправильно, Эн, в тебе всё ещё слишком много личного...

Ректор вдруг зашипел, выгнулся, и я поспешила объяснить:

— Сейчас пройдёт, сейчас... Это контур, вы его ощутили, он вспыхнул на мгновение, и это хорошо... Чем быстрее пациент ощущает сломанный контур, тем быстрее наступает выздоровление...

— Не волнуйся, я в порядке, — прохрипел Арманиус и закашлялся. — Демоны, как же сухо...

— Я сейчас дам вам воды.

— На кухне...

— У меня с собой есть.

Я достала фляжку с водой, которую носила в медицинской сумке — вода никогда не бывает лишней, — маленькую кружку, налила туда жидкости до краёв, и протянула архимагистру.

— Спасибо, Эн, — он жадно выпил всё до капли и, вернув мне кружку, улыбнулся, но улыбка весёлой отнюдь не была. — Да, ощутить контур в семь магоктав после прежних

девятиста пяти.... Это... — Он на секунду замолчал, словно подбирая слова. — ... Необычно. Впрочем, хоть так. Выживу и с этим. У тебя и того меньше, а маг ты отличный.

Я в это время убирала кружку обратно в сумку и, услышав похвалу, застыла в абсолютном шоке.

Но через пару мгновений удивление от того, что Арманиус сказал мне доброе слово, куда-то схлынуло, оставив после себя недоумение по другому поводу.

— Архимагистр... — Я повернулась к нему лицом и вгляделась в глаза. — Откуда вы знаете, какой у меня резерв? Вы не можете сейчас его видеть. Завтра, наверное, сможете, но сейчас — нет. И откуда вы знаете, какой я маг? Не считая того светлячка, я не творила при вас магию. Вы... — Я запнулась. Да, глупые вопросы, наверняка Арманиус просто навёл справки. Хотя я была уверена ещё даже накануне, что ему пока не до этого. Но, видимо, нашёл время.

— Я просто поспрашивал про тебя у нескольких... знакомых, — подтвердил мои мысли ректор. — Не обижайся, Эн. Ничего плохого никто не говорил, только хорошее.

Я почувствовала, как вспыхнули щёки. Слава Защитнице, архимагистр не может пока этого рассмотреть...

Но неужели он... знает? Что был против моего поступления, что я всё равно училась, что стала лучшим выпускником курса? Что мне дали орден Золотого орла за спасение Арчибальда? Конечно, про то, что Арманиус меня спас восемнадцать лет назад, он не может ни знать, ни помнить. Рассказать об этом некому, кроме меня самой, а помнить такое нереально — он же спас очень много людей за эти годы.

— Ты молодец, действительно молодец, — продолжал между тем архимагистр. Голос его звучал хрипло, но твёрдо, уверенно. — А я был неправ когда-то, могу теперь это признать. Я ошибся. И рад, что у тебя хватило таланта и упорства не бросать свою мечту.

В глазах щипало так, словно он мне туда горсть соли бросил.

— Из тебя вышел прекрасный маг и замечательный учёный, Эн. И я надеюсь, что ты совершишь еще множество удивительных открытий для магической медицины, — закончил ректор почти совсем угасшим, но тем не менее тёплым голосом. — Мне... вновь лечь?

Он будто бы и не ждал от меня никакого ответа. Впрочем, и правильно — я не знала, что сказать. Я и осознать до конца не могла того, что случилось.

Арманиус... извинился передо мной? Признал свою ошибку? Наверное, я сплю и вижу сон. Поначалу, учась в университете, я действительно мечтала об этом. Мечтала, чтобы он заметил меня, увидел, похвалил за успехи, назвал достойной. А потом перестала мечтать, перестала верить в то, что это возможно. Я сосредоточилась на учёбе и науке, и только иногда, думая о ректоре, ощущала горечь в сердце, словно от предательства.

Но я тоже была не права. Он не предавал меня. Он меня даже не знал и, что задевало больше всего, не хотел знать. Но так бывает — любовь не всегда встречает отклик и взаимность. Моя вот не встретила.

— Да, ложитесь.

Он послушно опустился на диван, и я продолжила массаж.

И до конца процедуры Арманиус не сказал мне больше ни слова.

Во сне Берт вновь видел огонь. Наверное, он теперь до конца своих дней будет смотреть такие сны... Впрочем, ничего удивительного после всего случившегося.

Арманиус провёл рукой по лбу. Влажный... нет, даже демонски мокрый, и явно температура повышена. В прошлый раз — Защитник, как же по-дурацки это звучит, — такого не было. Может, что-то не так?

Берт покосился на браслет связи и сдавленно выругался. Цифр на нём он различить не мог. Придётся использовать «говорящие часы», а потом и голосовой набор, если он всё же решит связаться с Эн. Но пока лучше подождать. Вдруг станет легче?

Арманиус усмехнулся, вспомнив тягостное молчание, с которым его накануне рассматривали император и Гектор Дайд. Берт не говорил Арену про уменьшение резерва, поэтому для него это оказалось сюрпризом. Но его величество быстро справился с эмоциями и, опустившись в кресло, спросил:

— Какого демона ты делал в Геенне?

Да, выводы Арен сделал моментально. Что ж, это логично, ведь только Геенна могла вот так высосать резерв мага. И архимагистры на Совете наверняка поймут... Пока неясно, чем это кончится, но в любом случае для Эн опасности уже не будет.

— Ваше величество... Я бы рассказал, но рассказывать долго, и моего голоса может не хватить. Запишите мои воспоминания о последних трёх неделях жизни в Кристалл памяти. Так вы сможете увидеть все подробности. И без риска, что я что-нибудь забуду.

Арен кашлянул. Жаль, Берт не мог видеть выражения лиц императора и Дайда — наверное, они были забавными.

Кристалл памяти чаще всего использовался в случае с преступниками — редко кто из обычных магов позволял записать свои воспоминания. Это было не больно и безопасно, но довольно-таки дорого — сами кристаллы были недешевы, — поэтому к подобным мерам прибегали редко.

— Держите, — Берт протянул императору небольшой прозрачный кристалл, который он взял из старых запасов Агаты. Она изучала свойства камней на первых курсах университета, как артефактор, и тогда же приобрела парочку кристаллов, как она тогда выразилась, «для коллекции». — И конечно, я не зря позвал тебя... то есть, вас, айл Дайд — я хочу, чтобы вы тоже посмотрели.

— Я уже понял, — невозмутимо произнёс главный дознаватель. — Ваше величество, вы сами всё сделаете, или мне?

— Лучше ты, Гектор. Я не люблю ломать чужие головы.

— Слово «ломать» сюда не подходит, ваше величество, — возразил Дайд, вставая с кресла и подходя к Берту. Взял из его ладони кристалл и приложил ко лбу Арманиуса. — Мы всего лишь приоткроем на мгновение дверь, возьмём то, что нужно, и аккуратно закроем её обратно... Расслабьтесь, архимагистр. Я делал это миллионы раз. Сосредоточьтесь на самом первом воспоминании... На самой первой картинке... Да, вот так. Есть, кристалл засветился. А теперь ждём. Сейчас ваши воспоминания заполнят кристалл, и он погаснет... Всё. Держите, ваше величество.

Гектор отошёл от Арманиуса — после этой «процедуры» у него слегка закружилась голова и в глазах зарябило, — и отдал императору Кристалл памяти.

— Смотрите сначала вы, а потом уж я.

— Хорошо, — сказал Арен. — Сейчас поглядим, с какого... я решил снять с тебя печать-запрет на вход в Геенну.

Берт улыбнулся.

— Я был очень убедителен, ваше величество. Очень.

Сегодня мы с Байроном начали экспериментировать, но успехов не достигли. Впрочем, это не удивительно — глупо ожидать успехов после одного дня исследований. Хотя Асириус всё равно расстроился. Наверное, это из-за его хирургической натуры — привык видеть результат практически сразу. Но с терапией этот номер не пройдёт.

— Ты не расстраивайся, — сказала я, когда мы с Байроном выходили из хирургического отделения. — Сразу ничего не бывает. Я почти три месяца билась над различными вариантами лечения, пока мне удалось получить хоть какой-то результат. С

Арчибальдом, считай, повезло...

— Да тебе вообще везёт. И с руководителем повезло, и с темой работы. Я только потом понял, почему Валлиус тебе этот бред утвердил, с твоим-то уровнем дара. Никто из больных близко не подпустил бы тебя к себе. Кроме безнадежных.

Ответить я не успела — хотя я и не стала бы отвечать, — поскольку на моём запястье настойчиво завибрировал браслет связи.

Это оказался Арманиус, и сердце у меня тревожно сжалось. Я махнула рукой Байрону, чтобы не ждал меня, а затем отошла в сторону, в гостевую зону, дабы никому не мешать, и ответила на вызов.

Появившаяся перед моими глазами проекция архимагистра выглядела не слишком хорошо. Лицо его было влажным от пота. Температура? Нетипично...

— Эн, — ректор прищурился: видимо, не мог разглядеть мою проекцию, — я прошу прощения, но возможно, это важно. Я весь горю и...

— Я сейчас перенесусь к вам, архимагистр, — перебила я его, начиная волноваться. Да, у моих больных бывает температура, но не на этом этапе. Слишком рано. — Пять минут. Только сбегая в лабораторию за своей сумкой.

Он кивнул, я отключилась и побежала в лабораторию за вещами. Я не могла понять, с чем столкнулась, и это немного пугало.

Нужно заставить Арманиуса рассказать как можно более подробно о том, что случилось в тот день, когда его контур был сломан. Возможно, тогда я смогу понять, как ему помочь. В любом случае необходимо описать всё это в моей научной работе. Уникальная ситуация — под воздействием демонов Геенны у мага изменился резерв! Но почему только у Арманиуса? Чем эти демоны отличались от всех прочих? Я, конечно, не специалист по демонам, но... Во всём этом есть что-то странное.

Проверив, всё ли необходимое находится в сумке и сообщив заведующему терапевтическим отделением, что я отлучусь к Арманиусу, я достала иглу — артефакт, подаренный мне когда-то Роном, — ввела её под кожу на запястье и начала строить пространственный лифт.

Через несколько минут я уже была в доме ректора и, поднявшись по лестнице на второй этаж, практически вбежала в библиотеку, даже не задумавшись, там ли архимагистр. Ведь он мог бы переместиться в спальню. Но нет — Арманиус был в библиотеке. Полусидел на диване, глядя в окно, за которым валил снег — хотя ректор точно не мог его разглядеть, — и повернул голову на звук открывшейся двери.

И вдруг сказал то, от чего я чуть не споткнулась:

— Защитник, как же мне хочется тебя увидеть...

Кажется, сердце на пару секунд перестало биться.

А потом вновь пошло, когда я поняла, что Арманиус имел в виду совершенно не романтику. Конечно, ему хочется увидеть окружающий мир, и меня в том числе.

Поэтому я не стала ничего переспрашивать — это было бы глупо. Вытащила из сумки градусник и протянула ректору.

— Меряйте температуру. Во рту, пожалуйста.

Он послушно вставил тонкий металлический аппарат в рот, а я тем временем доставала всё необходимое, чтобы взять кровь.

Через двадцать секунд градусник запищал, и я, забрав его у Арманиуса и взглянув на деления, замерла от удивления — почти 39 градусов. Надо сбивать.

— Так, давайте руку, возьму кровь на анализ.

Архимагистр послушно закатал рукав рубашки, и я приступила к делу, переживая, что

увидю сейчас по анализу какое-нибудь воспаление.

Но кровь у Арманиуса была в полном порядке. И я, немного подумав, развела ему в воде жаропонижающее пополам с общеукрепляющим и дала выпить.

— Должно подействовать в течение часа, — сказала я, садясь рядом с ректором на диван. — Если не подействует, тогда я вас заберу в стационар, вам нужно будет находиться под присмотром и ставить капельницу. Сейчас я побуду с вами... а вы пока расскажете мне всё, что случилось в тот день, когда был сломан ваш контур.

Архимагистр чуть нахмурился.

— Я вроде рассказывал.

— Кратко — да, — кивнула я. — Но мне нужны подробности. Всё, что можете вспомнить. Понимаете, это нетипично... Нет, даже не так. Это невозможно. У вас изменился резерв. Это противоречит правилам.

— Из любых правил бывают исключения, — его губы тронула слабая улыбка, словно он подумал о чём-то приятном. — Значит, мне повезло, и я исключение.

На мой взгляд, это скорее «не повезло».

— Везение или его отсутствие — это ненаучно, архимагистр. Меня интересуют только факты. Что конкретно случилось с вами в тот день, опишите мне во всех подробностях. Сегодня вы, завтра кто-то ещё... Я должна понимать, как с этим работать.

Арманиус молчал несколько мгновений, а когда заговорил, то делал это медленно, словно обдумывал каждое своё слово.

— Эн, то, что я тебе сообщил — это максимум того, что я могу сказать. На мне печать молчания, которую поставил император. У моего дела гриф «секретно».

Я так удивилась, что, кажется, даже чуть приоткрыла рот.

— Но... Что секретного может быть в демонах Геенны?!

Он молчал, и теперь уже явно не собирался отвечать на поставленный вопрос.

А я лихорадочно размышляла.

Значит, печать молчания императора... Получается, Арманиус знает то, что нельзя рассказывать. Какая-то ерунда, мне не нужны никакие секретные сведения — только описание событий! В конце концов, моя работа не менее важна, хоть у неё и нет никаких секретных грифов!

— Эн, — продолжил архимагистр, и голос его показался мне на удивление мягким, — поверь, мои воспоминания ничем тебе не помогут. Да, ты поймёшь, почему так случилось, но... Ты не сможешь никак использовать эти знания.

— В смысле?..

— В смысле — тебе не позволят разглашать тайну изменившегося резерва.

— А как лечить, если...

— Таких пациентов, как я, больше не будет, — покачал головой Арманиус. — Я уверен в этом. Но если вдруг я ошибаюсь... Никак, Эн. Меня нельзя вылечить.

Мне захотелось его придушить.

— Опять вы с этими похоронными настроениями! — возмутилась я. — Знаете, что... Врач здесь — я, а не вы! Я буду решать, можно вас вылечить или нельзя!

Ректор улыбнулся, и эта улыбка... неважно, что глаза остались мутными, а кожа на лице обожжённой — улыбка была замечательная. И преобразила лицо Арманиуса так, что моё сердце вновь остановилось второй раз за сутки.

— Я не спорю. Решать будешь ты, Эн.

И голос такой мягкий... Защитница, я не узнаю своего ректора.

«Своего»... Мечтательница. Неисправимая.

— Что у вас с меткой университета? — пробормотала я, пытаюсь сгладить неловкость сменой темы.

— Не знаю, не вижу. Смотри сама.

И Арманиус протянул мне запястье левой руки.

Я резко выдохнула и закусил губу. Метка... её практически не было. Очень слабый рисунок — книга, меч и перо. Практически незаметный...

— Судя по твоему вздоху, метки почти не видно. Я прав?

— Да.

Мне было больно. Больно оттого, что я не знала, как это исправить. Как сделать так, чтобы Арманиус не потерял своё ректорство.

— Демоны... — Архимагистр вдруг приподнялся и чуть коснулся пальцами той руки, где была метка, моего запястья. — Эн, не расстраивайся. Всё хорошо. В конце концов, мне всегда не слишком-то нравилось быть ректором.

Да, про нелюбовь Арманиуса к своей должности ходили легенды. Но всё равно...

— И потом, она ведь еще не исчезла. Вот когда исчезнет, тогда уж я буду думать, что делать дальше, кем работать, если я не смогу быть ни ректором, ни охранителем. Но это точно случится не сегодня, — он вновь мягко улыбнулся и вдруг осторожно погладил меня по запястью. И сразу убрал руку.

— Да, — сказала я глухо и, с силой отвернувшись от него, вновь достала градусник из сумки. — Вы правы, архимагистр. Не сегодня. А сегодня... меряйте температуру.

Через полминуты я уже с облегчением смотрела на цифру 37. Сработало! Значит, такую реакцию выдал организм ректора на вспыхнувший в первый раз контур. Возможно, это связано с уменьшением резерва — организм к такому рисунку не привык. Что ж, если это так, то подобные лихорадочные состояния будут сопровождать Арманиуса на протяжении всего лечения.

Наказав сообщать мне, если температура будет повышаться или появятся ещё какие-то тревожные симптомы, я вернулась в госпиталь.

Когда Эн ушла второй раз за сутки, Берт вновь задремал, но ненадолго — слишком много мыслей бродило в голове.

Она так переживала из-за изменившегося резерва, что Арманиус невольно думал — как же хорошо, что Эн не знает всех обстоятельств. Если бы она знала, ради кого он шагнул в Геенну... Точно сошла бы с ума от беспокойства и чувства вины. Нет уж, пусть лучше не знает.

Погружение императора в Кристалл памяти накануне продолжалось всего минуты две, следом воспоминания Берта просмотрел Дайд. И опять Арманиусу было жаль, что он не может рассмотреть их лиц. Он видел только, как Арен в задумчивости трёт лоб, пока главный дознаватель был погружён в Кристалл.

— И что мы будем теперь делать, Гектор? — поинтересовался его величество, как только Дайд отложил артефакт. — Защитник, полнейшая каша в голове... Как бы не спутать одну реальность с другой...

— Это побочный эффект, он скоро пройдёт, — сказал Дайд. Ему по роду службы приходилось работать с Кристаллами памяти гораздо чаще, чем императору. — Что касается наших дальнейших действий... Будем использовать план Б.

Берт не выдержал и спросил:

— А в чём заключался план А?

Ответил Арен.

— Я рассчитывал, что ты останешься и ректором, и архимагистром. Честно говоря, это было бы проще. Но раз так... — Кажется, император усмехнулся. — Будем использовать план Б, по которому ты всё теряешь. Это сложнее, но...

— Но не невозможно, — закончил за него Дайд. А потом, чуть помолчав, добавил: — И да... Если вы... то есть, если ты волнуешься за Эн, то не стоит. Сама по себе она никому не нужна. И раз ты у нас теперь магический калека...

— То нападения не будет, — кивнул Берт. Что ж, этого он и добивался.

— На неё — да, — мягко сказал Гектор. — Но все архимагистры сообразят, что случилось с твоим резервом, и я буду оч-ч-чень удивлён, если их не разорвёт от любопытства прям на совете. И одному Защитнику известно, чем это кончится лично для тебя.

— Убить захотят? — Берт поднял брови. — Но я ведь уже всё рассказал Арену. И даже показал.

— Ну так они об этом не знают...

Весь день я толком не могла сосредоточиться — всё думала о том, что же такого секретного может быть в демонах Геенны, изменивших резерв Арманиуса. Иногда мне казалось, что я вот-вот до чего-то додумаюсь... но мысль ускользала и, как ящерица, теряла хвост.

А вечером, когда я вышла из здания госпиталя, то заметила золотой магмобиль неподалёку от входа. Дверца открылась... и оттуда шагнул Арчибальд.

Я замерла. И только сердце колотилось...

— Добрый вечер, Эн. — Принц медленно шёл вперёд, и снег хрустел под его ногами.

— Добрый, ваше высочество, — сказала я негромко, чуть присела и склонила голову. Страшно хотелось поскорее скрыться, убежать, и не отвечать на его вопросы, и... не отказывать ему.

— Вам понравились цветы? — спросил Арчибальд, лукаво блестя глазами. Как будто кому-то могут не понравиться такие цветы!

— Конечно, ваше высочество.

— Эн... — Принц подошёл еще ближе и аккуратно взял меня за руку. — Вы позволите пригласить вас...

— Не нужно, — я медленно освободила руку и спрятала её за спиной. — Не обижайтесь, но...

— Я вам не нравлюсь?

Я замолчала и закусила губу, страшно смутившись. Никогда в жизни не говорила о таких вещах прямо и... не уверена, что смогу. Да и что тут можно ответить? Нравится же. Но он ведь принц!

— Эн, пожалуйста, дайте мне шанс.

Защитник... И ведь наверняка сейчас куча народу прилипла к оконным стёклам, наблюдая эту сцену и перемыывая кости Арчибальду и мне. Принцу-то ладно, а мне же сюда возвращаться завтра утром!

— Ваше высочество... Я не могу. Пожалуйста, простите, — почти прошептала я и тут же быстро пошла прочь, надеясь, что Арчибальд не станет меня догонять.

Не стал. И правильно. И я сама тоже всё сделала правильно. Но почему тогда так больно дышать?..

Ближе к вечеру браслет связи вновь завибрировал. Берт в это время как раз ужинал и, покосившись на экран, улыбнулся — Валлиус.

Удивительно, как Брайон продержался столько времени. Наверное, думал, что он сам будет его беспокоить, расспрашивать про Эн, а Берт проявил поразительное отсутствие любопытства, и главврач Императорского госпиталя заподозрил неладное.

Арманиус на его месте тоже бы всполошился. Но... он просто не мог повторять сценарий «прошлой» жизни и точно так же расспрашивать всех об Эн. Зачем? Никто ведь не будет играть в Гектора Дайда и пытаться выяснить, откуда у Берта информация.

— Ты как себя чувствуешь? — поинтересовалась проекция Йона, которую Арманиус мог различить только в общих очертаниях.

— Лучше. И ожоги проходят, и вижу чётче. А контур... ну уж какой есть. Выживу и с таким.

— Ещё рано отчаиваться, — возразил Валлиус. — Эн только начала лечение. Она, знаешь ли, вполне способна сотворить чудо.

— Знаю, — Берт улыбнулся и почувствовал себя отомщённым за «прошлую» жизнь, когда Брайон запнулся и замолчал на полуслове.

— Я как-то ожидал, что ты будешь меня расспрашивать про неё, — признался он в конце концов через несколько секунд. — Даже прокручивал в голове, что буду тебе отвечать. А ты... к кому-то другому, что ли, обращался?

— Ну да, — пожал плечами Берт. — Я же понимал, что ты мне ничего не расскажешь. Вот и выяснил всё у парочки коллег.

— Угу. Ну... и что ты думаешь?

Арманиус усмехнулся. Что он думает? Ответ был очевиден.

— Что я идиот.

На следующий день, когда я пришла к ректору, в окно светило яркое солнце, и я на миг зажмурилась... и замерла, услышав радостный голос Арманиуса:

— Эн, я тебя вижу! Пока не очень чётко, но уже гораздо лучше! Подойди поближе.

— Конечно, видите, — проворчала я, чтобы скрыть неловкость, и подошла к дивану, на котором сидел архимагистр. Он счастливо улыбался, вглядываясь в моё лицо. — Завтра-послезавтра зрение полностью восстановится. И ожоги скоро совсем пройдут. Как у вас с ходьбой?

— Неплохо. — Он всё смотрел на моё лицо, словно не мог насмотреться. Эн, о чём ты вообще?.. Просто он видит тебя в первый раз! Ему интересно! — Я уже почти не спотыкаюсь каждую секунду.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Хорошо, я очень рада. Снимайте халат и ложитесь, начнём с ожогов. Сегодня мы с вами в последний раз займёмся ими и глазами, а с завтрашнего дня уже будем только контур восстанавливать.

Архимагистр согласно кивнул, и я приступила к делу.

Ожоги действительно почти прошли, но в этом был и определённый минус. Тело ректора из больного становилось здоровым, а значит, привлекательным. Нет, в любом другом случае я не обращала бы на это внимания, но... не в этом.

И периодически мне нестерпимо хотелось остановить движение ладоней, сжать пальцы, почувствовать тепло кожи... Неправильные мысли. Но если бы я могла их

контролировать!

— Завтра Совет архимагистров, — заговорил вдруг Арманиус, и лицо его при этом было каким-то странным. Словно он ощущал неловкость от того, что именно говорил. — На нём будут обсуждать закон, который лоббирует Арчибальд. Про титулы не по наследству, а за заслуги перед империей.

Я, еще не отошедшая от мыслей про то, как мне хочется просто погладить кожу ректора — без всякой мази, — не сразу поняла, о чём он говорит. А когда поняла, всё равно не поняла, при чём тут я.

Между тем Арманиус продолжал:

— Что ты думаешь об этом законе, Эн?

— Ну... — протянула я, заканчивая с грудью, и попросила: — Переворачивайтесь. Я думаю, что он необходим, но... вряд ли его примут.

Архимагистр кивнул, переворачиваясь ко мне спиной.

— Да, я тоже так думаю. Сейчас у нас по сути временное рабство. Не-аристократы учатся и работают, но при этом они обязаны платить налоги, в отличие от аристократов. Лишаться постоянного притока денег нет никакого смысла.

— Несправедливо.

— Конечно. Но ты сама всё понимаешь, Эн. И Арчибальду, если он хочет добиться успеха, стоит прописать в законе более чёткие условия дарения и передачи титулов. То, что я видел пару недель назад — этого слишком мало. Ему следует подойти к этой работе более скрупулезно, расписать всё подробнее, но если Арчибальду скажу об этом я, он не станет меня слушать.

— Почему? — я удивилась. Его высочество никогда не производил на меня впечатление человека, который не умеет слушать, да и... он ведь начальник Арманиуса.

— У меня с ним не слишком хорошие отношения. Так уж получилось. К моему мнению принц не прислушается. А времени уже в обрез, совет завтра. Поговори с ним сама, Эн. Арчибальду нужно надавить на слабые места архимагистров не-аристократов, и на титулованных магов, которые хотели бы, например, жениться на не-аристократках. Таких в совете достаточно.

Я задумчиво намазывала ректору спину, не обращая внимания, что я уже не столько намазываю его, сколько просто глажу.

С учётом того, что случилось накануне... Конечно, мне совершенно не хотелось встречаться с Арчибальдом. Но закон... Его необходимо принять.

— Хорошо, — сказала я в итоге. — Я поговорю с ним, обещаю.

И только в тот момент, когда Арманиус удовлетворённо кивнул, я неожиданно осознала...

Защитница, а с чего он решил, что принц будет меня слушать? Поначалу я не задумалась об этом, увлечённая собственным наваждением, но теперь...

Неужели до ректора тоже доходили слухи про нас с Арчибальдом? Хотя нет никаких «нас», есть отдельно я и отдельно принц.

— Архимагистр... — начала я неуверенно, но он меня перебил:

— Эн, ты можешь называть меня просто Бертран или Берг. Мы ведь уже не в университете, да и архимагистр из меня теперь так себе.

От неожиданности я замерла, растеряв свои вопросы.

— Я буду рад, если ты оставишь официальность. Но, конечно, это твоё дело, и если тебе некомфортно, я не обижусь.

Вместо ответа я пробормотала:

— Переворачивайтесь, займёмся глазами.

Арманиус послушался, никак не прокомментировав отсутствие моего ответа на своё предложение. А я поспешила сменить тему. Пока окончательно не сошла с ума от смятения и неловкости.

— Почему вы думаете, что Арчибальд будет слушать мои советы по поводу доработки закона? Я ведь... — Я запнулась, но всё-таки закончила: — ...Я ведь ему никто.

— Ты его вылечила, — пояснил ректор, глядя на меня внимательно и серьёзно. — И он доверяет тебе, Эн. Мы всегда доверяем врачам, которые нам помогли.

Я улыбнулась, расслабляясь.

— Так говорит Валлиус.

— Я знаю, — архимагистр тоже улыбнулся. — Именно у него я эту фразу и подхватил.

В этой реальности совершенно не хотелось просить Эн поговорить с Арчибальдом и подталкивать их к сближению. Но менять прошлое подобным образом не стоило. И если тогда Эн беседовала с принцем, то и сейчас она должна с ним побеседовать. Арчибальд послушал её, доработал закон, и кто знает, что будет, если пустить всё на самотёк в угоду собственной ревности.

Хотя искушение и было.

А ближе к вечеру, когда Берт изнывал от мыслей, как там проходит диалог Эн и Арчибальда, к нему домой вдруг заявился Гектор Дайд. Причём не перенёсся при помощи пространственного лифта, хотя допуск на перенос у него был, а постучал в дверь, словно пришёл с официальным визитом.

Но, если судить по знакомой по прошлой реальности длинной деревянной коробке, визит всё же был неофициальным.

— Что-то случилось? — поинтересовался Берт, глядя на то, как Гектор вешает верхнюю одежду в шкаф в прихожей.

— Случилось, — пробормотал дознаватель. — Когнитивный диссонанс случился.

— Э-э-э...

Дайд захлопнул шкаф и, повернувшись к Арманиусу, потряс коробкой с сигарами.

— «Там» мы с тобой курили после нападения на Эн. «Здесь» нападения не будет, ручаюсь. Так что же, не покурим?

Берт расхохотался и махнул рукой, приглашая Гектора на второй этаж.

Минут через двадцать, когда в теле появилась приятная расслабленность — правда, зрение при этом чуть сильнее затуманилось, — Арманиус поинтересовался:

— «Там», как я понял, на меня должны были совершить покушение?

Дайд с наслаждением выпустил в воздух целую струю дыма и кивнул.

— Ага.

— Из-за... — Берт запнулся. — Кровной магии?

Ещё одна струя — и задумчивый голос:

— Надо будет и правда предложить тебе карьеру в моём комитете...

— Это логичнее всего, — пожал плечами Арманиус. — Университет и его сила — мощный артефакт. Не слишком понимаю, как это можно использовать...

— Да перестань, — поморщился Дайд. — Хочешь сказать, ты сам не черпал оттуда энергию? После горячих заданий на севере Альганны, например.

— Не то, чтобы я черпал её сознательно... Я просто приходил в университет, и он сам отдавал мне силу. Буквально напивался ею. Хороший способ восстановления. Но я, знаешь ли, никогда не перебарщивал и не использовал эту энергию с какой-то другой целью. Не уверен, что её можно использовать...

— А почему нет? — Гектор затаился, и из ноздрей у него пошёл дым. — Ректор университета — как проводник между артефактом и той целью, с которой предполагается использовать этот артефакт. Из тебя проводник неважный, ты и сам не злоупотребляешь, и другим не дашь. Но что, если ректором будет другой человек?

— Всё-таки Велмар, значит... — пробормотал Берт, и Дайд покачал головой.

— Я этого не говорил. У лестницы, которая ведёт к конкретной цели, может быть много ступенек. Ты — первая. А вот второй ступенькой может быть Велмар — в том или ином смысле.

Арманиус помолчал, глядя на то, как Гектор выпускает изо рта одно дымное кольцо за другим, и на каждое любуется почти с умилением. Картинка расплывалась, словно вокруг клубился туман, и Берт вдруг подумал, что Эн, узнав об этом курительном сеансе, наверняка очень бы ругалась.

Но смысл? Его всё равно нельзя вылечить.

— А где меня «там» должны были убить? Мне казалось, ты знаешь это.

Дайд кинул на Арманиуса укоризненный взгляд и пробормотал:

— Нет, я, пожалуй, погорячился с работой в комитете... Это же очевидно. Испытания на присуждение звания архимагистра — идеальный способ как убить, так и скрыть преступление. Ты ведь помнишь, что во время них погибают десять процентов кандидатов? Ты просто пополнил бы коллекцию.

Действительно, как он сразу не догадался? Комната испытаний — прекрасная ловушка.

— И как ты планировал меня спасти? Если планировал, конечно...

— Зачем тебя спасать? — пробормотал Гектор с иронией. — Архимагистром больше, архимагистром меньше...

— Что, не скажешь?

— В этой реальности я могу только предполагать. Но не сейчас. Крепче спать будешь. Потом, когда ситуация стабилизируется, расскажу.

Берт решил не настаивать. Во-первых, давить на Дайда — дело бесполезное, а во-вторых... И правда крепче спать будет.

Весь рабочий день я думала над тем, что сказал Арманиус, и ничего удивительного, что у нас с Байроном не было успехов в лечении. Бывший однокурсник опять расстроился, но уже не так сильно, как накануне.

— Вчера мой заведующий спросил, как у нас дела, — пробормотал Асириус, когда я поинтересовалась, в чём причина такого подозрительного равнодушия. — Я сказал, что у нас пока по нулям, и Мортимер... Ну, ты ведь его знаешь. «Лечить людей — это тебе не капусту стругать для пирожков».

Я хмыкнула. Макс Мортимер, заведующий хирургией, чем-то безумно напоминал мне Валлиуса, только юмор у него, в отличие от юмора наставника, был в основном чёрным. И я подозревала, что он сказал Байрону не только это, про капусту и пирожки, но и что-нибудь ещё, едкое и неприятное, благодаря чему Асириус сегодня проявлял большее терпение, чем накануне.

А вечером я, сцепив зубы и взяв в кулак всю свою волю, направилась во дворец, на

аудиенцию к Арчибальду. Плевать на нежелание туда идти — закон важнее. Не знаю уж, зачем Арманиусу понадобилось просить меня поговорить с принцем... Ректор ведь аристократ, ему-то что до нетутилованных магов?

«Ты слишком плохо о нём думаешь, Эн», — шепнул внутренний голос, и я досадливо поморщилась. Да, наверное. С одной стороны, я восхищаюсь им, я... да, я всё ещё влюблена в него, и не меньше, чем в детстве. А с другой — я всегда жду от него чего-то плохого лично для себя. Я несправедлива.

Шагая по коридорам императорского дворца в сопровождении охранников и слуги, я вспоминала, как была здесь в последний раз — в тот день мне вручали орден Золотого орла. Я очень надеялась, что на награждении будет ректор, как официальный представитель университета, но вместо него присутствовал Велмар Агрирус.

Я не спрашивала, где Арманиус, но Брайон тем не менее сказал, как только мне вручили орден:

— Берт вчера был срочно переброшен на север вместе с двумя отрядами охранителей. — Я бросила на наставника удивлённый взгляд, и тот пояснил: — Это я... так просто. Вдруг ты удивилась, что вместо него проректор.

— В этом нет ничего удивительного, — пробормотала я. Арманиуса вообще редко видели как в университете, так и на официальных мероприятиях. Работу охранителя он считал гораздо более важной, и это вызывало недовольство и многочисленные шепотки у многих студентов, их родителей и преподавателей. «Демонски плохой ректор, — услышала я однажды от кого-то, — потому что больше интересуется демонами, чем людьми».

Я понимала вавйайг Арманиуса, и на его месте вела бы себя точно так же. Как охранитель он был незаменим, а с обязанностями ректора куда лучше справлялся Агрирус. Но... мне так хотелось, чтобы он пришёл на моё награждение!

Глупые мысли, глупые мечты. Тогда я обещала самой себе, что больше не буду ни на что надеяться.

А теперь получается — врала самой себе. Теперь, когда я начала лечить ректора, и он... Он вёл себя совершенно иначе, нежели я думала... Надежды и мечты вспыхнули вновь.

Не надо, Эн. Простись с этой детской любовью окончательно. Пойми, что она никогда не будет взаимной. Проявление человеческой симпатии со стороны Арманиуса сейчас — это только симпатия, а не любовь.

Да, именно так.

— Заходите, айла. — Передо мной распахнули дверь. — Его высочество ждёт вас.

Я кивнула и шагнула внутрь, стараясь скорее отогнать от себя мысли о ректоре. Нужно сосредоточиться на деле.

Я оказалась, по-видимому, в кабинете. Здесь было очень красиво, почти как в музее. Шкафы из светлого дерева, заполненные книгами, и всё такое чистое, сияющее. На фоне этого стерильного великолепия я сама, одетая в коричневое платье, показалась себе какой-то слишком... грязной. Слишком обычной.

Мне здесь точно не место. Арчибальд, должно быть, сошёл с ума, когда решил за мной ухаживать.

— Здравствуйте, Эн.

Я повернулась на голос. Принц стоял справа, возле книжного шкафа, облачиваясь на одну из полок, и легко улыбался, глядя на меня. Он был в форме охранителей и выглядел уставшим, но радостным.

— Добрый вечер, ваше высочество, — я кивнула, чуть присела, выпрямилась и продолжила: — Я по делу.

— Я понял, что не просто так. Давайте сядем. Будете чай?

Я отказалась, хотя чаю мне хотелось. И поужинать — тоже. Из-за волнения перед этой встречей я толком и не пообедала.

Но здесь я есть не буду. Просто разговор или разговор во время еды — два разных по длительности разговора.

— И всё-таки, Эн... — сказал Арчибальд, когда мы сели за письменный стол. Я — в небольшое кресло с обивкой золотого цвета, принц — в кресло побольше, и белое. — Дрэ, будь добр, чаю нам с моей гостьей, — продолжил он, коснувшись браслета связи. — О чём вы хотели поговорить?

Да, было наивно с моей стороны предполагать, что Арчибальд может оставить меня без чая. Это было бы даже невежливо.

— О вашем законе, ваше высочество. Наверное, это не моё дело, но...

— Почему же? — улыбка исчезла с лица принца. — Он ведь касается и вас. Продолжайте, я слушаю.

М-да, пожалуй, мне не было так сложно со времён, когда я впервые пришла к Арчибальду в палату и предложила ему попытаться восстановить контур вместе со мной.

— Общество, в котором мы живём, сложилось очень давно. И маловероятно, что архимагистры захотят что-то менять, особенно с учётом системы налогообложения. Это ведь невыгодно.

— Я понимаю. Я говорил с Ареном... с императором. Он сказал, что нынешние устои давно изжили себя и могут привести к гражданской войне, но менять их — большой риск и катастрофа для казны. Однако он не отказал.

Я с сомнением посмотрела на Арчибальда. Не отказал? А как тогда еще должен звучать отказ? Хотя принцу виднее. Я-то императора только на картинках видела.

— Вам нужно схитрить, ваше высочество. Распишите подробнее условия передачи титула, надавите на слабые места архимагистров...

— Например?

Тут в кабинет вошли камердинер и две служанки — они принесли чай. Я подождала, пока всё расставят по местам, а затем продолжила говорить. И говорила я минут пятнадцать — перечислила всё, что придумала за сегодняшний день, и то, что подсказал мне Арманиус, — пока в горле не пересохло.

Подняла чашку и сделала глоток. Защитница... вкус был удивительный. Хотя и не до такой степени, чтобы ради него мечтать выйти замуж за принца и стать принцессой.

— Вы абсолютно правы, Эн. Надо доработать. Перенести совет на послезавтра и доработать, пока есть время... Да, кстати. Вы не хотите пойти вместе со мной?

Я чуть чаем не подавилась, а Арчибальд продолжал:

— Думаю, советникам будет полезно посмотреть на вас, послушать про ваши заслуги. Понять, насколько наша система изжила себя.

Нет, идея принца не лишена логики и привлекательности, но... Мне не слишком хотелось работать живым наглядным пособием, да и в целом не стоит куда-либо ходить с Арчибальдом. Даже на совет.

А вот с ректором... В конце концов, он ведь обязан там присутствовать, его пока не лишили звания архимагистра. Но кто-то же должен его туда перенести?

— Я приду туда с Арманиусом, ваше высочество.

На этот раз поперхнулся принц.

— С кем?..

— С Арманиусом. Он не сможет попасть на совет без чьей-то помощи, поэтому... — Я запнулась, но продолжила вдохновенно врать: — ... Поэтому он попросил меня перенести его туда и обратно.

Интересно, как отреагирует ректор, когда я ему поведаю об этой идее? Ладно, неважно. Даже если у Арманиуса уже есть провожатый, сейчас главное — отделаться от принца. Если что, потом скажу, что ректор нашёл замену, а мне не хотелось тревожить его высочество.

Гениально. Но пора уходить. А то вдруг Арчибальд решит связаться с Арманиусом и попросить его освободить меня от этих придуманных обязанностей?

— Что ж, — я вскочила из-за стола, — я пойду. Доброго вам вечера!

— Эн... — Арчибальд тоже вскочил, но куда быстрее — приборы на столе аж зазвенели. — Вы опять от меня убегаєте!

Конечно. А что ещё я могу сделать?

— Простите, я тороплюсь, — я нервно улыбнулась, пятясь к двери спиной, боясь, что если пойду как обычно, то не пойду, а побегу. И это была роковая ошибка... Потому что я запнулась ногой о ковёр с толстым ворсом и, пискнув, полетела на пол головой назад.

Естественно, Арчибальд меня поймал. Поставил на ноги, но отходить не спешил — наоборот, прижал к себе и, положив ладони на талию, тихо сказал:

— Не нужно убегать, Эн. Клянусь, я не сделаю вам ничего плохого, и если вы не захотите... Просто дайте мне шанс, пожалуйста. Очень прошу.

Защитница, это какой-то бред — двоюродный брат императора просит дать ему шанс у безродной девки!

— Вы принц, — я покачала головой, — а я совершенно не принцесса. И мы не в сказке живём.

— Эн, — Арчибальд поднял одну руку и коснулся кончиками пальцев моей щеки, — я не только принц, но еще и человек, и очень хочу быть счастливым. И если я вам хотя бы немного нравлюсь, пожалуйста, дайте мне шанс. Обещаю, если вы в дальнейшем не захотите быть со мной — я вас отпущу.

Мне было очень неловко, тревожно и страшно. А ещё... Арчибальд стоял слишком близко, и его прикосновения... Слишком личные. И... приятные.

— Я могу... подумать?

Он улыбнулся и отпустил меня.

— Конечно, Энни. Думай.

Я кивнула, пробормотала ещё раз слова прощания и вышла из кабинета.

И только на улице мне пришло в голову, что «подумать» — это, наверное, и есть тот самый шанс, о котором просил Арчибальд...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сегодня был пятый день моей работы над контуром ректора. Сам контур по-прежнему был сломан, резерв составлял семь магоктов, но архимагистр, встретивший меня на лестнице по пути в библиотеку, выглядел гораздо лучше.

— Я смотрю, вы бодры и полны сил, — сказала я, быстро поднимаясь по лестнице. — И готовы на подвиги.

— Готов, — ответил Арманиус с видимым — именно видимым, я была уверена, что сегодня он прекрасно меня видит, — удовольствием, а потом... я вновь споткнулась, как накануне у Арчибальда.

Да что же это!

Ректор шагнул вперёд, поймав меня за локоть, помог выпрямиться. Только он почему-то напрягся, будто ожидал, что я его сейчас буду ругать или вообще ударю.

— Спасибо, архимагистр, — пробормотала я с неловкостью и застыла, глядя ему в глаза. Почти прозрачные, без той дымки, которая была там все эти дни, и... красивые. Увидев их впервые, тогда, когда мне было восемь, я подумала, что цветом они похожи на очень крепкий чай. Я вспомнила это сейчас... и смутилась.

Дышать было трудно, а щёки... их будто кто-то наждачной бумагой потёр.

— Не за что, — сказал Арманиус тихо, плотнее перехватывая мой локоть. — Пойдём.

Пока шли к библиотеке, я пыталась справиться с собственным смущением, напоминая себе, что я врач, а ректор — мой пациент. Помогло. Не на сто процентов, но всё же стало полегче — жар с щёк схлынул, и дышать я теперь могла полной грудью.

— Ложитесь и рассказывайте, как ваши дела, подробнее. — Я кивнула Арманиусу на диван, а сама начала доставать из сумки шприц и реактивы — их нужно было смешать непосредственно перед уколом. — Видите чётко или ещё не очень?

— Когда устаю, туман перед глазами, — ответил ректор, послушно ложась.

— А зачем вы устаёте? Не надо уставать. Берегите себя. — Я сосредоточенно вливала один реактив за другим в маленькую колбу. — А чем это тут пахнет, кстати?

Архимагистр пару секунд молчал, и я кинула на него обеспокоенный взгляд. Явно же дело нечисто! С похожим молчанием я встречалась в госпитале, когда мои пациенты...

— Сигарами, я полагаю.

... Да-да, курили.

Руки дрогнули от неожиданности — ну да, услышать подобное от Арманиуса я не ожидала! — и чуть не уронила колбу.

— Вы?..

— Вчера знакомый заходил, — пояснил ректор, и голос его отчего-то дрожал. — И мы немного... расслабились.

Я поставила колбу на стол и посмотрела на архимагистра, как говорит Валлиус, «взглядом сердитого доктора».

— Я очень раскаиваюсь, — сказал Арманиус совершенно нераскивающимся голосом. Да, и дрожал он у него, кажется, от смеха! — Очень-очень.

— Неправда, — я свела брови, сама стараясь не рассмеяться. — И вообще нехорошо врать своему лечащему врачу. Нехорошо и даже недальновидно.

— Это отчего же? — ректор всё-таки улыбнулся. Но я не сдавалась.

— Я могу вам отомстить.

Арманиус засмеялся, и я почувствовала, что у меня дрожат губы — поэтому вновь отвернулась от него, заканчивая смешивание реактивов.

— Мсти, Эн, — сказал он вдруг очень тихо, и я замерла. — Я приму из твоих рук что угодно, в том числе и месть.

Так. Мне... послышалось?..

Дыхание вновь перехватило, и я была не в силах собрать мысли воедино и вспомнить, какой реактив вливается следующим.

Эн. Эн, соберись! Это совсем не то. Не то, что ты подумала!

Наверное, я еще долго стояла бы так, пытаюсь найти точку опоры в пошатнувшемся мире, но меня спас сам Арманиус, сменивший тему.

— Как прошёл твой разговор с Арчибальдом? — и, словно спохватившись, ректор быстро добавил: — Если ты к нему ходила, конечно.

Я глубоко вздохнула, а потом выдохнула.

Мир возвращался на привычное место.

— Ходила, — ответила я, добавляя капельку последнего реактива в колбу. Взболтнула её и, набрав необходимое количество в шприц, повернулась к ректору. — Оголите плечо, пожалуйста. — Подошла ближе и, дождавшись, пока он спустит халат, сделала ему укол. Арманиус слегка поморщился — укол был болезненным — но промолчал. А я, растерев его плечо ладонью, чтобы лекарство быстрее рассасывалось, продолжила: — По-моему, всё прошло хорошо. Во всяком случае Арчибальд... то есть, его высочество сказал, что постарается всё доработать. И совет перенёс. На завтра. Вы пойдёте?

Арманиус, бросив на меня короткий и какой-то непонятный взгляд, кивнул.

— Конечно. Я не имею права не ходить, Эн. Все архимагистры... ну, за редким исключением... должны являться на совет. Единственное оправдание — смерть, но я, как ты заметила, жив и даже могу ходить, так что... пойду. Перенесёшь меня?

Я собиралась робко и ненавязчиво предложить ректору своё сопровождение, а тут... В который раз за утро я почувствовала растерянность.

— Конечно, перенесу. Должна же я проследить за тем, чтобы мой пациент был в целостности и сохранности? И особенно, — я сдвинула брови, — не курил ни с кем там в уголке.

Арманиус рассмеялся.

— Не буду, обещаю.

Когда Эн ушла, Берт какое-то время сидел и улыбался, вспоминая прошедшее утро.

Она вела себя настороженно, явно не веря в его хорошие намерения и уничтожая все сомнения по поводу «странного» поведения. Арманиус отлично понимал, почему, и приготовился к ожиданию... и к завоеванию.

Отдавать принцу без боя женщину, ради которой ты практически умер, будет как-то глупо. Конечно, если Эн сама выберет Арчибальда, Берт отступит, ну а пока...

Браслет связи на запястье завибрировал. Арманиус покосился на экран.

Велмар.

Поморщился — с тех пор, как его начали посещать подозрения по поводу собственного заместителя, во рту при воспоминании об Агрирусе становилось горько. Так же горько было, когда Берт думал, что во всём этом кошмаре может быть замешан и Рон Янг. Не хочется, чтобы Эн разочаровалась в своём друге.

— Доброе утро, Велмар.

— Доброе, Берт. — Проекция Агрируса, участливо сверкая голубыми глазами, рассматривала собеседника. — Ну-у-у, уже на человека похож, а не на ходячий шрам, что не может не радовать. Как ты себя чувствуешь?

— Сносно. Вижу, хожу. Правда, бегать пока вряд ли получится.

— Понятно. Что с контуром? Есть подвижки?

Берт усмехнулся, пытаясь рассмотреть на лице Агрируса хотя бы тень неискренней эмоции, но... не мог. Это был вполне родной и знакомый ему Велмар.

— Думаю, что в ближайшее время ты станешь ректором.

— Демоны... — зам помрачнел. — Что, неужели настолько плохо? Не смогут восстановить? Странно, последние годы у Эн не бывало осечек...

— Из любых правил бывают исключения. И нет, восстановить смогут, но резерв будет равен семи магоктавам.

Велмар вытаращил глаза, кашлянул и прохрипел:

— Что-о-о?..

— Я буду магом опять, но с семью магоктавами, — пояснил Арманиус еще раз. — Сам понимаешь, с таким резервом мне не то, что ректорства — вообще ничего не видать. Надо будет заново учиться магичить.

Проекция Агрируса озадаченно тёрла лоб.

— Как это так-то? Резерв же неизменен, это же постулат.

— Видимо, демоны на этот раз такие попались, — пожал плечами Берт. Эту теорию они придумали еще вместе с Дайдом и императором. — Высасывающие резерв. Они же всегда разные, и тогда вот такие были.

— Кошмар, — пробормотал Велмар. — Ты меня просто убил этой новостью. Я-то думал... и Совет университета...

— Что — Совет университета?

— Да хотят видеть тебя. На метку твою посмотреть. Она есть ещё, кстати?

— Пока есть, но вряд ли это надолго. Хорошо, назначь тогда совет на... да, на понедельник. И меня надо будет перенести, конечно.

Велмар кивнул и, поколебавшись, негромко спросил:

— Ты... чем планируешь заниматься? В охранители-то не будет обратного хода, не с таким резервом...

Берт вспомнил Дайда с его «надо предложить тебе работу в комитете», и слегка развеселился. Весёлого, разумеется, ничего не было, но... не плакать же?

Он всё решил ещё тогда, в той реальности.

— Хочу попробовать преподавание. Сначала — теория, а потом, может, и практику осилю. Эн же умеет магичить, несмотря на свои две октавы. И я смогу. Не пропаду, не волнуйся. Главное, чтобы ты меня на работу взял.

Велмар бледно улыбнулся.

— На это можешь рассчитывать.

Сегодня у нас с Байроном опять ничего не выходило, и я видела, что с каждым днём он всё больше падает духом. Если так пойдёт дальше, ему надоест быстрее, чем мы

добьёмся результатов. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь. По крайней мере Валлиус питал большие надежды на наш союз.

Главный врач вызвал меня к себе после обеда, спросил сначала про совместные с однокурсником разработки, а потом поинтересовался состоянием Арманиуса.

Я всё описала, как положено лечащему врачу, и только после беспристрастного отчёта призналась:

— Я не знаю, что делать, Брайон. По-прежнему не знаю. Не представляю, как можно изменить теперешний резерв архимагистра. Этот-то контур я восстановлю, но...

— Я понимаю, Эн, — сказал наставник спокойно. — Но ты же помнишь, что я тебе говорил, ещё когда ты только начинала проходить здесь практику — не всякого человека можно вылечить. Ты сделаешь всё возможное. Но если не получится — отпустишь Берта жить с таким резервом.

— Как же мне узнать, всё ли возможное я сделала, или нет? — я беспомощно улыбнулась. — Сейчас по крайней мере мне кажется, что я что-то упускаю...

— Не упускаешь, — покачал головой Валлиус. — Ты делаешь то, что можешь... если говорить об официальной медицине.

— Об официальной?..

— Да. Если хочешь, попробуй неофициальную.

Я задумалась. Шаманы... К ним частенько обращались в тех случаях, когда врачи оказывались бессильны, и иногда они даже помогали. Правда, редко. Среди шаманов большинство были шарлатанами.

Но попробовать стоит. Я ничем не рискую, если покажу кому-нибудь из них архимагистра.

— Да, пожалуй, в этом есть смысл. Но я не знаю ни одного... э-э-э... компетентного шамана.

— Я выясню и дам тебе координаты, — пообещал Валлиус. — А пока не отчаивайся, Эн. В любом случае, как бы ни кончилось восстановление контура Берта, он справится. Он же не умер. Начнёт жизнь заново.

Я отвела взгляд.

«Не умер»... Проработав с магами со сломанным контуром, я поняла — именно так они это и воспринимают. Как смерть. Если не всего себя, то части.

Правда, Арманиус реагировал совершенно иначе. Как человек, который шёл на риск вполне сознательно и несколько не удивился, когда получил то, что хотел.

Но он ведь не мог хотеть изменившегося резерва, правда?..

Мы с Роном договорились после работы встретиться в нашей любимой пивнужке — трактире «Свинтус». В конце концов, пятница, грех не расслабиться. Мне ужасно хотелось местных пончиков, а Рону... ну, Рон вообще известный маг-обжорка.

— Я решил не пороть горячку, — заявил мне друг, как только мы сели за столик. — Вспомнил в конце концов, что в твоём браслете связи должна быть слабая следилка, привязанная к госпиталю.

Я на секунду задумалась.

— Да, точно, должна быть. Это обязательное условие при поступлении на работу в госпиталь — в браслет встраивают следилку на случай всяких непредвиденных обстоятельств, щитовые заклинания и... индикатор усталости.

— Ага, — Рон заулыбался, — совсем забыл тебе сказать, что это моя разработка. Валлиусу очень понравилось. Сказал, что это будет полезно хирургам, которые вечно

норовят умереть прямо за операционным столом.

— Их не допускают на операции уже с ярко-оранжевым индикатором, — кивнула я. — Правда, на моей памяти до подобного состояния доводили себя только Валлиус и Мортимер. Так что там со следилкой?

— Я хотел переделать ленточку. Помнишь, я повязывал её тебе в первый день работы с Арманиусом? В общем, раз следилка в браслете связи есть, со своей не буду заморачиваться. Всё равно чем меньше на тебе амулетов, тем лучше ты себя чувствуешь.

Да, это правда. У меня даже от браслета связи иногда начинала чесаться кожа на запястье под ним и болеть голова. Но только в тех случаях, когда я сильно уставала.

— Как Арманиус? — поинтересовался между тем Рон, листая меню. — Вернёшь академии ректора и миру архимагистра?

Признаваться в поражении было сложно.

— Вряд ли, — сказала я негромко, и друг поднял на меня округлившееся глаза. — У него изменился резерв. Контур-то я восстановлю, но сам понимаешь — с семьёю магоктами быть ректором и архимагистром ему светит только в случае смерти всех остальных претендентов на ректорство и архимагистров.

— Изменился резерв? — произнёс Рон медленно. — Ты... шутишь, да?

— Нет, не шучу.

— Но это же невозможно.

— Оказывается — возможно. Видимо, крайне редко, но всё-таки бывает. Какой-то ему особенно злобный демон попался...

Несколько секунд друг смотрел на меня, барабанил пальцами по столу, будто что-то обдумывал. А потом, вздохнув, сказал:

— Знаешь, существует теория, что Геенна, если в неё войти, высасывает силу.

Если бы было, чем, я бы поперхнулась.

— Это?..

— Теория, неподтверждённая практикой. Что-то вроде... слухов, наверное. Я читал об этом когда-то давно, запомнил.

Я была настолько поражена словами Рона, что мне казалось, будто в голове у меня не мозги, а какой-то кисель.

— Это всё объясняет... — пробормотала я. — И то, что он не может мне ничего толком сказать про изменение резерва, и секретность, и то, что использовать эти знания не дадут. Да, если Арманиус заходил в Геенну... Но какого демона он там делал?!

Друг пожал плечами.

— Без понятия.

Мы сидели в «Свинтусе» практически до закрытия, болтая о разном. Гадали, что ректор мог делать в Геенне, если он действительно там был. И почему этого тогда никто не заметил? Или заметил, но все молчат?

Потом я рассказала другу про совместный с Байроном проект, после чего Рон начал грозить мне пальцем, говоря, чтобы я не спешила слишком уж сильно доверять «старому врагу».

Я только смеялась. Враг из Асириуса, на мой скромный взгляд, давно был так себе.

В общежитие я вернулась ближе к часу ночи. Но лечь спать не стала — вместо этого взяла тетрадь и принялась фиксировать в ней план лечения архимагистра. Вместе

с теориями по методике восстановления резерва.

Но шамана мы всё равно посетим, как только Валлиус добудет контакты. Не откладывая. Послушаю, что он скажет, а потом решу, что делать дальше.

Защитник, хоть бы у меня получилось помочь ректору...

Берт прекрасно помнил, что Эн делала в эту субботу в прошлой реальности — тогда она впервые втыкала в него иглы.

Поэтому он несколько не удивился, когда и сейчас она начала делать то же самое.

— Это не больно, — пообещала Эн, вынимая из своей сумки целый набор с длинными иглами. — Неприятно, но не больно. Одна из самых безболезненных процедур.

— Да это, в общем, неважно, больно или нет, — пожал плечами Арманиус. — Надо, значит, надо. Как ложиться?

— На спину. И халат снимайте.

Он вновь постепенно становился ёжиком, и изо всех сил старался не улыбаться, глядя на сосредоточенное лицо Эн, втыкающей ему иголку в переносицу.

Как же замечательно, что она теперь всё помнит.

— Отлично! Теперь лежите и не двигайтесь, а я... сейчас еще кое-что начну делать.

Эн вытащила из сумки какой-то флакончик, побрызгала Берта содержимым — кажется, в той жизни она тоже это делала, — села рядом и начала медленно и методично растирать тело Арманиуса.

Да, точно... Теперь он вспомнил. Как только ощутил произвольную и типично мужскую реакцию тела — сразу вспомнил.

Удивительно, но во второй раз было еще более неловко, чем в первый.

— Совет в семь, — сказал Берт и чуть поморщился — голос звучал хрипло и страстно. — Придешь к шести? Не передумала?

— Нет, — пробормотала Эн, и он вдруг заметил, что щеки у неё красные, да и сама она была напряжённой. — Я очень хочу посмотреть на...

— Сборище старых маразматиков?

Она хихикнула и чуть расслабилась.

— Ну там же не все старые, наверное?

— Не все, конечно. Я вот тоже... хотя я теперь не совсем архимагистр. Точнее, я архимагистр ненадолго. Скорее всего, до сегодняшнего вечера. И в этом есть несомненный плюс.

— Плюс? — Эн так удивилась, что даже перестала его растирать. — Какой?

— Ты не сможешь больше называть меня архимагистром, — ответил Берт, улыбаясь. — Придётся придумывать что-то другое.

Пару секунд она сидела, удивлённо глядя на него, а потом рассмеялась.

— Боюсь, вы для меня навсегда останетесь архимагистром, что бы ни случилось.

— Не порть мне настроение, — Арманиус закатил глаза. — Я мечтаю услышать, как ты произносишь моё имя.

Эн вновь залилась краской.

— Ну... я...

— Ладно, ладно, — он хотел поднять руки, но вовремя вспомнил, что они все утыканы иголками, поэтому только улыбнулся. — Сдаюсь. И прости, что дразню тебя.

Она смотрела на него, явно испытывая эмоциональное смятение, и кусала губы. Потом, тихо вздохнув, сказала:

— Ладно, неважно... Я... Сейчас начну вынимать иглы. Не шевелитесь.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой прекрасный доктор, — ответил Берт мягко, глядя на пылающие щёки Эн и почему-то чувствуя себя безмерно счастливым.

Защитница, что это было?..

Я пол-утра переживала, думая о том, как переживу физиологическую реакцию организма Арманиуса, но его это как будто вообще не взволновало, хотя обычно пациенты спрашивают, в чём дело и нормально ли ощущать подобное. А он... вёл себя так, словно всё понимал, и пытался отвлечь меня от проблемы. Не задавал никаких вопросов и по-дружески подтрунивал, как мог бы подтрунивать Валлиус. Он, кстати, тоже долго приучал меня к собственному имени.

Я тогда как раз пришла на практику в Императорский госпиталь, и наставник заявил мне чуть ли не с порога:

— Так, Эн, здесь не принято называть меня архимагом. Коллеги зовут просто по имени. И ты зови.

От неожиданности и неловкости я аж присела, а Валлиус продолжал:

— Будешь продолжать называть архимагом — укажу в отчёте по прохождению практики, что ты плохо себя вела, и не допущу до сдачи проекта.

— Архи... — я надулась, заметив его выразительный взгляд. — Ладно, хорошо... Брайон, с вашей стороны это... Это...

— Переживёшь как-нибудь, — махнул рукой наставник. И я действительно пережила и довольно-таки быстро привыкла к подобному обращению — наверное, потому что все остальные в госпитале называли Валлиуса точно так же, и я от них попросту ничем не отличалась.

Но что же делать теперь? Арманиус прав — если его лишат звания архимагистра, я не смогу называть его так. В первую очередь потому что это уже невежливо, да и в целом лишнее напоминание о неприятном. И как же... Ректором? Нет, это глупо. По имени? Нет, я не смогу.

А-а-а, придумала! Будет «айл Арманиус».

Я хихикнула и расплылась в довольной улыбке, представив, как это обращение будет бесить ректора.

Эн... о чём ты вообще думаешь?..

День пролетел быстро, и вот — около шести вечера я покинула общежитие, захватив с собой тетрадь с планом лечения — отдам архимагистру после совета, — и побежала вдоль Дворцовой набережной. Шёл сильный снегопад, и меня чуть не снесло в реку каким-то злым, нехорошим ветром. На душе было тревожно — я понимала, что, скорее всего, ничего хорошего предстоящий совет не несёт, причём ни для кого.

Арманиус уже ждал меня, одетый в архимагистерский чёрный плащ из драконьей кожи. Я видела его в этом плаще пару раз, ещё когда училась в университете. Видимо, на совет полагается являться «в форме».

— Вешай верхнюю одежду в шкаф, потом заберёшь.

Я кивнула, повесила на вешалку своё зимнее пальто и, обернувшись, встретила с обеспокоенным взглядом ректора.

— Всё в порядке? — я расправила зелёное шерстяное платье. Обычное, но не в бальном

же туда идти? — Я нормально одета?

— Всё хорошо, Эн, — ответил Арманиус и протянул мне какую-то бумажку. — Держи координаты.

Я быстро изучила данные и под не менее напряжённым взглядом архимагистра вытащила футляр с иглой из маленькой сумочки через плечо. Вонзила артефакт под кожу на запястье, стараясь не морщиться и ежесекундно ожидая от ректора восклицания «что ты делаешь?»

Но он молчал. Так обычно молчат люди, которые уже видели меня за работой, но... он ведь не мог видеть?

Ладно, сейчас это неважно.

Когда бусина из горного хрусталя засветилась, я встала рядом с Арманиусом и начала строить пространственный лифт. Пара минут — и всё было готово. Перепроверила — да, ошибок нет, проходимость отличная.

— Возьмите меня за руку, архимагистр.

Прикосновение тёплой и очень приятной ладони... я сжала его руку и, выдохнув, активировала лифт.

Всё вокруг засветилось белым, а когда свет померк, я увидела незнакомую комнату, посреди которой мы теперь стояли на красно-чёрном ковре с глубоким ворсом.

Я выдернула иглу из запястья, убрала в футляр...

... И тут вдруг ощутила, как с моего лба платком вытирают пот. Подняла удивлённые глаза — Арманиус осторожно протёр мне и нос, и щёки, и подбородок... как маленькой девочке, которая сильно испачкалась.

Но это было приятно.

— Архимагистр?

— Ты умница, Эн, — сказал он тихо, убирая платок в карман рубашки. — Я просто хотел немного помочь тебе. Я ничего больше не могу сделать, я ведь не маг.

Я задыхнулась от острого чувства несправедливости происходящего и выпалила:

— Я научу... В смысле, если резерв не получится изменить... Я научу вас, как...

И замолчала, внезапно вспомнив, кого собираюсь «учить».

Но Арманиус не рассердился.

— Обещаешь? — спросил он серьёзно, и в глазах его было что-то такое... что-то, из-за чего сердце у меня на мгновение остановилось.

— Обещаю.

Проживать этот день второй раз оказалось неприятно, особенно — из-за Совета архимагистров. Так или иначе, но это будет унижение, ведь изменившийся резерв увидят все, и почти все по этому поводу лишь позлорадствуют.

Ничего. Это просто надо пережить.

Они с Эн прошли в зал, сопровождаемые распорядителем, подошли к первому ряду. Там, как и тогда, сидел Абрахам Адэриус, глава Совета, который неприятно усмехнулся и протянул, оглядывая Берта с головы до ног:

— Бертран... А я всё гадал, придёшь ты или нет.

Хотелось съязвить, сказав «на картах или кофейной гуще?», но Арманиус промолчал. Это было бы по-детски.

— Я не мог не прийти. — Берт кивнул Эн на кресло рядом со своим. — Садись, Эн.

— Что у тебя с резервом? — в голосе Абрахама появились нотки удивления. — Контур сломан, я вижу, но и резерв...

— Всё верно, тебе не кажется. Резерв изменился. — Заметив, что Эн открыла рот, явно намереваясь что-то сказать, Арманиус осторожно сжал её руку. — Контур мне восстановят, но резерв, скорее всего, останется таким же, как сейчас.

Глава Совета нахмурился, покосился на Эн, затем — на их с Бертом сцепленные руки. Он, как и все остальные архимагистры, знал тайну Геенны, поэтому не мог не понимать, по какой причине у Арманиуса изменился резерв. Но спросить что-либо он тоже не мог — мешали и присутствие Эн на Совете, и печать императора. Она сковывала язык.

— Значит...

— Значит, архимагистром мне уже не быть, всё верно, — сказал Берт спокойно и почувствовал, как ладонь Эн чуть дрогнула. — И если ты собираешься лишить меня звания, я думаю, самое время.

— Нет! — Она всё-таки не выдержала. В этой реальности ситуация была более острой, и Эн не могла промолчать. Подалась вперёд и, глядя на Адэриуса, продолжила: — Я его лечащий врач, и я уверена — ещё не всё потеряно. Да, случаев изменения резерва не было зарегистрировано, и как это лечить, неизвестно, но это не значит, что излечение невозможно в принципе. Наука не стоит на месте и...

— Детка, — перебил её Абрахам, — это всё пустые звуки. В данный конкретный момент Бертран не может считаться архимагистром. Если случится чудо и его резерв... хм, придёт в норму, тогда мы поднимем вопрос о восстановлении звания.

— Я понимаю. Я прошу повременить с решением пару месяцев, — сказала Эн с такой твёрдостью в голосе, что Арманиус ощутил гордость за неё. — Дайте архимагистру время на лечение, проявите уважение к его прошлым заслугам.

Глава Совета сердито раздувал ноздри, и Берт решил вмешаться в диалог:

— Абрахам, не горячись. На самом деле вы оба правы. Эн надеется меня вылечить, и она, как специалист, разбирается в том, реально это или нет. Но и ты знаешь правила — даже если резерв восстановится, мне придётся заново проходить аттестацию на звание архимагистра.

— Вот именно, — хмыкнул Адэриус, чуть расслабляясь. — И смысл тянуть?

— Смысл только в том, о чём только что говорила Эн. В уважении. Если у Совета оно ко мне есть — он даст мне время, если же нет — лишит звания сейчас. Поставь вопрос на голосование. Пусть общественность решит, чего я достоин, а чего нет.

Абрахам, поколебавшись, кивнул, и Берт наконец почувствовал, как расслабилась рука Эн в его ладони.

Он осторожно погладил пальцы девушки и, повернувшись, улыбнулся её растерянными глазам.

Конечно, в отсрочке нет никакого смысла. Но пусть будет.

Если это принесёт радость Эн — пусть.

Глядя на архимагистров, присутствующих на Совете, я начинала искренне сомневаться в том, что они могут проголосовать за отсрочку для Арманиуса. Они скорее отправили бы его на казнь, а вот отсрочка...

Но вдруг я ошибаюсь? В конце концов, это ведь такая ерунда, которая ничего не стоит. А с другой стороны — великолепная возможность унижить коллегу...

Порассуждать на эту тему вдоволь я не успела — на сцену наконец вышел принц Арчибальд. Он сразу обратил внимание на меня, чуть улыбнулся и начал говорить.

Его высочество говорил около получаса практически в полной, сосредоточенной тишине зала. И тишина эта не была одобрительной — она была враждебной. Казалось, если принц замолчит — зал взорвётся. А он всё говорил и говорил...

Закон он доработал, и доработал хорошо. Титул предлагалось передавать супругам, за заслуги перед империей или за выслугу лет. На мой взгляд, не совсем справедливо, но если будет «совсем», архимагистры точно заартачатся.

— Кроме того, я предлагаю ввести для аристократии ту же систему налогообложения, что сейчас применяется к не-аристократии.

Это была первая фраза Арчибальда, после которой в зале послышался недовольный шум. Господа маги изволили роптать и гневаться.

— Налог на зарегистрированных магически одарённых детей — раз. По достижении совершеннолетия — налог на обучение в высшем учебном заведении или училище при отсутствии у аристократа дара. Среднее образование остаётся бесплатным, как и магическая медицина.

А вот это уже пахло «совсем» справедливостью, и архимагистры возмутились. Им не хотелось платить налоги на собственных детей. Прямо скажем, большинство из них совсем не привыкли к налогам.

— Прошу прощения, ваше высочество, — заговорил Адэриус, вставая, — но позвольте узнать — какое отношение подобные поправки имеют к вашему закону о титулах? Это уже совершенно другие законы.

— Самое прямое. В случае принятия моего закона казна остро ощутит нехватку средств. Это способ её заполнить.

Опять же — слишком, совсем справедливо. Не примут они это никогда в жизни!

— Получается, нехватку средств планируется восполнять за счёт аристократии? — спросил глава Совета под гул зала. Но продолжить не успел — Арманиус вскочил на ноги и почти закричал, чтобы в зале услышали:

— Ваше высочество!

Присутствующие чуть поутихли.

— Позвольте мне сказать пару слов по поводу вашего проекта.

Арчибальд явно был недоволен и почему-то на секунду задержал взгляд на мне.

— Извольте.

Гул почти совсем стих, и ректор, кивнув принцу, вновь заговорил.

— Мы все с вами понимаем, что его высочество во многом прав. Конфликт в обществе назревает давно, и чем дольше мы будем откладывать принятие закона, тем хуже впоследствии придётся нашим детям.

— У тебя нет детей, Бертран.

Адэриус... Стукнуть бы его чем-нибудь тяжёлым по лбу за такие комментарии.

— Я надеюсь когда-нибудь исправить этот недостаток, Абрахам, — ответил ректор, даже не дрогнув. — Итак, все мы понимаем необходимость реформ. Но в том виде, в котором закон представил его высочество, принимать ничего нельзя. Это будет катастрофой, и в первую очередь для казны. Изменения налогообложения для аристократии сейчас нет смысла обсуждать — это отдельная тема. А сам закон... Эффективнее внедрять изменения постепенно. Первый шаг, например — возможность заключить официальный брак. Часть магов получит свои титулы в течение следующего же месяца. А дабы компенсировать казне потерю денег, я бы предложил ввести пошлину на регистрацию такого брака.

Пошлину?.. Интересная идея...

— Это несравнимые средства, — покачал головой Арчибальд. — Пошлина восполнит только одну десятую часть.

— Да, ваше высочество. Но и потери невелики с учётом маленького шага. Сделаем его — и тогда определимся, что дальше.

Принц был хмур и энтузиазмом не блистал — он, будучи военным, желал победить как можно быстрее. Но в политике подобные методы работают плохо.

И тут откуда-то сверху вдруг раздался голос:

— Вы правы, Бертран. Арчибальд, я поддерживаю инициативу архимагистра Арманиуса. Доработай закон. Обсудим на следующем чтении. Оно состоится в первый понедельник нового года.

Раньше я не слышала голос императора, но сразу поняла, что говорит именно он. Оглянулась и посмотрела наверх — там, над креслами архимагистров, находилась ложа его величества. Видимо, до этого момента она была скрыта иллюзией, которую только что развеяли.

— Хорошо, ваше величество, — ответил Арчибальд, почтительно склонив голову. — Господа и дамы, на сегодня я закончил. До следующей встречи.

Он ушёл со сцены, и практически сразу на неё поднялся Адэриус.

Я напряглась, понимая, что на этот раз темой для обсуждения будет уже не закон о передаче титулов, а архимагистерство Арманиуса.

— Коллеги, — заговорил глава Совета, — предлагаю для голосования следующее. Все вы только что наблюдали на этой сцене Бертрана Арманиуса... и видели состояние его контура и резерва. — Архимагистры молчали, и я не могла понять, о чём они думают. — Будут ли восстановлен контур и тем более резерв — вопросы спорные, особенно второй. Даже если будут, после потери дара необходимо пройти переаттестацию. Однако Бертран просит нас о задержке с решением о ликвидации его звания архимагистра на два месяца. Прошу вас проголосовать — снимаем ли мы с Арманиуса звание прямо сейчас или дадим отсрочку?

Над головами архимагистров начали загораться огоньки, красные и зелёные. И я никак не могла понять, каких больше, пока Адэриус не возвестил:

— Мне жаль, Бертран, но с перевесом в два голоса ты больше не архимагистр.

У меня на секунду перехватило дыхание. А затем я попыталась встать, чтобы сделать хоть что-то... Но Арманиус схватил меня за руку, удерживая на месте, и встал сам.

— Что ж, дорогие коллеги, я сожалею о вашем решении, — сказал он невозмутимо, и в лице его я не увидела ни капли эмоций. Никаких эмоций! — Но вердикт есть вердикт, поэтому я прошу вас, Абрахам...

Я вытаращила глаза: ректор снял плащ!

— ...принять знаки отличия — плащ и медаль. Медаль там в кармане. Я её, — Арманиус чуть усмехнулся, — с собой взял на всякий случай.

Глава Совета кивнул, принимая «дар».

— Удачи тебе, Берт.

— Спасибо, — в голосе ректора появилась ирония. — Она мне пригодится.

Наверное, это неправильно, но когда его лишили звания, Берт почувствовал облегчение.

Во-первых, всем действительно лучше думать, что он слаб, как котёнок, и никогда не восстановится — и ни к чему давать повод лишним слухам. Хотя архимагистерство ничего не даёт, но если кто-то заподозрит, что у Эн может получиться вылечить его...

Конечно, вряд ли заподозрит. Резерв восстановить невозможно. Особенно — после

Геенны.

А во-вторых... демонски интересно будет узнать, как Эн решит его называть после этого совета. Наверняка ведь «айл Арманиус» или что-то подобное. Просто из чувства противоречия.

— Почему вы так легко сдались? — спросила Эн, как только пространственный лифт истаял. — Всего два голоса! Может, если бы вы объяснили им, как Адэриусу, что речь идёт об уважении...

— Это было бы уже унижением, Эн, — Берт покачал головой. — А я не хочу унижаться перед ними. Самоуважение мне важнее архимагистерства.

Она молчала, закусив губу.

— Архимагистр — это всего лишь статус, ничего больше. И если у тебя получится восстановить резерв...

— Не «если»! — перебила она его. — А «когда»!

Арманиус улыбнулся.

— Хорошо. Когда у тебя получится восстановить резерв, я пройду переаттестацию. Да, сейчас было неприятно, но это не смертельно. Я переживу. А ты... вытащи уже наконец свою демонскую иглу, Эн!

Она вздрогнула, вздохнула и вытащила артефакт. Из ранки сразу потекла кровь, и Эн открыла свою сумочку, достала кровеостанавливающее.

— Оставайся у меня.

— Что? — она едва не подпрыгнула, как и в той реальности.

— Не стесняйся. Уже поздно, а завтра тебе всё равно возвращаться ко мне. У меня полно гостевых комнат, они никем не заняты и зачарованы на принятие гостей в любой момент. Оставайся, Эн.

Она молчала, и Берт воспользовался тем же приёмом, что и в прошлый раз, спросив:

— Или ты боишься меня?

Эн вздрогнула и, помотав головой, тихо ответила:

— Нет, не боюсь. Но у меня нет с собой медицинской сумки. Завтра процедуры...

— С утра сбегает, недалеко же.

— Ну... Я хотела поужинать...

— Поужинаем вместе. Я каждый день заказываю себе что-нибудь в «Омаро». Составь мне компанию, пожалуйста.

В прошлый раз Эн возмутилась, когда он упомянул «Омаро», но сейчас молчала.

— Составишь?

Она на секунду прикрыла глаза, прежде чем ответить:

— Да, хорошо.

По-прежнему сомневается в том, что видит и чувствует. Но ничего.

Время всё расставит для неё по своим местам.

Если бы месяц назад кто-нибудь сказал, что Арманиус предложит мне переночевать у него дома, я бы долго смеялась.

Теперь было не до смеха.

И вообще происходит что-то странное...

Хотя... нужно быть справедливой. Да, ректор никогда не был ко мне добр, кроме самой первой встречи, но и зол — тоже. Я для него будто бы не существовала, и это расстраивало и разочаровывало больше остального. Он не хотел принимать меня в университет? Говоря откровенно, я и сама бы не приняла девочку с двумя магоктами на его месте — не видела бы смысла. Он игнорировал меня все годы обучения? Не одну меня — он вообще практически всегда отсутствовал в университете. Он не присутствовал на моём награждении орденом Золотого орла? Демоны Геенны и спасение человеческих жизней важнее какой-то дурацкой монетки на грудь.

Но в целом я всегда знала, что Арманиус хороший человек. Излишне прямолинейный, упрямый, резкий и своенравный, но хороший. И сейчас, предложив мне остаться у него дома, ректор просто поступил как хороший, порядочный человек.

А ты уж и размечталась, Эн...

— Я живу в левой половине дома, — объяснял Арманиус, шагая вместе со мной по коридору на втором этаже. — Если что-то понадобится, вызывай по браслету. Так... Да, вот твоя комната.

Он коснулся двери ладонью, и она распахнулась.

Я на миг задержала дыхание. Красота... Здесь было по-настоящему сказочно. Почти комната принцессы, только не в розовых, а в голубых тонах.

— Спасибо, арх...

Я запнулась и, кашлянув, посмотрела на Арманиуса.

Защитница... и что делать?

Он ждал, улыбаясь и ничего не говоря. А я, вспомнив свой первоначальный план, тут же поняла — не получится. Я не смогу называть его «айл Арманиус».

— Спасибо... Бертран. Мне здесь очень нравится.

Защитница, какой же невероятно радостной стала его улыбка!

— Я рад, Эн, — сказал он мягко. — Я давно здесь не был. Эту комнату обставляла моя младшая сестра Агата. Но она сама здесь не жила, комната была гостевой.

Агата Арманиус... Что-то такое я слышала...

— Она ничем не прославилась, не пытайся вспомнить. Она просто была невестой Арена.

И я вдруг поняла, где слышала это имя.

— Да... покушение на наследника. Я тогда была на первом курсе...

— Верно, — Арманиус кивнул и почему-то отвёл глаза. Наверное, эта тема была ему неприятна, поэтому я не стала продолжать. — Располагайся, а я пока закажу меню.

Я кивнула.

Уже у самой двери ректор обернулся и, странно улыбнувшись, негромко сказал, кивая на картину, что висела над трюмо:

— Это, кстати, она нарисовала.

Эн пришла в библиотеку минут через десять, когда Берт уже листал меню «Омаро», выбирая ужин.

Подошла к нему и, прежде чем он успел что-то сказать, протянула знакомую с прошлой реальности тетрадку.

Да... жить во второй раз в том же дне — действительно забавно...

— Вот. Пусть будет у вас.

— Хорошо, — Арманиус кивнул, забирая тетрадку. Поколебавшись секунду, всё-таки уточнил: — Что это?

— План лечения, — ответила Эн, садясь. — Конечно, он в основном по восстановлению контура, что делать с резервом, я еще не решила. Есть наработки, но результата я пока не могу гарантировать. Тетрадь защищена магически простым паролем. Это ваше имя. Ещё я поставила возвратное заклинание, направленное на ваш дом. Если тетрадь отсюда вынесет кто-то кроме вас, она вернётся обратно. Только активируйте это всё, назовите пароль в первый раз.

Арманиус дотронулся до обложки, прошептал «Бертран» и, дождавшись, пока тетрадь перестанет светиться от активации, сказал:

— Спасибо, Эн. Я надеюсь, что она мне не понадобится. А теперь давай-ка выбирать, что будем есть на ужин.

Она кивнула и открыла меню.

Берт себе уже всё выбрал, поэтому украдкой следил за реакцией Эн. Она слегка вытаращила глаза, увидев цены, потом сильно покраснела, закусил губу... Подняла голову и, наткнувшись на его весёлый взгляд и улыбку, покраснела ещё больше.

— Не стесняйся. Я угощаю.

— Я не стесняюсь, — сказала Эн почти ворчливо, — я просто думаю: что они делают с едой, чтобы она столько стоила?

— Это вопрос престижа, — пояснил Берт. — «Омаро» позиционируют себя как ресторан для элиты. А элита, сама понимаешь, не будет ходить и есть еду за три копейки. Им важно, чтобы цены были похожи на Вермудские горы на юге Альганны. Высоки и неприступны.

Эн засмеялась, и с щёк её схлынула краска.

— Почему вы говорите «им»? — спросила она даже чуть игриво. — Вы тоже элита.

Арманиус покачал головой.

— Владелец «Омаро» — мой однокурсник и друг. Кроме того, его брат — охранитель... и он был в числе тех пятнадцати. Если раньше Альк скидывал мне ровно полцены, то после случившегося...

Наверное, зря он это сказал. Улыбка Эн померкла.

— В общем, не думай ни о чём. Просто выбери то, что хочется. К примеру, в «Омаро» делают великолепную утку по-альтакски. Давай закажем? А еще у них прекрасный выбор вина...

Эн тут же встрепенулась.

— Вам нельзя вино!

— Да? — Берт сделал вид, что огорчён. — А что можно?

— Чай можно.

— Очень хорошо. Выберешь мне чай? А то вдруг они в него что-нибудь добавляют, чего мне нельзя.

— По-моему, — протянула Эн, — вы мной манипулируете.

— По-моему тоже, — кивнул Арманиус, и она засмеялась.

На сегодняшний вечер я решила отключить рассуждения в стиле «какого демона происходит» и просто наслаждаться. В конце концов, я так долго об этом мечтала! И

неважно, что падать потом будет больно. Это ведь будет потом.

— А что насчёт статуса архимага? — поинтересовалась я, когда доставили наш заказ из «Омаро». — Совета архимагов ведь не существует. С этим как?

Арманиус на секунду задумался, снимая крышку с утки по-альтакски. Вид у неё был... вкуснейший. Хрустящая корочка, соус, подложка из овощей... А уж запах!

— Статус архимага выдаётся высшим магическим учебным заведением, и я никогда не слышал, чтобы его забирали. Но он даёт еще меньше, чем архимагистерство, даже денег не платят. Хм... Думаю, формально я могу считаться архимагом. А там посмотрим. Что, — он усмехнулся, — хочешь перестроиться с архимагистра на архимага?

— Это надо было раньше думать, — фыркнула я и потянулась к утке. — Сейчас уже поздно.

— Ну и славно. Сиди, я сам отрежу. Тебе какую часть?

Хотелось сказать «всю!», но это было бы совсем нескромно.

— М-м-м... Давайте грудку.

Он кивнул, начал отрезать, а я, поглядев на это занятие пару секунд, спросила:

— Что вы делали в Геенне?

Какая я молодец! Судя по реакции ректора — делал, и ещё как делал. Люди с чистой совестью так не вздрагивают и не роняют приборы.

Арманиус поднял упавший на стол нож и, покосившись на меня, сказал, приняв невозмутимый вид:

— Эн, всё, что касается Геенны, засекречено. На каждом архимагистре стоит печать молчания, поставленная императором.

— Ага, — я кивнула, — значит, вы всё-таки там были. Раз уж заговорили про печать.

Ректор хмыкнул и продолжил резать утку.

— Не факт, Эн. В любом случае, я не могу сказать ничего определённого из-за запрета.

— А и не надо, — я махнула рукой. — Я уже сама догадалась.

— Догадалась о чём?

Интересно, он на самом деле испугался или мне показалось?

— Что вы были в Геенне. И это она высосала ваш резерв. Не понимаю, зачем вы туда пошли... Но это, наверное, и неважно. По крайней мере для науки. Причины не важны — важны последствия. Я... не представляю, как это лечить.

Ректор протянул мне заполненную тарелку.

— Ешь и не думай об этом.

— Спасибо, — я кивнула и, принимаясь за утку, продолжила рассуждать: — Я не могу не думать. Если вы вошли в Геенну, значит, кто-то еще тоже может туда войти. Надо понять, как восстанавливать резервы таких... смельчаков.

— Не может, — покачал головой Арманиус.

— Почему?

Он молчал, и я сообразила.

— А-а-а, печать... Ладно, тогда я попробую так догадаться. Войти в Геенну способны только архимагистры. И Альго... А-а-а! На вход туда тоже стоит запрет?

Ректор вновь молчал, и я протянула:

— Интересно, а если вас опять запустить в Геенну, резерв не вернётся?

— Я больше не архимагистр, Эн.

— Ах, да... Демоны, как же интересно, что там находится!

Арманиус улыбнулся и сказал так, что у меня растаяли последние сомнения в том, что он всё-таки был в Геенне:

— Поверь, некоторые вещи лучше не знать.

Стоило жерствовать силой хотя бы ради того, чтобы состоялся этот вечер. Вечер, где Эн была расслабленной, расспрашивала его и о природе Геенны, почти как в прошлый раз, и о работе охранителей, и о учёбе в университете.

Берт старался отвечать так, чтобы она не думала о плохом. Хотя порой по лицу её было видно, что она вспоминает о его потерянном даре и огорчается. Арманиусу и самому иногда было больно осознавать, что он никогда больше не сможет зажечь в себе архимагистерский огонь, но эта боль была ничтожна по сравнению с радостью оттого, что Эн останется собой.

В прошлый раз после ужина он связывался с Арчибальдом — хотел узнать, есть ли у Эн охрана, — но теперь не собирался этого делать. Про охрану он знал, а дразнить принца нет никакого смысла.

Но Арчибальд связался с Бертом сам ближе к полуночи.

— Эн у тебя? — спросил, даже не поздоровавшись, и поморщился, когда Арманиус ответил:

— Добрый вечер, ваше высочество. Да, у меня.

— По какой причине она осталась? Тебе стало хуже?

— Нет. Я просто пригласил её на ужин.

Принц зло вздохнул.

— Берт...

— Она не ваша собственность, ваше высочество. Не ваша жена и не невеста. И я имею право за ней ухаживать, — сказал Арманиус твёрдо. — Не волнуйтесь, я не стану ни к чему её принуждать. Но я не буду отказываться от женщины только из-за того, что за ней ухаживает кто-то ещё. Даже вы. При всём моём уважении.

Арчибальд прищурился.

А потом пробормотал «Ну ладно» — и прервал связь.

Что ж... Если в той реальности Берт был уверен в выборе Эн в пользу его высочества, то сейчас уже нет. И он сделает всё, чтобы кольцо Арчибальда на её пальце так и не появилось.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

С утра пораньше, не дожидаясь, пока Арманиус встанет, я убежала за сумкой, оставив записку в библиотеке. А вернувшись, обнаружила его там уже вместе с заказанным завтраком и почему-то недовольного.

— Что-то случилось? — спросила я, с удовольствием втягивая носом воздух — пахло просто восхитительно, кофе и булочками. — Вы какой-то сердитый.

— Зачем же ты убежала, не позавтракав? — протянул ректор с укоризной, и я чуть не уронила сумку. — Поела бы сначала, а уж потом...

— Бегать на сытый желудок вредно, — нашлась я с ответом и, примостив сумку в углу дивана, плюхнулась в кресло, а затем с вожделием посмотрела на накрытый крышкой поднос. — Показывайте, что вы там заказали.

Через пару минут я почувствовала себя сыто-счастливой, да и Арманиус растерял всё своё недовольство, наевшись омлета с травами и приступив к ягодным слойкам.

— А почему вас не любят в Совете? — поинтересовалась я, запивая выпечку великолепным кофе со сливками и ванилью. — Или они там в принципе всех не любят?

— Не все и не всех. Там есть и абсолютно нормальные маги, ты же видела, что далеко не все проголосовали против.

— Больше половины.

— На два голоса, — Арманиус улыбнулся. — Но в целом стервятников там вполне достаточно. В основном это аристократы, конечно. Старпёры вроде Адэриуса.

Я засмеялась, услышав «старпёры» из уст ректора.

— А не любят... Меня вообще нелегко любить, Эн. Ты же сама понимаешь. Характер не сахар, да и резерв один из лучших в Альганне. Был. И... у Арена я, скажем так, на особом счету.

— Да? — я удивилась. Никогда не слышала ни о чём подобном. Впрочем... я не слишком-то доверяю слухам, поэтому могла просто пропустить мимо ушей.

— Агата ведь была его невестой. Арен тогда частенько бывал у нас дома, мы с ним много общались. И после её гибели продолжали общаться. Некоторые архимагистры, да и не только архимагистры, — ректор усмехнулся, — считают, что я дурно влияю на его величество.

— Не только архимагистры? А кто ещё?

— Например, Алвар, троюродный брат Арена. Активный противник известного тебе закона, кстати. И вообще он за привилегии аристократии по сравнению с остальными магами. Сколько раз мне выговаривал, что я сею в мозгах Арена сплошную ересь. И надо сказать, — Арманиус развёл руками, — он во многом прав.

— Прав?..

— Да. В юности Арен был просто горячим, как все Альго, и амбициозным. Но он толком не знал, чего хочет от жизни, даже не был уверен, что желает править.

— Мне кажется, нормальным людям сложно желать подобного, — заметила я. — А его величество не произвёл на меня впечатление ненормального.

— Ты права, это большая ответственность. Но желать её можно, если ощущаешь в себе силы вынести на своих плечах эту гору обязанностей. Арен... он не знал, чего хочет. Но, беседуя и со мной, и с моим отцом, и с братом, определился. Мы посеяли в нём это зерно — желание изменить устои общества, ликвидировать социальное неравенство. Не все в семье Альго были в восторге от подобных желаний наследника. Даже его отец сомневался в правильности подобных мыслей. Представляешь, в какой ужас пришла аристократия, когда Венец выбрал Арена?

— Да уж... — пробормотала я. — Странно, что его сразу не убили...

— Убить Альго не так-то просто. Конечно, нет ничего невозможного, но спешка в таких случаях чревата неудачей.

Я задумалась. Появилось ощущение, что архимагистр... тьфу... Арманиус говорит о вполне реальной попытке убийства императора, к которой идёт подготовка в настоящий момент.

Жутковатое чувство.

— Ладно, — я повела плечами — по коже даже мурашки побежали, — мы с вами засиделись. Давайте займёмся контуром.

— Хорошо, — ректор кивнул. — Как ложиться?

— На живот. И снимайте рубашку...

Если бы у Арманиуса был прежний резерв, сегодня можно было бы попробовать зажечь контур. Но... я боялась. Боялась, что если контур засветится, то потом нельзя будет изменить резерв, он так и застынет на семи магоктавах. Поэтому решила повременить — неделя в запасе есть, а пока попробую сделать что-то с резервом.

Начать я решила с точечных электрически-магических импульсов. Они стимулируют заживление контура, и в теории могут воздействовать и на резерв. В теории...

Теория с практикой разошлась — резерв остался прежним. Но это был далеко не последний мой вариант. Точнее, вариантов у меня было шесть. Первый провалился, но оставались ещё пять...

— Не расстраивайся, Эн, — сказал Арманиус, когда я уже укладывала инструменты в сумку, собираясь уходить. — Я верю, всё получится. Но я готов к любому развитию событий.

Я давно поняла, что он готов. Но...

— Как ваша метка?

Ректор показал мне запястье, на котором я с трудом разглядела бледную и уже практически исчезнувшую метку.

— Чтобы держать университет, нужен резерв, — произнёс Арманиус спокойно. — Сейчас у меня его нет, и метка постепенно растворяется.

Я задумалась.

— А если... вот... ну...

— Что такое, Эн? — ректор улыбнулся, подбодряя меня, но я никак не могла сформулировать мысль.

— Университет — это же как артефакт. Что-то вроде артефакта.

— Да, верно.

— Я управляю артефактами, не обладая резервом. Вдруг... вы сможете научиться?

Арманиус покачал головой.

— Эн, это несравнимо. Университет по уровню энергии — это несколько тысяч таких иголок, как у тебя. Если я хотя бы попытаюсь его поднять, скорее всего, умру. Ну или контур себе опять переломаю.

— Нет, — возразила я, — это работает иначе. Артефакты артефактами, но в управлении университетом немалую роль играет родовая магия. В общем... я в этом разбираюсь слабо, поэтому посоветуюсь с одним специалистом.

— С Роном? — спросил Арманиус и тут же отвёл глаза, словно смутившись. Интересно... разве я называла имя, упоминая друга в прошлый раз?

— Да, — кивнула я медленно. — А... я говорила?..

— Велмар говорил. Янг ведь у него научную работу пишет.

— А-а-а...

Чуть не проболтался.

Берт вообще периодически испытывал чувство вины из-за того, что невольно обманывал Эн. Конечно, это всё ей только во благо, но... иногда было мерзко.

Вот завтра Арчибальд тайно угостит Эн «Лунным светом» — вином, которое немного снимает внутренние запреты. Предупредить её об этом очень хотелось, но... во-первых, не стоит лезть в их отношения с принцем, а во-вторых — объяснить, откуда Берт это знает, всё равно будет невозможно.

Так что пусть.

А Рон...

Арманиус надеялся, что ошибается насчёт мальчишки, и он действительно ни при чём. Иначе это станет большим ударом для Эн, она ведь так ему доверяет.

Но что-то подсказывало — если Велмар «при чём», то там же и Янг, как его ученик.

Интересно... а не утащил ли Агрирус туда и Агату десять лет назад?

После обеда я связалась с Роном и предложила ему встретиться вечером в «Свинтусе». И насчёт артефактов проконсультируюсь, и просто посидим, поболтаем. Друг согласился, и ближе к вечеру мы с ним пересеклись возле входа в трактир.

— Тебя Арманиус, что ли, допёк? — поинтересовался Рон, открывая передо мной дверь.

Я удивлённо подняла брови.

— Нет, с чего ты взял?

— Выглядишь уставшей и хмуришься. Его же звание архимагистра вчера лишили, вся столица гудит теперь. Сам слышал — повсюду обсуждают, и в парках, и в магазинах. Вот я и подумал, вдруг он на тебе решил отыгаться.

— Всё в порядке, — заверила я Рона, садясь за столик и хватая меню. — И вообще он факт лишения себя звания архимагистра воспринял куда спокойнее, чем я.

— Да? — протянул друг, тоже открывая меню. — А ты-то чего переживаешь?

Я поколебалась, но ответила:

— Жалко его.

Рон фыркнул.

— Эн... не надо его жалеть. Руки-ноги есть, справится. Тебя-то он не жалел, когда отказывал в приёме в университет.

— Это другое. Было девяносто пять, стало семь... Не представляю, как он держится.

— Честно говоря, я тоже, — признался Рон, и я чуть улыбнулась — несмотря на свою браваду, другу, как и мне, было не по себе из-за случившегося с Арманиусом. — А... ты уверена, что не восстановишь резерв?

— Я не знаю. Просто не знаю, что с этим делать. Если исследований по восстановлению контура и до меня было достаточно — я их все изучила в своё время, — то здесь я даже не могу опираться на чей-то опыт. Всё, что я делаю сейчас — как гадание.

Получится-не получится... Не знаю. Беда еще в том, что время поджигает. Чем скорее Арманиус пройдет точку невозврата, тем лучше. Но если он её пройдет, резерв наверняка нельзя будет изменить. И сейчас-то я не уверена, что возможно, но сейчас хотя бы контур сломан, он не светится, и это даёт ощущение незавершённости. А если засветится...

— Да уж, — пробормотал Рон, махнув рукой подавальщику. Мы сделали заказ, и я продолжила:

— Вообще я хотела с тобой посоветоваться по другому вопросу. Насчёт артефактов.

— Давай.

— Вот университет — это же вроде как артефакт?

Рон подпрыгнул так, словно я сказала что-то ужасное.

— Эн... — он огляделся и сказал, понизив голос: — Да, из-за того, что на его территории постоянно творится магия, университет сам давно стал артефактом. К тому же, он сделан при помощи родовой магии, как и «Иллюзион». Но тебе это зачем?

— Я хочу понять, может ли Арманиус быть ректором с резервом в семь октав. Я же могу строить пространственный лифт, хотя в учебнике, я точно помню, было написано, что необходимый уровень резерва — от тридцати пяти октав. Но я же могу.

— Ты что, — Рон улыбнулся, — где пространственный лифт, а где университет. — И повторил то, что сказал мне чуть ранее ректор: — Это несравнимо.

— Ну, а всё-таки. Если подумать... Ректорство в первую очередь связано с кровной магией, стать ректором может только кто-то из представителей трёх родов...

— Сильнейший представитель, — поправил меня друг. — Арманиус, мягко говоря, на сильнейшего теперь не тянет.

— Но при помощи артефактов может же потянуть?

Рон вздохнул и покачал головой.

— Забудь об этом, Эн. Во-первых, я вообще не уверен в реальности твоей идеи. Это огромная работа и... зачем она нужна? Ректор из Арманиуса всегда был так себе. Сама знаешь, как про него говорили. Демонски плохой ректор.

— Я помню. Но он больше не может быть охранителем, и я подумала...

— А его ты спросила? — Рон криво усмехнулся. — Спросила, хочет ли он такой судьбы? Он сам должен решать за себя, а не ты, Эн. Твоё дело — восстановить ему контур и, если сможешь, резерв, но остальное — это уже его жизнь, и ты за неё не в ответе.

Рон был прав. Конечно, прав.

Но...

— Пожалуйста, попробуй что-нибудь придумать. Ради меня. Я тебя очень прошу.

Друг вздохнул, закатил глаза, но всё-таки ответил:

— Хорошо, я попробую.

Я чуть не завизжала от радости.

Пусть Арманиус сам думает о том, чего он хочет. Но одно дело — когда ты знаешь, что у тебя нет этого пути, и совсем другое — когда появляется возможность выбора.

Выбор — это важно. Мы живём, пока можем выбирать.

Берт был очень удивлён, когда после обеда с ним вдруг связался Абрахам Адэриус и попросил о встрече. Арманиус дал ему разрешение на перенос и, как только увидел в

собственной прихожей главу Совета, тут же услышал вопрос:

— Какого демона тебе понадобилось в Геенне?

Ну разумеется — Совет архимагистров не мог оставить эту проблему без внимания.

— Я должен был спасти своих учеников.

Именно такой ответ одобрили Арен и Дайд.

— И всё? — Адэриус смотрел на него недоверчиво. Он явно был не готов заходить в Геенну ради кого-то — только ради себя.

— А этого мало? Пятнадцать архимагов, Абрахам, в другой реальности погибли по моей вине. Я попросил у Арена разрешение на вход в Геенну, и он мне его дал.

Адэриус покачал головой.

— Вершители правосудия... Свихнулись оба...

Берт только головой покачал, а после того, как бывший охранитель покинул его дом, сразу же связался с Дайдом.

Выслушав эту историю, дознаватель скептически хмыкнул.

— Могут захотеть убрать тебя, Берт, я предупреждал. Дабы не рисковать. И если в той реальности я знал, где и как тебя убьют, то в этой не имею ни малейшего представления. Будь осторожен. Охрану к тебе приставим.

— Думаешь, убирать меня имеет смысл?

Гектор пожал плечами.

— Это будет понятнее завтра, после того, как ты побываешь на совете университета. Как поведёт себя метка — одному Защитнику известно.

— Она уже практически исчезла.

— Практически — ещё не совсем, — заметил Дайд философским тоном. — Родовая магия — загадочная штука, особенно у типов типа тебя и семейки Альго. Так что завтра, как только совет закончится, свяжись со мной.

— Договорились.

Я как раз шла к общежитию после встречи с Роном, когда рядом со мной остановился белый магмобиль с гербом Альганны на капоте. Защитница, неужели Арчибальд?

Но из салона вылез не принц, а незнакомый черноволосый маг огромного роста и крупного телосложения. Хотя... нет. Кажется, я видела его пару раз, когда лечила принца.

— Добрый вечер, айла, — произнёс этот человек-гора, — садитесь в салон. Вас ждут.

— Кто?

С учётом герба на капоте — замечательный вопрос.

— Его высочество Арчибальд. Приказано доставить вас к нему.

— А можно передать принцу, что я занята?

— Садитесь. Сами всё передадите.

— А если не сяду?

— Приказано доставить.

Прекрасный ответ. То есть, доставят меня принцу в любом случае — так, что ли,

получается? Если не добровольно, то принудительно?

Даже узнавать не хочу, что будет, если начну сопротивляться.

— Ладно.

И я всё-таки села в салон.

Мага звали Грегом, и он действительно работал у Арчибальда охранником. Это было всё, что я выяснила ещё в самом начале поездки — потом мы уже молчали. Магмобиль кружил по центральным улицам Грааги, но я никак не могла понять, куда меня везут. Не во дворец, это точно.

В конце концов мы остановились, и я сглотнула, увидев то, что находилось за окном.

— Выходите, айла.

— Вы шутите?..

— Ни в коем случае. Выходите.

Меня привезли в «Иллюзион»! Защитница... Какой дурак откажется от посещения «Иллюзиона»? Я мечтала побывать здесь с тех пор, как впервые услышала об этом месте.

— Возьмите, — сказал Грег, когда я вылезла из салона, и вложил мне в руку что-то холодное и твёрдое.

Это был билет — золотая монетка с моим именем.

— Идите. Положите его в карман и идите. Ворота сами откроются.

— А вы?

Ещё один глупый вопрос в копилку сегодняшнего вечера.

— Мне никто билетов не покупал, айла. Приятного вам вечера.

Я кивнула и, развернувшись, зашагала к «Иллюзиону».

Я оказалась в лесу. Конечно, это была иллюзия, но какая прекрасная и качественная! У меня с иллюзиями всегда было не очень — нет, они получались, конечно, но не так хорошо, как зелья или пространственные лифты.

Я шла по узкой лесной тропинке, слушая хруст снега под ногами и наслаждаясь знакомым хвойным ароматом северных голубых ёлок, которых здесь, в столице, не высаживали. И звёзды... на тёмном покрывале неба надо мной было столько знакомых созвездий, что от восторга перехватывало дыхание. Коса Защитницы, Костёр Надежды, Меч Защитника, Древо Жизни, Книга Знаний... Обо всех этих созвездиях нам когда-то рассказывал отец, а потом и Эд. Я помнила...

Тропинка всё длилась и длилась, и в один прекрасный момент я неожиданно заметила свет между деревьями где-то справа. Обернулась — там, навстречу мне, по еще одной тропинке, шагал архимагистр Арманиус. Именно архимагистр! Он горел в пламени так, что у меня заслезились глаза.

— Ваш резерв... — прошептала я, ощущая, как сердце в груди замерло. — Он прежний?

— Конечно, Эн, — ответил ректор, погасив пламя, и протянул мне руку. — Ты справилась.

Я радостно улыбнулась, принимая его ладонь.

И дальше мы шли уже вместе. Ночь постепенно уходила, сменяясь предрассветными сумерками, и зима тоже оставалась позади. Снег таял... Таял, таял и таял, пока зима полностью не перешла в весну, а затем — в лето.

Солнце к тому времени стояло в зените. Мы с Арманиусом вышли на лесную полянку, покрытую густой и сочной травой, на которой... на которой...

Я заморгала, не веря своим глазам.

Они сидели на знакомом цветастом покрывале, окружённые плетёными корзинками, и махали мне, радостно улыбаясь. Отец и мама, Эд и Эв, на руках у которой подпрыгивала малышка Эм.

Я отпустила ладонь Арманиуса и побежала вперёд, к ним, задыхаясь от счастья. Упала на колени и обняла их всех — всех вместе, и по очереди, а потом опять вместе...

Ни разу в жизни я не была так счастлива.

— Мы гордимся тобой, Энни.

— Ты молодец.

— Всех сделала!

— Мы тебя любим!

— Очень-очень!

Я взяла Эм на руки и, уткнувшись лицом ей в затылок, втянула носом воздух.

Она пахла медовыми пряниками... Защитница, как же я люблю этот запах! Запах дома. Запах моего детства.

Запах счастья...

В какой-то момент всё окружающее начало заливать белым светом, и оно исчезло. Мир вернулся на своё место, и я вновь оказалась перед воротами «Иллюзиона».

Толкнула их и вышла наружу.

— Как вам «Иллюзион», айла? — спросил Грег, улыбнувшись.

Как?.. Это было невозможно передать словами.

Я была очень рада и довольна. И не ощущала ни малейшей капельки горя...

— Прекрасно.

— Я рад. Садитесь, мы доведём вас до общежития.

Я села в магмобиль и поинтересовалась:

— А где его высочество?

— Да, кстати, — кивнул Грег, доставая из нагрудного кармана куртки конверт. — Вот, это вам.

Я развернула записку и прочла:

«Прошу прощения, что похитил вас на сегодняшний вечер, и надеюсь, что искупил свою вину».

Хитрый Арчибальд.

И как мне ему отказывать после такого подарка?..

На следующий день Эн светилась, и Берт, увидев её утром, почувствовал укол ревности.

Светиться из-за него она вряд ли могла, а вот Арчибальд... Наверняка ведь что-то предпринял после того их разговора. И Эн этим «предприятием» явно довольна.

Знать бы, что это было...

— А вы не хотите и дальше оставаться ректором? — спросила Эн, набирая в шприц какой-то раствор жуткого фиолетового цвета.

— Не знаю. Я считаю, что каждый человек должен заниматься своим делом. Руководить университетом у меня всегда получалось плохо.

— Вы неправы, — покачала головой Эн, подходя ближе. — Ложитесь на живот и приспускайте штаны, укол будем делать. Так вот... Вы неправы. Мало кто способен совмещать две настолько важные работы, ни в одной не теряя в качестве. Сами знаете, какой вы охранитель, а ректор... Разве при вас Высший магический университет Грааги перестали считать лучшим учебным заведением в стране?

Берт поморщился от резкой боли ниже спины — Эн как раз делала ему укол.

— Нет, даже наоборот. Но вряд ли это моя заслуга, почти все обязанности за меня выполнял Велмар.

— И опять же вы неправы. Поворачивайтесь лицом ко мне. Агрирус не более, чем зам. Насколько я помню, все нововведения, благодаря которым университет процветал, внедряли именно вы. И преподавателей искали вы, и...

— Ладно, ладно, — засмеялся Берт и тут же вновь поморщился. На этот раз Эн делала укол в предплечье. — Я понял, что ты считаешь меня хорошим ректором. Но...

— Вы просто испытывали чувство вины, потому что никогда не отдавались этим обязанностям целиком и полностью. Сейчас у вас есть возможность исправиться.

— Какая возможность? — удивился Арманиус, замирая от укола во второе предплечье. — Не с моим резервом.

— Я говорила вчера со своим другом артефактором. Он обещал подумать. Может, разработает что-то... вроде моей иглы. Если у вас будет возможность сохранить ректорство... Вы бы хотели этого?

Честно говоря, Берт очень сомневался, что Янг станет придумывать артефакты специально для него. Но Эн этого знать пока не следует. Вдруг он ошибается?

— Да. Я не могу сказать, что работа ректора так уж мне претила... Это не совсем моё, но то, что моё, вероятно, будет недоступно в дальнейшем. Поэтому... да, пожалуй.

Эн удовлетворённо кивнула.

— Хорошо.

— Эн, скорее всего, уже поздно что-то предпринимать. Метка почти исчезла и...

— Почти — это еще не полностью, — возразила она, напомнив Берту о похожем замечании Гектора Дайда. — Пока есть возможность побороться, будем бороться. Так... сейчас я дам вам кое-что выпить. Это вызовет реакцию и наверняка будет неприятно.

— Я понял. Давай своё зелье.

Она не улыбнулась — такой напряжённой была. Протянула Берту стакан с переливающейся бледно-голубой жидкостью и негромко сказала:

— Зажмите нос и залпом.

Арманиус глубоко вздохнул, зажал нос и опрокинул в себя стакан.

Секунды две он ощущал только жутко мерзкий вкус во рту, напоминающий хлорку пополам с микстурой от кашля. А потом пошла реакция. И шла она от тех мест, куда Эн делала уколы, расползаясь по его телу, словно обжигающе горячие змеи. Проникала в кровь, и она будто бы кипела, но самыми неприятными оказались судороги, охватившие весь живот, словно железный обруч с металлическими иглками.

Берт не понял, сколько продолжался этот кошмар, но ему стало легче только когда его наконец вывернуло в подставленный Эн тазик.

— Защитник, — простонал он, сплёвывая мерзкое зелье. — Что это было?

— Уколы «Жидкой магии», — вздохнула она и легко погладила его по плечу. — И её же концентрат в реактиве, который я дала вам выпить. Я надеялась, что зелье свяжет основные энергетические точки контура... Да, так и было, но резерв неизменен. Контур светился, пока вас не стошнило. Вы ощутили?

— Нет, прости.

Эн грустно улыбнулась.

— Это вы простите. Чистейший эксперимент... то есть, я вас зря мучила.

— Перестань. Ты же ради меня стараешься. Я понимаю.

Она всё равно выглядела расстроенной, и Берт поспешил её отвлечь:

— Скажи, Эн, а мне можно пользоваться родовой магией?

— Что? — переспросила она с удивлением, тут же встrepенувшись.

— Родовой магией. Сегодня Велмар потащит меня на Совет университета. Они наверняка захотят не только посмотреть на метку, но и проверить мои ректорские способности.

— Лучше не надо. Да и... — Эн внимательно оглядела Арманиуса с головы до ног. — Я не помню, чтобы у моих пациентов получалось пользоваться родовой магией со сломанным контуром.

— Ну а всё-таки?

Она с сомнением прищурилась, но затем кивнула.

— Ладно, если это поможет вам сохранить ректорство, рискуйте. Но если станет плохо, связывайтесь со мной по браслету сразу же, поняли?

— Конечно.

В наших сегодняшних экспериментах с Байроном я тоже решила использовать «Жидкую магию», как и с Арманиусом. И на этот раз надежды оправдали себя — контур подопытного вспыхнул.

Асириус, конечно, обрадовался, но я радоваться не спешила. Первый шаг — это еще не весь путь.

А после обеда я заскочила к Валлиусу в кабинет. У наставника сегодня был операционный день, и он, как это обычно всегда бывает после операций, зверски хотел есть, но не имел на это времени. Так что я застала его жующим какой-то бутерброд над чашкой чая.

— Как там Берт? — спросил Валлиус, оглушительно громко отхлёбывая чай.

— Так же. Я насчёт нетрадиционной... хм... медицины.

— Я понял, — наставник кивнул на угол собственного стола. — Вон номер браслета связи и пространственные координаты. Шаманку зовут Ив Иша, мне её несколько человек рекомендовали. Или Иша Ив? Демоны, уже забыл...

Я улыбнулась и взяла листок. На нём было написано «Ив Иша». Так что, наверное, Ив — это всё-таки имя.

— У меня есть план по восстановлению уровня резерва где-то до пятницы. Может, что-то ещё придумаю, но пока так. Если не сработает, покажу Арманиуса этой шаманке.

Валлиус кивнул, откусывая большой кусок от бутерброда, и я, почувствовав угрызения совести, что мучаю наставника в недолгие минуты отдыха, поспешила удалиться.

Велмар, как и в прошлый раз, не опоздал. И, как только пространственный лифт истаял, произнёс, покачивая головой:

— Вот же демоны...

— Что? — усмехнулся Берт. — Плохо выгляжу?

— Ну если говорить о внешнем виде, то отлично. А вот вид внутренний... Весьма непривычен.

— Хорошо, что я его пока не вижу. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь. Ну что, переносимся? А то там уже заждались.

— Метка как? — поинтересовался Велмар, начиная выстраивать лифт. Арманиус поднял руку, закатал рукав рубашки, оголив запястье. Проректор покосился на едва видимую метку и поморщился. — Да... не радуется.

— Это тебя. А Совет университета будет плясать от радости какой-нибудь дикий танец.

— Посмотрим. Так, готово. Держись за меня, активирую.

Берт взял Велмара за локоть, и Агрирус вписал в формулу константу перемещения.

Как и в случае с Советом архимагистров, в этот раз всё оказалось ещё неприятнее. Если раньше присутствующие не верили своим глазам в хорошем смысле этого слова, то теперь... в плохом. И, в отличие от архимагистров, понимающих, отчего мог измениться резерв, эти товарищи не понимали решительно ничего.

О чём и не преминули сообщить.

— Берт! — воскликнула Аманда Винтерус, одна из благодетелей. — Мои глаза меня обманывают?! Семь октав вместо девяносто пяти!

— Боюсь, — хмыкнул Арманиус, — двадцать девять пар глаз не могут одновременно обманываться. Все остальные ведь видят то же самое, верно?

— Угу, — кивнул Арто Альтеус. — И что теперь будет? Восстановят?

— Вряд ли, — покачал головой Берт, вместе с Велмаром заходя на кафедру. — Но в любом случае — я не желаю обсуждать вопросы моего здоровья. Однако вопросы, касающиеся метки, своевременны и справедливы. — Арманиус вновь закатал рукав рубашки и продемонстрировал запястье присутствующим. Поначалу они приподнялись с мест, а затем даже подошли ближе, рассматривая едва различимую метку. — Как видите, пока она не исчезла полностью.

— Пока да, — фыркнул Альтеус. — Но с таким резервом исчезновение — вопрос времени. Предлагаю вновь собраться через неделю, посмотреть, что с ней происходит.

— Поддерживаю.

— Поддерживаю.

— Я тоже, — раздавались со всех сторон согласные голоса.

— И всё-таки, — Аманда наклонилась над меткой так, что едва не проткнула запястье Берта носом, — получается, что пока связь с университетом у тебя есть. Несмотря на изменившийся резерв. А ты не мог бы её продемонстрировать?

— Аманда! — воскликнул Велмар. — Но...

— Может, в этом всё и дело? Если ты сейчас попытаешься воспользоваться родовой магией и не получится, метка исчезнет. Университет почувствует, что ты не способен им управлять.

Арманиус кивнул — да, он тоже думал об этом.

— Ладно. Я попробую сделать то, что делал раньше.

Вздыхнул и, закрыв глаза, попытался настроиться.

Поначалу было так пусто, словно Арманиус смотрел в глубокий колодец. Тёмная вода, в которой не было ни капли жизни.

А потом...

Первым он почувствовал жжение в запястье. И, распахнув глаза, посмотрел на метку.

Она светилась, как когда-то на Церемонии, наливаясь ярко-чёрным.

Отовсюду слышались изумлённые вскрики, но Арманиусу было не до них. Гул в ушах становился всё сильнее, сильнее и сильнее, а давление на голову было таким, словно ему на плечи кто-то пытался положить огромную скалу.

И когда Берту показалось, что он сейчас рухнет под этой тяжестью, он наконец потерял сознание.

Вечером, как только я вышла из госпиталя, ко мне вновь подъехал магмобиль с гербом Альганны на капоте, и уже знакомый мне Грег распахнул дверцу, не вылезая из салона.

— Садитесь, айла Рин.

На этот раз я не стала задавать глупых вопросов и сразу села внутрь. Теперь, после «Иллюзиона», будет крайне невежливо отказывать Арчибальду во встрече.

— А вы каждый день работаете? — поинтересовалась я, снимая шапку — в салоне было слишком тепло.

— По двенадцать часов два через два.

— То есть, завтра вас не будет?

— Да, завтра вместо меня будет другой маг, — кивнул Грег, и я, поколебавшись, всё-таки спросила:

— И давно вы за мной следите?

Он сделал вид, что не понял вопроса.

— В смысле?

— В прямом. Вы же не только сегодня меня охраняете, верно? И как давно?

Грег поёрзал на сиденье и пробурчал:

— Не имею права докладывать.

Предсказуемо.

— А куда хоть едем? Это вы можете сказать?

— Да. В «Омаро».

М-да... Что-то я в последнее время зачастила с этим рестораном.

«Омаро» немного напомнил мне императорский дворец. Тоже чисто до безобразия, и интерьеры бело-золотые, и люди сплошь и рядом — важные и разодетые. Они скользили по мне взглядом, не замечая, и я понимала, почему — я сама смотрелась здесь пятном грязи на белом полу в своём обычном шерстяном платье серого цвета и волосами, заплетёнными в косу. «Кандидат на вакансию уборщицы», — подумала я и улыбнулась, шагая следом за официантом.

Меня провели на второй этаж, к отдельным ложам, среди которых была и ложа императорской семьи — уютный небольшой балкон, увитый цветущими растениями, с видом на сияющую огнями и фонариками Старую Граагу. Посреди балкона стоял маленький столик на двоих, на нём в вазе красовались белые лилии, напоминая мне о

серьёзных намерениях Арчибальда, и сам принц тоже уже был здесь. И не в форме охранителя, а в обычной белой рубашке и тёмных брюках.

— Добрый вечер, Эн, — сказал его высочество, улыбаясь, и в этой улыбке я уловила торжество победителя. Впрочем, я могла понять Арчибальда — он ведь добился своего, и я приехала сюда, не отказалась. Может, политик из него и не очень, но вот стратег отличный. Сначала он сделал ставку на моё любопытство и желание побывать в «Иллюзионе», а теперь — на чувство благодарности.

— Здравствуйте, ваше высочество, — я опустила на стул напротив Арчибальда, и официант положил передо мной меню.

— Принесите нам пока вино. «Лунный свет» урожая прошлого года.

— Я не буду пить, — я покачала головой, открывая знакомую папку в кожаном переплёте. — Мне завтра на работу.

Официант бросил на Арчибальда короткий вопросительный взгляд. Ну да, главный здесь — его высочество.

— Несите, — кивнул принц и, когда мы остались наедине, сказал: — Эн, «Лунный свет» не пьянит. После него даже за руль магмобиля можно.

— Ага... — пробормотала я, разглядывая виденные ранее картинки. — А... почему в меню нет цен?

— Зачем они вам? Это был бы лишний повод для переживаний. Просто выберите то, что хочется попробовать.

И вновь — стратегия. И тактика, наверное. Убрать цены из меню, дабы девушка не смущалась и не пыталась подсчитать, на сколько она объест принца.

Через несколько минут у нас приняли заказ и разлили вино по бокалам. В воздухе сразу разлился чудесный запах — фруктово-медовый, нежный, будоражащий воображение.

— Как вам «Иллюзион»? — спросил Арчибальд, когда официант вновь ушёл.

— Понравился. Спасибо вам, это было... ценно.

Скорее, бесценно, но пусть будет так.

— Я рад, что угодил, — принц улыбнулся и поднял бокал. — Давайте-ка выпьем за то, чтобы наши мечты не были иллюзорны.

Защитница, мне теперь везде будут чудиться намёки на нашу с его высочеством ситуацию...

Мы чокнулись бокалами, и я сделала глоток вина. На вкус оно оказалось не менее восхитительным, чем на запах... а еще внутри словно кто-то запел лёгкую и радостную песню.

— Как вкусно... — Я рассмеялась и заговорила с Арчибальдом так, будто на его месте сидел Рон. Рассказала, как мы в количестве десяти студентов пили дешёвое вино после выпускного на седьмом курсе, и ужасно отравились. А потом спросила про «Иллюзион», и принц поведал мне историю о том, как и кем он создавался. Нам в это время принесли горячее, и я слушала его высочество с большим интересом, поедая отбивную с овощами и грибным соусом.

Мне всегда было интересно с Арчибальдом, но в этот раз оказалось не только интересно, но еще и почему-то легко и весело.

— Как там Арманиус? — спросил его высочество, задумчиво наблюдая за игрой света в бокале с вином. — Я видел его резерв на совете. Это необратимо?

— Я не знаю, — ответила я, почувствовав едва ощутимый укол досады. — Я не работала с такими повреждениями, даже не представляла, что это возможно. Я стараюсь исправить ситуацию, но... не уверена, что получится.

Принц, кажется, хотел спросить что-то ещё, но не успел — у меня завибрировал браслет связи и я, извинившись, приняла вызов.

— Эн, добрый вечер, — проекция архимага Велмара Агрируса выглядела встревоженной и какой-то... лохматой, что ли. Словно он недавно запускал обе руки в волосы — они буквально стояли торчком. — Тут кое-что случилось на университетском совете...

— Что? — я почувствовала, как холодеет кровь.

— Берт... он воспользовался родовой магией и потерял сознание.

Кровь не просто похолодела — она заморозилась.

Зачем я разрешила ему это делать?! Дура! Думала, у него просто не получится пользоваться кровной магией при сломанном контуре. Такого раньше ни с кем не случалось. Да, и резерв тоже раньше ни у кого не изменялся!

— Где он сейчас?

— По-прежнему здесь, в университете, но я собираюсь перенести его обратно домой.

— Хорошо. Я тоже перенесусь туда, — кивнула я и, прервав связь, подняла глаза на хмуращегося Арчибальда. — Простите, ваше высочество, но я должна покинуть вас...

Первым, что ощутил Берт, когда сознание начало возвращаться — ласковые прикосновения знакомых рук. Затем последовали боль в вене, похлопывание по щекам и... отвратительный запах под носом.

— Защитник... — пробормотал Арманиус, отворачиваясь. — Эн, убери эту дрянь...

Запах исчез.

— Как вы поняли, что это я, с закрытыми-то глазами? — спросила она дрожащим голосом. Переживает...

— Только ты поишь меня всякой гадостью. Теперь ты решила давать мне нюхать гадость, — сказал Берт, с силой заставляя себя открыть глаза, и улыбнулся Эн, которая сидела перед ним с таким видом, словно он не на диване в собственной библиотеке лежал, а в гробу. — Эн, я в порядке. Не смотри на меня так, будто я умираю.

Она шмыгнула носом.

— Не совсем...

— Метка университета, — услышал Берт голос Велмара, доносящийся из-за дивана. Проректор обошёл его и встал за спиной у Эн, чтобы Арманиус мог его видеть. — Она сначала вспыхнула, налилась чёрным, а потом исчезла. Ты больше не ректор.

— Тьфу ты, — Берт закатил глаза, — что вы меня так пугаете? Метка — это не нога, не рука и не голова. Рано или поздно она всё равно растворилась бы. А в остальном я чувствую себя вполне сносно.

— Я проверила ваши показатели, — сказала Эн, не меняя несчастного выражения лица, — они в рамках нормы и практически не отличаются от последнего анализа.

— Ну вот видишь. Я везунчик.

Она вновь шмыгнула носом.

— Поворачивайтесь спиной ко мне, я вам укол сделаю.

Арманиус послушно поменял позу, краем уха услышав, как Велмар пробормотал «Ну, я пойду» и Эн ответила «Да, идите, спасибо вам».

Хлопнула дверь, и Берт приспустил штаны. Быстрый и едва ощутимый укол — и негромкий голос Эн:

— Всё, готово. Это общеукрепляющее, ничего особенного. Я просто боюсь, что вам может стать хуже. Поэтому через пару-тройку часов я к вам опять перенесусь, проверю показатели.

— Оставайся у меня на ночь, — попросил Берт, переворачиваясь обратно на спину. И улыбнулся, пытаясь пошутить: — Обещаю вести себя прилично.

Эн улыбнулась в ответ, хотя глаза её всё ещё были грустными и какими-то виноватыми.

— Послушай меня, Эн. Даже если бы ты не сказала сегодня утром «хорошо, пользуйтесь кровной магией», я бы всё равно попытался ею воспользоваться. Это было моё решение, не основанное на твоих словах. Я должен был это сделать.

— Не могли подождать? — спросила она расстроено. — Хотя бы до восстановления контура.

— Не мог. Прости. Ты умница, ты всё сделала правильно.

— Где же правильно, — она отвела глаза. — Я не могу вам помочь, как ни стараюсь...

— Ты стараешься, это главное. — Берт сжал её ладонь, погладил дрогнувшие пальцы. — Давай, приходи в себя. Я сильно испортил тебе вечер?

— Нет, — она покачала головой. — Вы вытащили меня из сказки, но сказке всё равно не стать былью.

Арманиус, поколебавшись, всё-таки поинтересовался:

— Ты была с принцем?

— Да, — Эн усмехнулась. — Он ухаживает за мной. Про нас давно болтают всякую грязь, но вы не подумайте...

— Я не думаю. Я знаю вас обоих. Он водил тебя куда-то сегодня?

— В «Омаро». Там красиво, как во дворце. И вино было вкусное.

Сердце неприятно кольнуло. Спросить? Не спросить?..

— «Лунный свет» называется, — продолжила Эн. — Вы знаете такое?

— Знаю, — вздохнул Арманиус, ощущая себя подлецом в последней степени. — Это очень хорошее вино. Оно не пьянит, лишь слегка расслабляет и даёт ощущение радости и праздника... Но не заставляет совершать безумства.

Эн хмыкнула и пробормотала:

— Стратег. — А затем уже громче спросила: — И почему мне тогда сейчас совсем не радостно? Я ведь пила его... меньше часа назад. Такое короткое действие?

— Не короткое, слабое. Если «Лунный свет» дать человеку, у которого случилось какое-то большое горе, для него это будет не более чем сладкая водичка. Ты просто расстроилась из-за меня. Но не стоит, я в порядке. А на Арчибальда ты не сердись, Эн.

— Я не сержусь, — она махнула свободной рукой — вторая всё ещё находилась в ладони Арманиуса. — Я понимаю его. Конечно, это не очень приятно, но я переживу. В конце концов, — она фыркнула, — за «Иллюзион» можно простить и не такое.

— «Иллюзион»? — Берт поднял брови. — Принц водил тебя в «Иллюзион»?

— Не водил, его самого там не было. Скорее — отправил. А вы? — Эн с интересом посмотрела на Арманиуса. — Вы там были?

— Конечно, еще подростком. Видел какую-то ерунду. Ну какие могут быть у подростка заветные желания?

— По учёбе, — засмеялась Эн. — Я бы наверняка увидела, как с успехом сдаю экзамены

в магический университет и...

Она запнулась, чуть покраснела и попыталась отнять у Берта свою руку.

Арманиус не дал. Перехватил и второй ладонью, нежно сжал и, секунду поколебавшись, поднёс к губам.

Он поцеловал её пальцы молча, понимая, что слова бесполезны. Осторожно и легко, чтобы не спугнуть... А потом прижал ладонь Эн к своему лбу и тихо попросил:

— Не уходи сейчас, не надо.

Она молчала несколько секунд, и Берт слышал только её дыхание, которое казалось ему взволнованным.

— Хорошо. Я не уйду.

Ни один «Лунный свет» на свете не способен вызывать во мне такую реакцию, как Арманиус.

Зачем он поцеловал мне руку?

Я ничего не понимала, но чувствовала себя так, словно выпила целую бутылку этого вина залпом...

Наверное, поэтому я и поспешила уйти в гостевую комнату, чтобы принять холодный душ и подумать.

Холодный не помог, и я включила совсем ледяную воду, повторяя про себя одно и то же, как заклинание.

Это ничего не значит. Он просто жалеет тебя. Это ничего не значит. Он просто жалеет тебя.

Я повторяла это так долго, что у меня замёрзло всё тело и все кости, даже зубы и ногти — и те замёрзли.

Поверила ли я в то, что говорила самой себе?

Да.

Почти...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Берт совершенно забыл накануне, что обещал связаться с Дайдом — не до того было. Вспомнил только утром.

— Да я уже в курсе случившегося, — проекция Гектора криво усмехнулась. — Отделался от метки. Чуть Защитнику душу не отдал, но отделался. Впрочем, это к лучшему. Я как представлял, что она с тебя живого не слезет, так сразу чесаться начинал на нервной почве.

— Она бы слезла. Я чувствовал родовой магией, что не могу удержать университет. Он же не собачка, чтобы признательность и любовь к хозяину ощущать.

— Угу, — буркнул Дайд. — Не собачка. Но охрану я пока оставляю, до окончания всей этой заварушки. Когда там Церемония-то, Агрирус тебе сказал?

— Нет пока. Кстати, надо узнать...

— Узнай и мне сообщи.

Но как только Берт отключился, браслет связи снова завибрировал — и это оказался не Велмар, а Арчибальд. Впрочем, в прошлый раз принц тоже звонил с тем же вопросом.

— Эн у тебя?

— Доброе утро, ваше высочество. Да, у меня.

Арчибальд прищурился, изучая помятого Арманиуса и, видимо, прикидывая, способен ли он на любовные подвиги.

— Впредь отчитывайся, если она будет оставаться на ночь. Как ты себя чувствуешь? Мне сообщили про метку.

Интересно, кому про метку НЕ сообщили? Кажется, вся Граага уже в курсе, что скоро университет обзаведётся новым ректором.

— Сносно, ваше высочество. Жить буду, это точно.

Арчибальд явно колебался, желая что-то сказать или спросить, и в итоге всё-таки проговорил:

— Берт, если резерв не восстановится, я могу предложить тебе должность консультанта при ЦУО*. (*ЦУО — Центральное управление охранителей, официальное название организации, главой которой является Арчибальд.) На север тебе, конечно, будет нельзя, но наставлять новичков в штабе ты сможешь.

При всей разумности подобного предложения Берту на секунду стало тошно.

— Спасибо, ваше высочество. Я подумаю.

Принц кивнул и прервал связь. А Арманиус, подумав, решил отложить разговор с Велмаром на потом. Что-то слишком много неприятных ощущений для одного утра...

За завтраком Арманиус выглядел неплохо, и показатели были в пределах нормы. Я проверяла их и ночью, заскочив к нему в комнату на минуту, и тогда тоже всё оказалось в порядке.

Интересно... А если попробовать родовую магию в наших с Байроном экспериментах? Раньше я считала, что со сломанным контуром нельзя пользоваться никакой магией, в том числе кровной. Хотя «нельзя» тут не совсем верное слово. Невозможно — так вернее. А оказывается, что родовая магия от контура не очень-то зависит.

Сегодня я смотрела, как действуют на резерв иглы, если через них в узловые точки контура пустить силу пополам с электрическим током. И ответ был таким же, как накануне.

Никак не действуют. Контур светился во время процедуры, как и положено, но резерв оставался на уровне семи октав.

Опять не вышло...

— Как думаете, кто теперь будет ректором? — спросила я Арманиуса только для того, чтобы отвлечься от унылых мыслей.

— Надеюсь, что Велмар. В принципе, это предсказуемо — он сильнейший маг среди всех претендентов. Был бы у него резерв на пару октав повыше, давно бы стал архимагистром. Но он и без этого звания лучше многих. Жаль, что сын дар не унаследовал.

— Сын? — Что-то я такое слышала...

— Да, — Арманиус кивнул. — У Велмара сын примерно твоего возраста. К сожалению, так бывает — родители сильные маги, а вот дети... Непонятно, почему это случается.

— Знаете, — сказала я, закрывая сумку, — почему-то никто не удивляется, когда у известных пианистов рождаются дети без слуха. Говорят, природа отдохнула. Может, и с магией так?

— Скорее всего. Но человек же всегда мечтал победить природу, — Арманиус улыбнулся, и я поняла, о чём он подумал. О собственном высосанном Геенной резерве. И теперь я пытаюсь победить Геенну...

С каждым днём внутри меня росла уверенность, что я проиграю, но я старалась не думать об этом. Пока могу, буду бороться. И посмотрим, кто сильнее — Геенна или я.

После обеда мы с Байроном впервые достигли успехов в своих экспериментах. Ну как, успехов... Подопытному удалось воспользоваться родовой магией и заморозить воду в стакане. Однако контур не светился и вообще ничего не происходило.

— Ждём до завтрашнего утра, — сказала я Асириусу, проверив показатели. — Если изменений не будет — отправим на хирургическое восстановление.

«В конце концов, даже то, что наш больной сумел воспользоваться родовой магией в условиях не только сломанного контура, но и отсутствующего хирургического лечения — уже чудо и неплохое открытие», — подумала я, но Байрону этого было явно мало. Впрочем, мне тоже.

А вечером, когда я вышла из здания госпиталя, то сразу увидела знакомый магмобиль напротив входа. Но возле него стоял не Грег, а другой маг.

— Добрый вечер, айла Рин, — сказал он, открывая передо мной дверцу. — Меня зовут Ирл. Садитесь.

Не могу сказать, что я испытывала большое желание залезть в машину — особенно после вчерашнего, — но устраивать цирк перед окнами госпиталя не хотелось ещё больше. Да и отказывать надо лично, а не передавать что-то через охранников.

Сегодня меня привезли в музыкальный театр «Арбалет». Да, Арчибальд умеет ухаживать за девушками... Впрочем, было бы странно, если бы не умел. Побывать в «Арбалете» мне, конечно, хотелось, но это всё-таки не «Иллюзион». Откажусь.

Принц в сопровождении двоих охранников ждал меня в холле театра. Поначалу улыбнулся, здороваясь и делая знак Ирлу, чтобы возвращался в магмобиль, но потом, видимо, рассмотрел что-то не то в моём лице.

— Что случилось, Энни?

Я закусила губу, чувствуя досаду на себя. Ну почему я не могу просто наслаждаться ухаживаниями? Почему мне обязательно надо рассуждать про сказку и быть?

И в конце концов... не при охранниках же объясняться.

Видимо, Арчибальд понял, что я не хочу говорить при посторонних — кивнул и сказал:

— У нашей семьи здесь отдельная ложа, защищенная магически. Никто не видит, что происходит внутри, и не слышит. Пойдём туда?

— Да, ваше высочество, — я кивнула и последовала за принцем.

Арчибальд оставил охранников возле входа в ложу — это был небольшой балкончик, расположенный довольно близко к сцене, — и проводил меня внутрь. Задвинул тяжёлые бордовые шторы и спросил, поворачиваясь ко мне лицом:

— Так что случилось, Энни? Ты очень напряжена.

Я усмехнулась, вспомнив то, что произошло накануне.

— Вновь будете поить меня «Лунным светом»?

Арчибальд покачал головой.

— Нет, не буду. Не обижайся на меня, Эн...

— Я не обижаюсь, — перебила я его. — Это всё неважно. Ваше высочество, я просто вам не подхожу. Я безродная девушка без гроша за душой и...

— Ты талантливый маг и учёный, — возразил принц, делая шаг вперёд, и взял меня за руку. — Талантливее многих архимагистров. И ты еще горы свернёшь. А насчёт безродности — закон о титулах её исправит.

— Дело в законе? — спросила я, пытаюсь отобрать руку, но Арчибальд не отдал. Ещё ближе подошёл и положил вторую ладонь мне на талию. — Вы собираетесь подать пример остальному миру аристократии и... — Я запнулась, не решаясь сказать «жениться на мне» — слишком уж нагло это звучало. — ... И использовать для этого меня?

— Нет, — ответил принц твёрдо. — Я собираюсь быть счастливым, вот и всё. А закон... Так или иначе, но он будет принят — независимо от того, женюсь я на тебе или нет.

Я сглотнула — слово «женюсь» в устах его высочества звучало еще страшнее, чем в моих мыслях.

— И зачем ты смешиваешь одно с другим, Эн? Закон не имеет отношения к моим чувствам к тебе. — Арчибальд наклонился ниже, вглядываясь мне в глаза. — Забудь про него. Если ты не захочешь принимать титул в первых рядах, мы подождём, пока всё устаканится. Мой брат найдёт и другие примеры для подражания, кроме нас с тобой.

«Нас с тобой». О Защитница...

— Ваше высочество...

— Эн, — принц наклонился ещё ниже, и голос его уже был хриплым. Да и смотрел он не в глаза, а на губы. — Энни... Я клянусь, что ни к чему не буду тебя принуждать и...

— А вино? — возразила я. — Вы ведь меня обманули!

— Оно совершенно безобидно, и я пил его вместе с тобой. Ты ведь не стала бы пить, если бы я сказал, правда?

— Конечно.

— Вот видишь. Но я обещаю — такого больше не повторится. Клянусь, Энни.

Я не успела ничего сказать — Арчибальд, вздохнув, сократил последние оставшиеся между нашими губами сантиметры и поцеловал меня.

Я не знала, что делать. Мне было одновременно и страшно, и волнительно, и странно, и приятно... Конечно, когда Арманиус поцеловал мне руку, было еще приятнее, но... Эн, почему ты думаешь о ректоре сейчас?..

И я, отгоняя от себя мысли о другом мужчине, ответила Арчибальду, осторожно обняв

его свободной рукой. Сразу после этого поцелуй изменился, став глубже и горячее, и дыхание принца потяжелело, и ладонь его, лежавшая на моей талии, уже не лежала, а двигалась...

— Моя Энни, моя... — шептал он, и возражать я была не в силах. — Прости, я не удержался. Ты останешься сегодня со мной?

— На ночь — нет, — ответила я испуганно, и Арчибальд засмеялся.

— Не на ночь. На спектакль. Останешься?

Наверное, это безумие. Но Защитница...

«Я собираюсь быть счастливым, вот и всё».

Мне тоже очень хотелось быть счастливой. И любимой.

— Да, останусь, ваше вы...

— Арчибальд. Хватит, Энни. Я человек, а не титул.

— Я знаю. Я просто боюсь...

— Не бойся, — он поднял руку и погладил меня по щеке. — Это хороший спектакль, я обещаю, он тебе понравится.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Ладно. Но вино я с вами пить не буду!

— Договорились, — его высочество кивнул, усаживая меня в кресло. — Сегодня будем пить морс.

— Обычный? Или тоже лунный?

— Обычный. Но очень вкусный, Энни.

После спектакля Арчибальд довёз меня до общежития и, поцеловав на прощание руку, спросил, пойду ли я с ним завтра в Императорскую оранжерею.

Ну как я могла отказаться? Императорская оранжерея — это же почти «Иллюзион». Но если для посещения «Иллюзиона» просто нужны были деньги, то попасть в оранжерею могли только аристократы, получившие разрешение лично у императора. Это ведь был не сад, а нечто вроде лаборатории.

А в комнате меня ждала записка — золотой конверт в букете белых лилий.

«До завтра, моя Энни».

Цветы успели раскрыться — значит, стояли в вазе уже давно. Видимо, Арчибальд написал это задолго до моего согласия на прогулку.

Я улыбнулась и покачала головой. Да уж, завоевание идёт полным ходом...

Вечером Берт всё-таки связался с Велмаром, чтобы узнать про Церемонию. В конце концов, университет не мог долго обходиться без ректора, и чем скорее её проведут, тем лучше.

Это была ещё одна тайна родовой силы — артефакты, созданные при помощи кровной магии (а университет был именно таким), должны были непременно обладать Хозяином. Агрирус, как специалист, объяснял это «законом вектора».

«У силы должна быть направленность. Если сила хаотична, она подобна разрушающему тайфуну. Но направить силу может только маг. В случае с небольшими артефактами мы встраиваем вектор в формулу, но с артефактами вроде «Иллюзиона» или университета это не работает. Им нужен вектор — живой человек».

Только теперь Арманиус ощутил, что действительно всё это время был вектором. Он привык к ощущению университета внутри себя, привык сдерживать его энергию, не давать ей выплёскиваться. Даже когда контур был сломан, Берт, оказывается, выполнял эти функции.

Сейчас же ему было пусто. А еще — сухо, как будто несколько дней не пил воды... и вряд ли когда-нибудь ещё выпьешь.

— Добрый вечер, Велмар, — Берт улыбнулся возбуждённому Агрирису. Глаза у него блестели — явно только что с лекции или семинара. — Хотел узнать про Церемонию. На какой день её назначил Совет?

— На завтра. Думали после праздника перемены года, но сам понимаешь, долго ждать не стоит.

— Это точно. Все обрадовались, что метка исчезла?

— Сначала все перепугались, что ты концы отдал, — покачал головой Велмар. — Видел бы ты себя со стороны. Побелел, как мел, задрожал, метка засветилась — и ты рухнул. А потом университет загудел, и метка постепенно растворилась, ушла. Я тебе пульс пощупал, понял, что живой, и сразу вызвал Эн.

«Выдернул её со свидания с принцем...»

— Спасибо, Велмар. Как ты считаешь, мне являться завтра на Церемонию? Я не вижу особого смысла после случившегося.

— С ума сошёл? — Агрирус нахохлился. — Если ты не придёшь, все решат, что ты сломался. Покажи им, что ты жив и будешь жить. И потом, кто-то же должен порадоваться за меня, если я стану ректором.

Велмар был прав, и Берт это понимал. Не явиться на Совет университета — смалодушничать.

— Хорошо. Перенесёшь меня?

— Ну разумеется.

Наутро следующего дня я подскочила, как ужаленная пчелой, и сразу принялась записывать собственный сон. У меня так бывало несколько раз, когда я, замученная очередной безвыходной ситуацией, уже не знала, что делать — мне вдруг снилось решение. Вот и сейчас мне приснилось, что можно попробовать сделать с резервом Арманиуса, чтобы он восстановился.

Правда, сегодня провести такую процедуру я не могла — не было, скажем так, ресурсов, — поэтому продолжала следовать плану. План состоял во внутривенном вливании смеси разных реактивов с одновременным воздействием магической энергии через датчики, закреплённые в узловых точках контура. Но и эта моя попытка воздействовать на резерв с треском провалилась. Хорошо хоть Арманиусу она не доставила больших неудобств. Конечно, ему было неприятно, и его чуть потопшило, но это ничто по сравнению с некоторыми другими процедурами.

— Сегодня Церемония, — сказал Арманиус, когда я укладывала в сумку все инструменты и приспособления. — И у университета появится новый ректор.

— Жаль, что нельзя посмотреть. Интересно, как это происходит.

— Ничего особенного. В подвале университета есть зал Церемонии, там ещё Венец Альго под колпаком хранится неподалёку.

Я кивнула: да, про Венец я слышала. Правящая семья использовала университет как хранилище для своей семейной реликвии. Насколько мне было известно, украсть Венец невозможно — он просто не даётся в руки никому, кроме императора.

— Вот в этом зале есть большая чаша с огнём. Берёшь ритуальный нож, протыкаешь кожу где-нибудь на руке, капаяешь в чашу своей кровью и отходишь в сторону. Так

делают все по очереди. Потом ждут. У кого на запястье появится метка — тот и ректор.

— Ясно. Родовая магия в действии.

— Верно, Эн.

— А если на вашей руке опять возникнет метка? — поинтересовалась я, закрывая сумку. Повернулась к Арманиусу лицом и увидела, что он улыбается.

— Не возникнет.

— Ну... а вдруг?

— Эн... — Арманиус покачал головой, по-прежнему мягко улыбаясь. — Университет — артефакт, а не живое существо. Он не склонен к сентиментальностям. И выберет сильнейшего. А сильнейший — Велмар.

Я вздохнула... и начала возражать.

— Но ведь сила — это не только резерв.

— Конечно. Бывает и сила духа, как у тебя, и много всяких других сил. Но чтобы выдержать давление университета, нужен резерв, а потом уже сила духа.

— А если, скажем, все маги, у которых есть необходимая сила по крови... если они, допустим, по какой-то причине не смогут участвовать в Церемонии...

— Эн, — Арманиус засмеялся, — ты решила поубивать всех участников совета?

— Зачем сразу убивать? Можно запереть, а потом выпустить. И что тогда? Университет выберет вас, если ему больше не из кого будет выбирать?

— Не нравятся мне твои вопросы, — ответил Арманиус, всё еще смеясь, — с учётом твоей любви к экспериментам... Как бы ты сегодня всех, кроме меня, в туалете не закрыла...

— Не буду. Так что насчёт выбора при отсутствии выбора?

— Я не знаю, Эн. — Ректор — демоны, для меня он всегда будет ректором! — развёл руками. — Увы, я знаю далеко не всё. Возможно, твои рассуждения не лишены рационального зерна, и университет в таком случае, как говорит Валлиус, скушает то, что есть на кухне. А может, и нет.

— А что будет с университетом без ректора? — поинтересовалась я. — Рон мне когда-то что-то объяснял, но я не помню.

— Поначалу — ничего. А потом он взорвётся из-за хаотично двигающейся силы. Буквально в пыль превратится. И возможно, даже вместе с людьми.

Я смотрела на Арманиуса, открыв рот и хлопая глазами.

— Вы шутите?

— Нет, — он усмехнулся. — Ты же знаешь, что домов без фундаментов не бывает. Ректор для университета — как фундамент. Если его долго не будет, университет самоуничтожится. Любая сила созидательна, но если у неё нет вектора, она становится разрушительной.

— Вектора-ректора, — пробормотала я, пребывая в шоке от новости, и Арманиус засмеялся.

Чуть позже меня ждала еще одна шоковая новость. У нашего с Байроном подопытного после экспериментов с родовой магией начал стабильно светиться контур. Асириус так обрадовался, что готов был по воздуху летать, но я его жар остудила, заявив, что сегодня надо начинать восстанавливать больного хирургическим путём. Байрон был зол — он хотел продолжать эксперименты — но я решительно воспротивилась.

— Если помедлить с хирургией ещё, контур уже не восстановится. Да, сейчас он

светится, но может погаснуть в любой момент, и тогда всё. Пока больной не прошёл точку невозврата — прогресс обратим.

— Надо сделать его необратимым.

Я закатила глаза.

— Надо. Но не с этим подопытным. Этого срочно отправляй на восстановление.

Байрон упрямо поджал губы, и я пригрозила:

— Иначе я сейчас к Мортимеру пойду.

Услышав имя собственного начальника, Асириус едва до потолка не подпрыгнул. Конечно, сразу представил, что заведующий с ним сделает, если узнает, как он хочет подвергать риску чужое здоровье.

— Ладно. Тебе виднее, — процедил в итоге Байрон, сверкнув злым взглядом, развернулся и пошёл по направлению к операционным.

Вот. Так-то лучше.

Вечером я вышла из здания госпиталя и оказалась под снегопадом.

Снег валил с неба в таком количестве, что окружающее пространство было почти не разглядеть. Поэтому я даже вздрогнула, когда прямо передо мной вдруг оказался до боли знакомый магмобиль.

Защитница, а я и забыла, что обещала его высочеству прогулку по оранжерее...

Что ж, возможно, это и кстати. Настроение у меня на нуле — в основном из-за Арманиуса, конечно, — но вдруг уникальные растения помогут его поднять?

Магмобиль медленно подрулил к императорскому дворцу, остановился, и мне помогли выйти наружу, а потом и проводили к оранжерее. Путь к ней лежал через заснеженный парк, красивый настолько, что казался иллюзорным, вышедшим прямым из сказки.

Сказки... Опять я вспомнила о том, что именно там и очутилась, когда Арчибальд решил за мной ухаживать. Как же называется эта сказка, где принц влюбляется в бедную служанку? «Замарашка», что ли... В итоге, конечно, принц на ней женился, но что было с ней потом? Не отправил ли он её через полгода на кухню посудомойкой?

Я фыркнула и покачала головой. Нет, Арчибальд так не сделает. И дело не в нём. Я-то смогу быть счастлива среди подобных парков? Дворцовых интерьеров? Среди людей, бросающих на меня косые взгляды и думающих о моей родословной? При этом вынужденных называть меня «ваше высочество»...

Защитница, это всё совершенно ужасно.

— Прощу, — сказал слуга, прикасаясь ладонью к огромному сияющему куполу без окон и дверей. Секундой спустя в куполе образовался проём, и слуга под руку ввёл меня внутрь.

Здесь было лето, и от резкого перехода из холода в тепло у меня даже слёзы на глазах выступили. Хотя лето — это не совсем подходящее слово. Большие деревья с толстыми стволами и крупными зелёными листьями, цветы повсюду, и удивительные птицы ярких расцветок, создающие целую какофонию из разнообразных звуков.

Потрясающе.

— Снимите пальто, айла, иначе станет слишком жарко. Я провожу вас к принцу.

Я послушалась, и через пару минут мы уже шагали по широкой каменной дорожке вглубь оранжереи. Я с интересом оглядывалась, изучая представленные растения. Возле каждого стояла табличка с надписью, и кое-какие названия я даже слышала — использовала ингредиенты для своих реактивов. Порошок из болотной толстянки, например, отлично способствует повышению иммунитета. А сок синелистного дуба уменьшает воспаление и неплохо помогает при нагноениях...

В конце концов слуга привёл меня на небольшую площадку, в центре которой стояла беседка из светлого дерева.

— Добрый вечер, Энни, — улыбнулся мне Арчибальд. Он находился внутри беседки — сидел в окружении подушек и пледов. Выглядело всё это очень уютно, но особенно уютным моему голодному желудку показался накрытый стол.

Прогулка, значит?.. Вот хитрец.

— Вечер? — произнесла я задумчиво. — А здесь так светло...

— Здесь магически поддерживается день восемнадцать часов в сутки. Энни?

Я вздохнула и покосилась на слугу — но оказалось, что он уже ушёл и оставил меня наедине с принцем.

— Здравствуй, Арчибальд, — сказала я, заходя в беседку, и не смогла не улыбнуться в ответ на его радостную улыбку.

— Я решил, что тебе не повредит поесть после рабочего дня, — пояснил принц. — Так что сначала чай и угощение, а потом прогулка. У одного из сотрудников как раз смена закончится, он обещал выделить нам час на экскурсию.

Замечательно, конечно, но жаль, что я удлинила кому-то рабочий день...

Я села, и только Арчибальд начал разливать по чашкам чай с потрясающим запахом, как у меня завибрировал браслет связи.

Я посмотрела на экран, и внутри всё похолодело.

Со мной пытался связаться Велмар Агрирус.

Агрирус перенёсся к Берту ближе к вечеру. Деловой, собранный и торжественный. Даже смешно стало — что бы ни говорил Велмар, он будет счастлив получить должность ректора.

— Знаешь, что самое странное? — спросил Агрирус, выстраивая пространственный лифт в университет. — Сегодня утром со мной, как с проректором, связался Гектор Дайд.

— Дайд? — Берт поднял брови.

— Ага. Показал мне приказ императора, по которому его величество разрешил главному дознавателю и еще двоим представителям комитета присутствовать на Церемонии посвящения в ректоры. Как думаешь, что это значит?

Арманиус развеселился, хотя на самом деле ничего весёлого в этой новости не было. Если Гектор не просто решил приставить к нему охрану, но и быть в её числе самому, значит, дело нешуточное.

— Понятия не имею. Видимо, что-то расследует. Может, думает, что мы в процессе Церемонии Венец попытаемся стащить.

— Зачем? — удивился Агрирус, не поняв шутки. — С ним же решительно ничего нельзя сделать, даже продать, хоть он и из золота с камнями.

— А почему обязательно что-то делать? Поставил на полочку и радуйся.

— А-а-а, — Велмар вздохнул, — ты шутишь. А я уж подумал... Хватайся за локоть, я закончил.

Берт взял своего теперь уже бывшего зама под руку, и через несколько десятков секунд, когда лифт истаял, обнаружил себя в коридоре перед залом Церемонии. Здесь уже находились и другие участники Совета, но пока не все — пространственные лифты то и дело вспыхивали неподалёку.

Поздоровавшись с коллегами, Берт поискал глазами Дайда... и обнаружил его выходящим из лифта в сопровождении двоих сотрудников комитета, один из которых

оказался аж целым архимагистром. Арманиус помнил его — молодой парнишка не из аристократии, очень талантливый и чем-то похожий на Рона Янга. Тоже испытывал неприязнь к титулованным магам, но на рожон не лез, отсиживался в тени.

А вот второй сотрудник была женщиной — суровой блондинкой-архимагом с затянутыми в хвост волосами, светлыми бровями и... и вообще как-то она на Гектора похожа...

— Добрый вечер, — поздоровался главный дознаватель, кивнув сначала присутствующим, которые рассматривали его с откровенным удивлением, и лишь затем обратился к Берту и Велмару: — Знакомьтесь. Мои коллеги — архимагистр Ирвин Игл и архимаг Урсула Дайд. Моя сестра.

Значит, всё-таки сестра.

— Добрый, — поздоровался Арманиус, а его бывший зам, кивнув, поинтересовался с широкой обаятельной улыбкой:

— Не раскроете тайну, что вы расследуете на нашей скромной Церемонии? Я совершенно не ожидал...

— Всё самое прекрасное случается неожиданно, — перебил Агрируса Гектор, и Берту захотелось рассмеяться. — Вы лучше скажите, когда начнётся эта ваша Церемония? Не пора ли? Насколько я могу судить, все собрались.

Велмар обернулся, оглядывая присутствующих.

— Да, верно. Дорогие коллеги... заходим, пожалуй. Дотрагиваемся по очереди до дверного косяка справа и заходим.

— А зачем дотрагиваться? — шепнул Игл Арманиусу, когда советники начали потихоньку заходить в зал. Хоть и архимагистр, а мальчишка. Любопытный.

— Чтобы подтвердить право на допуск, — пояснил Берт. — Вход в зал доступен только членам Совета, теперь ещё вам троим. Император же дал своё позволение. Внутри Венец, поэтому всё очень строго.

Коллеги постепенно заходили в зал, рассредотачиваясь вдоль стен. Помещение было круглой формы и абсолютно без мебели, только тёмно-красный, как кровь, ковёр под ногами, большая каменная чаша, в которой пылал вечный огонь, и в противоположном конце зала — постамент со светящимся колпаком-сферой. Там хранился Венец Альго.

Берт встал между Гектором и Велмаром, и как только последний вошедший участник Церемонии закрыл дверь, Агрирус произнёс:

— Ну что ж, начинаем. Давайте по кругу. Арто, ты ближе всех, будешь первым.

Претендентов на звание ректора было всего девятнадцать, и Арманиус, изучив «очередь», понял, что должен подойти к чаше одним из последних, сразу после Велмара.

Кандидат за кандидатом жертвовал чаше несколько капель собственной крови, разрезая кожу на ладони, а после опускал ритуальный нож на секунду в огонь — для зачистки.

Вот и Агрирус, торжественный и сосредоточенный, отошёл от чаши, и Берт, краем глаза улавливая скептические ухмылки коллег, аккуратно порезал руку, выдавил пару капель крови и уже хотел вернуться на своё место, когда огонь в чаше вспыхнул и, странно заревев, метнулся к Арманиусу.

За одно мгновение пламя спалило всю одежду на Берте дотла, лизнуло кожу горячим языком — но боли не было. И вообще ничего не было. Он просто стоял посреди огня, как дурак, и не знал, что делать. Будь Арманиус по-прежнему магом, потушил бы пламя или втянул его в себя, но теперь это было невозможно. Он только водил руками по пламени, не понимая, как такое может быть? Огонь не вёл себя настолько странно, даже когда Берт был архимагистром.

Так продолжалось секунд двадцать, а потом пламя вдруг опало, словно впитавшись в пол университета. Один дым остался...

Пару мгновений Арманиуса окружала полнейшая тишина. Видеть, что происходит, Берт не мог — огонь так засветил ему в глаза, что в них теперь радуги мерцали.

— Берт, — услышал он наконец голос Дайда, в котором звучало явное облегчение, — живой и даже целый.

— Не совсем, — прохрипел Арманиус, моргая — глаза слезились. — Дайте мне какие-нибудь штаны, что ли...

Услышав, что во время Церемонии в университете что-то стряслось и Агрирус попросил меня перенестись, отказавшись сообщать подробности по браслету, Арчибальд выразил желание меня сопровождать, и я согласилась. Точнее, я просто промолчала — не было сил возражать. Я очень волновалась за Арманиуса.

Его высочество построил лифт сам, и когда стены истаяли, я обнаружила себя посреди большого кабинета. Сразу поняла, что это кабинет ректора, хотя ни разу здесь не была.

Арманиус, почему-то в одних штанах и даже без рубашки, сидел на длинном диване, а вокруг него толпились люди, из которых я знала только Агрируса и...

О Защитница, это же...

Император...

— Добрый вечер, — сказал Арчибальд, за руку подводя меня поближе. Хорошо, что он заговорил сам — у меня на пару мгновений отнялся язык. — Что случилось?

Его величество окинул нас обоих взглядом своих странных глаз с неестественной чёрной радужкой и спокойно произнёс:

— Я не вызывал тебя, Арчибальд. Ты можешь возвращаться к себе. Айла Рин, а вы займитесь своим пациентом. Его пытались убить.

Я, вздрогнув, выпустила руку принца и шагнула к Арманиусу, который всё это время молча и хмуро смотрел на нас с его высочеством. Села на диван и тихо спросила:

— Как вы себя чувствуете?

А Арчибальд между тем спорил с императором.

— Арен, речь идёт о моём сотруднике. Я имею право знать, что случилось.

— Имеешь, — голос его величества оставался таким же бесстрастным. — И узнаешь, но позже. Сейчас я прошу тебя вернуться туда, где ты находился до этого. Велмар, и вас тоже. Продолжайте Церемонию, у университета должен появиться ректор.

— Но...

— Идите, Велмар. Арчибальд?

— Да, ваше величество, — ответили мужчины хором не слишком довольными голосами и зашагали к выходу из кабинета — видимо, чтобы строить лифты уже в коридоре. А я повторила свой вопрос Арманиусу, который всё это время — впрочем, не только он, — слушал эту перепалку:

— Как вы себя чувствуете?

— Я в норме, Эн, — ответил он, глядя на меня мутными глазами. — Со зрением только беда какая-то.

— А что случилось? — Я провела ладонью перед его глазами, рассматривая повреждения. Ничего страшного, но хорошо бы уколы сделать. — Вы как будто чересчур долго смотрели на яркий свет, широко открыв глаза.

— Примерно так и было, — донёсся до меня незнакомый мужской голос, странный и скрипучий. Я кинула взгляд за плечо — говорил очень высокий светловолосый мужчина в форме дознавателя. — Ваше величество, я могу отчитаться?

— Да, Гектор.

Гектор?.. Точно, это же Дайд. Гектор Дайд, глава Комитета дознавателей.

— Чаша была зачарована либо вчера вечером, либо сегодня с утра. Вероятнее, до моего звонка Агрирису, иначе они вряд ли рискнули бы пытаться убить Берта. Подобное с ней можно проделать только тогда, когда у университета нет ректора, иначе взаимодействие будет невозможно. Арманиус — единственный представитель своего рода, и чаша должна была вспыхнуть и сжечь его.

— На крови зачарована? — уточнил император. Я пыталась продолжать осматривать Арманиуса, но получалось плохо. Разговор тоже хотелось послушать.

— Да, ваше величество.

— Но не сработало, — Арэн усмехнулся. — Почему не сработало, ты можешь не уточнять, Гектор. Но кто погасил пламя?

— Мы с Урсулой и Ирвином пытались, однако...

— Университет, — сказал вдруг Арманиус, и все присутствующие разом на него посмотрели. — Это был университет. Он втянул в себя пламя секунд через пятнадцать, как будто понял, кого именно пытается убить. Очень странно.

— Ничего странного, — ответил император. — Артефакт не может убить своего Хозяина.

— Я больше не...

— Да, ты больше не. Но и нового Хозяина пока не появилось. Конечно, если бы не просчёт, пламя сожгло бы тебя до того, как университет его погасил — подобные кровные чары очень сильны. Отличная схема — пара секунд, и проблемного человека нет. А огонь потом сам ушёл бы в стены, оставив вместо тебя кучку пепла.

Мне резко стало дурно.

— Вам... — пробормотала я и, когда Арманиус посмотрел на меня, выпалила уже громче: — Вам вообще нельзя никуда ходить, ни на какие Советы и Церемонии! Сидите дома!

Арманиус улыбнулся, и все остальные тоже засмеялись. Нет, ну как будто я что-то смешное сказала!

— Не волнуйтесь, Эн, — прокрипел Гектор Дайд. — Ваш больной представлял опасность только как ректор. Сейчас метка нарисуеться на руке другого человека, и к бывшему ректору сразу потеряют интерес.

— А если она нарисуеться на руке того же самого человека? — спросила я и замерла. Впрочем, не я одна — присутствующие тоже.

В стенах университета что-то гудело...

— Всё, — сказал Арманиус, разглядывая пустое запястье. — Университет сделал свой выбор. И это не я.

Получив от Гектора отчёт, Арэн почти сразу удалился в сопровождении Ирвина и Урсулы. Дайд остался, заявив, что он должен проследить, вернётся ли Берт к себе в целости и сохранности, иначе его будет мучить совесть.

— Я сам перенесу тебя домой, — пригрозил он Арманиусу. — И тебя... то есть, вас, Эн.

— Мне нужно в общежитие, — она покачала головой. — За сумкой с медикаментами. Я должна сделать архи... Бертрану несколько уколов. И общеукрепляющее не повредит. Подождите, я схожу к себе, а потом перенесёте нас всех вместе, хорошо? Проректор... то есть, айл Агрирус дал мне на сегодня допуск по переносам, так что я могу без сопровождения.

Дайд кивнул и Эн, быстро построив лифт, ушла в общежитие. И как только она исчезла, Берт поинтересовался:

— План не сработал из-за того, что я был в Геенне?

— Скорее всего, — главный дознаватель кивнул. — Пламя чаши — пламя Геенны, сам знаешь. По легенде, Альго получили свойство своей крови, побывав там. Видимо, в этой легенде есть доля истины...

Берт нахмурился, пытаясь понять...

— Но ведь они должны были знать об этом.

— О чём? — Гектор хмыкнул. — Легенду-то все знают, но тех троих магов, которые побывали в Геенне, никто и никогда не пытался в дальнейшем сжечь в её пламени. Даже в обычном пламени не пытался. И честно говоря, я сам до сих пор не очень хорошо понимаю, как это возможно. Ты не маг, у тебя сломан контур — как ты можешь не гореть в пламени? И не Альго. Чтобы догадаться о том, что ты закалился в Геенне, как кусок стали, и огнём тебя теперь не возьмёшь — это нужно быть гением. И провидцем заодно. Тем более, что ты оттуда вернулся весь в ожогах... Слишком невероятно, Берт.

— Получается, это теперь часть моей кровной магии.

— Вероятно, так.

— Значит, Геенна воздействует на кровь...

— Наверное, — Гектор пожал плечами. — А может, это была разовая акция. В любом случае экспериментировать и запикивать тебя опять в Геенну или просто в огонь, мы не будем. Если ты сгоришь, я тебе этого не прощу.

Арманиус засмеялся, и в этот момент посреди кабинета начали появляться стены лифта.

— Эн возвращается, — Дайд кивнул на лифт. — И кстати... я смотрю, она пока без кольца Арчибальда. Впрочем, и без твоего тоже.

— Молчи, — Берт закатил глаза и, спохватившись, поморщился — они всё ещё болели.

Дайд оставил их с Эн в библиотеке Арманиуса и, пробормотав «Есть хочу зверски», умчался.

Она тут же попросила Берта лечь и, быстро достав из своей неизменной сумки какие-то склянки и шприцы, поинтересовалась:

— Так кто в итоге стал ректором? Вы не можете это почувствовать?

— Нет. Попозже свяжусь с Велмаром, спрошу. И поздравлю заодно.

— Так уверены?

— Совершенно.

— А... его-то никто убить не попытается?

Вот это тоже волновало Арманиуса, но спросить Дайда он не успел.

— Я надеюсь, что нет, Эн. Но это в любом случае будет непросто, особенно если он стал ректором. Да и комитет не дремлет.

— Ну да, не дремлет, — она фыркнула, поворачиваясь к нему лицом. — Вас вон чуть не угробили. Так, сначала глаза давайте, а потом уже остальное... — И, помешкав, она всё-таки спросила, уже делая ему укол в глаз: — А пламя вас не сожгло из-за Геенны, да?

Берт молчал — не мог ответить, язык будто прилип к нёбу.

— Ах, точно... Но это логично. Надо будет Рону рассказать.

— Зачем? — Арманиус едва не подпрыгнул.

— Ну как же. — Эн вновь отошла к сумке и стала набирать второй шприц. — Он ведь

изучает артефакты, в том числе кровную магию. Это может быть важно.

Пару секунд Берт молчал, раздумывая.

— Эн... я прошу тебя, не говори пока никому ничего. В том числе Рону.

Она кинула на Арманиуса быстрый взгляд, улыбнулась.

— Подозреваете?

— Да, — не стал скрывать Берт. — Не обижайся, но...

— Я не обижаюсь. — Она вновь обернулась и подошла ближе, держа шприц вертикально. — Если вас интересует моё мнение, то Рон не может быть замешан ни в каких заговорах.

— Почему ты так думаешь?

— Я давно его знаю, — ответила Эн, всё еще улыбаясь, — и он всегда был прям и прямолинеен, как палка. А еще он слишком не любит аристократию, чтобы ввязываться в их игры.

Берт промолчал. Он понимал Эн и не хотел её расстраивать, тем более, что сам не был уверен в выводах.

Люди меняются, это он знал точно. И друг может предать, особенно если на карту поставлено то, что он считает важнее любой дружбы.

— Ты сегодня останешься?

— Я... — Она явно колебалась. — Не знаю...

— Оставайся. Вдруг меня снова убить попытаются?

— Вы опять мной манипулируете, — засмеялась Эн. — Ладно, я останусь. — И, смутившись, добавила: — Мне нравится моя комната. То есть...

— Я понял, — Берт улыбнулся. «Моя комната». Замечательно! Теперь у него в доме есть комната Эн.

Осталась самая малость. Чтобы из «моя» эта комната превратилась в «наша».

Проснулась я от настойчивой вибрации браслета связи и, покосившись на экран, подскочила на постели — вызывал Арчибальд. И это было очень кстати! Ещё вчера я хотела попросить у него об одной услуге, но не успела.

— Доброе утро, Эн, — улыбнулась проекция принца. Я чуть смутилась, осознав, какой растрёпанной выгляжу, но быстро опомнилась — подумаешь, коса растрепалась...

— Доброе, Арчибальд. Мне, — я запнулась, — жаль, что вчера всё так получилось.

— Ничего страшного, — его высочество продолжал улыбаться, — хотя в оранжерею мы с тобой теперь несколько дней не сможем навестись. Я через полчаса перенесусь на север. Только что поступил сигнал из штаба — Геенна просыпается.

— Ох... — выдохнула я, ощутив укол беспокойства в сердце. И даже не зная, за кого больше переживаю — за Бerta или за Арчибальда. — А мне... а я так надеялась сегодня тебя увидеть!

Принц явно неправильно меня понял, улыбнувшись шире — почти безумно улыбнувшись, честно говоря.

— Я вернусь, и мы увидимся, Энни.

— Я не только про свидание. — Говорить об этом теперь было неловко, но надо. — Мне нужно немного твоей крови.

— Что?.. — улыбка его высочества угасла, сменившись удивлённым выражением лица. — Крови? Зачем?

— Для Арманиуса. У меня есть теория, что кровь Альго может воздействовать на резерв.

— Хм, — Арчибальд поднял брови, — интересно... Но смысл в этом есть. Эн, мне не жалко, я тебе хоть всю кровь бы отдал, но я не имею права. Тебе нужно просить разрешение у Арена. И, кстати, будет гораздо лучше, если кровь даст именно он, а не я. Он — сильнейший Альго.

Да, это справедливо, и я уже думала о таком варианте, но... Как я могу просить императора?..

Видимо, эта мысль отразилась на моём лице, потому что Арчибальд сказал:

— У меня есть пара минут, я сейчас свяжусь с Ареном, договорюсь, чтобы он принял тебя сегодня. Думаю, он не откажет. Только вот сообщу о решении брата уже не я, а его секретарь.

— Я понимаю, ты торопишься.

— Да, Эн, — его высочество посмотрел на меня с сожалением. — Но я надеюсь, что скоро вернусь, и мы с тобой всё-таки посетим оранжерею. И ещё кое-что.

Я кивнула и, пожелав Арчибальду удачи и попрощавшись, отключилась.

А еще минут через десять браслет вновь завибрировал.

— Доброе утро, айла Рин, — бесстрастным голосом сказала проекция незнакомой пожилой женщины с седыми волосами, собранными в пучок. — Меня зовут Адна Алиус, я секретарь его величества. Он будет ждать вас сегодня на аудиенцию к пяти часам вечера. Прошу вас не опаздывать и быть у парадного входа к половине пятого. Вас проводят.

— Хорошо, спасибо...

Секретарь прервала связь, и я, посмотрев на часы, решила, что можно идти в библиотеку завтракать.

Улыбнулась, вспомнив вчерашний вечер. Оранжерея оранжереей, но... Главное ведь, не где, а с кем...

Проснулся Берт в прекрасном настроении. А всё потому что Эн вчера осталась, и они провели очень хороший вечер вместе. Поужинали, разговаривая на отвлечённые темы, и Эн была такой расслабленной, несмотря на прошедшее покушение, и улыбалась, и шутила. Ничего особенного, но приятно, что в этой жизни всё иначе.

Перед сном Арманиус связался с Велмаром и узнал, что оказался прав — должность ректора получил именно Агриус. Коллега честно пытался скрыть собственную радость, написанную на лице большими буквами, но получалось плохо. Впрочем, Берт не обижался. Если Велмар ни при чём, он будет хорошим ректором... при условии, что выживет. Но это уже дело Дайда.

Поднявшись с кровати, Арманиус не выдержал и проэкспериментировал — зажёл свечу и осторожно поднёс к пламени палец. Кожу защекотало, и жар Берт чувствовал, но не более. Видимо, вдобавок к собственной родовой магии он получил еще одну способность — не гореть в огне. Интересно, а у остальных архимагистров, рискнувших сунуться в Геенну, тоже так было? Он ничего подобного не слышал. Либо засекречено так, что даже сам Арен не в курсе, либо... и даже скорее всего... Эта троица ничего не узнала насчёт своих талантов. И Берт бы не узнал, если бы накануне его сжечь не попытались. Ну какой дурак будет руку в огонь пихать, чтобы понять, горит он в нём или нет? А иначе никак не поймёшь. Жар от пламени есть, и сильный, а вот то, что он в итоге не обжигает, понять можно только если попробовать.

В общем, да — вполне вероятно, что прыдыдущие «герои» попросту не догадались прыгнуть в костёр и посмотреть, что из этого получится. А Берт вот прыгнул, точнее, его

туда прыгнули. И надо признать, бонус от Геенны он получил неплохой. Не гореть в огне, при этом не тратя ни капли силы, умеют только Альго. А теперь ещё и Берт. Любопытно, а эта способность передаётся по наследству?..

Арманиус усмехнулся и покачал головой. Кошмар, он уже о наследстве и детях задумался. Куда катится мир!

— Интересно, Эн понравится имя Айсиль*? — пробормотал Берт и, пару секунд посмеявшись над собой, пошёл в библиотеку — заказывать завтрак.

(*Айсиль звали мать Берта.)

Арманиус сегодня был в хорошем настроении, и мне поэтому страшно не хотелось начинать процедуру и причинять ему боль. Но... лечение есть лечение, так что сразу после быстрого и лёгкого завтрака — нагружать желудок я ему настоятельно не рекомендовала — я уложила ректора... то есть, бывшего ректора на диван и начала прикреплять к его коже датчики.

— Сейчас мне предстоят демонские муки? — пошутил он, глядя на процесс. Я нервно улыбнулась.

— Не знаю насчёт демонских...

— Просто муки, значит.

Он пытался меня подбодрить. Защитница... Он, человек, потерявший всё практически без остатка — что там семь магоктав по сравнению с девяноста пятью! — и терпящий каждый день жуткую боль во время наших процедур, пытался меня подбодрить. Пытался обратить всё в шутку, показать, что ему не страшно, чтобы я не переживала.

Как же я хочу восстановить этот демонский резерв. Как же я хочу!!!

— Ничего, это ненадолго. Всего пару минут. Вы узнали, кто стал ректором?

— Велмар, разумеется.

— Значит, вы не ошиблись... — пробормотала я, доставая из сумки несколько реактивов. Смешала их в пробирке и протянула ректору. — Пейте.

Он сначала понюхал, смешливо поморщился.

— Фу, гадость какая.

И несмотря на всю серьёзность ситуации, я улыбнулась — уж больно забавную физиономию он скорчил.

— Да, это вам не вино «Лунный свет». Пейте.

Он выпил — и сразу же растянулся на диване, не в силах пошевелиться. Только смотрел на меня укоризненно. И был прав, что смотрел...

— Простите, не предупредила. Минут десять не сможете двигаться. Сорвёте датчик, весь эффект насмарку... Если он вообще будет, конечно. Терпите... — Я вздохнула и, смирившись с неизбежным, тихо сказала: — Бертран.

Взгляд Арманиуса потеплел. Кажется, он всё что угодно готов мне простить только за то, что я назвала его имя. Глупая мысль.

Я закончила приготовления — ввела иглу в вену, установила капельницу с лекарством. И как только оно начало капать, включила ток пополам с чистой силой, надеясь, что в совокупности все эти мои задумки смогут повлиять на резерв.

Если бы Арманиус мог двигаться, он наверняка бы взвыл и взвился к потолку. А так — просто лежал, закрыв глаза, и грудь его тяжело, прерывисто вздымалась, пока я экспериментировала с датчиком, количеством реактива и концентрацией составляющих сила и ток.

Резерв оставался неизменным. Демоны, опять ничего не вышло...

Минут через десять, признав поражение, я всё выключила, убрала и сняла. Арманиус вздохнул глубже — действие реактива проходило — и прохрипел едва слышно:

— Ты садистка, Эн. Знаешь?

— Знаю. — Я села рядом и положила ладонь ему на грудь. Безумно хотелось обнять... Но нельзя, нельзя! — Простите.

— Не прощу, — он чуть улыбнулся и накрыл мою ладонь своей. — Пока не пообещаешь мне сегодняшний вечер.

Я вздрогнула, но ладонь не отняла. А Арманиус продолжал:

— Я не могу больше сидеть в четырёх стенах, Эн. Скоро праздник перемены года. Давай погуляем по городу?

По городу?..

Защитница, и почему моё сердце так не сжималось, когда Арчибальд пригласил меня в оранжерею?..

— Хорошо... Я согласна.

Улыбка Арманиуса стала еще шире и радостнее.

— Прекрасно. Тогда давай встретимся в шесть на Дворцовой площади?

Я помотала головой.

— Лучше в шесть тридцать.

Мало ли, сколько времени я проведу у императора? Нет, сам приём наверняка будет не дольше десяти минут, но я ведь могу просидеть где-нибудь, дожидаясь, пока Арен сможет меня принять. Будь я аристократкой, еще можно было бы рассчитывать на пунктуальность, но зачем торопиться к безродной?

— Договорились. В шесть тридцать.

В прошлой реальности завтра было совершено покушение на Эн, и Берт собирался сделать всё, чтобы сегодня она осталась на ночь у него. Как именно этого добиться, он пока не представлял, но добиться было необходимо — иначе он не уснёт.

Хотя Дайд уже подтвердил, что в парке общежития никаких порталных ловушек не установлено, да и активатора в сумке Эн при обыске не нашли. Как дознаватели умудрились там порыться — одному Защитнику известно, но вот нашли время и место.

А ещё у неё до сих пор не было на пальце кольца принца, и это давало Берту надежду. Тем более, что Арчибальд, как он помнил с «прошлой» жизни, сегодня должен был отправиться на север, и вернуться через несколько дней.

И это время необходимо правильно использовать...

Сегодня мы с Байроном взяли новую пациентку-подопытную и приступили к новым исследованиям — попросили её применить кровную магию (с трудом, но у неё получилось), а после поместили под «колпак» — магический аппарат, считывающий все физические показатели круглые сутки. В зависимости от результатов завтра определимся, что дальше. Байрон, естественно, весь горел желанием применить что-нибудь радикальное, но я его желание не разделяла. И запыхтел, когда проходивший мимо заведующий хирургией сказал: «У любой головы должен быть мозг, Байрон. Поэтому во всём слушайте Эн».

И я бы непременно засмеялась, если бы не возмущённый взгляд бывшего однокурсника. Решила не провоцировать и сдержалась.

После обеда я отпросилась у собственного заведующего и, забежав к Валлиусу, коротко

рассказала о своём плане с кровью Альго. Он слегка обалдел, но одобрил и вообще приободрился — сказал, что задумка интересная и действительно может сработать.

Я очень на это надеялась. А ещё я надеялась, что император не откажет, поэтому взяла с собой во дворец всё необходимое для взятия крови.

Конечно, я не опоздала, пришла даже раньше, чем было назначено. Меня осмотрела охрана, после чего сверху спустился провожатый — слуга в белой форме, — и повёл меня на приём к его величеству.

Волновалась ли я? Безмерно. Честно говоря, было настолько страшно, что я с трудом дышала. Я дико боялась, что Арен откажет, а ещё — я просто боялась. И мне было неловко, как маленькой девочке, которая пришла на праздник в старом платье с заплатками и теперь пытается выглядеть такой же, как все, но получается плохо.

Нет, платье у меня было нормальным, но... Где оно, а где интерьеры императорского дворца? Это же как небо и земля.

Меня привели в приёмную, где сидела секретарь — та самая пожилая женщина, утром разговаривавшая со мной по браслету, — усадили на диван, и она поинтересовалась:

— Будете кофе или чай, айла Рин?

Я так нервничала, что в горле совсем пересохло.

— Чай, если вам не трудно.

Она кивнула, и через минуту передо мной появилась чашка с дымящимся напитком, от которого шёл настолько восхитительный запах, что я с трудом удержала себя от желания выпить всё залпом и немедленно попросить добавки. Пила, растягивая удовольствие, и ожидая, пока позовут.

Минут через пятнадцать — ровно в пять — у секретаря что-то пикнуло, и она, подняв голову от каких-то бумаг, сказала мне:

— Заходите, его величество ждёт.

Я встала с дивана, звякнув чашкой. Глубоко вздохнула, пытаюсь справиться с волнением. Не слишком получилось, но... не могу же я сбежать из-за какого-то страха!

За тяжёлой деревянной дверью с причудливыми узорами — птицы в винограде и какой-то орнамент, — оказалось просторное помещение, очень уютное и напоминающее библиотеку. Я вспомнила кабинет Арчибалда — этот был другим. Шкафы с книгами из тёмного дерева, светлый блестящий пол — ходить боязно, — диваны полукругом в центре комнаты с небольшими столиками на колёсиках и письменный стол возле окна со множеством всяких бумаг.

Но больше всего меня поразила люстра, свисающая с потолка. Не магическая, но яркая, огромная, хрустальная, и как раз над диванами. Если упадёт — раздавит насмерть.

— Заходите, не стойте на пороге, — услышала я мужской голос и, опустив взгляд, заметила императора. Он сидел на одном из диванов и пил чай из большой белой чашки с золотой каймой. Чашка действительно была очень большой — аристократия обычно пьёт из посуды гораздо меньшего размера. Этикет ведь... — Заходите-заходите, — повторил его величество, и тут я опомнилась.

Защитница, Эн, ты от страха совсем всё позабыла.

Я попыталась присесть, как полагается, но так как я делала подобное по-настоящему впервые в жизни и очень нервничала, получилось плохо. Я покачнулась и чуть не упала, но всё-таки удержалась на ногах. Выпрямилась — и совсем смутилась, увидев, что император улыбается.

— Простите, — сказала я тихо. — Я просто никогда...

— Я понял, — его величество кивнул и указал мне на место рядом с собой. — Садитесь,

Эн.

У меня мелькнула мысль, что это как-то слишком близко, но кто я такая, чтобы спорить?

И я села.

— Адна, — произнёс император, коснувшись браслета связи, — еще чаю моей посетительнице. — А затем вновь обратился ко мне: — Рассказывайте, что привело вас сюда. Хотя... — Он вдруг улыбнулся. — Давайте угадаю. Арманиус?

Почему-то именно в этот момент, глядя на немного шкодливую улыбку его величества, преобразившую строгое и пугающее лицо, я поняла, что наш император очень молод. Он ведь ненамного старше меня...

— Да, ваше величество. Вы ведь в курсе ситуации с его резервом?

— Разумеется.

— У меня есть теория, как можно повлиять на него. Я не уверена, но очень хочу попробовать. Однако... мне для этого нужна ваша кровь.

Улыбка ушла с лица императора. Он серьёзно на меня посмотрел, нахмурился и сказал:

— Изложите ваши аргументы.

Я сглотнула.

— Резерв архимагистра и его способности изменились после того, как он побывал в Геенне. — Брови Арена поползли вверх. — Он не говорил, конечно, я просто догадалась. Альго — потомки Защитника, вы — часть Геенны. И я подумала...

— Ясно, — император кивнул, и мне сразу стало легче. — Я понял вас, Эн. Вы полагаете, что можно вылечить подобное подобным.

— Да, верно. Вы... — Я запнулась. — Вы дадите мне... свою кровь?

Он молчал, и я вновь занервничала.

— Вы умная девушка, Эн, — сказал его величество медленно и вновь улыбнулся. Только... очень странно улыбнулся. Как будто бы с горечью. — Вы должны понимать, что у меня нет никаких причин делать то, о чём вы меня просите.

— Но... — я задохнулась. — Если я вылечу Арманиуса...

— Если, — перебил меня император. — Вы верно сказали — если. Вы ни в чём не уверены. Но даже в случае гарантий... Моя кровь практически бесценна, а вы хотите, чтобы я просто отдал её?

Защитница... почему мне кажется, что он чего-то хочет от меня, но я не понимаю, чего?

— Почему просто? Вы отдадите её за возможность вернуть себе архимагистра...

— Я уже смирился с его утратой, — усмехнулся Арен. — И возможность — это слишком малая цена. Слишком, Эн.

Сердце в груди колотилось от отчаяния.

Наверное, именно поэтому я и выпалила:

— Тогда назовите свою цену, ваше величество.

Он не успел ничего сказать — вошла секретарь. Поставила передо мной чашку с чаем и так же молча вышла.

— Пейте, Эн, — произнёс император вкрадчиво. Пить? Я бы лучше разбила эту чашку об стену... или ему об голову. — Что же касается цены... Кровь за кровь. По-моему, справедливо.

Несколько секунд я не понимала, о чём он говорит. А когда поняла...

— Вы шутите? — спросила я с надеждой, вглядываясь в чёрные и абсолютно бездонные глаза.

Он должен шутить. Не может быть, чтобы он хотел...

— Я похож на шута? — Император придвинулся ближе, сократив между нами расстояние до неприличного, и положил ладонь мне на бедро. Я дёрнулась от неожиданности — но так же неожиданно застыла, осознав...

Плевать. Я должна получить его кровь. Любой ценой. И эта цена — довольно-таки маленькая.

— Не похожи, ваше величество, — сказала я и сама удивилась тому, каким чужим показался собственный голос. — Я согласна.

— Очень хорошо, — а вот голос императора был довольным. И ладонь поползла выше... а потом ниже... Он весьма откровенно ласкал меня, и ничего не оставалось, как терпеть, стиснув зубы. — Придётся сегодня сюда к одиннадцати вечера. Координаты для переноса возьми у Адны. Допуск на сутки я дам. Перед переносом наденешь вот это. — В руку легла какая-то цепочка, показавшаяся обжигающе горячей по сравнению с моей кожей. — Иллюзорный амулет.

— Зачем? — я не удержалась от вопроса.

— Ради твоего же блага. Конечно, если не хочешь, можешь не надевать, но пойдут слухи. Да и мне, честно говоря, совсем не хочется ссориться с Арчибальдом.

Внутри всё вспыхнуло от циничности подобных слов. Ссориться с Арчибальдом! То есть, император, зная, что его двоюродный брат ухаживает за мной, собирается...

Какая гадость...

Впрочем, Эн, чего ты ожидала от венценосных особ? Для его величества ты — как грязь под ногами. И он наверняка не позволит Арчибальду на тебе жениться. Особенно после... сегодняшней ночи.

Меня замутило.

— Хорошо, я надена. Я... могу идти?

— Иди, — он кивнул, убрал руку и отодвинулся. Слава тебе, Защитница! Я так боялась, что поцеловать захочет. — К одиннадцати жду. Да, кстати... — Император легко дотронулся до моего плеча, и я ощутила, как лбу вдруг стало холодно. — Всё, теперь ты никому не сможешь об этом рассказать.

Честно говоря, я и не собиралась. Кто же будет рассказывать о подобном позоре? Может, для кого-то это честь — греть постель императору — но для меня нет.

Выйдя из кабинета минутой позже, я взяла координаты у секретаря — она при этом очень цепко и понимающе на меня посмотрела, — и ушла, полная решимости не отступать и идти до конца, как бы ни было противно.

А чай я так и не выпила...

Вернувшись в госпиталь, чтобы завершить рабочий день достойно, я поняла, что гулять сегодня с Арманиусом не смогу. Сначала быть с ним, а потом идти к императору — это выше моих сил.

Поэтому связалась с ним по браслету и соврала, что на работе срочное дело и я поздно освобожусь. К моему удивлению, после этого он сказал:

— Приходи потом ко мне.

— Что вы, — пробормотала я, — это поздно уже будет. Да и мне в общежитие надо.

— Эн... — глаза у Арманиуса почему-то были тревожными, — тогда обещай мне кое-что.

— Что? — я удивилась ещё больше.

— Утром не приходи ко мне пешком, как обычно, а перенесись при помощи лифта. Из своей комнаты в общежитии — сразу ко мне. Не ходи никуда. Обещай.

Как я могла обещать, если не знала, где буду утром? Сколько времени император будет меня мучить? Пары часов ему хватит или он до утра планирует?..

Но объяснить это я всё равно не могла. Значит, перенесусь прямо из дворца, благо, допуск будет. Почти то же самое, что из своей комнаты в общежитии...

— Обещаю.

Арманиус, кажется, разом успокоился. И в другое время мне было бы безумно интересно, что он такое себе напридумывал, но... не сегодня.

Сегодня я наглухо закрыла своё сердце, чтобы ничего не чувствовать.

Иллюзорный амулет его величества превратил меня в знойную голубоглазую брюнетку с надменным взглядом. Подобная личность, одетая в простое зелёное платье, выглядела бриллиантом среди стекляшек.

Половина одиннадцатого я построила пространственный лифт и оказалась в помещении, полном охранников. К моему удивлению, они ничего у меня не спросили — видимо, император предупредил, что к нему должна прийти знойная красотка, — и сразу выделили двоих сопровождающих, которые и довели меня до...

... Ну да, до спальни. Точнее, до комнаты перед спальней — не знаю уж, как она называется. В соседнем помещении находилась только кровать, а вот здесь уже был камин — огромный, почти во всю стену, — тёплый бордовый ковёр под ногами, маленький столик с графином и двумя стаканами, напольные светильники — сейчас они не горели, — и картины на стенах. Их я и стала рассматривать в ожидании его величества, сняв перед этим иллюзорный амулет и положив его на столик.

Природа, сплошная природа. Лес, море, звёздное небо над рекой, закат — или рассвет? — мшистый валун...

... Позади раздался треск, и я резко обернулась — и тут же вытаращила глаза в немом шоке.

Император... выходил прямо из камина!..

— Защитница... — прошептала я, страшно жалея, что здесь нет ни одного стула. Я бы села, честное слово...

— Добрый вечер, — его величество кивнул и понимающе улыбнулся. — Может, воды?

— Нет, спасибо.

Я хотела сказать «Давайте лучше поскорее всё закончим», но сдержалась.

— А я, с твоего позволения, выпью.

Император налил себе воды в стакан, сделал глоток, бросая на меня косые нечитаемые взгляды. Я старательно держалась, гася все эмоции — боялась сорваться в истерику и всё испортить.

— Не нервничай так, — сказал его величество, с глухим стуком поставив стакан обратно на столик. — Это не смертельно.

Я сжала зубы.

— Я знаю. И не волнуйтесь, я в порядке.

Он усмехнулся и медленно подошёл ближе. Страшно захотелось убежать... и побыстрее.

— У тебя пока есть возможность отказаться, Эн, — сказал он вкрадчиво, останавливаясь в шаге от меня. Чёрные глаза при свете камина казались ещё темнее и странно сверкали. — Откажись сейчас, и я отпущу тебя. И никто об этом не узнает.

— Нет, ваше величество, — я помотала головой, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно, а не дрожал. — Мне нужна ваша кровь.

— Ты уверена? — он наклонил голову, изучая меня, словно зверя в зоопарке.

— Да.

— Что ж... Тогда иди сюда.

Я сглотнула. Это уже сложнее... Я думала, император всё сделает сам.

Заметив мои колебания, его величество сказал уже жестче:

— Если ты приняла решение, иди сюда. Или уходи. Мне не нужно бревно в постели. — Я вздохнула, услышав это «бревно в постели» — вновь стало очень неприятно и страшно. — Ну же. Я жду.

Я шагнула вперёд, изо всех сил стараясь позорно не свалиться под ноги этому жуткому мужчине, и сразу оказалась в его объятиях. Напряглась, почувствовав на талии его ладони, показавшиеся мне жёсткими, словно сделанными из камня, подняла голову...

— Я жду, — произнёс император, глядя мне в глаза. Лицо его было не менее жёстким, чем голос и ладони. Защитница...

Я приподнялась и прижалась сухими губами к его щеке. Она, к моему удивлению, была тёплой и нежной, а вовсе не холодной и каменной.

— Ещё.

Я прошлась с поцелуями вверх, к виску, потом вновь ниже... Замерла, достигнув незнакомых губ, и вздрогнула, услышав ледяное:

— И?

Защитница, я, наверное, умру сегодня.

Я вздохнула и прижалась губами к его губам.

Это было... словно прыжок в ледяную воду. Я знаю, мы с братом и сестрой прыгали как-то по весне в прорубь... Безумно страшно, отчаянно и холодно до такой степени, что замерзают даже кости.

Но нам-то, детям, было весело. Мне нынешней — не очень.

Император ответил на поцелуй, сжав ладонями моё лицо, и ответил совсем не целомудренно, совсем... Мне хотелось оттолкнуть его, но я терпела. И не просто терпела — я изо всех сил старалась, чтобы ему понравилось, и губами двигала, и языком, и, подняв руки, положила их ему на плечи. Погладила, пытаюсь быть ласковой...

Он перестал меня целовать очень неожиданно. Отстранился, заглянул в глаза и сказал уже не настолько спокойным голосом, как раньше:

— Хорошо, мне нравится. Ты молодец. Пойдём в спальню.

Я кивнула и сделала шаг к соседней комнате — и замерла, услышав:

— Ты точно не передумала, Эн?

Почему он постоянно об этом спрашивает?!

— Нет, ваше величество.

— Хорошо, — император изучал моё лицо, и его жуткие глаза сверкали. — Тогда пойдём.

Он положил руку мне на талию и повёл в соседнюю комнату. Она была поменьше предыдущей, да и практически всё её пространство занимала огромная кровать, по обе стороны от которой стояли два неярких магических светильника.

Покрывало было откинута, обнажая постельное бельё, и я сжала зубы, вдруг представив себе, что именно здесь...

Нет, Эн, не думай. Захлестнёт паникой.

Император подвёл меня к краю кровати и, повернув к себе спиной, начал расстёгивать платье. Быстро и ловко... Явно много практиковался. Так что совсем скоро платье упало вниз, оставив меня в одном только нижнем белье.

Он развернул меня, как куклу, и, оглядев с головы до ног, хрипло сказал:

— Теперь ты раздевай меня.

Поначалу показалось, что я ослышалась. Видимо, он понял это, потому что повторил:

— Раздевай, Эн. — Прищурился, глядя мне в глаза. — Или ты передумала?

— Нет, — я помотала головой и, подняв руки, начала расстёгивать рубашку его величества. — Не передумала.

Император очень странно смотрел на меня, пока я раздевала его. Тело у него было смуглым и очень, очень горячим.

— Вы такой тёплый, потому что недавно из огня? — спросила я, пытаюсь отвлечь саму себя. Рубашку я сняла, нужно было переходить к брюкам, и... Страшно. — Или это такая особенность у всех Альго?

— Особенность есть, но сейчас я горячее, чем обычно.

— Из-за огня?

— Из-за тебя.

Я вспыхнула. Зря вообще спросила...

— Я жду, Эн.

Я, сцепив зубы и стараясь ни о чём не думать, села на постель. Стянула с его величества штаны, дотронулась до нижнего белья, но он остановил меня резким:

— Пока достаточно. — А в следующую секунду голова закружилась, потому что император опрокинул меня на кровать, разведя ноги и ложась сверху, и поцеловал.

Защитница, я думала, что тот, первый поцелуй, был неприличным? Наивная. Неприличным был этот. Начиная с самого поцелуя, заканчивая движениями корпуса мужчины и настойчивыми руками, сдирающими с меня бельё. Сначала верх, потом низ, не отрываясь от поцелуя.

Горячие ладони сжали грудь почти до боли, и я всхлипнула.

— Ты передумала? — выдохнул император мне в губы. Теперь голос у него совсем не был ледяным. Но, по правде говоря, ледяной голос пугал меня меньше, чем такой — полный желания.

— Нет.

Его величество чуть приподнялся, заглядывая мне в глаза. Я вздрогнула от выражения его лица, зажмурилась на секунду... и вся сжалась, ощутив губы этого мужчины на своей груди.

Он целовал то медленно, нежно, то страстно и почти больно, но это было неважно. Неважно, как. Я всё равно хотела плакать и сдерживалась изо всех сил. А губы ползли ниже, на живот... и язык... о, Защитница...

— Ты передумала?

— Нет. — И я, испугавшись, что император сам может передумать — не зря же постоянно спрашивает! — подтянула его к себе, обняла, прижалась и поцеловала. В губы, в щёки, в грудь, в живот... Я целовала его много-много раз, отчаянно пытаюсь доказать, что мне нравится и самой, что я тоже хочу его — лишь бы дал мне свою кровь. Лишь бы дал!

В какой-то момент я вновь оказалась лежащей на спине, а император, почему-то очень нежно, понимающе улыбаясь, опустился на меня, лаская ладонями шею и затылок.

— Смелая девочка, — прошептал он, коснувшись горячим дыханием губ. — Очень смелая. Если понадобится, и в Геенну бы вошла, да?

— Конечно, — сказала я тихо и, помешкав, робко спросила: — Почему вы не раздеваетесь до конца?

К моему удивлению, он засмеялся.

— Ну я же не железный, — ответил и, положив ладонь мне на лоб, произнёс: — Ты умница, Эн. Спасибо тебе за всё. А теперь... спи.

И в следующую секунду я провалилась в сон.

Проснулась я на рассвете почему-то у себя в комнате. В общежитии.

Поначалу решила, что мне всё приснилось... Но я была голой, а на теле оказалось несколько следов от поцелуев его величества.

Однако дело было не только в этом...

Моя одежда аккуратной стопочкой лежала на стуле, а рядом с ней на столике я обнаружила большой букет белых роз, пахнувших липовым цветом, маленький пузырёк с кровью и записку, написанную незнакомым размашистым, уверенным в себе почерком:

«Обещанное».

И только тогда я, взыв, как раненое животное, упала на пол и разрыдалась, выплакивая из себя всё скопившееся за вечер и ночь напряжение...

Я не понимала, почему Арен не взял меня. И была не уверена, что хочу это понимать.

Главное — я заполучила его кровь, и теперь у Арманиуса вновь есть надежда.

А вместе с ним она есть и у меня.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С утра Берта немного потряхивало, ведь в прошлой реальности именно сегодня произошло покушение на Эн. И отпустило только в тот момент, когда он увидел её в дверях собственной библиотеки. Она сдержала слово — не пришла, а перенеслась, и у Арманиуса отлегло от сердца. Все эти дни он боялся, что его жертва будет напрасной, но вот — Эн здесь, живая и всё помнит.

Радость была настолько сильной, что он не сразу заметил, насколько девушка взбудоражена. А когда заметил, нахмурился, не понимая, в чём дело — движения Эн были нервными, дёргаными, и глаза влажно блестя, и лицо казалось опухшим, будто она незадолго до этого плакала.

— Что-то случилось? — спросил Арманиус, глядя, как Эн быстро смешивает что-то в пробирке. — Ты из-за чего-то переживаешь?

Она вздрогнула, покосилась на него, и Берт встревожился еще больше — в её взгляде было чувство вины.

— Всё в порядке.

Врёт. Впрочем, кажется, он догадался, в чём дело. Видимо, сегодня ему предстоит очередная болезненная процедура. Только вот зачем было плакать? Но это лучше спросить чуть позже, когда Эн немного успокоится.

— Снимайте рубашку, ложитесь на диван. На спину.

Берт послушно лёг, а Эн между тем набирала что-то в большой шприц. Жидкость была тёмно-красной, словно венозная кровь. И Арманиусу, когда он смотрел на эту жидкость, почему-то становилось не по себе.

Эн села рядом, нашла вену на его руке, медленно ввела иглу, а потом начала вводить и лекарство — или что там было в шприце...

Почти сразу Берт ощутил страшную боль в вене. Боль постепенно распространялась по телу, и поначалу она была тупой и будто бы сдавливающей, но через полминуты превратилась в острую и обжигающую.

— Как вы? — спросила Эн, вынимая иглу и глядя на Арманиуса очень внимательно. Глаза её при этом были полны какой-то отчаянной надежды.

— Как будто горю, — Берт постарался улыбнуться, но не получилось — челюсть свело. — Признавайся, ты мне ввела огонь Геенны в жидком виде?

— Что-то вроде этого. Терпите.

Арманиус так и делал, хотя это было непросто. Боль будто бы сжигала изнутри его вены и артерии, и в какой-то момент он не выдержал — зажмурившись, схватился за голову и застонал, выгибаясь...

Сразу стало легче. Только вот Эн почему-то закричала:

— Защитница! Арх... Бертран! Вы горите!!!

Горит?..

Берт открыл глаза. Боль постепенно уходила, вот только вокруг него действительно полыхал огонь, демонски напоминая прежний, архимагистерский. И так же, как и тот огонь, этот не сжигал окружающие предметы, поэтому диван под Арманиусом оставался целым и невредимым.

— Горю...

Берт втянул в себя пламя, как делал раньше — и поразился, когда оно послушалось. Посмотрел на Эн. Она стояла в трёх шагах от него и, подняв руки к груди, сжала их в кулаки в каком-то отчаянном жесте.

— Не получилось... — прошептала она, и он вдруг заметил, что в глазах её застыли слёзы. — Ваш контур... вы чувствуете его? Он теперь беспрерывно светится и почти целиком восстановился... Но резерв... Не вышло...

Берт на мгновение прислушался к себе — да, действительно, контур был практически целым и стабильно светился. Однако резерв по-прежнему составлял семь магоктав.

Арманиус, вздохнув и ощутив лёгкий укол досады от очередной неудачи, медленно поднялся с дивана. Сильно шатало, но он тем не менее осторожно приблизился к Эн — и обнял её, прижав к груди и поглаживая по собранным в тугую косу волосам.

Она всхлипнула и уткнулась в него мокрым лицом.

— Не отчаивайся. Ты всё равно молодец.

Эн помотала головой, не переставая плакать.

— Я так надеялась... Так... Мне казалось, это отличная задумка... И вот... Защитница, может, стоило использовать еще силу и ток, а не только реактив?.. Да, точно... Но... у меня совсем ничего не осталось...

Берт не понимал, что значит «ничего не осталось», но это не казалось ему важным.

— Не плачь, Эн, — сказал он тихо, прикасаясь губами ко лбу девушки. — Я понимаю, это обидно. Но посмотри на меня. Я здесь, и я живой — это главное.

— Да, я знаю, — она вздохнула, пощекотав своим дыханием кожу на груди Арманиуса. — Просто очень... больно.

— Не надо. Отпусти эту боль. И вообще — ты вчера обещала мне прогулку. Пойдём сегодня?

Эн улыбнулась и, отстранившись, вытерла ладонью влажные щёки.

— Конечно, арх... Бертран.

Мне уже давно не было настолько плохо, как сегодня.

Защитница, как же я надеялась на кровь императора! Эффект-то был — контур поначалу светился, потом начал срачиваться, и сросся почти целиком, но резерв... Не изменился. Совершенно не изменился!

По дороге в госпиталь я вспоминала случившееся и анализировала процедуру. Я где-то ошиблась. Кровь должна была сработать, просто обязана! Надо придумать какой-то другой способ. Вводить медленнее, использовать ток и силу. И иглы. Да, точно.

Но крови у меня не осталось ни капли, да даже если бы осталась, она была бы уже непригодна для процедуры после открытия пробирки. И что с этим делать, я не представляла. Идти опять к императору?

При мысли о повторении ночного визита меня замутило. Защитница, второй раз мне вряд ли настолько повезёт... Но надо, надо!

Только не сегодня. Сегодня я не смогу. Но долго ждать нельзя — если контур восстановится, то резерв, скорее всего, уже нельзя будет изменить. Завтра с утра попробую еще один способ — последний из запланированных — и договорюсь на вечернюю аудиенцию. Сделаю всё, что он захочет, лишь бы дал мне вторую пробирку с кровью. Лишь бы дал!

А если я не представляю для его величества интереса? Он ведь почему-то так меня и не взял. Почему? Что я делала неправильно? Может, надо было... дотронуться... о нет, Эн, не думай об этом сейчас!

Но поздно. Я уже слишком ярко представила, как и что буду делать завтра вечером — пришлось отбежать в кусты возле госпиталя и выплеснуть под них утренний чай. Благо, больше ничего в желудке не было — меня слишком тошнило, и поесть я попросту не смогла.

У тебя всё получится, Эн. Обязательно получится. Главное — не думай об этом именно сейчас. Сейчас надо идти работать. Тебя ждут больные со сломанными контурами и Байрон.

Странно, но мысль о Байроне привела меня в чувство. Точнее, не о нём, а о нашей с ним общей подопытной. Интересно, как она там?

В госпитале я немного развеселилась, наблюдая за Асириусом, который готов был скакать от восторга по причине того, что у нашей больной начал светиться контур. Правда, нестабильно — свечение было то ярким, то почти затухало, — но оно ведь было, и это уже большой шаг вперёд.

Однако подопытная от слабости совершенно не могла подняться с койки, и это отбрасывало нас назад, возможно, ещё на два шага.

— Это из-за отсутствия хирургического восстановления, — сказала я, рассматривая показания «колпака». — Организм нацелен не на контур, а на всё сразу. Иммуитет ослаблен и не справляется с проблемами. Не знаю, не знаю...

— Что будем делать? — радость Байрона после этих слов несколько поутихла.

— Попробуем общеукрепляющую терапию. Я сейчас напишу назначения. Плюс каждый день ей надо будет пользоваться родовой магией. И ещё... да, пожалуй, иглоукальвание не будет лишним. В течение пяти дней посмотрим на результаты, если их не будет — отправим её на хирургическое восстановление.

На том и порешили, и Асириус ушёл к себе, а я принялась писать подробные назначения для капельниц.

Ближе к обеду, словно включившись в реальность, я вдруг вспомнила, что завтра день перемены года, а значит, император наверняка откажет мне в аудиенции. В конце концов, он ведь тоже человек, должен когда-то отдыхать.

Замутило, когда я поняла — всё-таки придётся проситься к нему сегодня. И, возможно, вновь отказывать Арманиусу... Демоны, и почему я не подумала об этом раньше?

Но рассуждать времени не было, и я, пару секунд размеренно подышав, чтобы хоть немного успокоиться, связалась с секретарём императора. С непроницаемым для эмоций лицом она выслушала мою просьбу о встрече, кивнула и отключилась.

И ровно через пять минут браслет завибрировал.

— Его величество ждёт вас прямо сейчас, — сказала Адна Алиус, выбив у меня из лёгких весь воздух этой фразой. — Переноситесь. Координаты у вас есть. Вас проводят.

Какое-то время после того, как проекция секретаря исчезла, я сидела за столом в собственной лаборатории, переживая приступ паники. Сейчас... прямо сейчас... Защитница, я не готова видеть этого мужчину вообще никогда, не то, что прямо сейчас!

Но выбора у меня не было. И я, встав, начала строить пространственный лифт.

На этот раз меня вновь привели в уже знакомую приёмную возле кабинета, где сидела айла Алиус. Только чаю она не предложила — сразу кивнула на дверь.

— Заходите, он ждёт.

Говорят про сердце, которое ушло в пятки — вот у меня в тот момент, когда я входила в кабинет, в пятки ушло не только сердце, а вообще всё. Особенно лёгкие. Я с трудом дышала, не представляя, что сейчас будет, и как с ним разговаривать.

Император стоял у окна и листал какую-то книгу. Когда я вошла, он отложил её на письменный стол и подошёл к диванам. Встал за одним из них, положил руки на спинку, глядя на меня внимательными чёрными глазами, и спросил тихо и безэмоционально:

— Что привело тебя ко мне, Эн?

Все слова застревали в горле, не доходя до губ.

Император ждал секунд десять, а потом сказал, усмехнувшись:

— Мне уже доложили, что твоя попытка провалилась. Ты хочешь попробовать ещё раз, я верно понимаю?

Я резко, со свистом, выдохнула, и всё-таки смогла сказать:

— Да. — Голос был хриплым, срывался. — Я... мне нужна еще одна пробирка. Я думаю изменить процедуру.

— Только одна? — Его величество поднял брови. — Или, может, пять? Шесть?

Кажется, он смеялся надо мной.

— Нет. Одна. Вы... — Голос вновь сорвался, но я, собрав в кулак всю волю, продолжила:
— Вы дадите её мне?

Император молча смотрел меня, задумчиво наклонив голову, и я поспешила сказать еще кое-что, пока не растеряла смелость:

— Я сделаю всё, что вы попросите. Всё, что вы хотите. — Он поднял брови. На мгновение вновь захлестнуло дикой паникой, но я всё равно продолжала говорить: — Я не знаю, что вам не понравилось вчера, у меня... нет опыта. Но клянусь, я всё исправлю. Всё, что хотите.

Губы его дёрнулись, словно он хотел улыбнуться.

— Что ж... — сказал император медленно и так же медленно вышел из-за дивана. Пошёл ко мне, и я с трудом удержала себя от позорного бегства к двери назад спиной. — Говоришь, всё, что хочу...

— Да, — подтвердила я глухо и бесславно закрыла глаза, когда он совсем приблизился. Чуть вздрогнула, ощутив ладони на талии, а потом, опомнившись, сама прижалась теснее, всем телом, и обняла его обеими руками, зарывшись ладонями в волосы. Мягкие волосы... Как они могут быть такими мягкими, когда он сам такой жёсткий, каменный, жестокий?.. — Всё...

Я раскрыла губы, ожидая поцелуя, но его не последовало.

Вместо этого император сказал:

— Завтра вечером во дворце состоится приём в честь дня перемены года. Для приглашённых. Ты придёшь туда. Это — цена за мою кровь на этот раз.

Я распахнула глаза и с недоумением уставилась на его величество. Он усмехался, изучая моё лицо своими жуткими глазами — захотелось спрятаться, прикрыться.

— Ваше величество... я же безродная.

— Мне плевать, — сказал он резко, и ладони на моей талии чуть сжались. — Ты придёшь. Или ничего не получишь. Выбирай.

Я сглотнула. В голове, словно пчёлы, роились мысли, сменяя одна другую с ужасающей скоростью.

Зачем ему это? Почему я? И в конце концов... Постель прилагается к приёму, или нет? И я потом смогу пойти домой?

Он словно услышал последний мой вопрос, потому что произнёс:

— Только приём, и больше ничего.

Облегчение, которое я испытала в тот момент, наверное, можно сравнить с облегчением горы, с которой наконец сошла лавина. Или с облегчением тучи, из которой пошёл дождь...

Я резко задышала полной грудью, ощущая себя счастливой. Защитница...

Не знаю, почему, но я поверила императору сразу.

— Я согласна.

Он по-прежнему смотрел на меня, не отрываясь, и усмехался, но в этой усмешке за жестокостью мне чудилась горечь.

— Дворцовая набережная, — сказал император абсолютно холодным голосом. — Дом двадцать девять. Салон вечерних платьев «Анна». Придешь туда сегодня вечером, выберешь себе платье из готовых. Там есть и туфли, тоже выберешь.

— У меня... — я попыталась возразить, но он не дал.

— Выберешь. Я оплачу. Дальше пойдешь в дом тридцать один. Салон ювелирных украшений «Амадео». Подберешь к платью украшения. Серьги и кольцо как минимум. Всё поняла?

— Да, — ответила я неохотно, осознавая, что император прав. В конце концов, я же не могу прийти на официальный прием во дворец в обычном платье. У меня были праздничные, но... не настолько праздничные.

— Тогда всё, — сказал, словно отсек лишнее мечом. И наконец отпустил меня. — Иди, Эн. Кровь сегодня вечером доставят тебе в общежитие.

Я кивнула и, развернувшись, почти побежала к двери. Благо, бежать было недалеко — шагов пять. А дотронувшись до ручки, услышала:

— Не волнуйся, Арманиус на приеме тоже должен быть.

Я вздохнула и, улыбнувшись, выскользнула из кабинета, ощущая себя червячком, которого сегодня почему-то не склевала огромная хищная птица.

Ближе к вечеру, когда Берт уже собирался на встречу с Эн, с ним вдруг связался император.

— У меня к тебе просьба, — сказал Арен, и Арманиус насторожился. Просьбы его величества обычно добром не заканчивались. — Пожалуйста, сопровождай Эн на завтрашний прием в честь дня перемены года. Который во дворце.

Если бы Берт не сидел, он бы упал.

— Но...

— Я попросил её прийти, и она дала согласие, — проговорил Арен резко. — И Защитника ради, не выспрашивай, что случилось. Сегодня вечером ей надо будет выбрать платье, туфли и украшения, поможешь. А завтра сопровождай. За вами заедут, я пришлю магмобиль.

— Хорошо, — протянул Арманиус, стараясь не думать о том, за что конкретно император назначил Эн такую цену. — Пытаешься приучить аристократию к тому, что пора перевернуть мир с ног на голову?

— Именно, — Арен едва заметно усмехнулся и прервал связь.

Значит, его величество попросил Эн прийти. Попросил... Забавная формулировка. Скорее всего, это она у императора что-то попросила, но Арен ничего и никогда не давал просто так. Он же Альго. Поэтому сразу решил использовать подвернувшуюся удачу и показать публике безродную, но добившуюся успеха девушку, которой в будущем пожалуют титул.

Всё верно, и Берт его понимал, но от этого понимания легче не становилось. Увы, в этом был весь Арен — даже относясь к человеку с симпатией, он всегда думал о том, как его использовать на благо империи, при этом не ощущая ни малейших угрызений совести. Арманиус привык к такому отношению, но в ситуации с Эн смириться было сложнее. Ему не хотелось, чтобы Арен её использовал. Даже так безобидно. Конечно, аристократия завтра будет косо на неё смотреть, но косые взгляды — это не порталная ловушка,

пережить можно. Хотя и неприятно.

Арманиус усмехнулся и покачал головой, представляя, что Эн, в отличие от него самого, наверняка довольна сложившейся ситуацией. Раз Арен назначил цену, значит, дал ей то, о чём она просила. Или даст. Для неё это главное.

И что это может быть?

Половина седьмого Арманиус встретился с Эн на Дворцовой площади. Как он и предполагал, девушка сияла, словно новенькая монета, и широко улыбнулась, увидев его.

— Только недолго, — сказала она сразу, чуть помрачнев. — Мне ещё надо кое-куда зайти...

— Пару часов назад мне звонил Арен, — признался Берт, взяв Эн под руку. — Рассказал, что позвал тебя на приём, и ты согласилась. Сегодня вместе зайдём во все эти салоны, а завтра я буду тебя сопровождать.

— Это очень хорошо, — она кивнула и сказала громким шёпотом: — А то я боюсь.

— Бояться не надо. Думаю, этикет ты знаешь нормально, вилку от ножа отличишь, а в остальном... Кстати, а как у тебя с танцами?

— Так себе, — Эн поморщилась. — Наступаю на ноги постоянно, и вообще я очень неуклюжа. Меня всегда больше интересовала магия. А там обязательно танцевать?

— Не обязательно. Только если император пригласит — ему отказывать никто не имеет права. Но это всё равно не больше одного раза.

— Один раз я выдержу как-нибудь. Хотя, — она засмеялась, — тут дело не во мне. Главное, чтобы его величество выдержал и не завыл, когда я буду топтаться по его ногам.

Берт смотрел на её весёлую улыбку — и никак не мог перестать гадать, что же именно понадобилось Эн от Арена.

А потом он вдруг вспомнил...

«Признавайся, ты мне ввела огонь Геенны в жидком виде?»

«Что-то вроде этого».

Кровь. Точно, кровь! Значит, она с утра разбавила чем-то кровь Арена и использовала это «лекарство» во время процедуры. Не получилось — и Эн решила попросить добавки.

Интересно... две пробирки крови за один вечер? Или Арен потребовал еще что-то?

— Император просил тебя только прийти на этот приём, или еще о чём-то? — Берт внимательно посмотрел в лицо Эн и заметил, что глаза её странно забегали.

— Только на приём, — ответила она негромко, не глядя на него. — А потом сразу домой. Ничего особенного.

— Ну хорошо. А то я грешным делом подумал, что Арен потребовал с тебя обещание выйти за Арчибальда.

Эн споткнулась и, выпрямившись, посмотрела на Берта с изумлением.

— Защитница... а я ведь и не подумала, что он может попросить такое.

— А ты бы согласилась?

— Да, — она кивнула. — Мне очень нужна была от императора одна... вещь. И я очень рада, что получила её.

Арманиус не задавал лишних вопросов по поводу того, что я получила от его величества

в обмен на посещение приёма, но мне казалось, что он и так это понял. В общем-то, неважно, главное — он не понял, что про только одну «просьбу» императора я соврала.

Хотя я и в принципе не могла сказать правду — Арен явно поставил печать молчания. Я бы и так не сказала, конечно, никому. Кто же о подобном рассказывает? И вообще надо поскорее обо всём забыть.

— Тот салон, куда мы идём, принадлежит принцессе Анне, — говорил Арманиус, пока мы с ним вышагивали по Дворцовой набережной. Хотели погулять по городу, называется... А вместо этого идём выбирать тряпки. — Она очень интересуется модой, и в Грааге есть три её салона, где продают платья и костюмы или шьют их на заказ.

— Я видела эти салоны, но никогда не заходила внутрь. Там дорого, наверное.

— Да, они не самые дешёвые, — усмехнулся Арманиус. — Сама понимаешь, формат «от принцессы» дешёвым быть не может. Кроме того, там почти всё вечернее, повседневного практически нет.

— Арх... Бертран. — Защитница, я никогда не научусь называть его по имени! — А вы откуда всё это знаете? Одеваетесь там?

— Нет. Но именно там архимагистрам выдают форменные плащи из драконьей кожи.

В салоне мы пробыли около часа. Сам Арманиус себе ничего не купил — отмахнулся от продавца, сказав, что всё есть, — а вот мне подбирали платье из готовых довольно-таки долго. Перешивать времени уже не было, а то, что имелось в наличии подходящего размера, мне не нравилось. Но в конце концов продавец достал откуда-то платье из зелёного кружева с неглубоким декольте, и я вздохнула с облегчением. К нему и туфли нашлись быстро.

В салоне с украшениями дело двигалось быстрее и практически без моего участия. Арманиус, оглядев витрины, ткнул пальцем в небольшие золотые серьги с прозрачными камнями — продавец сказал, что это бриллианты «слёзы гор», — и кольцо в комплект. Не слишком шикарно, но и не так, чтобы совсем уж просто. Да и эти «слёзы гор» оказались самыми дорогими камнями в мире, так что совсем уж бедняжкой я на приёме выглядеть не буду.

Когда мы наконец закончили с покупками и вышли на улицу, на город уже опускалась ночь. Ярко горели фонари, но прохожих было ещё достаточно — всё-таки многим не надо завтра на работу, праздник же.

— Я помогу тебе с сумками, — сказал Арманиус, нагруженный двумя пакетами, и улыбнулся. — Весьма необычное свидание получилось.

Услышав «свидание», я чуть смутилась. По правде говоря, я старалась не думать о том, почему он меня пригласил. Скучно сидеть всё время дома, родных нет, друзья заняты, а я под рукой — отчего бы не пригласить? И «свидание» тут слишком громко сказано.

— Весьма, — согласилась я тихо. — А завтра еще необычнее получится.

Он засмеялся.

— Да, с завтрашним днём император нам... удружил. Эн... — Арманиус перестал смеяться, посерьёзnel. — Что бы ни случилось завтра — ни на что не обращай внимания. Арен наверняка собирается что-то продемонстрировать, я не уверен в том, как именно он это будет делать, но...

— Это будет неприятно в любом случае, — фыркнула я. — Не волнуйтесь, арх... Бертран. Право слово, меня так долго и упорно травили в университете, что один приём во дворце — ерунда по сравнению с тем, что уже было.

Он посмотрел на меня с таким сочувствием, что я чуть не споткнулась.

— Я понимаю, Эн. Но это несколько иное. В университете тебе причиняли боль люди, которые относились к тебе плохо. А тут из всей этой аристократической кучи хорошо к тебе относиться будет только Арен, не считая меня, разумеется. И именно от него весь

дискомфорт и будет исходить, к сожалению. Оскорбить тебя никто не посмеет, но дело не в оскорблениях.

— Император? — я удивлённо моргнула. — Хорошо относиться? Вы что-то путаете, вряд ли он...

— Вряд ли он разрешил бы своему двоюродному брату ухаживать за девушкой, к которой плохо относится. И вряд ли стал бы приглашать эту девушку на приём в честь дня перемены года.

— Политика, — я пожала плечами. — Ничего личного.

— Эн, — Арманиус улыбнулся, — политику делают люди. А люди так устроены, что они не могут совсем без личного. Поверь мне, Арэн относится к тебе хорошо, но это не мешает ему использовать тебя в своих целях.

— Я понимаю, — ответила я, про себя подумав: пусть что угодно делает, лишь бы в постель больше не тащил...

Император сдержал слово — вернувшись в общежитие, я обнаружила в своей комнате пробирку с кровью, примотанную белой лентой к ярко-бордовой розе.

Я вспыхнула, вспомнив, что означают такие цветы.

Если белые лилии были вестником серьёзных намерений, то бордовые розы — знак страсти. Гибельной, порочной, неправильной...

Я сглотнула и, отмотав пробирку, сломала цветок пополам и выбросила его в урну, стоящую под столом.

Нет. Нет, нет и еще раз нет! Плевать, что он император. Кровь я получила и больше она мне не понадобится. Я ничего не попрошу у него. И... не дамся.

Внутри меня ледяным туманом стелился страх. Я понимала, что император может и не спрашивать — если он просто возьмёт то, что хочется, ему потом никто и слова не скажет.

Но несмотря на весь страх, я ощущала внутри себя маленький комочек надежды.

Он ведь вернул меня сюда вчера. Вернул. И не поцеловал сегодня. А это всего лишь роза, цветок, не более.

Да. Вот именно. Не более...

Проснувшись, первым делом я связалась с Роном — хотела встретиться с ним до праздника, благо ни мне, ни ему не нужно было сегодня на работу. А заодно рассказала про то, что пойду на приём в честь дня перемены года в императорский дворец.

Услышав эту новость, друг вытаращил глаза и открыл рот.

— Ты шутишь, Энни? Это же только для аристократов.

Истинные причины я решила не раскрывать. Всё-таки кровь императора... Лучше пусть о ней никто не знает, кроме меня.

— Арманиус позвал, попросил разрешение у императора. Сам понимаешь, его величество сейчас благоволит этому закону о порядке передачи титулов, наверное, поэтому и позволил.

— Арманиус? — Рон ещё больше вытаращился. — Защитник, Эн, я был уверен, что ты его терпеть не можешь.

Мне стало неловко.

— Это была глупая обида, Рон. Глупая юношеская обида за то, что он не хотел принимать меня в университет. Но... ты же и сам понимаешь, что он по большому счёту был прав. Да, я выдержала, не сломалась, выучилась, но это скорее исключение, чем

правило.

Друг поморщился.

— Исключение. Но настоящий преподаватель должен понимать, что всегда существуют исключения из правил. Он не хотел давать тебе даже шанса...

— Не только он, — возразила я. — Вся экзаменационная комиссия, кроме Валлиуса. И, в конце концов, он же подписал приказ о моём зачислении. Значит, Брайон его как-то уговорил. Не представляю, как, конечно...

— Скорее всего, — Рон язвительно усмехнулся, — Арманиус просто решил не скандалить, а подождать немного — мол, само отвалится. А потом попросту забыл о тебе.

Сердце кольнуло обидой. Ну да, он забыл...

— Забыл — и ладно, — сказала я, тем не менее, спокойно. — Не мешал зато учиться. Мне Байрона хватало и других аристократов.

— О да, Асириус, — друг закатил глаза. — Я до сих пор помню его зелье правды и...

— ...И не можешь ему это простить, — я хихикнула.

— Такое не прощается, — ответил Рон кровожадно, и я расхохоталась.

Чуть позже, торопясь к Арманиусу, я вспоминала тот случай.

Это было в самом начале второго курса. Байрон подговорил одну из наших однокурсниц-аристократок, у которой был день рождения, угостить всех пирожными. У остальных они были нормальными, а вот в наши с Роном оказалось добавлено зелье правды — запрещённый реактив, заставляющий того, кто его употребит, говорить одну только правду в течение двух часов. Никакого противоядия. Единственный способ избежать выбалтывания собственных тайн — закрыться где-либо и не выходить.

Мы с Роном быстро поняли — что-то не так. Но убежать и закрыться сразу не вышло, потому что мы находились в аудитории перед началом лекции, и несколько однокурсников встали перед дверью, с ухмылками закрыв нам пути отхода. А Байрон начал задавать вопросы...

Удержаться от ответов, попробовав зелье правды, невозможно. Ну, так пишут в книгах, по крайней мере. А на деле оказалось, что нет ничего невозможного, но, как это обычно бывает с невозможным, оно безумно сложное.

Асириус задавал вопросы то Рону, то мне, и в основном они касались чего-то неприличного. Я не особенно слушала ответы друга, сама лихорадочно пытаюсь придумать, как выпутаться из этого кошмара, когда Байрон вдруг спросил:

— Янг, ты влюблён в Эн?

— Нет! — рявкнул друг и зарычал от бессилия. Асириус, кажется, удивился.

— Нет? — переспросил он. И переформулировал вопрос: — Может, ты любишь её?

— Да! — ответил Рон, и я покосилась на него, открыв рот. А Байрон уже под хохот переполненной аудитории спрашивал у меня:

— А ты в кого влюблена, Эн?

Я почувствовала, как ответ срывается с языка... и, подняв ладони, пальцами закрыла себе рот. Зажала так, что больно стало костяшкам. Рот пытался открыться и ответить, и чем сильнее он пытался, тем сильнее я сжимала пальцы.

Не скажу! Ни за что не скажу!

Вокруг хохотали.

— В кого ты влюблена, Эн? — переспросил Асириус, и я почувствовала, что еще пара

секунд — и я не смогу удерживать в себе ответ.

Меня спас Рон, долбанув по мне обморочным заклинанием такой силы, что я моментально отключилась и повалилась на стол, потеряв сознание, а сам... сам он выпрыгнул в окно.

Ага, с шестого этажа. Заклинания левитации мы в то время знали плоховато, поэтому он чуть не расшибся. Вскочил на ноги и побежал в кабинет к проректору.

Асириус тогда отделался выговором и парой дней исправительных работ, да и не только он — замешана оказалась вся группа. Так получилось, что нетитулованными магами в нашей группе были только мы, поэтому никто и не заступился. «Что их теперь, всех исключать? — оправдывывался куратор. — Да, зелье запрещено к использованию, но можно подумать, что никто никогда не нарушал запреты во время учёбы! Побаловались, пошутили — типичные студенты!»

Тот случай многому научил нас с Роном, и больше мы никогда и ничего не ели из рук аристократов.

А насчёт любви мы поговорили тем же вечером, как только я вышла из университетского лазарета.

— Байрон — придурок, — сказал Рон. — Не знает, что любовь бывает разной. Эн, я надеюсь, ты мне поверишь. Я не влюблён в тебя, но я тебя люблю. Как друга. Честное слово!

Я улыбнулась и потёрла всё ещё саднящее место, куда попало его обморочное заклинание.

— Я верю. Как я могу не верить, если я на днях видела, как ты целуешь эту... Люсинду из параллельной группы? Вот она, кстати, расстроится, когда услышит.

— Ерунда, — отмахнулся Рон, и действительно — они с этой Люсиндой скоро расстались. И не только с ней. Друг менял девушек чаще, чем перчатки — ни с одной надолго не задерживался.

А я вот ни с кем не встречалась. За мной ухаживали, конечно, но мне так никто и не понравился за все эти годы.

Наверное, слишком сильна оказалась моя детская любовь к Арманиусу.

Эн с утра была полна оптимизма, и Берг очень хотел бы разделить её надежду, но не получалось.

Даже если Эн достала кровь императора — разве сможет капелька крови потомка Защитника переломить действие Геенны? Резерв он отдал, как плату за то, чтобы вернуться в прошлое — иначе портал бы не открылся. И Арманиус не верил, что в этой ситуации можно всё исправить всего лишь кровью императора.

Но он ничего не говорил Эн. Если не получится — скажет. А пока он молчал, наблюдая за тем, как она прикрепляет к его коже датчики, аккуратно вводит иглы, делает ему уколы, ставит капельницу с тёмно-красным раствором. Он знал — что бы сейчас ни случилось, он всё вынесет.

Берг слишком хорошо помнил, каким было это утро в прошлой реальности.

— Я сейчас включу датчики, — тихо сказала Эн, напряжённо оглядывая Арманиуса. Она вообще была напряжённой, хоть и полной надежды. — И одновременно с ними — капельницу.

— Будет больно, — иронично заметил Берг, но Эн не улыбнулась.

— Да. Даже если не получится, сегодня контур восстановится полностью. Но я надеюсь, что...

— Я понимаю. Включай, я готов.

Эн кивнула и, вздохнув, подкрутила сначала капельницу, а затем в тело Берта полился и ток пополам с силой.

Иголки в его теле вибрировали от напряжения, и Арманиус, потерявший способность двигаться как только лекарство потекло в вену, ощутил — и увидел это внутренним зрением — как ввинчиваются они в узловые точки контура, как по ним струится ток и сила, обматываясь вокруг контура, излечивая его. Боль при этом была такая, что хотелось выть, но выть не получалось. Ничего не получалось — только дышать, хрипло и прерывисто, и молиться Защитнику, чтобы всё это поскорее закончилось.

Сильнее всего болело сердце. Берту казалось, что в него тоже вставлена игла, через которую несчастный орган накачивают то ли воздухом, то ли жидкостью — в любом случае было ощущение, что он сейчас разорвётся. И каждый его толчок отдавался громом в ушах — словно кто-то колотил по голове гигантским молотком.

Сколько времени это продолжалось, Арманиус не осознавал. Но закончилось всё очень резко — он вдруг понял, что не может больше дышать, а следом провалился в вязкую, тягучую темноту.

Когда Берт очнулся, в библиотеке оказалось демонски холодно. Так холодно, как будто он не в доме лежал, а на улице.

И рядом слышались всхлипы.

Арманиус медленно открыл глаза, вздохнул — в груди до сих пор чуть побаливало, и глубоко не получилось — и увидел сидящую возле него Эн, которая плакала, уронив голову в ладони.

Он даже не стал вглядываться в контур и резерв — если бы получилось, её реакция была бы совсем иной.

— Эн... — сказал Берт тихо и так хрипло, словно был простужен. Хотел кашлянуть, но не нашёл сил на кашель. — Энни... Ну перестань. Пожалуйста.

Она подняла голову — лицо было красным, щёки мокрыми, — и посмотрела на Арманиуса несчастными, словно у побитой собаки, глазами.

— Я не смогла вам помочь... опять не смогла... Контур так ярко светился, сросся весь, восстановился, но резерв... — Голос её сорвался. — Простите...

— Ты не виновата. Ты ведь не Защитник. Перестань плакать, Эн, тырываешь мне сердце.

Она слабо улыбнулась.

— Я вам его уже разорвала.

— Что? — Берт, несмотря на жуткое физическое состояние, удивился, услышав эти слова. — Как?

— Ну, не пополам, — ответила Эн, вытирая ладонями щёки. — Так, немного. Не выдержало нагрузки. Не волнуйтесь, я всё исправила.

— Я понимаю, что исправила, я же очнулся...

— Я просто переборщила, — объяснила она, поморщившись. — Надо было закончить процедуру секунд на двадцать раньше, а я всё надеялась, что резерв изменится. Но нет... Даже кровь императора не помогла.

— Значит, всё-таки кровь... — пробормотал Берт, и Эн кивнула. — Я догадался. Так, — Арманиус чуть оживился, — контур восстановлен? И больше никаких процедур? Да?!

Его оживление было настолько очевидным, что Эн улыбнулась шире.

— Да, верно. С моей стороны никаких процедур, но на днях к шаманке с вами сходим, вдруг она что-нибудь посоветует.

— К шаманке? — теперь Берту стало смешно. Неужели на этот раз уже Эн потащит его к Ив Ише?

— Да. Валлиус дал контакты. Я хочу попробовать, хуже точно не будет. А сейчас... — Эн встала с дивана и подошла к окну, которое оказалось открыто. Так вот почему в библиотеке настолько холодно! — Я дам вам кучу реактивов и сделаю кучу уколов, иначе вы сегодня до дворца не доползёте, и мне придётся идти туда одной. А я не хочу.

— Не волнуйся. Я пойду, даже если мне действительно придётся ползти. Тоже не хочу, чтобы ты шла одна.

Ему показалось, или Эн покраснела?

— Спасибо, — сказала она тихо, закрыв окно, и опустила голову. Нет, действительно покраснела! Но обрадоваться этому факту Берт не успел, потому что Эн спросила, возвращаясь к столу, на котором стояла её сумка: — А Арчибальд там будет, не знаете?

Ревность полыхнула в груди огнём, заставив заболеть сердце.

— Он еще не вернулся с севера.

Она кивнула, набирая в шприц какой-то реактив, а Берт подумал: в той реальности Арчибальд вернулся раньше из-за Эн. Интересно, что получится в этой?

Выходя из дома Арманиуса, я чувствовала себя так ужасно, что какое-то время стояла неподалёку, держась за перила и глядя на речной лёд, покрытый толстым слоем ослепительно-белого снега.

Всё зря, все старания. Резерв так и не поменялся, остался равным семи магоктавам, и у меня закончились идеи, что ещё можно сделать для его восстановления. Одну, правда, я реализовать так и не успела, но вряд ли она сработала бы, ведь даже кровь императора не помогла... Ну не пихать же Арманиуса вновь в Геенну? Я слишком хорошо понимала, что резерв стал платой за вход туда, поэтому подобный способ не имеет смысла.

Кажется, ничего больше не имеет смысла. Но к шаманке всё равно надо сходить. Вдруг я ошибаюсь?

Рон уже ждал меня в «Свинтусе». Перед ним высилась огромная кружка с пивом, а вот напротив стоял бокал с вишнёвым соком — явно для меня.

— Я решил, что ты не будешь пиво перед приёмом, — пояснил друг, закидывая в рот пригоршню солёных орешков. — Вот, держи меню. Я уже заказал себе кое-что. Хотя много я не буду, берегу силы на вечер.

— Ты с мамой и сестрой собираешься встречать? — поинтересовалась я, разглядывая знакомое меню и думая, чем бы подкрепиться перед этим демонским приёмом.

— Да, — кивнул Рон. — Ты же знаешь, я не люблю куда-то уезжать от них в день перемены года.

Я понимала его — я бы тоже хотела встречать новый год с семьёй, если бы она у меня была. А придётся вот встречать в компании аристократов...

Но и у Рона не всё было так гладко. Три года назад, как раз после нашего выпускного, у него умер отец, и чтобы не потерять дом и возможность учиться для сестры, друг работал днями и ночами. Я до сих пор помню, какие у него тогда были синяки под глазами. Сейчас уже полегче — должность повыше и зарплата тоже, — но всё равно нелегко, ведь аристократических привилегий мы лишены.

— Кстати, до меня дошёл слух, — сказал Рон, таинственно улыбаясь, — что на приеме у императора ты будешь не одна.

— В смысле? — не поняла я. — Ясное дело, там соберется целая куча аристократов.

— Я не про аристократов, — отмахнулся друг, — я про безродных. Помнишь мою начальницу, директора Института артефакторики? Ты видела её пару раз, когда

заглядывала ко мне на работу. Клара Галиос. Она прекрасный артефактор, не хуже Агрируса.

— Хочешь сказать...

— Ага. Она там будет. По крайней мере так мне сегодня наболтал дежурный аспирант. Не знаю, откуда у него информация, может, случайно что-то услышал, но наверняка уже весь институт в курсе.

— Это как положено, — пробормотала я, чувствуя, как отлегло от сердца. Если я действительно буду не единственной нетитулованной особой — точнее, особью, — на приёме, это уже проще. Взгляды аристократов будут рассеиваться, а не сосредотачиваться на мне одной.

— А как там Арманиус?

Я подозвала подавальщика, сделала заказ и, когда он отошёл, ответила:

— Я восстановила контур. Но резерв, увы, нет.

Рон поморщился.

— Да-а-а, печально. Но он справится, Эн, взрослый уже. И кстати... насчёт твоей просьбы. Про ректорство.

— Не актуально теперь, наверное, — сказала я, вздохнув, — Агрирус ведь стал ректором.

— Я всё равно подумал, полистал источники. И я думаю, что у Арманиуса есть целых два способа стать ректором.

— Целых два?! — я впечатлилась. — Так, и?..

Рон улыбнулся, увидев мой энтузиазм.

— Ну первый — из разряда полнейшей тупи, но сработает. Число участников Церемонии каждый раз разное — в зависимости от количества входящих в Совет университета обладателей родовой магии Дома. И когда-то их было гораздо больше, чем сейчас. То есть, Церемонии по сути всё равно, из скольких магов выбирать — из ста или из двух.

— Я поняла твою мысль, — фыркнула я, развеселившись — обсуждала ведь что-то подобное с Арманиусом. — Убить остальных участников Совета к демонам, и путь к ректорству свободен!

— Грубо говоря — да. Но в таком случае Арманиусу придётся продумывать сеансы связи с университетом. Не как сейчас, когда ректор круглосуточно проводник-вектор, а периодически, и при помощи артефактов типа твоей иглы. Иначе он просто не выдержит. Но это уже другой вопрос. А второй способ сложнее. Нужен связной-артефакт.

— Что?..

— Связной-артефакт. Это человек-артефакт. По сути ректор тоже связной, но не совсем. Так вот... Если Арманиус свяжет себя с таким связным, он сможет управлять силой университета почти как раньше, с той лишь разницей, что появится заземлитель. Ну как для электричества, в общем. Лишнее будет уходить через связного, а вектором... да, вектором по-прежнему будет ректор.

Я слушала всё это, открыв рот и вытаращив глаза.

Нет, про связных-артефактов я немного помнила из курса лекций, но чтобы их вот так использовать...

— А связной этой силой сможет пользоваться как-то?

— Резерв пополнять, — пожал плечами Рон. — А так — всё. Управления никакого. Даже если связным сделать кого-то из родовых магов — участников Совета, без разницы. Ректор может быть только один. А связной нужен просто для того, чтобы этот самый

ректор концы не отдал. Поняла, да?

— Да-а-а, — протянула я. — Но... во время Церемонии-то как?..

— Если связной будет стоять рядом, его резерв тоже будет учитываться, — пояснил Рон. — Обычные артефакты так не сработают, сколько их на себя не понавешай, а вот живой человек — да. В общем, — друг хмыкнул, — если с Велмаром что-то случится, попробуем вернуть Арманиусу ректорство.

— Не дай Защитник, — пробормотала я, смутившись, — пусть уж будет жив и здоров.

— Пусть. О, а вот и твой салат, Энни. Ешь, а то во дворце небось толком и не сможешь ничего проглотить от волнения.

— Смотря насколько вкусно они там готовят, — возразила я, и Рон засмеялся.

Чуть позже я вернулась в общежитие и начала подготовку к приёму. Арманиус на магмобиле, выделенном императором, должен был заехать за мной к восьми вечера.

Я помылась, надела бельё и платье, потом быстро сделала причёску — заколола волосы на затылке, оставив прядки по бокам. Ничего особенного, совсем простая причёска, но мне не хотелось что-то накручивать. Нацепила украшения — и наконец решила хорошенько изучить собственное отражение в зеркале.

Да... давненько я не видела себя в подобном виде. Точнее, вообще никогда я не видела себя такой.

Изумрудно-зелёное кружево струилось по фигуре, и грудь казалась выше, а талия — тоньше. Кружево было тончайшим, но из него был сделан только верх, а низ — из приятной на ощупь и очень нежной ткани, не блестящей, как атлас, а матовой. Я не имела ни малейшего понятия, что это за ткань, но выглядела она прекрасно. Как и я в ней.

Я повертелась перед зеркалом — юбка-колокольчик до пола красиво колыхалась при каждом движении, небольшой кружевной поясok подчёркивал талию, а уж вырез на спине... Он был гораздо глубже, чем спереди, чуть ниже середины спины, и мне, не привыкшей ходить в подобном, постоянно хотелось прикрыть это место. А вот плечи были закрыты, и руки тоже — на три четверти. Немного несимметрично — открытая спина, но закрытые плечи и руки, — однако оказалось красиво. И золотое ожерелье тонкой работы с прозрачными камнями — как там... «слёзы гор»? — и серьги в комплект вовсе не смотрелись на мне как на корове седло. Хотя я никогда в жизни не носила ничего дороже серебра и кошачьего глаза.

В общем, если ничего не перепутаю по этикету — точно не ударю в грязь лицом.

Хотя... грязи на полу там точно не будет.

В назначенный час к дому Арманиуса подрулил белый парадный магмобиль с гербом Альганны. Берт накинул пальто и вышел на улицу, не переобуваясь — ради двух шагов заморачиваться с сапогами не хотелось.

Это оказался магмобиль Арена — с белой стенкой-заграждением между водителем и пассажирами, сиденьями из светло-бежевой кожи и золотыми узорами на стенах. Шик, как он есть.

Через несколько минут магмобиль подъехал уже к общежитию — и оттуда почти сразу выскочила Эн. Как и Берт, она только накинула сверху пальто, из-под которого торчала юбка вечернего платья.

— Садись, — он распахнул дверцу, и Эн скользнула на сиденье рядом. Оглядела Арманиуса с ног до головы и слегка покраснела.

— Добрый вечер... Бертран.

Он кивнул, улыбаясь и глядя ей в глаза.

— Ты прекрасно выглядишь, Энни.

Она покраснела сильнее.

— Спасибо... вы тоже.

Берт не заморачивался — надел один из своих старых парадных костюмов. Он слишком редко бывал на подобных мероприятиях, чтобы постоянно менять гардероб. Извечная аристократическая манера — не повторять вечерних туалетов — всегда его раздражала.

— А вы каждый год ходите на этот приём?..

— Защитник упаси, — усмехнулся Берт. — Я пару раз был, но не больше. Когда Арена только-только короновали, и он очень просил прийти. Ему тогда было не по себе.

— Императору? — удивилась Эн. — Не по себе? Он...

— Производит впечатление каменного? И тем не менее, он живой. Практически вся аристократия — процентов девяносто — была крайне недовольна результатами коронации, и у Арена в начале правления было очень много проблем.

— Они до сих пор есть, как я понимаю, — пробормотала Эн. — Возможно, даже больше, чем тогда. Просто раньше их демонстрировали, а сейчас все молчат, зато... строят разговоры. Это даже опаснее.

— Верно, Эн, — кивнул Берт, про себя подумав: и главная опасность — в том, что на пути к убиению неугодного императора вполне могут убрать кого-то ещё. Во имя высшей цели. Так, как убрали Эн, так, как собирались убрать Арманиуса.

Интересно, Дайд в курсе, где и как хотят убрать Арена?

Их с Эн высадили возле главного парадного входа в императорский дворец. Широкая лестница из белого мрамора вела к дверям, которые сейчас оказались распахнуты, и возле них стояли двое стражников в мундирах. Конечно, тоже парадных. За дверями был большой холл, и по нему сновали слуги в форме. Один из них забрал пальто у Эн и Берта, сказав:

— Поднимайтесь, пожалуйста, на второй этаж.

Наверх вела лестница с высокими ступеньками, устланная бело-золотым ковром, и Эн, косясь на него, немного нервно сказала:

— Ходить страшно по такому. Кажется, пройдёшь — а за тобой следы...

— Он зачарован, не волнуйся.

— А-а-а, всё продумано...

Берт улыбнулся, глядя на Эн, и чуть не полетел носом вперёд.

— Осторожнее! — воскликнула она, хватая его под руку, и Арманиус засмеялся.

— Прости. На тебя засмотрелся. Тебе очень идёт это платье.

Эн действительно была в своём кружевном чуде изумрудного цвета ужасно хорошенькой — просто маленькая куколка. И спина... Так хотелось дотронуться до нежной сливочной кожи...

Берт чуть не споткнулся во второй раз, подумав об этом.

— Арх... Бертран! Ну осторожнее! — сказала Эн, тем не менее улыбаясь. — Лоб расшибёте, придётся вам домой идти, и что я буду тут без вас делать?

— Страдать, наверное, — предположил Берт, вызвав у Эн радостный, но немного неловкий смех.

Защитница, как мне выдержать сегодняшний вечер?

Арманиус... Это всё было похоже на сказку, когда прекрасный принц приехал за своей Замарашкой, чтобы отвезти её на бал. А принц и правда прекрасный — в тёмно-синем костюме с серебряными пуговицами и серебряными же узорами на манжетах. Я всяким уже видела Арманиуса, даже практически голым, но таким — нет. И как он мне нравился!

Поэтому даже хорошо, что он пару раз спотыкался на лестнице. Если бы он не споткнулся, я бы сама споткнулась...

А потом мы вошли в зал, где уже было полно народу, и я замерла от восхищения — так красиво здесь было. Пол из светлого мрамора, зеркальный — страшно танцевать на таком! — золотые колонны, множество парящих магических светильников под потолком, слуги в белых ливреях с чёрной вышивкой и подносами с прозрачными бокалами, полными различных напитков, небольшой оркестр слева, играющий лёгкую музыку — всё создавало атмосферу праздника. Но, конечно, особенно её создавал шикарный накрытый стол по правую стену, возле которого стояли уютные бордовые пуфики, чтобы можно было сесть и подкрепиться. Но там сейчас никто не сидел и вообще гости ничего оттуда пока не брали, только пили и разговаривали друг с другом. Наверное, ждут императора.

Лучше бы он и не появлялся...

— Эн, будешь? — спросил у меня Арманиус, когда к нам подскочил один из слуг. Я кивнула, принимая бокал, в котором плескалось что-то светлое. Поднесла к носу, понюхала — это было шампанское, и пахло оно замечательно. Я сделала маленький глоток — прохладный напиток с лёгким вкусом пощекотал нёбо, оставив приятное ощущение во рту.

На меня смотрели. Не откровенно, скорее, скользкими взглядами, но тем не менее было не особенно приятно. Впрочем, надо быть справедливой — рядом со мной шагал Арманиус, и на него смотрели гораздо больше и дольше. У некоторых ещё и глаза округлялись, когда они понимали, насколько у него изменился резерв.

Мне, когда я замечала такую реакцию, было больно. Это ведь мой провал, моя неудача...

— Эн! — раздался вдруг знакомый голос откуда-то справа, и я, обернувшись, чуть не упала в обморок, заметив в толпе аристократов знакомого и привычного заведующего хирургией. Да... давненько я не видела Макса Мортимера в чём-то, кроме серой медицинской формы. Хотя праздничный костюм ему шёл. — И ты здесь, надо же.

Я кивнула, радостно улыбнувшись в ответ на удивлённую улыбку Мортимера, и представила их с Арманиусом друг другу.

— Наслышан, — сказал начальник Байрона, пожав руку моему пациенту. — Латал многих спасённых вами.

— Теперь не придётся, — усмехнулся Арманиус. — Хотя вряд ли у вас будет недостаток в работе.

Во взгляде Макса я заметила сочувствие. Оно было и в голосе, когда он говорил:

— Знаете, наша Эн — первейшее доказательство того, что успех не всегда зависит от резерва. Я уверен, это и ваш случай.

Я боялась, что Арманиусу будет неприятно обсуждать эту тему, поэтому поспешила поинтересоваться:

— Макс, а кто здесь ещё из нетитулованных, кроме нас? Вы видели кого-нибудь?*

(*Для любопытствующих — титулованный перед тобой маг или нет, можно легко понять по наличию или отсутствию родовой кровной магии. В отличие от резерва, её не видно магическим зрением — она ощущается на интуитивном уровне.)

Он кивнул.

— Троих. Директора Института артефакторики Клару Галиос, архимагистра Нейра

Шаидо — он кстати, из ваших, из охранителей, да? — Арманиус подтвердил, и Мортимер продолжил перечисление: — Кроме того, здесь еще Гектор Дайд. Не в форме, значит, он тоже приглашённый.

Мне хотелось спросить, не знает ли Макс, с какой целью нас пригласили, но я побоялась, что это будет странно. Хотя я бы и не успела спросить — оркестр вдруг затрубил в трубы, заставив всех разом вздрогнуть, а следом в зале повисла тишина, в которой было прекрасно слышно голос одного из слуг.

— Его величество император Арен! Её величество императрица Виктория! Его высочество Аарон! Её высочество Анна! Его высочество Алвар!

Только теперь, когда толпа отхлынула от противоположного конца зала, я увидела там еще одни двери — широкие, целиком золотые. Они медленно открылись, и оттуда шагнули сначала двое стражников, встав по обе стороны от дверей, а затем...

— В этот раз только император с императрицей и первыми наследниками, — шепнул мне на ухо Арманиус. — Всех Альго так представляют, и нам повезло, что другие члены императорской семьи на приём не явились. Один раз пришлось выслушать целых тридцать имён.

Я улыбнулась, разглядывая вошедших.

Конечно, на Арена я старалась не смотреть, а вот остальных изучала с интересом. Императрица — высокая блондинка с голубыми глазами и взглядом настолько надменным, холодным и гордым, что с ней совершенно не хотелось общаться. Принц Аарон — безумно похожий на Арена мужчина, только на несколько десятилетий старше и нормальными карими глазами. Принцесса Анна — маленькая брюнетка с приятной вежливой улыбкой и милым лицом. В отличие от императрицы, она не выглядела надменной, даже наоборот. И принц Алвар — самый старший из присутствующих Альго. Он был больше похож на Арчибальда — пониже ростом и коренастее, шире в плечах. В волосах его уже блестела седина.

Император был в бело-золотом парадном мундире, императрица — в золотом платье, Алвар и Аарон — в ало-золотом, и Анна — в алом. Наверное, цвет одежды тоже как-то регламентируется, но я не представляла, как именно, и спросила у Арманиуса.

— Император на официальных приёмах имеет право носить только бело-золотое, императрица — то же, и ещё голубое. Первые наследники — ало-золотое или синее.

— Хорошо, что в зелёном никого, а то я бы чувствовала себя неловко, — шепнула я Арманиусу, и он улыбнулся, покачав головой.

— Остальные Альго имеют право носить любые цвета. Так же, как их гости. Впрочем, на моей памяти ещё никто не рисковал надеть бело-золотой мундир, как у императора.

Да уж, и я понимала, почему. С Ареном лучше не связываться...

В этот момент члены императорской семьи достигли центра зала — гости оттуда давно отступили, рассредоточившись ближе к стенам, — и его величество сказал:

— Добрый вечер и добро пожаловать всем нашим гостям. Мы очень рады видеть вас здесь и надеемся, что вы приятно проведёте время. Сегодня никакой политики и никаких дел, только танцы и веселье. Кстати, о танцах... — Арен повернулся к императрице и сказал, чуть улыбнувшись: — Моя дорогая супруга неважно себя чувствует, поэтому мне придётся открывать вечер с другой партнершей. Виктория...

Он подал ей руку. Императрица, не меняя выражения лица, приняла ладонь мужа — и они вместе пошли по направлению к оркестру. Только тут я заметила, что рядом с музыкантами находятся несколько шикарных золотых кресел с высокими спинками. И куча охранников...

Его величество усадил жену в одно из кресел, на остальные пристроились Алвар, Аарон и Анна. А затем император обернулся лицом к толпе и... пошёл.

Куда именно он идёт, я поняла секунд через десять, когда осознала, что Арен смотрит на

меня.

Сердце панически заколотилось, руки похолодели и задрожали, на лбу выступил пот. Нет... он же не собирается... Нет!

— Разрешите? — спросил его величество, протягивая мне руку под изумлённые взгляды присутствующих. Кажется, этот спектакль они запомнят надолго.

Мне очень хотелось сказать «не разрешу», но я еще не сошла с ума, поэтому, молча кивнув — голос не повиновался, — вложила свою ладонь в руку императора.

Раздался дружный изумлённый вздох, в том числе и мой собственный.

Как только я коснулась пальцев его величества, они вспыхнули пламенем — я попыталась освободить руку, но он сжал её крепче, — и пламя перекинулось уже на мою ладонь. Оно не обжигало, только слегка щекотало кожу. Поднялось выше, до локтя, и еще выше, и ещё...

— Музыку! — скомандовал Арен, привлекая меня ближе к себе. Оркестр заиграл стандартную, знакомую мне мелодию вальсона — и я почувствовала, как император подталкивает меня в спину, заставляя двигаться к центру зала.

А пламя между тем уже обнимало не только мою руку, но и меня всю. И меня, и его. Мы танцевали в огне.

Он слепил глаза, он пугал меня до дрожи, он ласкал моё тело, не обжигая, и это было невероятно.

— Что это? — шепнула я непослушными губами. Обычно я думаю только о том, как бы не сбиться с такта, но в этот раз было не до того — и я только потом осознала, что ни разу не споткнулась.

— Не волнуйся, — ответил его величество спокойно, глядя на меня своими жуткими глазами. — Это ни к чему тебя не обязывает. Танец, открывающий приём, должен исполняться в пламени. Это символ. Символ уходящего старого года — огонь ведь убивает, — и символ нового года — одновременно с этим огонь даёт жизнь. Жизнь и смерть. Ничего особенного.

Ничего особенного?.. Я танцую в огне!

Как раз в этот момент один из язычков пламени ласково погладил меня по щеке, и я внимательно посмотрела на императора, пытаюсь понять — пламя управляемо до такой степени, или это просто случайно получилось?

Но по его лицу совершенно ничего невозможно было понять.

— Мне доложили, что твоя вторая попытка не удалась, — продолжал между тем его величество. — Мне жаль, Эн.

В груди заболело.

— Мне тоже, — сказала я, отводя взгляд. — Надеюсь, я... смогу пойти домой после приёма?

Император несколько секунд молчал, и я вновь посмотрела на него.

Безэмоциональный. Непроницаемый. Жуткий.

— Не вижу причин для того, чтобы тебе не сделать этого.

Не видит...

— А... роза?..

Впервые за танец я заметила на лице его величества эмоцию, только вот какую — не смогла понять. Но от неё у меня появился горький привкус во рту.

Между тем оркестр доигрывал мелодию, и с последними звуками вальсона император сказал:

— Ты же умная девушка, Эн. Выброси из головы эти глупости.

Когда Арен возвращал Эн обратно в толпу, она была бледнее его белого мундира и, кажется, не дышала. Неужели настолько огня испугалась? Впрочем, вполне возможно. Это Берт к нему привык за годы архимагистерства, а она-то нет. И танцевать вместе с обнимающим тебя пламенем для неё сомнительное удовольствие.

Ещё накануне, когда император попросил Арманиуса сопровождать Эн, ему пришла в голову мысль, что Арен наверняка захочет открыть приём танцем с ней. Отличный политический ход — не просто пригласить безродную, но и начать новый год тем, о чём раньше никто не мог даже помыслить. Показать, что изменения необратимы, и в наступающем году аристократии придётся мириться с принятием закона о титулах.

И судя по многим окружающим Арманиуса лицам — мириться они явно пока не планировали.

Арен подвёл Эн, казавшуюся слегка одеревеневшей, к Берту, чуть улыбнулся, поцеловал ей руку — и ушёл по направлению к Кларе Галиос, чья мощная фигура высилась на другом конце зала.

Директор Института артефакторики действительно была очень крупной женщиной — на полголовы выше Арена, гораздо шире в плечах и вообще мощнее. Она посмотрела на протянутую ладонь императора и пророкотала на весь зал:

— Спасибо, что решили не открывать приём танцем со мной, ваше величество. В моём возрасте ни к чему подобные стрессы.

— Вы прекрасны в любом возрасте, Клара, — ответил Арен, и женщина, фыркнув, приняла его ладонь. Оркестр вновь грянул музыку, и следом за этой парой появились и ещё танцующие.

А Эн между тем тяжело опускалась на пуфик возле столов с закусками.

— Как ты? — спросил Берт тревожно, садясь рядом.

— Нормально, — пробормотала она, проводя взглядом танцующих императора и Галиос. — Надо же, она такая... А как танцует... Никогда бы не подумала...

— Ты тоже неплохо держалась. Особенно с учётом пламени.

Эн поморщилась.

— Надеюсь, это не повторится.

— Сегодня точно нет, — заверил её Берт. — Арен не имеет права танцевать ни с кем больше одного раза, кроме императрицы.

— Слава Защитнице. А... можно есть?..

Эн оглянулась — многие гости уже начали сметать закуски со стола. В том числе и новый знакомый Берта Макс Мортимер — он вообще нагородил у себя на тарелке такую башню из еды, словно не ел по меньшей мере неделю.

— Можно, конечно. Что ты хочешь?

— Что угодно, лишь бы это было съедобно, — сказала Эн и потянулась за ближайшей корзиночкой из теста, заполненной каким-то салатом. — Кстати, насчёт императрицы... Как вы думаете, она действительно плохо себя чувствует, или это... ну, не знаю...

— Если честно, — ответил Берт, понизив голос, — я думаю, Виктория попросту рассердилась на Арена за приглашение безродных. Она против закона о титулах.

— А её мнение не учитывается? — поинтересовалась Эн, воодушевлённо запуская вилку в салат. — Она не имеет права голоса? Она же императрица.

— Виктория — жена Арена, но она не архимагистр и даже не архимаг. Её мнение... — Арманиус улыбнулся, поглядев на императрицу, которая по-прежнему сидела в кресле с надменным лицом. — Если Арена будет учитывать её мнение, боюсь, с места мы никогда не сдвинемся. Вот и сегодня это наверняка демарш. Выразить своё недовольство открыто она не может, но хоть так покажет, что мужа не поддерживает.

Эн доела салат и задумчиво посмотрела на стол. Увидев маленькие бутерброды с икрой, оживилась — и взяла сразу три.

— А...

Что она хотела спросить, Берт так и не узнал — слева от него раздался весёлый голос Велмара:

— А вот и вы! Эн, как у вас ощущения от танца в пламени?

Агрирус широко улыбался, сжимая бокал с шампанским, и выглядел очень счастливым и довольным. Он был в тёмно-голубом костюме, и этот цвет выгодно подчёркивал ярко-голубые глаза теперь уже ректора.

— Незабываемые, — ответила Эн со скептицизмом в голосе. — Добрый вечер, архимаг. Поздравляю вас со... вступлением в должность.

— Ну, я еще пока не вступил, — сказал Велмар, поглядев на Берта с сожалением. — После Дня Альганны и каникул будет еще церемония представления для студентов и преподавателей, тогда уж...

— Это формальность, — возразил Арманиус и тоже решил взять себе салат. — С момента, когда тебя выбрал университет, ты — ректор по сути, и ничто уже не может этого изменить.

— Да, но...

— Позвольте вас пригласить? — громко спросил кто-то позади Берта, и Арманиус, обернувшись — как и Эн с Велмаром, — обнаружил его высочество Алвара, который прогягивал руку в сторону Эн.

Несколько секунд она смотрела на эту руку, явно борясь с желанием сказать «Не позволю» — но в итоге, вздохнув, пробормотала:

— Да, конечно.

И протянула ладонь, одновременно с этим вставая с пуфика.

Поесть мне так толком и не дали — явился очередной принц на мою голову, и я не рискнула ему отказывать. Я вообще больше никогда не рискну связываться с Альго...

У его высочества Алвара оказался очень неприятный колючий взгляд, которым он рассматривал меня без всякого стеснения, а ещё — резкая и почти агрессивная манера общаться.

— И чем ты так покорила Арена, что он даже позволил тебе танцевать в его пламени? — протянул Алвар с недоумением, как только мы начали кружиться среди других пар. — Обычная безродная. Симпатичная, но таких симпатичных много. И кто ты вообще, раз он тебя сюда пригласил?

Мне в тот момент безумно захотелось наступить этому гаду на ногу. Специально. Но — никогда в жизни я не буду больше связываться с Альго. Во всех смыслах этого слова.

— Вы же сами сказали, ваше высочество, — произнесла я ровно. — Я — обычная безродная.

— Арена тебя сюда пригласил, — возразил принц. — Значит, ты не совсем обычная. Резерв крошечный... Чем ты занимаешься?

— Наукой.

— Какой именно наукой?

И чего он ко мне пристал? Какая ему разница?

— Магической медициной, ваше высочество.

Он несколько секунд рассматривал моё лицо, хмурясь.

— Магической? Шутишь, детка? Ты несовместима с магией, как звёзды с мешком.

Забавное сравнение. Интересно, это у меня мешок настолько большой, или мои звёзды столь покладисты?

— Я не стала бы шутить с вами, ваше высочество.

Он фыркнул.

— Всё ясно. Обыкновенная выскочка, с которой спит император. Хотел насолить Виктории, вот и пригласил тебя сюда. Если уж ей можно якшаться с охранниками, то ему почему нельзя тискать безродную?

Я непроизвольно вздрогнула. Якшаться с охранниками? Это что же, получается...

Я силой воли погасила любопытство. Эн, это не твоё дело. Пошли они к демонам, эти Альго, их жёны, любовницы и любовники.

— Вы абсолютно правы, ваше высочество.

Музыка кончилась, и Алвар сразу отошёл — слава Защитнице, не поцеловав мне руку. Правда, вздохнуть с облегчением я не успела — ко мне тут же подскочил другой мужчина.

— Разрешите пригласить?

Я взглянула на того, кто стоял передо мной, и с трудом удержала лицо.

Аарон.

Защитница, ну за что?.. Алвар хотя бы не так сильно похож на Арена, как этот! Этот вообще почти копия, только лицо более смазливое и глаза обычные, карие, а не жуткие чёрные ямы.

— С удовольствием, — выдохнула я абсолютнейшее враньё и приняла протянутую руку.

Аарон разглядывал меня, весело улыбаясь, и меня захлестнуло паникой. И вот... чего смешного-то?..

— Забавно, — он засмеялся. — Почему вы так боитесь? И Арена боялись, и меня. Хотя Арена понятно — пламя же. Но я вроде обычный человек. Не пойму, в чём дело.

Я открыла рот, чтобы спросить, откуда он знает, когда вдруг вспомнила...

Защитница, и как я вообще могла об этом забыть? Альго же эмпаты. Кто-то слабее, кто-то сильнее. Арена, понятное дело, самый сильный — ходят слухи, что он и внушать умеет, но вряд ли они обоснованны, — но и Аарон тоже неплохой эмпат, и Алвар. Арчибальд похуже, он ведь не первый наследник...

Получается, император всё это время ощущал мои чувства. Неприязнь, страх, тошноту и иногда даже ненависть.

Зачем же он?.. Это какое-то извращение — спать с девушкой, которую от тебя тошнит!

Хотя он и не спал...

— Понимаете... — Я лихорадочно пыталась подобрать оправдание. — Я вообще страшная трусиха, а тут император, принцы... Просто... боязно...

— А-а-а, — Аарон, к моему облегчению, понимающе кивнул. — Стрессовая ситуация,

тогда понятно. Но вы зря боитесь. Арен, конечно, после коронации жутковато выглядит, как и любой коронованный император — наш отец тоже был таким, — но поверьте, он добрый и вообще девочек не обижает.

Ну конечно, не обижает! Значит, я мальчик.

— А я — еще добрее, — принц улыбнулся шире. — Вас как зовут?

Танец, заканчивайся скорее.

— Эн.

— Прелестное имя. И что же вы, Эн, будете делать сегодня вечером?

Пару мгновений я таращилась на Аарона, а потом сообразила, что он так шутит. Он улыбался и, видимо, пытался меня расслабить.

Интересно, а эмпатам неприятны чужие эмоции? Никогда об этом не задумывалась.

— Думаю, что встречать новый год.

— Представляете, я тоже, — он чуть прищурился, и я поймала себя на мысли, что Аарон, в отличие от Арена, безумно очарователен и совсем не пугающ. — Давайте встретим его вместе?

— У меня есть спутник, — сказала я и не смогла не улыбнуться, когда принц забавно и нарочито надулся. — И я от него ни на шаг, если не считать танцев.

— Что ж...

Мелодия почти завершилась. Наконец-то!

— ... тогда я проявлю благородство и оставлю вас развлекаться без меня, — сказал Аарон и поцеловал мне руку.

Отлично. Кажется, на сегодня принцы закончились!

Когда Эн вернулась к столу и села на пуфик, на её лице читалось такое облегчение, что Берт не рискнул пригласить девушку на танец. Пусть отдохнёт.

Велмар ушёл, и на его место опустился Макс Мортимер, которого, кажется, не интересовало вообще ничего, кроме еды.

— А вас-то как сюда заманили? — поинтересовался Берт, когда Эн села — хотел отвлечь её. — Вы не кажетесь мне человеком, который в восторге от таких приёмов.

— Я на таких приёмах и не был никогда, — фыркнул хирург, аккуратно — по-профессиональному — отрезая от курицы ровный кусочек. — Валлиус попросил, взамен обещал мне внеплановый отпуск и еще одну ставку врача в отделение, не справляемся. Сказал, его величеству нужны ответственные и исполнительные подопытные кролики. Кларе, насколько я понял из разговора с ней, Арен подписал финансирование какого-то проекта. А про остальных не знаю.

— Император просто какой-то шантажист, — пробормотала Эн беззлобно. — Ты мне то, я тебе это...

— Посмотри на ситуацию с другой стороны, Эн, — заметил Берт. — Арен мог просто приказать, и ничего не давать взамен. В конце концов, посещение приёма — сомнительный подвиг. А он не стал приказывать, да ещё и вознаградил.

Эн явно о чём-то думала — взгляд её блуждал по залу.

— А... Бертран, а вы не знаете, эмпатам неприятны чужие эмоции?

— Интересный вопрос. Смотря какие, Эн. Но, насколько я знаю, эти эмоции у них отделены от собственных, они не смешиваются, и их можно экранировать. Так что... не волнуйся, Арен не страдал от ужаса, танцуя с тобой.

Она смущённо покосилась на улыбающегося Арманиуса и тоже улыбнулась.

— Да... я боялась, а потом его высочество Аарон сказал, что я боюсь, и я вдруг вспомнила про то, что Альго менталисты...

— Менталисты. Но все они — взрослые люди, которые живут с этим родовым даром чуть ли не с рождения, как я со своим. Ты зря беспокоишься. И... может, потанцуем?

Эн посмотрела на Берта с таким испугом, что он не выдержал и расхохотался.

— Ладно-ладно. Лучше поешь. Здесь всё вкусно. Скоро, кстати, начнут и сладкое выносить.

— Нет, — она, к его удивлению, вдруг вскочила с пуфа. — Надо потанцевать с вами. В конце концов, вы...

— ...не менталист, это верно.

— Да нет же! То есть, да, но ещё... — Эн неожиданно запнулась, покраснела, помотала головой, словно сбрасывая оцепенение, и закончила фразу коротким и резким: — Пойдёмте!

— Хорошо. Идём.

Я была рада, что решила потанцевать с Арманиусом. Пара танцев — и всю тревогу, вызванную императором и его родственниками, смыло, как и не было ничего.

Несколько раз я замечала императора — он то танцевал, то разговаривал с кем-то из гостей. На меня он совершенно не смотрел. И я, поначалу очень переживающая из-за того, что он всё-таки захочет продолжить начатое, совсем расслабилась.

Теперь, вспомнив, что его величество эмпат, я поняла, почему он всё прекратил и отправил меня в общежитие. Наверное, мои эмоции были ему слишком неприятны.

Так ему и надо!

Подумав это, я кинула на императора злой взгляд из-за плеча Арманиуса во время танца — его величество поморщился и потёр висок. Неужели почувствовал?..

Я погасила эмоции, понимая, что не стоит так делать. Ещё разозлится... Я ведь уже решила не связываться с Альго.

Поэтому я выбросила императора из головы и стала наслаждаться вечером. В конце концов, я ведь так мечтала когда-то потанцевать с ректором! Хотя еще больше я мечтала, конечно, о том, чтобы он меня заметил.

И ведь... сбылось...

Я вспыхнула и спрятала лицо на груди Арманиуса. Ох, Эн, глупышка... Да, он тебя заметил, он впечатлился твоими заслугами в учёбе и науке — но кто сказал, что он влюбился? Глупо мечтать об этом. Глупо думать об этом. Глупо надеяться.

Так просто не бывает, не может быть.

— Сейчас начнут запускать фейерверки, — сказал Арманиус мне в макушку. — Пойдём смотреть?

— Конечно! — я оживилась. Возле дворца всегда замечательные фейерверки, в день перемены года мне их видно из окон общежития, но очень слабо — всё-таки далековато. А сегодня я смогу их рассмотреть!

Музыка закончилась, и действительно — один из слуг объявил, что через пару минут начнётся фейерверк, приглашая всех на балкон.

Распахнулись двери, которых я до этого момента даже не замечала — они располагались в другом конце зала, — и гости медленно переместились на балкон. Не все — некоторые оставались у столов.

Его величество под руку с императрицей прошли одними из первых, мы с Арманиусом шли гораздо позже, но всё равно почему-то на самом балконе оказались рядом. Балкон был широкий и вместительный — не балкон, а целая терраса, — и места здесь было много. Перила, увитые цветущим плющом, а за ними — город, сияющий тысячами огней. Такой праздничный, затихший в ожидании нового года...

БОМ! — забили вдруг часы на городской площади, и в толпе аристократов, к моему удивлению, кто-то радостно взвизгнул.

БОМ! — ещё раз.

— С наступившим новым годом! — сказал император, вытянул руку... и с его ладони в воздух взлетел огненный орёл. Сначала совсем крохотный, затем он всё увеличивался, увеличивался и увеличивался, пока не стал огромным...

А часы продолжали бить.

БОМ!

БОМ!

— С новым годом, Энни, — прошептал Арманиус мне на ухо, и я, улыбнувшись, повернулась к нему лицом. Хотела ответить... и не смогла.

Он был так близко и... глаза так сверкали...

БОМ!

Я вздрогнула и очнулась.

— И вас. А...

Я хотела спросить «где же фейерверк», но тут раздались охи и вздохи среди толпы, и я подняла глаза к небу.

Там расцветали цветы, среди которых продолжал парить огненный орёл императора. Красные, зелёные, синие, золотые, серебряные... всякие. Они постепенно распускались в небе, превращая его в волшебную лужайку, и от восторга у меня захватило дух.

Цветы сменились летящими огненными искрами, затем — разными животными от тигров до смешных маленьких котят, а в конце все они слились и стали огромным драконом, который, покружив в небе минуту, вспыхнул и взорвался, осветив небо ярким светом, и на балкон вдруг начало что-то падать...

Это что-то даже ударило меня по макушке. Совсем немного и не больно, но всё-таки...

— Что это? — спросила я, глядя под ноги. Там лежали какие-то бумажки, скрученные свитками.

— Это предсказания, — ответил Арманиус, улыбаясь. — Шуточные, конечно. Возьми одно, прочитай. Все берут.

Я кивнула и, наклонившись, схватила первый попавшийся свиток. Развернула...

«Не пытайтесь прыгнуть выше головы».

М-да, вряд ли это получится. Я всю жизнь прыгаю выше головы — точнее, выше собственного магического резерва, — и пока успешно.

— Что там у тебя? — спросил Арманиус, заглядывая в бумажку. — Да, забавно. А у меня вообще размытое. «Конец — это начало».

— Не слишком-то забавно, — протянула я. — Особенно ваше, про конец.

— Не воспринимай всерьёз, это ерунда. Обыкновенная шутка. Пусть лучше нам Ив Иша погадает, толку будет больше...

— Погадает?..

— Да. Шаманы ведь гадают.

— Честно говоря, я не в курсе, чем они занимаются, — призналась я. — Не верю я в них.

— Этой, я думаю, можно верить.

— Хм... — Я удивлённо посмотрела на Арманиуса. — Почему вы так думаете?

— Потому что её рекомендовал Валлиус. А Валлиус дураков рекомендовать не будет.

Я засмеялась.

— Что правда, то правда.

Как ни странно, вечер и часть ночи получились чудесными. После фейерверков мы вновь танцевали — и ели тоже, только теперь сладкое, — и я совсем развеселилась, когда поняла, что все Альго покинули приём. Без них мне легче дышалось.

Ближе к утру гости начали расходиться, да и я уже зевала, так что Арманиус предложил ехать домой. Причём — к нему.

— Нет, — возразила я, покачав головой. — У меня завтра дело с утра пораньше, и я должна быть в общезитии.

Мне показалось, Арманиус расстроился.

Да ну, Эн, не может быть. Перестань надеяться на всякую чушь!

— Тогда забежишь ко мне в течение дня?

Я согласилась, и мы покинули императорский дворец.

Не знаю, что в этот момент чувствовал Арманиус, а я ощущала себя так, словно избежала смерти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ночью я проснулась словно от резкого удара по голове.

Лежала пару секунд с колотящимся сердцем, не понимая, в чём дело... и вдруг осознала.

«Пусть лучше нам Ив Иша погадает».

Защитница... но я ведь ни разу не называла Арманиусу имя шаманки! По правде говоря, я и сама успела его забыть. Откуда же он?..

Я сразу вспомнила еще одну странность. В тот день, когда я пришла к ректору впервые, он обратился ко мне по имени. Я тогда подумала, что это Валлиус сказал, а теперь засомневалась... Мог, конечно...

Демоны, и ведь не проверить... Не связываться же сейчас с наставником по браслету, он наверняка спит!

Но даже если представить, что Валлиус ничего не говорил, и что я не называла Арманиусу имя шаманки — что это мне даёт? Какой вывод из этого можно сделать?

Значит, Арманиус знал всё это заранее. Откуда? Откуда?!

С утра я собиралась забежать сначала к Рону с подарком, а потом быстренько заскочить к Валлиусу. Он как раз приглашал меня на обед в первый день нового года.

Сонный друг встретил меня на пороге собственного дома укоризненным:

— Что ж тебе не спится в первый день года, Энни...

— Уже полдень, — возмутилась я и протянула пакетик с подарком. — Поздравляю!

Рон с интересом заглянул внутрь и расплылся в улыбке — пакет был полон разнообразных сладостей.

— Спасибо! Сейчас я за твоим подарком схожу... или, может, зайдёшь? Правда, мама с Кэти ещё спят.

Я покачала головой.

— Нет, побегу к Валлиусу, он меня ждёт к часу.

Рон кивнул, и через минуту я стала обладательницей красивой записной книжки, которую друг сам зачаровал, чтобы не давалась никому, кроме меня, в руки, упаковки мятных пряников и большой шоколадки с орехами. Поблагодарила и, передав привет маме и сестре Рона, поспешила в гости к наставнику.

Там уже не спали и встретили меня с распростёртыми объятиями. Родственниками и знакомыми Валлиуса был заполнен весь дом — жена, трое детей со своими женами-мужьями, четверо внуков, брат наставника с семьёй, несколько друзей Брайона и его жены — в общем, праздник и домашняя атмосфера здесь ощущались настолько ярко, что я долго не хотела уходить. Сначала помогала Алин — жене Валлиуса — и двоим его дочерям накрывать на стол, потом был обед, полный весёлых историй и смеха, раздача подарков, и только ближе к вечеру я смогла отловить Брайона в коридоре и утянуть в библиотеку для частного разговора.

— Ты меня пугаешь, Энни, — смеялся наставник, усаживаясь в одно из мягких кожаных кресел. Я опустилась напротив в такое же. — Первый день года, и уже какие-то тайны.

— Не знаю, тайна это или нет, может, просто дурь... Брайон, скажите, когда вы говорили Арманиусу про меня, называли моё имя?

— Не понял, — Валлиус нахмурился. Ну да, по-дурацки объяснила...

— Когда вы обещали ему, что придёт медсестра, называли меня по имени? Говорили, что придёт Эн Рин или...

Наставник продолжал хмуриться, припоминая.

— Я не уверен, Энни. Мне кажется, что нет, но я не могу утверждать это на все сто процентов.

Я вздохнула. Ну да, с чего ему было запоминать такое, это ведь какие-то глупости...

— А Арманиус потом расспрашивал про меня у вас что-нибудь? Кто я, где училась?

Валлиус улыбнулся.

— Странное расследование у тебя, Эн. Нет, он ничего не спрашивал конкретно у меня, думал, что я не признаюсь, но расспросил кого-то ещё. Кого, я не знаю. Может, Агрируса, может, ещё кого из преподавателей — народу-то достаточно.

Да, действительно — народу достаточно. Но вот имя шаманки этот народ знать никак не мог. А я не могла сказать его Арманиусу сама — просто потому что уже успела забыть.

Ну и что? Что значит вся эта демонова ерунда?

Я не понимала. Но почему-то мне казалось, что ответ мне точно не понравится.

После обеда и всех мероприятий в доме наставника я решила быстренько перенестись в общежитие — оставить там подарки, — а потом уже заглянуть к Арманиусу, как обещала. Заодно по пути куплю и ему что-нибудь вкусное, а то ведь я не готовилась...

Но в общежитии, как только я забросила все пакеты в шкаф, в дверь вдруг постучали. Я подумала, что это кто-то из соседок решил поздравить и поделиться вкусеньким — распахнула дверь... и тут же попала в объятия Арчибальда.

От неожиданности я задохнулась. Он налетел на меня, словно ураган, обнял, прижал к себе, зарылся руками в волосы, растрепав косу, и жарко, тяжело задышал мне в ухо, касаясь губами виска:

— Как же я соскучился... Энни...

Во мне бурлили эмоции, и я никак не могла понять, которая из них сильнее. Радость от того, что Арчибальд жив и цел? Страх, что он зайдёт слишком далеко? Смятение — потому что я уже решила не связываться с Альго и собиралась сказать ему об этом? Защитница, но не сейчас же...

— Я... всё хорошо, с тобой всё в порядке?..

— Да, — выдохнул принц, целуя меня в щёку. — Ситуация на севере стабилизировалась, потери минимальны, погибших вообще нет...

— Замечательно, — сказала я, чувствуя себя предателем из-за собственных мыслей. Арчибальд так рад, так торопился ко мне, а я думаю только о том, как буду говорить ему, что не могу больше принимать его ухаживания. Нельзя же так огорчать в первый день года! — Ты... получается, ты сразу ко мне?..

— Нет, — Арчибальд улыбнулся, заглядывая мне в глаза. — Конечно, нет. Я сначала принял душ, иначе ты бы тут задохнулась от моего прекрасного аромата. Гарь и пот — это не розы.

Розы. Я вздрогнула, вспомнив дары императора. Сначала белые, как символ чистоты, а потом тёмно-бордовый цветок, как знак страсти. Его-то я выкинула, но белые розы до сих пор стояли на столе.

— Эн? Чего ты испугалась? — нахмурился принц и, подняв руку, погладил меня по щеке. — Я чувствую сильный страх.

Кажется, я скоро научусь виртуозно врать.

— Ты сказал про гарь и пот, и я представила...

— А-а-а... — Арчибальд расслабился и вновь улыбнулся. — А я подумал, что-то случилось.

Не переживай, всё хорошо. Все живы, хотя и почти чудом, ситуация была сложная. Энни... проведёшь со мной сегодняшний вечер?

Как я могла ему отказать? Он только что вернулся с севера, где несколько суток дрался с демонами, почти не спал... И первый день года... Разве я могу?..

Я не могла.

— Да, конечно, Арчибальд. Но... мне надо сначала кое-куда перенестись, я обещала.

— Хорошо. Тогда я найду за тобой через полтора часа?

— Да.

— А я пока всё подготовлю, — улыбнулся его высочество и, прикоснувшись к моим губам в кратком поцелуе, вышел из комнаты.

Я медленно опустилась на пол и дотронулась до нижней губы. Радость от того, что Арчибальд вернулся, сменялась стыдом и смутением. Защитница, что же делать?.. Я ведь не могу сказать, что не хочу с ним встречаться из-за того, что в будущем это понесёт за собой встречи и с императором, а этого человека я не желаю видеть даже на книжных портретах. Арчибальд абсолютно не виноват в случившемся! И отказывая ему из-за императора, я поступлю бесчестно, несправедливо. Он не заслуживает подобного отношения.

Но меньше всего на свете я хочу становиться родственницей его величества. Что же делать?..

Я тёрла виски ладонями, стараясь успокоиться. Эн, сейчас просто не думай ни о чём. Решишь позже, когда пройдёт время. Сегодня ты в любом случае не сможешь огорчить Арчибальда. Просто будь с ним... а там посмотришь.

Вполне вероятно, император и сам вскоре запретит принцу за мной ухаживать. Разве он может позволить своему родственнику жениться на девушке, с которой он чуть...

Затошнило, и я глубоко задышала, вновь пытаюсь не думать.

Хватит, Эн. Иди уже к Арманиусу. Он давно ждёт.

Решив так, я встала и, переплетя растрёпанную Арчибальдом косу, оделась и выбежала из комнаты.

В прошлой реальности день перемены года прошёл хорошо, но в этой всё было гораздо лучше — просто потому что воспоминания Эн были при ней. И Берт был доволен.

А еще он был доволен, потому что выспался. Спал чуть ли не до обеда, а затем сходил на праздничный базар, купил там ёлку и игрушки — и стал ждать Эн, собираясь пригласить её нарядить ёлку и вместе провести вечер.

Эн появилась около шести часов. Забежала в библиотеку — Берт в это время изучал учебник по магии для школьников, пытаюсь сообразить, как теперь правильно пользоваться своим даром, — широко улыбнулась и протянула ему пакет.

— С наступившим! Надеюсь, вы любите пончики? Все пряники дарят, я решила, что у вас их и так будет слишком много.

— По правде говоря, у меня их вообще нет, — засмеялся Берт, вставая с дивана и принимая подарок. — Все по браслету связи поздравили. Кто-то звал в гости, но я отказался.

— Почему? — спросила Эн удивлённо. — Я вот у Валлиуса была...

— Он тоже звал. Но...

Защитник, как же объяснить?.. Объяснить так, чтобы она не начала сейчас тут сразу безумно его жалеть. Берту не хотелось, чтобы Эн его жалела, но с подобной историей это неизбежно.

— Я не люблю праздник перемены года. Он же семейный. А семьи у меня нет. И мама умерла через три дня после него.

Да, судя по глазам — точно начала жалеть. Поэтому Берт поспешил сказать:

— Заглянешь в свою комнату? Твой подарок там.

— В комнате? — Эн удивлённо улыбнулась. Глаза её вновь заблестели, и жалость из них ушла, сменившись интересом. — Что же там такое? Вряд ли пряники.

— Вряд ли, — хмыкнул Берт. — Пойдём, посмотришь.

Через минуту Арманиус с удовольствием наблюдал абсолютнейший шок на лице Эн, когда она увидела тигриллу, скачущего по её кровати. Открыв рот и распахнув глаза, девушка наблюдала за котёнком, который, заметив вошедших, из полосатого превратился в рыжего.

— Арх... Бертран... Это же...

— Ну да, это тигрилла. Я назвал его Эклером. Надеюсь, ты не против.

Эн перевела взгляд с котёнка на Арманиуса — и он увидел, что глаза её полны слёз.

Надо же, как сильно отличалась её реакция в той и этой реальности. Тогда она радовалась, как ребёнок, чуть ли не прыгая, теперь же была растрогана и смущена.

— Спасибо... Мне так нравятся тигриллы! Но... это ведь очень дорого!

— Ерунда, Эн, не думай об этом, — сказал Берт мягко и, пользуясь её смятением, подошёл чуть ближе. Только бы не переборщить... — Останешься сегодня со мной? Я хотел нарядить ёлку и... — Он запнулся, заметив вдруг, что Эн помрачнела.

— Я не могу, — сказала она негромко и так покраснела, будто собиралась заниматься чем-то неприличным. — Меня... пригласили.

Демоны, а возможно, действительно неприличным. Арчибальд... неужели вернулся?

— Принц? — спросил Арманиус, сам ощущая, насколько холодно звучит его голос.

Эн кивнула.

— Да. Я обещала. Вы... — Она виновато покосилась на тигриллу, который, к удивлению Берта, из рыжего вдруг стал угольно-чёрным. В прошлой реальности Эклер ни разу не чернел, по крайней мере при нём. — Простите...

— Ничего страшного, — проговорил Арманиус, с трудом удерживая себя от желания сейчас сделать что-нибудь безумное — такое, что всё разрушит. — Ты только забери котёнка, он теперь твой. И иди.

Она вновь посмотрела на Берта, вздохнула и почти прошептала:

— Пожалуйста, не обижайтесь. Я бы согласилась, но принц... он...

— Я понимаю. — Арманиус не выдержал и всё-таки съязвил: — Ты любишь Арчибальда, я понимаю. А я тут третий лишний.

Эн молчала, глядя на него непонимающими глазами, а Берт отчаянно пытался контролировать эмоции, которые рвались наружу, словно обезумевшие звери из клетки.

Получалось плохо.

— Что ты так смотришь на меня? Да, я пытаюсь за тобой ухаживать. И терплю поражение. Потому что, — Арманиус развёл руками, — принц! У меня что-то получается только в отсутствие Арчибальда. Или если меня неожиданно пытаются убить. Или если у меня сломан контур. А сам по себе, вот такой, какой есть, я тебе не нужен, да, Эн? Ты любишь Арчибальда. — Сердце заболело, а кровь уже кипела от ревности, и Берт решил поскорее уйти, пока не наговорил еще чего-нибудь похуже. — Ладно. С наступившим

тебя, Эн. Иди к своему принцу. Но Лера заведи, иначе он расстроится. Ты — его хозяйка.

И, поглядев в последний раз на совершенно чёрного котёнка, Арманиус вышел из комнаты, ощущая себя гораздо хуже, чем в тот день, когда его чуть не убило пламя демонов Геенны.

Защитница, что это было?..

Я ослышалась?..

Он пошутил?..

Я сплю?..

Как это... это ведь невозможно!!!

Совершенно, абсолютно невозможно!

Арманиус не может...

Я рухнула на пол, словно срубленное дерево, и, дрожа с ног до головы, изо всех сил уцепилась за обе руки. Чуть не заорала от боли.

Нет, я не сплю. И Арманиус в тот миг, когда он говорил всё это... он не шутил. С таким лицом не шутят. И со слухом у меня проблем нет.

Но это ведь невозможно!

Защитница...

А если всё-таки... Нет, ну как это?.. Когда он успел?..

А долго ли? Ты сама в него влюбилась в детстве за несколько минут. А он... Нет, ну это же невозможно!

Подошедший тигрилл — чёрного цвета, — ткнулся лбом в мои коленки. Я подставила ладонь, почесала его за ухом.

— Эклер... — прошептала я. — Лер... Разве такое может быть?

Котёнок побелел, и я вздрогнула. Это что же — «да»?

Нет, ну нет же! Нет! Быть этого не может!

И... что сейчас делать?

Я покосилась на часы на браслете связи. Что делать... переноситься в общежитие, Арчибальд уже скоро должен прийти. А к Арманиусу в библиотеку я всё равно не способна сунуться — страшно до ужаса.

Страшно не потому что я боюсь его. Я просто не понимаю, что говорить и как себя вести. Это всё... слишком невозможно.

Я подхватила Эклера на руки и пошла вниз, в прихожую — только оттуда можно было построить лифт. Котёнок мурчал, вновь поменяв цвет — теперь он стал серым. Я помнила, что тигриллы бывают эмтатами — не все, только некоторые, — и меняют цвет в соответствии с эмоциями, которые испытывают люди в их присутствии. Чёрный... это тоска, безысходность, отчаяние...

Это были не мои эмоции в тот момент. Я вообще ничего не чувствовала — так была удивлена.

Значит, это были эмоции Арманиуса...

Арчибальд, как и обещал, зашёл за мной ровно через полтора часа. К тому времени я, поняв, что не в силах справиться с эмоциями самостоятельно, наглоталась успокоительной настойки. Настойка была первоклассная — сама варила! — и всё, что я

оказалась способна чувствовать на тот момент, когда принц шагнул ко мне в комнату, было равнодушие.

Арчибальд с удивлением посмотрел на меня, но ничего не сказал. Эклера он вообще не заметил — котёнок спал, а во сне тигриллы становятся практически невидимыми — только нос торчит в пространстве. И хорошо, а то бы ещё стал расспрашивать, откуда у меня Лер, пришлось бы говорить про Арманиуса — и ревновать теперь начал бы уже принц.

Ревновать... Значит, Эн, ты думаешь, что он ревновал? Глупость...

— Пойдём, — сказал Арчибальд, взяв меня за руку. — Внизу нас ждёт магмобиль. Хочу сделать тебе подарок.

— Надеюсь, магмобиль не есть сам подарок?... — спросила я с беспокойством: мало ли, что придёт в голову этим аристократам!

— Нет, — засмеялся принц. — Иначе это был бы не подарок, а сущий кошмар. Мой подарок... он не совсем материальный. Скоро увидишь.

Пока мы с Арчибальдом шли к выходу из общежития, в коридорах сталкивались со множеством студентов, аспирантов и даже преподавателей — некоторые из них жили в общежитии, — и все вытаращивали глаза. Я вяло подумала, что вскоре наверняка пойдут слухи, но ничего не ощутила по этому поводу. В конце концов, про меня всё время ходили какие-нибудь слухи. Одно время даже была популярна легенда про то, что я внебрачная дочь Валлиуса. Услышав её, наставник хохотал так, что стены тряслись.

— Почему ты выпила успокоительное? — спросил Арчибальд, когда мы сели в магмобиль. Всё-таки не удержался. — Ты же выпила?

— Да. Просто кое-что случилось, я нервничала, переживала, вот и решила выпить. Наверное, переборщила. А как ты понял? Это из-за эмпатии?

— Верно. Я ощущаю от тебя волны холода. Лекарственного холода, искусственного, безэмоционального. Не могу сказать, что мне это нравится, — его высочество поморщился. — Живые эмоции намного лучше.

Впервые за последние полчаса я вдруг ощутила лёгкое любопытство.

— А как ты вообще всё это чувствуешь? Всегда можешь определить, что за эмоция или?..

— Не всегда, — Арчибальд покачал головой. — Я бы даже сказал — далеко не всегда. Я не слишком сильный эмпат, особенно по сравнению с Ареном, хотя и он не всегда может определить.

— А как тогда?

— Ярko и понятно ощущаются только сильные и чистые эмоции, Эн. Ты и сама наверняка знаешь — иногда то, что мы чувствуем, подобно уколу в сердце. Любовь, ненависть, страх... Много всего. И такие эмоции чувствуются ясно. Но если человек испытывает множество эмоций, или все они не совсем выражены — я ничего не могу понять. Это как гармоничная, стройная мелодия — и абсолютный музыкальный хаос, когда все инструменты играют разом разную музыку.

Я немного подумала и решила спросить:

— А чужие эмоции причиняют тебе боль или неудобство?

— Бывает, Энни. Но в таких случаях я экранируюсь, ставлю щит и закрываюсь. Это утомляет.

— А Альго могут ощущать эмоции друг друга?

— Нет, — Арчибальд покачал головой. — Наверное, это можно сравнить с полюсами магнита. Люди не нашей крови — противоположный полюс, притягиваются. Мы сами — отталкиваемся. Но, по правде говоря, иногда это только мешает.

— Почему? — я удивилась. — Я бы не хотела, чтобы кто-то рылся в моей голове.

— Мы не роемся. Это происходит само собой. Суть в том, что наши злейшие враги зачастую — родственники, но поскольку все Альго не ощущают друг друга, притворяются любящим родственником гораздо проще.

Теперь понятнее. Да, в таком случае, конечно, больше всего хочется понять, что чувствует близкий человек, а не разные незнакомцы.

— В общем, — продолжал Арчибальд, — в большинстве случаев я ощущаю какую-то непонятную какофонию, и только иногда она прерывается чем-то ярким и ясным. Когда я сегодня обнял тебя, чувствовал множество эмоций, а потом резкий укол страха. Ты... — Он придвинулся ближе и взял меня за руку. — ...Ты беспокоилась за меня, Энни?

— Конечно, — ответила я абсолютную правду. Как можно было не волноваться за Арчибальда, если у него самая опасная в Альганне профессия? — Ты... уже знаешь про Арманиуса?

— Что контур восстановлен, а резерв нет? Знаю. Арен дал кровь?

— Да.

— А взамен попросил, чтобы ты пришла на приём в честь дня перемены года? — принц лукаво улыбнулся.

— Это его величество тебе...

— Нет, я сам догадался. Вряд ли что-то ещё могло сподвигнуть тебя на этот сомнительный подвиг. Жаль, что с Арманиусом так ничего и не получилось.

— Да, — ответила я глухо. — Жаль.

Магмобиль подвёз нас к императорскому дворцу, и я поначалу подумала, что Арчибальд решил продолжить экскурсию в оранжерею, но ошиблась. Мы сели в просторный лифт, изнутри похожий на обитую бело-золотым бархатом шкатулку, и поднялись на нём куда-то вверх. Там прошли по длинному коридору, вышли из широких дверей... и оказались на улице. Точнее, на крыше императорского дворца. Подняв голову, я увидела в небе розовато-лиловое свечение погодного купола и поняла, почему здесь так тепло.

Но интереснее всего был не купол, а огромный белый воздушный шар с привязанной к нему корзиной, в которой уже находились двое мужчин. Один, очевидно, пилот, а второй, наверное, охранник?..

— Демоны, Эн, — услышала я позади себя ворчание Арчибальда, — я надеялся на восторги, а из-за этого зелья ты как замороженная. Чем бы его разбавить... Вино будешь?

— «Лунный свет»?

— Нет, обычное. Кажется, «Красный бархат». Садись скорее в корзину, я тебя напою и полетим.

И тут меня кольнуло.

— Полетим?..

— Ну да. А ты думала, мы просто на экскурсию пришли, как в музей? Полетим, конечно. Посмотрим на Граагу с высоты птичьего полёта.

Я сглотнула.

— Вообще я высоты побаиваюсь...

— Судя по тому, что я чувствую, сейчас ты ничего не побаиваешься, — фыркнул Арчибальд. — Садись. Всё будет в порядке. — Он подвёл слегка одеревеневшую меня к корзине и практически впахнул внутрь. Зашёл сам, закрыл дверцу, замотал что-то — наверное, чтобы не открывалась.

Я огляделась. Кроме двоих мужчин и непонятной конструкции над нашими головами здесь ещё были несколько скамеек у бортов корзины — чтобы удобнее было смотреть вниз, не иначе, — и столик, на котором стояли две бутылки вина, блюдо с фруктами и большая тарелка, полная вкуснейшего сыра.

— Садись, — повторил Арчибальд, положил ладонь мне на плечо и чуть нажал, заставляя сесть. — Сейчас налью тебе вина. Курт, Дамиан, можем потихоньку взлетать.

— Есть, ваше высочество, — хором ответили маги, и один из них что-то начал делать с устройством, висевшим посередине корзины — там вспыхнул яркий огонь.

— Держи, Энни, — мне в руку ткнулся прохладный бокал. — Пей. Может, начнёшь хоть что-то чувствовать... А не то придётся мне повторять на днях этот полёт.

Я в это время как раз делала глоток — и поперхнулась. Арчибальд засмеялся и положил мне во вторую руку несколько виноградин.

— Ешь. Из меня зельеваритель, конечно, не очень, я больше по демонам, но всё-таки помню, что виноградный сок неплохой нейтрализатор всякой дряни. Так что пьем вино и едим виноград, Энни.

— Ты всё правильно помнишь, — кивнула я, послушно делая то, что велено. — Конечно, от мощных реактивов ни то, ни другое не поможет, но у меня обычная успокоительная настойка, просто концентрация действующих веществ высокая. Скоро должно пройти.

Корзина, в которой мы находились, чуть вздрогнула — и поплыла вверх. Я глотнула еще вина, прислушиваясь к себе, потом еще и ещё... На пятый глоток я наконец ощутила, что начинаю бояться. Не то, что бы хотелось ощущать, но это ведь только начало...

Арчибальд налил и себе вина, выпил немного и взял с тарелки кусок сыра. Засунул его в рот, не слишком заботясь о манерах, чем немного меня развеселил, и сказал:

— Энни, посмотри вниз.

— Может, не надо? — спросила я жалобно. — Мне и так хорошо.

— Посмотри-посмотри, — он усмехнулся. — Оно того стоит. Да и так ты быстрее придёшь в себя. И чтобы больше ничего подобного не принимала перед встречей со мной! — Арчибальд шутливо пригрозил мне пальцем. — Давай, привстань, схватись за перила и посмотри вниз.

Я поставила на стол бокал, приподнялась и, ощущая лёгкую внутреннюю дрожь, действительно посмотрела на то, что было «за бортом».

Остатки действия успокоительной настойки смело, как жалкую пыль смерчем. Я задрожала одновременно от страха и восторга, оглядывая величественный императорский дворец — в сиянии вечерних огней он действительно смотрелся вышедшим из сказки, — заснеженный парк, Дворцовую набережную, улочки Грааги — отсюда дома походили на пряничные, — тёмное небо, полное звёзд, серебристую ленту уходящей вдаль реки и подсвеченное праздничными фонарями здание университета. Как же это было красиво, как необычно и восхитительно! Из-за погодного купола, который окружал наш шар, мне совсем не было холодно — стой так хоть вечность, наслаждаясь видами...

— Гораздо лучше, — сказал Арчибальд довольно, пристраиваясь рядом и легко приобнимая меня за плечи. — Нравится?

— Ты же чувствуешь, — выдохнула я, провожая взглядом крошечные фигурки людей внизу. — Или?..

— Я чувствую просто эмоции, их слишком много, сложно сосредоточиться на чём-то. Но они есть, и это хорошо.

— Да, — я улыбнулась — внизу, рядом с Дворцовой площадью, была ганцевальная площадка, и на ней сейчас отплясывал народ, и даже до нас доносилась весёлая музыка. — Это действительно замечательно, Арчибальд, спасибо тебе.

Я очень старалась не думать об Арманиусе — не хотелось портить этот вечер своей тревогой, — и о том, что в будущем всё-таки придётся объясниться с принцем.

Будущее — это не сегодня. А сегодня я немного побуду в сказке.

Мы кружили над Граагой около двух часов, любуясь на город и разговаривая о чём-то отвлечённом. Я рассказала несколько забавных историй со времён учёбы — без особенных издевательств, конечно, — а Арчибальд вспомнил самых интересных демонов Геенны. Жутковато, но он так об этом говорил и вокруг нас были такие прекрасные виды, что я совершенно не боялась.

А потом вспомнила...

— Скажи, а... — Я запнулась, не уверенная, что это можно спрашивать, но в итоге всё-таки произнесла: — А ты знаешь, почему у Арманиуса изменился резерв?

Улыбка Арчибальда немного поблекла, и в глазах появилась тревога.

— Конечно. Из-за демонов. Ты же его лечила, должна быть в курсе.

— Нет, я... не думаю, что из-за них.

Он молчал, и я решила рискнуть.

— Я про Геенну, — объяснила я. — Я подумала... Ты Альго и глава охранителей. Наверное, ты должен знать?..

— Интересно, — сказал Арчибальд негромко. — Я не уверен, что правильно понимаю тебя, Эн, но если правильно... Не знаю, с чего это всё пришло тебе в голову, но в любом случае — забудь об этом. Эту тему лучше не обсуждать. Да и... — Он прищурился, изучая меня. — Я вижу на тебе какую-то печать Арена, видимо, он уже закрыл для тебя возможность рассказать о своих догадках.

Любопытно, так ли это? Я не могла рассказать о том, что случилось между мной и императором в спальне, но вот Геенна...

Открыла рот, чтобы сказать «Я думаю, резерв изменился, потому что Арманиус был в Геенне» — и не смогла издать ни звука. Так и хлопала губами, словно рыба.

Арчибальд усмехнулся, увидев эти попытки что-то произнести.

— Забудь, Энни. Лучше...

— Ты понимаешь, что Арманиус там делал? — выпалила я, отчаявшись спросить что-то более определённое. — Я понимаю, где он был, но не понимаю, что он там делал.

Его высочество покачал головой, поглядев на меня с укоризной.

— Я же сказал — забудь. Кроме того, на мне тоже печать, обсудить с тобой что-то у меня не получится. Давай лучше вот этот сыр попробуем, я такой ещё не ел. Будешь?

Я вздохнула и, признав поражение, кивнула.

Демоны бы побрали этого императора. Я даже спросить теперь ничего толком не могу!

Арчибальд вернул меня в общежитие ближе к ночи. Действие успокоительной настойки к тому времени совершенно выветрилось, но зато подействовало вино — и я была чуть расслабленной, заторможенной. С трудом вспомнила, что завтра мне вообще-то на работу — у врачей недельных каникул не было, вместо них — сокращённые на час рабочие дни и плюс пять суток к отпуску, — и, заведя будильник на браслете связи, приняла душ и легла спать. Арчибальд сказал, что в понедельник-вторник у него дела, а вот в среду свободный вечер, и попросил меня ничего на этот день не планировать. Конечно, кроме работы. Я обещала, заранее начиная собираться с духом перед объяснением с ним. Страшно и неприятно, но необходимо.

А ещё из-за выпитого вина и прекрасного вечера мне почти не думалось об Арманиусе. Даже несмотря на тигриллу, который страшно обрадовался моему возвращению и стал

ярко-розового цвета, а потом запрыгал по кровати, истошно мурча. Забавное существо...

Неужели Арманиус действительно...

Нет, Эн, нет. Спи и думать забудь об этом. Глупые фантазии...

Но Защитница, как же хочется, чтобы эти фантазии всё-таки были правдой!

Вечер, который Берт хотел провести с Эн, закончился в одиночестве. Логично — Арчибальд вернулся, захотел поухаживать, чтоб его, но это еще полбеды.

Сорвался он зря. Не нужно было так наезжать на Эн, она ни в чём не виновата, и на её месте Берт поступил бы так же. В конце концов, принц только что с севера, отказывать ему во встрече — с чего вдруг? Тем более, что он ей действительно нравится.

А вот теперь, после этого «диалога», неизвестно, как Эн себя поведёт. Закроется, захочет перестать общаться? Или?..

В любом случае — как-то нужно это всё исправить. Вопрос только в том, как?

Утром в понедельник Берт проснулся от вибрации браслета связи. Посмотрел на экран, похлопал глазами — император.

— Да?

— Берт, — Арен, как обычно, уже был деловым и собранным. Порой Арманиусу казалось, что его величество вообще не спит, — сегодня Совет архимагистров. Я хочу, чтобы ты был. Ты и Дайд, как в прошлый раз.

— В прошлый раз Гектор меня охранял, да и я ещё не потерял звание архимагистра, — возразил Берт. — А сейчас как? Мы же не имеем права являться на совет.

— По приглашению императора — имеем. Я распоряжусь. Он за тобой зайдёт.

Арманиус не выдержал и поинтересовался:

— Зачем всё это? Не просто же ради моральной поддержки...

Арен кивнул.

— Не просто. Я хочу, чтобы было ощущение, будто мы идём по неверному пути. Ты как цель уже не нужен, но Дайд рядом с тобой создаст впечатление, будто мы заблуждаемся. Кроме того, есть еще одна причина, но о ней ты узнаешь на совете.

От дурного предчувствия у Берта даже живот заболел.

— Хорошо, я приду.

Император прервал связь, и только после этого Арманиус вспомнил, что Эн сегодня не придёт.

Нет, не потому что он наговорил ей вчера, а потому что контур восстановлен — больше ей не над чем работать. Впрочем, она хотела еще к шаманке сходить... Не передумает ли после вчерашнего?

Берт улыбнулся и покачал головой. Конечно, она не передумает. И это даёт ему надежду, что они всё-таки помирятся.

Работать, когда у большинства людей каникулы — сущее мучение. Но я всё же встала, умылась, оделась и позавтракала, ощущая странную пустоту внутри. От того, что мне не нужно идти к Арманиусу. За последние недели я как-то привыкла общаться с ним каждый день... А тут ещё и это «признание»... Что же теперь?

Но надо, всё равно надо сводить его к шаманке. Сегодня договориться, а завтра сводить. Защитница, и как я буду с ним общаться?

Я потёрла лоб — желание нырнуть в чашку и утопиться там стало совсем нестерпимым.

Вот ведь странность! Когда любишь сам — это одно, но когда любят тебя...

Я замотала головой. Эн, прекрати! Ну какая любовь! Да не может быть!

А если всё-таки?..

В госпитале я так закрутилась, что об Арманиусе почти удалось забыть. Мы с Байроном смотрели нашу подопытную — прогресс у неё был совсем слабый, но он был, и мы пока обходились без регрессов. Контур продолжал нестабильно светиться, слабость у неё была — но и само свечение становилось более ярким и продолжительным, и анализы чуть улучшились, и аппетит усилился, что всегда хорошо.

— Смотрим до среды, — вынесла я вердикт, — как и планировали. Если не будет регресса, я попробую еще кое-что из своих наработок.

Байрон кивнул, поколебался немного, а затем сказал:

— Я слышал, ты была на приёме во дворце? Который в честь дня перемены года. Это правда?

В голосе Асириуса звенело такое любопытство, что мне стало смешно.

— Правда.

— Арманиус позвал? — любопытства стало ещё больше. — И кстати, говорят, тебя видели вместе с принцем Арчибальдом... Я не понял — всё-таки Арманиус или его высочество?

Мне захотелось что-нибудь расколотить. И желательно — о голову Байрона.

— Что — Арманиус или его высочество? — спросила я холодным голосом, похожим на голос императора.

— С кем ты? — продолжал бывший однокурсник. Ну ни стыда, ни совести! — С тем или с другим? Сама понимаешь, я слышу сразу два слуха — один про то, что Арчибальд приходил к тебе в общежитие, другой — про то, что ты была на приёме с Арманиусом. Это странно и противоречиво.

— Тебе-то какая разница? — возмутилась я и по-настоящему обалдела, когда этот... нехороший человек признался:

— Хочу ставку сделать. Я продул — резерв ты ректору не восстановила. Теперь хочу поставить на то, за кого ты выйдешь замуж.

Защитница, помоги мне его не убить.

— Когда мы учились в институте, — сказала я почти нежно, — ты сватал меня Рону. А теперь что же, передумал?

— В институте я был молодой и глупый. А теперь...

— Ты поумнел, ага.

— Нет. Да. Просто понял, что если бы у вас что-то было с Роном — ты уже давно была бы Эн Янг. Значит, ничего нет.

— Как ты логичен, — съязвила я. — Великий анализатор человеческих отношений. Что касается тотализатора... — Я выдохнула и закончила с истинным удовольствием: — Каждая девушка мечтает выйти замуж за принца, правда же?

Асириус просиял. А я... я почувствовала себя отомщённой.

И за зелье правды в том числе.

Ближе к вечеру, как и обещал император, за Бертом зашёл Гектор Дайд, серьёзный и слегка недовольный.

— Неохота второй раз слушать одно и то же? — усмехнулся Арманиус, наблюдая за

построением лифта.

— Угу, — поморщился главный дознаватель. — Твои воспоминания хорошенько так впечатались в мой многострадальный мозг. С другой стороны, в одну и ту же реку дважды не войдешь, что-нибудь новенькое мы там точно услышим.

— Арен намекнул на вторую причину, по которой он пригласил меня на совет, и этот намёк мне не понравился.

— Намёки императоров вообще ничем хорошим не заканчиваются, — кивнул Дайд, заканчивая построение лифта. — Хватайся.

Через минуту они уже бодро вышагивали к залу, где проходит совет, кивая прибывшим. Некоторые удивлённо поднимали брови, понимая, что видят перед собой бывшего архимагистра и совсем не архимагистра, но ничего не говорили. Осознавали, что раз идут — значит, лично император разрешил.

И, как и в прошлый раз, к ним почти сразу подсел Абрахам Адэриус — чтобы тут же поинтересоваться:

— Какими судьбами вы к нам... оба?

— Мы не судьбами, — ответил Берт, — а по императорскому желанию.

— Интересно, — задумчиво протянул глава Совета, — зачем же это? Странные прихоти у его величества.

— Не вижу ничего странного в желании видеть среди множества постных архимагистерских лиц два нормальных лица, — проскрипел Гектор. — Кроме того, вы забываете, архимагистр, кем я работаю.

— О таком не забудешь, — буркнул Адэриус. — Но здесь вам ловить нечего.

— Это вы так думаете, — усмехнулся Дайд.

Доклад Арчибалда совершенно не отличался от версии в прошлой реальности, и точно так же, после того, как принц закончил, глава Совета захотел выступить и задал те же самые вопросы — не исчезнет ли родовая магия? Кто будет заниматься прошениями по титулам? Что делать с фамилиями?..

А потом, когда Адэриус высказался, заговорил император, и стали в его голосе было не меньше, чем в прошлый раз.

— Да, нелегко ломать устои, складывающиеся веками, но нам с вами придётся это сделать. Недовольство в обществе достигло катастрофических размеров, и еще немного — и мы получим гражданскую войну, в которой неизвестно, кто победит. По статистике нетитулованных магов в два раза больше, чем титулованных, и по силе и умениям они не уступают аристократам. А учитывая тот факт, что сейчас всё чаще и чаще во главе различных организаций становятся нетитулованные маги, справиться с недовольными будет непросто.

Все непроизвольно покосились на единственного представителя противоположного фронта, не носящего звание архимагистра и не являющегося аристократом — на Дайда. Гектор хищно улыбнулся. Он явно понимал, что сейчас происходит в головах у советников — они пытаются вычислить, на чьей стороне будет главный дознаватель Альганны в случае гражданской войны.

— Крайне необходимо сейчас начать двигаться навстречу изменениям, чтобы это сработало как ушат холодной воды в разгар драки. Беспокойство по поводу родовой магии я понимаю и разделяю, более того — всем вам прекрасно известно, что при дворце существует комиссия по вопросам родовой магии, изучающая её природу. Но пока мы ждём очередного магического открытия, рискуем оказаться на грани социальной катастрофы. И это тот случай, когда из двух зол выбирают меньшее. И если нужно пожертвовать родовой магией, но избежать гражданской войны — я ей пожертвую. И вы тоже.

Как и в прошлый раз, зал заволновался, зашептался, зашумел, и его величество повысил голос:

— Тишина! Арчибальд, закон необходимо поправить. Первый этап — разрешение на заключение браков — будет длиться пять лет. Далее всё по твоему проекту. В течение этого времени мы проследим, как поведёт себя родовая магия у рождённых детей, и примем решение о дальнейших действиях. Дорабатывай закон для третьего чтения, которое состоится через две недели.

Арчибальд кивнул под полнейшее шоковое молчание в зале. Оно было настолько звенящим, что Берту казалось — он слышит биение собственного сердца.

Но вскоре выяснилось, что это ещё не конец для сегодняшних потрясений — император продолжил говорить:

— Также я хочу обсудить недавнее лишение звания архимагистра Бертрана Арманиуса. — Берт, услышав это, едва удержался от нервного смешка. — На данный момент я не считаю это решение правомерным.

Господа маги, в том числе Арманиус, ошарашенно молчали, и только Дайд ехидно усмехался.

— В Уставе Совета сказано, что архимагистром становится маг, успешно прошедший испытания, и лишить его этого звания можно только по двум причинам. Причина первая — совершённое преступление и тюремное заключение. Причина вторая — потеря дара, что и случилось с архимагистром Арманиусом. Однако теперь его контур восстановлен, и он имеет право получить своё звание обратно.

— Ваше величество... — начал Адэриус почти возмущённо, воспользовавшись короткой паузой, во время которой Арэн делал глоток воды из бокала. — Но резерв!..

— Резерв в Уставе не прописан, — отрезал император. — Испытания традиционно считаются доступными только для магов с более чем восьмьюдесятью магоктами. Но это нигде не указано, таким образом, изменившийся резерв архимагистра Арманиуса не может считаться причиной для лишения звания. И есть ещё одно обстоятельство, из-за которого я считаю, что Бертрону необходимо вернуть звание до прохождения испытаний.

Зал замер в очередной раз.

— Единственное магическое отличие между архимагом и архимагистром прописано в Уставе. Это умение входить — и проходить — огонь. Благодаря факту, который мы с вами не станем обсуждать, Арманиус умеет и то, и другое. Соответственно, он не может считаться архимагом, следовательно, его стоит считать архимагистром.

Пара мгновений молчания — и возмущённый ропот, перебиваемый удивлённо-злым криком Адэриуса:

— Ваше величество!..

— Защитник, что происходит, — пробормотал Берт, и Гектор, наклонившись к его уху, шепнул:

— Форменное издевательство... архимагистр.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Вечером в понедельник я всё-таки связалась с шаманкой, чьи координаты дал Валлиус, и договорилась о визите на следующий день после обеда. Конечно, нужно было предупредить Арманиуса... но я малодушно отложила этот шаг на завтра.

А утром, только войдя в госпиталь, столкнулась с Ло Нор, глаза которой возбуждённо блестели.

— Эн! Ты уже слышала?! — воскликнула старшая медсестра хирургического отделения, чуть ли не прыгая от нетерпения — так ей хотелось поделиться новостью.

— О чём? — поинтересовалась я, шагая рядом с Ло.

— Арманиусу вчера на Совете архимагистров вернули звание! — выпалила подруга, и я едва не полетела носом вперёд.

— Что?..

— Да еще вчера болтать начали, кто-то из пациентов — родственник одного из советников, видимо. Говорят, император настоял. Представляешь?! С его-то резервом — и архимагистр!

Защитница, если это всё — правда, то я действительно представляю, какой кошмар творился на совете.

Удивление постепенно отступало, и на его место становилась радость за Арманиуса. Значит, он всё-таки остался архимагистром! Я не очень понимала, как это может быть, но императору виднее.

При мысли о его величестве меня укололо неприязнью, и я поспешила спросить, чтобы не перебить эйфорию от новости негативом:

— А испытания?

— Должны состояться в течение года, — сообщила Ло. — А дату выберет сам Арманиус. Что думаешь, Эн? Не понимаю, как он будет их проходить, но ты ведь училась в университете, и лифты строить умеешь, а у него резерв даже больше...

— Он справится, — сказала я твёрдо, а про себя подумала, что непременно помогу.

После обхода и посещения с Байроном нашей подопытной — регресса пока не наблюдалось, и мы выдохнули с облегчением, — я вернулась в свою лабораторию, села на стул и нервно покосилась на браслет связи.

Нужно сообщить Арманиусу, что Ив Иша ждёт нас сегодня к четырём. Нужно, необходимо.

Давай, Эн, не трусь. В конце концов, разве случилось что-то страшное?..

Да, да, да! Случилось. Случилось! Я страшно боюсь, что сейчас поверю, а это всё окажется неправдой. Я же умру.

— Не умрёшь, — сказала я себе резко и набрала на браслете номер Арманиуса. — Ты выдержишь. Правда это или ложь — ты выдержишь.

Ответил новоиспечённый архимагистр почти тут же, и проекция его смотрела на меня с тревогой и... с чем-то ещё, но с чем, я не могла понять.

Нет, вру — понять-то я могла, а вот поверить...

— Эн, как ты?

Во рту было сухо, как в пустыне, и я с трудом разлепила губы, чтобы ответить:

— Я в порядке... архимагистр. Поздравляю вас.

Арманиус слегка помрачнел.

— Да, спасибо. Но, Защитника ради, не называй меня так больше. И извини за то, что я тебе наговорил в воскресенье. Я был слишком резок и обвинял тебя в том, в чём ты не виновата.

Я почувствовала, что начинаю краснеть, поэтому быстро кивнула и ответила:

— Всё в порядке. Я... вчера договорилась с шаманкой. Она нас сегодня ждёт после четырёх. Вы сможете?

— Да, конечно. — Арманиус по-прежнему с тревогой рассматривал моё лицо. Вздохнул, открыл рот, видимо, намереваясь что-то сказать, но секундой спустя проговорил лишь: — Ладно, позже обсудим. Перенесёшься ко мне сама или мне прийти в госпиталь?

— Сама. Вас совсем недавно убить пытались, забыли?

— Забыл. — Арманиус усмехнулся. — Когда всю жизнь воюешь с демонами, подобная попытка меркнет на фоне того, что я видел.

— Особенно в... — Я хотела сказать «в Геенне», но рот сам захлопнулся. Демонов император!

— Да, особенно там, — к моему удивлению, архимагистр понял всё и так. — А Арен, я смотрю, зря времени не терял, уже и печать успел поставить. Не расстраивайся только, Эн. Поверь, это необходимо.

Конечно, необходимо. Как и запрет обсуждать произошедшее в императорской спальне. Иначе Арманиус, чего доброго, примкнёт к заговорщикам или сам попытается убить его величество...

Эн, откуда эти мысли? С чего ты взяла, что архимагистр станет рисковать собой ради тебя?!

— Что ж, я жду тебя к половине четвёртого, — продолжал Арманиус. — Надеюсь, ты успеешь пообедать.

Услышав подобное заявление, я отмерла.

— Вообще это именно я ваш лечащий врач и...

— Теперь уже нет. — Он улыбнулся и посмотрел на меня с такой теплотой, что в груди стало и сладко, и больно одновременно. — И ты не представляешь, как я этому рад...

Когда Эн в назначенный час перенеслась в дом Берта, он сразу заметил, что она очень нервничает. То ли это было из-за случившегося в воскресенье, то ли из-за шаманки, а может, и всё сразу.

Но говорить о том, что случилось, Арманиус пока не хотел. Эн явно нужно было успокоиться. А пока её глаза так бегают, а щёки настолько красные, ничего хорошего из этого разговора не выйдет.

Беспокоил Берта только принц, вернувшийся с севера. Как бы он с этим кольцом не подсуетился... Но повлиять на действия Арчибальда было невозможно, а подсовывать Эн своё кольцо раньше кольца соперника — только пугать её еще больше. И не факт, что она после подобного шага не побежит навстречу принцу, распахнув объятия — лишь бы подальше от странного Арманиуса, который столько лет её не замечал и даже когда-то назвал недостойной.

— А почему император решил помочь вам вернуть звание? — спросила Эн напряжённым голосом. Она строила пространственный лифт, и движения её были чёткими, но не менее напряжёнными, чем голос. Как бы не ошиблась на нервах... — Не по доброте ведь душевной, да?

— Не по доброте. Арену нужна поддержка в Совете, а каждый раз протаскивать меня туда на правах гостя, но без права голоса — это глупо.

— Но один голос ведь погоды не сделает.

— Погоды — нет, но и он может повлиять на общую расстановку сил. Кроме того, юридически император прав — я действительно не могу считаться архимагом из-за способности заходить в огонь, следовательно, я архимагистр, пока не доказано обратное. То есть, пока я не завалю испытания.

— А-а-а, — протянула Эн, кивнув, — значит, вот как он заставил их... А я всё думала...

— Он не заставлял, — Арманиус хмыкнул, — он, скорее, поставил перед фактом. И заодно щёлкнул по носу всех, кто радовался моей отставке.

— Вы... — Эн запнулась, словно была не уверена в вопросе, — вы считаете его своим другом?

— С Альго сложно дружить в общепринятом смысле этого слова. Они манипуляторы и склонны использовать людей в своих целях, даже если дорожат ими. У Арена эти черты развиты особенно ярко. И я не испытываю иллюзий на его счёт. Да, я считаю его своим другом, но знаю, что он пожертвует мной на благо империи, если настанет такая необходимость. А почему ты спрашиваешь, Эн?

Она отвернулась, достраивая последние линии.

— Император не очень мне нравится.

— Я заметил это еще на балу, — Берт улыбнулся. — Видимо, ты никак не можешь простить ему то, что он заставил тебя туда прийти, да?

Эн вздохнула.

— Да. Всё, я закончила... Давайте руку.

Арманиус сделал шаг вперёд, но прежде, чем ухватиться за протянутую ладонь Эн, сказал:

— Обещай мне, что не будешь расстраиваться независимо от того, что сегодня услышишь.

Она посмотрела на него с возмущением.

— Как такое можно обещать?

Берт вспомнил её собственное «Обещай, что с тобой ничего не случится» из прошлой реальности, и чуть не засмеялся.

— Можно, Эн. Постарайся не расстраиваться. Хотя бы потому что я не расстроюсь.

Несколько секунд она молчала, а затем сказала медленно:

— Иногда мне кажется, что вы знали, чем всё кончится, когда... делали шаг туда.

Берт не видел смысла врать, поэтому кивнул.

— Да, я знал.

Она закусил губу.

— За что же... такая цена? Это должно быть что-то равноценное...

— На самом деле нет. Я заплатил очень мало, Эн.

— Мало? — выдохнула она возмущённо. — Семь магоктов вместо девяноста пяти!

«И шестнадцать спасённых жизней».

— Мало, Эн. Поверь мне, это мало. — Берт взял её за руку, заглянул в глаза. Удивительно зелёные... И как он мог подумать когда-то, что они наведённые, иллюзорные? — Ну что, переносимся?

Эн тоже смотрела на него, и щеки её вновь начали алеть.

— Да, — тонкие пальцы в его руке чуть дрогнули. — Сейчас...

Во взгляде Эн уже абсолютно не было сосредоточенности — только смятение и неловкость, — и Берг, поняв, что иначе лифт разрушится быстрее, чем они перенесутся, сам вписал в формулу константу перемещения. Благо, сил на это требовалось совсем немного.

Защитница, я такая идиотка! Настолько утонула в его глазах, что даже не смогла поставить константу!

В результате, когда лифт истаял и мы оказались в Тиаре — маленьком городке на севере Альганны, где жила шаманка, — мне было настолько неловко, что я с трудом удержала себя от ныряния с головой в ближайший сугроб.

— Итак, константа перемещения мне по силам, — отшутился Арманиус, не спеша отпуская мою руку. — Может, и испытания на звание архимагистра пройду.

Как только я это услышала, оцепенение сразу ушло, словно и не было его.

— Конечно, пройдёте! Даже не сомневайтесь!

Он улыбался, и у меня неожиданно возникла мысль — а ведь архимагистр сказал это нарочно, чтобы переключить меня, вернуть мои мысли в привычное русло.

Хорошо он меня изучил...

— Для того, чтобы пройти испытания, надо научиться пользоваться магией с резервом в семь октав, а я пока не представляю, как это сделать. Ты поможешь мне, Эн?

— Разумеется, помогу, — я энергично кивнула — и замерла, когда Арманиус сказал с улыбкой:

— Теперь мы поменялись местами. Ты будешь моим преподавателем, а я, бывший ректор, учеником. Это мне наказание за гордыню в тот день, когда ты сдавала вступительный экзамен.

Защитница, что он такое говорит...

— Какая гордыня, вы...

— Это была гордыня, Эн, — отрезал Арманиус, и улыбка его померкла. — Я не захотел даже слушать тебя, не захотел давать шанса — я, обладатель одного из самых больших магических резервов Альганны... бывший обладатель... не представлял, как можно даже думать о магии с двумя магоктавами. А ты выучилась. И я горжусь тобой, Эн. Я очень рад, что ты смогла противостоять мне, получила образование, как и хотела, не сломалась. Ты — самый талантливый человек из всех, кого я знаю.

Подо мной, кажется, сейчас начнёт плавиться снег...

Я не знала, что сказать. Да и, честно говоря, мне больше всего на свете хотелось сейчас не говорить, а плакать.

— Вы... удивительно, что вы помните...

— Я всё помню. И как мы встретились, тоже помню... зеленоглазка.

От неожиданности я сделала шаг назад, вырывая руку из ладони Арманиуса.

— Вы... Но как?!

Он улыбнулся и шагнул вперёд, ко мне. А я... я уткнулась спиной в калитку дома шаманки.

За плечом архимагистра я видела Геенну — огромный огненный столб, уходящий высоко

в небо, и впервые в жизни этот огонь показался мне красивым. Да, он приносил с собой смерть, но он был красивым.

— Я удивляюсь, как вообще мог об этом забыть, Эн, — сказал Арманиус, подняв руку и коснувшись пальцами моей щеки. — Забыть твои глаза... Это же невозможно.

Его губы были так близко... И я, внезапно запаниковав, нащупала руками кольцо-звонок и ударила им в калитку.

Дом позади нас загудел, Арманиус вздрогнул, а я вздохнула — одновременно от разочарования и облегчения.

Лишила себя поцелуя...

Какого ещё поцелуя? Эн, опомнись. Да быть этого не может!

Защитница, кажется, я совсем скоро поверю в невозможное...

На этот раз Ив Иша не набирала воду из колодца, а стояла на пороге собственного дома, глядя на прибывших. Она ни капли не изменилась — точнее, она выглядела точно так же, как в тот день. Седая, с косой до пояса, в тёмно-коричневом платье из мешковины, со странным ожерельем из перьев, камней и бусин на шее и огромными серьгами в комплект к платью. Если не смотреть ей в глаза, можно было бы подумать, что шаманка безумна — но мудрый и добрый взгляд синих глаз убеждал в обратном.

— Добрый день, — сказала Эн, подходя ближе и пряча в сумку свою иглу, которую она вытащила из запястья только после того, как они вошли во двор.

— Здравствуйте, — наклонил голову Берт и замер от удивления, когда Ив Иша протянула:

— У меня странное ощущение, будто я вас обоих уже видела. Но ведь точно нет...

— Да, мы здесь впервые, — кивнула Эн и взглянула на Арманиуса. Он промолчал. Врать подобным образом он был не в силах.

— Что ж, заходите, — шаманка, казалось, вовсе не обратила внимания на то, что второй посетитель не подтвердил слова первого, развернулась, открыла дверь и шагнула в дом.

Как и в прошлый раз, Ив Иша выдала гостям розовые тапочки с помпонами, а потом махнула рукой, приглашая в гостиную.

И здесь тоже всё было по-прежнему — множество шкафов с разнообразной шаманской утварью, начиная с книг, заканчивая черепами животных, большой камин с весело пылающим внутри огнём, тёмно-зелёный ковёр с глубоким ворсом, два дивана и журнальный столик.

Шаманка села на один из диванов, кивая гостям на второй, и произнесла:

— Садитесь и рассказывайте.

Эн, опускаясь на предложенное место, открыла рот, явно намереваясь начать объяснять, но Берт её опередил.

— Уважаемая Ив Иша, мою спутницу зовут Эн Рин, меня — Бертран Арманиус, и раньше я был магом с резервом в девяносто пять магоктив. Сейчас в силу определённых обстоятельств у меня осталось лишь семь магоктив. Я хотел бы узнать, можете ли вы с этим что-то сделать?

В глазах шаманки появилось удивление. Она наклонила голову, рассматривая Берта, как диковинку, и через несколько секунд сказала:

— Ну-ка, дай руку.

Арманиус послушно протянул ладонь. Ив Иша не стала хвататься за неё — просто наклонилась, рассматривая линии на руке.

— Да, вижу, большой дар у тебя был от рождения, очень большой, великий, редкий. Как же ты так? Ведь что дано Защитником, забрать может только им, и никем больше.

— Я не могу ответить, — ответил Берт извиняющимся тоном. — На мне печать императора.

Ив Иша улыбнулась и встала с дивана.

— Печать, говоришь... Что ж, есть на свете вещи, на которые никакую печать не поставишь, как бы ни хотелось.

«Карты», — подумал Арманиус, и точно — как и в прошлый раз, шаманка достала с одной из полок шкафа толстую колоду карт, затем вернулась, села и начала их тасовать.

— Честно признаюсь, я никогда не видела ничего подобного. Изменившийся резерв... Это удивительно. И раз вы не можете рассказать, как так получилось, я спрошу у карт. Итак... поведайте мне, мои милые, как Бертран Арманиус потерял свой дар и как его можно вернуть.

На стол легла первая карта, хорошо знакомая Арманиусу с прошлого раза — карта с огнём Геенны.

Он покосился на Эн. Она смотрела на порхавшие над столом руки Ив Иши с изумлением и недоверием, но ничего не говорила. Заметив карту с Геенной, нахмурилась, перевела озабоченный взгляд на Берта — и он ободряюще улыбнулся ей.

На этот раз шаманка выложила не девять карт, а двенадцать. Оглядела получившуюся картину, отложила в сторону оставшуюся колоду и потёрла кончиками пальцев виски.

— Ничего себе... — пробормотала она, и Арманиус понял, что ему любопытно. — Даже голова разболелась...

— Что там? — У Эн, видимо, лопнуло терпение — она даже слегка подпрыгнула, задавая вопрос. — Вы... сможете помочь ему?

Ив Иша печально улыбнулась, опуская руки и сочувственно глядя на Эн.

— Нет, деточка.

На разочарованное лицо Эн было страшно смотреть.

— Но давай-ка по порядку. Я спросила, как Бертран Арманиус потерял свой дар... Что ж, я поняла, как. Это была плата за то, что ты хотел получить, и Защитник принял её у тебя, взамен дав то, что ты просил. Верно?

Берт кивнул.

— Да, уважаемая, всё верно.

— Затем я спросила, как вернуть твой дар, — продолжала Ив Иша, и голос её почему-то стал тяжёлым. — Карты говорят — никак. Это невозможно. Всё останется так, как есть сейчас, навсегда.

Эн прерывисто вздохнула, и Арманиус взял её за руку, ласково погладил пальцы.

Лучше бы они сюда вообще не приходили, ей только потрясения...

— Совсем невозможно? — спросила Эн тихо и вновь вздохнула.

— Совсем, — ответила Ив Иша печально. — Карты говорят, что это была честная сделка. Сама посуди — приобретая что-то, мы платим, и вернуть свои деньги можем только если вернём товар. То, что получил Бертран Арманиус, невозможно вернуть. И то, что он отдал — тоже. А ещё, — Ив Иша чуть улыбнулась, — карты говорят, что ты всё равно будешь пытаться поспорить с судьбой.

Берт знал это и без карт. Достаточно было посмотреть на упрямое выражение лица Эн, чтобы понять — вряд ли она сдастся даже после посещения шаманки.

— И тебе понадобится время, много времени, чтобы смириться. Но ты смиришься.

Эн что-то невнятно пробурчала. Кажется, это было «ни за что».

— Сегодня странный день, — сказала Ив Иша, вновь опуская взгляд на свой расклад. — То мне кажется, что я уже видела людей, которых никогда не встречала раньше, то карты отвечают на незаданные вопросы...

— На какие вопросы? — поинтересовался Берт. Шаманка протянула руку к одной из карт, погладила её, и Арманиус вгляделся в рисунок.

Сказать, что он удивился — это ничего не сказать. Если в прошлой реальности он был готов к карте с Геенной, то сейчас...

— Карты говорят, что это всё в данный момент неважно, потому что ваши жизни висят на волоске. Впрочем, не только ваши — жизни всех нас, моя в том числе. И зависят они от этого человека. — Ив Иша подняла со столика ту самую карту, которую рассматривал Берт. На ней был изображён император, стоящий перед тронном. — Точнее, не от него самого... а от того, умрёт он или нет.

Когда мы с Арманиусом вышли из дома шаманки, я чувствовала себя просто ужасно.

Во-первых, из-за её утверждения, что ему нельзя помочь, а во-вторых... Неприятно осознавать, что ты от кого-то зависишь, пусть даже этот кто-то — император. И, как бы сильно я ни ненавидела его величество, смерти ему я совсем не желала.

Какое-то время мы с архимагистром застыли посреди улицы, не в силах двигаться. Он, кажется, тоже был в шоке — стоял, подняв глаза на Геенну, и о чём-то думал. Интересно, что же всё-таки он получил, войдя туда, кроме ожогов?

После заявления Ив Иши о наших жизнях, висящих на волоске, Арманиус попросил её посмотреть поподробнее — что мы можем сделать, чтобы помочь императору не погибать. Насчёт меня она сразу сказала, выложив всего лишь одну карту, что ничего, а вот на архимагистра делала целый расклад, после чего заявила:

— Тебе нужно будет что-то забрать. Но я никак не могу понять, что... Здесь всё про эмоции — страх, смерть, отвага, — и про предателя. Предатель сильной крови, огненной... И что-то нужно забрать, причём сделать это можешь только ты.

«Интересно», — пробормотал в тот момент Арманиус и замолчал, задумавшись. И сейчас молчал, глядя на Геенну.

— Огненная кровь — это Альго, — вырвалось у меня, и архимагистр будто очнулся — отвернулся от Геенны, посмотрел на меня. — Тот, кто хочет убить Арена, одной с ним крови.

— Я в этом давно не сомневаюсь, Эн, — сказал Арманиус спокойно. — И скорее всего, под «сильной кровью» имеется в виду кто-то из первых наследников. Надо всё Дайду рассказать... Поужинаешь со мной?

От неожиданности вопроса я вздрогнула.

— Нет, — через пару секунд, отойдя, помотала головой. — Мне нужно вернуться в госпиталь, закончить кое-какие реактивы. Завтра важный день для моей научной работы.

— Значит, завтра и поужинаем?

Демоны, как же неловко говорить об этом.

— Простите, но завтра я тоже не могу.

Я не назвала причину, но, видимо, так покраснела, что Арманиус понял и без признаний.

— Ясно, — архимагистр усмехнулся, и я осознала, что он опять ревнует. — Значит, принц. Ну ладно... А в четверг?

— В четверг можно, — сказала я и, чтобы он подобрел, предложила: — Хотите, начну учить вас пользоваться резервом? Только не утром, а вечером, после работы.

— Хочу, — кивнул Арманиус и действительно повеселел. Я улыбнулась и начала строить пространственный лифт обратно в его дом.

Принц... может, стоило сказать, что я не собираюсь замуж за его высочество? Да и не только замуж — вообще не собираюсь с ним больше встречаться.

Наверное, стоило. Но у меня просто не повернулся язык...

Сразу после того, как Эн ушла, Берт связался с Дайдом. Рассказал ему всё, что узнал от Ив Иши, и чем больше говорил, тем сильнее мрачнел Гектор.

— Этого нам ещё не хватало, — пробормотал главный дознаватель, услышав про «умрёт он или нет». — А она не сказала, насколько велика вероятность?

— Я спрашивал, она ответила, что карты проценты не высчитывают. Вероятность есть — и этого достаточно для предупреждения.

— Демоны, — выругался Дайд. — Тогда я срочно на доклад к его величеству. А ты, если что-то еще вспомнишь, свяжись со мной.

Дознаватель отключился, и Берт какое-то время сидел, не двигаясь, и размышлял.

«Тебе нужно будет что-то забрать».

С той минуты, как Арманиус покинул дом шаманки, он всё не мог перестать рассуждать на эту тему.

Что-то забрать... Что он может забрать и у кого? Особенно — если дело касается чего-то магического. С его-то резервом и неумением пользоваться собственным даром...

Берт вздохнул и пошёл за учебником по использованию магии для школьников. Может, до завтрашнего урока с Эн ему уже удастся добиться хоть каких-то успехов?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вечером во вторник я доделала все реактивы на завтра — было у меня подозрение, что они понадобятся, — и в среду мы с Байроном сразу после основных обходов направились к нашей подопытной.

Регресса по-прежнему не было, прогресс я бы сочла незначительным. Всё же непролеченные физиологические повреждения мешали контуре восстановиться. Постепенно и физиология у больной улучшалась, но... с такими успехами она вылечится только лет за пять в лучшем случае.

— У меня есть теория, — объясняла я Байрону, перебирая свои склянки с реактивами, — что родовая магия действует не только когда ею пользуешься, но и через кровь. Нам нужен катализатор. Мы с тобой перепробовали уже кучу всего, но прогресс, как ты видишь, минимален. Пожалуй, на данный момент это последнее, что я могу предложить из своих наработок, если не поможет, нам нужно сворачиваться, иначе угробим пациентку.

Асириус возражать, к моему удивлению, не стал, спросил только:

— Чем я сейчас могу помочь?

— Попроси подготовить капельницу.

Через пару минут я зарядила свои реактивы в раствор для капельницы и, сделав подопытной пару общеукрепляющих уколов, стала ждать. Всё-таки я рисковала, замешивая в реактивы кровь больной — такого раньше никто не делал...

Асириус не отходил от меня, и он, судя по всему, тоже нервничал — слегка дёргался и вообще места себе не находил — то к столу подходил, то к окну, то показатели с «колпака» считывал.

Но именно он первым заметил изменения.

— Эн... демоны... Эн!!!

Я обернулась. Байрон стоял возле экрана и тыкал в него пальцем.

— Смотри. Стабилизируется! Защитником клянусь, гляди! Одновременная стабилизация физиологии и контура. Эн!!!

Я изучила показатели и изображение стабильно светящегося контура, который начал самовосстанавливаться, и не удержалась от улыбки.

Получилось!

— Не ори, — сказала тем не менее строго, но больше ничего произнести не успела — Байрон с безумно-счастливой улыбкой вдруг обхватил ладонями мою талию и поднял меня в воздух.

— Получилось, Эн! — повторил он мою мысль. — У тебя получилось. Ты чудо!!!

Он закружил меня по палате — Защитница, спасибо, что медсестра как раз отошла! — и мне ничего не оставалось, как терпеть, пережидая этот приступ бешеной радости, вцепившись руками в плечи Асириуса.

— Не «у тебя», — заметила я, когда Байрон наконец поставил меня обратно на пол. — А у нас. Если бы не ты, мне бы даже в голову не пришло пробовать ничего подобного.

— Да, я тоже молодец, — кивнул Асириус важно, и я вздохнула с облегчением — кажется, он вновь превращался в привычного мне сноба. — Но... что теперь?

Я еще раз изучила рисунок контура и все показатели. Подопытная была погружена в сон, поэтому совершенно не всполошилась из-за наших свистоплясок, и мы могли спокойно обсуждать дальнейшие действия.

— Судя по прогрессу, восстановление контура закончится примерно через сутки. Физиологическое... не уверена, что настолько быстро. Возможно, стоит всё-таки отправить её в хирургию. Давай завтра решим? И я думаю, что можно брать другого больного. Эту схему с использованием крови в реактивах надо попробовать применить с самого начала. Быть может, так прогресс будет ещё более выраженным...

— И мы докажем, что хирургия не первична! У нас будет лучшая магистерская работа на курсе, Эн!

Ну, магистра мне за неё всё равно не дадут — резерв не тот. Хотя... вернули же Арманиусу архимагистра, несмотря на семь октав?

Надо будет изучить этот вопрос получше. Магистр Эн Рин — звучит же, да?

Вечером меня забрал из госпиталя магмобиль с уже знакомым Грегом и отвёз к императорскому дворцу. Там меня вновь проводили к оранжерее через заснеженный и сказочный парк, только я теперь оглядывалась не с восторгом, а с опаской. Мне всё казалось, что на меня сейчас из-за ближайшего сугроба выскочит его величество и куда-нибудь утащит. Паранойя, как сказал бы Валлиус...

Улыбающийся Арчибальд, выглядевший отдохнувшим, ждал возле беседки, как в прошлый раз, но вместе с ним был ещё один человек — мужчина в бело-зелёной форме, ярко-рыжий, как пламя, высокий и белокожий.

— Знакомся, Энни, — сказал принц, кивая на своего спутника, — это архимаг Роберт Дилан, старший научный сотрудник. Он проведёт нам с тобой сегодня экскурсию по оранжерее.

— Приятно познакомиться, — вежливо кивнула я. Мужчина улыбнулся и, развернувшись к одной из дорожек, проговорил:

— Пожалуй, начнём с этой аллеи, ваше высочество. Прошу следовать за мной.

Следующие полтора часа слились для меня в полнейший восторг. Я даже забыла о том, что мне предстоит объяснение с Арчибальдом — настолько захватила экскурсия. Какие же здесь удивительные были растения. Особенно меня впечатлил огромный пруд, полный гигантских кувшинок — на каждом из листочков можно было лечь и загорать. А по соседству с ними, под водой, обитали некие оламполос рилиус — маленькие хищные растения, съедающие любое живое существо, подходящее им по размеру, стоило ему только сесть на воду.

Оранжерея оказалась столь огромна, что за эти полтора часа мы не обошли и трети её территории. Архимаг Дилан, впечатлившись моим восторгом, пообещал, что с радостью устроит мне пару экскурсий, и я уже открыла рот, намереваясь согласиться — и тут вспомнила о собственном решении.

Закрыла рот. И вновь открыла, чтобы просто поблагодарить мужчину:

— Спасибо вам.

А когда архимаг, откланявшись, ушёл, Арчибальд, взяв меня под руку, повёл внутрь беседки — возле неё закончилась наша экскурсия.

— Я попросил принести туда чай. Хотел сначала устроить чаепитие, но Роберт торопился домой, поэтому я решил сделать так. Будешь пирожки с малиновым вареньем?

Желудок жалобно завыл. Ему было безразлично, что я нервничала перед разговором с принцем — он просто хотел есть.

— Буду.

Арчибальд улыбнулся, усадил меня на подушки, которыми здесь были завалены сидения, и только начал разливать чай, как неподалёку раздался визг.

Я подпрыгнула от неожиданности, а мимо беседки уже пробежала маленькая девочка. В

синем платье, темноволосая и темноглазая, она почему-то очень напомнила мне...

... Да, его величество. Он, улыбаясь счастливой и совершенно не знакомой мне улыбкой, промчался мимо беседки секунд десять спустя, ориентируясь на радостный детский вопль:

— А вот и не поймаешь, не поймаешь, не поймае-е-е-ешь!

— Поймаю и съем! — закричал-зарычал император, и я бы подавилась, если бы у меня в тот момент что-то было во рту.

Они скрылись из виду, и через минуту вокруг вновь наступила тишина, нарушаемая только шелестом листьев.

— Энни, что с тобой? — спросил Арчибальд, протягивая мне чай. — У тебя странное лицо, ты как будто привидение увидела. А это просто были мой брат и его дочь Агата.

Агата...

Я совсем забыла, что старшую дочь императора зовут так же, как сестру Арманиуса. Так же, как его погибшую невесту.

— Они играют в догонялки раз в неделю, — продолжал говорить принц, пока я пыталась осознать собственную мысль. — Арен, конечно, безбожно поддаётся. Думаю, что через год-другой к ним присоединится Александр. Сейчас он пока слишком маленький для подобных игр. Предпочитает прятки.

Я медленно подняла голову от чашки с чаем и, поглядев на Арчибальда, который уже раскладывал по тарелкам пирожки, тихо спросила:

— Он, наверное, любил её? Раз назвал этим именем дочь.

— Конечно, любил, — кивнул принц, поставив передо мной тарелку. — Ешь, Энни. Чувствуешь, как пахнут?

Я чувствовала. И этот запах мешал мне думать.

Защитницы ради, Эн, о чём ты думаешь? О том, как это чудовище может быть настолько человечным? О том, что ты, увидев его сейчас, почему-то поняла — большую часть времени император несчастлив, и радость ему приносят только его дети. Откуда взялась эта мысль вообще и какое тебе дело до его величества?

Главное — пусть останется жив, чтобы не было войны. И никогда больше его не видеть, никогда!

Я вздохнула и, сделав глоток чая, сказала:

— Арчибальд... я хотела поговорить с тобой.

Принц сразу подобрался, выпрямился, посерьёзней, моментально напомнив мне, что он, вообще-то, охранитель.

— О чём?

В глазах Арчибальда была тревога. Я вновь вздохнула... и вдруг подумала о том, что этот разговор для меня будет посложнее, чем визит к императору в ту ночь.

Потому что Арен мне безразличен, в отличие от его брата.

— Я... не могу больше с тобой встречаться. Прости. Я приняла решение. Ты прекрасный человек, но...

— Ясно. — Арчибальд усмехнулся, но усмешка эта была горькой. — На самом деле я давно почувствовал, что ты любишь другого. Ещё в тот раз, когда вы с Арманиусом приходили вместе на совет, и потом, позже, когда его чуть не убили. Поэтому и старался форсировать события. Я тебе сегодня даже кольцо хотел подарить.

— Кольцо? — я удивилась и испугалась одновременно.

— Да. Пока без обязательств, просто кольцо. Если бы ты его приняла, то уже не отказалась бы стать моей. Я же знаю, какая ты, Энни. Но... видишь, не успел.

Мне хотелось провалиться сквозь землю от неловкости и чувства вины.

— Прости... я дала тебе ложную надежду...

Он покачал головой.

— Я сам себе её дал. Видел же, чувствовал, но продолжал надеяться и настаивать. На самом деле ты принимала мои ухаживания просто из-за большой симпатии и страха обидеть, но не из-за любви, Эн. Это и Арен понял. Спросил меня недавно, действительно ли я хочу жить с женщиной, которая любит другого.

Я вспыхнула. Император... и ведь не стыдно! Сам собирался переспать со мной. И что бы он тогда сказал Арчибальду?!

— Самое забавное, что я был готов бороться за твои чувства, — продолжал между тем принц. — Я и сейчас готов. Я бы мог сделать тебя счастливой, Энни.

— Я знаю, — сказала я тихо, ощущая себя палачом. — Я давно поняла, что ты для меня всё сделаешь. Но... я не могу. Прости, прости, пожалуйста!

Кажется, я сейчас позорно расплачусь. И Арчибальд понял это. Встал, подошёл и, опустившись на колени передо мной, осторожно прижал к себе.

— Я не сержусь, не злюсь и не обижаюсь. — Он легко погладил меня по голове. — Но, клянусь, я убью Арманиуса, если ты будешь с ним несчастна.

Ответить достойно я уже не смогла — разревелась...

В среду вечером к Берту в дом вдруг нагрянул Дайд. Просто перенесся в прихожую, сообщив о своём прибытии минут за пять, и помахал в воздухе коробкой с сигарами.

— Вчерашняя аудиенция у императора, судя по всему, была удачной, — усмехнулся Арманиус, глядя на то, как Гектор вешает одежду в шкаф. — Раз ты решил курнуть на радостях.

— Имею право, у меня сегодня выходной, — заявил главный дознаватель Альганны, но, на секунду задумавшись, добавил: — Почти.

— С твоей работой вряд ли возможны выходные, особенно сейчас, когда мы можем остаться без императора.

— Сплюнь...

Через пять минут, заказав заодно и ужин в «Омаро», Берт ощутил себя счастливым. По библиотеке полз серо-белый дым, пахнувший чем-то, похожим на мёд, и во рту тоже было сладко, а в голове, как ни странно, ясно.

— Хорошо-о-о, — протянул Дайд, выпуская изо рта целое облако дыма. — И думается легко. Не врал старик-дурманщик...

Арманиус покосился на Гектора с удивлением. Дурманщиками называли продавцов дурманной травы и прочего запрещённого к распространению товара, и странно было слышать подобное из уст главного дознавателя.

— Ты его арестовал?

— Зачем? — удивился Гектор. — Детям и подросткам он ничего не продаёт, а остальные пусть балуются, чем хотят. Я на это смотрю сквозь пальцы. Если не злоупотреблять, то и ничего страшного.

— А если злоупотребить?

— Тогда надо обращаться к врачам, а не к дознавателям, — развёл руками Дайд. — Они мозги прочищают похлеще нашего.

Берту было лень спорить, поэтому он просто кивнул и, затянувшись, поинтересовался:

— И что я должен забрать, вы с Ареном поняли?

Гектор поморщился.

— У императора есть вариант, и он мне демонски не нравится.

— Другого я и не ожидал...

— Это риск, — Дайд поколебался, но всё же добавил: — Честно говоря, до твоего рассказа о том, что увидела в картах шаманка, я был уверен — убивать Арена не собираются.

— Да? — Арманиус удивился. — А что же тогда, если не это?

— Забрать трон и убить — не одно и то же.

— Убить надежнее.

— Тогда война неминуема, — покачал головой Гектор. — А её уж точно никто не хочет. Живой Арен сделает всё, чтобы предотвратить заварушку, даже если у него не будет трона. Он не станет развязывать войну. Кроме того, я был уверен — если бы императора просто хотели убить, давно бы убили, а они выбрали другой путь. Посложнее. Именно потому что убийство монарха в данный исторический момент, когда принимается этот закон о титулах — верная дорога к гражданской войне.

— Значит, цель кажется им важнее средств.

— Значит, — кивнул Дайд. — Поэтому я буду защищать императора всеми силами. Демоны... Мы бы давно могли накрыть всю эту сеть, практически все заговорщики давно известны, если бы не одно «но»!

Берт чуть сигарой не подавился.

— Известны?

— Да, конечно. У меня, знаешь, не дураки в комитете работают, — фыркнул Гектор. — И шпионов достаточно. Беда в том, что мы не знаем заказчика. Никто не знает. Кто именно из Альго стоит во главе заговора, совершенно непонятно. И арестовывать обычных пчёл, оставляя в живых их матку — глупо.

— Что-то ты сегодня разговорился... — пробормотал Берт удивлённо, и Дайд засмеялся.

— Да уж, сигары забористые попались. Ну, спрашивай тогда, раз я сегодня вечером добрый. Что ты там ещё хотел узнать?

— Да собственно, только одно. Как вы с Ареном собирались спасти меня там, в той реальности... если собирались.

— А-а-а... ну да. — Гектор с наслаждением затянулся и продолжил, забавно жмурясь, словно сытый кот: — Ничего особенного. Мы совершенно точно знали, что убить тебя попытаются во время испытаний на звания архимагистра при помощи порталной ловушки. Отработанная схема.

— Архимагистра — и порталной ловушкой? — нахмурился Арманиус. — Не уверен, что это сработало бы. Там же обыкновенный огонь, а мы в огне не горим.

— В том-то и дело, что огонь был бы необыкновенный. Они ведь не дураки, Берт. Сделали бы ловушку, используя кровь Альго. Не Арена, конечно, а того самого товарища, который во главе у них.

— Так. И?..

— И у тебя был бы с собой нейтрализатор с кровью Арена, — проговорил Дайд почти со скукой в голосе. — Ты бы не сгорел, а части ловушки остались бы на месте, и по ним мы смогли бы определить, кто именно стоит во главе заговора. Император собирался присутствовать на испытаниях, чтобы сразу взять быка за рога — он, как правящий монарх, по запаху крови может определить её носителя.

О таком умении Арена Арманиус ещё не слышал...

— Так было бы проще, — вздохнул Гектор. — Но ты с этими играми со временем спутал нам все карты. Теперь придётся рисковать, и рисковать гораздо больше, чем мы думали. Но это будет чуть позже. А пока... где там наш ужин?..

Проснувшись утром в четверг, я почувствовала облегчение. От того, что не струсила и всё-таки объяснилась с Арчибальдом. Было немного грустно, но грусть эта была светлой, звенящей — лёгкое сожаление от того, что отношения между нами невозможны.

Ведь он мне действительно нравился. И если бы я не полюбила когда-то Арманиуса, то непременно выбрала бы Арчибальда. Но... так сложилось.

Многие вещи, оказывается, решаются нами еще в далёком прошлом...

Как только я пришла на работу, меня сразу вызвал к себе Валлиус. Я уже разговаривала с ним вчера по браслету связи, но совсем кратко, и теперь наставник хотел узнать подробности наших с Байроном успехов.

Я говорила минут пять, и когда закончила, услышала гордое и радостное:

— Молодец, Энни. Это действительно замечательное открытие, достойное не магистра, а как минимум архимага.

— Мне вряд ли дадут то или другое.

— А это мы еще посмотрим, — возразил Валлиус. — Сама знаешь, резерв нигде не прописан. Вон Берту вернули звание, а он сейчас ненамного лучше тебя по магоктам.

Сердце кольнуло болью и стыдом.

Я всё ещё не могла поверить в то, что сказала шаманка. В то, что я не смогу помочь Арманиусу. И что я смирюсь! Как я могу смириться? Это же... предательство какое-то...

— Да, кстати... — Я вспомнила, что не рассказала наставнику про визит к Ив Ише, и вкратце обрисовала ситуацию, умолчав только про то, что касалось императора. — Так что пока нет результатов...

— Понятно, — Валлиус кивнул и вдруг сказал: — Эн, я хотел тебя предупредить. Мы, главврачи, обязаны назначать преемников минимум за десять лет до своего ухода, утверждая кандидатуру у императора... и я собираюсь подать прошение на тебя.

Я пришла в ужас.

— Нет! Брайон, не надо. Я... мне, конечно, очень приятно, но... Разве у нас мало талантливых врачей? Вот Макс Мортимер, например...

— Макс загубит всю административную работу, ты что, — возразил наставник. — Его же только операции интересуют, а «эти бумажки — прах и пепел», как он говорит.

— Но...

— Эн, послушай, — перебил меня Валлиус, — я подам прошение, но на покой я пока не собираюсь. У тебя будет время, чтобы во всём разобраться, много времени. Если ты через пару лет поймёшь, что это всё не до тебя — откажешься. А сейчас... в конце концов, прибавка к зарплате к должности зама главврача — тридцать процентов. И льготы всякие. На покупку квартиры, например...

Я вздохнула и надулась, глядя в смеющиеся голубые глаза за стёклами очков.

— Вы шантажист.

— Я реалист, Энни. Ну что, согласна?

Как будто я могу отказаться... Этот человек дал мне всё, что мог, научил меня всему, и если бы я не встретила его тогда, на вступительном экзамене, то потеряла бы сокрушительное поражение.

Не только любовь к Арманиусу была моей движущей силой.

— Да, я согласна.

Чуть позже мы с Байроном навестили нашу подопытную, полюбовались на полностью восстановившийся контур и неплохие жизненные показатели, а также на то, с каким аппетитом женщина ест обычную больничную кашу, и объявили ей, что сегодня переведём её в хирургию для окончательного восстановления, а затем пару дней подержим в терапии, дабы убедиться в результате.

Это решение мы приняли вместе и даже совсем не ругались. Байрон, окрылённый успехом, теперь во всём меня слушался и совершенно не возражал, когда я сказала, что не хочу ждать, пока организм восстановится сам — это всё же слишком долго.

Я до сих пор была не уверена, что в случае восстановления контура при помощи крови и родовой магии, которые играли роль катализаторов, физиология тоже ускорит своё восстановление. Но нужно пробовать.

И после того, как мы проводили нашу подопытную в хирургию, Байрон отправился на поиски следующей жертвы. Он не говорил, но я понимала, что Асириус платит больным за неудобства в отсутствии хирургического лечения, и я не путалась у него под ногами — пусть сам договаривается.

Я бы ни за какие коврижки не согласилась так рисковать здоровьем, но... все люди разные, и кому-то действительно очень хочется денег. Да и не все до сих пор верили в то, что контур восстановим, и от отчаяния соглашались на эксперименты — пусть буду калекой, зато с деньгами.

И я с нетерпением ждала того дня, когда это прекратится. Когда я опубликую свою научную работу, мои результаты будут признаны официально, и с моих больных наконец снимут ярлык «безнадёжные».

Главное — чтобы император не погиб. В конце концов, зря я, что ли, тружусь...

А после обеда со мной по браслету связался Рон и предложил встретиться вечером в пятницу, посидеть в «Свинтусе».

— Я демонски устал за неделю, — заявил друг, сверкая мешками под глазами. — Хочу расслабиться. В субботу День Альганны, всё будет забито, а вот завтра не больше, чем обычно. И кстати, еще и скидки обещали...

Я фыркнула. Рон скидки обожал. Впрочем, мне ли не знать, как это важно — считать каждую копейку.

— Договорились, — кивнула я. — Пойдём в «Свинтуса».

Весь день Берт корпел над учебниками, но оказалось, что даже они рассчитаны на детей, чей резерв составляет хотя бы десять магоктов. Вопиющая несправедливость!

Нет, что-то у него получалось — например, зажечь крошечный огонёк над ладонью, превратить воду в блюдечке в лёд или заставить взлететь какое-нибудь пёрышко. Вот книга порхать над столом решительно отказывалась, а ведь раньше Берт мог целый шкаф в воздух поднять...

Это удручало. Словно у тебя всю жизнь были две руки, а потом их вдруг отрубили. И вот, ты вроде здесь, и вполне живой, но руки... их демонски не хватает.

В общем, когда в библиотеку, перенесясь сразу в коридор, шагнула Эн, Арманиус уже чувствовал себя овощем на грядке — так устал. Ужин из «Омаро» доставили парой минут раньше, и он увлечённо распаковывал его, понимая, что если не поест, начнёт грызть

собственные локти.

— Добрый вечер, — сказала Эн и, чуть покраснев, добавила: — Бертран.

— Рад тебя видеть, — улыбнулся Берт, снимая крышку с коробки. — Садись, я тут столько всего заказал... Не пробовала никогда морского ежа? В «Омаро» завозят иногда, сегодня как раз была поставка.

— Не-ет, — протянула Эн, опускаясь на сидение рядом и поводя носом. — Но пахнет вкусно. Звучит не так вкусно, как пахнет.

— Главное — как на вкус. Сейчас разложу.

Через пять минут, когда часть запасов была уничтожена, в том числе и ёж — Эн он понравился, — Арманиус решил пожаловаться на образовательную систему:

— Раньше я, конечно, понимал, как тебе было сложно учиться, но не представлял, насколько. Здесь, — он похлопал рукой по толстому учебнику для школьников, — почти всё рассчитано на резерв от десяти магоктов.

— Арх... Бертран, но слабых заклинаний в принципе мало, — пояснила Эн, подцепляя вилкой последний кусочек ежа. — И вообще большинство магов считают, что нечего учиться магии, если резерв меньше пятнадцати-двадцати октав. Знаете, как мне сказал этот... как его... один из принцев, в общем. «Ты несовместима с магией, как звёзды с мешком».

— Алвар... — Берт закатил глаза. — Демонов грубиян... Надеюсь, ты не восприняла это всерьёз?

— Нет, конечно. Мне за эти годы много всего говорили, и похуже было. Но толку говорить? Работать надо. — Эн подвинула учебник ближе к себе, раскрыла оглавление. — Смотрите. Здесь есть иерархия — от самых простых заклинаний до тех, что посложнее. Условно для вас теперь есть четыре типа заклинаний. Тип первый — те, которые вы можете осилить со своим резервом. Тип второй — простейшие, для которых вам понадобится амулет. — Эн вытащила из своей сумки, которая стояла на диване рядом с ней, какую-то цепочку. — Держите. Это пока вам стандартный, бытовой, из моих стареньких. Потом закажете себе кровный, они легче переносятся. Носите этот амулет постоянно — и вам будут доступны заклинания до двадцати пяти магоктов.

Берт кивнул, надевая цепочку на шею. Сразу появилось ощущение удавки, и он поморщился — да, раньше такое могло быть только от очень сильных амулетов, а тут что-то совсем простенькое...

— Тип третий — средний уровень. — Эн достала из сумки ещё одну цепочку, потолще. — Амулетов на этот уровень великое множество, можно и браслет на руку, и кольцо, что хотите. Я пока принесла вам цепочку, в университете ею пользовалась. Захотели что-то сделать, наденьте, сделайте, и сразу снимайте. Постоянно носить такой амулет невозможно. И четвёртый тип — высокая сложность. Я ничего не принесла, здесь нужны только кровные амулеты, надо заказывать. И лучше чтобы они были как моя игла — под кожу вставлялись. Больно конечно, но...

— Без боли не бывает выздоровления, — Берт улыбнулся, и Эн улыбнулась ему в ответ.

— Да, точно.

— Хорошо, с амулетами я понял. Но с таким резервом... как с ними взаимодействовать? Это же всё равно, что пытаться перенести на плечах гору.

— Здесь поможет только практика. Сначала поработаете с простейшим амулетом, набьёте руку, постепенно перейдёте к среднему уровню, и так далее. Будет сложно, сразу предупреждаю, и больно демонски. Но вы справитесь, я уверена... и останетесь архимагистром.

— Я рад, что ты веришь в меня, Энни, — сказал Арманиус мягко. — Спасибо. Жаль, что я когда-то не поверил в тебя.

Она отвела глаза.

— Ничего страшного, — пробормотала, чуть заалев щеками. Берт осторожно взял её руку в свои ладони, погладил.

— Страшного — ничего. Но я теперь понимаю, как это важно, чтобы кто-то в тебя верил. Жаль, что это был Валлиус, а не я.

Она молчала, только сильнее покраснела, и Арманиус придвинулся ближе. Поднял руку, дотронулся кончиками пальцев до щеки Эн — она замерла, даже дышать перестала.

— Посмотри на меня. Энни, посмотри...

Она моргнула, замотала головой.

— Нет, нет...

— Боишься, — улыбнулся Берт, — а я думал, ты смелая.

— Не настолько, — прошептала она, зажмуриваясь, словно маленькая девочка. — Это... слишком невероятно...

— Что же в этом невероятного? — спросил Арманиус, ласково касаясь подбородка Эн ладонью. — Что невероятного может быть в человеческих чувствах? В любви?

— Дело не... — Она почти не дышала. — Просто... это же... вы... и я...

— Верно. Ты и я. Энни...

Он не выдержал — обхватил рукой затылок, заставляя посмотреть на себя, и придвинулся еще ближе — так, чтобы коснуться её дыхания своим.

Она глядела на него широко раскрытыми глазами, и зрачки были расширены, а губы чуть раскрыты — они звали, манили, приглашали...

Свободной ладонью Эн уткнулась в грудь Берта, словно хотела оттолкнуть, но вместо этого легко погладила — и выдержка изменила ему окончательно.

Какие сладкие губы. Нежные, мягкие, нерешительные... И тяжёлое, неровное дыхание, и всхлипы, и руки, которыми она обвила его шею, прижимаясь крепче...

— Давай погуляем завтра вечером? — спросил Берт тихо, на секунду отрываясь от Эн, которая дрожала в его объятиях, словно лист на ветру. — А то в прошлый раз мы вместо прогулки платье выбрали.

— Я... — Она вздохнула, и уже по этому вздоху Арманиус сразу понял — что-то не так. — Я не могу...

— Опять принц?

— Нет, — она чуть улыбнулась, утыкаясь лицом ему в грудь. — А вы... опять ревнуете.

— Разумеется, — кивнул Берт. Хотя это было не совсем правдой — сейчас он уже почти не ревновал. Потому что Эн сидела здесь, в его объятиях, и ответила на его поцелуй. И её память была при ней — значит, она сделала этот выбор сознательно.

— Меня Рон пригласил. Ну, друг мой. Я не хочу его обижать. Давайте... давайте в субботу пойдём на Дворцовую? Посмотрим на Церемонию подтверждения власти, а потом и погуляем...

— Хорошо, — кивнул Берт, касаясь губами её мягких волос. — А сейчас... будешь десерт?

Судя по щекам, которые вспыхнули, словно две розы, Эн подумала не о пирожных. И Арманиус понимал, что, скорее всего, если бы он настоял, она бы осталась сегодня здесь, в его доме, и ночевала отнюдь не в комнате Агаты. Кровь при мысли об этом кипела... Но Берт не собирался торопить Эн.

— Буду, — прошептала она и, подняв голову, радостно улыбнулась.

Ни одна сказка не сможет сравниться с тем, что происходило со мной в этот вечер.

Когда столько лет мечтаешь о человеке... и привыкаешь к тому, что он не любит тебя, и никогда не полюбит, и понимаешь это, и давно умеешь жить с этим пониманием... и когда вдруг выясняется, что он тоже любит... это невероятно. Это самое невероятное из всего, что случалось со мной за всю жизнь.

Мы в этот вечер разговаривали в основном о магии, Арманиус... Бертран попробовал использовать несколько простых заклинаний, и у него получилось. Только вот дискомфорт от амулета для него перебил всю радость от успехов.

— Если меня так выкручивает от простых магических действий, — пробормотал он, вытирая платком кровь, полившуюся из носа. — То что будет от сложных?

— Очень плохо, — честно предупредила его я. — Но со временем ваш контур привыкнет таскать тяжести. Уж я-то знаю.

Он улыбнулся, глядя на меня так ласково, что я вновь ощутила, как начинаю краснеть.

— Я стану магическим тяжелоатлетом, — пошутил Бертран. — Пора вводить такое звание, наряду с магистрами, архимагами и архимагистрами.

Я засмеялась.

Честно говоря, мы занимались не только магией. Точнее, даже в основном не ей... И к концу вечера у меня немного заболели губы. Да и не только губы... Я просто разрывалась от желания остаться здесь и пониманием, что ещё слишком рано.

— Иди, — сказал Бертран в какой-то момент, и голос его был хриплым, страстным, — иди к себе, Энни. Иначе я не смогу тебя отпустить.

Я прижималась к нему, гладила по волосам, тёрлась щекой о щёку — и совсем не хотела уходить.

Но я всё-таки ушла. Потому что так было нужно, так было правильно. Хоть и очень, очень сложно.

Правильное вообще редко бывает простым.

Утром в пятницу мы с Байроном навестили нашу прежнюю пациентку — у неё всё было отлично и с контуром, и с резервом, и с физиологией после хирургического восстановления, — а затем познакомились с новым подопытным — мужчиной средних лет, который толком не мог говорить и совершенно не способен был двигаться. Изучив его жизненные показатели, я пришла к выводу, что тут либо пан, либо пропал — решать с хирургией надо в течение не более чем пяти дней, — поэтому мы сразу же приступили к нашим экспериментам.

Реактивы у меня уже были заготовлены, оставалось добавить туда кровь подопытного, зарядить это всё в капельницу, сделать многочисленные уколы общеукрепляющих стимуляторов, противорвотного, а также подключить к датчикам, проводящим силу и ток. Разрешение на подобную процедуру я подписала у Валлиуса накануне, и тот, впечатлившись описанием, выделил нам с Байроном ещё и реаниматолога для компании. Так, на всякий случай.

Погрузив пациента в искусственный сон, мы начали. Первые минуты две после начала процедуры мужчина только чуть дёргался, но никаких изменений не происходило, а затем...

— Эн! — Байрон так заорал мне в ухо, что я подпрыгнула. — Смотри!

На экране «колпака» было видно, как вспыхнул сломанный контур. Вспыхнул — и продолжал светиться, одновременно с этим потихоньку начиная восстанавливаться... Не стремительно, скорее, спокойно и стабильно.

Кто бы мог подумать, что ключом к более успешному восстановлению контура послужит обыкновенная кровь. А ведь всё из-за императора... Если бы мне не пришло в голову использовать его кровь для лечения Арманиуса, я, возможно, никогда бы не догадалась о том, что кровная магия — это не только сама магия, но еще и кровь. Кровь — катализатор!

Если у нас с Байроном получится вылечить подобным образом еще человек двадцать, метод можно будет признать универсальным. Три года я никак не могла определиться, каждый раз экспериментировала, перебирала — кому-то больше помогал массаж, кому-то иголки, третьим уколы... А теперь наблюдала за тем, как пациент, не испытывая никакой боли, постепенно восстанавливается сам.

Физические показатели тоже ползли вверх — очень медленно, но ползли. А вместе с этим вверх ползли брови у реаниматолога. И наши с Байроном улыбки становились всё шире и шире...

— Получается, — вынесла вердикт я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но он тем не менее чуть дрожал от радости и волнения. — Правда, полное восстановление займёт двое суток. Через двенадцать часов предлагаю всё отключить и посмотреть, как пациент будет себя чувствовать, не наступит ли отката. Надо понять, можно ли прерывать процедуру, или необходимо держать больных под «колпаком» всё это время.

— Согласен, — кивнул Байрон. На том и порешили.

Усадили рядом с пациентом медсестру — чтобы наблюдала за показателями, вдруг изменятся? — и отправились работать. Завтра День Альганны, выходной, но мы с Асириусом решили, что всё равно придём в госпиталь, только после полудня, когда закончится Церемония подтверждения власти, и проведём следующую процедуру. Прерываться до понедельника мы не хотели.

Выходной выходным, а человеческая жизнь дороже.

Около полудня с Бертом связалась Эн — впервые она сделала это просто так, всего лишь для того, чтобы рассказать ему о своих успехах в исследованиях, захлёбываясь от восторга.

Чудесным было слушать её голос и видеть радостное лицо. И радоваться вместе с ней — но, конечно, не только по поводу её научной работы, но и потому что она всё помнит.

Защитник с ним, с резервом. Вот эта Эн, счастливая, успешная, помнящая своё прошлое — была Берту дороже всего на свете.

— Я завтра утром зайду за тобой, — сказал он в конце разговора. — И вместе пойдём на площадь, да?

Эн кивнула и попрощалась, вновь побежав работать.

А минут через пять с Бертом связался Дайд.

— Завтра за тобой зайдут, — огорошил главный дознаватель Арманиуса. — И проведут на площадь. Приказ императора.

— Охрана? — Берт поднял брови. — Меня вновь могут попытаться убить?

— Не задавай глупых вопросов, — отрезал Гектор. Он явно был в плохом настроении.

— Вообще я хотел прийти вместе с Эн...

— Не надо. Поверь, ей совершенно нечего делать завтра на Дворцовой.

После разговора с Дайдом Арманиус какое-то время размышлял — предупредить Эн сейчас или чуть позже? — и всё-таки решил повременить до вечера, чтобы не расстраивать заранее.

Встретятся после Церемонии подтверждения власти.

Хотя... судя по дурному настроению Гектора, завтра им всем будет не до встреч.

Посиделки с Роном оказались кстати — я немного расстроилась, когда ближе к концу рабочего дня мне позвонил Арманиус и сказал, что завтра мы сможем встретиться только после полудня. Приказ императора... ох уж этот император!

А я всё не могла привыкнуть называть архимагистра по имени... несмотря ни на что. Он не обижался, улыбался только, когда я запиналась, и терпеливо ждал. И был прав — с привычкой называть его «архимагистр» и на вы могло справиться лишь время.

Рон, увидев меня, расплылся в улыбке.

— Слухами, между прочим, земля полнится, — проговорил друг с таким удовольствием, что я даже удивилась. — Вы там с Байроном что-то грандиозное, говорят, открыли?

— Защитница, — пробормотала я, хватая меня — демонски проголодалась! — А ты-то откуда знаешь?

— Говорю ж — слухами... Ну, в общем, если проследить цепочку, то выглядит она примерно так — Байрон похвастался кому-то одному, тот другому, этот третьему... И так дошло до нашего института. В несколько изуродованном виде, конечно.

— Ага, — я засмеялась. — Байрон открыл, а простушка примазалась?

— Почти. Неужели он не мог выбрать себе в партнеры кого-то породовитее, — сказал Рон тонким, словно девичьим голосом. — Тьфу... В общем, сплетен я наслушался, давай теперь мне правду. Как у вас с ним на самом деле успехи?

Почти весь вечер мы с другом обсуждали наше с Асириусом открытие, и не только в медицинском аспекте. Рона заинтересовал эффект кровной магии — получается, что её воздействие было сильнее магии обычной, влияло на неё, вытягивало, излечивало.

— Демоны, как же мне интересно, почему у нас родовой магии нет, — пробормотал друг, изучая пузырьки в бокале с пивом. — Я решительно не понимаю этого. И закон Арчибальда... Неужели они его примут? Будут жениться на не-аристократках — лишатся родовой магии.

— Это точно неизвестно, — возразила я. — Прецедентов-то не было.

— Ну как это — не было? — возмутился Рон. — Внебрачных-то детей полно!

— Может, в этом и дело? В браке, то есть. Если дети будут брачные, то у них появится родовая магия?

— Сомнительная теория. Брачный ритуал — ритуал немагический.

— Что гадать? — махнула я рукой. — Если закон примут, узнаем, в брачных клятвах дело или нет.

— Если примут... — эхом повторил Рон.

После того как мы с другом всё съели, выпили и наболтались, он, как обычно, вызвался проводить меня до общежития. Рон так делал всегда — с улыбкой говорил, что пьяных женщин нельзя оставлять без присмотра поздно вечером.

До пьяной мне было, конечно, далеко — всего-то один бокал пива, да и съела я много. Голова даже не затуманилась. Но от сопровождения я никогда не отказывалась, считая, что без присмотра поздно вечером нельзя оставлять любых женщин, а не только пьяных.

И пока мы шли к общежитию, Рон казался мне каким-то напряжённым, дёрганым. Улыбка его была деревянной, неестественной, и глаза странно бегали, хотя в полумраке было плохо видно, и я решила, что мне чудится.

И когда мы уже свернули на аллею, ведущую прямо ко входу в общежитие, Рон вдруг остановился. Я вопросительно посмотрела на него, почему-то занервничав.

— Что такое?..

Щека друга дёрнулась.

— Извини, — сказал он тихо. — Ничего личного, Энни.

А в следующую секунду я провалилась в темноту.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Церемония подтверждения власти должна была начаться в десять утра, и ровно в девять в дом Арманиуса постучались два незнакомых сотрудника комитета в штатском, суровые и мрачные, будто они на похороны собирались, а не на праздник. Впрочем, с учётом того, что творилось в последнее время...

Берт тоже тревожился. Никогда в жизни он не воспринимал эту дурацкую ежегодную церемонию на День Альганны, когда на площадь выносили Венец власти, снимали магический колпак и смотрели, как артефакт летит по воздуху прямо на голову правящего монарха, словно нечто опасное. Полная ерунда же! Все радовались, хлопали, улыбались, император говорил несколько патристичных слов — и народ расходился праздновать. День Альганны завершал недельные каникулы после дня перемены года — потом вновь начинались суровые будни.

Теперь же эта церемония казалась Берту крайне опасной для жизни Арена. Он не спрашивал у Дайда, так ли это — не хотел лезть не в своё дело, да и Гектор вряд ли скажет что-то определённое. Но Арманиус и так мог представить, что начнётся, если Венец «выберет» не Арена. После церемонии подтверждения власти присутствующие на площади аристократы должны присягнуть императору — а если не присягнут? И можно ли подобное поведение Венца считать новой коронацией или нет? Вопросы, вопросы... И многие из этих вопросов были связаны с родовой магией, которая порой вела себя непредсказуемо.

Один из служивых, приставленных к Берту, построил пространственный лифт — и через минуту Арманиус вместе со своими сопровождающими оказался в большом зале, где находилось еще довольно-таки много людей. Там он заметил и Дайда — Гектор нервно вышагивал по помещению с таким лицом, словно проглотил на завтрак что-то несъедобное, — и его сестру, и нескольких архимагистров из числа нетитулованных.

Никто не разговаривал, все напряжённо чего-то ждали. И через пару минут Берт понял, чего, точнее, кого — из огромного камина, огонь в котором радостно полыхал на зависть всем присутствующим, вышел император.

— Доброе утро, — сказал Арена абсолютно безэмоциональным голосом. — Я надеюсь, все помнят изложенные мною вчера инструкции. Гектор?

— Да, ваше величество, — проскрипел Дайд, хмурясь. — Служба безопасности контролирует площадь, при необходимости отсечёт людей от основной зоны. Мои сотрудники будут рядом с аристократией, защищать и если понадобится — арестовывать.

— Так, — кивнул император. — Дальше.

Главный дознаватель Альганны нахмурился сильнее.

— В случае вашей гибели осуществляем немедленную эвакуацию из столицы списка утверждённых лиц.

— И?

Гектор недовольно поджал губы.

— Приоритетными тогда становятся именно защита и эвакуация. На рожон не лезть... к-хм... — Выражение лица Дайда стало убийственным. — Нового императора не провоцировать.

Он явно цитировал самого Арена.

— Отлично, — сказал его величество, обводя взглядом присутствующих в зале. — Что ж, удачи нам всем. — И, остановившись на Арманиусе, добавил: — Берт, держись поближе к Гектору.

Ему хотелось спросить, не шутка ли всё это. Эвакуация из столицы, гибель императора... Это ведь не может быть правдой.

Но перед глазами до сих пор стояла Ив Иша, сжимающая ту самую карту тонкими загорелыми пальцами...

— Да, ваше величество.

Арен развернулся и пошёл к выходу из зала — спина его была совершенно прямой, а лицо таким спокойным, словно он шёл всего лишь на обед, а не навстречу собственной возможной смерти.

Когда я проснулась, долго не могла понять, где нахожусь. И немудрено — я никогда не была в этой комнате.

Большая кровать, застеленная бежевым покрывалом — по нему, к моей радости, прыгал Эклер, имитируя цвет этого покрывала, — по обе стороны от кровати напольные светильники из цветного стекла — очень красивые, — справа дверь, тумбочка с какой-то книжкой, графином и стаканом воды, а слева — широкое окно во всю стену, и за ним — утреннее небо, и ничего кроме него...

Я медленно встала — голова совсем не кружилась, и чувствовала я себя отлично, — и подошла к окну.

Дух захватывало от такой высоты. Я ощущала себя птицей, парящей над городом — он действительно лежал сейчас как на ладони, и всё казалось крошечным, будто игрушечным...

Неужели я нахожусь в Главной башне, самой высокой башне императорского дворца? И что я здесь делаю? И чья это комната?

Я развернулась и ещё раз подошла к кровати. Посмотрела на тумбочку — и, приблизившись, взяла в руки лежавшую на ней книжку.

«Сказка о Лисичке-Сестричке и Братце-Волке» — гласила надпись на яркой цветной обложке. Я удивлённо похлопала глазами и положила книжку на прежнее место.

Эклер продолжал носиться по кровати. Что ж, я не увидела здесь ничего опасного или тревожного, поэтому решила исследовать помещение, в котором оказалась, получше. Подошла к двери и осторожно толкнула её.

Дверь открылась легко и бесшумно. За ней я обнаружила большую комнату, застеленную синим мягким ковром. Прямо передо мной красовался огромный камин, широкий и очень высокий, выше человеческого роста — в нём весело трещал огонь. Справа были книжные шкафы, длинный гардероб, огромное зеркало в серебряной раме с растительными узорами, несколько картин, изображающих различные пейзажи; слева — вновь окно во всю стену, а перед ним — два дивана и несколько кресел, в том числе два мешкообразных пуфа небольшого размера — явно детских. И стол, не журнальный, а обычный деревянный. А на столе...

Сначала я заметила поднос с завтраком и обрадовалась — есть хотелось ужасно. А тут тебе и омлет, и пирожки, и свежие ягоды, и большой чайник с чаем...

Но потом мой взгляд остановился на небольшом листочке бумаги, рядом с которым лежала вещь, которую я видела лишь однажды — кажется, на практике по артефакторике.

Это был Кристалл памяти. Небольшой мутноватый камешек неправильной формы, в котором будто бы туман клубился — значит, заполнен чьими-то воспоминаниями. Интересно... и зачем он здесь?

Но записка меня сейчас интересовала больше.

Почерк её автора я узнала сразу, хотя до этого видела всего лишь одно слово, написанное этим человеком. Сейчас слов было больше, но они меня совсем не порадовали.

«Если я не вернусь, вас с Арманиусом эвакуируют из столицы. Кристалл посмотри, а потом отдай Берту или Гектору Дайду».

Если я не вернусь...

Меня резко затошнило, и есть раскотелось окончательно. Я тяжело опустилась на диван, закрыла глаза и, схватив Кристалл памяти, прижала его ко лбу.

Дворцовая площадь была поделена сейчас на две зоны. В первой, сразу перед храмом Защитника, стояли аристократы, в основном архимагистры, но не только — Велмар Агрирус, как ректор университета, там тоже был. А вот во второй зоне находился обычный люд — наблюдатели из простого народа, те, кто пришёл на площадь, чтобы просто поглазеть на церемонию. Берт планировал быть там с Эн, но не получилось, и слава Защитнику. Император и Дайд правы — ей нечего здесь делать.

Зоны, как обычно, были отделены друг от друга неширокой пустой полосой, зачарованной так, чтобы никто не мог туда ступить. Аристократия оставалась возле храма, а остальные люди ходили по площади, и всё выглядело как всегда, как обычно. Знакомых лиц в толпе Берт не замечал. Хотя, нет, одно было — Рон Янг стоял с левого края площади, и даже издали было понятно, как он бледен.

Аристократы располагались двумя полумесяцами — слева и справа от Храма, — освобождая место в центре для Арена. Народ на площади пока ещё перешёптывался, и это тоже было как обычно. Необычным было другое — господа титулованные маги хранили молчание.

Были среди них и члены семьи Альго. Берт увидел и Аарона с Анной, которые, улыбаясь, о чём-то беседовали друг с другом, и хмурого Алвара, и сосредоточенного Арчибальда, и еще нескольких родственников Арена. Опять же — ничего необычного.

И небо было голубым и безмятежным, и там, высоко-высоко, спокойно парила какая-то птица... А Берту это всё напоминало те самые мгновения, когда Геенна на пару минут замирала, чтобы потом выстрелить очередными смертельно опасными демонами.

Широкие двери храма распахнулись, и оттуда под рёв толпы на площадь ступил император. В парадном бело-золотом мундире, но в кроваво-красной мантии — как символу огня и крови Защитника. Замер на секунду, странными, необычными глазами рассматривая площадь, а затем продолжил свой путь.

За ним шёл настоятель храма, держа в руках Венец на специальной подушке, окружённый золотым магическим куполом. Венец — тонкая золотая корона с рубинами — артефакт, считавшийся закалённым огнём Защитника, давался в руки только правящему монарху.

Остановившись в центре круга, образованного аристократией, Арен поднял руку и, дождавшись тишины, сказал:

— Я прошу ректора университета снять купол.

Берт заметил, что Велмар, стоявший в первом ряду аристократии — прямо напротив него самого — выступил вперёд и сделал лёгкое движение рукой, убирая защитный купол. Венец сразу взмыл в воздух метра на четыре вверх, заставив людей в толпе заохать, и закрутился вокруг своей оси.

Арманиус напряжённо наблюдал за ним, как и все остальные, кроме Арена. Тот спокойно стоял на месте, не двигаясь, и только скулы его были очерчены чуть сильнее, чем обычно.

Секунд тридцать Венец крутился, словно не понимая, что происходит и куда ему деваться, а потом медленно двинулся в сторону... не Арена. Туда, где стояли другие Альго и Велмар, не отрывавший от Венца прищуренных и напряжённых глаз.

Никто, кроме Берта, не замечал потока энергии, который тёк сейчас от Агрируса к Венцу. Направленного потока, с помощью которого ректор медленно двигал Венец...

Арманиус скрипнул зубами — и услышал возле уха тихий голос Гектора:

— Ничего не делай.

Да что он может сделать, с его-то резервом?

Толпа изумлённо молчала, Арен по-прежнему не двигался. А Венец, достигнув места, где находились другие члены семьи Альго, начал снижаться. Медленно, нехотя, и чем сильнее он снижался, тем тяжелее становилось Велмару. Берт видел это и хорошо понимал, почему — так бывает каждый раз, когда пытаешься сделать что-то магически неестественное. Так плохо было и ему, и Эн, когда они магичили со своим маленьким резервом. Но Агрирус должен был сейчас ощущать себя еще хуже, чем они — ведь он, чтобы управлять Венцом, пропускал через собственное тело огромное количество энергии университета и придавал ей направление.

По лбу Велмара тёк пот, руки сжались в кулаки, лицо покраснело. Венец завис над принцессой Анной, которая смотрела на него с таким ужасом, что Берт не сомневался — во главе заговора точно стоит не она.

Артефакт сдвинулся чуть правее и ещё снизился, замерев теперь уже над Аароном. И еще ниже, и ещё... Принц выпрямил голову, явно ожидая, что Венец сейчас ляжет ему на голову, и он действительно уже почти касался его волос на макушке...

Тишина над площадью стояла такая, что тихий голос Арена прозвучал, словно гром среди ясного неба:

— Ко мне.

Венец вдруг вспыхнул, следом за этой вспышкой мучительно застонал ректор, оседая на брусчатку и прижимая руки к вискам — а через секунду артефакт вновь взмыл в воздух и, не теряя времени на обороты вокруг собственной оси, помчался по направлению к Арену.

Достигнув цели, Венец буквально рухнул вниз, на голову императора, и Берт мог бы поклясться, что артефакт, словно живой человек, испытал облегчение, оказавшись на своём месте.

Арманиусу очень хотелось разделить с ним это облегчение, но он не мог. Почему-то ему казалось, что это еще не конец...

...Геенна начинает высасывать силу только в тот момент, когда ты пытаешься как-то управлять пространством и временем внутри неё. Сила утекает, как вода сквозь пальцы, но ты почему-то хорошо понимаешь, что не умрёшь, пока она не вытечет вся, без остатка. Значит, нужно вовремя остановиться... Зеркало времени показало Берту тот самый момент, когда он прибыл на север вместе со своим отрядом и сразу отправился бороться с демонами. И ничего их не брало, ничего, и ученики погибали один за другим, пытаясь использовать разные способы, но огонь этих демонов сжигал всю магию дотла...

Берт был одновременно в двух местах — с одной стороны, он стоял посреди Геенны, глядя в Зеркало времени и видя там то, что наблюдали его собственные глаза, а с другой стороны — управлял событиями в прошлом, управлял собой, не выходя из Геенны. Потому что там, по другую сторону Зеркала, тоже был он — его глаза, руки и магия. Самое важное — магия. Там у него была сила, и нужно продержаться здесь, в Геенне, как можно дольше, потому что как только он выйдет из неё через Зеркало, тела сольются, и тело-из-будущего с высосанным резервом займёт место тела-из-прошлого. И Арманиус был готов к этому.

На этот раз он не стал ждать смертей учеников. Поставив между ними и собой щит-клетку из огня, Берт сам стал огнём — и ринулся вперёд, сжигая демонов так же, как в прошлой реальности они жгли всё, к чему прикасались.

Резерв утекал, и Арманиус торопился, боясь не успеть... Боясь, что сила исчезнет быстрее, чем он справится с порождениями Геенны, и тогда всё будет зря.

Но он успел. Десять, девять, восемь... всё!

Чувствуя, что магоктав осталось всего лишь семь — но и демонов вокруг больше не было, — Берт развеял щит-клетку, а затем шагнул из Геенны в Зеркало — вперёд, в себя.

И закричал, ощущая, как плавится кожа на теле из-за одуряющего жара, оставшегося после гибели демонов. Дар архимагистра его больше не защищал — и теперь Берт был обычным человеком, который умирал от множественных ожогов. Остатки дара пытались запустить регенерацию, восстановиться, но жар был слишком сильным — и контур сломался, не выдержав нагрузки...

...Подбежавшие ученики накрыли Берта щитом и этим спасли ему жизнь. Страдающий от ожогов, переломанный и почти слепой, он был доставлен в столицу, в Императорский госпиталь...

Я вынырнула из воспоминаний, задыхаясь от боли.

Словно сама вошла в Геенну...

Конечно, Кристалл памяти не передавал всей гаммы чувств, испытанных Арманиусом, но и того, что я ощутила, было достаточно, чтобы испытать сильнейшее чувство вины и отчаяние.

Воспоминания Берта до сих пор крутились в моей голове, сменяя друг друга, никак не получалось сосредоточиться на каком-то одном. Я то шагала вместе с ним в Геенну, то вновь переживала наше первое знакомство, то видела себя на больничной койке — потерявшую память и улыбающуюся детской растерянной улыбкой...

Значит, он сделал это из-за меня. И как... как мне теперь жить с этим?!

Как?!

Когда Венец занял законное место, Арен медленно повернулся к членам своей семьи. Берт не мог видеть выражения лица императора, но не сомневался, что оно сейчас должно быть очень пугающим. Судя по тому, как вздрагивали аристократы, стоящие рядом с остальными Альго, Арманиус не ошибся.

— Значит, всё-таки ты, Аарон, — сказал его величество негромко, но слышно было на всю площадь — так замерли стоящие там люди. — Объяснишь мне, почему?

— Потому что ты дурак, Арен, — огрызнулся брат императора. — Наша власть держится на аристократии и родовой магии, а ты хочешь всё это разрушить ради каких-то идеалистических представлений! Мы должны поддерживать аристократию, поддерживать тех, кто обладает силой крови — это фундамент нашей власти. А ты с тех пор, как связался с семейкой Арманиусов, только и говоришь о том, как это важно — разрушить то, что складывалось веками!

Берт усмехнулся — да, его отец и он сам действительно оказали на Арена в этом смысле серьёзное влияние, но он до сих пор считал их позицию — а теперь и позицию императора — единственно правильной.

— Жаль, что мой первый план не сработал, — продолжал между тем Аарон. — И твоя родовая магия оказалась сильнее энергии университета. Но ничего... Велмар, давай.

По-прежнему сидящий на брусчатке ректор покачал головой, не глядя на принца.

— Я... нет, ваше высочество. Хватит. Вы проиграли. Хватит.

Аарон фыркнул.

— Я никогда не проигрываю.

Случившееся дальше заняло не более пяти секунд — и никто не успел ничего сделать. Только охнула толпа, испуганно завизжала принцесса Анна, а остальные аристократы сделали шаг назад — потому что его высочество Аарон, резко взмахнув рукой, снёс Велмару Агрирису голову огненным клинком, появившимся прямо в воздухе.

Голова покатила по площади, тело упало с глухим стуком, и из него потоком потекла яркая кровь...

— Арен! — закричал Берт, уже понимая, что именно сейчас случится, а рядом с ним

громко и чётко отдал приказ Гектор Дайд:

— Щит. Щит над площадью!!!

Пять человек, стоящих в первом ряду среди толпы, синхронно опустились на колени, вонзая прямо в камень длинные тонкие лезвия — они вошли в него, как в масло, засветились, и площадь немедленно накрыло защитным куполом. Берт не видел, но понимал, что и слева, и справа, и где-то сзади тоже должны стоять маги-артефакторы, замыкая купол. И, к его удивлению, одним из этих магов, державших зачарованные кинжалы, был Рон Янг.

Но Берт не мог толком порассуждать на эту тему — было не до того, потому что, как только Аарон отрубил голову Велмару, университет потерял своего ректора-направляющего, и сила хлынула сплошным потоком через единственное окно в мир для неё — через Венец. Своими действиями чуть ранее Агрирус показал ей дорогу, и теперь, потеряв того, кто мог её сдерживать, она стремилась на свободу.

Арен, схватившись за Венец, зажмурился и, опустившись на колени, попытался стянуть артефакт со своей головы. Он весь дрожал, лицо его было бледным, из носа тонкой струйкой текла кровь.

С противоположной стороны к императору бросился Арчибальд — но, не пройдя и трёх шагов, отлетел назад, отброшенный прочь энергией университета. Попытался прорваться к его величеству и один из коллег Дайда — его отшвырнуло ещё яростнее, злее.

Аарон довольно улыбнулся, когда вокруг императора вспыхнул огонь, поглощая его фигуру. С каждой секундой пламя всё сильнее разрасталось, забирая пространство и превращая брусчатку на площади в прах.

— Назад! — закричал Гектор. — Всем назад! К огню не прикасаться — испепелит!

Народ волновался, не понимая, что происходит — но Берт понимал это совершенно ясно. Арен умирал. Пламя было его агонией — не в силах справиться с потоком энергии, хлынувшей через Венец, обезумев от боли, император вспыхнул огнём в последней попытке сжечь артефакт. Но это было бесполезно — Венец, закалённый пламенем Геенны, в огне не горел. И Арен сгорит быстрее сам, чем...

— Берт! — Дайд прервал его мысли, схватив за плечи и развернув лицом к себе. — Сними с его головы Венец!

Поначалу Арманиусу показалось, что он ослышался.

— Что?..

— Сними с его головы Венец! — повторил Гектор. — Только ты можешь это сделать. Тебя не возьмут ни огонь, ни энергия университета. Сними!!!

«Ты должен будешь кое-что забрать»...

Забрать Венец?!

Берт был не уверен в успехе, но рассуждать и думать было некогда — и он, кивнув Гектору, побежал навстречу пламени и, не мешкая, нырнул в него.

Способность нормально мыслить я приобрела не менее через полчаса, когда вдоволь нарыдалась. Вытерев лицо бумажными салфетками, я налила себе чаю и, сделав глоток горячего и восхитительно вкусного напитка, постаралась собраться.

Пятнадцать спасённых жизней и моя память взамен на резерв. Честная сделка... «Я заплатил мало»... Защитница, я убью его!

Вновь захотелось плакать, и я, помотав головой и всхлипнув, решила думать о другом.

Точнее, о друге. О Роне.

Берт подозревал Рона, считал, что он замешан в моём покушении, но я не верила в это

ни секунды. Во-первых, если бы друг действительно был замешан, меня убили бы раньше, не стали бы дожидаться, пока Арманиус практически выздоровеет. Рон был в курсе процесса лечения, знал, что архимагистр почти прошёл «точку невозврата» — следовательно, моё убийство будет бесполезным.

Но дело было не только в этом.

Рон с его прямолинейным характером, с его нелюбовью к аристократии — и заговорщик? Нет, ерунда, глупости. Он скорее пошёл бы работать к Дайду, чем примкнул к людям, считающим, что нынешнее положение дел в обществе — это нормально.

И кстати... судя по тому, что именно Рон чем-то шарахнул меня накануне, после чего я оказалась в этой комнате, да еще и сказал «ничего личного»... Он и вправду состоит на службе. Убью гада!

Я, вытерев глаза, решила всё-таки позавтракать. На стол вспрыгнул Эклер — он, чувствуя мою боль и тоску, сейчас был тёмно-серого цвета.

Защитница! Пожалуйста, сделай так, чтобы император вернулся.

Огонь, впусивший в себя Берта, не обжигал — только слегка горячил кожу, а потом гладил её, словнолизывал раны. И одежду он не тронул, будто бы понял, что она — часть Арманиуса. Как раньше, когда он был архимагистром...

Берт приблизился к Арену. Император стоял на коленях в прежней позе, сжимая руками Венец — глаза его были зажмурены, рот открыт в беззвучном крике — и из него, как и из носа, текла кровь. Камень под ногами Арена давно превратился в пепел — и этот процесс продолжался, захватывая всё больше и больше пространства. Сначала брусчатка трескалась, а затем рассыпалась прахом... и вокруг сильно, удушающе пахло смертью.

Арманиус протянул руки к Венцу и схватился за него по бокам. Берту тут же показалось, что его молнией пронзило — так силён был поток энергии университета. И как удержать подобное с его резервом?

«Не надо удерживать, — подумал Арманиус, пропуская всё через себя и ощущая, как сила впитывается в землю под его ногами. — Простоними».

Но император, вцепившийся в артефакт пальцами, словно клещами, мешал это сделать.

— Арен, отпусти, — прохрипел Берт, почему-то ощущая боль в левом запястье. — Отпусти же!

Он не слышал. И Арманиус, выругавшись, потянул Венец вверх, чувствуя себя человеком, который пытается поднять в воздух гору.

Гора не поддавалась, гора оставалась на месте. Берт, обливаясь потом и кровью, которая хлынула из носа от натуги, тянул вверх, и казалось ему, что он быстрее умрёт, чем снимет этот демонский артефакт. Энергия университета по-прежнему проходила сквозь Венец — а следовательно, и сквозь Берта, и сквозь Арена, — и Арманиус, внезапно до крайности разозлившись, рявкнул:

— Назад! Назад, **!!!

Запястье вспыхнуло обжигающей болью, засадило, словно на нём кто-то ножом узоры рисовал — а следом поток энергии действительно пошёл назад, в здание университета, и пальцы Арена вдруг расслабились, и Берт снял с его головы Венец...

Я всё-таки смогла позавтракать, и даже поделилась омлетом с Эклером, а потом налила ему воды в блюдечко и, глядя на то, как котёнок лакает её, вновь принялась рассуждать.

Теперь, когда я помнила не только эту реальность, но и предыдущую, я осознавала гораздо больше, чем раньше.

Я осознавала, почему Берт во время нашей первой встречи вёл себя именно так трепетно, откуда он знал моё имя и имя Ив Иши, и когда успел... влюбиться. Но были и моменты, которых я не понимала.

Амулет-ленточка, который дал мне Рон и из-за которого Арманиуса отбросило от меня — что это было и зачем?

Я потеряла память только из-за кольца Арчибальда — или дело было в чём-то ещё?

Как и где в прошлой реальности хотели убить Берта?

И наконец... зачем императору понадобилась та ночь? Неужели просто для того, чтобы проверить, достойна ли я получить Кристалл памяти с воспоминаниями Арманиуса? Но почему было не устроить какую-нибудь... другую проверку?! Да и вообще — с чего он решил меня проверять? Какое ему дело, знаю ли я про то, что Берт отправился в Геенну, чтобы вернуть мне память, или не знаю?..

Я не понимала. Да, я больше не ненавидела императора — после того, что я увидела в Кристалле, продолжать делать это почему-то было невозможно, — но я не могла его понять.

И лишь одно казалось мне забавным во всей этой истории...

Удивительно, но меня, безродную Эн Рин, попытались убить из-за императора. Конечной целью был именно он, а вовсе не я, и не Берт.

Кто бы мог подумать...

Пламя постепенно стихало, впитываясь в Арена, который по-прежнему стоял на коленях — но на голове его теперь не было Венца.

Берт держал артефакт в руках, покачиваясь от слабости и изо всех сил стараясь не потерять сознание. Ощущение было такое, словно его могильной плитой придавило. Венец в руке пульсировал энергией Альго, и Арманиус отстранённо подумал — считается ведь, что он никому не даётся, кроме правящего монарха... Но ему дался. Интересно, почему?

Рассуждалось плохо — в голове было пусто и гулко, а в груди тяжело. И запястье... Да что с ним такое?..

Берт поднял левую руку — и от удивления чуть не упал на землю.

Рядом с браслетом связи чернела метка Принадлежности университета. Он опять ректор?! Защитник, как это могло случиться?!

Между тем пламя окончательно впиталось в Арена, и Арманиус наконец услышал тишину, царящую на площади. Огляделся. Окружающее расплывалось, и он смог рассмотреть только Гектора — тот почти слился цветом лица со своей зелёной формой.

Император медленно поднял голову, и даже Берта, который сейчас и так был в абсолютном шоке, прошиб холодный пот.

Глаза у Арена полностью почернели — белков не осталось вообще. Лицо, перемазанное кровью — злое, безжалостное... Император казался демоном, вышедшим из Геенны.

Он медленно встал с колен. Подошёл к Берту и, забрав у него Венец, вновь надел его себе на голову.

— Как ты?.. — хрипло выдохнул Аарон, и Арманиус, обернувшись, увидел, что он очень бледен. — Как ты выжил?!

Берт тоже не очень хорошо понимал, как именно у него получилось спасти Арена, да и толком не мог думать на эту тему — голова демонски болела. Никогда в жизни у него настолько сильно не болела голова. Мозги изнутри будто бы пытались сжевать сотни червяков — они копошились там, ползали, кусались... И хотелось взять и снести себе башку к демоновой матери.

Арен ничего не ответил — он просто пошёл на Аарона, и брусчатка под ним вновь рассыпалась прахом. Выглядело это настолько пугающе, что кто-то из аристократии попытался позорно сбежать и, остановленный службой безопасности, жалобно заскулил.

Император не обратил на это никакого внимания — он продолжал идти вперёд, на брата.

— Арен... — сказал Аарон, нервно оглядываясь — вокруг него быстро образовывалось пустое пространство. — Арен, давай поговорим...

Император ничего не ответил — и тогда Аарон попытался хлестнуть его каким-то заклинанием, явно родовым, огненным, — оно тоже рассыпалось прахом.

— Арен... — в последний раз прошептал Аарон, и тут подошедший император схватил брата за горло. Приподнял его над площадью — кто-то в толпе простого люда завизжал, — и произнёс чётко и холодно:

— Я, его величество император Арен Первый, осуществляю казнь Аарона Альго. Причина — предательство. Защитник, к тебе взываю, забери его грешную душу и очисти её огнём.

Аарон захрипел, лицо его покраснело — а через секунду он весь почернел и осыпался вниз, превратившись в горстку пепла.

Никто не визжал, не плакал и не кричал — тишина вновь стояла над площадью... Тяжёлая, гнетущая тишина, в которой было слышно только испуганное дыхание присутствующих. Всё же виновных в том же самом в толпе аристократов здесь присутствовало достаточно.

— Кто хочет разделить судьбу брата моего единокровного? — спросил император тихо, но слышно было каждое слово. — Или нет таких?

Молчание.

— Что ж... Тогда я жду.

Ещё несколько мгновений тишины — и абсолютно все аристократы — да и не только они, а вообще все, кто оставался сейчас вне защитного купола, — встали на колени, присягая его величеству в верности. Все, кроме Берта.

Арманиус остался стоять, не в силах двигаться. Ему вообще казалось, что он умирает — так тяжело было.

— Каждый, кто замешан в заговоре, понесёт наказание, — продолжал говорить император. — По всей строгости. Закон о передаче титулов будет принят, как бы сильно вы ни желали обратного. А те, кто посмеет поспорить с моей волей, последуют за Аароном. Вы слышали меня?

— Да, ваше величество... — прошелестело над площадью.

— Громче.

— Да, ваше величество!!! — грянули несколько десятков голосов.

— Прекрасно, — Арен обвёл глазами площадь, остановил взгляд на Дайде. — Гектор... зачищай. — И, развернувшись, твёрдой и уверенной походкой направился в храм Защитника, на ходу вытирая платком кровь с лица.

Когда за моей спиной раздались шаги, я стояла у окна, держа на руках Эклера, и смотрела в небо. Сердце остановилось на мгновение, а затем вновь забило — и я, обернувшись, воскликнула, ощущая какую-то бешеную радость:

— Защитница, вы живы!

Император, вышедший из камина и выглядевший очень уставшим и каким-то безжизненным, налил себе воды в стакан, выпил её залпом и только потом ответил:

— Да.

Подошёл к дивану и буквально рухнул на него, закрывая глаза.

Мне стало неловко. Хотелось задать миллион вопросов, но как их задашь, когда он в

таком состоянии?..

Ладно, не буду. Спрошу только одно, главное...

— А Берт? С ним всё в порядке?

— Он жив, — сказал император, не открывая глаз. — Я бы не стал утверждать, что в порядке, потому что ему пришлось очень туго. Но он жив. И вновь ректор университета.

Я от шока даже Эклера выпустила. Котёнок, вновь ставший угольно-чёрным, к моему удивлению, подбежал к его величеству и, забравшись к нему на колени, замурчал, начав тереться лбом о грудь мужчины.

Император открыл глаза и посмотрел на тигриллу. Губы его тронула слабая улыбка, и он, подняв ладонь, погладил Эклера по голове. Мурчание усилилось.

— Котёнок — эмпат, — проговорил его величество задумчиво. — Не повезло ему по жизни.

— Почему? — не поняла я.

— Это тяжело. — Император взглянул на меня, и я вдруг заметила, что глаза его стали совсем чёрными, даже белков не видно.

— Что у вас с глазами?

И вот вроде хотела ничего не спрашивать...

— Это пройдёт. Не бойся. Хотя... — Император замер, словно прислушиваясь. — Я не ощущаю больше твой страх. Ты посмотрела Кристалл?

— Да, — ответила я, и он едва уловимо кивнул.

— Тогда ясно. Тебе просто сейчас не до страха. Что ж, Эн... спрашивай. У тебя ведь наверняка есть вопросы. Я отвечу на все.

— На все?! — я так удивилась, что даже не заметила, как подошла ближе.

— На все. В разумных пределах, разумеется.

Поколебавшись, я всё-таки села рядом. Не совсем рядом, конечно — просто на тот же диван. А Эклер, по-прежнему чёрный, нагло устроился у императора на груди, положив лапы в область сердца, и продолжал оглушительно мурчать.

— Зачем вы... — Я задохнулась, смутившись, но всё же продолжила: — Зачем вы позвали меня тогда к себе? Вы... хотели проверить, достойна ли я...

— Не совсем. — Император наклонил голову, разглядывая меня, и я поймала себя на мысли, что действительно больше не боюсь его. А главное — эти странные глаза теперь не казались мне жуткими. — Воспоминания Берта — тяжёлая вещь. Я был не уверен, что ты сможешь это выдержать. Вы сошлись бы и без них, моё вмешательство не требовалось. Но мне думалось, что ты должна знать правду. И да, я решил проверить тебя. Ты молодец, Эн, — он улыбнулся очень уставшей, но искренней улыбкой. — Всё выдержала. А я виноват перед тобой, прости.

Я удивлённо заморгала. Неужели император извиняется?..

— Это было действительно жестоко. И, по правде говоря, я мог остановиться и раньше. Но мне всё время казалось, что ты вот-вот сдашься... вот-вот... еще немного, и точно сдашься... И я продолжал эту пытку. Думаю, — он на секунду прикрыл глаза, — что подсознательно я даже хотел, чтобы ты сдалась. Мне было завидно.

Спрашивать то, что крутилось у меня в голове, было неловко, но... любопытство оказалось сильнее.

— Из-за Агаты? Она пыталась... а я...

— Да, — ответил император кратко и замолчал. И молчание это было тяжёлым, и Эклер забеспокоился... значит, Арену больно.

— Я в это не верю! — сказала я, наверное, слишком резко. — Я не верю, что она пыталась вас убить. Может, она... и не любила, но...

— Ты права, Эн. Агата действительно ни при чём. Всё как и говорил Гектор... как я всегда надеялся...

Я думала, императора придётся расспрашивать — но он разговорился сам. И пока он говорил, а я слушала, немея от ужаса и сочувствия, мне вдруг пришло в голову, что, возможно, он тоже нуждался в этом разговоре.

Не меньше, чем я, а может, и больше.

Что происходило после ухода Арена, Берт помнил смутно — ему было слишком плохо, сознание уплывало, и по-настоящему включился в события он только через некоторое время. А включившись, обнаружил рядом с собой Рона Янга, который, положив его ладонь рядом со своей, пришивал их друг к другу.

В прямом смысле пришивал. Иголкой и ниткой...

— Ты что делаешь? — прохрипел Берт с недоумением, чуть дёрнулся, и мальчишка недовольно зашипел:

— Не двигайтесь, архимагистр! Вы же хотите жить? Я сейчас становлюсь вашим связным-артефактом, через меня будет уходить лишняя сила. Вы так сможете держать университет. Император приказал.

Берт удивлённо рассматривал Янга, сосредоточенно работающего иголкой. Больно не было совсем.

— А почему ты?

— Остальным резерва не хватает, — послышался откуда-то сбоку голос Гектора Дайда, и Арманиус, повернув голову, понял, что находится в Императорском госпитале, лежит на койке в больничной палате. И когда его успели сюда перевезти?.. Он решительно ничего не помнил. — Это большая ответственность всё же, а артефакторов, которым доверяет император, не так много. Поэтому Янгу, как сильнейшему из них, досталась эта... м-м-м... честь. — Гектор, стоявший до этого момента у окна, подошёл ближе. Усмехнулся, разглядывая Берта. — А ты розовеешь, значит, легче становится.

— Ещё бы, — фыркнул Янг. Руку Арманиуса пронзила боль, и следом за этим Рон сказал, выдохнув: — Всё, я закончил. Как ощущения?

Ощущения были замечательные — легко, как раньше, и университет при этом чувствовался совершенно ясно, чётко. И всё с ним было в порядке, энергия, заключённая в здании, вновь обрела вектор.

— Отличные.

— Я рад, — Рон кивнул и, встав, обратился к Дайду: — Могу идти?

— Да, иди.

Мальчишка вышел, и как только его шаги стихли, Берт протянул:

— А я считал его предателем...

— Ну и отлично, — хмыкнул Дайд, садясь на койку. — Он молодец, хорошо играл свою роль. Хотя по ту сторону ему так и не научились доверять. Слишком уж он об Эн беспокоился. Думаю, что в той реальности, которую ты изменил, он вообще чуть с ума не сошёл. В этой Рону было попроще. Ему один раз только дали задание — передать Эн амулет, который бы тебя шарахнул, ну, ты помнишь же? Проверяли на прочность, пойдёт он на такое или нет. Заодно навредить твоему лечению хотели. Но она не взяла. А потом — и в той реальности, я полагаю, тоже, — Велмар сказал, чтобы от Рона отстали. Мол,

слишком много в этой ситуации для него личного, не выдержит, выдаст. А затем выяснилось, что у тебя резерв изменился, и к Эн потеряли интерес.

— Ясно, — пробормотал Берт, переваривая новость о Янге-агенте. — И... давно он на тебя работает?

— Да сразу пришёл, как заметил странности в твоём проректоре, — Дайд криво улыбнулся. — Агрирус его не вербовал, Рон сам вроде как инициативу проявил. Нам здорово повезло с ним — всё же ученик ключевой для заговорщиков фигуры.

— Да, — Арманиус прикрыл глаза — вспоминать о Велмаре-предателе оказалось больно. — Не ожидал я от него.

— Ты своего зама не вини, — сказал Гектор спокойно. — Он здорово завязан был, не мог отказаться. Помнишь ведь сына его? Аристократ без дара и картёжник. Они с Аароном общались, сынок Агрируса ему частенько крупные суммы проигрывал. Тогда, десять лет назад, когда Аарон только начинал собирать соратников, он и смекнул, что может через Алана на Велмара повлиять. Иметь среди своих такого хорошего артефактора, да ещё и с перспективой ректорства... это было необходимо. И на Агрируса решили надавить... а заодно и ослабить Арена.

— И каким образом? — спросил Берт и задохнулся, услышав ответ:

— Убив его ученицу. Твою сестру Агату. — Гектор сочувственно посмотрел на Арманиуса и продолжил: — Аарон знал, что Агата не любит Арена, она ведь за ним самим бегала. Всё было подстроено так, будто бы это она совершила попытку убить наследника, не зная, что его порталная ловушка не берёт. А Велмару подкинули записку с содержанием по типу «Если ты не с нами, то твой сын следующий».

— Откуда ты это... Когда успел?..

— Ты тут третий час валяешься, — фыркнул Дайд. — Мои там уже многих арестовали и опросили. Конечно, главный виновник мёртв... да и демоны с ним... и Агрирус тоже... Но вот Абрахам Адэриус, гнида, живее всех живых, а он был единственным, кто знал главу заговора в лицо, как оказалось. Даже Велмару только перед самой церемонией сказали, на чью именно голову он должен будет Венец перенести. Мы именно из-за этого и тянули, что не знали, кто у них там главный. Ждали, пока Венец подлетит поближе и можно будет понять.

— Слушай... а что бы было, если бы Венец не вернулся на голову Арена? — поинтересовался Берт, садясь на постели — сколько можно валяться при отличном самочувствии. — Если бы он остался у Аарона? Это считалось бы новой коронацией, что ли?

— Аарон рассчитывал, по-видимому, что энергия университета заставит Венец сменить носителя, — кивнул Дайд. — Может, так бы и было, если бы он опустил на голову принца... Но кровная магия действительно оказалась сильнее.

— А если бы...

— Если бы не оказалась? Вообще Арен был уверен в успехе, но на случай ошибки мы запланировали запасной вариант с арестом участников. Сложно, но не невозможно, особенно с учётом того, что всё моё ведомство и все безопасники были на стороне императора.

— Кошмар, — пробормотал Берт, представив, что творилось бы в этом случае на площади. — И я, кстати, не понял, почему Венец вообще дался мне в руки, я ведь не правящий монарх и даже не Альго.

Гектор закатил глаза.

— Нет, рановато я тебе работу предлагал, рановато... Венец на тот момент был полон энергии университета, знакомой тебе, твоей энергии, вот и дался. Да и ты из-за похода сам знаешь куда теперь по сути как Альго. И кстати, я думаю, сыграла свою роль еще и кровь императора, которую Эн в тебя вливала.

Защитник. Точно же!

— То есть, если бы не эти процедуры, у меня не получилось бы снять Венец?

— Скорее всего, — кивнул Дайд. — Ну что... Я думаю, хватит лежать, да? Я пойду, скажу Валлиусу, что ты вполне себе жив и готов к выписке. А то он так на меня посмотрел, когда я тебя навестить пришёл вместе с Роном...

— Как? — засмеялся Берт, прекрасно понимая Йона — всё же Эн его только-только вылечила, а Гектор с императором через пару дней чуть не угробили.

— Как-как... Убийственно.

Несмотря ни на что, я была рада за императора. Да, Агата не любила его, но по крайней мере она не пыталась его убить.

Бедная девочка! Она тоже оказалась всего лишь ступенькой к цели, точнее, к двум целям. Ослабить Арена и показать Велмару Агрирусу, что может произойти с его сыном, если он откажется от сотрудничества.

Но мне, когда я вспоминала проректора, думалось, что дело было не только в этом. Родовая магия... Рон говорил, что Агрирус изучает её, мечтает разгадать природу, и особенно — понять, почему при наличии родовой магии его сын практически не обладает даром?

Думаю, это было главной причиной для согласия. Ведь заговорщики боялись, что с принятием закона о передаче титулов кровная магия со временем исчезнет, пропадёт. Что ж... ну и пусть. Я ведь живу без неё как-то? И эта жертва точно лучше, чем гражданская война.

Аарон считал иначе, и поэтому был готов убить собственного брата — лишь бы сохранить старые устои. Да, власть Альго держится на родовой магии, для них её постепенное умирание точно окажется катастрофой...

После того как Арен рассказал мне о случившемся на площади, я начала смотреть на него другими глазами. Он был очень краток, но и этого оказалось достаточно для того, чтобы представить и ужаснуться. И ощутить бесконечное уважение к этому человеку, который не отступил от своих принципов и не испугался перед лицом возможной смерти.

И мне подумалось, что Венец, возможно, именно поэтому вернулся к Арену по первому же его зову. Всё-таки никто из Альго не сможет сравниться с ним по силе и мужеству. Если только Арчибальд.

— А остальные Арманиусы? — поинтересовалась я, когда император потянулся за бокалом и графином с водой. — Они ведь почти все умерли за десять лет. Их тоже?..

— Брат Берта был охранителем, он погиб в борьбе с демоном, — покачал головой Арен. — Айлис... его мама... После смерти Агаты она заболела магическим раком, а ты наверняка знаешь, как там низок процент выживаемости. А вот глава семьи, Артуро Арманиус — возможно, умер не своей смертью. У него был сердечный приступ, который закончился фатально, следов воздействия тогда не нашли, но сейчас, после выяснения подробностей дела Агаты, проверим ещё раз. Артуро был очень мудрым человеком, мог что-то выяснить, из-за чего его и убили.

Мне бы не хотелось, чтобы это было так, однако я понимала — то, что целая семья практически вымерла за десять лет — вряд ли совпадение.

— А я потеряла память всё-таки из-за кольца Арчибальда или?..

— Не совсем, я полагаю, хотя теперь можно только строить теории. Помнишь Атрея Альдеуса? Он обнаружил на твоём амулете, который сделал Рон, остатки ментального заклинания.

— Да, и это нормально, там оно всегда и было, еще с института. Защитное...

— Я думаю, оно тоже сыграло свою роль, войдя в резонанс с магией кольца и с

портальной ловушкой. И кстати, по-видимому, это заклинание тебе не помогло именно потому что было обычным, а Байрон воздействовал на тебя родовой магией.

— На него тоже воздействовали.

— Верно. Я полагаю, через артефакты, которые он купил у одного из коллег Рона. Среди них много соратников моего брата, аристократов там всегда было достаточно. Более утончённая работа, чем драться с демонами.

Император замолчал, вновь выпил воды, посмотрел на браслет связи, проверяя время. Вздохнул и спросил:

— Ты что-то ещё хотела узнать, Эн?

Мне было неловко. Я понимала, что мешаю, да и оставшиеся пара вопросов не так, чтобы очень важные... Но всё-таки поинтересовалась:

— Я поняла, что вы проверяли меня той ночью, ваше величество. Чтобы решить, давать Кристалл или нет. А... роза? Это ведь было уже после.

— Роза... Мне просто не хотелось, чтобы ты подумала, будто я счёл тебя непривлекательной. Я и так доставил тебе множество неприятных эмоций. Добавлять ещё и комплексы не желал.

Я так удивилась, что чуть не открыла рот.

— Но... зачем это вообще вам понадобилось? Я не только про розу, про всё... Вы ведь... простите... вы ведь ничего просто так не делаете... А это... как будто бы просто так...

Он улыбнулся, поглаживая Эклера, который абсолютно блаженно распозлся по его груди, и кстати, был уже не угольно-чёрным, скорее, тёмно-серым.

— Нет, не просто так. Я скажу тебе, почему. Эн, мы, Альго, по-настоящему любим только раз в жизни.

Я нахмурилась.

— Как это?

— Мы суть огонь. Он загорается в нашей душе только раз. Если человек не отвечает на наши чувства или умирает — огонь гаснет, оставляя только пепел.

Меня прошиб холодный пот. Получается, Арчибальд?..

— Нет-нет, — Арен покачал головой, — у Арчи была невеста. Давно. Она погибла. Не думай, будто мы становимся бесчувственными, нет, мы способны на глубокую и искреннюю привязанность, но... это не то. Настоящая любовь с нами случается только раз в жизни. Вы с Бертом, конечно, не Альго... но мне бы хотелось, чтобы вы были счастливы.

Я смотрела на императора, глупо хлопая глазами.

— И... всё?

Он усмехнулся и тоже посмотрел на меня.

— А этого мало?

Нет... этого было много. Очень, очень много. И я никак не могла выразить словами то, что чувствовала сейчас, в эту самую секунду. Но мне хотелось что-то сказать ему, безумно хотелось.

— Вы... вы найдёте свою любовь, я уверена...

Арен продолжал улыбаться, но я видела — он не верит в это.

— Я уже нашёл, — сказал он тихо и, осторожно перехватив мурчащего Эклера, который

опять стал чёрным, передал его мне на руки. — Если ты всё спросила, иди, Эн. Я думаю, твоё присутствие сейчас нужнее в другом месте. Тебя отвезут на магмобиле, куда скажешь.

Я понимающе кивнула — действительно, пора и честь знать, — и, встав, вежливо попрощалась:

— До свидания, ваше величество. Спасибо вам.

— Не за что, — ответил он, касаясь браслета связи. Поднял его повыше и произнёс: — Грегор, запускай.

Я как раз шла к выходу из комнаты, когда дверь вдруг распахнулась, и внутрь вбежали двое детей.

— Папа, папа! — закричали они и промчались мимо, кажется, даже не обратив на меня внимания. Я заметила, что Эклер на моих руках побелел — и не выдержала, обернулась.

Император стоял на коленях, чтобы быть со своими детьми одного роста, и прижимал к себе обоих, и от улыбки его веяло спокойным счастьем — тем, которое испытываешь каждый раз, когда возвращаешься домой.

Никто не удивлялся, что я делала столько часов в покоях Арена, никто ничего не спрашивал — хотя у меня возникло впечатление, что всем после утреннего происшествия на Дворцовой площади просто-напросто не до таких глупостей.

Сначала меня отвезли на магмобиле в Императорский госпиталь — необходимо было посмотреть, как там наш с Байроном больной, и я, договорившись с водителем, чтобы немного подождал, побежала в хирургию.

Асириус уже был здесь, и мы вместе проверили подопытного. Всё оказалось в порядке. От того, что мы прервали процедуру, никаких изменений не случилось — прогресс попросту завис на месте. Запустив следующую процедуру на двенадцать часов, я попросила дежурную медсестру отчитаться мне после завершения, и покинула госпиталь.

Магмобиль, доставив меня к крыльцу дома Берта, уехал. Я проводила его взглядом, а затем развернулась и стала подниматься по лестнице.

Пока я поднималась, сжимая в объятиях Эклера, нас чуть не замело снегом. Метель на улице оказалась сильнейшая. Утром было ясно, а сейчас, после обеда, с неба повалили крупные белые хлопья. Они были мягкие и совсем не злые, и даже ветер, взметнувший полы пальто, показался мне каким-то ласковым и нежным. Хотя, возможно, дело было вовсе не в ветре, а в настроении, с которым я шла теперь в этот дом.

Шла для того, чтобы больше никогда не уходить. Ну, если только на работу...

Я позвонила в дверь, и она открылась через секунду. Быстро сбросив верхнюю одежду в прихожей и надев тапочки, я побежала вверх, в библиотеку, ощущая жар во всём теле, особенно — на щеках. И Эклер стал нежно-розовым, и мне хотелось улыбаться, когда я на него смотрела.

Берт сидел на диване, читал какую-то книгу, но встал, увидев меня. Выглядел он немного потрепанно — особенно уставшими были глаза, и седины в волосах явно прибавилось, — но в пределах нормы. Я прищурилась, изучая контур... да, и он в порядке. С прежним резервом в семь октав.

— Энни?

Я столько всего хотела сказать, но не могла. В груди kloкотали боль и нежность, и я изо всех сил старалась не заплакать — нет-нет, только не сейчас.

— Ты обманул меня.

На его лице отразилось удивление.

— Обманул? Когда?

Я вздохнула.

— Когда обещал, что с тобой ничего не случится. — Голос дрогнул, и слёзы всё-таки полились из глаз, и я шагнула вперёд, к нему, начиная не говорить — шептать какие-то глупости: — Я тебя убью, придушу... Зачем... Ну зачем ты пошёл туда?!

Удивление на лице Берта сменилось пониманием. Он быстро подошёл ко мне, обнял, прижал к груди, погладил по волосам.

— Не вздумай себя винить.

Я всхлипнула.

— А кого тогда?

Кажется, он улыбался, и за это я ненавидела его еще больше. И любила — тоже. За то, что он смирился, давно уже смирился, а я не могу!

— Никого. Ты спросила, зачем. Не зачем, а почему, Энни. Потому что я люблю тебя.

Я вновь всхлипнула.

— Я тоже тебя люблю. Я тебя всю жизнь люблю, с детства. Никого больше, только тебя.

Берт замер, а потом спросил удивлённым, но очень радостным голосом:

— Правда?

— Нет, я вру! — возмутилась я, и он засмеялся.

— Энни...

Я запрокинула голову и в следующую секунду задохнулась от счастья, чувствуя, как он целует меня, осторожно лаская ладонями щёки и шею, как тяжелеет его дыхание — и сама прижалась еще крепче, обнимая и отвечая на поцелуй.

— Обещай мне кое-что, — попросил Берт через минуту, когда я уже начала чувствовать, что скоро растаю от нежности.

— Что со мной ничего не случится? — пробурчала я. Он фыркнул, вновь коснулся моих губ своими и прошептал прямо в них:

— Нет. Что ты не будешь пытаться пробить лбом стену, стараясь вернуть мне резерв.

Я нахмурилась. Как я могу обещать такое? Да, я помню, что сказала Ив Иша, но...

— Берт...

— Главное для меня — чтобы ты была рядом, — сказал он тихо, сжимая ладони на моей талии — будто боялся, что я убегу. — Тогда я буду счастлив. И с таким резервом в том числе. Но я не хочу, чтобы ты была несчастна, чтобы ты мучилась виной, пытаясь вернуть то, что мне не нужно.

— Ну как — не нужно...

— Мне нужна ты, — повторил Берт и вновь поцеловал меня. — Ты будешь со мной, Энни?

Я вздохнула, ощущая себя неприлично, до ужаса счастливой.

— Да.

— А когда примут закон...

— Да!

Берт улыбнулся и изо всех сил прижал меня к себе. Краем глаза я заметила, как

вышагивает по дивану Эклер — котёнок менял цвет каждую секунду — красный, оранжевый, розовый, жёлтый, зелёный, белый, лиловый... Кажется, он никак не мог определиться.

Я же чувствовала себя прозрачной, невесомой от счастья, маленькой девочкой, которой подарили мечту...

Я наконец-то была дома.